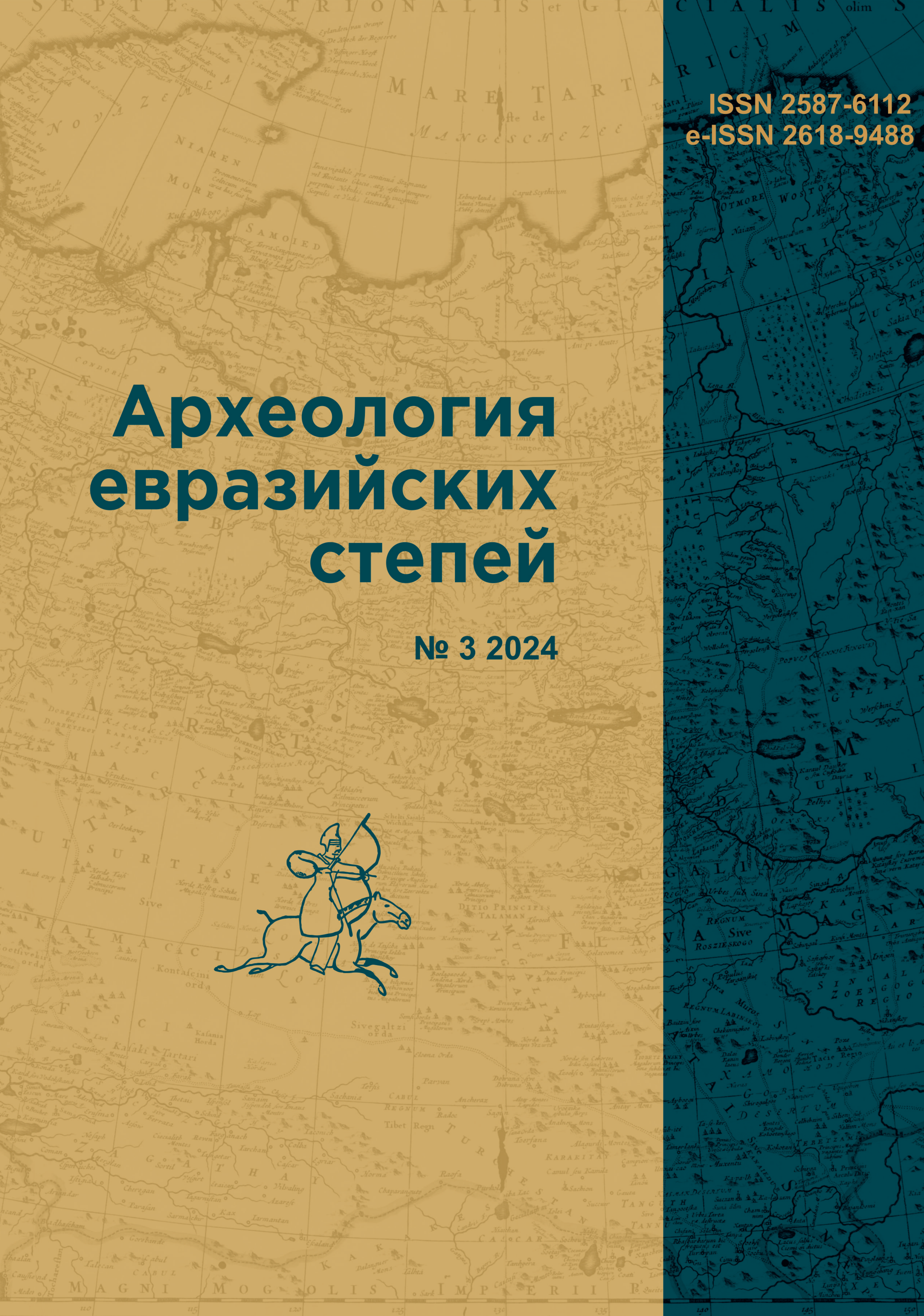

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488
Археология
евразийских
степей
№ 3 2024

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 3 2024

Журнал основан в мае 2017 г.
Федеральная служба по наздору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Реестровая запись от 28 августа 2020 г. серия ПИ № ФС77–79080
Адрес редакции, издателя:
420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Учредитель: ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 3 2024

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

10
Институт археологии АН РТ

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*

Поволжье и Урал

Центральная, Южная Россия и Кавказ

---

* *Материалы Юбилейной X научной конференции "Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве", посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова.*

Сибирь и Дальний Восток

Центральная Азия

CONTENT

The Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space

Volga Region and the Urals

Central, Southern Russia and the Caucasus

Siberia and the Far East

Central Asia

Поволжье и Урал

УДК 004.94+726.825.2; 7.04; 930.271 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.8.13

ОПЫТ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ КАСИМОВСКИХ МУСУЛЬМАНСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАДГРОБИЙ

©2024 г. В.В. Агеев, М.Д. Дынин

В статье описывается первый опыт изучения касимовских мусульманских памятников с помощью трехмерных моделей. Для исследования были выбраны надгробия XVI–XVII вв. из мавзолеев Шах-Али-хана и Афган-Мухаммед-султана. Цифровое документирование памятников производилось по стандартам, разработанным лабораторией RSSDA. На полевом этапе проводилась съемка с помощью фотокамеры. Из полученных снимков создавались модели с возможностью применения различных алгоритмов для улучшения их чтения. В результате удалось сохранить эти памятники в цифровом виде и виртуально реконструировать некоторые из них, проверить и скорректировать предшествующих исследователей. Было отмечено плохое физическое состояние памятников. С помощью математической визуализации поверхности удалось частично восстановить текст эпитафии, ранее недоступной для чтения.

Ключевые слова: археология, цифровые гуманитарные науки, касимовские татары, восточная эпиграфика, культурное наследие народов России, позднее средневековье.

EXPERIENCE OF 3D-MODELING IN THE STUDY OF MUSLIM MEDIEVAL GRAVESTONES IN KASIMOV

V.V. Ageev, M.D. Dynin

The article presents the first experience of studying the Muslim monuments in Kasimov with the help of three-dimensional computer graphics. The gravestones of the XVI–XVII centuries from the mausoleums of Shahghali Khan and Afghan-Muhammad Sultan were chosen for the study. Digital documentation of the sites was done according to the standards developed by RSSDA laboratory. At the field phase, photography was carried out using a camera. Models were created from the captured images with the possibility of applying different algorithms to improve their reading. As a result, it was possible to digitally preserve these monuments and virtually reconstruct some of them, verifying and correcting previous researchers. The poor physical condition of the sites was noted. It was possible to reconstruct partially the text of the epitaph, previously difficult for reading, with the help of mathematical surface visualization.

Keywords: archaeology, digital humanities, Kasimov Tatars, oriental epigraphy, cultural heritage of the peoples of Russia, late Middle Ages

Касимовские мусульманские средневековые надгробия принято относить к надгробным памятникам Среднего Поволжья XVI–XVII вв. (Әхмәтҗанов, 2011, с. 10–13, 16, 19–37, 178–179, 181–186; Мухаметшин, 2008, с. 45–46, 51–52, 53 и др.; Юсупов, 1960, с. 5), генетически связанных с более ранними булгарскими памятниками периода Золотой Орды (Мухаметшин, 2008, с. 20–56; Юсупов, 1960, с. 146–147, 157–159, 161, 164–165 и др.). На эту связь указывали также П.С. Паллас (Паллас, 1773, с. 192) и В.В. Вельяминов-Зернов (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 547–558). Последний отмечал, что приводимое изречение на надгробиях в мавзолее Шах-Али-хана, приписываемое пророку Мухаммеду, содержится в надписи вокруг дверного проема мавзолея Джанике-ханым (дочери Тохтамыша) в Крыму и на надгробии 1696/7 г. у с. Большие Нырси в Татарстане (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 545). Однако не все средневековые мусульманские памятники Касимова связаны со Средним Поволжьем. 4 надгробия из мавзолея Афган-Мухаммед-султана сходны с памятниками типа саркофаг, экспонируемыми в лапидарии исторического музея «Ичери-шехер» в Баку, и мемориального комплекса Мухаммед Садика в пос. Лангар возле Шахрисабза в Узбекистане. Таким образом, большинство касимовских мусульман-

ских средневековых надгробий является отражением культурных традиций Золотой Орды в Касимовском Поочье.

В рамках проекта по созданию базы данных «Касимовский мусульманский некрополь» 14–17 октября 2022 г. сотрудниками лаборатории RSSDA была произведена фотосъемка надгробных памятников в Касимове для создания трехмерных моделей фотограмметрическим способом[1]. Выбор метода был обусловлен задачами, поставленными в рамках проекта: а) создание цифровых образов касимовских надгробий в условиях продолжающегося разрушения памятников; б) прочтение надписей на надгробиях и изучение их носителей; в) виртуальная сборка надгробий, большая часть которых на данный момент фрагментирована; г) публикация и онлайн-презентация памятников.

В мавзолее Шах-Али-хана было задокументировано 29 имеющих текст или/и орнамент фрагментов от надгробий второй половины XVI в., 1 надгробие, датирующееся не ранее начала XVII в., а также плита с надписью над входом. В мавзолее Афган-Мухаммед-султана задокументировано 2 целых памятника и 2 фрагмента от одного надгробия середины XVII в., а также плита над входом, имеющая надпись. Помимо этого, были задокументированы 2 фрагмента от разных надгробий XVII в., хранящиеся на момент фиксации в мавзолее Афган-Мухаммед-султана и перенесенные туда со Старопосадского кладбища, а также 2 надгробия конца XVIII — середины XIX вв. на городском мусульманском кладбище.

Документирование памятников культурного наследия методами трехмерного моделирования и применение различных алгоритмов математической визуализации поверхности модели для их изучения широко распространились в последнее десятилетие как в зарубежной науке (Epigraphy in the Digital Age…, 2021), так и в российской (Археология и геоинформатика…, 2023). Проекты цифрового документирования были реализованы в последние годы и в рамках исследований татарских надгробий (Сайфутдинова, Вафина, 2018; Гайнуллин, Абдуллин, Касимов, Гайнутдинов, Хамидуллин, Багаутдинова, 2023; Археология и геоинформатика…, 2023, с. 54–55).

Данный проект в методологическом отношении является продолжением ряда проектов цифрового документирования, осуществленных лабораторией RSSDA, и опирается на методику сбора и обработки данных, разработанных лабораторией для документирования памятников эпиграфики (Авдеев, Свойский, 2019). Съемка производилась с помощью фотокамеры Sony A7RII с полнокадровой матрицей (42 Мп), оснащенной объективом Sony FE 50mm f/2.5 G. Равномерность освещения всех участков объекта обеспечивалась за счет накамерного кольцевого осветителя. Съемка выполнялась с расстояния 40–60 см. Во всех случаях, когда это было возможно, съемка выполнялась по замкнутой схеме расположения камер. Помимо общего принципа необходимости максимальной полноты документирования объекта, в случае с касимовскими надгробиями было важно получить замкнутую модель из-за наличия на многих фрагментах надписей с четырех сторон, а также для дальнейшей сборки фрагментов. Стенные плиты, массивные саркофаги и фрагменты надгробий, вмонтированные в постаменты, были отсняты по незамкнутой схеме расположения камер. Расположенные на высоте 3–4 м от земли надписи над входами в мавзолеи документировались камерой, закрепленной на геодезической вехе и управляемой дистанционно. В среднем на каждый объект было сделано 500–800 фотографий, в особо сложных случаях это количество доходило до 1200.

В результате моделирования были получены мастер-модели полной детальности, которые ввиду своего размера (200–600 млн полигонов в среднем, до 1,2 млрд полигонов для особо крупных объектов) требуют уменьшения, чтобы их можно было открыть даже на мощном компьютере. Поэтому на их основе был сформирован набор моделей для исследовательских и презентационных целей: модели размером 70–80 млн полигонов (средний размер ребра полигона — от 0,06 до 0,28 мм; плотность — от 3 до 65 тыс. полигонов на см^2), которые послужили основой для создания растровых рендеров (рис. 1) и применения алгоритмов математической визуализации поверхности, и модели размером 50 млн полигонов, которые были преобразованы в веб-версии для облегченного доступа исследователей и презентации в сети.

При работе с текстами надписей использовался встроенный инструмент визуализации

Рис. 1. Надгробие Афган-Мухаммед-султана. Мавзолей Афган-Мухаммед-султана, Касимов. Трехмерная полигональная модель VE1265 с текстурой и без текстуры.
Fig. 1. Gravestone of Afghan-Muhammad Sultan. Mausoleum of Afghan-Muhammad Sultan, Kasimov. 3D polygonal model VE1265 with texture and without texture.

поверхности модели искусственными тенями. Для надписей, чтение которых затруднительно ввиду их плохой сохранности, были применены матрицы высот — алгоритм визуализации поверхности модели, который подразумевает присвоение поверхности условного цвета в зависимости от особенностей ее геометрии (рис. 2). Различные цветовые схемы матриц высот основаны на относительной высоте, угле или направлении наклона каждого участка поверхности.

В ходе работы с трехмерными моделями удалось соотнести между собой фрагменты надгробий и провести виртуальную сборку некоторых из них (рис. 3). На данный момент удалось воссоединить фрагменты 6 надгробий. Для точности сборки лицевая поверхность каждого фрагмента вписывалась в условную плоскость и затем выравнивалась по ней. При этом, для готовых сборок в качестве контрольной процедуры применялись матрицы высот, что позволяло выявить и исправить неровно соединенные участки.

Полевое документирование и последующая работа с цифровыми образами позволили осветить целый ряд вопросов. Установлено,

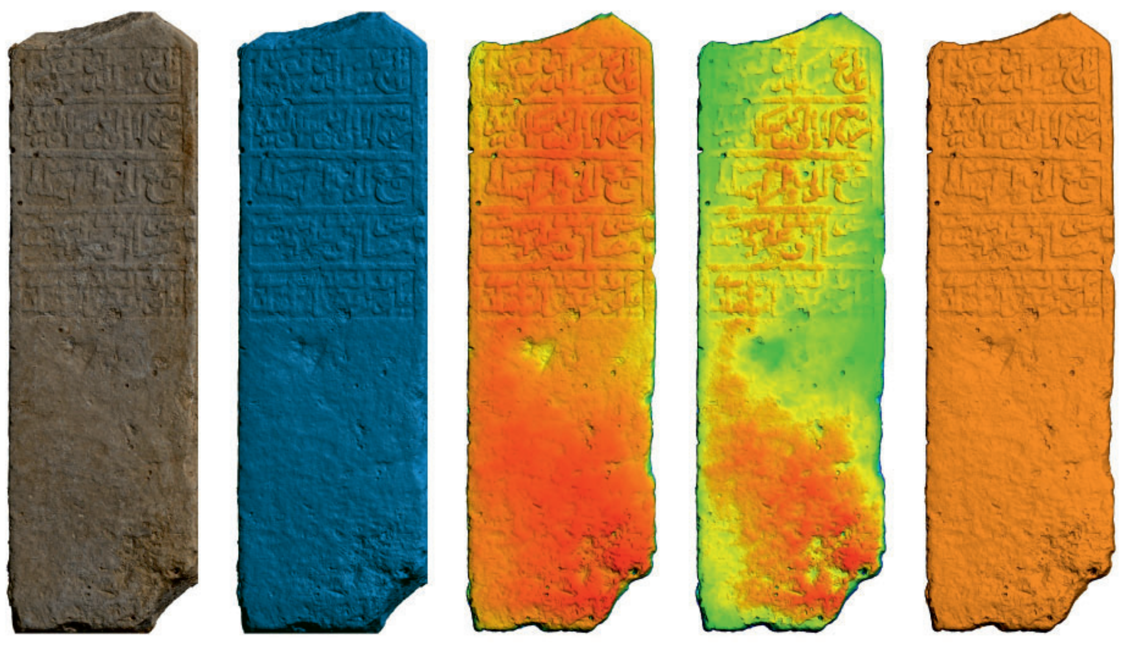

Рис. 2. Надгробие. Мавзолей Шах-Али-хана, Касимов. Матрица высот, построенная на основе трехмерной полигональной модели VE1242.
Fig. 2. Gravestone. Mausoleum of Shahghali Khan, Kasimov. Elevation map based on the 3D polygonal model VE1242.

Рис. 3. Надгробие Шах-Али-хана. Мавзолей Шах-Али-хана, Касимов.
Трехмерная полигональная модель VE1374 с текстурой и без текстуры.
Fig. 3. Gravestone of Shahghali Khan. Mausoleum of Khan Shahghali, Kasimov.
3D polygonal model VE1374 with texture and without texture.

что с момента посещения Касимова в 1863 г. В.В. Вельяминовым-Зерновым (Вельяминов-Зернов, 1864, с. I–XVI) в мавзолее Шах-Али-хана произошли изменения, отмеченные Р.А. Бултачеевым в 2003 г. (Акимов, 2004, с. 155–165). Так, не был обнаружен фрагмент надгробия Маг-султан. Надгробия Шах-Али-хана (рис. 3), Абдуллы-султана и Буляк-Шад были расколоты на 3 части, а не на две, как у В.В. Вельяминова-Зернова; один фрагмент от последнего находился в подвальном помещении. Нами было выявлено также одно надгробие, не учтенное В.В. Вельяминовым-Зерновым, но исследованное Р.А. Бултачеевым (рис. 2) (Акимов, 2004, с. 157–158). Происхождение этого памятника еще предстоит установить. В мавзолее Афган-Мухаммед-султана сохранилось 3 памятника (Афган-Мухаммед-султана, Тюге-султана и Ай-ханым) из 4 обнаруженных в ходе раскопок в мавзолее в 1880-е гг. (рис. 1) (Селиванов, 1888; Отчет о деятельности…, 1888, с. 194). Однако они имеют множество сколов, один памятник (Тюге-султана) расколот на 2 части, в ряде случаев тексты эпитафий, которые были зафиксированы с помощью фотографии и эстампажа в 1880-е гг. (Дело Императорской Археологической комиссии…, 1886, л. 45, 74–79), практически полностью сбиты. Плохое физическое состояние надгробий в мавзолее Афган-Мухаммед-султана отмечал М.И. Ахметзянов (Әхмәтҗанов, 2011, с. 31–34, 184–186).

При сверке опубликованных В.В. Вельяминовым-Зерновым снимков (Вельяминов-Зернов, 1863, табл. III–IV; Вельяминов-Зернов, 1864, табл. II) и наших 3D-моделей выявлены различия между ними (например, разное расположение слов и букв в 3-й строчки лицевой стороны надгробия Шах-Али-хана (рис. 3)). С помощью математической визуализации поверхности надгробия в мавзолее Шах-Али-хана, выявленного после В.В. Вельяминова-Зернова, удалось частично восстановить текст эпитафии, который не смог разобрать Р.А. Бултачеев (рис. 2) (Акимов, 2004, с. 157–158). Благодарю этому надгробие было отнесено нами ко времени, не ранее начала XVII в. Был также детально зафиксирован растительный и геометрический орнамент надгробных памятников в мавзолее Афган-Мухаммед-султана, ранее практически никем не изученный.

Таким образом, в ходе наших работ впервые создаются цифровые образы сохранившихся касимовских мусульманских надгробий XVI–XVII вв. Сейчас это особенно актуально, когда эти исторически значимые памятники продолжают разрушаться. 3D-модели позволяют уточнить наши представления о памятниках из более ранних исследований. При этом было установлено, что фиксация надписей, произведенная в 1860-е гг. Х. Фаизхановым и В.В. Вельяминовым-Зерновым, в целом, выполнена достаточно точно. Имеющийся к настоящему времени материал (3D-модели, опубликованные и неопубликованные тексты эпитафий) создает базу для новой уточненной публикации этих памятников, работа над которой уже ведется.

Благодарности:

Авторы выражают благодарность Ф.Ф. Назипову (Казань) за помощь в прочтении текста.

Примечание:

[1] В съемке участвовали: М.Д. Дынин, М.Б. Бодрова, А.П. Гирич, Д.В. Тронин. Организационную поддержку осуществил М.А. Кураев, финансовую — А.А. Брундуков. Посильную помощь в работах оказал О.В. Милованов. Авторы также выражают благодарность Ю.М. Свойскому, Е.В. Романенко и Ю.А. Мироновой за помощь при организации полевых работ и обработке данных.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев А.Г., Свойский Ю.М. Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках Свода русских надписей (CIR) // Вопросы эпиграфики. Вып. X / Отв. ред. А.Г. Авдеев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. С. 229–260.

Акимов В.В. Касимовские татары. М.: Вече, 2004. 192 с.

Археология и геоинформатика. Шестая международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2023. 88 с.

Әхмәтҗанов М.И. XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре. Казан, 2011. 260 б.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб.: В тип. Имп. Академии наук. Часть первая. (с четырьмя таблицами). 1863. XIII, 558 с.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: в типографии Императорской Академии Наук, 1864. [6], XVI, 498 с., 2 л. ил.

Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В., Гайнутдинов А.М., Хамидуллин С.М., Багаутдинова Л.Н. Документирование булгаро-татарских эпиграфических памятников современными методами // Восток (Orients). 2023. № 6. С. 29–41.

Дело Императорской Археологической комиссии о сношениях с Археологическим институтом и Губернскими архивными комиссиями, к установлению единства действий в делах исследования памятников древности // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1886. № 43.

Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Археология евразийских степей. Вып. 6. Казань: ИА АН РТ, 2008. 132 с.

Отчет о деятельности Рязанской Ученой Архивной Комиссии за 1887 г. // Труды РУАК за 1887 год. Т. II. Вып. 8. Рязань, 1888. С. 192–198.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. 1. СПб: Имп. Акад. наук, 1773. 773 с.

Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х. Трёхмерное представление намогильных камней и территории кладбища Биш-Балта // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее): материалы Международного форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 г. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. С. 199–203.

Селиванов А.В. Раскопки в г. Касимове в 1886 г. // Труды РУАК за 1887 год. Т. II. Вып. 2. Рязань, 1888. С. 28–30.

Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: АН СССР, 1960. 322 с.

Epigraphy in the Digital Age. Opportunities and Challenges in the Recording, Analysis and Dissemination of Inscriptions / ed. by I.V. Soriano and D.E. Espinosa. Oxford: Archaeopress, 2021. 239 pp.

Информация об авторах:

Агеев Вадим Вячеславович, научный сотрудник, Научно-производственный центр «Рязанская археологическая экспедиция» (г. Рязань, Россия), vadi-agee@yandex.ru

Дынин Михаил Даниилович, сотрудник, Лаборатория RSSDA (г. Москва, Россия); стажер-исследователь, Институт цифровых гуманитарных инициатив Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия), mdynin7@gmail.com

REFERENCES

Avdeev, A.G., Svoyskiy, Yu. M. 2019. In Avdeev, A.G. (ed*.). Voprosy epigrafiki (Issues of Epigraphy)* X. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 229–260 (in Russian).

Akimov, V. V. 2004. *Kasimovskie tatary (The Kasimov Tatars).* Moscow: “Veche” Publ. (in Russian).

Korobov, D. S. (ed.). 2023. *Arkheologiya i geoinformatika. Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya (Archaeology And Geoinformatics Sixth International Conference).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Akhmetzyanov, M. I. 2011. *XVII–XVIII gasyr tatar tashbilgelәre (Tatar stone sculptures of the XVI–XVIII centuries).* Kazan (in Tatar).

Velyaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study on Qasim Tsars and Princes)* I. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Velyaminov-Zernov, V. V. 1864. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study on Qasim Tsars and Princes)* II. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Gaynullin, I. I., Abdullin, Kh. M., Kasimov, A. V., Gaynutdinov, A. M., Khamidullin, S. M., Bagautdinova, L. N. 2023. In *Vostok (Orients)* 6, 29–41 (in Russian).

1886. *Delo Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii o snosheniyakh s Arkheologicheskim institutom i Gubernskimi arkhivnymi komissiyami, k ustanovleniyu edinstva deystviy v delakh issledovaniya pamyatnikov drevnosti*

(The case of the Imperial Archaeological Commission on relations with the Archaeological Institute and the Provincial Archival Commissions, to establish unity of action in the study of ancient monuments). Manuscript Archive of Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 43 (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 2008. *Tatarskie epigraficheskie pamiatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty (Tatar epigraphic sites. Regional feature*s and ethnic-cultural versions). Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 6. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

In 1888. *Trudy Ryazanskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission)* II (8). Ryazan, 192–198 (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire).* Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Sayfutdinova, G. M., Vafina, G. Kh. 2018. In *Virtual'naia arkheologiia (effektivnost' metodov) (Virtual Archaeology (Method Efficiency))*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 199–203 (in Russian).

Selivanov, A. V. 1888. In *Trudy Ryazanskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission)* II (2). Ryazan, 28–30 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku (Introduction to the Bolgar-Tatar Epigraphy).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Soriano, I. V., Espinosa, D. E. (eds.). 2021. *Epigraphy in the Digital Age. Opportunities and Challenges in the Recording, Analysis and Dissemination of Inscriptions*. Oxford: Archaeopress.

About the Authors:

Ageev Vadim V., Scientific and Production Center "Ryazan Archaeological Expedition". Esenin., str., 29, office 2/1, Ryazan, 390023, Russian Federation; vadi-agee@yandex.ru

Dynin Mikhail D. RSSDA Laboratory. Moscow, Russian Federation; HSE University. Pokrovsky boulevard, 11, Moscow, 109028, Russian Federation; mdynin7@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 94(47).031:737.11 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.14.20

О ПОСЕРЕБРЕННЫХ И ПОЗОЛОЧЕННЫХ ПОДРАЖАНИЯХ ДЖУЧИДСКИМ МОНЕТАМ ТИПА «ДВУГЛАВАЯ ПТИЦА» ИЗ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

© 2024 г. И.Е. Алексеев

В статье приводятся данные о подражаниях медным джучидским монетам XIV в. общегосударственного «новосарайского» образца с изображением «двуглавой птицы» («двуглавого орла»), имеющих признаки серебрения и золочения. Автором установлено, что таковые не являются уникальными (их выпуск имел серийный характер). Выдвигаются и анализируются гипотезы о причинах появления, способах изготовления, возможном предназначении и регионе чеканки посеребренных и позолоченных подражаний медным джучидским монетам. Наиболее обоснованными признаются предположения о том, что при их производстве использовалось металлическое сырье, представляющее собой медные изделия с серебряным и золотым покрытием (посуда, накладки и т.д.). Подобная практика могла быть обусловлена нехваткой обычного медного сырья. Рассмотренные нумизматические памятники, вероятно, чеканились в бывших Булгарских землях в составе Государства Джучидов («Булгарском улусе» или «Булгарском вилайяте») и предназначались для локального обращения.

Ключевые слова: археология, нумизматика, Государство Джучидов (Золотая Орда), Булгарские земли, медные монеты XIV в., тип монет с изображением «двуглавой птицы», подражания, серебрение, золочение, Татарстан, Башкортостан, Кировская область.

SILVERED AND GILDED IMITATIONS OF "DOUBLE-HEADED BIRD" TYPE JOCHID COINS FROM THE MIDDLE VOLGA REGION AND THE SOUTHERN CIS-URALS

I.E. Alekseev

The article deals with the imitations of copper Jochid coins of the XIV century that have signs of silvering and gilding, imitating coins of the state «New Sarai» type with the image of a «double-headed bird» («double-headed eagle»). The author has established that they are not unique (their issue was serial). Hypotheses about the reasons for the appearance, methods of production, possible purpose and region of minting of silvered and gilded imitations of Jochid copper coins are put forward and analyzed.The most reasonable assumptions are that metal raw materials were used in their production, which were copper products coated with silver and gold (ware, plates, etc.). This practice could be due to a shortage of ordinary copper raw materials. The considered numismatic monuments were probably minted in the former Bolgar lands within the Jochid State («Ulus of Bolgar » or « Vilayat of Bolgar ») and were intended for local circulation.

Keywords: archaeology, numismatics, State of the Jochids (Golden Horde), Bolgar lands, copper coins of the XIV century, type of coins with the image of a «double-headed bird», imitations, silvering, gilding, Tatarstan, Bashkortostan, Kirov region.

Среди обширного и по большей части еще не изученного массива медных джучидских монет («пулов») общегосударственного «новосарайского» образца с изображением «двуглавой птицы» («двуглавого орла»), предположительных и действительных подражаний им, выделяются нумизматические памятники (н.п.), имеющие признаки серебрения и золочения.

Большинство монет типа «двуглавая птица» не датированы и содержит легенду / ضرب سرا ى / الجد يد ا و ن / ا لتي / د ا نك («чекан Сарая ал-Джадид, шестнадцать – данк»). Известно множество разновидностей этого типа монет и подражаний им, отличающихся размерами букв в легенде (с пропусками и искажениями, а также с разным написанием слов), размером и качеством изображения «двуглавой птицы».

Известны также два редкие подтипа с обозначением 743 г.х. (1342/1343) и легендой ضرب / سرا ى / الجد يد / سنة ٣٤٧ («чекан Сарая ал-Джадид, год 743»), один из которых –

собственно «новосарайский» (Федоров-Давыдов, 2003, с. 175, таб. V, 70, 71), а другой – заметно отличающийся по «дизайну» от всех остальных – предположительно чеканился в Крыму (Савоста, 2013, с. 23).

Весьма распространен (в том числе в Среднем Поволжье и Южном Предуралье) подтип, датированный 744 г.х. (1343/1344), также предположительно крымского чекана со стилизованным изображением «двуглавой птицы» (т.н. «пчелки») (Савоста, 2013, с. 24), но он не может быть отнесен к общегосударственным эмиссиям из-за разницы в весе, «нестандартного» монетного дизайна и содержания легенды.

Принято считать при этом, что джучидские монеты типа «двуглавая птица» и подражания им в основной своей массе чеканились в период правления хана Джанибека (741 – 758 гг.х. / 1341 – 1357).

Нами также выявлена монета с близким к общегосударственному «новосарайскому» образцу дизайном «двуглавой птицы» (вес: 1,52 г; диаметр: 16×16 мм; место находки – предположительно Нижнее Поволжье) (рис. 3: 29 – снимок, 30 – прорисовка). Однако в силу неоднозначности изображения на стороне, обычно содержащей легенду, определенно отнести ее к отдельному типу (подтипу) или к подражаниям в настоящее время не представляется возможным. Не исключено также, что данная монета (тип монет) может быть иностранного (возможно, малоазиатского) происхождения.

Массовое распространение монет с изображением «двуглавой птицы», имеющих множество подтипов, и подражаний им (как и монет предыдущего общегосударственного образца – с изображением «льва и солнца»), по нашему мнению, во многом объясняется тем, что их чеканили на разных монетных дворах по общим заданным параметрам.

При этом образцы исследованных нами монет, имеющих признаки серебрения или золочения, как правило, отличаются изобразительным сходством и общим способом изготовления (в первую очередь особенностями изготовления монетных заготовок), что позволяет выдвинуть гипотезы о причинах их появления и предположительном регионе выпуска.

Всего нами было изучено около 1,5 тысяч экземпляров (экз.) медных джучидских монет

Рис. 1. Подражания медным джучидским монетам типа «двуглавая птица», имеющие признаки серебрения и золочения: 1–10 (1, 3, 5, 7, 9 – снимки; 2, 4, 6, 8, 10 – прорисовки) (см. *таб. 1*).

Fig. 1. Imitations of Jochid copper coins of the “double-headed bird” type, having signs of silvering and gilding: 1–10 (1, 3, 5, 7, 9 – photographs; 2, 4, 6, 8, 10 – drawings) (see *table 1*).

XIV – начала XV вв., найденных в 2010-е – начале 2020-х гг. в разных районах Татарстана, Башкортостана и Кировской области, которые в настоящее время находятся в частных коллекциях и частных музеях. Среди таковых была выявлена 21 монета с признаками серебрения и золочения, а также 8 монет одноштемпельных таковым, но не имеющих означенных признаков. При этом, с учетом по преимуществу неудовлетворительного состояния большинства монет, следует предположить, что еще на многих монетах таковые признаки были утрачены.

Характерно, что, за исключением всего одной посеребренной монеты (относящейся к предположительно булгарскому типу «тамга в треугольнике») (вес: 0,56 г /корродирована/; диаметр: 15×16 мм; найдена в окрестностях с. Базитамак Илишевского района Башкортостана) (рис. 3: 27 – снимок, 28 – прорисовка),

Рис. 2. Подражания медным джучидским монетам типа «двуглавая птица», имеющие признаки серебрения и золочения: 11–20 (11, 13, 15, 17, 18, 19 – снимки; 12, 14, 16, 20 – прорисовки) (см. *таб. 1*).

все посеребренные и позолоченные монеты относятся к типу «двуглавая птица». Тип еще одной медной монеты, имеющей признаки золочения, идентифицировать не удалось.

Несмотря на то, что провести химический анализ покрытия всех монет на предмет присутствия драгоценных металлов не представляется возможным, имеется целый ряд признаков – в первую очередь, цвет и коррозионная стойкость, благодаря которым нумизматы определяют, что таковые являются посеребренными или позолоченными.

На всех изученных посеребренных и позолоченных монетах, вследствие коррозии (прежде всего, медной основы), вызванной долгим нахождением в земле или воде, а также нагревания (при пожарах), слой драгоценного металла сохранился лишь частично (в разной степени). Причем, цвет серебряного покрытия, как правило, имеет грязно-белый оттенок, а золотого – желтовато-зеленоватый. Иногда, в силу фрагментарности и окисления металлов, данные «наслоения» практически не различимы.

При этом нельзя однозначно утверждать, что на одноштемпельных им монетах ранее не присутствовало серебрение или золочение, так как зачастую вследствие коррозии целиком «облетает» весь верхний слой (особенно, если он тонкий или поврежденный). Признаком того, что таковой ранее все же наличествовал на н.п., условно может служить некоторая «нехарактерная» шероховатость поля монеты.

Нами была произведена прорисовка штемпельных оттисков (легенд и рисунков) лицевых и оборотных сторон (л.с. и о.с.) монет – в той мере, насколько это позволило их состояние. Часть прорисовок дополнена за счет сличения с одноштемпельными экз., на которых также присутствует покрытие из драгоценных металлов, либо таковое не визуализируется.

При этом выяснилось, что легенды, размещенные на всех изученных н.п., имеют подражательный характер, в разной степени искажающий «стандартную» легенду. Возможно, в ряде случаев, легенды носят оригинальный характер. Например, на некоторых можно выявить фрагменты, напоминающие слово «Аллах» (рис. 1: 7, 8; рис. 2: 11, 12; рис. 3: 23, 24), но прочтение предположительно оригинальных легенд в настоящее время в силу фрагментарности штемпельных рисунков (оттисков) представляется крайне затруднительным.

Специалистам по джучидской (золотоордынской) нумизматике хорошо известны подражания, имеющие признаки серебрения и золочения, что фиксируется, в том числе, на специальных форумах (Позолоченные золотоордынские пулы // RASMIR). Таким образом, данные н.п. не являются уникальными: их выпуск имел серийный, а не «случайный» характер, что подтверждают выявленные одноштемпельные экземпляры, как с покрытием из драгоценным металлов, так и без такового.

В силу большого «хаотичного» разнообразия штемпельных рисунков (оттисков), заметно отличающихся уровнем проработки легенды и степенью стилизации изображения «двуглавой птицы», выявить какой-либо общий классификационный признак невозможно.

На одних монетах легенды проработаны в достаточной мере и частично воспроизводят

Таблица 1. Основные характеристики выявленных подражаний медным джучидским монетам XIV в. общегосударственного «новосарайского» образца с изображением «двуглавой птицы» («двуглавого орла»), имеющих признаки серебрения и золочения.
Table 1. The main characteristics of the identified imitations of Jochid copper coins of the XIV century of the state «New Sarai» type with the image of a «double-headed bird» («double-headed eagle») that have signs of silvering and gilding.

№№ п/п	Вес (г) и диаметр (мм)	Наличие признаков серебрения или золочения	Место находки (регион, район)
1. (рис. 1: 1 – снимок, 2 – прорисовка)	1,24; 16×16	золочение	Башкортостан (Илишевский район, окрестности с. Базитамак)
2. (рис. 1: 3 – снимок, 4 – прорисовка)	0,74; 14×15	золочение	Татарстан (район не установлен)
3. (рис. 1: 5 – снимок, 6 – прорисовка)	1,26; 15×16	золочение	Татарстан (район не установлен)
4. (рис. 1: 7 – снимок, 8 – прорисовка)	0,29 (сильно истончена); 13×14	серебрение	Татарстан (район не установлен)
5. (рис. 1: 9 – снимок, 10 – прорисовка)	0,77 (истончена); 14×15	золочение	Татарстан (Лаишевский район, окрестности с. Дятлово)
6. (рис. 2: 11 – снимок, 12 – прорисовка)	0,87; 14×15	золочение (?)	Татарстан (район не установлен)
7. (рис. 2: 13 – снимок, 14 – прорисовка)	1,20; 15×16	серебрение	Татарстан (Лаишевский район, окрестности с. Дятлово)
8. (рис. 2: 15 – снимок, 16 – прорисовка)	0,87; 16×16	серебрение (?)	Татарстан (Алексеевский район)
9. (рис. 2: 17 – снимок)	0,95 (пробита); 15×17	серебрение (?)	Татарстан (район не установлен)
10. (рис. 2: 18 – снимок)	0,77; 15×16	золочение (?)	Татарстан (район не установлен)
11. (рис. 2: 19 – снимок, 20 – прорисовка)	0,90; 15×15	золочение	Татарстан (район не установлен)
12. (рис. 3: 21 – снимок, 22 – прорисовка)	0,64; 15×16	золочение	Татарстан (район не установлен)
13. (рис. 3: 23 – снимок, 24 – прорисовка)	0,98; 14×15	золочение	Башкортостан (Илишевский район, окрестности с. Базитамак)
14. (рис. 3: 25 – снимок)	0,61 (истончена); 15×15	золочение (?)	Татарстан (Тетюшский район, окрестности сел Большие и Малые Атряси)
15. (рис. 3: 26 – снимок)	0,64 (истончена); 15×16	золочение	Татарстан (Тетюшский район, окрестности сел Большие и Малые Атряси)
16	0,54 (истончена); 14×14	золочение (?)	Кировская область (Нолинский район, окрестности с. Кырчаны)
17	0,61 (истончена); 13×14	серебрение	Башкортостан (Илишевский район, окрестности с. Базитамак)
18	0,62 (истончена); 13×14	серебрение	Кировская область (Нолинский район, окрестности с. Кырчаны)
19	0,84; 12×14	серебрение (?)	Татарстан (район не установлен)
20	1,01 (истончена); 15×15	серебрение	Башкортостан (Илишевский район, окрестности с. Базитамак)

Рис. 3. Подражания медным джучидским монетам типа «двуглавая птица», имеющие признаки серебрения и золочения: 21–26 (21, 23, 25, 26 – снимки; 22, 24 – прорисовки) (см. *таб. 1*). Монета булгарского типа «тамга в треугольнике» с признаками серебрения (0,56 г; 15х16 мм): 27 (снимок), 28 (прорисовка). Ранее не публиковавшаяся монета типа «двуглавая птица» (1,52 г; 16х16 мм): 29 (снимок), 30 (прорисовка).

Fig. 3. Imitations of Jochid copper coins of the "two-headed bird" type, having signs of silvering and gilding: 21–26 (21, 23, 25, 26 – photographs; 22, 24 – drawings) (see *table 1*). Coin of the Bulgarian type "tamga in a triangle" with signs of silvering (0.56 g; 15x16 mm): 27 (photograph), 28 (drawing). Previously unpublished coin of the "two-headed bird" type (1.52 g; 16x16 mm): 29 (photograph), 30 (drawing).

«стандартное» написание отдельных слов, изображения «двуглавой птицы» выполнены на уровне, позволяющем идентифицировать их как целостные образы с характерными для общепринятых изображений элементами (головы, крылья и хвост «птицы»).

На других монетах легенды произвольно-искаженные (возможно, в ряде случаев они имеют оригинальный характер, либо являются подражаниями легендам других типов монет), изображения «двуглавой птицы» стилизованы до уровня геометрического орнамента (с устойчиво повторяющимися элементами, условно обозначающими головы, крылья и хвост «птицы»).

В ряде статей содержатся общие описания и прорисовки штемпельных оттисков подражаний джучидским монетам типа «двуглавая птица», однако последние не отличаются точностью (Клоков, Лебедев, 2000, с. 70, 128: рис. 6–21П /1–19/, 129: рис. 7–21П /20–42/; Клоков, Лебедев, 2002, с. 101, 123: рис. 15–4П /1–21/, 124: рис. 16–4П /22–42/; Лебедев, Павленко, 2008, с. 430, 461: 27П/4П–1–11; Федоров-Давыдов, 2003, с. 176, таб. VI, 82, 83).

В качестве предполагаемых причин появления посеребренных и позолоченных подражаний джучидским монетам общегосударственного «новосарайского» образца с изображением «двуглавой птицы» целесообразно рассмотреть следующие.

Использование в качестве сырья (металлических заготовок) для чеканки монет посеребренных или позолоченных медных изделий (посуды, накладок на пояса, одежду и т.д.), пришедших в негодность, захваченных во время военных походов, полученных в составе дани или иными способами. Подобная практика вполне могла быть обусловлена нехваткой обычного медного сырья «на местах».

Необходимо упомянуть также о том, что предположение об использовании при чеканке джучидских монет и (или) подражаний им «листового сырья», произведенного из посеребренной или позолоченной медной посуды, ранее уже высказывалось на тематических нумизматических интернет-форумах (Позолоченные золотоордынские пулы // RASMIR).

Показательно, на наш взгляд, и то, что многие из выявленных монет, имеющих признаки серебрения и золочения (как и большинство подражаний в целом), отчеканены на заготовках, вырезанных из листового материала. На особенности изготовления подражаний джучидским монетам типа «двуглавая птица» указывали, в частности, В.Б. Клоков и В.П. Лебедев, отмечавшие, что: «Все экземпляры имеют форму неправильного многоугольника, то есть чеканены не по прутковой технологии, как пулы копируемого типа» (Клоков, Лебедев, 2002, с. 101).

Изготовление и использование выявленных посеребренных и позолоченных монет в качестве т.н. «денег чрезвычайных обстоятельств» (предположительно с принудительным курсом).

На это, помимо слоя драгоценных металлов, косвенно могут указывать существенные штемпельные различия и незначительное количество одноштемпельных монет (подражаний), что придает выявленным н.п. характер отдельных (самостоятельных) эмиссий.

Известны посеребренные медные подражания джучидским серебряным монетам – в частности выпускам того же хана Джанибека (часто именуемые «русскими»), которые, вероятно, необходимо рассматривать, прежде всего, как подделки, завезенные в Среднее Поволжье в очень незначительном количестве, и только гипотетически как «деньги чрезвычайных обстоятельств».

На фоне «непопулярности» медных подражаний «звонкой» монете с добротным серебрением массовый выпуск посеребренных, а, тем более, позолоченных, «пулов» широко известного типа «двуглавая птица» в качестве «денег чрезвычайных обстоятельств» представляется маловероятным.

Их использование в подобном качестве могло осуществляться в случае, если таковые были задействованы в расчетах (торговле и др.) с населением (племенами, племенными союзами или родами), абсолютно не знакомым с джучидскими деньгами, но это уводит наши рассуждения в область еще более фантастических догадок.

Посеребренные и позолоченные монеты являлись локальными подражательными выпусками отдельных племен, племенных союзов или родов и первоначально имели ограниченную территорию обращения, а со временем постепенно влились в общий денежный оборот.

В дальнейшем подобную функцию, возможно, выполняли т.н. «мордовки», среди которых встречаются, в том числе, и подражания «местным» позднеджучидским монетам XV в.

Но в случае с выпуском подражаний мелкой монете – чрезвычайно распространенным в то время «пулам» типа «двуглавая птица» – не находит внятного объяснение факт использования для их изготовления дорогостоящего материала с покрытием из драгоценных металлов, равно как возможный феномен их намеренного серебрения и золочения.

Изготовление и использование выявленных посеребренных и позолоченных монет в качестве т.н. «ритуальных денег» («ритуальных монет») – «культовых монетовидных знаков».

Таковые, наравне с настоящими деньгами (монетами), использовались у многих народов Поволжья в обрядах поклонения духам предков (жертвоприношениях), устраивавшихся в особых родовых святилищах – «киреметях» («кереметях»).

Однако, для подтверждения данного предположения требуются веские основания (в первую очередь, «привязанные» к святилищам многочисленные находки посеребренных и позолоченных монет или подражаний им), а о таковых нам ничего не известно.

Полагаем, что наиболее обоснованным является предположение о том, что при изготовлении выявленных монет использовалось металлическое сырье, представляющее собой медные изделия с серебряным и золотым покрытием (в первую очередь, распространенная в то время посеребренная и позолоченная посуда).

Причем, вероятно, чеканка монет производилась на заготовках, вырезанных из листового сырья, которое получалось как за счет механического выпрямления данных изделий, так и посредством их переплавки.

В пользу первого свидетельствуют монеты с равномерным покрытием медной основы, в пользу второго – монеты, изготовленные из сырья примесного характера, на которых драгоценный металл проступает фрагментарно в разных частях монетной заготовки, либо его слой распределен крайне неравномерно.

О том, что чеканка монет производилась на заготовках, вырезанных непосредственно из медных изделий с серебряным и золотым покрытием свидетельствуют также отдельные н.п., на которых заметны следы первоначальной чеканки (углубления разной конфигурации) и «швы» (рис. 1: 3 – снимок, 4 – прорисовка).

Территория находок выявленных монет, имеющих признаки серебрения и золочения, в совокупности с изобразительными особенностями штемпельных легенд и рисунков, вполне могут свидетельствовать в пользу того, что таковые (как и в целом – большинство схожих с ними подражаний монетам типа «двуглавая птица») чеканились в бывших Булгарских землях в составе Государства Джучидов («Булгарском улусе» или «Булгарском вилай-

яте») и предназначались для локального обращения.

Большая конкретизация (в том числе отнесение данных н.п. к продукции монетных дворов города Булгара) в настоящее время не представляется возможной.

Полагаем, что системное изучение (выявление, прорисовка, сличение штемпельных оттисков и т.д.) подражаний джучидским монетам XIV в., имеющих признаки серебрения и золочения, позволит расширить представления об организации монетного дела в Государстве Джучидов (Золотой Орде) и его «Булгарском улусе», а также пополнить знания о характерных для золотоордынской цивилизации знаках и символах.

ЛИТЕРАТУРА

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–147.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород: Информэлектро, 2002. С. 73–165.

Лебедев В.П., Павленко В.М. Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6 / Гл.ред. А.В.Евглевский Донецк: ДонНУ,2008. С. 415–486.

Савоста Р.Ю. Медные монеты Золотой Орды. Западная часть Улуса Джучи. Каталог. Луганск: Максим, 2013. 74 с.

Позолоченные золотоордынские пулы. RASMIR – Материальная культура Востока. Доступно по: URL: http://rasmir.com/FORUM/topic/22310-pozolochennye-zolotoordynskie-puly/ (дата обращения: 14.12.2023)

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Информация об авторе:

Алексеев Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, главный советник Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Главы (Раиса) Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (г. Казань, Россия); alekse-igor@yandex.ru

REFERENCES

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2000. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas)* III = *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 2. Moscow: "Informelektro" Publ., 56–147(in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas)* IV *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 3. Moscow: "Informelektro" Publ., 73–165 (in Russian).

Lebedev, V. P., Pavlenko, V. M. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). S*tepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. Donetsk: Donetsk National University, 415–486 (in Russian).

Savosta, R. Yu. 2013. *Mednye monety Zolotoy Ordy. Zapadnaya chast' Ulusa Dzhuchi. (Copper coins of the Golden Horde. Western part of the Ulus of Jochi. Catalogue)*. Lugansk: "Maksim" Publ (in Russian).

Pozolochennye zolotoordynskie puly. RASMIR – Material'naya kul'tura Vostoka (Gilded Golden Horde puls. RASMIR – Material culture of the East). Available at: URL: http://rasmir.com/FORUM/topic/22310-pozolochennye-zolotoordynskie-puly/ (accessed 14.12.2023) (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy* (*Coinage of the Golden Horde*). Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

About the Author:

Alekseev Igor E., Candidate of Historical Sciences. Administration of the Head (Rais) of the Republic of Tatarstan. Department of the Head (Rais) of the Republic of Tatarstan on internal policy. Kremlin, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; alekse-igor@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.02.2024 г.

УДК 902/904 (470.630) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.21.29

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДСКОГО КЛАДБИЩА МАДЖАРА ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ XVIII–XIX ВВ. И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

© 2024 г. В.А. Бабенко

В статье анализируются сведения по топографии городского кладбища города Маджара, содержащиеся в архивных материалах XVIII–XIX вв. и в материалах археологических раскопок 1907, 1909, 1989-1991 и 2020 гг. Несмотря на то, что на протяжении XIX–XX вв. городищу Маджары был нанесен большой ущерб, планы Маджара, составленные А. Голохвостовым в 1742 г., И.А. Гильденштедтом и К. Гейслером во второй половине XVIII в., позволяют выделить на левобережной части городища городской некрополь. Они также позволяют определить ориентиры на местности для локализации отдельных участков некрополя. Важным источником информации являются сведения А.П. Архипова о последних четырех мавзолеях на городище и их локализации. Высказанные Э.В. Ртвеладзе, Е.И. Нарожным и И.Б. Тищенко предположения о наличии на городище нескольких мусульманских кладбищ, пока не получили подтверждение. Накопленные материалы позволяют определить примерные границы городского кладбища и выделить отдельный кочевнический могильник. Городское кладбище Маджара нуждается в новых исследованиях.

Ключевые слова: археология, городище, город, Маджар, историческая топография, план местности, рисунок, мавзолеи, рельеф.

TOPOGRAPHY OF THE CEMETERY OF THE MAJAR SETTLEMENT BASED ON ARCHIVAL MATERIALS OF THE XVIII–XIX CENTURIES AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

V.A. Babenko

The paper analyzes information on the topography of the cemetery of Majar city, contained in archival materials of the XVIII–XIX centuries and in the materials of archaeological excavations in 1907, 1909, 1989-1991 and 2020. Despite the fact that during the XIX–XX centuries the Madjar ancient settlement was heavily damaged, its plan made by A. Golokhvostov in 1742, I.A. Gildenstedt and K. Geisler in the second half of the XVIII century, allow to identify the urban necropolis on the left-bank part of the settlement. They also make it possible to identify landmarks on the ground for localization of certain parts of the necropolis. An important source is A.P. Arkhipov's information about the last four mausoleums in the settlement and their localization. The assumptions made by E.V. Rtveladze, Ye.I. Narozhny and I.B. Tishchenko about the presence of several Muslim cemeteries in the settlement have not yet been confirmed. The available materials allow us to determine the approximate boundaries of the settlement's cemetery and identify a nomadic barrow. The cemetery of Majar settlement needs further research.

Keywords: archaeology, ancient settlement, Majar, historic topography, cartographic sources, visual sources, mausoleums, relief.

В последнее время внимание исследователей привлекает планировочная структура ряда золотоордынских городов Нижнего и Среднего Поволжья, Нижнего Подонья и Северного Кавказа (Блохин, 1999; Рудаков, 2007; Зиливинская, 2012; Глухов, 2015; Ильина, 2015; Кубанкин, 2015; Масловский, 2015; Иконников, Баишева, 2018; Пигарев, 2021). Исследователи выделяют на данных памятниках районы расположения могильников, как городских, так и пригородных.

В целом, для золотоордынских городов характерно наличие нескольких городских могильников. Вокруг Селитренного городища на расстоянии до 2 км расположены многочисленные мусульманские некрополи. Они занимают либо вершины, либо склоны бугров, направленных в сторону города (Рудаков, 2007, с. 10). На Царевском городище городские могильники располагаются на участках левого берега р. Ахтубы, разделенных балками. Они сформировались на месте

курганных могильников более древних эпох. Основная масса могильников сосредоточена к северу от основного массива развалин. Наряду с городским населением, их использовали кочевники (Глухов, 2015, с. 65). В Азаке участки с исследованными погребениями расположены по всему периметру городских кварталов (Масловский, 2015, с. 392). Вероятно, по окраинам города располагалось несколько кладбищ. На Увекском городище известно 4 мусульманских и 1 языческий могильники (Кубанкин, 2015, с. 244, рис. 1). В городе Мохши известен один могильник, расположенный к востоку от административного центра города, еще один могильник расположен к юго-западу от города (Иконников, Баишева, 2018, с. 85, 88). Возможно, на отмеченное количество могильников повлияли особенности рельефа в местах расположения данных памятников.

Золотоордынский город Маджар локализуется на городище Маджары в Буденновском муниципальном округе Ставропольского края. Городище Маджары расположено на коренном левом берегу долины р. Кумы и в ее пойме по обоим берегам ее современного искусственного русла, на участке между устьями ее левых притоков р. Мокрая Буйвола и р. Томузловка.

Возвышенная часть городища занимает коренной левый берег долины Кумы, изрезанный несколькими балками и оврагами. С востока она ограничена обрывом коренного берега долины Кумы, с юга – балкой М. Ялга, но южная граница могла доходить до древнего устья р. Томузловка. В северо-восточной части она образует возвышение на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы. Территория возвышенной части городища в юго-восточной части прорезана наиболее крупным и разветвленным безымянным оврагом. Возможно, он упомянут ставропольским губернским землемером А.П. Архиповым как «вторая Кумская балка» (Архипов, 1879, с. 231, прим. **). Его верховья примыкают к подворьям жителей ул. Кумской, пр. Калинина и пер. Маджарского. Нижняя часть данного оврага упирается в т.н. «остров» (Городцов, 1911, с. 206), образованный изгибами кумского русла. Еще несколько оврагов расположены к югу от отмеченного оврага и примыкают к домовладениям по ул. Кумской. Еще один овраг расположен в восточной части возвышения, у юго-восточного угла ограды совр. больницы (бывшего Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря). Рельеф левобережной части городища был нарушен в ходе застройки улиц в восточной части г. Будённовска (ранее – Святой Крест и Прикумск) на протяжении XIX–XX вв. В целом, рельеф городища Маджары более спокойный, чем на большинстве золотоордынских памятников, что, на наш взгляд, повлияло на топографию города.

Несмотря на давние традиции изучения, городище Маджары по степени изученности значительно уступает большинству золотоордынских памятников. Материалы исследований XVIII – середины XX вв. были обобщены Э.В. Ртвеладзе. Им впервые была разработана топографии города. Э.В. Ртвеладзе выделил на возвышенной части квартал знати, квартал бедноты и городское кладбище. В пойменной части он выделил торгово-ремесленный квартал и сельскохозяйственный пригород (Ртвеладзе, 1972, с. 153, рис. 2). Он точно определил южную границу городского кладбища на участке в районе больницы (Ртвеладзе, 1972, с. 156). Для периода правления ханов Узбека и Джанибека он выделил на возвышенной части несколько кладбищ: самое большое к северу от больницы и небольшие в северо-западной и в юго-западной частях (Ртвеладзе, 1972, с. 158). В целом, схема Э.В. Ртвеладзе сохраняет свою актуальность. С учетом результатов исследований 1989-1991, 2014-2017 и 2020 гг. в нее могут быть внесены некоторые уточнения.

В 2022 г. Е.И. Нарожный и И.Б. Тищенко предположили наличие в Маджаре нескольких «некрополей в разных частях городища», воздержавшись от их выделения (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 154). Вероятно, они распространили на Маджар отмеченные выше особенности топографии некрополей других золотоордынских городов. Материалы археологических исследований пока не дают оснований для подобных предположений. В связи с публикацией после выхода работы Э.В. Ртвеладзе новых источников необходимо вернуться к рассмотрению топографии городского кладбища Маджара.

Городское кладбище Маджара локализуется в северо-западной части городища и его возвышенной части. Оно показано на первых планах городища, которые могут быть сопоставлены с современной топоосновой. В 1742

г экспедиция в составе кондуктора Инженерного корпуса А. Голохвостова и художника М. Некрасова подготовила первый план городища и панораму маджарских мавзолеев (Зиливинская, 2015, с. 11-12). На плане Маджара, выполненном А. Голохвостовым, показаны рельеф левобережной части городища, включая крупную балку («вторая Кумская балка»?) и многочисленные мавзолеи и сооружения небольших размеров на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы.

Панорама маджарских мавзолеев, выполненная М. Некрасовым, представляет собой вид на возвышенную часть городища с юго-восточного направления, со стороны поймы Кумы. Мавзолеи обозначены ближе к левому берегу Кумы. М. Некрасов показал сосредоточение наиболее крупных мавзолеев на возвышенной части водораздела Кумы и Мокрой Буйволы, что соответствует показанному на плане А. Голохвостова расположению крупных мавзолеев к северо-востоку от крупной балки.

На плане Маджара, составленном в 1773 г. в ходе поездки И.А. Гильденштедта, на левом берегу Кумы ниже устья р. Томузловка также показана большая балка. Городские постройки показаны на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы в основном условными обозначениями, но они отчетливо группируются в два скопления: одно на гребне водораздела Кумы и Мокрой Буйволы, второе – ближе к правому берегу Мокрой Буйволы. В южной и в юго-восточной частях городища отдельно обозначены две мечети и два минарета. При этом один минарет и одна мечеть размещены к западу от большой балки (Зиливинская, 2015, с. 63, рис. 5).

В 1782 г. в Прикумье побывал известный пейзажист М.М. Иванов. На его акварели «Мажарские древности. Отдел рисунка ГРМ. Р-30010» мавзолеи зарисованы с юго-восточного ракурса, окружающая местность не просматривается. Рядом с мавзолеями находятся надгробия. Мавзолеи показаны на берегу небольшого оврага (Зиливинская, 2015, с. 64, рис. 7). Подобный рельеф местности М.М. Иванов мог зафиксировать только на возвышенной части городища, а изображенный овраг вполне может быть локализован к юго-востоку от ограды совр. больницы.

На «Плане ситуации Больших Маджар», составленном К. Гейслером во время работ экспедиции академика П.С. Палласа в 1793 г. примерно по направлению гребня водораздела показаны два параллельных ряда мавзолеев, образовывавших основу планировки городского некрополя. К юго-западу от мавзолеев показана большая балка со множеством отрогов (Зиливинская, 2015, с. 67, рис. 14). Несмотря на то, что количество мавзолеев по сравнению с планами А. Голохвостова и И.А. Гильденштедта уменьшилось, к 1793 г. сохранялись наиболее крупные мавзолеи, хотя и сильно разрушенные, что следует из гравюр К. Гейслера. (Зиливинская, 2015, с. 65, рис. 10; с. 66, рис. 12). На одной из его гравюр они показаны на фоне устья р. Мокрая Буйвола и кумской долины (Зиливинская, 2015, с. 65, рис. 10), что позволяет определить ракурс, с которого производилась их зарисовка. У мавзолеев в ракурсе видны южные, портальные части.

Это вид с водораздела Кумы и Мокрой Буйволы с юго-запада на северо-восток, на устье р. Мокрая Буйвола. Данный участок городского некрополя, зарисованный К. Гейслером, мог располагаться на месте современной больницы, занимающей наиболее возвышенный участок водораздела Кумы и Мокрой Буйволы. Остальные объекты, зафиксированные в 1742 и 1773 гг., располагались севернее, вплоть до правого берега р. Мокрая Буйвола (Бабенко, 2022, с. 107). В 1798 г. на городище побывал Я. Потоцкий и обнаружил здесь всего 4 мавзолея. К сожалению, в его описании отсутствует указание на место их расположения (Соснина, 2003, с. 80).

В 1855 г. ставропольский губернский землемер А.П. Архипов составил план третьей части городища, примыкавшей к г. Святой Крест. К сожалению, этот план затерялся при реорганизации губернских архивов в начале XX в. По данным А.П. Архипова, в сер. XIX в. на возвышенной левобережной части городища Маджары «по протяжению окружной садовой канавы» располагалось древнее кладбище (Архипов, 1879, с. 231). Упомянутая им «садовая канава» примерно совпадает с совр. руслом Кумы на участке к северо-востоку от совр. больницы.

А.П. Архипов, производя съемку на городище, обнаружил с помощью старожилов, проживавших в г. Святой Крест с 1797 г. и 1807 г. остатки четырех мавзолеев. По его данным, они располагались к северу от т.н. «второй Кумской балки». Он сопоставил их

с четырьмя последними мавзолеями, которые фиксировали П.С. Паллас в 1793 г. и Я. Потоцкий в 1798 г. (Архипов, 1879, с. 231, прим. **). Если под «второй Кумской балкой» подразумевать большой безымянный овраг к юго-западу от совр. больницы, отмеченные А.П. Архиповым сооружения располагались на водоразделе Мокрой Буйволы и Кумы, к западу от совр. больницы. Примерно здесь на плане И.А. Гильденштедта были обозначены минарет и мечеть. Сведения А.П. Архипова вызывают доверие, но нуждаются в проверке. Они отчасти подтверждаются сведениями А.С. Фирковича. В 1848 г. А.С. Фиркович во время посещения городища видел остатки большого здания из глазурованного кирпича, которое он посчитал остатками храма (Фиркович, 1857, с. 391). Возможно, это были остатки мавзолея или мечети. К сожалению, в его тексте отсутствуют ориентиры.

Таким образом, архивные материалы XVIII-XIX вв. свидетельствуют о наличии на возвышенной части городища Маджары надежного репера («второй Кумской балки» по А.П. Архипову), позволяющего достаточно точно локализовать городское кладбище с мавзолеями.

Местность на пространстве между реками Кума и Мокрая Буйвола образует плавное понижение от гребня их водораздела к р. Мокрая Буйвола. В отличие от большинства золотоордынских городов, рельеф местности позволял разместить в Маджаре городское кладбище на большой площади. Как показала на примере Селитренного городища Э.Д. Зиливинская, золотоордынские города строились по четкому плану (Зиливинская, 2012, с. 175). Возможно, это место первоначально было выбрано под кладбище.

В XIX в. жители г. Святой Крест, сел Покойное и Прасковея добывали на городище камень и кирпичи. По сведениям А.П. Архипова, в с. Покойном в фундамент местной церкви были уложены 400 «древних камней с надписями» (Архипов, 1879, с. 239). Очевидно, что в большинстве случаев это были каменные надгробия на кладбище. В кон. XIX в. по мере строительства Мамай-Маджарского монастыря и распространения жилой застройки г. Св. Крест происходит разрушение культурного слоя городища Маджары на участке некрополя. Г.Н. Прозрителев описал многочисленные разрушенные погребения на территории Мамай-Маджарского монастыря (Прозрителев, 1906, с. 7, 9, 10).

В 1907 г. к моменту начала раскопок В.А. Городцова на возвышенной части располагались владения Мамай-Маджарского монастыря, а к западу и северо-западу от его ограды располагался пустырь. В.А. Городцов отметил многочисленные факты обнаружения человеческих костей, надгробий, кирпичей и монет на ул. Базарной, которую можно локализовать на совр. ул. Кочубея. Отмеченные находки происходят как из северной, так и из южной частей улицы. Он также отметил разрушенные погребения на территории Мамай-Маджарского монастыря и в районе большого оврага, отделявшего монастырские владения от городских владений г. Святой Крест, особенно на его южном берегу у городского артезианского колодца (Городцов, 1911, с. 171-172). Отмеченный В.А. Городцовым овраг у городского артезианского колодца может быть локализован на месте «второй Кумской балки».

В.А. Городцов в ходе раскопок исследовал отдельные участки городского кладбища. На территории монастырских владений он исследовал 12 погребений. На усадьбе О. Арзиманова было исследовано 7 погребений. В районе артезианского колодца наряду с сарматскими погребениями было исследовано 2 позднекочевнических погребения (Городцов, 1911, с. 173, 189-193, 195-196). В.А. Городцов нанес на план Маджара места случайных находок 4 погребений и участки своих раскопок на городском кладбище (Городцов, 1911, с. 162, рис. 113). Всего В.А. Городцов приводит сведения о 24 погребениях с маджарского некрополя.

В 1909 г. Г.Н. Прозрителев исследовал кирпичный склеп в «кургане» в районе городского артезианского колодца у «второй Кумской балки». Помимо склепа в «кургане» было обнаружены захоронения четырех человек (из них три детских) и скелет лошади. При конском скелете были обнаружены фрагменты стремени, удил и железное кольцо (Прозрителев, 1910, с. 6). Вероятно, Г.Н. Прозрителев исследовал сильно разрушенное сырцовое сооружение с подземным склепом из обожженного кирпича, рядом с которым было обнаружено кочевническое захоронение, аналогичное погребению 18-20 из раскопок В.А. Городцова в этом районе (рис. 1.5). К сожалению, статья Г.Н. Прозрителева не была

известна Г.А. Федорову-Давыдову и находки 1909 г. не вошли в его сводку.

В 1989-1991 гг. на городище проводила работы археологическая экспедиция СГПИ и МГУ. К приезду экспедиции поздней осенью 1989 г. к северо-западу от больницы началось строительство ее новых корпусов. Ряд объектов на прилегающих территориях сооружался без согласования с органами охраны памятников (жилая застройка по ул. Партизанская, многоэтажные дома в 48 микрорайоне, промышленные объекты по ул. Прикумская и ул. Партизанская). Экспедиция параллельно с работами на основном участке проводила спасательные работы на других участках городища.

В разных частях городского кладбища в бортах котлованов и траншей было доисследовано 34 разрушенные в ходе строительных работ погребения (Белинский и др., 1991; Зиливинская, Смирнова, 1992). В 1989 г. работы экспедиции проводились на территории к северо-западу от больницы, где были вырыты котлованы и траншеи. В их бортах были обнаружены остатки многочисленных грунтовых ям и погребений со склепами из сырцового и обожженного кирпича. Исследовать их в 1989 г. не удалось, а в 1990 г. они были недоступны для исследования. В 1989 г. на территории к северо-западу от больницы было доисследовано 6 погребений. В бортах котлована на ул. Партизанская к северу от больницы также были обнаружены разрушенные погребения. Одно из них было доисследовано.

В 1990 г. при обследовании котлована к западу от больницы было установлено, что в южной части котлована в бортах присутствуют остатки хозяйственных ям, гончарного горна, строительных конструкций. В северной части котлована остатки строительных конструкций и хозяйственных ям соседствовали с остатками погребальных конструкций. С целью уточнения стратиграфии памятника в северной части котлована был заложен раскоп №3. В ходе работ здесь было исследовано 12 погребений различной степени сохранности, перекрывавших остатки жилого дома. В 1991 г. на территории микрорайона №48 рядом с полями Прикумской опытной станции в 200 м к северо-востоку от больницы в борту котлована было исследовано 14 разрушенных и 1 целое погребение (рис. 1; 2).

Рис. 1. Ситуационный план городища Маджары: а – границы городища Маджары; б – раскопы: 1 – 1989 г.; 2 – No3 1990 г.; 3 – No6 1991 г.; 4 – 2020 г.; 5 – 1907, 1909 гг., “остров”.

Fig. 1. Layout of the Majar settlement: a – boundary of the Majar settlement; б – excavations: 1 – 1989; 2 – No. 3 1990; 3 – No. 6 1991; 4 – 2020; 5 – 1907, 1909, “ostrov".

Погребения, исследованные в 1989-1991 гг. на территории городского кладбища, локализуются примерно на территории бывших монастырских владений, обследованных В.А. Городцовым.

В 2020 г. на территории участка городского кладбища в северо-западной части городища на расстоянии примерно в 500 м к северо-западу от раскопа №3 И.Б. Тищенко были проведены археологические наблюдения в домовладении по ул. Кочубея 226а (рис. 1.4, 2.4), в результате которых были раскопаны 10 погребений (Нарожный, Тищенко, 2022). Кроме погребений на раскопе 2020 г. было исследовано «почти полтора десятка различных «объектов» XIV в.» (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 154). Судя по плану раскопа, они были зафиксированы на одном уровне с погребениями и представляют собой заглубленные в материк какие-то ямы, возможно, хозяйственные (Нарожный, Тищенко, 2022, с. 146, рис. 2.1). Данный участок городского кладбища расположен примерно в той части ул. Кочубея, где В.А. Городцов отмечал многочисленные факты разрушения погребений.

К сожалению, территория городского некрополя Маджара исследована недоста-

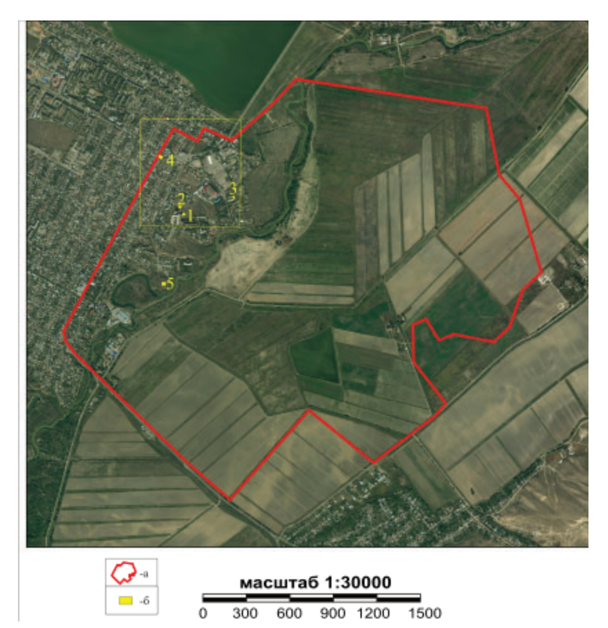

Рис. 2. Ситуационный план городища Маджары: а – границы городища Маджары; б – раскопы: 1 – 1989 г.; 2 – No3 1990 г.; 3 – No6 1991 г.; 4 – 2020 г.; 5 – склепы, 1989 г.; в – отдельные объекты: 1 – гончарный горн.

Fig. 2. Layout of the Majar settlement: a – boundary of the Majar settlement; б – excavations: 1 – 1989; 2 – No. 3 1990; 3 – No. 6 1991; 4 – 2020; 5 – crypts, 1989; в – objects: 1 – pottery kiln.

точно. Исследованы в основном погребения, подвергшиеся разрушению. Масштабные раскопки на городском кладбище Маджара не производились. Всего с различных участков городища происходит 70 погребений различной степени сохранности. На основе данных об особенностях топографического положения исследованных с 1907 г. погребений можно выделить участки городского кладбища с преобладанием того или иного типа погребальных сооружений.

Мавзолеи могли располагаться на месте построек больницы и к северу от нее. На участке к западу, северу и северо-востоку от больницы локализуются склепы и грунтовые ямы с кирпичным перекрытием. Возможно, что участок городского кладбища, протянувшийся широкой полосой к северу и северо-востоку от больницы относился в древности к числу наиболее почитаемых.

На территории, прилегающей к больнице с севера, северо-запада и северо-востока, также встречаются подбои. Грунтовые ямы встречаются в самых разных местах кладбища, но только в северо-восточной части в районе усадьбы О. Арзиманова они образуют компактную группу. Вполне возможно, что в северо-восточной части городского кладбища, в непосредственной близости от локализуемого Э.В. Ртвеладзе квартала бедноты хоронили преимущественно людей с низким социальным статусом.

По итогам рассмотрения топографии погребений, исследованных на городище Маджары, можно выделить два больших участка с погребениями.

Основной участок – собственно, городское кладбище, занимавшее водораздел рек Кума и Мокрая Буйвола (территория телецентра и бывшей Прикумской опытной станции с прилегающими территориями до берега оз. Буйвола и ул. Кочубея в соответствии со сведениями В.А. Городцова). Границы кладбища могут быть установлены приблизительно.

Вероятно, южная граница кладбища проходила примерно в 120 м севернее пр. Калинина на территории больницы и выходила на пересечение пр. Калинина и ул. Партизанская к западу от больницы. Западная граница кладбища может быть проведена на участке между ул. Кочубея и ул. Кумская. При застройке ул. Партизанская на рубеже 1980-х – 1990-х гг. к западу от больницы были видны остатки погребений. Северная граница могла доходить до берега Мокрой Буйволы, где на плане И.А. Гильденштедта показаны большие постройки (мавзолеи?). Восточная граница кладбища могла проходить к востоку от микрорайона №48, где на полях Прикумской опытной станции в 1989 г. фиксировалось большое количество золотоордынской керамики.

Границы кладбища и городских кварталов не были постоянными. Свидетельства В.А. Городцова о находках надгробий в южной части ул. Базарной и перекрывание на раскопе №3 погребениями культурного слоя городища могут свидетельствовать о более позднем времени возникновения кладбища на этих участках. На раскопе №3 погребение 5 прорезало заполнение ямы 1 I строительного периода. В ее заполнении были обнаружены медные золотоордынские монеты, отчеканенные в Сарае или в Азаке в 1330-е г.г. (определение Г.А. Федорова-Давыдова). Вероятно, подобное явление было зафиксировано и на раскопе 2020 г. на ул. Кочубея. На усадьбе О. Арзиманова В.А. Городцов исследовал в холме №6 5 погребений, включая склепы, рядом с крупным зданием из сырцового кирпича (Городцов, 1911, с. 194, рис. 122).

В целом материалы пока немногочисленных раскопок на городском кладбище Маджара свидетельствуют о возможности использования архивных материалов XVIII-XIX вв. Наличие на плане А. Голохвостова наряду с большими объектами (мавзолеями) множества небольших кирпичных сооружений не должно вызывать сомнений в их наличии на местности в 1742 г. На акварели М.М. Иванова рядом с мавзолеями показаны надгробия. Обнаруженные в 1989 г., но не исследованные склепы из обожженного кирпича могли иметь надмогильные сооружения.

Второй участок с погребениями – район т.н. «второй Кумской балки» по А.П. Архипову и место расположения городского артезианского колодца к югу от водораздела Кумы и Мокрой Буйволы. Наряду с сарматским могильником и, возможно, поселением, здесь локализуется позднекочевнический могильник. Участок, где в 1907 и 1909 гг. были исследованы кочевнические погребения, расположен на большом удалении от городского кладбища, занимавшего возвышение на водоразделе реки Кума и ее левого притока р. Мокрая Буйвола в излучине Кумы. Участок с кочевническими погребениями расположен на спуске в долину Кумы. Участок у артезианского колодца и раскоп №3 1990 г., на котором были исследованы погребения, разделяют обрыв коренного берега Кумы и участок городских кварталов, исследованный на раскопе №1. Вероятно, кочевнический могильник в Маджаре располагался обособленно от городского кладбища и может быть локализован на юго-западной окраине городища. Примерно такая ситуация прослеживается в Азаке. По мнению А.Н. Масловского, в Азаке кочевники занимали участки на восточных окраинах города (Масловский, 2013, с. 127).

Таким образом, на топографию городского кладбища Маджара повлияли особенности рельефа участка кумской долины между устьями двух больших притоков Кумы – Буйволы и Томузловки. Известное по архивным материалам и археологическим источникам кладбище расположено на возвышенном участке водораздела Кумы и Мокрой Буйволы.

К сожалению, застройка восточной части г. Буденновск сильно разрушила культурный слой городища Маджары. Необходима проверка участка на территории больницы и прилегающей к ней территории. Опыт исследований А.А. Глухова на Царевском городище (Глухов, 2015, с. 36–37) и И.В. Волкова на Болгарском городище (Волков, 2018) с использованием архивных материалов XVIII-XIX вв. и данных космосъемки позволяет надеяться на успех подобных исследований на городище Маджары.

По мере возможного проведения раскопок на указанной территории возможно как уточнение границ городского кладбища, так и выделение на городище отдельных могильников.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов А.П. Очерки исследований древнего города Маджара // Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859 г.) / Ред. Д.А. Кобяков. Тифлис: Изд. Кавк. стат. ком., 1879. С. 225–239.

Белинский А.Б., Зиливинская Э.Д., Бабенко В.А. Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1989-90 гг. М., 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15207, 15208, 15209.

Бабенко В.А. Локализация городища Маджары и его топография по архивным материалам XVIII-XIX вв. // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 104–109. DOI: http://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.104.109.

Блохин В.Г. Планировочная структура золотоордынского города // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 271–299.

Волков И.В. Топография южной части Болгарского городища (методика поиска и интерпретации сооружений // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 158–171.

Глухов А.А. Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2015. 101 с.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 г. Т. III / Под ред. графини Уваровой М.: Типогр. об-ва распр. полезн. книг. Преемник В.И. Воронов, 1911. С. 162–208.

Зиливинская Э.Д. Структура золотоордынских городов во времена хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде / История и культура Золотой Орды. Вып. 16 / Ред.-сост. И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 154–177.

Зиливинская Э.Д. Маджар // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 7–108.

Зиливинская Э.Д., Смирнова Л.И. Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1991 г. М., 1992.// Архив ИА РАН. Р-1. №17234, №17235, №17236.

Иконников Д.С., Баишева М.И. Топография золотоордынского города Мохши XIII-XIV вв. // Вестник Пензенского гос. ун-та. 2018. №1(21). С. 82–90.

Ильина О.А. Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 207–241.

Кубанкин Д.А. Историческая топография Увекского городища // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 243–254.

Масловский А.Н. Кочевники в золотоордынском Азаке // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000) / Труды ГИМ. Вып. 184 / Отв. ред. В.Г. Рудаков. М.: ГИМ, 2013. С. 121–127.

Масловский А.Н. Заметки по топографии золотоордынского города Азака // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 383–409.

Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. Новые мусульманские захоронения золотоордынского города Маджара (Ставрополье) // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 145–158.

Пигарев Е.М. Новые данные о топографии Селитренного городища // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 269–272. DOI: http://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.269.272

Прозрителев Г.Н. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе (СССК). Т. 1 / Ред. А.С. Собриевский. Ставрополь: Типография наследников Берк, 1906. С. 1–16.

Прозрителев Г.Н. Раскопки, произведенные близ гор. Св. креста, Ставропольской губернии, Прасковейского уезда, председателем Ставропольской ученой губернской комиссии Г.Н. Прозрителевым 18-19 сентября 1909 года на месте развалин древнего Хозарского г. Мажары // Труды СУАК. Вып. II. Ставрополь: Типогр. губ. правления, 1910. С. 1-8.

Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. 1972. № 3. С. 149–163.

Рудаков В.Г. Селитренное городище: хронология и топография. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М. 2007. 26 с.

Соснина Е.Л. Два путешествия в золотой век. Пятигорск: Сев.-Кавк. изд-во «МИЛ». 422 с.

Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского русского археологического общества. Т. IX. Вып. 2. СПб.: Экспедиции заготовления государственных бумаг Имп. акад. наук, 1857. С. 371–405.

Информация об авторе:

Бабенко Виталий Александрович, старший преподаватель базовой кафедры региональной истории и музееведения Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия); vit-babenko@yandex.ru

REFERENCES

Arkhipov, A. P. 1897. In Kobyakov, D. A. (ed.). *Ukazatel' geograficheskogo, statisticheskogo, istoricheskogo i etnograficheskogo materiala v «Stavropol'skikh gubernskikh vedomostyakh». Pervoe desyatiletie (1850–1859 g.) (Index of geographical, statistical, historical and ethnographic material in the Stavropol provincial gazette. The first decade (1850-1859)).* Tiflis, 225–239 (in Russian).

Belinsky, A. B., Zilivinskaya, E. D., Babenko, V. A. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Madzhary Stavropol'skogo kraya v 1989-90 gg. (Report on archaeological works on the Majar settlement in Stavropol Krai in 1989-90).* Moscow. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 15207, 15208, 15209 (in Russian).

Babenko, V. A. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 104–109 DOI: http://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.104.109 (in Russian).

Blokhin, V. G. 1999. In Skripkin, A. S. (ed.). *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya (Archaeology of the Volga-Urals Region in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 271–299 (in Russian).

Volkov, I. V. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 158–171 (in Russian).

Glukhov, A. A. 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriia izucheniia: istoricheskaia topografiia, khronologiia (Tsarevskoye settlement: study history: historical topography, chronology).* Volgograd: “Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo” Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1911. In Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy XIV arkheologicheskogo s"ezda v Chernigove (Proceedings of the Fourteenth Archaeological Congress in Chernigov, 1909).* III. Moscow, 162–208 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2012. In Mirgaleev, I. M., Sayfetdinova, E. G. (ed.). *Islam i vlast' v Zolotoy Orde (Islam and Power in the Golden Horde).* Series: Istoriya i kul'tura Zolotoy Ordy (History and culture of the Golden Horde) 16. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 154–177 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2015. In Bgazhnokov, B. H. *Madzhar i Nizhniy Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Madzar and Lower Dzhulat from the History of the Golden Horde Towns of the North Caucasus)*. Nal'chik: Publications department of KBIHR, 7–108 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D., Smirnova, L. I. 1992. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Madzhary Stavropol'skogo kraya v 1991 g. (Report on archaeological works on the Majar settlement in Stavropol Krai in 1991).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 17234, 17235, 17236 (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Baisheva, M. I. 2018. In *Vestnik Penzenskogo universiteta. (Bulletin of Penza University)* 21 (1), 82–90 (in Russian).

Il’ina, O. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 207–241 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 243–254 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2013. In Rudakov, V. G. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian spase).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 184. Moscow: State Historical Museum, 121–127 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 383–409 (in Russian).

Narozhny, E. I., Tishchenko, I. B. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 145–158 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 269–272. DOI: http://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.269.272 (in Russian).

Prozritelev, G. N. 1906. In Sobrievskii, A. S. (ed.). *Sbornik svedeniy o Severnom Kavkaze (Collection of Knowledge on North Caucasus)* 1. Stavropol: Tipografiya naslednikov Berk, 1–16 (in Russian).

Prozritelev, G. N. 1910. In *Trudy Stavropol'skoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Stavropol Academic Archival Commission)* II. Stavropol, 1–8 (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 149–163 (in Russian).

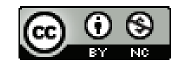
Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiia i topografiia (Selitrennoe Settlement: Chronology and Topography)*. Moscow. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences (in Russian).

Sosnina, E. L. 2003. *Dva puteshestviya v zolotoy vek (E.L. Sosnina. Two Journeys to the Golden Age).* Pyatigorsk: “MIL” Publ. (in Russian).

Firkovich, A. 1857. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society)* IX, 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 371–405 (in Russian).

About the Author:

Babenko Vitali A., North Caucasus Federal University. Pushkin., str. 1, Stavropol, 355017, Russian Federation; vit-babenko@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.30.37

БЕЛОГОРСКИЙ МОГИЛЬНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРДВЫ

©2024 г. Д.Г. Баринов, С.А. Курочкина

В статье представлены результаты археологических исследований мордовского могильника, расположенного на восточной окраине с. Белогорское Красноармейского района Саратовской области. В 2012 г. на могильнике исследовано четыре погребения: два женских и два мужских. Погребальный обряд типичен для мордовских комплексов XIII–XIV вв. Могильные ямы расположены в два ряда, ориентированы по линии северо-запад – юго-восток, голова – на юго-восток. В двух погребениях прослежены деревянные прямоугольные гробовища. Все погребения содержат вещевой инвентарь: сюльгамы, височные кольца и иглу из цветного металла, бусы стеклянные и глиняные, ножницы, нож и мотыжку железные, сосуды глиняные и др. На сегодняшний день Белогорский могильник – самый южный из известных мордовских могильников Поволжья.

Ключевые слова: археология; грунтовый могильник; Золотая Орда; средневековье; Волга; Саратовская область; мордва-мокша; вторая половина XIII – XIV вв.

BELOGORSKOYE BURIAL GROUND OF THE MEDIEVAL MORDOVIANS

D.G. Barinov, S.A. Kurochkina

The article presents the results of archaeological studies of the Mordovian burial ground, located on the eastern outside of the village of Belogorskoye in the Krasnoarmeysk district of the Saratov region. In 2012, four burials were studied at the burial ground: two female and two male. The burial rite is typical for Mordovian complexes of the XIII–XIV centuries. The grave pits are arranged in two rows, oriented along the northwest–south-east line, with the head facing south-east. Wooden rectangular coffins are traced in two burials. All burials have such finds as sulgams, temple rings and needle made of non-ferrous metal, glass and clay beads, scissors, iron knife and hoe, pottery, etc. To date, the Belogorskoye burial ground is the southernmost of the identified Mordovian burial grounds in the Volga region.

Keywords: archaeology; burial ground without mounds; Golden Horde; Middle Ages; Volga; Saratov region; Mordva-Moksha; the second half of the XIII–XIV centuries

В 2012 году археологическим отрядом Автономной некоммерческой научно-исследовательской организации «Центр краеведения» в окрестностях села Белогорское Красноармейского района Саратовской области (рис. 1: 1) был обнаружен средневековый археологический комплекс, состоящий из поселения второй половины XIII – начала XIV вв. площадью около 10 га и двух грунтовых могильников, мордовского и русского (Баринов, 2015, с. 149–159).

Мордовский могильник расположен на восточной окраине села Белогорское, на правом берегу оврага, впадающего в р. Волга. Площадка, на которой расположен некрополь, задернована и имеет уклон в сторону реки и оврага. В 1994 году от учителей школы села Белогорское поступили сведения о находках человеческих костей, фрагментов сюльгам и глиняного пряслица из разрушенных погребений на окраине села. В том же году сотрудники Дирекции охраны памятников истории и культуры Саратовской области осмотрели место находки, найти разрушенные погребения тогда не удалось.

Летом 2012 года, во время проведения археологических разведок в окрестностях села, на предполагаемом могильнике было заложено 2 шурфа. Шурф № 1 находок не содержал. В шурфе № 2, в гумусированном слое, был обнаружен глиняный лепной сосуд и тризна, состоящая из костей животного и двух фрагментов венчика лепного сосуда. На глубине 0,8-0,9 м, при зачистке материка, были выявлены четыре могильные ямы, расположенные рядами по линии северо-восток – юго-запад (рис. 1: 2).

Погребение 1. С погребением связана тризна, расположенная выше него, в гумусированном слое. Могильная яма подпрямоугольной

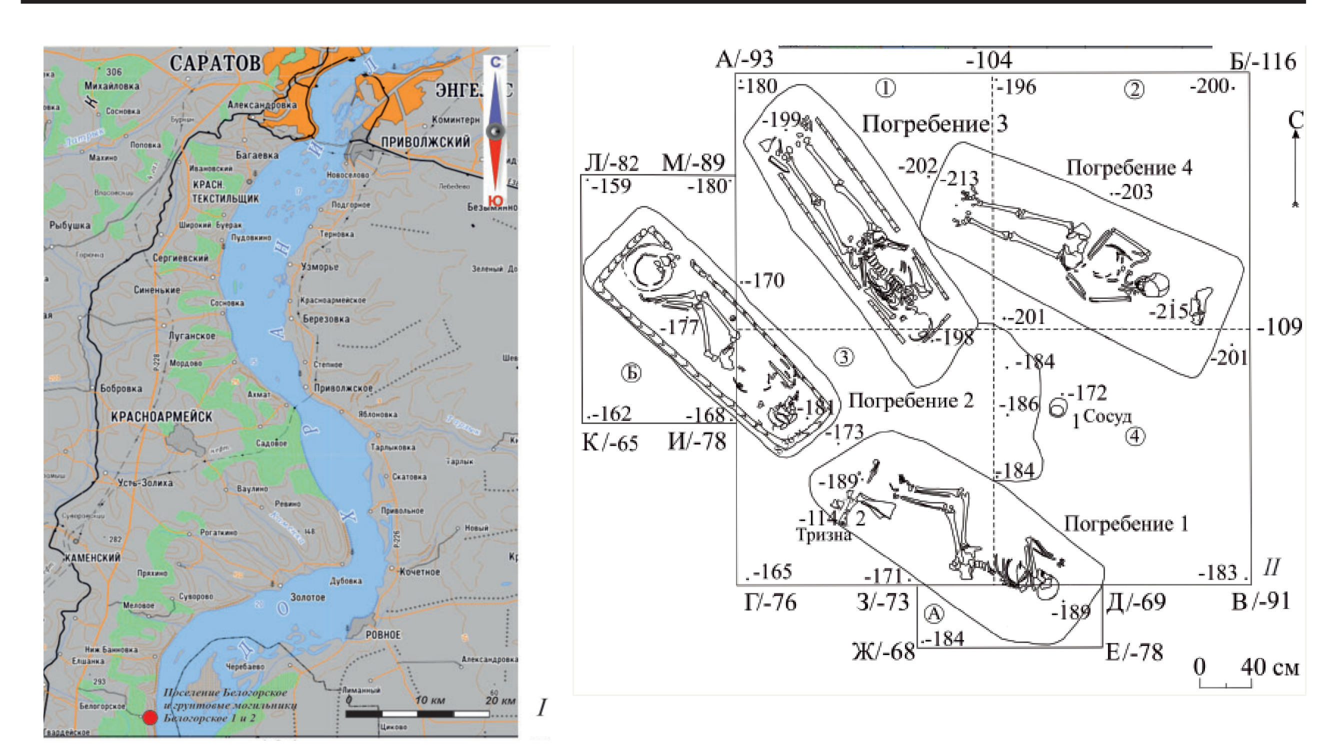

Рис. 1. Белогорский могильник. I – местоположение; II – планиграфия погребений.
Fig. 1. Belogorskoye burial ground. I – location; II – burial planography.

формы с округлыми углами ориентирована длинными сторонами по линии юго-восток – северо-запад. Длина могилы – 2,25 м, ширина – 0,91 м, глубина – 0,2 от поверхности материка. На дне могилы, скорченно на правом боку, лежала молодая женщина, ее руки были согнуты в локтях и располагались перед лицом. Покойная была ориентирована черепом на юго-восток, лицом на северо-восток. Ноги согнуты в коленях, около берцовый кости левой ноги - пятно древесного тлена размером 25×15 см. *Погребальный инвентарь:* по обе стороны черепа найдены два бронзовых проволочных височных кольца с несомкнутыми концами (рис. 2: 6–7). Около шейных позвонков и ключицы расчищено 11 целых и три фрагмента стеклянных бус, глиняная бусина, три шелковые нити золотистого цвета (рис. 2: 9–22). В верхней и средней части ребер покойной, были найдены две бронзовые лопастные сюльгамы (рис. 2: 1–2). В ногах погребенной, почти поперек могилы, лежали железные ножницы очень плохой сохранности и правая лопатка коровы (рис. 3: 1).

Погребение 2. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами ориентирована длинными сторонами по линии юго-восток – северо-запад, дно могилы покатое. Длина могильной ямы - 1,87 м, ширина – 0,62 м, в северо-западной части могила немного расширяется, глубина в материке – 0,19 м. В могильную яму было помещено гробовище подпрямоугольной формы, с закругленными короткими стенками. Длина гробовища – 1,67 м, ширина в районе головы - 0,42 м, в ногах – 0,56 м, максимальная высота уцелевших стенок – 0,17 м (в ногах). Толщина стенок гробовища – от 5 до 8 см. Гробовище своей конструкцией похоже на колоду, но с очень тонкой крышкой и дном, которые практически не сохранились. В гробовище лежала молодая женщина, скорченно на правом боку, туловище покойной завалилось на грудь, руки согнуты в локтях, кисти расположены перед лицом, черепом на юго-восток. Ноги согнуты в коленях, голени погребенной скрещены, а кости стоп лежали друг на друге. *Погребальный инвентарь:* с левой стороны черепа обнаружено бронзовое проволочное височное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 2: 8), в верхней части ребер, с левой стороны, был найден фрагмент коры с отпечатками грубой ткани, на нем лежали три фрагментированные лопастные сюльгамы (рис. 2: 3–4). В районе сочленения правой бедренной кости и таза погребенной лежала часть окаменелой створки двухстворчатого моллюска (рис. 2: 46), чуть ниже обнаружено глиняное биконическое пряслице (рис. 2: 45). В ногах погребен-

Рис. 2. Белогорский могильник. 1-2, 6-7, 9-22 – погребение 1; 3-4, 8, 45-46 – погребение 2; 5, 23-44 – погребение 4. 1-8 – медный сплав; 9, 43 – глина; 10-44 – стекло; 46 – окаменелость.
Fig. 2. Belogorskoye burial ground. 1-2, 6-7, 9-22 – burial 1; 3-4, 8, 45-46 – burial 2; 5, 23-44 – burial 4. 1-8 – copper alloy, 9, 43 – clay; 10-44 – glass; 46 – fossil.

ной стоял лепной округлобокий сосуд (рис. 3: 8).

Погребение 3. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад, дно могилы ровное. Длина могильной ямы – 2,17 м, ширина – 0,65 м, глубина – 0,32 см. В могильную яму был помещено гробовище прямоугольной формы, сохранность его очень плохая, удалось проследить часть длинных стенок и небольшой фрагмент поперечной стенки за головой умершего. Ширина (длина не восстанавливается) гробовища в районе тазовых костей около 0,46 м, максимальная высота около 0,23 м, толщина стенок не более 4-5 см. Под костями и на костях погребенного – слабый древесный тлен. В гробовище на спине, вытянуто, лежал мужчина, его руки были согнуты в локтях и размещены на тазовых костях, головой покойный был ориентирован на юго-юго-восток. *Погребальный инвентарь*: в районе правой лучевой кости покойного обнаружен черный кресальный

кремнь с оббитой рабочей частью (рис. 3: 4), в районе костей левой ступни каменный оселок и железная мотыжка (рис. 3: 2–3).

Погребение 4. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами ориентирована длинными сторонами по линии юго-восток – северо-запад. Длина могильной ямы - 2,15 м, ширина – 1,06 м (около головы), 0,98 (в ногах), глубина – 0,14 см. На дне могилы на спине, вытянуто, лежал скелет мужчины, ориентированный головой на юго-восток. Руки покойного были согнуты в локтях, правая рука размещена на животе, левая около тазовых костей. Между локтем левой руки и ребрами зафиксировано округлое пятно бурого цвета (древесина ?). За черепом лежала часть тазовых костей коровы. *Погребальный инвентарь:* в районе правой лучевой кости покойного обнаружены четыре сильно коррозированных фрагмента железной пластины, покрытой отпечатками грубой ткани, с остатками кожаного ремня, и обломок бронзовой иглы (рис. 3: 5), под лучевой костью левой руки лежал железный нож плохой сохранности с переломленной в древности и прикипевшей рукояткой (рис. 3: 6). Под правым крылом таза погребенного в пятне бурой органики (5×8 см) найдено: бронзовая лопастная сюльгама с округлой дужкой (рис. 2: 5), 13 целых и 9 обломков мелких бусин из стекла (рис. 2: 23–44), бусы были нанизаны на тонкую, скрученную из трех нитей веревочку, 6 молочных зубов ребенка, две кости мелкого животного.

Погребальный обряд. Очертания могильных ям начинают проявляться с глубины 0,3–0,4 м по более светлого перемесу материкового слоя и гумуса, их четкие контуры фиксируются на глубине 0,8–0,9 м от современной поверхности. Все могильные ямы подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, они незначительно (0,14–0,32 м) углублены в материк, расположены в два ряда и ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Умершие были положены головой на юго-восток. К сожалению, из-за плохого состояния костей антропологические исследования не проводились, но состав погребального инвентаря и установившийся у мордвы к XIII веку обряд хоронить женщин на боку с согнутыми в коленях ногами и руками расположенными кистями у лица, дает возможность достаточно точно определить пол погребенных. Мужчины лежат вытянуто на спине, положение рук – на тазовых костях, женщины уложены на правый бок, ноги поджаты, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. В двух погребения (мужчина и женщина) прослежены прямоугольные гробовища, сколоченные без использования гвоздей, вероятно, рама гроба делалась более массивной (или из более твердого сорта дерева), а дно и крышка были более тонкие, поэтому они так плохо сохранились.

Характеристика вещевого материала. *Сюльгамы* (рис. 2: 1–5). В двух женских погребениях найдено 5 бронзовых лопастных застежек-сюльгам, в мужском погребении 4 был обнаружен, вероятно, жертвенный набор, состоящий из сюльгамы и молочных зубов ребенка. Согласно классификации, разработанной В. И. Вихляевым, А. А. Беговаткиным, О. В. Зеленцовой и В. Н. Шитовым (Вихляев и др., 2008, с. 43) все обнаруженные сюльгамы относятся к первой группе (тип 10, вариант а) бронзовых кованных сюльгам с округлым в поперечном сечении кольцом и отогнутыми расплющенными концами в виде расширенных подтреугольных лопастей, язычок имеет раскованный в ромбическую площадку заостренный конец. Хронологически этот тип застежек относится ко второй половине XIII–XIV вв., в Старобадиковском I могильнике сюльгамы этого типа обнаружены с золотоордынскими монетами первой половины XIV в. (Вихляев и др., 2008, с. 48–49).

Височные кольца (рис. 2: 6–8) двух типов обнаружены в женских погребениях. Перстневидное височное кольцо с обрубленными несомкнутыми концами (рис. 2: 8) относится к группе 3 (отдел А, тип 2, вариант а) по классификации В. И. Вихляева и др., этот тип встречается в Новгороде в слоях конца XI-XIII вв. (Вихляев и др., 2008, с. 14). Кольцевидное височное кольцо с завитком на одном конце (рис. 2: 6–7) относится к группе 3 (отдел А, тип 5) по классификации В. И. Вихляева и др., встречается в древнерусских курганах вместе с западноевропейскими монетами XI в., в Новгороде в слоях XI – начала XV вв. (Вихляев и др., 2008, с. 14). Е. В. Кручинкина считает, что с середины XIII в. у морды-мокши височное кольцо с завитком становится характерным элементом женского головного убора (Кручинкина, 2009, с. 69).

Бусы. В двух погребениях Белогорского могильника найдено 36 бусин и их фраг-

ментов. В женском погребении 1, в районе груди, обнаружены 11 целых и три фрагмента стеклянных и глиняная бусина (рис. 2: 9–22). В мужском погребении 4 очень мелкие бусины были нанизаны на скрученную из трех нитей веревочку и положены вместе с другими предметами, вероятно, в качестве дара, под тазовые кости покойного. Всего было найдено 13 целых и 9 обломков стеклянных бусин диаметром около 0,3–0,4 см (рис. 2: 22–44). Все стеклянные бусины изготовлены способом навивки стеклянного жгута вокруг твердого стержня (Полубояринова, 1988, с. 150).

Основные типы бус: цилиндрическая глиняная бусина коричневого цвета, ее размеры: диаметр – 0,8 см, длина – 1,5 см (рис. 2: 9), крупная бусина голубого цвета, ее размеры: длина – 1,55 см, ширина – 1,45 см, толщина – 0,65 см (рис. 2: 10), по классификации Н. Н. Бусятской относится к Отделу 2 плоские бусины, типу 1. Бусины этого типа в поперечном сечении имеют форму вытянутого овала, в продольном – округлую форму (Бусятская, 1976, с. 42, таб. II, 27). Пять целых биконических бус голубого, бирюзового, темно-зеленого цвета диаметром от 0,6 до 0,85 см, толщиной от 0,35 до 0,55 см, три обломка биконических бус синего и бирюзового цветов (рис. 2: 12–14, 16, 19). По классификации Н. П. Курышовой аналогичные бусы относятся к Отделу А круглые бусы, типу 6 усеченно-биконические. Бусы этого типа были широко распространены в золотоордынское время и встречаются как в культурном слое городов (Бусятская, 1976, с. 40), так и в погребениях (Курышова, 2012, с. 206–207). Две бусины округло-ребристые, выпуклогранные, образующие в продольном разрезе розетку на 5 и 8 граней, их размеры: диаметр – 1 см, толщина – 0,8 см, диаметр – 0,6 см, толщина – 0,45 см (рис. 2: 11, 18), Бусина темного стекла (рис. 2: 15) относится к круглым зонным бусинам, Отдел А, тип 2 по классификации Н. П. Курышовой (Курышова, 2012, с. 206), ее размеры: диаметр – 0,8 см, толщина – 0,45 см. Этот тип бус достаточно часто встречается в мордовских могильниках и в культурном слое золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40). Две линзовидные в продольном сечении бусины голубоватого и зеленоватого стекла, размеры – диаметр – 0,7 и 0,6 см, ширина – 0,25 см (рис. 2: 17, 20), а также 16 очень мелких бусин (рис. 2: 23–29, 31–35, 41–44) по классификации Н. Н. Бусятской относятся к Отделу 2 круглые бусины, типу 4 (и 5 для крупных бусин) кольцевидные бусины из непрозрачного стекла. Многочисленные аналогии известны в курганах северо-западной Руси XIII—XIV вв., в позднекочевнических курганах Поволжья и в мордовских могильниках, где они становятся особенно многочисленными, начиная с XIII в. (Бусятская, 1976, с. 40, таб. II, 4, 5). Бусина подгрушевидной формы, отнесена Н. П. Курышовой к типу 8 (грушевидные бусины), аналогичная бусина обнаружена в кочевническом погребении золотоордынского времени (Курышова, 2012, с. 207, рис. 1, *13*).

Пряслице (рис. 2: 45), глиняное биконическое пряслице диаметром 3,8 см, толщиной 2 см, глина пряслица светло-коричневая, поверхность слегка подлощена и покрыта красным ангобом. Глиняные пряслица, в том числе биконические, являются обычной находкой в женских погребениях мордовских могильников XIII–XIV вв. (Алихова, 1954, с. 283; Андреев, 2020, с. 160; Моржерин, 2013, с. 152).

Часть створки (рис. 2: 46) окаменевшего двухстворчатого моллюска, размеры 1,7×2,5 см. Без следов обработки.

Ножницы шарнирные железные (рис. 3: 1), их длина – 23 см, ширина в шарнире – 3,8 см, ширина сомкнутых лезвий – 1,9 см, длина лезвий – 11 см (концы лезвий, вероятно, округлые), сохранилась только одна скобка ручки, образующая овальное кольцо округлое в сечении толщиной около 1 см. Обряд помещать ножницы в женские погребения характерен для средневековых кочевнических погребений Восточной Европы (Матюшко, 2011, с. 280). В мордовских могильниках золотоордынского времени это достаточно редкая находка, так ножницы, только пружинные, обнаружены в Комаровском мордовском могильнике XIII–XIV вв. (Моржерин, 2013, с. 151, рис. 10: 8).

Мотыжка железная (рис. 3: 2) обнаружена в мужском погребении вместе с каменным оселком. Длина сохранившейся части мотыжки – 11,3 см, ширина рабочего края – 7,7 см, длина сохранившейся части втулки – 5 см, с вертикальной трубицей, имеющей несомкнутые края, со слегка овальным в сечении лезвием. В Пановском и Елизавет-Михайловском могильниках VIII–XI вв. мотыжки (более

Рис. 3. Белогорский могильник. 1 – погребение 1; 2-4 – погребение 3; 5-6 – погребение 4; 7 – из слоя; 8 – погребение 2. 1, 2, 6 – железо; 3, 4 – камень; 5 – медный сплав; 7-8 – глина.
Fig. 3. Belogorskoye burial ground. 1 – burial 1; 2-4 burial 3; 5-6 – burial 4; 7 – from the layer; 8 – burial 2. 1, 2, 6 – iron; 3, 4 – stone; 5 – copper alloy; 7-8 – clay.

ранних форм), наряду с оселками, встречаются довольно часто. А. Е. Алихова считает, что мотыжки с узкой рабочей частью могли использоваться в качестве тесла (Материальная культура.., 1969, с. 11–12).

Оселок каменный (рис. 3: 3), подпрямоугольный, серо-коричневого цвета с заостренным верхом, длиной – 16,3 см, шириной - 4 см, толщиной – 1,7 и 1 см в средней, сработанной части. Оселки присутствуют в погребальном инвентаре мужских погребений Комаровского мордовского могильника XIII–XIV вв. (Моржерин, 2013, с. 152, рис. 10: 10, 13).

Нож железный (рис. 3: 6) черешковый с выгнутой спинкой, при переходе к черешку имеет упор, относится к универсальному типу ножей. В древности ручка была сломана. Общая длина ножа – 18,9 см, длина лезвия до черешка – 13 см, ширина лезвия 2,5 см, истинное сечение лезвия не восстанавливается из-за распухшего металла. Ножи этого типа являются наиболее распространенными в золотоордынское время, они встречаются как в культурном слое поселений и городов, так и в погребальных памятниках (Андреев, 2020, с. 156, рис. 3: 1–3, 5–7, 9–10; Моржерин, 2013, с. 151, погр. 8, 27, 29).

Кресальный кремень (рис. 3: 4) черного цвета подтрапециевидной формы с оббитой рабочей частью, размеры кремня 3,2×1,7 см. В Комаровском могильнике кресальные кремни были обнаружены как в комплекте с железным кресалом, так и без него (Моржерин, 2013, с. 151).

Игла (рис. 3: 5) бронзовая с утраченным ушком, длина сохранившейся части 2,4 см, диаметр 0,1 см.

Посуда. Один лепной сосуд баночной формы обнаружен в гумусированном слое между погребениями 1 и 4, вполне возможно, что он происходит из погребения с несохранившимся детским скелетом, второй лепной сосуд обнаружен в женском погребении 3.

Сосуд баночной формы с закрытым устьем (рис. 3: 7). Высота горшка от 13 до 13,9 см, диаметр дна 10,3 см, диаметр устья 12×12,5 см, поверхность и внутренняя часть сосуда серая с черными пятнами, черепок в изломе трехслойный, его внешняя и внутренняя поверхности темно-серые, средняя часть светло-серая с обильным включением дресвы. Сосуды этого типа обнаружены при раскопках Муранского могильника XIII–XIV вв. (Алихова, 1954, с. 286, рис. 19: 1-2), а также в Бокинском могильнике (Андреев, 2020, с. 162, рис. 8: 3)

Горшок из погребения 3 лепной, округлобокий, с плавно выраженными плечиками и несколько раструбообразным горлом (рис. 3: 8). Высота сосуда – 20 см, ширина по бокам – 27 см, диаметр устья – 20,7 см, дна – 15,2 см. Черепок сосуда светло коричневый, с обильной примесью дресвы и шамота, вся поверхность горшка покрыта красным ангобом. А. Е. Алихова относит аналогичные горшки к широкобоким сосудам с характерной прямой шейкой постепенно переходящую в сильно расширенные бока, подобные сосуды встречены в Муранском и Старосотенском могильнике (Алихова, 1954, с. 287, рис. 20: 5), а также в Бокинском могильнике (Андреев, 2020, с. 162, рис. 8: 4).

Анализ погребального обряда и инвентаря Белогорского грунтового могильника позволяет утверждать, что могильник принадлежит

мордве-мокше и, видимо, связан с расположенным рядом русско-мордовским поселением XIII–XIV вв.

Мордовская лепная керамика встречается в достаточно большом количестве на всех поселениях золотоордынского периода Саратовского Правобережья, а так же на Терновских поселениях на севере Волгоградской области (в 50 км южнее села Белогорское) (Ильина, 2011, с. 21–23), но языческих мордовских могильников на территории Саратовской области было известно только два: Комаровский могильник на севере области (Моржерин, 2000, с. 60–63.) и Аткарский могильник, обнаруженный в 1916 г. (Арзютов, 1929, с. 4–30). В архивных документах Саратовской ученой архивной комиссии упоминается еще о двух могильниках – Черемшанском и Куликовском, расположенных в Вольском и Хвалынском районах Саратовской области, но данные о них незначительны, а места расположения в настоящее время не локализуются. Грунтовый могильник средневековой мордвы-мокши около села Белогорское является третьим, документально подтвержденным мордовским языческим погребальным комплексом на территории Саратовской области и в то же время самым южным из известных мордовских могильников Поволжья (Баринов, 2015, с. 154).

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1 / МИА. № 42. / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.

Арзютов Н. К. Финский могильник XIII-XIV вв. близ Аткарска // Труды Нижне-Волжского Краевого музея. Вып. 1. Саратов, 1929. С. 4–30.

Андреев С.И. Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. № 2. С. 151–165.

Баринов Д.Г. Поселение и могильник XIII-XIV веков у села Белогорское // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Лопатина. Саратов: СГУ, 2015. С. 149–159.

Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.

Ильина О.А. Терновское селище – бытовой памятник золотоордынского времени // Инновационные технологии в обучении и производстве. VII Всероссийская научно–практическая конференция. Материалы конференции (Камышин, 22–23 декабря 2010 г.). Т. 3 / Ред. В.Ю. Романов. Волгоград: ВолГТУ, 2011. С. 21–23.

Курышова Н.П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 204–215.

Кручинкина Е.В. Височные украшения женского головного убора мордвы XI–XIV веков // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 66–69.

Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Ред. А.П. Смирнов. Саранск, 1969. 176 с.

Матюшко И.В. Особенности погребального обряда кочевников степного Приуралья XIII-XIV вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3. С. 280–283.

Моржерин К.Ю. Комаровский могильник. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 140–160.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 149–217.

Информация об авторах:

Баринов Дмитрий Геннадьевич, научный сотрудник, ООО «Центр реставрации и сохранения памятников» (г. Саратов, Россия); kraeved@mail.ru

Курочкина Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент; научный сотрудники, ООО «Центр реставрации и сохранения памятников» (г. Саратов, Россия); kurochkina-sveta@bk.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. *Materialy i issledovaniia po arkheologii*

(Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 259–301 (in Russian).

Arzyutov, N. K. 1929. *Finnish burial ground of the XIII–XIV centuries near Atkarsk* // Proceedings of the Nizhnevolzhsky Regional Museum. Issue 1. Saratov, 4–30 (in Russian).

Andreev, S. I. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) 2, 151–165 (in Russian).

Barinov, D. G. 2015. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 11. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 149–159 (in Russian).

Busyatskaya, N.N. 1976. *Glass products of the cities of the Volga region (XIII–XIV centuries)* // Medieval monuments of the Volga region. A.P. Smirnov, G.A. Fedorov-Davydov, Moscow, 38–72 (in Russian).

Ilyina, O. A. 2011. In Romanov, V. Yu. (ed.). *Innovatsionnye tekhnologii v obuchenii i proizvodstve (Innovative Technologies in Training and Production)* 3. Volgograd: “VolgGTU” Publ., 21–23 (in Russian).

Kuryshova, N. P. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 204–215 (in Russian).

Kruchinkina, E. V. 2009. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Bulletin of the Chuvash University. Humanities)* 1, 66–69 (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1969. *Material’naia kul’tura sredne-tsninskoi mordvy VIII–XI vv. (po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody) (Material Culture of the Mordva People of the Middle Tsna Area: Based on the Materials from P. P. Ivanov’s Excavations in 1927–1928)*. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Matyushko, I. V. 2011. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 13, no 3, 205–210 (in Russian).

Morzherin, K. Y. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 140–160 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel’nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 149–217 (in Russian).

About the Authors:

Barinov Dmitry G. Research Associate, Limited, Liability Company “Cent of restoration and preservation of monuments”. Glebuchev Ravine str., 492; Saratov, 410003; Russian Federation; kraeved@mail.ru

Kurochkina Svetlana Al. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Research Associate, Limited, Limited Liability Company “Cent of Restoration and Preservation of monuments”. Glebuchev Ravine str., 492; Saratov, 410003, Russian Federation; kurochkina-sveta@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.38.46

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСА МАВЗОЛЕЕВ У ПОС. ЛАПАС (2022–2023 ГГ.)

©2024 г. В.Г. Бездудный, Г.Х. Зарипова, Л.В. Овечкина, Е.М. Пигарёв, А.Г. Ситдиков

У пос. Лапас Астраханской области располагается комплекс золотоордынских мавзолеев. В 2022, 2023 гг. Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ продолжены комплексные исследования этого памятника. Результаты раскопок позволили: выявить часть конструкций мавзолея (кирпичный пол, с обмазкой алебастровым раствором); подтвердить сообщения о разборке стен здания на кирпич; скорректировать интерпретацию данных магнитометрии. В 2022 г. была проведена съемка комплекса мавзолеев с применением воздушного лазерного сканирования. Выстроена цифровая модель рельефа (ЦМР), анализ которой, позволил предположить наличии неизвестных ранее мавзолеев. В 2023 г. при помощи магнитометрии, зафиксированы остатки нескольких комплексов, вероятно сырцовых сооружений на одной площадке, которые можно разделить на группы по ориентировке. Полученные результаты подтверждают наличии неизвестного количества, еще не выявленных объектов этого памятника, намечают пути дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, Городище «Ак-Сарай», Лапасский комплекс, мавзолей, магнитометрия, воздушное лазерное сканирование, геофизические и геодезические исследования

INTERDISCIPLINARY STUDIES OF THE MAUSOLEUM COMPLEX NEARBY THE VILLAGE OF LAPAS (2022-2023)

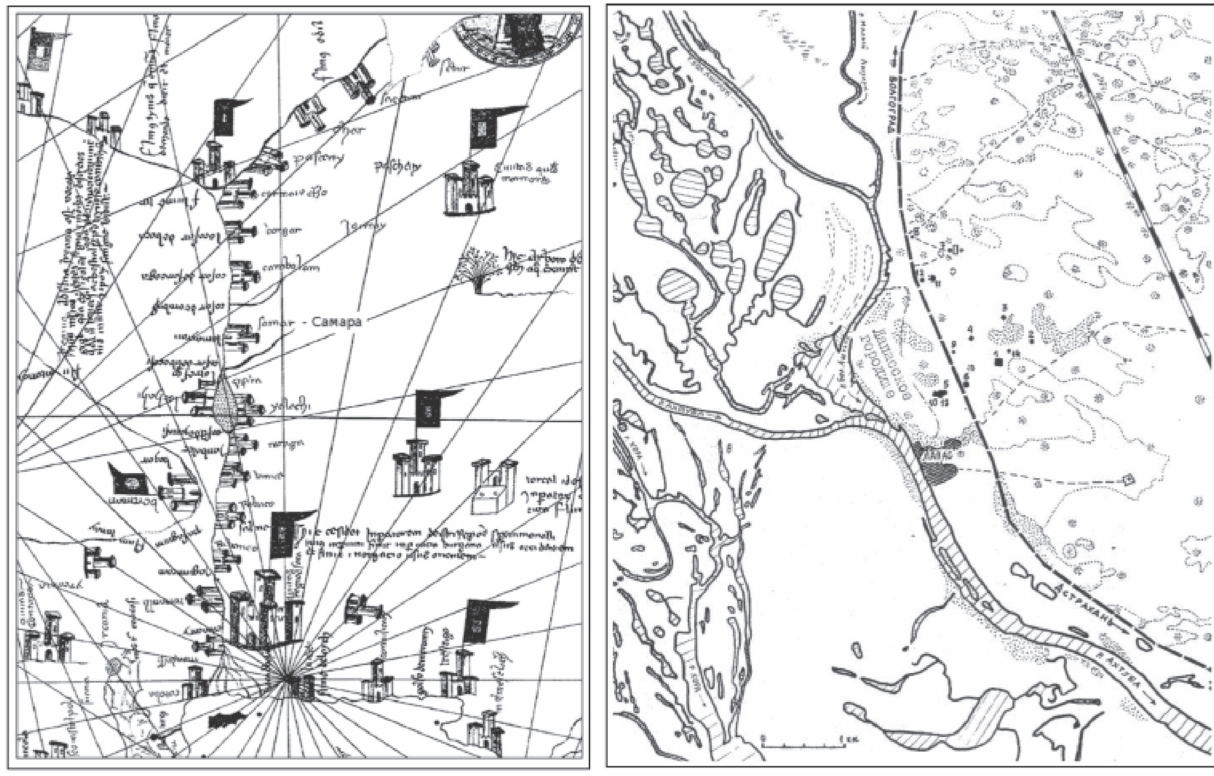
V.G. Bezdudny, G.Kh. Zaripova, L.V. Ovechkina, E.M. Pigarev, A.G. Sitdikov

Nearby the village of Lapas in the Astrakhan region, there is a complex of Golden Horde mausoleums. In 2022, 2023 the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences continued the comprehensive studies of this site. The results of the excavations allowed: to identify part of the mausoleum structures (brick floor, coated with alabaster mortar); to confirm information about the dismantling of the building walls for bricks; correct the interpretation of magnetometry data. In 2022, the mausoleum complex was photographed using an aerial laser scanning. A digital elevation model (DEM) was created, the analysis of which allowed us to assume the presence of previously unknown mausoleums. In 2023, using magnetometry, the remains of several complexes, probably structures made of raw bricks on the same site, were recorded, which can be divided into groups according to orientation. The results obtained confirm the presence of an unknown number of objects of this monument that have not yet been identified, and outline ways for further studies.

Keywords: archaeology, Ak-Sarai settlement, Lapas complex, mausoleum, magnetometry, aerial laser scanning, geophysical and geodetic studies

У поселка Лапас в Астраханской области располагается городище «Ак-Сарай». С восточной его стороны зафиксированы руины мавзолеев. Золотоордынское поселение и четырнадцать крупных мавзолеев образуют две линии, вытянутые по направлению ЮЗ–СВ, перпендикулярно к левому берегу реки Большой Ашулук (Пигарёв, 1997; 2023). По предположению исследователей, в четырех крупных мавзолеях комплекса погребены ханы Берке, Узбек, Джанибек и Бердибек (Егоров, 1985). Наличие крупного погребального комплекса известно по средневековым письменным источникам и картам XIV–XVII вв. (Чекалин, 1889, р. 17; Falchetta, 2006, p. 79; Эвлия, 1979, с. 134–135) (рис. 1).

Эта группа объектов была хорошо известна и привлекала к себе внимание ученых с XIX в. Позднее было составлено описание и изготовлены планы сооружений комплекса мавзолеев (Пигарёв, 2023) (рис. 1). В начале 2000-х годов была предпринята серия работ по обследованию ее территории (Пигарёв, 2014; Бездудный, 2022).

Карта 1367 года братьев Пицигани. (выкопировка) Топографический план Дворниченко В.В. 1995г. (выкопировка)

Рис. 1. Карта 1367 года братьев Пицигани (выкопировка). Топоплан мавзолеев у с. Лапас В.В. Дворниченко 1995 г. (выкопировка).
Fig. 1. The 1367 chart of the Pizzigani brothers (copy). Topographic plan of mausoleums nearby the village of Lapas by V.V. Dvornichenko in 1995 (copy).

Начиная с 2018 г. Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ регулярно проводятся комплексные исследования отдельных объектов памятника. Благодаря междисциплинарным исследованиям с использованием современных геофизических и геодезических методов были получены новые данные, которые позволили более детально проанализировать планиграфию памятника, его состав и конструктивные особенности.

Значительные усилия были приложены для изучения Мавзолея 1, являющегося наиболее крупным объектом комплекса мавзолеев у поселения Лапас. При помощи геофизики на нем исследована площадь в 9 га.

На Мавзолее 1 при помощи геофизики зафиксированы остатки центрального сооружения сложной структуры, его ограды и входа с южной стороны, отдельных объектов и нескольких сооружений вне ограды мавзолея. На данном этапе исследования сложно выделить отдельные погребения в местах изменений магнитного поля, вызванных другими типами объектов. Кроме того, выявлены места производства строительных материалов для сооружения мавзолейного комплекса (горны для обжига кирпича и отжига извести). Анализ полученного геофизического результата позволил предположить существование последовательно двух комплексов сооружений. Первоначальный комплекс сооружений (бледно-голубая прорисовка) был перекрыт сооружениями комплекса мавзолея № 1 (синяя прорисовка) и имел иную ориентировку по сторонам света (Бездудный, 2022) (рис. 2).

В 2022–2023 гг. специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводятся археологическое раскопки по изучению Мавзолея 1. В результате этих исследований удалось выявить часть конструкций мавзолея. Найдено подтверждение сообщений о разборке стен здания на кирпич. Следы действий по разрушению мавзолея хорошо отразились в стратиграфии объекта в виде чередующихся слоев обломков кирпича, поливных изразцов и навеянного песка.

В процессе раскопок было установлено, что внутреннее пространство Мавзолея 1

Рис. 2. Мавзолей №1: результаты магнитометрических исследований.
Fig. 2. Mausoleum No. 1: results of magnetometric studies.

было выстлано кирпичным полом, который был обмазан тонким слоем алебастрового раствора. Пол был сооружен из квадратных кирпичей размером 26×26×4–5 см и покоился на песчаной «подушке», которая, в свою очередь, была отсыпана на «фундамент», сооруженный из мелких фрагментов облицовочного кирпича. Сохранность пола в рамках раскопов хорошая. Западная стена мавзолея на глубину выборки раскопа не обнаружена. На ее месте выявлена траншея, образовавшаяся после разбора стены. Можно предполагать, что западная граница сохранившегося пола маркирует внутреннюю границу стены разобранного сооружения. Дальнейшие исследования прояснят это предположение. Ширина котлована выборки стены равнялась 4 м. Траншея заполнена песком и строительным мусором (Ситдиков, 2023). К западу от котлована стены, на уровне завершения работ, отмечен горизонт стерильного песка, на котором и лежала основная масса отвалов строительного мусора (рис. 3).

Предварительные результаты раскопок скорректировали дешифровку полученных магнитометрией результатов и их интерпретацию. Магнитометрия фиксировала отвалы строительного мусора, который образовался в процессе заваливания стен и их разборки, поэтому интерпретация местоположения стен и размеров сооружений несколько изменится. Пол из обожженного кирпича с обмазкой под завалами мусора в магнитном плане прослеживается по всей площади центрального сооружения. На данном этапе исследования сложно четко выделить остатки и следы внутренних стен и других конструкций на фоне отражения завалов строительного мусора внутренней части мавзолея (рис. 4).

Результаты, которые показали неразрушающие методы, по возможности выявления основных частей разрушенных мавзолеев и детализация их отдельных структур оказались подтвержденными. Обоснована экстраполяция результатов геофизических исследований из относительных данных о памятнике на других объектах в данные с высокой степенью достоверности. Расширение раскопа Мавзолея 1 позволит точнее привязать отражение остатков сооружений в магнитном плане и уточнит архитектурные и конструктивные особенности постройки.

В 2022 г. была проведена съемка территории комплекса мавзолеев с применением технологии воздушного лазерного сканирования на территории более 700 га. Был задействован гексакоптер DJI Matrice 600 и лидар Л-СКАН 150. Так как территория комплекса

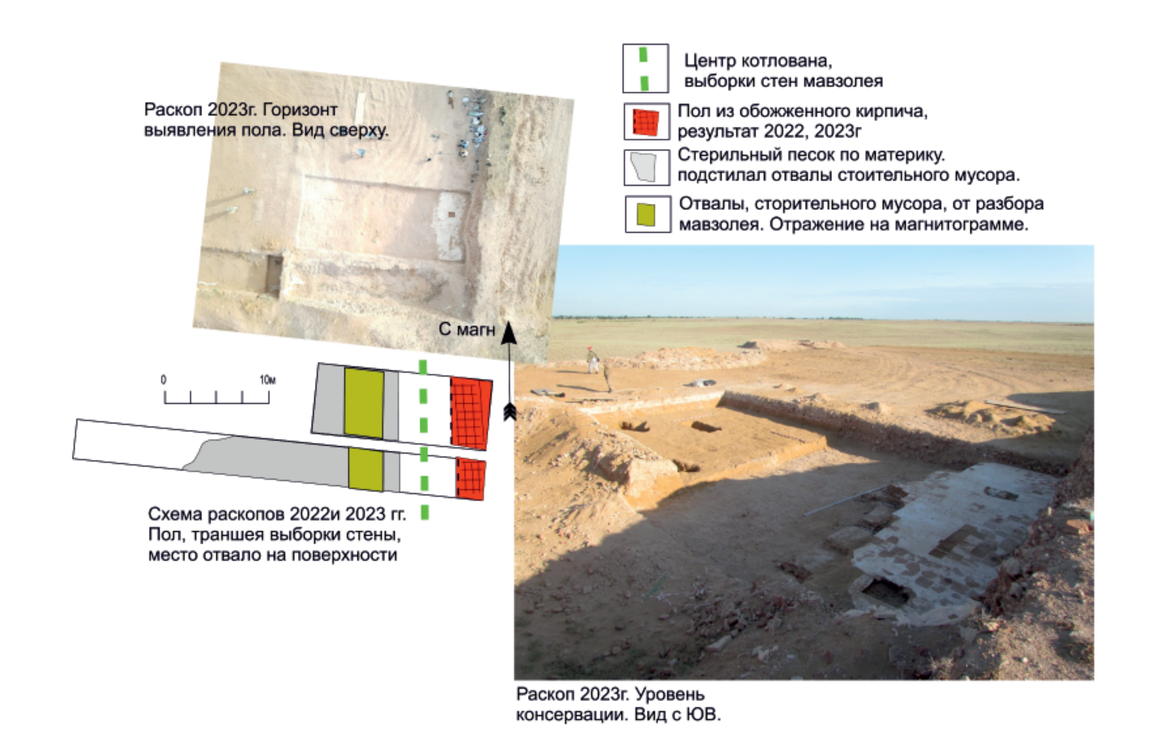

Рис. 3. Сведение отдельных результатов раскопок 2022 и 2023 годов.
Fig. 3. Information about individual results of the excavations in 2022 and 2023.

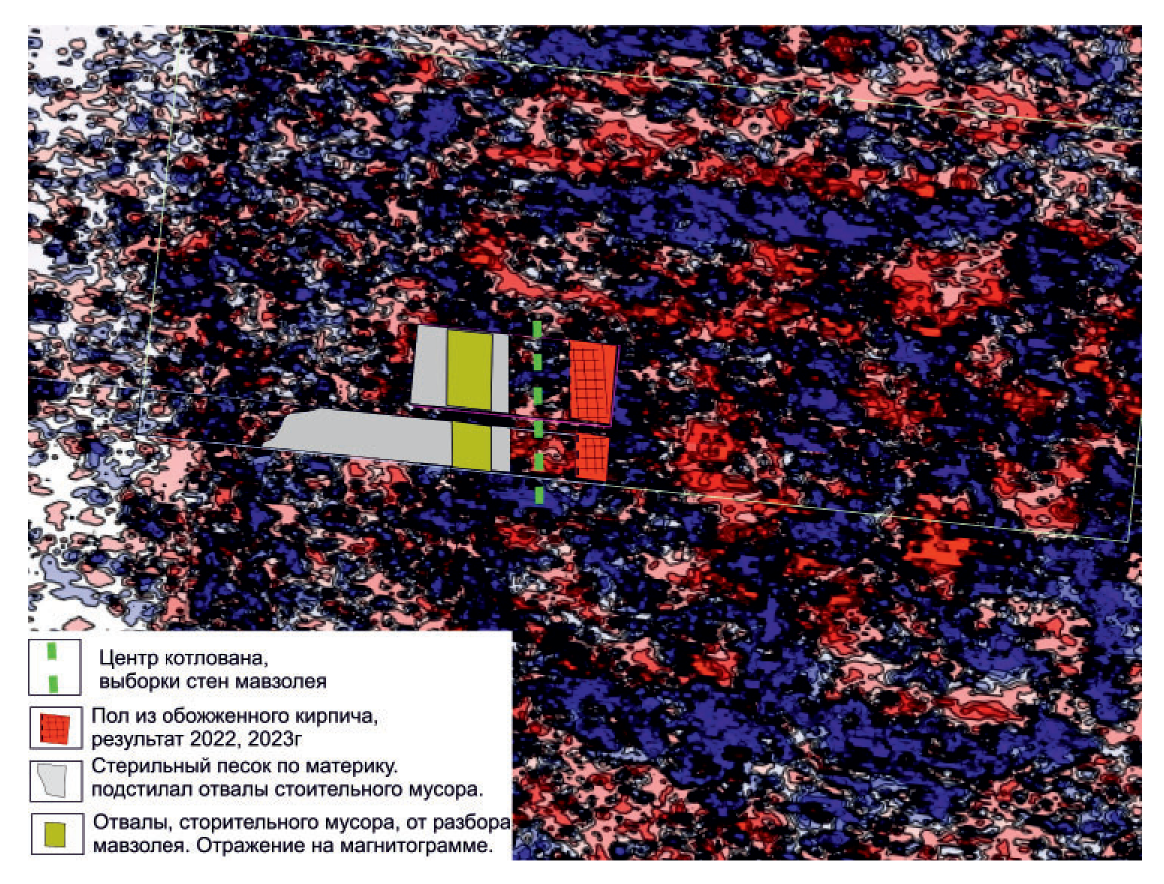
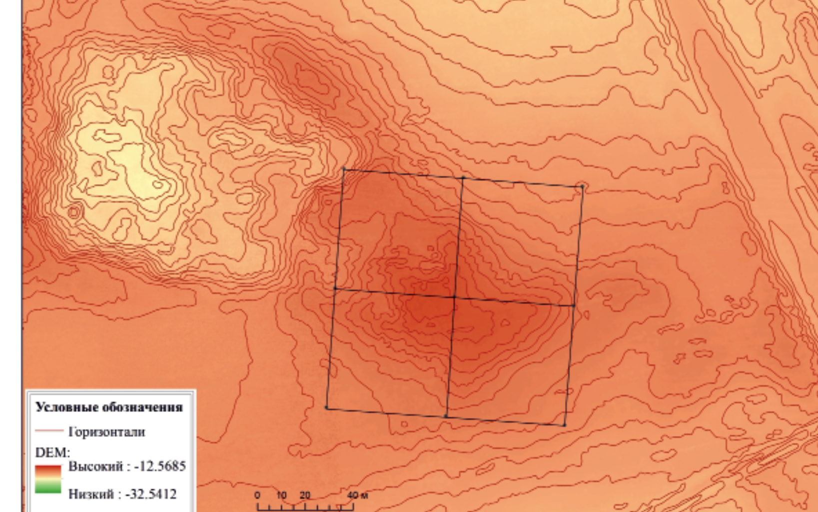

Рис. 4. Сопоставление отдельных результатов раскопок 2022 и 2023 годов, выкопировки магнитограммы соответствующего участка.
Fig. 4. Comparison of the individual results of the excavations in 2022 and 2023, and the copy of the magnetogram of the proper site.

Рис. 5. Сопоставление выкопировки плана Дворниченко 1995 г. и карты высот в цвете при помощи БПЛА с нагрузкой LiDAR.
Рис. 5. Comparison of the copy of the 1995 plan by Dvornichenko and coloured elevation map made by UAV with LiDAR.

Выкопировка топоплана с разметкой учатков геофизического исследования.

Рис. 6. Микро топоплан с разметкой участков магнитометрического исследования.
Fig. 6. Micro topographic plan with marking the sites of the magnetometric study.

находится в зоне полупустыни, было решено произвести облет на высоте 100 м с перекрытием между пролетами 30–40%. При этом средняя плотность отснятых точек составила 70–90 точек на кв. м. Итоговым результатом работ стала цифровая модель рельефа (ЦМР) части комплекса мавзолеев у пос. Лапас, полученная на основе отклассифицированных точек, соответствующих поверхности земли (Зарипова, 2023). Анализ полученной при помощи воздушного лазерного сканирования высотных отметок цифровой модели рельефа части территории у пос. Лапас и сравнение ее с топографическим планом Дворниченко В.В. позволил предположить наличие неизвестных ранее разрушенных мавзолеев на этом памятнике. В «северном ряду (мавзолеи 9, 4, 3)», к юго-западу от мавзолея № 9, предположительно находится как минимум еще одно неизвестное сооружение (рис. 5).

На основании цифровой модели рельефа был создан микротопоплан части территории предполагаемого мавзолея № 15 и размечены углы участков последующих геофизических исследований (рис. 6).

В 2023 г. при помощи магнитометрии обследована площадь в 1 га четырьмя геофизическими участками (50 на 50 м). Зафиксированы изменения магнитного поля, которые отражают в магнитном плане остатки нескольких комплексов сооружений прямоугольной формы (рис. 7).

Выявленные сооружения могут быть разделены на две группы на основании ориентировки. Первая группа сооружений (мавзолей 1 – 8×4 м; мавзолей 2 – 18×17 м) – отклонение

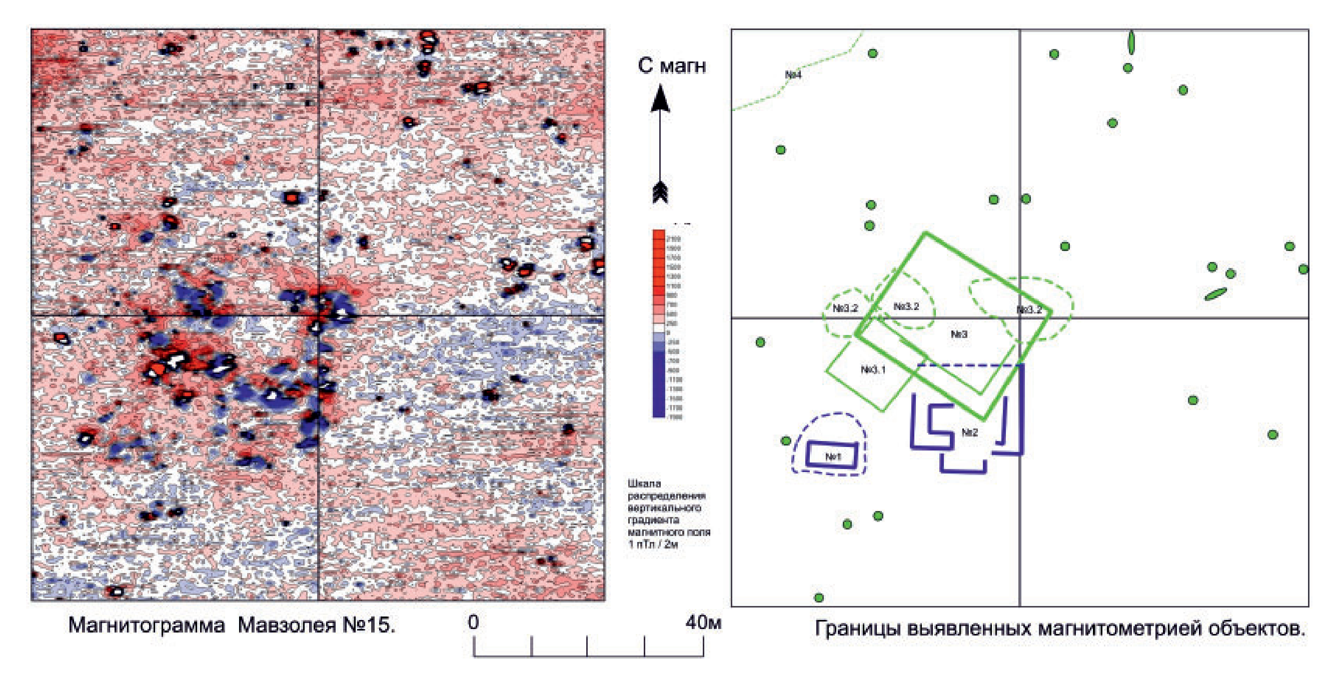

Рис. 7. Магнитограмма участков исследования мавзолея №15.
Прорисовка границ изменений магнитного поля на участках исследования.
Fig. 7. Magnetogram of the study sites of mausoleum No. 15.
Drawing of the boundaries of magnetic field changes in the study sites.

3 градуса к востоку от севера (сам мавзолей). Вторая группа (№ 3 – 22×26 м; 3.1 – 12×12 м) – отклонение на 32 градуса к востоку от севера. Близкое расположение построек, связанных с двумя этапами возведения надмогильных сооружений, может косвенно свидетельствовать об изменениях погребального обряда с распространением мусульманских традиций. На данном этапе исследований остаются открытыми вопросы о времени возведения отдельных мавзолеев, без следов перестройки, но отличающихся в ориентировке по сторонам света.

На площади исследования мавзолея № 15 пока не выявлены объекты, относящиеся к объектам по производству строительных материалов и их подготовки в период строительства зданий (горны, площадки производства строительных материалов, известковые ямы и т. п.). Относительно слабые колебания магнитного поля выявленных остатков сооружений свидетельствуют о небольшом количестве хорошо обожженного кирпича в оставшихся элементах сооружений мавзолея 15, так как сырцовый кирпич был основой его строительства. Этим можно объяснить и отсутствие ям от разборки сооружений и кирпича.

Результаты геофизических исследований на площади, достигающей 11,3 га (мавзолеи 4, 1, 15), данные цифровой модели рельефа (800 га), микротопоплана и ортофотоплана (400га), а также первичные результаты раскопок мавзолея 1 дали возможность уточнить планиграфию памятника, его состав и особенности конструкций отдельных сооружений (рис. 8).

Полученные результаты подтверждают предположения о наличии на территории комплекса мавзолеев неизвестного количества еще не выявленных объектов. Вероятно, часть построена из сырцового кирпича и их остатки слабо выделяются в рельефе, так же как Мавзолей 15. (рис. 9).

В последующих исследованиях предполагается расширение территории покрытия съемкой БПЛА с нагрузкой LiDAR и фотокамерой, расширение зоны создания микротопоплана рельефа и ортофотоплана. При анализе перспективных мест для поиска неизвестных сооружений комплекса мавзолеев предлагается учитывать как отдельные возвышения, так и локальные углубления (вблизи возможных карьеров, мест для добычи глины), визуальный осмотр перспективных мест на основе анализа данных ГИС, связанных с возможной локализацией новых сооружений, в том числе групп сооружений, южнее и восточнее уже выявленных. Дополнительные работы геофизическими методами позволят уточнить вопросы о возможном существовании уровней

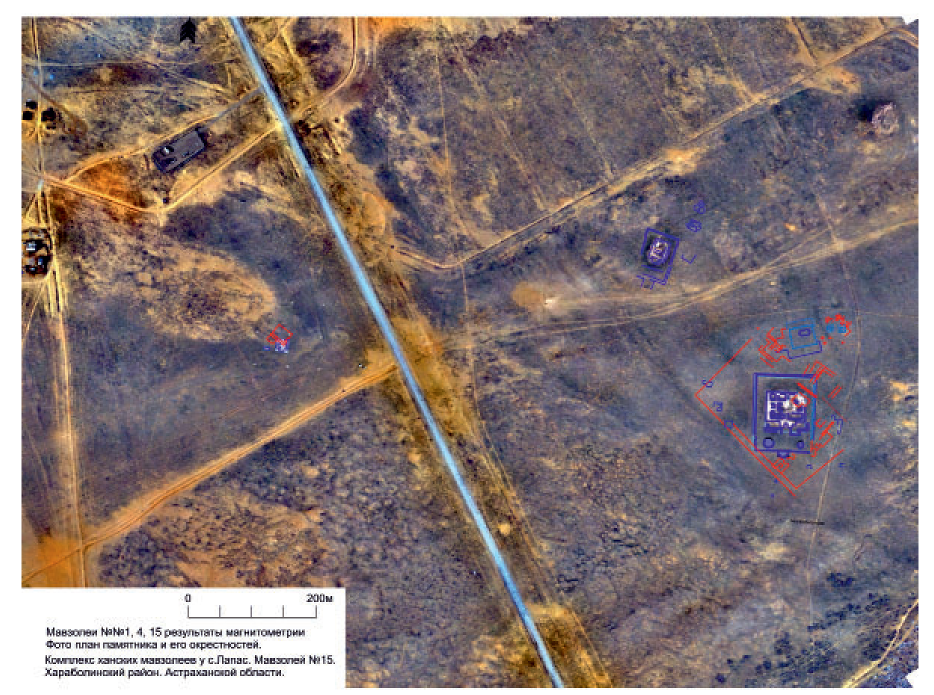

Рис. 8. Наложение прорисовок результатов геофизических исследований мавзолеев №№ 4, 1, 15 (в масштабе), на фотоплан части памятника, комплекс мавзолеев у пос. Лапас.
Fig. 8. Superposition of drawings of the results of geophysical surveys of mausoleums Nos. 4, 1, 15 (in scale) on the photoplan of the monument part, the complex of mausoleums nearby village of Lapas.

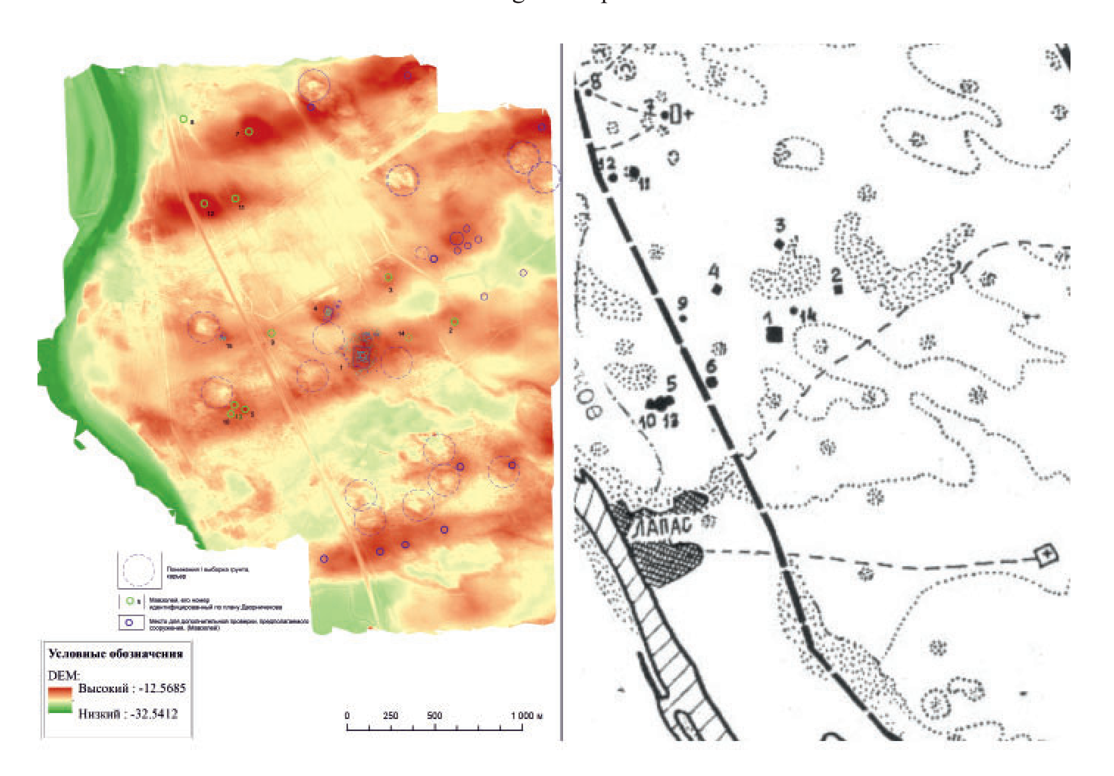

Рис. 9. Сопоставление выкопировки плана комплекса мавзолеев у с. Лапас Дворниченко 1995 г. и карты высот в цвете, созданной при помощи БПЛА с нагрузкой LiDAR, с схематичным нанесением итогов геофизических исследований, места и нумерации известных мавзолеев и мест их возможного, не выявленного нахождения.
Fig. 9. Comparison of the copy of the mausoleum complex plan (1995) at the village of Lapas by Dvornichenko and coloured elevation map, made by UAV with LiDAR, with a schematic drawing of the results of geophysical surveys, the location and numbering of identified mausoleums and places of their possible, unidentified location.

перестроек сооружений и на других мавзолеях, а также выяснить вопросы соотношения расположения объектов по сторонам света и определение их ориентировки. Продолжение геофизических методов предполагает завершение работ на Мавзолее 4 с его западной и северо-западной стороны, а также обследование перспективных мест, выраженных в рельефе, на наличие ранее не выявленных сооружений.

ЛИТЕРАТУРА

Бездудный В.Г., Вафина Г.Х., Мирсияпов И.Ю., Овечкина Л.В., Пигарёв Е.М., Ситдиков А.Г. Предварительные итоги исследований неконтактными методами Лапасского комплекса мавзолеев // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 314–325.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Зарипова Г.Х., Овечкина Л.В., Пигарёв Е.М., Ситдиков А.Г. Исследование комплекса мавзолеев у пос. Лапас Астраханской области с применением современных технологий // Археология и геоинформатика. Шестая международная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 2023. С 40–41.

Пигарёв Е.М. Исследования золотоордынского городища у с. Лапас // Тезисы докладов первого международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни» / Ред. В.И, Петров, Ю.В. Александров, К.Н. Кулик. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. С. 21–22.

Пигарев Е.М. Предварительные результаты использования методики ДЗЗ на территории ханского некрополя у села Лапас Астраханской области // Труды IX (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 422–424.

Пигарёв Е.М., Ситдиков А.Г. Мавзолейный комплекс у с. Лапас Астраханской области (из полевого дневника В.В. Дворниченко) // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 209–220.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен и до конца XVII века Текст. Саратов: Паровая скоропечатня Губ. правл., 1892. 79 с.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным / Труды Саратовской ученой комиссии. Т. 2. Вып. I. Саратов, 1889.

Ситдиков А.Г., Пигарёв Е.М., Сарыбаев М.К. Комплекс мавзолеев у с. Лапас: к вопросу об атрибуции памятника // Археология Евразийских степей. 2023. № 6. С. 259–270.

Эвлия Челеби. Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979.250 с.

Falchetta P. Fra Mauro's World Map. Turnhout: Brepols, 2006. 92 p.

Информация об авторах:

Бездудный Владимир Григорьевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lekt88@mail.ru

Зарипова Гульнур Харисовна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vafina.gulnur5@mail.ru

Овечкина Людмила Викторовна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ya.l16@yandex.ru

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник, Учебно-научный археолого-этнологический центр, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, академик Академии наук РТ, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Bezdudny, V. G., Vafina, G. Kh., Mirsiyapov, I. Yu., Ovechkina, L. V., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 314–325 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zaripova, G. Kh., Ovechkina, L. V., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2023. In Korobov, D. S. (ed.). *Arkheologiya i geoinformatika. Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya (Archaeology and Geoinformatics Sixth International Conference).* Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 40–41 (in Russian).

Pigarev, E. M. 1997. In Petrov, V. I., Aleksandrov, Yu. V., Kulik, K. N. (eds.). *Tezisy dokladov pervogo mezhdunarodnogo simpoziuma «Osobo okhranyaemye territorii i formirovanie zdorovogo obraza zhizni» (Abstracts of papers of the I international symposium " Protected areas of Russia and the formation of a healthy lifestyle").* Volgograd: Press and Information Committee, 21–22 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 422–424 (in Russian).

Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2023. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 44 (2), 209–220. (in Russian).

Chekalin, F. F. 1892. *Saratovskoe Povolzh'e s drevneishikh vremen i do kontsa XVII veka (Saratov Volga Region from Ancient Times to the End of the 17th Century).* Saratov (in Russian).

Chekalin, F. F. 1889. *Saratovskoe Povolzh'e v XIV veke po kartam togo vremeni i arkheologicheskim dannym (Saratov Volga region in the XIV century according to maps of that time and archaeological data).* Series: Trudy Saratovskoy uchenoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Commission) 2 (I). Saratov (in Russian).

Sitdikov, A. G., Pigarev, E. M., Sarybaev, M. K. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 259–270 (in Russian).

Chelebi, E. 1979. Kniga Puteshestviya (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Perevod i kommentarii *(Book of Travel (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler))* 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Falchetta, P. 2006. *Fra Mauro's World Map*. Turnhout: Brepols.

About the Authors:

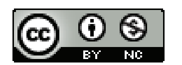
Bezdudny Vladimir G., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lekt88@mail.ru

Zaripova Gulnur Kh., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vafina.gulnur5@mail.ru

Ovechkina Lyudmila V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ya.l16@yandex.ru

Pigarev Evgeny M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Archaeological and Ethnological Center, Mari State University. Lenin Square 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru.

Sitdikov Airat G. Academician of the Tatarstan Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 903.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.47.59

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ С СЕЛИЩА ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПОДЫМАЛОВО-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2022 ГОДА)[1]

© 2024 г. Е.В. Берсенёв, А.И. Тузбеков

В статье представлены результаты изучения коллекции костяных изделий с селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье. Памятник датируется серединой и второй пол. XIV в. Выборка включает 15 предметов, выявленных, в раскопе 2022 г. Дополнительно сюда были включены две находки из раскопа 2019 г. Планиграфически большая часть изделий привязана к производственным и хозяйственным комплексам. Изучение коллекции проводилось с позиций экспериментально-трасологического метода при помощи стреоскопического микроскопа МБС-9 и металлографического микроскопа Альтами MET 6T. В результате изучения к категории инструментов, связанных с гончарным производством, были отнесены лощила из вторых фаланг лошади, к инструментам для обработки шкур отнесен фрагмент тупика из нижней челюсти КРС, к предметам рукоделия отнесены пряслица и проколки. Также в коллекции присутствует деталь составного орудия – рукоятка, наконечник стрелы и две накладки. Установлено, что приемы обработки кости включали строгание, резку, пиление, резьбу и абразивную шлифовку. В качестве сырья отбирались, как небольшие кости, обработка которых не предполагала больших трудозатрат (фаланги, эпифизы), так и крупные части диафизов с толстой компактой. Находка накладки с изображением всадника указывает, что жители селища владели, в том числе, достаточно высокими навыками резьбы по кости.

Ключевые слова: археология, селище Подымалово-1, Золотая Орда, костяные изделия, орудия, фаланги, накладки, проколки, пряслица, трасологический анализ.

RESULTS OF USE-WEAR ANALYSIS OF BONE ITEMS FROM THE GOLDEN HORDE PERIOD PODYMALOVO-1 SITE (BASED ON THE 2022 EXCAVATIONS)[2]

E.V. Bersenev, A.I. Tuzbekov

The article presents the results of studying the collection of bone artifacts from the Podymalovo-1 settlement in the Bashkir Trans-Urals. The site dates back to the middle and second half of the XIV century. The sample includes 15 items discovered in the 2022 excavation. Additionally, two findings from the 2019 excavation were included here. Planimetrically, most of the artifacts are associated with production and economic complexes. The study of the collection was conducted from the perspective of the use-wear analysis using the MBC-9 stereoscopic microscope and the Altami MET 6T metallographic microscope. As a result of the study, horse phalanx bones were classified as tools related to pottery production, while a fragment of a bone scraper from the lower jaw of cattle was classified as a tool for processing hides. Spindle whorls and borer were classified as handicraft items. The collection also includes a component of a composite tool - a handle, arrowhead, and two plates. It was established that the bone processing techniques included scraping, cutting, sawing, carving, and abrasive grinding. Both small bones, which did not require significant labor (phalanxes, epiphyses), and large parts of diaphysis with thick compact bone were selected as raw materials. The finding of an plate with an image of a rider indicates that the inhabitants of the settlement possessed high bone carving skills.

Keywords: archaeology, Podymalovo-1, Golden Horde, bone artifacts, tools, phalanxes, plate, borer, spindle whorl, use-wear analysis

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, No 122041900119-2

[2] The research was carried out as a part of the State Task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, No 122041900119-2

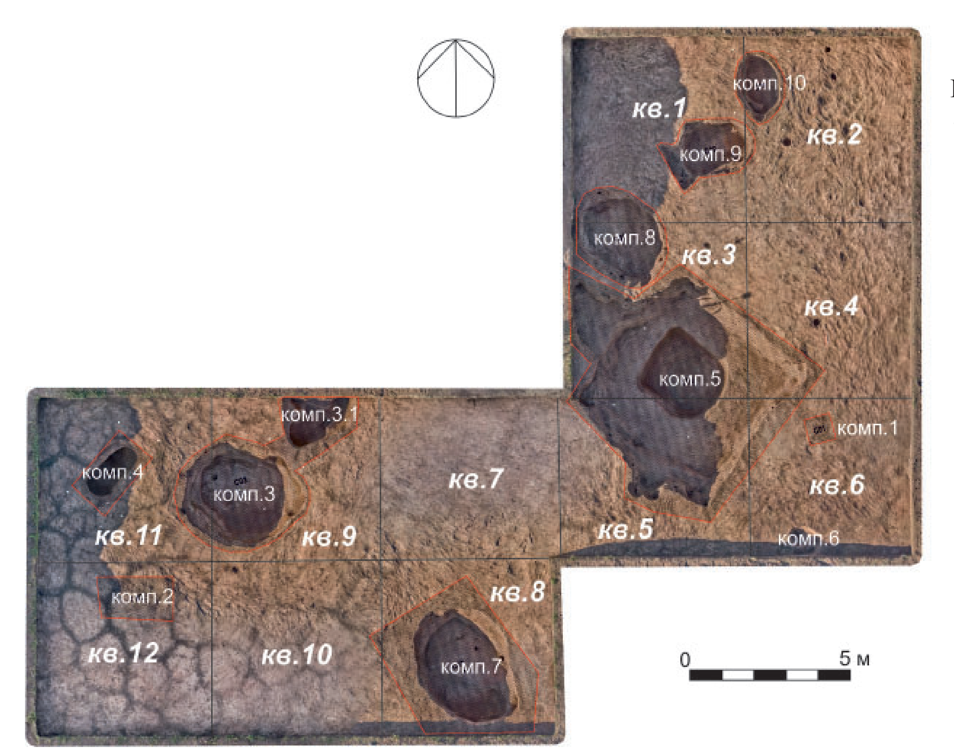

Рис. 1. План раскопа 2022 г. селища Подымалово-1
Fig. 1. Excavation plan for 2022 of the Podymalovo-1 settlement

Введение

В 2022 г. Институтом этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского исследовательского центра РАН совместно с Научно-производственным центром по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан и Уфимским университетом, были продолжены исследования золотоордынского селища Подымалово-1.

Памятник был выявлен Г.Н. Гарустовичем в 2010 г. на правом берегу р. Сикиязки, в 2 км от д. Подымалово Уфимского района Республики Башкортостан (Акбулатов, Гарустович, 2011). Проведенные в 2017 и 2019 гг. исследования, позволили уверенно датировать культурные напластования и комплексы серединой и второй пол. XIV века, а также утверждать то, что жители селища занимались ремесленным производством и имели тесные торговые связи с крупными городскими центрами этой эпохи в Поволжье и Средней Азии (Тузбеков, 2021, с. 157-165).

Перед началом археологических раскопок, в июне 2022 г. на селище были проведены геофизические исследования, в ходе которых было выявлено несколько десятков аномалий, интерпретированных в качестве остатков жилищ или производственных комплексов. Учитывая наличие концентраций аномалий в южной части памятника, было принято решение провести исследования участка южнее раскопа 2017 г. На площади более 300 кв.м. было заложено 12 квадратов размерами 5х5 м (рис. 1). Культурный слой исследовался пластами по 10 см. В результате было изучено десять археологических комплексов: ямы-очаги, хозяйственные ямы, производственные комплексы, жилища(?). Археологическая коллекция составила более 2200 предметов, среди которых подавляющее большинство составили обломки гончарной керамики (1195 ед.), фрагменты кашинной посуды, изделия из черного, цветного металлов и кости.

Коллекция костяных изделий раскопа 2022 г., согласно полевой описи находок, насчитывает 33 предмета. При этом археозоологическая коллекция включает 13713 костей и их фрагментов[1]. Изучение остеологического материала показывает, что следы искусственного воздействия фиксируются на 4630 фрагментах костей (33,8%). По отдельным категориям следов выделено следующее соотношение: разбивание – 18,9%, разрубы – 2,1%, разрубы метаподий и первых фаланг вдоль длинной оси – 0,4%, порезы металлическим лезвием – 0,1 %, следы огня – 10,9%, погрызы собаками (1,6 %) и грызунами (0,01%). Поскольку такие следы типичны для «кухонных остатков», в данном исследовании они не рассматривают-

ся. Также отметим наличие небольшого количества костяной стружки, также найденной в раскопе 2022 г.

Методы исследования

Изучение коллекции костяных изделий проходило в соответствие принципами экспериментально-трасологического метода (Семенов 1957; Коробкова, Щелинский 1996). На поверхности изделий исследовались следы обработки, использования и неутилитарного износа (Гиря, 2015, с. 247-255). Для верификации полученных данных использовались эталоны экспериментальных орудий, хранящихся на базе учебной археологической лаборатории Уфимского университета, а также привлечены данные, опубликованные другими исследователями (Meier, 2013; Mărgărit, 2015; Скочина, 2017; Илюшина и др., 2019; Вальков и др., 2022; Bersenev, Bakhshiev, 2023; Малютина, 2023). Трасологический анализ выполнен при помощи стереоскопического микроскопа МБС-9 и металлографического микроскопа Альтами МЕТ 6Т с цифровой камерой UCMOS, на которую производилась микрофотосъемка. Макросъемка выполнена при помощи фотоаппарата Canon EOS R. Для подготовки фотографий использованы возможности программ Canon EOS Utility, ImageView и Helicon Focus.

Результаты исследования

Как уже было отмечено, в ходе раскопок 2022 г. на селище Подымалово-1 было зафиксировано 33 предмета, интерпретированных в качестве костяных изделий. Однако в ходе их детального изучения установлено, что лишь 24 являются либо целыми изделиями, либо их фрагментами и заготовкам, тогда как остальные относятся к кухонным остаткам, отходам. Это относительно небольшое число, учитывая немалую площадь раскопа.

Наибольшей категорией по числу предметов (9 штук) являются **таранные кости** косуль и МРС со следами обработки и использования. Им посвящена отдельная публикация, поэтому в данной работе они не рассматриваются (Тузбеков и др., 2023). Отметим лишь, что трасологический анализ позволил исключить версию об использовании астрагалов в качестве орудий труда (Флёрова, 2011, с. 108-111; Пальцева, 2020, с. 135). Все они отнесены к игральным костям – фишкам и битам, сам же характер игры предполагал подбрасывание и выбивание. Оставшаяся часть выборки из раскопа 2022 г. насчитывает 15 предметов. Кроме того, в выборку были включены еще два изделия из раскопа 2019 г., отнесенные к орудиям труда. Таким образом, общее число рассматриваемой коллекции включает 17 находок.

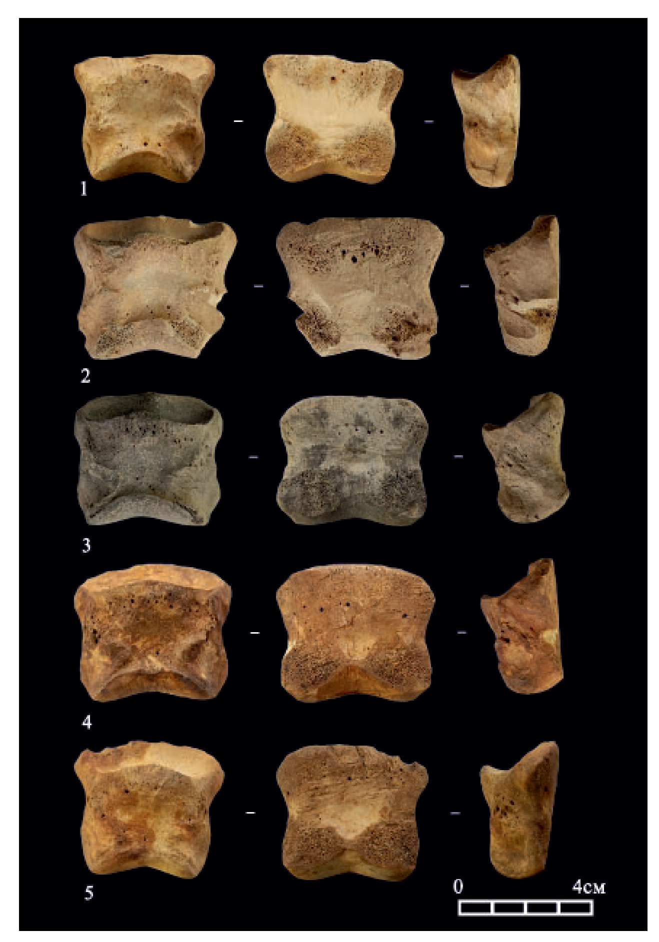

Рис. 2. 1-5 – вторые фаланги лошади из раскопа 2022 г. селища Подымалово-1.
Fig. 2. 1-5 – horse second phalanges from excavation of the Podymalovo-1 settlement.

После астрагалов второй по численности категорией предметов являются *вторые (средние) фаланги лошади* с обработанной (уплощенной) задней поверхностью (рис. 2). Четыре из них обнаружены в комплексе № 5 и одна в комплексе № 3.

Согласно одному из предположений, аналогичные находки, известные, например, по материалам Болгара, являлись инструментом кожевенного производства и «…использовались для мездрения шкур животных, вычищения от остатков жира и сухожилий в труднодоступных местах животной шкуры» (Пальцева, 2020, с. 44). Аналогичное изделие обнаружено в раскопе селища Ябалаклы-1 чияликской культуры и отнесено к категории

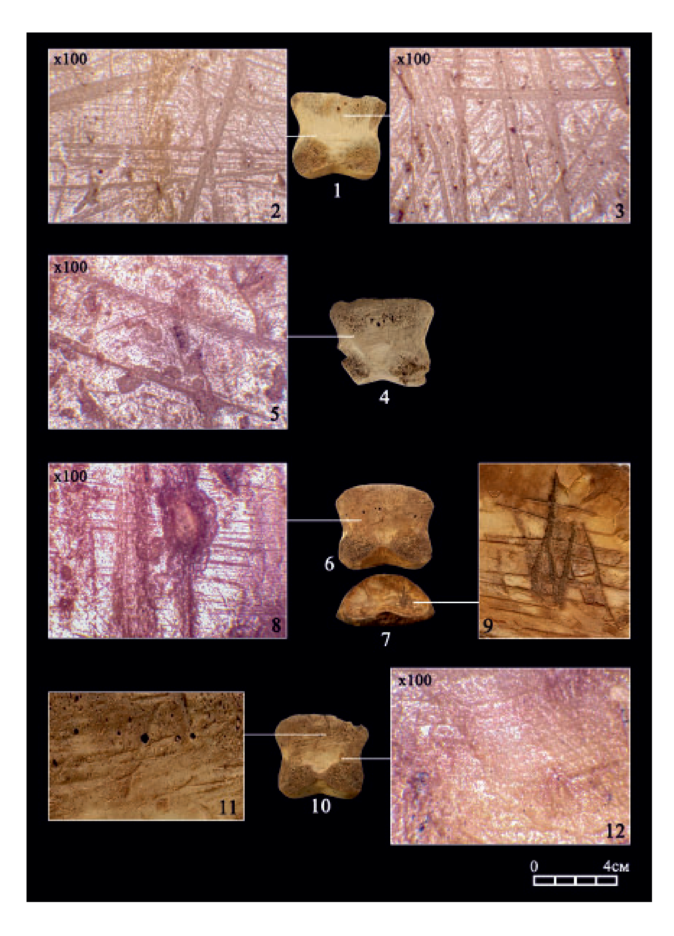

Рис. 3. 1 – фаланга № 1 из раскопа 2022 г. селища Подымалово-1; 2-3 – следы использования на поверхности фаланги № 1 (х100); 4 – фаланга № 2 из раскопа 2022 г. селища Подымалово-1; 5 – следы использования на поверхности фаланги № 2 (х100); 6-7 – фаланга № 3 из раскопа 2022 г. селища Подымалово-1; 8 – следы использования на поверхности фаланги № 3 (х100); 9 – орнамент(?) на поверхности фаланги № 3; 10 – фаланга № 5 из раскопа 2022 г. селища Подымалово-1; 11 – следы обработки на поверхности фаланги № 5; 12 – следы использования на поверхности фаланги № 1 (х100).

Fig. 3. 1 – phalanx No.1 from the excavation of the Podymalovo-1 settlement in 2022; 2-3 – traces of use on the surface of phalanx No.1 (x100); 4 – phalanx No.2 from the excavation of the Podymalovo-1 settlement in 2022; 5 – traces of use on the surface of phalanx No.2 (x100); 6-7 – phalanx No.3 from the excavation of the Podymalovo-1 settlement in 2022; 8 – traces of use on the surface of phalanx No.3 (x100); 9 – ornament (?) on the surface of phalanx No.3;
10 – phalanx No.5 from the excavation of the Podymalovo-1 settlement in 2022; 11 – traces of processing on the surface of phalanx No.5; 12 – traces of use on the surface of phalanx No.1 (x100).

«лощил», но без уточнения конкретной трудовой операции (Русланов, 2023, с. 123)[2].

Фаланга № 1 (ком. 3, гор. 5) имеет наиболее выраженный комплекс следов (рис. 2: 1; 3: 1). Задняя поверхность, выступавшая рабочей стороной, срезана и сработана в процессе использования (рис. 3: 2–3). Имеет белый цвет, тогда как противоположные стороны пожелтевшие. Здесь сохранилось несколько глубоких, поперечных следов, оставленных металлическим лезвием в процессе обработки. Вся поверхность рабочей стороны покрыта умеренно яркой поверхностной заполировкой, мало проникающей в понижения рельефа. Частично она покрывает и заглаженные участки губчатой массы. Кроме того, здесь фиксируются многочисленные линейные следы различных размеров: от коротких и тонких до достаточно глубоких и длинных с неровными каналами и рваными бортами. Царапины располагаются поверх заполировки и практически не перекрываются ею, что позволяет интерпретировать их в качестве следов износа. Наиболее крупные из них, различимые и невооруженным глазом, образуют целые группы, продольные и перпендикулярные вертикальной оси косточки. Более мелкие следы в целом имеют аналогичную направленность, но также можно выделить и множество хаотичных мелких царапин. Такое расположение указывает, что взаимодействие с обрабатываемым материалом имело имело преимущественно возвратно-поступательный. Передняя поверхности не имеет столь выраженных следов. На ней сохранилась легкая заполированность, которая, по всей видимости, является результатом аккомодационного воздействия, т.е. следствие удержания изделия рукой. Кроме того, здесь же сохранились следы (например, на гранях кости), оставленные металлическим лезвием в процессе обработки, либо вычленения из конечности.

На *фалангах № 2* (ком. 5, гор. 2) и *№ 4* (ком. 5, гор. 4) (рис. 2: 2, 4; рис. 3: 4, 6) заполированность на рабочей поверхности чуть более яркая, но при этом такая же поверхностная, не проникающая в понижения рельефа. Фаланга № 4 в целом имеет худшую сохранность, признаки износа фиксируются лишь на отдельных участках. Комплекс линейных следов в целом аналогичен фаланге № 1, их

направленность и параметры совпадают. Наиболее крупные из них расположены либо диагонально (рис. 3: 5), либо перпендикулярно (рис. 3: 8) вертикальной оси. Обращает на себя внимание, что цвет рабочей стороны на этих косточках не отличается от цвета остальной поверхности. Следы обработки/вычленения и легкая заполированность в обоих случаях также различимы на передней поверхности. На фаланге № 4 в месте крепления к проксимальной фаланге имеются насечки, чей характер образования явно неслучаен и, по всей видимости, не связан с процессом вычленения (орнамент, знак?) (рис. 3: 9).

Фаланга № 3 (ком. 5, гор. 3) (рис. 2: 3) имеет плохую сохранность, в силу чего интерпретация следов износа затруднительна. Можно отметить, что различимы лишь крупные борозды, представляющие собой, по всей видимости, следы обработки. Выделить участки заполированности и мелких линейных следов, если они имели место быть, не представляется возможным. При этом также создается впечатление, что кость была не до конца обработана, поскольку задняя поверхность выровнена не полностью, её рельеф грубо обработан, сохранились крупные выступы в нижней части. В таком случае можно предположить, что перед нами не готовое изделие, а заготовка.

На грубо обработанной, уплощенной задней стороне *фаланги 5* (ком. 5, гор. 5) сохранились глубокие поперечные и диагональные следы, оставленные при обработке металлическим инструментом (рис. 2: 5; 3: 10–11). Рельеф неровный, на его возвышенных участках сохранилась легкая заполированность (рис. 3: 12). На противоположной передней поверхности также имеется слабая заполировка отдельных участков и единичные следы от порезов. Линейные следы использования практически не фиксируются. Характер износа указывает, по всей видимости, на сравнительно непродолжительное время использования изделия.

Отметим также, что два аналогичных изделия были обнаружены и в раскопе 2019 г. (ком. 2, гор. 5) (рис. 4: 1–8) (Тузбеков и др., с. 41–42). Оба имеют аналогичный, хорошо выраженный комплекс следов, схожий в целом со следами на поверхности фаланг № 1, 2 и 4. Следы использования представлены умеренной заполировкой, непроникающей

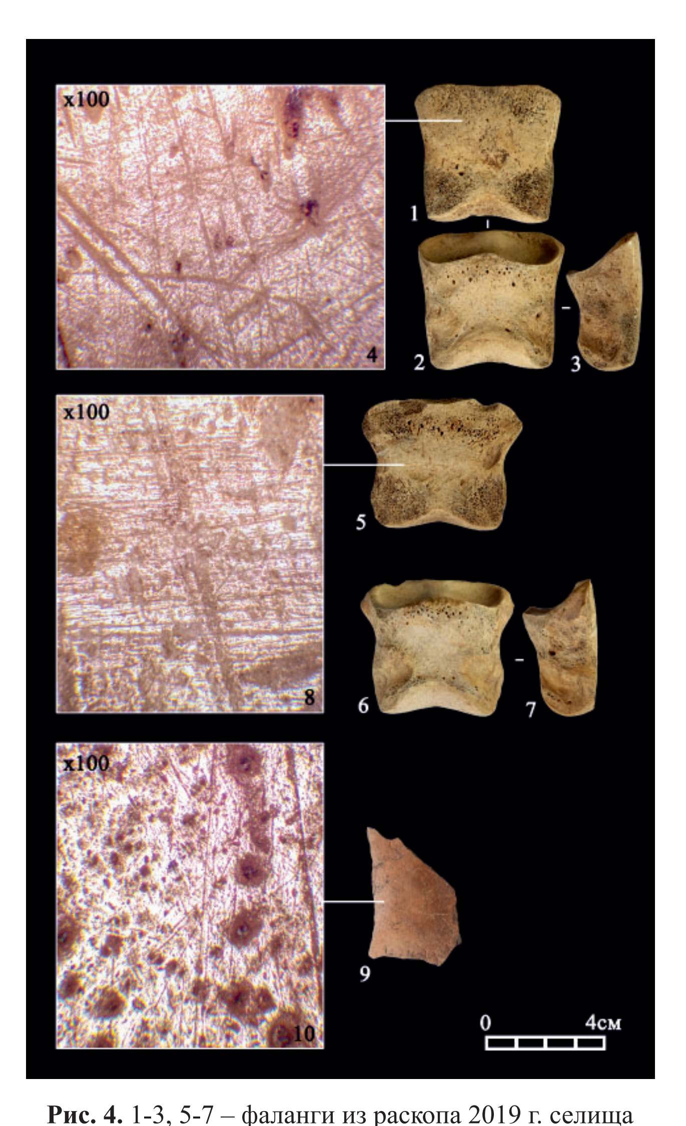

Рис. 4. 1-3, 5-7 – фаланги из раскопа 2019 г. селища Подымалово-1; 4, 8– следы использования на поверхности фаланг из раскопа 2019 г. (х100); 9 – фрагмент тупика для обработки шкур; 10 – следы использования на поверхности тупика (х100).
Fig. 4. 1-3, 5-7 – phalanges from the excavation of the Podymalovo-1settlement in 2019; 4, 8 – traces of use on the surface of the phalanges from the excavation in 2019 (x100); 9 – fragment of the scraper for processing hides; 10 – traces of use on the surface of the scraper for processing hides (x100).

в понижение микрорельефа, а также линейными следами, как разнонаправленными, так и поперечными (рис. 4: 4, 8). Также присутствуют следы обработки металлическим лезвием.

Как было сказано выше, существует версия о принадлежности таких изделий к инструментарию кожевенников. Не исключая подобной интерпретации по отношению к другим памятникам, отметим, что в случае с подымаловскими находками она, на наш взгляд, сомнительна. Рабочие стороны сработаны

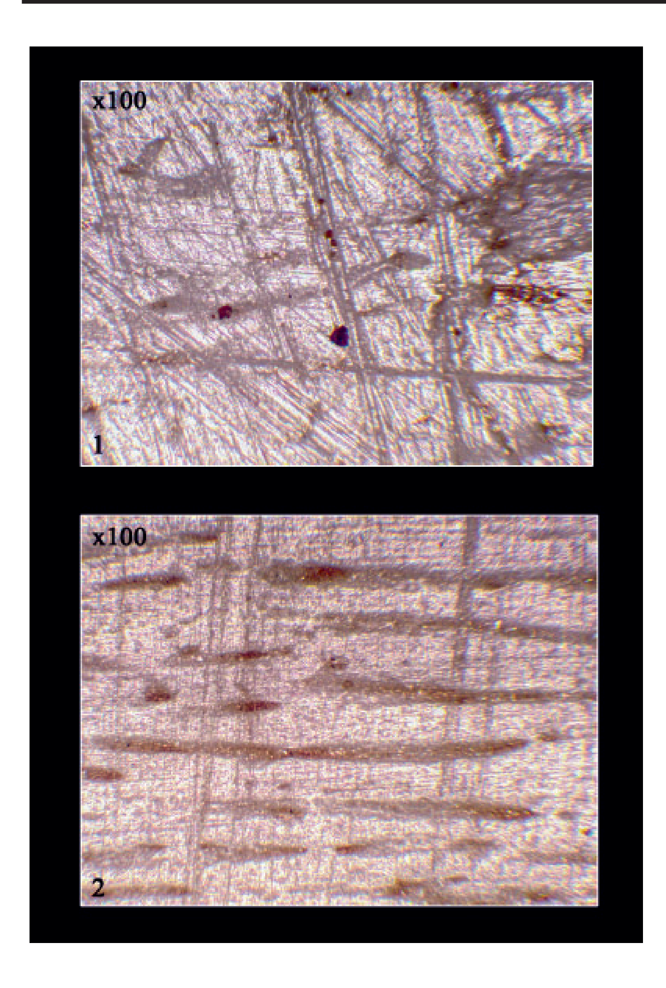

Рис. 5. 1 – следы использования на поверхности экспериментального орудия для лощения сухой поверхности керамического сосуда (x100); 2 – следы использования на поверхности экспериментального орудия для заглаживания сырой поверхности керамического сосуда (x100).
Fig. 5. 1 – traces of use on the surface of an experimental tool for polishing the dry surface of a ceramic vessel (x100); 2 – traces of use on the surface of an experimental tool for smoothing the raw surface of a ceramic vessel (x100).

практически равномерно, следы износа не распространяются за пределы задней поверхности фаланг. Характер заполировки отличается от так называемой «шкурной» и соответствует скорее более твердому материалу, а комплекс линейных следов указывает на его абразивное воздействие на поверхность кости.

Подобная характеристика комплекса следов износа (царапины и не проникающая глубоко в рельеф заполировка) прослежена на костяных орудиях керамического производства (Meier, 2013; Mărgărit, 2015; Илюшина и др., 2019, с. 26; Вальков и др., 2022, с. 79; Малютина, 2023, с. 162-164). Аналогичные следы также получены в результате проведения серии экспериментов на базе Уфимского университета науки и технологий, включавшей два вида работ: заглаживание поверхности сосудов из сырой глины с целью придания им нужной формы и лощение сосудов после их высыхания непосредственно перед обжигом (рис. 5: 1–2)[3]. Наибольшее сходство с комплексом следов на фалангах с Подымаловского селища обнаруживается на экспериментальном лощиле по подсушенной глине (рис. 5: 1).

Таким образом, можно предположить, что изделия из вторых фаланг лошади использовались в керамическом производстве. При этом, отметим, что полифункциональность таких изделий не должна быть исключена. Полагаем, что для уточнения данных выводов требуется привлечение большего материала и проведение дополнительных экспериментов.

К числу инструментов обработки шкур/кожевенного производства отнесен фрагмент нижней челюсти КРС (кв. 7, гор. 1) (рис. 4: 9–10). Внешняя сторона покрыта яркой, обволакивающей заполировкой и тонкими, однонаправленными линейными следами (рис. 4: 10). Такой комплекс следов износа в целом характерен для *тупиков и стругов*, использовавшихся для выделки шкур (Скочина, 2017, с. 105-107, рис. 44–46; Bersenev, Bakhshiev, 2023, p. 83–84; Малютина, с. 155–156, рис. 64–66).

Остроконечные орудия из раскопа 2022 г. представлены тремя изделиями, условно отнесенные к «проколкам».

Проколка 1 (кв. 9, гор. 3) изготовлена из фрагмента компакты трубчатой кости, длина – 12 см (рис. 6: 1). Обработано металлическим лезвием, рабочая часть изделия тонкая, округлой в сечении формы диаметром около 0,3–0,4 см. Сторона противоположная острию подпрямоугольной формы, уплощенная в сечении, шириной до 1 см. Эта часть обработана достаточно грубо, боковые стороны срезаны металлическим лезвием. Острие имеет небольшую притупленность, лучше всего различимую под микроскопом. Здесь же имеются следы изготовления – строгания и легкая заполированность, наиболее выраженная выражены на участке в 2 см от острия (рис. 6: 2).

Проколка 2 (ком. 9, гор. 5) из луча рыбы семейства осетровых (рис. 6: 3). Кончик сработан, притуплен и частично поврежден. Следов обработки не фиксируется, естественная форма кости сама по себе уже располагает к использованию в качестве орудия. Заполировка поверхности достаточно тусклая, наиболее выражена ближе к острию, где также имеются немногочисленные тонкие линейные следы, как продольные, так и перпендикулярные (рис. 6: 4).

Однозначно сказать о том, для работы с каким материалом использовались подымаловские проколки достаточно затруднительно. Характер следов использования указывает на сравнительно непродолжительный период их использования. С определенной осторожностью можно предположить, что они могли применяться для работы с мягким, эластичным материалом, например, таким как кожа. В таком случае к данным предметам вполне допустимо употребление термина *«шилья»*.

«Проколка» 3 представляет собой грифельную кость лошади (рис. 6: 5–6). В силу естественной формы, они требуют минимальных усилий при обработке и очень удобны для использования в качестве остроконечных инструментов (Смирнова, 2000, с. 239; Файзулин, Усачук, 2018, с. 174). Она имеет обломанные концы в силу чего следы взаимодействия с обрабатываемым материалом не сохранились. Соответственно, точно определить является ли она орудием затруднительно, поэтому название и заключено в кавычки. Тем не менее, можно выделить легкую заполированность поверхности противоположной острию стороны, сочетающуюся с тонкими царапинами, что можно интерпретировать в качестве следов аккомодации. Кроме того, у широкого края имеются тонкие V-образные в сечении следы, оставленные металлическим лезвием, расположенные в том числе и с внутренней стороны, т.е. с той, которая прилегает к третьей пястной кости. Характер их образования ли можно считать случайным и скорее может быть связан с преднамеренным вычленением из конечности.

Рукоятка составного орудия (кв. 10, гор. 1) из толстой компакты крупной кости (рис. 7: 1). Длина – 7,8 см, толщина – 0,7 см. Прямоугольная в сечении, сохранилась частично. С одной стороны был проделан канал отверстия для вставки инструмента, также подпрямоугольного в сечении. Следов изготовления не сохранилось. Поверхность кости покрыта яркой, зеркальной заполировкой и короткими, тонкими, разнонаправленными линейными следами, оставленными в процессе аккомодационного воздействия.

Рис. 6. 1 – проколка № 1; 2 – следы обработки и использования на поверхности проколки № 1 (х100); 3 – проколка № 2; 4 – следы использования на поверхности проколки № 2 (х100); 5 – проколка № 3; 6 – заполированность и линейные следы на поверхности проколки № 3 (х100).

Fig. 6. 1 – borer No.1; 2 – traces of processing and use on the surface of borer No.1 (x100); 3 – borer No.2; 4 – traces of use on the surface of borer No.2 (x100); 5 – borer No.3; 6 – polishing and linear traces on the surface of borer No.3 (x100).

Два небольших эпифиза с просверленными сквозными отверстиями, найденные в квадрате 9 (гор. 2–3) отнесены к *«пряслицам»* (рис. 8: 1–2), в соответствии с устоявшимся наименованием для подобных изделий для различных периодов и территорий, хотя имеются и другие наименования с различными вариантами интерпретации их функционального назначения (Семенов, 1957, с. 222; Коробкова,

Рис. 7. 1 – рукоятка; 2-3 – следы использования на поверхности рукоятки (x100).
Fig. 7. 1 – handle; 2-3 – traces of use on the surface of the handle (x100).

Виноградов, 2004, с. 80; Усачук, 2013, с. 347; Евгеньев и др., 2016, с. 139; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 140; Рафикова и др., 2019, с. 96; Усачук, Бахшиев, 2020. с. 63; Пальцева, 2020, с. 57-58; Bersenev, Bakhshiev, 2023, p. 83-84). Основание одного частично утрачено (рис. 8, *1*). Второе сохранилось полностью (рис. 8: 2), что позволяет говорить о подрезке губчатой массы, как способе его обработки. Диаметр отверстий в обоих эпифизах составляет 0,5 см. Каналы ровные, прямые. Сверление осуществлялось с одной стороны сверху вниз, следов износа по краям отверстий и внутри каналов не прослеживается. Отсутствие признаков использования внутри и по краям отверстия может объясняться плотным насадом на стрежень/веретено без частого снятия, а также позволяет исключить лощение в качестве основной функции изделий (Усачук, Бахшиев, 2020, с. 63).

Остроконечное трехгранное в сечении изделие с короткой, широкой втулкой (кв. 6, гор. 2), по всей видимости, является *томаром* – разновидностью охотничьих наконечников стрел, главная задача заключалась в сохранении шкуры животного целой (рис. 8: 3). Длина – 3,5 см, диаметр – 2,5 см. Грани и втулка аккуратно срезаны. На поверхности не наблюдается каких-либо следов использования. Окатанность углов и граней связана, по всей видимости, с условием пребывания изделия в слое. Аналогии имеются на территории Волжской Булгарии (Медведев, 1966, с. 87, табл. 30, 27; Закирова, 1988, с. 224-225; рис. 99, 1–10; Пальцева, 2020, с. 80; рис. 11, 8).

Рис. 8. 1-2 – пряслица; 3 – наконечник стрелы.
Fig. 8. 1-2 – spindle whorl; 3 – arrowhead.

Фрагмент костяной накладки (ком. 2, гор. 1) имеет трапецевидную в сечении форму, обломана (рис. 9: 1-3). Изготовлена из толстой компакты крупной кости, по всей видимости, помимо металлического инструмента применялась и абразивная обработка. Длина – 5,4 см, ширина – 3 см, толщина – до 0,8 см. Поверхность изделия хорошо обработана, грани

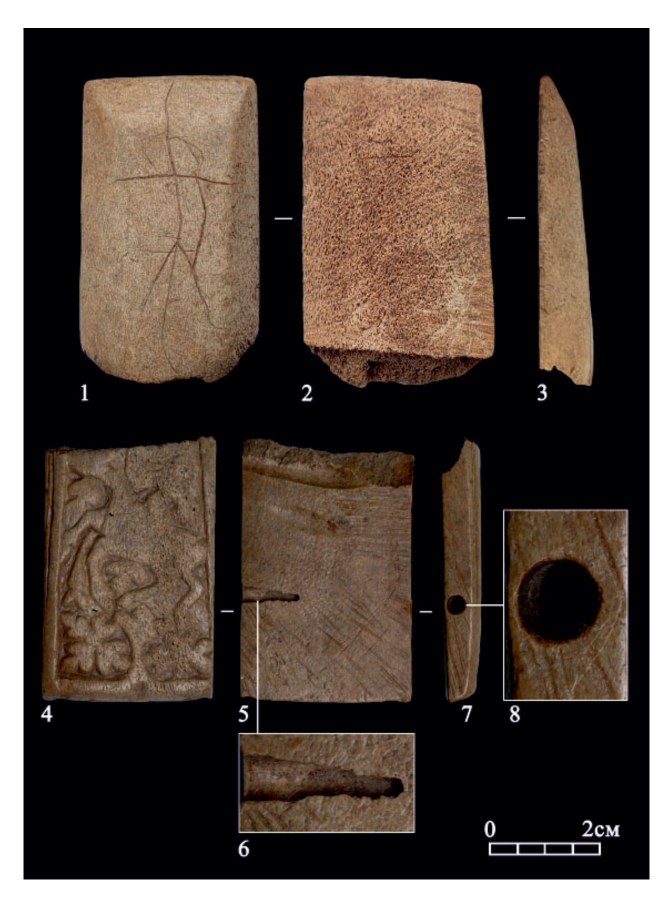

Рис. 9. 1-3 – фрагмент накладки; 4-7 – фрагмент накладки с изображением всадника; 8-9 – отверстия в боковых сторонах накладки.
Fig. 9. 1-3 – fragment of the plate; 4-7 – fragment of the plate with the image of a horseman; 8-9 – holes in the sides of the plate.

скруглены, заглажены. На внешнюю сторону металлическим лезвием грубо нанесено несколько линий, образующие нечто напоминающее трезубец. Менее выражен небольшой овал, расположенный ближе к сохранившему краю. Не исключено, что вся совокупность линий представляет собой единую композицию, возможно, предварительную разметку будущего изображения(?). Внутренняя сторона также хорошо обработана, выровнена. В процессе камеральной обработки поверхность изделия была покрыта консервантом, что осложняет выделение заполировки и залощенности, поскольку сам раствор после высыхания дает яркий блеск при микроскопическом анализе. При этом хорошо различима заглаженность обеих сторон, поверх которой наблюдаются тонкие, короткие линейные следы, расположенные хаотично. Можно предположить, что изделие представляет собой фрагмент накладки на рукоять (ножа?).

Фрагмент костяной накладки с изображением всадника (кв. 6, гор. 1) (рис. 9: 4–8). Изготовлена из толстой компакты крупной кости. Имеет прямоугольную форму, обломана. Длина – 4,7 см, ширина – 3 см, толщина – 0,5 см. На внешней стороне вертикально нанесено рельефное изображение всадника на вздыбленном коне, под ногами которого изображен растительный орнамент. Само изображение окаймлено рамкой. Руки всадника согнуты в локтях, одна поднята вверх, другая чуть опущена. На поверхности сохранились следы резания и пиления. С боковых сторон проделаны два несквозных отверстия (рис. 9: 5-8). Слева одно диаметром 0,3 см и глубиной 1,1 см (рис. 9: 5–6). Справа еще одно такого же диаметра и глубиной 1,4 см (рис. 9: 7-8). Из-за того, что расположен он близко краю, в процессе сверления компакта сломалась, оставив открытый канал. Отверстия расположены практически на одной линии, первое на расстоянии 1,5 см от нижнего края, другое в 1,7 см от него. Возможно, мастер предполагал соединить их, чтобы получить один сквозной канал. На внутренней стороне имеется множество грубых линейных следов, перпендикулярных и диагональных вертикальной оси, такие же имеются и на боковых сторонах. Ближе к обломанному краю две широкие округлые борозды. Одна от правого края почти доходит до левого. Частично они перекрыты грубыми царапинами. Можно предположить, что это также свидетельство неудачного(?) сверления. Как и в случае с первой накладкой, поверхность покрыта консервирующим раствором, что затрудняет описание всего комплекса следов.

Заключение

Наличие костяной стружки, незавершенных и готовых изделий, а также обнаружение инструментов косторезов (Тузбеков и др., 2022), свидетельствует о существовании косторезного ремесла на селище Подымалово-1.

Для изготовления изделий из кости мастера использовали как небольшие астрагалы, фаланги, эпифизы, так и части диафизов с толстой компактой. Процесс обработки костей включал строгание, резку, распил, резьбу, абразивную шлифовку. Большая часть предметов такие как лощила из фаланг, астрагалы, пряслица, проколки не нуждалась в больших трудовых затратах для изготовления, поскольку сама естественная форма костей позволяет

их минимизировать. В то же время, наличие изящно изготовленных составных элементов орудий труда (рукоятка), костяной накладки с изображением всадника на вздыбленном коне, указывает на достаточно высокий уровень навыков косторезов.

В результате трасологического анализа костяных изделий было установлено, что наряду с косторезным делом, жители селища занимались обработкой шкур/кожи (фрагмент тупика, проколки), керамическим производством (вторые фаланги лошади), прядением (пряслица). В свободное от работы время ремесленники играли в азартные игры с выбиванием или подбрасыванием, в которых использовались обработанные астрагалы.

Привлечение дополнительного материала и новых экспериментов может позволить получить более конкретные, уточненные данные.

Примечания:

[1] Археологическое изучение коллекции 2022 г. выполнено Н.В. Росляковой и И.М. Григорьевой. Полные результаты будут опубликованы в отдельной статье.

[2] Согласно устному сообщению автора публикации, данное изделие также может быть отнесено к числу инструментов для обработки шкур/кожи.

[3] Выражаем благодарность заведующему учебной археологической лабораторией Уфимского университета науки и технологий В.И. Мухаметдинову за помощь в проведении экспериментов.

Благодарности:

Авторы выражают благодарность сотруднику экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН А.А. Малютиной за консультационную помощь при подготовке статьи, а также Р.Р. Сарбаеву за помощь, оказанную при подготовке иллюстраций.

ЛИТЕРАТУРА

Акбулатов И.М., Гарустович Г.Н. Серебряные гривны, медные пулы и находки отдельных джучидских монет при раскопках на Южном Урале // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова / Отв. ред. А.В. Всянчин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 29–35.

Вальков И.А., Папин Д.В., Федорук А. С. Костяные изделия развитого и позднего бронзового века с поселения Жарково-3 (степной Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 3. С. 73–85. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-73-8.

Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию В. Е. Щелинского / Ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–267.

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 196 с.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.

Илюшина В.В., Скочина С.Н., Кисагулов А.В. Хозяйственная и производственная деятельность населения эпохи поздней бронзы (по материалам поселения Бочанцево 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 21–35.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2004. № 2. С. 57–87.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Малютина А.А. Производство и функции изделий из твердых органических материалов в неолите Днепро-Двинского междуречья. Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2023. 404 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII-XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Пальцева Д.У. Костяные изделия городов Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды X–XIV вв. Дисс. … канд. ист. наук. Казань: ИА АН РТ, 2020. 402 с.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред М.А Турецкий. Самара: СГСПУ, 2019. С. 86–150.

Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 5. С. 118–130. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130.

Семёнов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) / МИА. № 54. М.; Л.: АН СССР, 1957. 240 с.

Скочина С.Н. Каменная и костяная индустрия в эпоху неолита лесостепного Приишимья. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2017. 321 с.

Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. Вып. 7 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 236–246.

Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 4. С. 157–165.

Тузбеков А.И, Берсенёв Е.В., Шагапова Г.Р. Игральные кости из раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье (по результатам раскопок 2022 года) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35. № 4. С. 159–174 DOI: 10.14258/tpai(2023)35(4).-09.

Тузбеков А.И., Григорьева И.М., Рослякова Н.В. Результаты археозоологического исследования остеологического материала из раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье (2019 г.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 3 (77). С. 37–50. DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-37–50.

Усачук А.Н. Костяные изделия из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 331–388.

Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Коллекция костяных изделий поселения Оло Хаз // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. no 8 (2). С. 55–123. DOI: 10.24412/2310-2144-10.24411/2310-2144-2020-00011.

Усачук А.Н., Файзуллин И.А. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 127–148.

Файзуллин И.А., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости Родникового поселения позднего бронзового века в степном Оренбуржье // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3 (27). С. 172–186.

Флёрова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Bersenev E.V., Bakhshiev I.I. Use-Wear Analysis of Bone Artifacts from the Bronze Age Settlement of Tyubyak (Based on the Materials from the 1987 Excavation). In: Ankusheva, N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2023, pp. 81-93. https://doi.org/10.1007/978-3-031-46424-9_8.

Mărgărit, M. Spatulas and abraded astragalus: Two types of tools used to process ceramics? Examples from the Romanian prehistory // Quaternary International 438(B), 2015, pp. 201–11. DOI 10.1016/j.quaint.2015.07.057.

Meier, J. More than Fun and Games? An Experimental Study of Worked Bone Astragali from Two Middle Bronze Age Hungarian Sites // From these bare bones: raw materials and the study of worked osseous materials. Oxford, 2013, pp. 166–173.

Информация об авторах:

Берсенёв Егор Васильевич, младший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского Федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия); egor215@bk.ru

Тузбеков Айнур Ильфатович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского

федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия); aituzbekov@gmail.com

REFERENCES

Akbulatov, I. M., Garustovich, G. N. 2011. In Vsyanchin, A. V. (ed.).

Etnogenez. Istoriya. Kul'tura: I Yusupovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Rinata Mukhametovicha Yusupova (Ethnic genesis. History. Culture: I Yusupov's Readings). Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 29–35 (in Russian).

Val'kov, I. A., Papin, D. V., Fedoruk, A. S. 2022. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 21 (3), 73–85 DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-73-8 (in Russian).

Girya, E. Yu. 2015. In Lozovskaia, O. V., Lozovskii, V. M., Girya, E. Yu. (eds.). *Sledy v istorii. K 75-letiiu Viacheslava Evgen'evicha Shchelinskogo (Traces in History: towards the 75th Anniversary of Vyacheslav Shchelinsky)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 232–267 (in Russian).

Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Mukhametdinov, V. I., Rosliakova, N. V., Usachuk, A. N., Faizullin, I. A., Khokhlov, A. A. 2016. *Poselenie Maloiuldashevo I epokhi neolita i pozdnei bronzy v Zapadnom Orenburzh'e (Maloyuldashevo I Settlement of the Neolithic and Late Bronze Age in Western Orenburg Region).* Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Zakirova, I. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 220–243 (in Russian).

Ilyushina, V. V., Skochina, S. N., Kisagulov, A. V. 2019. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 45 (2), 21–35 (in Russian).

Korobkova, G. F., Vinogradov, N. B. 2004. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University: History Series.)* (2), 57–87 (in Russian).

Korobkova, G. F., Shchelinskii, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Methodology of Micro- and Macroanalysis of Prehistoric Implements)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Malyutina, A. A. 2023. *Proizvodstvo i funktsii izdeliy iz tverdykh organicheskikh materialov v neolite Dnepro-Dvinskogo mezhdurech'ya (Production and functions of items from solid organic materials in the Neolithic of the Dnieper-Dvina interfluve).* Diss. of Candidate of historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Paltseva, D. U. 2020. *Kostianye izdeliia gorodov Volzhskoi Bulgarii i bolgarskogo ulusa Zolotoi Ordy X–XIV vv. (Bone Products from the Towns of Volga Bolgaria and the Bulgarian Ulus of the Golden Horde in the 10th – 14th Centuries.).* Diss. of Candidate of historical Sciences. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Rafikova, Ya. V., Fedorov, V. K., Usachuk, A. N. 2019. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 7. Samara: "Knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 86–150 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2023. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 22 (5), 118–130 DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130 (in Russian).

Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika (Primeval Technics)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Skochina, S. N. 2017. *Kamennaya i kostyanaya industriya v epokhu neolita lesostepnogo Priishim'ya (Stone and bone industry in the Neolithic of the forest steppe of the Ishim region)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Smirnova, L. I. 2000. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 7. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 236–246 (in Russian).

Tuzbekov, A. I. 2021. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4, 157–165 https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4).-09 (in Russian).

Tuzbekov, A. I., Bersenev, E. V., Shagapova, G. R. 2023. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4 (35), 159–174 https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-09 (in Russian).

Tuzbekov, A. I., Grigorieva, I. M., Roslyakova, N. V. 2022. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 3, 37–50 DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-37–50 (in Russian).

Usachuk, A. N. 2013. In Vinogradov, N. B. (ed.). *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e (Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals).* Chelyabinsk: "Abris" Publ., 331–388 (in Russian).

Usachuk, A. N., Bakhshiev, I. I. 2020. In *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 8 (2), 55–123 (in Russian).

Usachuk, A. N, Faizullin, I. A. 2016. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 12. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 127–148 (in Russian).

Faizullin, I. A., Usachuk, A. N. 2018. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Orenburg Pedagogical University)* 27 (3), 172–186 (in Russian).

Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Bersenev, E. V., Bakhshiev, I. I. 2023 In Ankusheva, N., Chechushkov, I. V., Epimakhov, A., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds.). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Springer, Cham, 81–93. https://doi.org/10.1007/978-3-031-46424-9_8 (in English).

Mărgărit, M. 2015. In *Quaternary International* 438(B), 201–211. DOI 10.1016/j.quaint.2015.07.057 (in English).

Meier, J. 2013. In *From these bare bones: raw materials and the study of worked osseous materials.* Oxford, 166–173.

About the Authors:

Bersenev Egor V., Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; egor215@bk.ru

Tuzbekov Ainur I., Candidate of Historical Sciences, Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; aituzbekov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 (902.2=902.03) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.60.65

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ КРИЦЫ С НИКОЛЬСКОГО СЕЛИЩА[1]

© 2024 г. В.А. Винничек, К.М. Винничек

В статье представлены результаты анализа железной крицы с Никольского селища, расположенного в Верхнем Посурье. Данная находка была сделана на площадке поселения, где также зафиксированы множественные находки железного шлака, обугленные кости домашних животных и кусочки мела. Авторы считают, что это – свидетельства местного железоплавильного производства. Спектральный анализ крицы показал в ее составе примеси молибдена, никеля и ванадия. Такие же элементы ранее были зафиксированы при проведении исследований новгородских железных изделий XII – XV вв. В Верхнее Посурье такие железные крицы, очевидно, поступали в качестве экспортных товаров. Однако в настоящее время установить локализацию региона их производства не представляется возможным, поскольку не имеется данных о подобных исследованиях железных криц и изделий с поселений Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, железная крица, спектральный анализ, железоплавильное производство, Никольское селище, Верхнее Посурье, Золотая Орда, средневековье.

RESERCH OF IRON BLOOM FROM NIKOLSKOYE SETTLEMENT[2]

V.A. Vinnichek, K.M. Vinnichek

The article presents the results of analysis of the iron bloom from the Nikolskoye settlement, located in the region of Upper Sura. This discovery was made at the settlement site, where multiple finds of iron slag, carbonized bones of domestic animals and pieces of chalk were also recorded. The authors believe that these are evidence of local iron smelting. Spectral analysis of the iron bloom showed admixtures of molybdenum, nickel and vanadium in its composition. The same elements were previously recorded during studies of Novgorod iron items of the 12th – 15th centuries. In the region of Upper Sura such iron blooms obviously came as export goods. However, at present it is not possible to establish of their production area, since there is no data on such studies of iron blooms and products from the settlements of Volga Bolgaria and the Golden Horde.

Keywords: archaeology, iron bloom, spectral analysis, iron smelting, Nikolskoye settlement, region of Upper Sura, Golden Horde, Middle Ages.

Никольское селище расположено на северной окраине с. Никольское Кузнецкого района Пензенской области. Открыто П.С. Рыковым в 1926 г. В 1965 г. обследование памятника проводилось экспедицией Пензенского краеведческого музея под руководством М.Р. Полесских (Полесских, 1970, с. 75, 77). В 2023 году на распаханной поверхности площадки Никольского селища (II тыс. до н. э., нач. XI – нач. XIII в., вторая половина XIII в. – 1364 г.) была найдена половинка дисковидной железной крицы, первоначальный диаметр которой составлял 150 мм и толщину – около 60 мм (рис. 1). Поскольку данная находка стандартизирована по форме, то такую крицу, по-видимому, следует рассматривать как товарную. Крицы подобной формы уже фиксировались на этом поселенческом памятнике (Винничек, Винничек, 2023, с. 79, с. 14, рис. 4, 1–3), однако никакие аналитические исследования ранее с ними не проводились.

На площадке, на которой была обнаружена исследуемая крица, было собрано множество железных шлаков, обугленных костей животных и мелкие кусочки мела, что косвенно может свидетельствовать о местном железоплавильном производстве. Кости и известь, по мнению Ю.А. Семыкина, использовались в рабочем пространстве горна в качестве флюса для образования легкоплавких соединений и

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

[2] The work was supported by the RSF (РНФ) grant, agreement No. 22-28-20314 "Ethnic genesis of peoples of the Western Volga region in the Middle Ages".

Рис. 1. Железная крица. Никольское селище.
Fig. 1. Iron bloom. Nikolskoye settlement.

понижения температуры плавления (Семыкин, 2015, с. 36). Здесь же была обнаружена и медная монета XIV в., что позволяет отнести весь комплекс вышеуказанных находок к золотоордынскому времени функционирования поселения.

Подобная площадка со следами прокала площадью 1,2×0,9 м и находками на ней фрагментов железного шлака, большого количества костей животных, в т. ч. обгорелых, была обследована на Никольском селище в 1965 г. (Полесских, 1965, с. 50–53).

Аналогичные крицы фиксируются уже в середине I тыс. н. э. Так, например, они отмечены в погребении мастера-кузнеца № 1679 Тарасовского могильника в Удмуртии (II в. до н. э. – V в. н. э.) (Перевощиков, 2002, с. 35). Скопления железных криц диаметром 20–22 см и толщиной 5–6 см с IV Старокуйбышевского селища, которое датируется материалами в основном второй половины домонгольского периода, рассматриваются Р.М. Валеевым как «предназначенные для вывоза и реализации на рынке» (Валеев, 2007, с. 109). Кричное железо являлось важной статьёй экспорта и золотоордынского Джукетау (Набиуллин, 2003, с. 196). В Болгаре в слое XIV в. были найдены крицы диаметром до 14 см и весом до 2,5 кг, а также скопление разрубленных железных криц (Кокорина, Мадуров, 2001, с. 66).

По мнению М.М. Кавеева, обнаруженные в большом количестве в слое золотоордынского времени Болгарского городища железные крицы могут свидетельствовать об их товарном назначении (Кавеев, 2001, с. 58). По мнению В.П. Логинова и В.В. Бобровой, в Древней Руси полуфабрикаты из крицы представляли собой диски сферообразной формы диаметром 17–20 см и весом 1,7–2 кг (Логинов, Боброва, 2008, с. 12). По другим данным, товарная крица на Руси имела лепёшкообразную форму весом 3–6 кг при диаметре 14–16 см и высоте 5–6 см (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 247, табл. 91, 9–11).

Два фрагмента крицы с Никольского селища были проанализированы в ЦЗЛ АО «ФНПЦ ПО «Старт» им. М.В. Проценко».

Измерения химического состава образцов выполнялись при помощи следующих аналитических методов инструментального анализа: лазерно-искровая эмиссионная спектрометрия и инфракрасная спектрометрия.

Метод лазерно-искровой спектрометрии основан на испарении очень малого количества пробы при помощи маломощного импульсного лазера и получения таким образом плазмы. Часть излучения плазмы собирается и далее направляется в спектрограф (или в полихроматор), который разделяет спектр испускания плазмы на отдельные линии, характерные для элементов, входящих в состав анализируемой пробы. Далее детектор спектрометра регистрирует эмиссионный сигнал, а программное обеспечение спектрометра оцифровывает и выводит результаты анализа. При этом анализируется очень небольшая область пробы – точка размером не более 0,1 мм^2, и при прожиге лазерным импульсом испаряются микрограммы вещества. В связи с этим, для обеспечения достоверности измерения, лазерно-искровой эмиссионный анализ проводился на плоской металлической поверхности шлифа образца при условии удаления наносных почвенных загрязнений, частиц оксида железа и двуокиси кремния, а также отсутствия на исследуемой поверхности трещин и раковин. Измерение проводилось при помощи лазерного портативного спектрометра «ЛИС-02» (разработчик и изготовитель – НПП «Структурная Диагностика», г. Екатеринбург) методом серии из пяти последовательных прожигов на выбранной для анализа поверхности с последующим расчетом среднего значения по массовой доле каждого идентифицированного элемента. Контроль правильности результатов осуществлялся при помо-

щи Государственного Стандартного Образца УГ35б (стандартный образец состава стали легированной типа 3Х2МНФ), входящего в комплект поставки спектрометра «ЛИС-02», а также Государственного Стандартного Образца УГ63 (стандартный образец состава стали углеродистой типа 20кп).

Этот метод позволил выявить в составе крицы следующие значения массовых долей элементов.

Образец №1	Образец №2
Fe – 99,60%	Fe – 99,52%
Mo – 0,11%	Mo – 0,26%
Al – 0,08%	Al – 0,12%
C – 0,03%	C – 0,01%
Si – 0,05%	Si – 0,03%
Ni – 0,05%	Ni – 0,01%
V – 0,06%	V – 0,05%
Cu – 0,02%	Cu – 0,00%

Несомненный интерес представляет наличие в исследуемой крице таких элементов, как молибден, никель и ванадий, поскольку именно они фиксируются в качестве примесей в новгородских железных изделиях XII–XV вв. Как отмечал Б.А. Колчин, «часть указанных металлов, находящихся в руде с железом, в металлургическом горне восстанавливается одновременно с железом, переходит в крицу и в дальнейшем остается в его составе. Таким образом, устанавливая в железе наличие примесей того или иного металла или группы металлов, мы можем классифицировать железо по ареалам распространения этих примесей…» (Колчин, 1959, с. 15–16).

Анализируя железные изделия волжских булгар, А.В. Королёв и Т.А. Хлебникова также обратили внимание на присутствие в них никеля. На основании этого авторы сделали вывод о том, что булгарские металлурги использовали для производства стали привозные никелевые руды с Южного Урала, которые использовались в качестве легирующих добавок (Королёв, Хлебникова, 1960, с. 160). Однако, по мнению Ю.А. Семыкина, «поскольку средневековым металлургам Волжской Булгарии, как и других территорий Восточной Европы, сложно было осознать значение таких легирующих добавок, как никель, для получения особых сортов стали, то, скорее всего, присутствие никеля в кузнечной продукции волжских булгар свидетельствует об использовании либо привозного сырья для кузнечных поковок (товарных криц, полуфабрикатов, заготовок), либо сами эти изделия являлись импортной продукцией, изготовленной из металла, полученного из железных руд с включениями никеля. Но в том и в другом случаях химические анализы кузнечных изделий Волжской Булгарии свидетельствуют о торговых контактах населения Среднего Поволжья и Южного Урала уже в X–XI вв.» (Семыкин, 2015, с. 7).

Определение массовой доли серы в крице с Никольского селища осуществлялось методом инфракрасной спектрометрии путем сжигания пробы в атмосфере кислорода и измерения содержания выделившегося газообразного диоксида серы методом инфракрасной абсорбции. Измерения были выполнены на анализаторе углерода и серы «Метавак CS-30». Перед выполнением измерений проба кричного железа была тщательно очищена от наносных примесей путем промывки в дистиллированной воде с последующим обдувом сжатым воздухом. Образец был измельчён до порошкообразного состояния при помощи гидравлического пресса. Из полученной таким образом лабораторной пробы при помощи метода квартования для измерения была отобрана средняя проба, которая далее сжигалась в анализаторе. Предварительная калибровка анализатора углерода и серы «Метавак CS-30» выполнялась при помощи Государственного Стандартного Образца У17-4 с массовой долей серы w(S) = 0,137%.

Таким образом, в исследуемой крице была обнаружена сера, измеренное значение массовой доли которой составляет 0,13%.

Как известно, основным сырьем для черной металлургии Волжской Булгарии в Средневековье были болотные, озерные и луговые руды, что подтверждается наличием фосфора в анализах железных шлаков. А.В. Королёв и Т.А. Хлебникова обратили внимание на его заметное содержание (от 2 до 5%) и сделали предположение об использовании руд, содержащих повышенное количество фосфора (Королёв, Хлебникова, 1960, с. 159).

Чтобы определить содержание фосфора в крице с Никольского селища, был проведён химический анализ.

Ниже приводится текст, предоставленный Волковой Наталией Валентиновной, к.б.н.,

доцентом, заведующей кафедрой «Химия и методика обучения химии» ПГУ:

«Для проведения анализа содержания фосфора в образце кричного железа была взята навеска массой 0,3138 г и растворена в азотной кислоте (1:2) при нагревании.

Исследуемый образец содержит нерастворимые примеси, предположительно силикаты.

Предположение о силикатной природе подтверждается тем, что образцы массой ≈ 0,2 г и ≈ 0,3 г полностью растворяются в концентрированной соляной кислоте в присутствии фторида натрия.

Далее образец железа, растворившийся в азотной кислоте, подвергли анализу согласно ГОСТ 2604.4–87 («Чугун легированный. Методы определения фосфора»).

Фотометрический метод с применением восстановителя – аскорбиновой кислоты (пункт 2.3).

Калибровочный график для определения фосфора построен в соответствии с пунктом 2.4.

Для получения адекватных результатов измерения эксперимент проводили с пробами, разбавленными в 5 и 50 раз. Для этого в колбы для анализа V = 100 мл отбирали 10 мл, 2 мл, 0,2 мл раствора.

Содержание фосфора в пробах железа составило 0,522%».

Таким образом, можно утверждать, что в качестве сырья для изготовления исследуемой крицы была использована именно т. н. луговая, озёрная или болотная руда, поскольку в горной каменной руде процент содержания фосфора значительно меньше и колеблется от 0,01 до 0,10%.

К сожалению, авторам не удалось найти в литературе каких-либо ещё сведений о составе железных шлаков, криц или изделий из Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Думается, дальнейшие всесторонние лабораторные исследования позволят создать статистическую базу данных не только по находкам из Верхнего Посурья, но и других регионов.

Благодарности:

Авторы выражают благодарность ведущему инженеру-химику ЦЗЛ Селиванову Владимиру Николаевичу за проведённые аналитические работы с образцами железной крицы и предоставленные результаты.

Авторы выражают благодарность Волковой Наталии Валентиновне, к.б.н., доценту, заведующей кафедрой «Химия и методика обучения химии» ПГУ за проведённый химический анализ образца кричного железа и предоставленный результат

ЛИТЕРАТУРА

Валеев Р.М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV в.). Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2007. 392 с.

Винничек В.А., Винничек К.М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 87 с.

Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. Т. 6 (20) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. 431 с.

Кавеев М.М. Охранно-спасательные работы в 2000 году на Болгарском городище // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 58–60.

Кокорина Н.А., Мадуров Д.Ф. 2001. Исследование торгово-ремесленного квартала Болгара в 2000 году // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 64–67.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

Королёв А.В., Хлебникова Т.А. К вопросу о чёрной металлургии у волжских болгар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР. 1960. С. 159–168.

Кремерс Д., Радзиемски Л. Лазерно-искровая эмиссионная спектрометрия. М.: Техносфера. 2009. 360 с.

Логинов В.П., Боброва В.В. Секреты кузнечного мастерства. Кузнечное дело и художественная ковка. М.: Аделант, 2008. 95 с.

Набиуллин Н.Г. Новые материалы о хозяйственно-производственной деятельности, быте и культуре Джукетау // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 189–196.

Перевощиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект) / МИКВАЭ. Т. 2. Ижевск: УдГУ, 2002. 175 с.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области за 1965 год // Архив ПГКМ. Н/а 645/5. 1965.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 62 с.

Семыкин Ю.А. Чёрная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2015. 228 с.

Информация об авторе:

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, директор Центра историко-культурного наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области (г. Пенза, Россия); vinnichekvladimir@mail.ru

Винничек Карина Михайловна, кандидат исторических наук, заведующая отделом археологических исследований, ГБУК «Пензенский краеведческий музей» (г. Пенза, Россия); kire-karina@yandex.ru

REFERENCES

Valeev, R. M. 2007. *Torgovlya i torgovye puti Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v epokhu srednevekov'ya (IX – nachalo XV vv.) (Trade and Trade Routes of the Middle Volga and Cis-Urals in the Middle Ages (9th – Early 15th cc.)).* Kazan: Kazan State University Publ. (in Russian).

Vinnichek, V. A., Vinnichek, K. M. 2023. *Srednevekovye drevnosti Nikol'skogo selishcha (Medieval antiquities of the Nikolskoye settlement).* Penza: Institute of Regional Development of the Penza region (in Russian).

Rybakov, B. A. 1985. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 6(20). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kaveev, M. M. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 58–60 (in Russian).

Kokorina, N. A., Madurov, D. F. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 64–67 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).

Korolev, A. V., Khlebnikova, T. A. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 159–168 (in Russian).

Kremers D., Radziemski L. 2009 Lazerno-iskrovaya emissionnaya spektrometriya *(Laser-induced breakdown spectroscopy)*. Moscow: "Tekhnosfera" Publ. (in Russian).

Loginov, V. P., Bobrova, V. V. 2008. *Sekrety kuznechnogo masterstva. Kuznechnoe delo i khudozhestvennaya kovka (Secrets of blacksmithing. Blacksmithing and art forging).* Moscow: ''Adelant'' Publ. (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (From Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "RITs "Shkola" Publ., 189–196 (in Russian).

Perevoshchikov, S. E. 2002. *Zhelezoobrabatyvayushchee proizvodstvo naseleniya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ia v epohu srednevekov'ia (tekhnologicheskij aspekt) (Iron-Working Practiced by the Population of the Kama-Vyatka Interfluve in the Middle Ages (Technological Aspect).).* Series: Materialy i issledovaniia

Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 2. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Polesskih, M. R. 1965. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoy oblasti za 1965 god (Report on archaeological studies in the Penza region for 1965)*. Penza. Archive of the Penza Museum of Local Lore (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Monuments of Penza Oblast).* Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bolgaria in the 8th - early 13th centuries).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 21. Kazan: "Otechestvo" Publ., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Vinnichek Vladimir Al. Candidate of Historical Sciences. Director of the Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; vinnichekvladimir@mail.ru

Vinnichek Karina M. Candidate of Historical Sciences. Head of the Department of Archaeological Researches of the Penza State Museum of Local Lore. Krasnaya Str., 73, Penza, 440026, Russian Federation; kire-karina@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.66.80

БРОНЗОВЫЕ И ЖЕЛЕЗНЫЕ БРАСЛЕТЫ БАРБАШИНСКОГО МОГИЛЬНИКА ИЗ РАСКОПОК А.С. БАШКИРОВА В 1921 ГОДУ

© 2024 г. Н.И. Глазистова

Барбашинский могильник на территории г. Самара – крупнейший мордовский некрополь золотоордынского периода в Самарском Заволжье. В 1921 г. профессор Самарского университета А.С. Башкиров исследовал не менее 71 погребения на памятнике, которые содержали богатый инвентарь, в том числе бронзовые и железные браслеты. В статье представлены результаты типологического анализа браслетов из раскопок А.С. Башкирова, хранящихся в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина, предпринята попытка их систематизации и рассмотрения в контексте золотоордынских древностей Самарского Заволжья и других регионов. В общей сложности изучено 42 бронзовых и 2 железных браслета из женских комплексов (40 экз.), детских погребений (2 экз.), парного и неатрибутированного захоронений (по 1 экз.) Большая часть браслетов – дротовые (23 экз.), среди которых выделяются остроконечные, браслеты с расплющенными лопатковидными концами и тупоконечные, в т.ч. «змеиноголовые». Пластинчатые браслеты (14 экз.) богато декорированы сочетанием нескольких видов орнамента – мелким зигзагом, пуансонным орнаментом, розетками, рельефными полосками, насечками. Бронзовые витые (5 экз.) и железные браслеты (2 экз.) немногочисленны. В статье рассматриваются некоторые аспекты технологического производства бронзовых браслетов, характер орнамента и особенности его нанесения для различных типов браслетов в коллекции. Все браслеты находят широкие аналогии на синхронных памятниках Золотой Орды и Руси.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Золотая Орда, мордва, Барбашинский могильник, А.С. Башкиров, браслеты.

BRONZE AND IRON BRACELETS OF THE BARBASHINSKY BURIAL GROUND FROM THE EXCAVATION BY A.S. BASHKIROV IN 1921

N.I. Glazistova

The Barbashinsky burial ground on the territory of Samara is the largest Mordovian burial ground of the Golden Horde period in the Samara Trans-Volga region. In 1921, A.S. Bashkirov studied at least 71 burials at the site, which contained rich grave goods, including bracelets. The article presents the results of a typological analysis of bracelets, excavated by A.S. Bashkirov and kept in the collections of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin, an attempt was made to systematize and consider them in the context of the Golden Horde antiquities of the Samara Trans-Volga region and other regions. A total of 42 bronze and 2 iron bracelets from female burials (40 items), children burials (2 items), paired and unattributed burials (1 item each) were studied. Most of the bracelets are made of cast rod (23 items), among them there are pointed ones, bracelets with flattened spatulate ends and blunt-ended ones, including "snake heads". Plate bracelets (14 items) are richly decorated with a combination of several types of ornaments – small zigzag, pierced ornamentation, rosettes, relief stripes, inlays. Bronze twisted (5 items) and iron bracelets (2 items) are fewin number. The article also considers some aspects of the technological production of bronze bracelets, the nature of the ornamentation and the features of its application for various types of bracelets in the collection. All bracelets have many analogies with synchronous sites of the Golden Horde and Rus.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Golden Horde, the Mordvins, Barbashinsky burial ground, A.S. Bashkirov, bracelets.

Крупнейшим могильником средневековой мордвы золотоордынского периода в Самарском Заволжье является Барбашинский могильник на территории г.Самара. Первые раскопки на памятнике проводились В.Н. Глазовым и В.А. Миллером (Археологические исследования, 2011, с. 4–10), К.П. Головкиным, Г.О. Досталем, П.Н. Ефимовым, Ф.Т. Яковлевым (Археологические памятники Самары, 2012, с. 4). В 1921 г. А.С. Башкиров исследовал здесь более 70 захоронений. В 1935 г. раскопками на могильнике руководил Б.А. Латынин (Сташенков, Кочкина, 2008), и лишь в 2010-х гг. исследования были возобновлены

Д.А. Сташенковым (Сташенков, 2012, 2014а, 2014б). За это время было изучено около 220 погребений.

Раскопки А.С. Башкирова в 1921 г. стали первым масштабными исследованиями на памятнике, однако полевая и отчетная документация о них в архивах не найдена, результаты своей работы А.С. Башкиров не опубликовал (Кузьминых, Белозерова, 2017, с. 198–199). Материалы из коллекций А.С. Башкирова на сегодняшний день введены в научный оборот частично; некоторые итоги его деятельности и общий анализ вещевого материала представлены в статьях Д.А. Сташенкова (Сташенков, 2014а, с. 326–329) и Н.И. Глазистовой (Глазистова, 2023), часть предметов вошла в каталог, посвященный археологическим памятникам Самары (Археологические памятники Самары, 2012, с. 112–113 и др.), опубликованы данные о колчанных накладках (Малиновская, 1974, с. 132–175) и топорах (Глазистова, Сташенков, Кочкина, 2023). В целом коллекция еще ожидает комплексного изучения.

В статье приводится типология и описание 42 бронзовых и 2 железных браслетов (коллекции КП-15 и КП-22). Согласно инвентарной книге, изначально в коллекции КП-15 числилось 49 браслетов из бронзы, серебра и железа, в коллекции КП-22 – 2 браслета, однако в результате списания некоторых предметов в ходе инвентаризации в разные годы их число уменьшилось. Помимо бронзовых и железных, в захоронениях было найдено два браслета из серебра, они в статье не рассматриваются и один из них опубликован ранее (Археологические памятники Самары, 2012, с. 134).

Из 44 браслетов два предмета происходят из детского погребения, о чем свидетельствует их малый диаметр и наличие костей ребенка в захоронении (погр. 4), еще один детский браслет был найден в погребении мужчины, причем это захоронение могло быть парным (мужчина+ребенок), один браслет обнаружен в погребении без номера. Остальные 40 браслетов найдены в женских захоронениях. Всего А.С. Башкировым было исследовано 29 женских захоронений (Глазистова, 2023, с. 330), в 17 из них встречались браслеты. Число браслетов в женских комплексах варьируется от одного до семи: в погр. 71 – 7 браслетов, в погр. 14 и 48 – по 5 браслетов.

Браслеты являются достаточно информативным археологическим материалом, т.к. позволяют анализировать не только материальную культуру и костюм, но и уровень развития ремесленной деятельности. Средневековые браслеты в числе других украшений в разное время становились объектом изучения многих исследователей. Одними из первых к изучению данной категории украшений обратились А.В. Арциховский (Арциховский, 1930, с. 131 – 132), В.П. Левашева (Левашева, 1967). В работах Н.В. Рындиной и М.В. Седовой был проведен анализ технологических этапов производства и разработана классификация средневековых новгородских украшений (Рындина, 1963; Седова, 1981), хронологию новгородских ювелирных изделий рассматривал также Ю.М. Лесман (Лесман, 1988). На материалах из раскопок города Болгара разработана типология украшений Г.Ф. Поляковой, в основу которой положены такие характеристики предметов, как материал, форма изделия и орнаментация (Полякова, 1996). Ювелирному делу вятичей посвящены работы И.Е. Зайцевой и Т.Г. Сарачевой (Сарачева, 1999; Зайцева, Сарачева, 2011). Браслеты домонгольского и золотоордынского периодов с территории Волжской Болгарии подробно изучены К.А. Руденко (Руденко, 2017, 2019, 2023). Технология производства средневековых браслетов Пермского Предуралья рассмотрена в работах К.В. Моряхиной (Моряхина, 2017, 2018), в статьях К.С. Ковалевой представлены результаты химического анализа цветного металла золотоордынских городов (Ковалева, 2020, 2022). Типология непосредственно мордовских золотоордынских браслетов в настоящее время не разработана.

С учетом опыта классификации украшений, составленной М.В. Седовой (Седова, 1981), Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996) и К.А. Руденко (Руденко, 2023), проведена типология браслетов Барбашинского могильника из раскопок А.С. Башкирова 1921 г., которая отражает морфологию и технологические характеристики украшений. В зависимости от материала изготовления были выделены две группы – А (железные), В (бронзовые).

Группа А представлена двумя сильно коррозированными железными браслетами. В зависимости от формы корпуса выделяются отделы I (дротовые) и II (пластинчатые), по характеру оформления кончиков – подотде-

Рис. 1. Железные браслеты:
1 – погр. 33 (А-IIа); 2 – погр. 40 (А-Iб).
Fig. 1. Iron bracelets:
1 – burial 33 (A-IIa); 2 – b. 40 (A-Iб).

лы*: а* – с загнутыми концами, *б* – с прямыми обрубленными концами. Один железный браслет изготовлен из круглого в сечении дрота с прямыми обрубленными концами – *подотдел А-Iб* (рис. 1: 2), другой – пластинчатый с загнутыми в трубочку заходящими концами – *подотдел А-IIа* (рис. 1: 1). Дротовые и пластинчатые кованые браслеты из железа встречаются в домонгольских древностях низовья Камы, Волго-Камья, в средневековых марийских могильниках, в Волжской Болгарии (Руденко, 2023, с. 85–88). Аналогии также известны на золотоордынских мордовских могильниках – Муранском (Алихова, 1954, с. 276) и Кузькинском в Шигонском районе Самарской обл. (Сташенков, 2019, с. 417, 420), Аткарском в Саратовской обл. (Монахов, 1991, с. 180). Пластинчатые железные браслеты встречались при раскопках Старосотенского могильника в Пензенской обл. (Алихова, 1948, с. 222, 253), II Усинского грунтового могильника в Волжском районе Самарской обл. (Васильева, 1993, с. 64). По замечанию К.А. Руденко, железные браслеты могли пользоваться немалым спросом потребителей, т.к. по внешнему виду напоминали серебряные и были просты в изготовлении (Руденко, 2023, с. 88).

К группе В – бронзовые – принадлежат 42 браслета. На основе формы обручей (корпусов) браслетов внутри группы В выделяются отделы (обозначены римскими цифрами): I – гладкопроволочные, II – дротовые, III – проволочные витые, IV – пластинчатые. Внутри отделов по характеру оформления кончиков браслета выделены подотделы (обозначены прописными буквами после знака отдела). По характеру преобладающего декора выделяются типы браслетов (обозначены арабскими цифрами), по индивидуальным особенностям орнамента – подтипы, которые обозначены прописными буквами после знаков, обозначающих типы.

Отдел В-II (дротовые) насчитывает 23 браслета (55 % от общего числа группы). Корпус дротовых браслетов изготовлен из литого дрота – стержня, округлого или круглого в сечении. Среди дротовых встречаются три подотдела браслетов – с расплющенными лопатковидными концами, остроконечные, тупоконечные.

Подотдел В-IIа – дротовые браслеты с расплющенными лопатковидными концами-головками, 8 экз. Два браслета литые, остальные изготовлены в технике литья с последующей проковкой кончиков. Во всех случаях декорированы только концы браслетов, дрот имеет в сечении круглую или уплощенно-округлую форму. У двух браслетов дрот плавно переходит в лопаточку без утолщения (тип В-IIа-1), кончики орнаментированы мелким зигзагом и насечками – подтипы В-IIа-1а и В-IIа-1б (рис. 2: 1, 2). Кончики четырех браслетов декорированы объемными утолщениями в виде трилистника (тип В-IIа-2), кончики одного из них без орнамента (подтип В-IIа-2а), а три браслета на кончиках имеют орнамент в виде мелкого зигзага – подтип В-IIа-2б (рис 2: 3, 4). Еще на одном браслете на месте перехода дрота в лопаточку имеется утолщение в виде выпуклого четырехлистника – тип В-IIа-3 (рис. 2: 5), на другом – утолщения с Х-образным знаком – тип В-IIа-4 (рис. 2: 6).

Дротовые браслеты с расплющенными лопатковидными орнаментированными концами–головками единично встречаются в материалах Комаровского могильника Саратовской обл. (Моржерин, 2013, с. 173, 177), распространены на других секторах Барбашинского могильника (Сташенков, 2014, с.

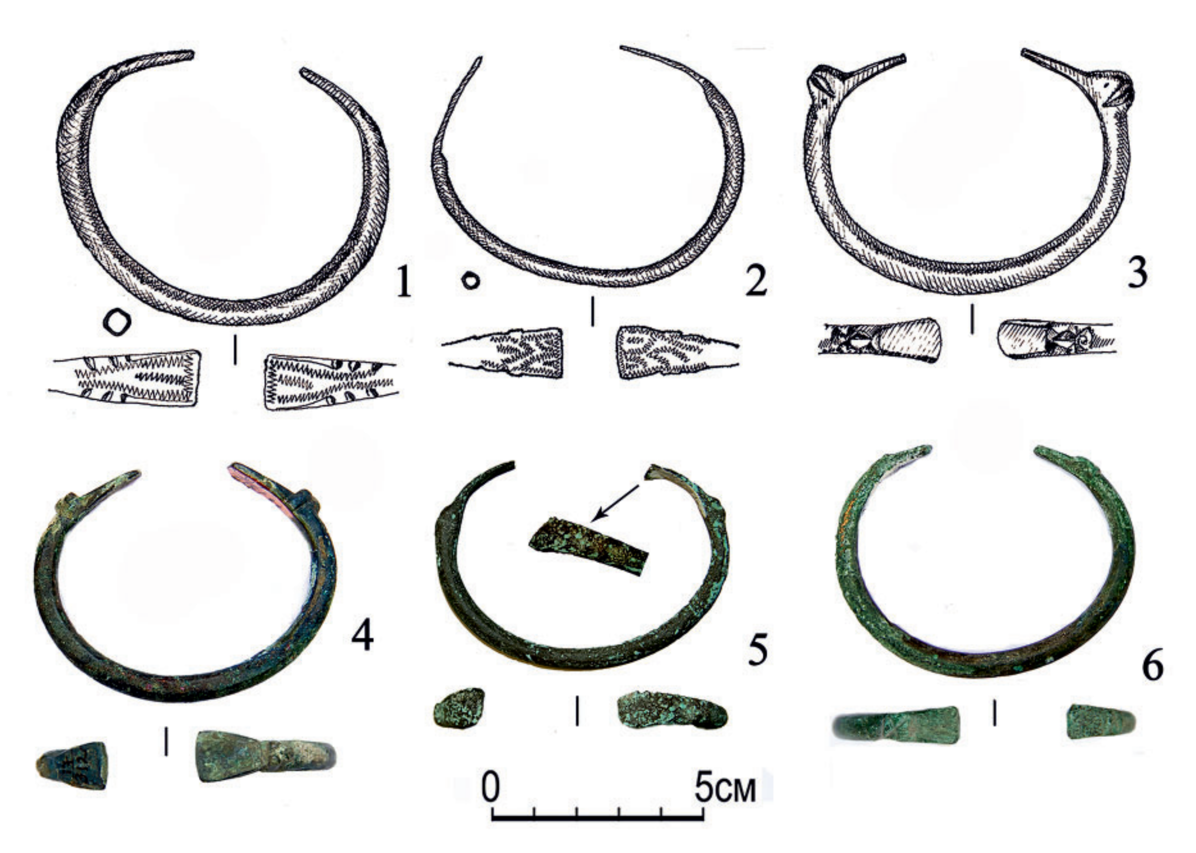

Рис. 2. Бронзовые браслеты: 1 – погр. 14 (В-IIа-1а); 2 – погр. 27 (В-IIа-1б); 3 – погр. 3 (В-IIа-2б); 4 – погр. 48 (В-IIа-2б); 5 – погр. 40 (В-IIа-3); 6 – погр. 64 (В-IIа-4).

Fig. 2. Bronze bracelets: 1 – burial 14 (В-IIа-1а); 2 – b. 27 (В-IIа-1б); 3 – b. 3 (В-IIа-2б); 4 – b. 48 (В-IIа-2б); 5 – b. 40 (В-IIа-3); 6 – b. 64 (В-IIа-4).

18; Сташенков, Кочкина, 2008, с. 142, 154; Археологические памятники Самары, 2012, с. 133). В материалах золотоордынского времени этот подотдел довольно малочислен.

Подотдел В-IIб – дротовые остроконечные браслеты, 5 экз. Два браслета литые, три изготовлены в технике литья с последующей проковкой. Такие украшения изготавливались из литого толстого стержня–дрота, затем изгибались по руке и иногда проковывались (Седова, 1981, с. 94). Четыре браслета имеют орнаментацию на кончиках в виде косых и поперечных насечек по обеим сторонам – тип В-IIб-1 (рис. 3: 1, 2), в одном случае помимо насечек конец браслета украшен мелким зигзагом, нанесенным штихелем – тип В-IIб-2 (рис. 3: 3). Орнаментированы только концы браслетов.

Дротовые остроконечные браслеты довольно распространены в мордовских могильниках золотоордынского периода – аналогии встречаются на других секторах Барбашинского могильника (Сташенков, Кочкина, 2008, с 142, 149; Археологические памятники Самары, 2012, с. 133), Аткарском могильнике в Саратовской обл. (Монахов, 1991, с. 180), в Болгаре (Полякова, 1996, с. 179), в Помринском мордовском могильнике XI-XIV вв. в Нижегородской обл. (Четвертаков, 2017, с. 6, 12), в слоях Твери до 1340 года (Лапшин, 2009, с. 103, 349). Дротовые остроконечные браслеты с насечками на концах известны по материалам могильника Заречное II в Нижегородской обл. (Мартьянов, 2004, с. 112, 143).

Подотдел В-IIв – дротовые тупоконечные браслеты, 10 экз. Два браслета литые, восемь изготовлены в технике литья с последующей проковкой. Один браслет неорнаментированный с выраженным продольным ребром – тип В-IIв-1 (рис. 4: 1), четыре браслета орнаментированы косыми насечками на концах с обеих сторон – тип В-IIв-2 (рис. 4: 2), пять браслетов можно отнести к типу «змеиноголовых» – тип В-IIв-3 (рис. 4: 3–5) – с помощью насечек переданы очертания чешуи, длинными горизонтальными насечками или треугольными выемками изображен рот, в одном случае хорошо различим разрез глаз змеи. Во всех

Рис. 3. Бронзовые браслеты: 1 – погр. 64 (В-IIб-1); 2 – погр. 7 (В-IIб-1); 3 – погр.7 (В-IIб-2); 4 – погр. 57 (В-IIIа); 5 – погр. 15 (В-IIIб); 6 – погр. 71 (В-IIIб).
Fig. 3. Bronze bracelets: 1 – burial 64 (В-IIб-1); 2 – b. 7 (В-IIб-1); 3 – b.7 (В-IIб-2); 4 – b. 57 (В-IIIа); 5 – b. 15 (В-IIIб); 6 – b. 71 (В-IIIб).

случаях декорированы только концы браслетов, дрот имеет в сечении круглую или овальную форму.

Дротовые тупоконечные украшенные насечками браслеты и «змеиноголовые» широко известны в погребениях Барбашинского могильника (Археологические исследования, 2011, с. 90; Сташенков, Кочкина, 2008, с. 149, 151, 153–154; Сташенков, 2012, с. 48; Археологические памятники Самары, 2012, с. 133), Комаровского могильника в Саратовской обл. (Моржерин, 2013, с. 177), Муранского селища в Шигонском районе Самарской обл. (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 252, 268), встречаются в золотоордынских слоях Болгара (Полякова, с. 179, 183). Дротовые «змеиноголовые» браслеты часто встречаются в мордовских средневековых древностях – на могильниках Заречное II (Мартьянов, 2004, с. 73, 101 и др.) и Выползово VI в Нижегородской обл. (Мартьянов, 2004, с. 74, 338), в захоронениях Стародевиченского могильника XI – XIV вв. в Мордовии (Петербургский, Первушкин, 1992, с. 73, 76, 88). Дротовые тупоконечные неорнаментированные браслеты найдены при раскопках на могильниках Выползово II и Заречное II (Мартьянов, 2004, с. 74, 109 и др.).

Отдел В-III (проволочные витые) представлен 5 браслетами следующих подотделов: *а* – с обрубленными концами, *б* – с петлевидными кончиками. Один браслет изготовлен из трех равных отрезков проволоки, сложенных и перевитых в жгут, концы обрубленные – *подотдел В-IIIа* (рис. 3: 4). Четыре браслета относятся к *подотделу В-IIIб* (рис. 3: 5, 6) – проволочные витые с петлевидными уплощенными несходящимися концами. Такие украшения изготавливались из одного отрезка проволоки, который складывался в три раза в жгут и завивался, в результате оба конца выглядели как одинарные петли с концом проволоки внутри (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 225). С помощью деревянной болванки жгут сгибался по форме руки, изделие проковывалось деревянным молотком по поверхности, а концы расплющивались.

Проволочные витые браслеты с петлевидными уплощенными несходящимися концами из проволоки, сложенной в три раза – часто встречающееся украшение в мордовских

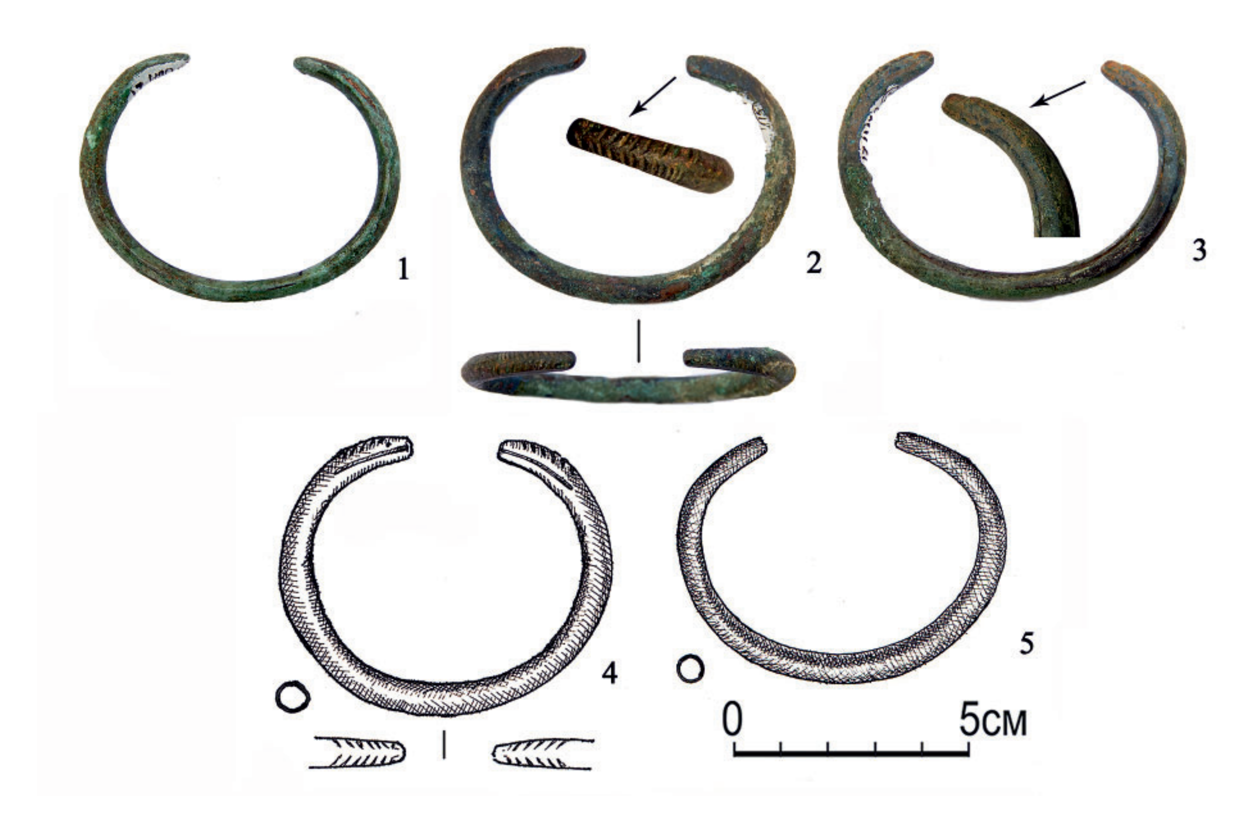

Рис. 4. Бронзовые браслеты: 1 – погр. 25 (В-IIв-1); 2 – погр. 14 (В-IIв-2); 3 – погр. 57 (В-IIв-3); 4, 5 – погр. 71 (В-IIв-3).
Fig. 4. Bronze bracelets: 1 – burial 25 (В-IIв-1); 2 – b. 14 (В-IIв-2); 3 – b. 57 (В-IIв-3); 4, 5 – b. 71 (В-IIв-3).

древностях периода Золотой Орды (Зеленеев, 2023, с. 38), аналогии известны на Муранском селище в Самарской обл. (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 252, 268), в Болгаре (Полякова, 1996, с. 179), Комаровском могильнике в Саратовской обл. (Моржерин, 2013, с. 166, 176-177), могильнике Выползово VI в Нижегородской обл. (Мартьянов, 2004, с. 74, 339), других секторах Барбашинского могильника (Археологические исследования, 2011, с. 82; Сташенков, Кочкина, 2008, с. 149, 153). В тверских древностях верхняя дата встречаемости таких браслетов 1396 год (Лапшин, 2009, с. 103, 350), аналогичные браслеты были распространены у вятичей в XIII-XIV вв. (Седова, 1981, с. 95, 96; Зайцева, Сарачева, 2011, с. 221), известны в Подмосковье в слоях XII – пер. пол. XIII вв. (Янишевский, Зайцева, 2010, с. 223–224). Проволочные браслеты, витые в жгут из трех отрезков и с обрубленными концами, встречаются в могильнике Заречное II в Нижегородской обл. (Мартьянов, 2004, с. 108, 139), в слоях посл. трети XI – нач. XIV вв. на северо-западе Новгородской земли, где были очень распространены (Седова, 1981, с. 96).

Отдел В-IV (пластинчатые), представлен 14 орнаментированными браслетами. Корпусом таких браслетов является пластина толщиной 0,1 – 0,2 см, отлитая или кованная и согнутая по форме руки. По характеру оформления кончиков выделяются подотделы: *а* – с сужающимися загнутыми в трубочку концами, *б* – с приостренными концами, *в* – с подпрямоугольными концами.

Подотдел В-IVа – представлен пластинчатыми браслетами с сужающимися загнутыми в трубочку концами, 2 экз. (рис. 5: 1; рис. 6: 1). Украшения происходят из одного женского захоронения и имеют схожую орнаментацию в виде широкого зигзага по всей поверхности, на одном браслете сохранились следы ткани. Орнамент нанесен резцом.

Подотдел В-IVб – пластинчатый литой браслет, 1 экз., с разомкнутыми приостренными концами, изготовлен из фрагмента браслета большего диаметра: один конец сужается и по обеим сторонам украшен треугольными выемками, другой конец подпрямоугольный (рис. 6: 2). Без орнамента на корпусе. Происходит из детского погребения.

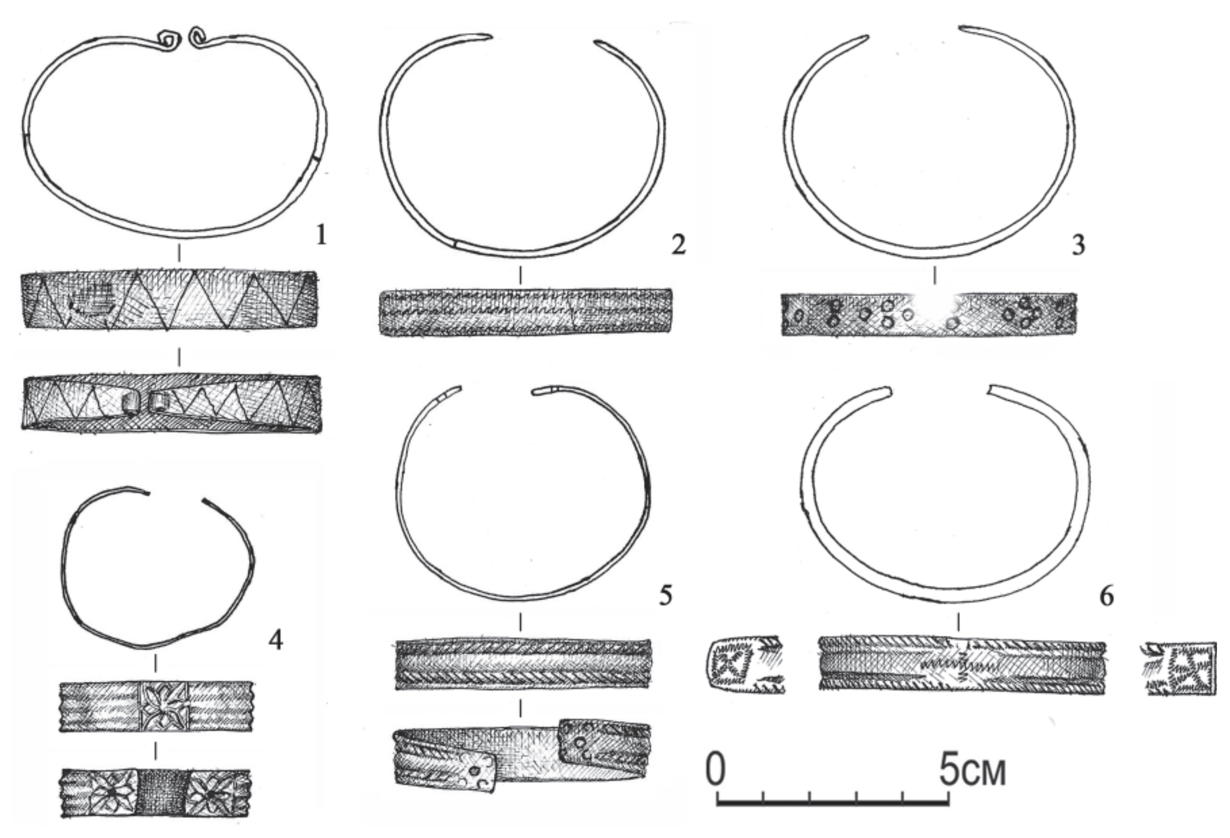

Рис. 5. Бронзовые браслеты: 1 – погр.22 (B-IVa); 2 – погр. б/н (B-IVв-3б); 3 – погр. 64 (B-IVв-2а); 4 – погр. 52 (B-IVв – 1а); 5 – погр. 46 (B-IVв – 1г); 6 – погр. 71 (B-IVв – 1в).
Fig. 5. Bronze bracelets: 1 – burial 22 (B-IVa); 2 – burial without number (B-IVв-3б); 3 – b. 64 (B-IVв-2а); 4 – b. 52 (B-IVв – 1а); 5 – b. 46 (B-IVв – 1г); 6 – b. 71 (B-IVв – 1в).

Большая часть пластинчатых браслетов (11 экз.) относятся к *подотделу B-IVв* – пластинчатые с подпрямоугольными концами, и имеют разнообразную орнаментацию, выполненную в нескольких техниках. Пластинчатые браслеты чаще всего изготавливались из тонкой кованой пластины, реже в технике литья. По характеру преобладающего орнамента выделены типы внутри подотдела: 1 – орнаментированные рельефными полосками, 2 – с преобладанием пуансонного орнамента, 3 – с преобладающим декором в виде мелкого зигзага.

Тип B-IVв-1 – браслеты с подпрямоугольными концами с рельефным орнаментом в виде продольных желобков по корпусу браслета, 5 экз. Во всех случаях на браслетах читается индивидуальный орнамент, ни один сюжет внутри типа не повторяется, поэтому выделены подтипы:

Подтип B-IVв-1а – (1 экз.), с рельефными продольными полосками по поверхности корпуса, на концах и в центральной части орнамент в виде цветочной розетки с 8-ю лепестками, на концах браслета в центре цветков пробиты отверстия для шнура, украшение малого диаметра на детскую руку (рис. 5: 4). Происходит из мужского погребения, которое могло быть парным.

Подтип B-IVв-1б – (1 экз.), с рельефными продольными полосками по поверхности корпуса, по краям корпуса с обеих сторон нанесены ряды мелких вертикальных насечек (рис. 6: 3). Украшение малого диаметра, из детского погребения.

Подтип B-IVв-1в – (1 экз.), с несходящимися концами, один конец прямоугольный, другой слегка закругленный, с рельефными продольными полосками по поверхности корпуса, по краям корпуса с обеих сторон нанесены ряды мелких косых насечек, в центральной части корпуса – крестовидный знак, выполненный мелким зигзагом, на концах – орнамент в виде квадратов с вписанными в них косыми крестами-звездами, выполненными мелким зигзагом (рис. 5: 6).

Подтип B-IVв-1г - (1 экз.), с рельефными продольными полосками по поверхности

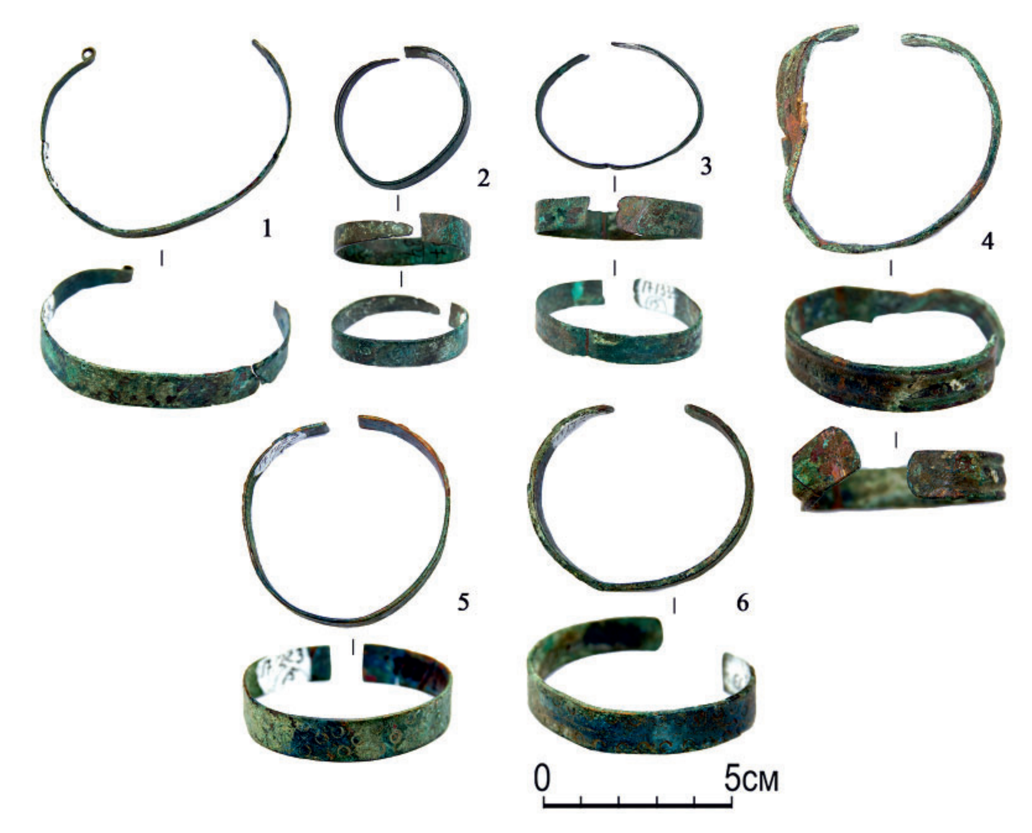

Рис. 6. Бронзовые браслеты: 1 – погр. 22 (В-IVа); 2 – погр. 4 (В-IVб); 3 – погр. 4 (В-IVв-1б); 4 – погр. 71 (В-IVв-1д); 5 – погр. 31 (В-IVв-2б); 6 – погр. 71 (В-IVв-2в).
Fig. 6. Bronze bracelets: 1 – b. 22 (В-IVа); 2 – b. 4 (В-IVб); 3 – b. 4 (В-IVв-1б); 4 – b. 71 (В-IVв-1д); 5 – b. 31 (В-IVв-2б); 6 – b. 71 (В-IVв-2в).

корпуса, по краям корпуса с обеих сторон нанесены ряды мелких косых насечек, на концах орнаментирован четырьмя отпечатками кольцевого пуансона, пробиты отверстия для шнура (рис. 5: 5).

Подтип В-IVв-1д - (1 экз.), с рельефными продольными полосками по поверхности корпуса, орнаментирован бессистемными отпечатками кольцевого пуансона по поверхности, на концах – расходящиеся в стороны завитки мелкого зигзага (рис. 6: 4).

Тип В-IVв-2 – пластинчатые браслеты с подпрямоугольными концами с пуансонным орнаментом по корпусу (3 экз.). В одном случае по всей поверхности украшения видны отпечатки кольцевого пуансона, чередуются группы из 2 и 4 отпечатков, концы украшены треугольными насечками по краю – *подтип В-IVв-2а* (рис. 5: 3). Второй браслет украшен по корпусу тремя продольными рядами отпечатков кольцевого пуансона в геометрическом порядке, между отпечатками пуансона резцом нанесен орнамент в виде ромбической сетки, на концах браслет орнаментирован отпечатками кольцевого пуансона – *подтип В-IVв-2б* (рис. 6: 5). Третий браслет декорирован двумя продольными рядами отпечатков кольцевого пуансона по краям и дорожкой мелкого зигзага между ними, на концах орнаментирован отпечатками кольцевого пуансона – *подтип В-IVв-2в* (рис. 6: 6).

Тип В-IVв-3 – пластинчатые браслеты с подпрямоугольными концами с преобладающим орнаментом в виде мелкого зигзага (3 экз.), из них два браслета происходят из женских погребений, одно из неатрибутированного захоронения. В одном случае браслет орнаментирован по корпусу тремя продольными линиями мелкого зигзага и насечками на концах – *подтип В-IVв-3б* (рис. 5: 2); плохая сохранность другого браслета, также с насечками на кончиках, не позволяет в полной мере реконструировать мотивы, состоящие их пересекающихся отпечатков такого же мелкого зигзага, составлявшего более сложный орнамент. Третий браслет орнаментирован отпечатками мелкого зигзага, орнамент сильно затерт (*подтип В-IVв-3а*).

Пластинчатые браслеты – наиболее богато декорированные, для их орнамента-

ции средневековые мастера использовали набор различных инструментов и сочетание техник. На поверхности одного украшения часто сочетаются элементы мелкого зигзага, отпечатки кругового пуансона, следы резца, напильника, составляя единую композицию. Бронзовые пластинчатые браслеты, декорированные различным сочетанием орнаментов, известны на многих золотоордынских памятниках – на других раскопах Барбашинского могильника (Археологические исследования, 2011, с. 80; Сташенков, Кочкина, 2008, с. 142, 150 и др.), в материалах II Усинского грунтового могильника в Волжском районе Самарской обл. (Васильева, 1993, с. 72), в коллекциях Аткарского могильника (Монахов, 1991, с. 176). В Твери подобные пластинчатые орнаментированные браслеты встречаются не позднее 1396 года (Лапшин, 2009, с. 104, 351). Пластинчатые браслеты с прямоугольными концами, орнаментированные рельефными полосками и пуансонным орнаментом, известны по раскопкам на Муранском селище (КП-28987/573), селище Малячкино III в Шигонском районе Самарской обл. (Турецкий и др., 2022).

Пластинчатые браслеты, декорированные двойным мелким зигзагом, известны по находкам К.П. Головкина на Барбашиной поляне (КП-18/87). В отличие от дротовых браслетов, которые декорировались только на концах-головках, пластинчатые браслеты орнаментированы по всей поверхности корпуса. Браслеты с орнаментом в виде рельефных полос, на боковые валики которых нанесены насечки, известны по раскопкам в Подмосковье, на Куликовом поле в слоях XII – XIV вв. (Янишевский, Зайцева, 2010, с. 220–222).

Загнутоконечные пластинчатые браслеты встречаются в погребениях Новгородской земли XIII – XIV вв., Смоленщины, Костромской области, в древностях вятичей (Седова, 1981, с. 113-114), в тверских древностях XIII-XIV вв. (Лапшин, 2009, с. 103, 351), погребениях Аткарского могильника (Монахов, 1991, с. 180), в Болгаре (Полякова, 1996, с. 179). Пластинчатые браслеты с сужающимися пристроенными концами известны по материалам Стародевиченского могильника в Мордовии (Петербургский, Первушкин, 1992, с. 72, 76).

Стоит заметить, что химико-технологический анализ браслетов из коллекции А.С. Башкирова не проводился, и корректнее было бы употреблять термин «сплавы на основе меди», однако в статье по устоявшейся историографической традиции они именуются «бронзовыми браслетами». Данные по химическим составам украшений и зеркал с других золотоордынских памятников дают представление о рецептуре сплавов бронзовых изделий. Отличительной особенностью рецептуры медных сплавов на материалах города Болгара является содержание в них небольшого процента алюминия и никеля (Хлебникова, 1996, с. 266–267). В материалах Селитренного городища сплавы на основе меди представлены бронзами и латунями, а изделий из чистой меди не встречается; в Болгаре процент изделий из чистой меди превышает треть. Известно, что в средневековом литейном деле для изготовления украшений часто использовался лом и проводилась переплавка старых изделий, что приводило к неустойчивости рецептуры сплавов (Ковалева, 2020, с. 330–332).

Технология изготовления дротовых браслетов основана на технике литья – они изготовлены из литой заготовки в виде прямого стержня, который в ряде случаев затем подвергался проковке для изменения поперечного сечения дрота и вытягивания кончиков, а затем уже сгибался по форме руки (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 237). Из 23 дротовых браслетов литых изделий шесть, остальные изготовлены в технике литья с последующей проковкой.

Из пластинчатых браслетов только один экземпляр был изготовлен в технике литья без последующей проковки. Дополнительная проковка литой основы позволяла упростить процесс производства, придать изделию большую прочность и окончательную форму, доработать детали оформления украшения, заострить кончики (Моряхина, 2017, с. 127).

Орнаменты на браслетах достаточно разнообразны, о чем свидетельствует выделение большого количества подтипов в типологии. В основе мотивов лежит различное сочетание широкого набора элементов – насечек, кружков, зигзагов, рельефных полосок, пересекающихся линий, в редких случаях встречаются изображения розеток, завитков, ромбической сетки. По мнению М.В. Седовой, геометрический орнамент в виде точек, ромбов, зигзагов

был связан с языческой символикой и носил не только эстетический, но и охранительный характер (Седова, 1981, с. 115). В отдельный тип выделены браслеты с зооморфным оформлением кончиков – «змеиноголовые», браслеты с утолщениями в виде трилистников также, возможно, передавали образы животных. Следует отметить отсутствие в коллекции из раскопок А.С. Башкирова пластинчатых «львиноголовых» браслетов, тогда как на других исследованных в разное время секторах Барбашинского могильника они встречались (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 153; Археологические исследования, 2011, с. 59).

В настоящее время в непосредственной близости от Барбашинского могильника неизвестно центров цветной металлургии, орудия обработки цветных металлов в коллекциях Барбашинского могильника также не известны, поэтому изготовление браслетов местными литейщиками-ювелирами маловероятно. На территории Самарской области центр цветной металлургии золотоордынского времени исследован на Муранском селище в Шигонском районе (Сташенков, Кочкина, 2012, с. 252). При раскопках Сухореченского поселения в Похвистневском районе Самарской области были найдены зубила небольшого размера (Васильева, 2013, с. 230; КП-18999/2930, 2910). Зубило – одно из универсальных орудий обработки черных и цветных металлов, использовалось для рубки металла, в ювелирном деле применялось для отрубания нужной порции металлического сырья, вырезания пластинчатой заготовки нужного размера (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 102). По материалам раскопок ювелирных мастерских в городе Болгаре установлено, что в арсенале ювелиров и литейщиков были разнообразные инструменты – долота, резцы, напильники, ножи, литейные формы (Бадеев, 2022, с. 74).

Характерные особенности орнамента позволяют судить о технологических особенностях производства украшений. Анализ орнаментов на браслетах показал, что для их нанесения использовался широкий ассортимент специализированных инструментов. Применение резцов-штихелей для прочерчивания ровных тонких линий при гравировке изделий позволяло создать мотивы в виде полос, зигзагов. Резцы с клинообразной в профиль рабочей частью для нанесения очень тонких, четких линий называются мессерштихелями (Сарачева, 1999, с. 78). Тисненый орнамент в виде розеток и рифленых полос мог наноситься на листовую заготовку с помощью бронзовой матрицы (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 94).

На пяти браслетах в коллекции А.С. Башкирова присутствует чеканный орнамент в виде ровных кружковых отпечатков, который наносился кольцевым пуансоном в форме пустотелого цилиндра (Сарачева, 1999, с. 76). Насечки, которые очень часто встречаются на кончиках браслетов, как дротовых, так и пластинчатых, наносились с помощью резца или напильника. Популярным мотивом на браслетах коллекции является очень мелкий зигзаг, составляющий продольные и пересекающиеся линии, завитки, кресты. Наносился он с помощью штихеля или же для его создания использовалось зубчатое колесико, сказать сложно. Т.Г. Сарачева отмечает, что вятичские ювелиры для создания подобного орнамента применяли тонкий мессерштихель (Сарачева, 1999, с. 79).

Пластинчатые браслеты – наиболее богато орнаментированные в коллекции. Нанесение орнамента на пластинчатые браслеты проводилось уже после изготовления корпуса. Лишь в одном случае (браслет *подотдела В-IVб)* конец изделия был украшен выемками непосредственно в процессе отливки в форме – об этом свидетельствуют оплывшие, сглаженные края выемок, тогда как при нанесении орнамента на предварительно отлитый или кованый корпус браслета очертания оттисков чекана или следы резца очень четкие, резкие, в некоторых случаях видны следы «отвала» металла.

Браслеты из раскопок А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике – проявление своеобразных особенностей моды, которые выражались в использовании определенных технологических приемов, выборе орнамента, оформлении и были характерны для населения Золотой Орды, в частности на территориях компактного проживания мордвы, а также для средневековых древностей сопредельных с Золотой Ордой русских земель. Браслеты, аналогичные предметам из Барбашинского могильника, встречаются на исторических территориях проживания мордвы, что свидетельствует о культурных связях и преемственности в пределах обширного региона Урало-Поволжья и Окско-Сурского междуречья;

различия и сходства в традициях цветной металлургии этих территорий в перспективе могут стать объектом отдельного исследования. Коллекция из раскопок А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике нуждается в дальнейшем анализе, т.к. является одним из крупнейших собраний золотоордынского времени в фондах СОИКМ им. П.В Алабина и представляет большой интерес для изучения археологии средневековой мордвы. Проанализированные браслеты – это материал для изучения не только погребального обряда и костюма населения Самарского Заволжья золотоордынского периода, но и источник информации о развитии литейного и ювелирного дела эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. № 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганова, К.А. Коткова. Саранск: Мордовское гос. изд-во, 1948. С. 212–258.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2011. 96 с.

Археологические памятники Самары / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: СНЦ РАН, 2012. 160 с.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 222 с.

Бадеев Д.Ю. Цветная металлургия и ювелирные мастерские // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 69–76.

Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII—XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Историко-культурная ассоциация «Артефакт», 1993. С. 58–76.

Васильева И.Н. Археологические исследования на Сухореченском поселении в 1979 и 1981 гг. // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарской археологическое общество, 2012. С. 187–235.

Глазистова Н.И. К характеристике коллекций из раскопок А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике в 1921 г. в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 328–338.

Глазистова Н.И., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Топоры Барбашинского могильника эпохи Золотой Орды (по материалам коллекций СОИКМ им. П.В. Алабина) // Уральский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 284–299.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М.: Индрик, 2011. 404 с.

Зеленеев Ю.А. Новые и видоизменённые элементы костюма мордвы XIII-XV веков // Вестник Чувашского университета. 2023. № 3. С. 36–42.

Ковалева К.С. Материалы к изучению изделий из цветных и драгоценных металлов Селитренного городища: химический состав // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 4. С. 328–347.

Ковалева К.С. Химический состав цветного металла золотоордынских городов: предварительные данные // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 84–88.

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 196–218.

Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) / Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Левашева В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.

Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. / Отв. ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 29–98.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Мартьянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский университет, 1991. С. 167–187.

Моржерин К.Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А. И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 140–178.

Моряхина К.В. Об особенностях изготовления пластинчатых браслетов со средневековых памятников Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. 2017. № 12. С. 125–131.

Моряхина К.В. Импортные украшения рук на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Труды КАЭЭ. 2018. № 14. С. 155–164.

Моряхина К.В. Дротовые браслеты со средневековых памятников Пермского Предуралья // Нутряные жилы земли: металл в российской культурной традиции: материалы Всероссийской Научно-практической конференции (Усолье, 21–22 сентября 2018 г.) / Ред. И.А. Подюков, А.М. Белавин, С.В. Хоробрых. Усолье: ПГГПУ, 2018. С. 19–23.

*Петербургский И.М., Первушкин В.И. С*тародевиченский могильник (раскопки 1989−1990 гг.) // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Морд. НИИЯЛИЭ, 1992. С. 69−104.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–257.

Руденко К.А. Ювелирные украшения из захоронений в южной части Болгарского городища (Раскопы CLXXIV и CCXIV. Раскопки 2012 и 2015 гг.) // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 258–274.

Руденко К.А. Золотые и серебряные браслеты XIII-XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка // В поисках сущности: сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева / Отв. ред. М.Е, Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 239–262.

Руденко К.А. Железные браслеты с селищ низовий Камы домонгольского времени // 800-летие победы булгар над монгольской армией под стенами Золотарёвского городища. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, 25–26 августа 2023 г.) / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. С. 79–92.

Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X-XV вв. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 117 / Отв. ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1963. С. 201–268.

Сарачева Т.Г. Инструменты для нанесения декора на вятичские украшения // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер / Труды ГИМ. Вып. 111 / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1999. С. 74–81.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X– XV вв.). М.: Наука, 1981. 193 с.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования// Известия СНЦ РАН. 2014а. Т. 16. № 3. С. 326–329.

Сташенков Д.А. Раскопки Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Ред. А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ РАН, 2014б. С. 5–34.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII-XIV вв.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т.2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдиков. Казань-Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 413–432.

Сташенков Д.А. Кочкина А.Ф. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара, 2012. С. 248 – 276.

Турецкий М.А., Китов Е.П., Гальцов К.Д., Ковалевский В.Н. Раскопки селища Малячкино III в Шигонском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области 2021 года / Отв. ред. Д.А, Сташенков. Самара: СОИКМ, 2022. С. 19–20.

Хлебникова Т.А. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 258–279.

Четвертаков Е.В. Помринский мордовский могильник // Нижегородская мордва: история и культура / Ред. Е.В. Четвертаков, О.В. Гальцев. Дальнее Константиново: РКДО Д.-Константиновского района, 2017. С. 6–15.

Янишевский Б.Е., Зайцева И.Е. Новые находки предметов из цветных металлов – XV веков из Можайска и его окрестностей // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6 / Отв.ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2010. С. 219–225.

Информация об авторе:

Глазистова Наталья Ивановна, главный научный сотрудник, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); ndetinkina@gmail.com

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1948. In Got’e, Yu. V., Tsyganov, N. V., Kotkov, K. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: “Mordov. gos. izd-vo” Publ., 212–258 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93259–301 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (New Archaeological Studies in Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground).* Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

Stashenko, D. A., Kochkina, A. F. (comp.) 2012. *Arkheologicheskie pamyatniki Samary (Archaeological Monuments of the Samara).* Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Artsikhovskii, A. V. 1930. *Kurgany viatichei (Burial Mounds of the Viatichi)*. Moscow: “RANION” Publ. (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2022. In Koval, V. Yu. (ed.). *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarnye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) (The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on materials from 2011–2019 excavations)).* Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 69–76 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: “Artefakt” Publ., 58–76 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2012. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov’e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region))*. Samara: “Samara Archaeological Society”, 187–235 (in Russian).

Glazistova, N. I. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 328–338 (in Russian).

Glazistova, N. I., Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2023. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 23 (2), 284–299 (in Russian).

Zaitseva, I. E., Saracheva, T. G. 2011. *Iuvelirnoe delo «zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI–XIII vv. (Jewelry of the "Vyatichi Land" in the Second Half of 11th – 13th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 2023. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta (Bulletin of the Chuvash University)* 3, 36–42 (in Russian).

Kovaleva K. S. 2020. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 4 (25), no 4, 328–347 (in Russian).

Kovaleva, K. S. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 84–88 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozerova, I. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 196–218 (in Russian).

Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.)* (*Tver in the 13th – 15th Centuries (based on the materials from excavations made in 1993–1997))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, XXX. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State University (in Russian).

Levasheva, V. P. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 207–252 (in Russian).

Lesman, Yu. M. 1990. In Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 (Materials on the Archaeology of Novgorod: 1988)*. Moscow: Novgorod Archaeological Expedition, 29–98 (in Russian).

Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).

Mart'yanov, V. N. 2004. *Drevnyaya istoriya Arzamasskogo kraya (The ancient history of the Arzamas region).* Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute (in Russian).

Monakhov, S. Yu. 1991. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 167–187 (in Russian).

Morzherin, K. Yu. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 140–178 (in Russian).

Moryakhina, K. V. 2017. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 12, 125–131 (in Russian).

Moryakhina, K. V. 2018. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 14, 155–164 (in Russian).

Moryakhina, K. V. 2018. In Podyukov, I. A., Belavin, A. M., Khorobrykh, S. V. (eds.). *Nutryanye zhily zemli: metall v rossiyskoy kul'turnoy traditsii (Interior veins of the earth: metal in the Russian cultural tradition).* Usol'e: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 19–23 (in Russian).

Peterburgsky, I. M., Pervushkin, V. I. 1992. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Oksko-Surskom mezhdurech'e (Archaeological research in the Oka and Sura interfluve).* Saransk, 69−104 (in Russian).

Polyakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1996. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan Publ., 154–257 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2017. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 22 (4), 258–274 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2019. In Tkachuk, M. E., Atanasov, G. G. (eds.). *V poiskakh sushchnosti (In search of essence*). Kishinev: "Stratum" Publ., 239–262 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2023. In Belorybkin, G. N. (ed.). *800-letie pobedy bulgar nad mongol'skoy armiey pod stenami Zolotarevskogo gorodishcha. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Penza,*

25–26 avgusta 2023 g.) (800th Anniversary of the Victory of the Bulgars over the Mongol Army under the Walls of the Zolotarevsky Site: All-Russian Scientifi c and Practical Conference (Penza, August 25, 2023)). Penza: Institute of Regional Development of the Penza region, 73–92 (in Russian).

Ryndina, N. V. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition*) 3. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 117. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 201–268 (in Russian).

Saracheva, T. G. 1999. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pamyati Marii Vasil'evny Fekhner (Archaeological Collection of Papers. Materials and Studies on Eurasian Archaeology. In Memory of M. B. Fekhner)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum, 111. Moscow: State Historical Museum, 74–81 (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of ancient Novgorod (X–XV centuries)).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2012. *Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary (New Archaeological Studies in Samara)*. Samara: “As Gard” Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 3, 326–329 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In Kochkina, A. F., Kuznetsova, L. V., Stashenkov, D. A. (eds.). *Itogi arheologicheskih issledovanij v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnyh jekspedicij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific research).* Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 5–34 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Samara period of life).* Saratov: “Novyy veter” Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 413–432 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2012. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov’e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region))*. Samara: “Samara Archaeological Society”, 248–276 (in Russian).

Turetsky, M. A., Kitov, E. P., Galtsov, K. D., Kovalevsky, V. N. 2022. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Samarskoi oblasti 2021 goda ((Archaeological Discoveries of Samara region in 2021).* Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 19–20 (in Russian).

Khebnikova, T. A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 258–279 (in Russian).

Chetvertakov, E. V. 2017. In Chetvertakov, E. V., Galtsev, O. V. (eds.). *Nizhegorodskaya mordva: istoriia i kul’tura (Nizhny Novgorod Mordovians: History and Culture).* Dalneye Konstantinovo: RKDO D.-Konstantinovskogo raiona Publ., 6–15 (in Russian).

Yanishevsky, B. E., Zaitseva, I. E. 2010. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov’ia: (Archaeology of the Moscow Region)* 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 219–225 (in Russian).

About the Author:

Glazistova Natalia I., Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation; ndetinkina@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.81.93

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА В 2020 Г.[1]

©2024 г. Э.Д. Зиливинская

Статья является публикацией материалов раскопок 2020 г. на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области. В 2019 г. в результате прокладки газопровода в охранной зоне памятника археологии федерального значения была прокопана траншея. В 2020 г. были проведены охранно-спасательные раскопки, в результате которых было обнаружено крупное многокомнатное здание с фахверковыми стенами. Было исследовано 19 помещений различного назначения. Среди них зал для приемов с айваном в северной части, парадная комната с суфами по периметру, жилые комнаты с суфами, канами и тандырами. Полы в помещениях были выложены обожженными кирпичами на известковом растворе и сверху покрыты слоем алебастра. Стены и суфы также были оштукатурены алебастровым раствором. В качестве декора использовались монохромные и полихромные изразцы и элементы из штампованного ганча. Наличие залов с айванами в самом здании и в пристройке к нему позволяет атрибутировать его как усадебное здание дворцового типа.

Ключевые слова*:* археология, Золотая Орда, Селитренное городище, охранные раскопки, многокомнатное здание, фахверковые стены, суфы, каны, тандыры, изразцы, ганч

SECURITY EXCAVATIONS ON THE SOUTHEASTERN OUTSIDE OF SELITRENNOYE SETTLEMENT IN 2020[2]

E.D. Zilivinskaya

The article is a publication of materials from the 2020 excavations at the Selitrennoye settlement in the Kharabali district of the Astrakhan region. In 2019, as a result of laying a gas pipeline, a trench was dug in the protected zone of an archaeological site of federal significance. In 2020, security and rescue excavations were carried out, as a result of which a large multi-room building with half-timbered walls was discovered. 19 premises for various purposes were investigated. Among them are hall for receiving guests with an iwan in the northern part, a front room with sufas around the perimeter, living rooms with sufas, kangs and tandoors. The floors in the rooms were laid with baked bricks on lime mortar and covered with a layer of alabaster on top. The walls and sufas were also plastered with alabaster mortar. Monochrome and polychrome tiles and stamped ganch (raw stucco) elements were used as decoration. The presence of halls with iwans in the building itself and in its annex allows it to be classified as a palace-type manor building.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Selitrennoye settlement, security excavations, multi-room building, half-timbered walls, sufas, kangs, tandoors, tiles, ganch

Весной 2019 года в Харабалинском районе Астраханской области, в окрестностях села Селитренное, в рамках программы газификации северных районов Астраханской области производилось строительство газопровода. Работы производились АО «Газпром газораспределение Астрахань». В результате траншея газопровода была проложена по территории охранной зоны памятника археологии федерального значения «Городище Сарай-Бату», в юго-восточной её части. В июне 2019 года сотрудники отдела археологии ГАУ АО «НПУ «Наследие» составили акт о прокладке траншеи в охранной зоне памятника археологии федерального значения. Ширина траншеи до 1 метра и длина около 1000 м. Причем проложена она в 80 м от установленного охранного знака. В результате работы, проведенной службой государственной охраны объектов культурного наследия Астраханской области,

[1] Работа публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.[2]

[2]The work is published in accordance with the plan of research works of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

производителем работ были выделены средства на проведение охранно-спасательных мероприятий на разрушаемых участках культурного слоя. Раскопки по договору проводил Астраханский государственный университет. Открытый лист был взят на имя Э.Д. Зиливинской. Общая площадь раскопов составила 3000 кв. м.

Раскопки были начаты поздней осенью 2019 г. и после перерыва на наиболее холодное зимнее время были продолжены весной 2020 г. в самый разгар пандемии коронавируса. Данный участок городища раскопками до сих пор не изучался. Он является периферией памятника, на окрестных бэровских буграх разведками В.Г. Рудакова в начале 2000-х были обнаружены развалины крупных мавзолеев золотоордынского периода (Рудаков, 2000; Гончаров, Рудаков, 2004). Раскоп, получивший номер LI, был разбит на участки, длиной в среднем 40-50 м. Наибольшая концентрация сооружений золотоордынского периода была обнаружена в западной части раскопа на уч. 1-3. Здесь были обнаружены остатки восьми сооружений, вошедших в раскоп небольшой частью. Сооружения имели сырцовые или глинобитные стены, в интерьере находились глинобитные суфы, каны и тандыры, то есть, они являлись жилыми постройками. Также на этих участках находилось пять хозяйственных ям. Среди них выделяются две ямы больших размеров и значительной глубины (более 3 м.), которые служили для добычи глины, а затем, как и все прочие использовались в качестве мусорных.

На большей части протяженности раскопа культурный слой отсутствовал. И только в восточной его части на уч. 25 и 26, расположенных на вершине бэровского бугра высотой 8 м, снова появились хозяйственные ямы и развалы сырцовых стен. В результате работ на этих участках стало ясно, что здесь траншея перерезала крупное многокомнатное здание с мощными сырцовыми стенами и полами, вымощенными обожженным кирпичом и покрытыми алебастровой обмазкой. В одном из помещений на кирпичном полу было обнаружено основание шестиугольной колонны, сложенной из обломков обожженного кирпича и также покрытой слоем алебастровой обмазки. Стало очевидно, что здесь находится не рядовая постройка, а общественное или большое усадебное здание. В связи с этим было принято решение расширить раскоп к северу. Для этого была сделана прирезка к северу длиной 50 м по оси З-В и шириной 14 м по оси С-Ю.

В процессе раскопок выяснилось, что постройка целиком в раскоп не попадает. В сезоне 2020 г. были целиком и частично вскрыты 19 помещений здания, получившего условное название сооружение 9 (рис. 1, 2). По монетному материалу постройка датируется 30–60 гг. XIV в. Исследования показали, что внешние и внутренние несущие стены здания имели интересную структуру. Они были фахверковыми, то есть из горизонтально положенных бревен со вставленными в них вертикальными стойками, на которые также клалось горизонтальное бревно, делался деревянный каркас, а пространство между стойками закладывалось сырцовыми кирпичами, положенными «в елочку». Такие стенки толщиной 20–30 см часто встречаются в золотоордынском домостроительстве, но обычно – это внутренние перегородки. Например, в дворцовом здании усадьбы 3 на Селитренном городище внешние стены были сложены из обожженного кирпича, а внутренние были фахверковыми (Зиливинская, 2019, с. 125). Но в исследованном здании внешние стены тоже были фахверковыми, но состояли из 2-х – 3-х каркасных стенок, пространство между которыми было забутовано глиной (рис. 3). Толщина таких стен достигала 80 см, и они были достаточно прочными, чтобы поддерживать перекрытие. Сырцовые кирпичи, которые использовались в кладке стен имели различный состав раствора и цвет. Темно-серые сырцы содержали речной ил, который придавал им темный цвет, желтые сырцы состояли из чистой глины с добавками. Были еще светло-серые и коричневатые сырцовые кирпичи.

Помещения в здании располагались рядами по оси С – Ю. Самым южным в среднем ряду было помещение 1 (рис. 4). Размеры его 6, 4 м по оси С-Ю и 3,6 м по оси З-В. Южная стена большей частью уходила под борт раскопа, в раскоп частично вошел северный фас стены. Западная и восточная его стены были сложены из сырцов размерами 35×25 ×7 см и имели толщину 75 см. Кладка в три ряда, сохранились стены на высоту 2-4 слоя кладки. Северной стены в помещении 1 не было. Оно по всей ширине соединялось с помещением 19. Возможно помещения 1 и

Рис. 1. Селитренное городище, раскоп LI, сооружение 9. Аэрофото.
Fig. 1. Selitrennoye settlement, excavation LI, structure 9. Aerial photography.

Рис. 2. Селитренное городище, раскоп LI, сооружение 9. План.
Fig. 2. Selitrennoye settlement, excavation LI, structure 9. Plan.

19 составляли один компартимент, в котором помещение 1 являлось айваном.

Пол помещения 1 был кирпичным, положенным на известковом растворе. Пол полностью разломан, сохранились небольшие участки его вдоль восточной и западной стен и завалы битого кирпича в центральной части.

В центре комнаты (2,6 м от южной и северной границ и 1,2 м от восточной и западной стен) на полу стояло основание шестигранной

Рис. 3. Основание фахверковой стены между помещениями 15 и 11.
Fig. 3. The base of the half-timbered wall between rooms 15 and 11.

колонны, сложенное из обожженного кирпича, целого и обломков. Размеры сечения колонны 103–105 см от угла до угла. Стороны шестигранника имели длину 46–50 см. В высоту кладка сохранилась в 4 слоя (27 см). Кладка на глиняном растворе. Снаружи колонна была покрыта белой алебастровой обмазкой в 3 слоя, толщиной 0,3-0,5 см каждый.

К северу от помещения 1 находилось помещение19. Размеры его 6,4 м по оси З-В и 3,0 м по оси С-Ю. Стены помещения были фахверковые, прослеживались в виде канавок шириной от 20 до 40 см. Наиболее мощной была северная стена. После разбора суфы в северной части помещения была прослежена канавка шириной 40 см, оставшаяся от стены, разделявшей помещения 19 и 10. Стены были оштукатурены белым раствором. При разборке помещения были найдены не только завалы сырцов, но и пласты алебастровой штукатурки.

В западной и восточной стенах были сделаны скользящие вдоль южной стены проходы шириной 135 см. Они соединяли помещение 19 с помещением 13 на западе и помещением 15 на востоке.

В южной части помещения находился пол, вымощенный обожженным кирпичом. Ширина вымостки 1,4 м. Кирпичи сохранились только в восточной части пола. Они были положены рядами со смещением каждого ряда на половину кирпича. В западной части вымостки сохранился порог у прохода в помещение 13. Он был оформлен половинками кирпичей.

В северной части была сооружена глинобитная суфа шириной 1,6 м и длиной вдоль всей комнаты (6,4 м). Суфа на имела подпорной стенки из сырца, а была полностью пахсовой. Поэтому она сильно расплылась и в верхней части край ее не прослеживался в заполнении помещения. Стенка суфы была прослежена только в западной части, так как

Рис. 4. Сооружение 9, помещение 1. Вид с юга.
Fig. 4. Building 9, room 1. View from the south.

Рис. 5. Сооружение 9, помещение 10. Вид с юго-запада.
Fig. 5. Building 9, room 10. View from the southwest.

на ней сохранилась белая алебастровая обмазка толщиной 0,3 см. Также по полосе обмазки был прослежен край суфы к востоку.

К северу от помещения 19 располагалось помещение 10 (рис. 5). Размеры его – 6 м по оси З-В и 4,2 м по оси С-Ю. Стены помещения были фахверковыми, скорее всего, состоящими из двух рядов фахверка. Строение западной стены видно со стороны помещения12, где видна кладка «в елочку». Примерная толщина ее 70–75 см. Северная стена помещения уходит под бровку раскопа. Восточная стена сохранилась на высоту 25–35 см. Толщина стены 90 см. Основание сложено из темных сырцов размерами 36×18×5. Кладка в 3 ряда, по краям в тычок, в середине – в ложок. С западной стороны стена фахверковая, сложена из желтых кирпичей. Она частично разрушена, и «сползла» на кирпичный пол помещения. Вертикальная плоскость стены покрыта алебастровым раствором толщиной 0,3 см.

В помещении прослеживаются три периода перестроек. К I периоду относятся остатки стенок из темно-серого сырца, которые видны в объеме суфы II периода. Во II периоде в западной части комнаты была сооружена П-образная суфа высотой 45 см. Вертикальная поверхность суфы покрыта глиняной обмазкой толщиной 0,5 см. Длина южной части суфы 4,4 м, ширина 70-75 см. Западная суфа имела ширину 225 см. Северная суфа длиной 4,4 м имела ширину 90 см. Внутри нее проходил двухканальный кан. Тандыр, находившийся у восточного края северной суфы не сохранился. Пол II периода был глинобитным.

В III периоде в восточной части помещения пол был вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе. К восточной стене примыкает вымостка пола шириной 2 м (по линии З-В). Она состоит из двух участков. Длина первого участка 2,5 м. Второй участок уходит под северную бровку. Между ними канавка шириной 20 см, в которой, скорее всего, лежал деревянный брус, ограничивавший края вымосток.

Западная суфа была расширена на 123 см, и ширина ее стала достигать 3,48 м. Подпорная стенка суфы сложена из обожженного кирпича. Вероятно, тогда же поверхность южной суфы была выложена обожженным кирпичом и покрыта слоем белой алебастровой обмазки. В ЮВ углу помещения находилась квадратная в плане (1,0×1,0 м) яма-погребок глубиной 25-30 см.

К западу от центрального ряда комнат находились помещения 4, 13 и 12.

Самым южным помещение 4, которое вошло в раскоп частично, южная стена его была за пределами раскопа. Размеры помещения: З-В 7,8 м, С-Ю более 5,6 м. Западная имела толщину 110-115 см. Она была сложена панцирной кладкой. Фасы сены состояли из сырцов темного и желтого цветов. В высоту кладка сохранилась на 1 – 2 слоя. В середине находилась забутовка из земли и битого сырца. Северная стена была южной стеной помещения 13. Она была фахверковой, сложенной из темного сырца. Толщина ее 25 см. Восточный и западный отрезки стены сохранились в виде завалов фахверковых стен, которые были сложены «в елочку». Со стороны помещения 4 западный отрезок имел длину 2,7 м,

Рис. 6. Сооружение 9, помещения 13 и 12. Вид с юга.
Fig. 6. Building 9, rooms 13 and 12. View from the south.

восточный – 3,2 м. Между ними был проход шириной 1,9 м. Впоследствии проход был заложен плоско лежащими сырцами. Толщина стены 40 см. Восточная стена являлась западной стеной помещения 1. Толщина ее 75 см. сложена из сырцов разного формата. Кладка в 3 ряда, сохранилась на высоту 4 слоя.

Пол помещения большей частью был разрушен. Сохранился небольшой участок у северной стены. Пол был вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе.

Севернее находилось помещение 13 (рис. 6). Размеры его – 6,6 м по оси З-В и 6,2 по оси С-Ю. Все стены его были фахверковыми. Частично сохранилась кладка южной стены. Восточный и западный отрезки прослеживались в виде завалов фахверковых стен, которые были сложены «в елочку». От остальных стен остались канавки, которые окружали вымостку пола. Кое-где был виден древесный тлен от бревен основания стен. Бревна не сохранились, так как были положены на песчаный материк. Ширина канавок – 40 см, глубина – 15-20 см.

В западной стене был сделан скользящий вдоль южной стены проход шириной 130 см, который соединял помещения 5 и 13. Напротив него в восточной стене находился скользящий проход вдоль южной стены, который соединял помещения 13 и 19. Ширина его 135 см. Возможно, в западной стене помещения 13 был еще один проход, который вел в помещения 7 и 8, но он не был прослежен, так как стена не сохранилась.

Пол помещения был вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе. Размеры кирпичей 23-23,5×23-23,5×4 см. Сверху кирпичная вымостка была обмазана белым алебастровым раствором. Кладка пола сохранилась в центральной части комнаты, в СВ углу и вдоль западной стены. На остальной площади она была разобрана.

Помещение 12 находилось к северу от помещения 13. Западная часть его была полностью разрушена. Размеры помещения – 2,8 м по линии С-Ю и приблизительно 3,6 м по линии З-В. Стены комнаты были фахверковыми. Южная стена, вероятнее всего, была общей с помещением 13. Западная не сохранилась, но скорее всего, она была общей с помещением 8. От северной стены сохранился участок бревна шириной 20 см и длиной 1 м. Восточная стена сохранилась на высоту до 20 см. Она была фахверковой, сложенной из темно-серых сырцов «в елочку». Со стороны помещения 12 она была оштукатурена: на толстый слой глиняной обмазки был положен тонкий слой белой известковой штукатурки. Штукатуркой, вероятно, были покрыты все стены. При расчистке помещения на завале кирпичей был расчищен слой упавшей белой штукатурки.

Пол, вероятно был вымощен кирпичом на известковом растворе, но впоследствии кирпич был выломан. На глиняной субструкции был расчищен завал мелких битых кирпичей с остатками белого раствора на торцах.

Скорее всего, помещение 12 являлось не отдельной комнатой, а айваном парадного зала (пом. 13).

Самым южным в западном ряду комнат было помещение 5. Южная стена его не вошла в раскоп, пол был перерезан траншеей газопровода. Ширина комнаты по линии З-В – 5,2 м, длина по линии С-Ю более 6,4 м. Западная стена была внешней стеной сооружения. Она сохранилась в виде нерегулярного

Рис. 7. Сооружение 9, помещение 7. Вид с северо-востока.
Fig. 7. Building 9, room 7. View from the northeast.

скопления сырцов темно-серого цвета. Вероятно, это развал фахверковой стены. Толщина западной стены 90 см. С внутренней стороны она была оштукатурена белым алебастровым раствором: в северо-западном углу сохранился фрагмент штукатурки на вертикальной плоскости стены. Со стороны помещения к западной стене была приставлена стенка из сырцов, сложенная панцирной кладкой в два слоя. Толщина ее – 125 см, длина – 115 см. Возможно, это не стена, а остатки суфы.

Северная стена комнаты являлась южной стеной помещения 7. Она имела толщину 20 см. Стена фахверковая, сложена из сырцов «в елочку». Сохранилась на высоту 36–38 см. В нижней части ее прослежены остатки бревна шириной 20 см. Со стороны помещения 5 стена была оштукатурена, покрыта глиняной обмазкой, а по ней белой алебастровой штукатуркой.

Восточная стена имела толщину 110-115 см и была сложена панцирной кладкой. В высоту кладка сохранилась на 1 – 2 слоя. В восточной стене был сделан скользящий проход вдоль северной стены, который соединял помещения 5 и 13. Ширина прохода – 130 см.

Пол помещения был выложен обожженным кирпичом на известковом растворе. Участок пола сохранился у восточной стены помещения. Кирпичи положены рядами со смещением примерно на половину кирпича. В остальной части комнаты пол разбит и частично сохранился в виде завала из обломков. Кирпичи были положены на нивелировочную поверхность из глины и извести (кыр).

Помещение 7 находилось к северу от пом. 5 (рис. 7). По линии З-В размеры его составляли 6,4 м, по линии С-Ю – 3,6 м. Западная его стена была внешней стеной здания, она продолжалась к северу, образуя внешнюю западную стену помещения 8. Ширина ее 90 см. Стена сложена из темно-серых илистых сырцов. В нижней части она имела панцирное строение: между двумя рядами сырцов была сделана забутовка. Скорее всего, стена была фахверковой, так как она почти вся разрушилась. Регулярная кладка прослеживалась только на самом нижнем уровне, выше от стены остался только завал сырцов. К северу от помещения 7 на ложе стены были прослежены остатки двух бревен, что также свидетельствует о ее фахверковой конструкции.

Южная стена была общей с помещением 5. Восточная стена, вероятно, была фахверковой толщиной 25 см, она сохранилась фрагментарно. Северная стена являлась южной стеной помещения 8. Толщина ее 30 см. Скорее всего, была фахверковой, сохранилась на высоту 38 см.

Западная часть пола помещения 7 выложена обожженным кирпичом на глиняном растворе. Размеры вымостки 2 м (З-В)×5,4 м (С-Ю). Кирпичи сильно разбиты. В ЮЗ углу пола была сделана тошна, которая заглублена на 25 см. Тошна перекрыта кирпичом с отверстием посредине. С восточной стороны вымостка пола ограничена фахверковой стенкой шириной 20 см, в основании которой положено бревно. На нем лежат плоско сырцовые кирпичи темно-серого цвета. На расстоянии 1,2 м от южной стены кирпичи на бревне не

Рис. 8. Сооружение 9, помещение 8. Вид с северо-востока.
Fig. 8. Building 9, room 8. View from the northeast.

прослеживались. Вероятно, здесь находился проход, соединявший западную часть комнаты с кирпичным полом с восточной, пол которой был глинобитным.

Вдоль северной стены помещения был сооружен двухканальный кан. Высота его стенок – 6 слоев кладки. Северный канал заканчивается вертикальным дымоходом, от которого сохранилась круглая ямка диаметром 15 см. Кан отапливался тандыром, расположенном в его восточной части. Тандыр имел диаметр 45 см. Дно было выложено кирпичом. Устье шириной 22 см обращено к югу. Перед устьем в полу находилась ямка для золы размерами 26 х 15 см и глубиной 6 см.

Западную часть помещения занимала суфа, которая имела одну перестройку. Стенки суфы I периода толщиной 25 см сложены из желтых песчанистых сырцов. Стенка отстоит от западной стены комнаты на 2,6 м. Она тянется от стенки кана на 1,8 м к югу, затем поворачивает на запад, продолжается еще на 1,45 м и снова поворачивает на юг. В результате образуется клетушка размерами 60×120 см. Во 2 периоде стенка суфы была продолжена до южной суфы комнаты, и суфа получила Г-образную форму. Заклад проема четко выделялся, так как был сделан из темно-серых кирпичей.

Помещение 8 находилось к северу от помещения 7 (рис. 8). По линии З-В размеры его составляли 6,6 м, по линии С-Ю – 4,8 м. Западная стена помещения была внешней стеной здания, она являлась продолжением стены помещения 7. Северная стена, вероятно, также была фахверковой, так как от нее сохранился только завал сырцовых кирпичей шириной 80-90 см. Восточная стена практически не сохранилась. Скорее всего, она являлась продолжением восточной стены помещения 7. Южная стена являлась северной стеной помещения 7. Помещения 7 и 8 соединялись проходом шириной 1,5 м, который примыкал к их восточной стене. Также они, вероятно, соединялись с помещением 13, но проход не прослеживался.

Пол помещения 8 был глинобитным. Вдоль всех четырех стен его устроены суфы. Их подпорные стенки имели высоту 4-х слоев кладки. Южная суфа имела длину 5,0 м и ширину 95 см. Первоначально в ее восточном конце находилась печь или тандыр, от которого прослеживалось золистое дно и устье шириной 30 см, обращенное к северу. Впоследствии устье было заложено сырцовыми кирпичами. Западная суфа имела ширину 3,2 м и высоту 40 см.

Северная суфа имела в I периоде длину 4,6 м и ширину 1,0–1,05 м. В ней находился двухканальный кан. Стенки его сложены из таких же сырцов, как и стенки суф, в 4 слоя кладки. Южный канал кана соединялся с тандыром. Диаметр тандыра 35 см. Дно его выложено кирпичом. Устье тандыра обращено к югу и обложено с четырех сторон половинками обожженных кирпичей. Ширина устья 10 см, высота – 13 см.

Позднее (во II периоде) суфа была продлена до восточной стены. В пристройке был сделан очаг размерами 70×70 см, который был соединен с северным каналом кана. К восточной стене помещения 8 была пристроена суфа длиной 3,4 м и шириной 60 см. Стенки ее сложены в 4 слоя кладки.

Рис. 9. Сооружение 9, помещение 2. Вид с юга.
Fig. 9. Building 9, room 2. View from the south.

В полу помещения 8 находились ямы. Яма № 1 подквадратной формы имела размеры 35×35 см и глубину 18–20 см. Заполнение ее состояло из золы. Это зольная яма для выгребания золы из тандыра. Яма № 2 подпрямоугольной формы размерами 40×30 см и глубиной 28 см была заполнена супесью с золой. Скорее всего, зольная яма при очаге. Яма № 3 находилась ближе к центру помещения. Яма цилиндрическая, диаметром 56 см и глубиной 40 см. Заполнение ее состояло из зеленоватой супеси с включением керамики и углей. Возможно, это яма от тошны. Яма № 4 подпрямоугольной формы располагалась у южной стенки восточной суфы. Размеры ее 58×75 см, глубина – 50 см. Заполнение состояло из желтой супеси с обломками сырцов и керамики. Возможно, являлась погребком.

У стенки западной суфы в полу находилась ямка-очажок. Дно и стенки ее были прокалены до красного цвета. Заполнение состояло из золы. Размеры ее 27×15 см, глубина 5 см.

С восточной стороны от центрального ряда комнат, начинавшегося с помещения 1 с колонной, находились помещения 2, 15 и 11.

Помещение 2 было самым южным в этом ряду (рис. 9). Южная часть его разрушена траншеей газопровода. Помещение прямоугольное или квадратное в плане размерами 5 м по оси З-В и более 4,8 м по оси С-Ю.

Западная стена помещения 2 являлась восточной стеной помещения 1. Но с востока к этой стене примыкает массив из беспорядочно лежавших сырцов шириной 152 см. Внутри этого массива прослеживались остатки бревна. Скорее всего, – это остатки рухнувшей фахверковой стены, сложенной в несколько рядов. Это подтверждается тем, что ее восточный фас оштукатурен, и к нему примыкает массив западной суфы.

Северная стена общая с помещением 15. Толщина ее – 80 см. Стена фахверковая, сохранилась в виде завала сырцов. Северный фас ее покрыт слоем белой алебастровой штукатурки. В северной стене был сделан скользящий вдоль западной стены проход шириной 130 см. Восточная стена также фахверковая. Ширина ее 50 см. В пределах траншеи газопровода найдено хорошо сохранившееся бревно шириной 18 см. В бревне прослеживались пазы размерами 5×5 см, в которые вставлялись вертикальные брусья рамы стены. Еще одно бревно от каркаса лежит севернее, в том месте, где сохранился участок пола. Южная стена оказалась большей частью за пределами раскопа. В помещении было сделано 4 перестройки.

В I периоде в помещении была возведена П-образная суфа. Западная суфа имела ширину110 см. Она не доходила до северной стены на 1,0 м. Южная суфа имела ширину 1,8 м. Восточная суфа, в которой находился кан имела ширину 1,02 м. Она также не доходила до северной стены на 1,0 м. Пол, скорее всего, был глинобитным. Высота суф 25–30 см (3-4 слоя кладки) над уровнем пола.

Во II периоде южную суфу расширили на 1,0 м, то есть до 2,8 м.

В III периоде стенку южной суфы обложили сырцами и обломками кирпичей, в результате чего она расширилась на 30 см

Рис. 10. Сооружение 9, помещение 15. Вид с северо-востока.
Fig. 10. Building 9, room 15. View from the northeast.

(до 2,1 м). Восточную суфу также обложили сырцами, в результате чего она расширилась на 22 см. Стенки суф оштукатурили белым алебастровым раствором. В этом периоде пол выложили обожженным кирпичом. Вымостка пола полностью сохранилась к северу от торца восточной суфы. Кирпичи ее сверху также обмазаны алебастровым раствором. На остальной площади пола кирпичи были вынуты, но видна ровная нивелировочная поверхность со следами белого раствора.

В IV периоде к западному фасу восточной суфы пристроили стенку из сырца шириной 18 см. Также северный торец этой суфы облицевали вертикально стоящими обожженными кирпичами на толстом слое глиняного раствора. Снаружи стенку оштукатурили белым раствором. Кирпичи этих новых стенок поставлены на кирпичи пола.

Помещение обогревалось каном, который во все периоды был встроен в западную суфу. Ширина кана 1,0 м, высота кладки – 4 слоя. В северной части восточной суфы находился тандыр диаметром 46 см. При раскопках помещения были найдены обломки изразцов как монохромных бирюзового цвета, так и полихромных майолик. Скорее всего, они украшали стены.

Помещение 15 находилось к северу от помещения 2 (рис. 10). Размеры его 5,6 м в южной части и 6,0 м в северной по оси З-В и 5,2 м по оси С-Ю. Западная стена была фахверковой и сохранилась в виде завала сырцовых кирпичей. Толщина ее 60–80 см. В ней находился проход шириной 1,4 м, который вел на кирпичный пол помещения 19. Северная стена была общей с помещением 11. Стена фахверковая, сложена в два ряда. Ширина ее 60 см. В основании ее сохранился слой сырцов, на которые положены два бревна шириной 30 и 20 см. Восточная стена фахверковая шириной 40 см. В ее восточном фасе была видна кладка «в елочку». Посредине стены был сделан проход шириной 1,0 м. Южная стена являлась северной стеной помещения 2. Толщина ее – 80 см. Стена фахверковая, сохранилась в виде завала сырцов. В северной стене был сделан скользящий вдоль западной стены проход шириной 130 см. В первом периоде в стене был второй скользящий проход вдоль западной стены, который вел на кирпичную вымостку перед тандыром.

В помещении 15 было три перестройки.

В I периоде пол помещения был вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе. Размеры кирпичей 22×22×4 см и 24×21×4 см. Сверху пол был покрыт тонким слоем алебастрового раствора. На большей части площади комнаты пол был разобран, прослеживалось только его глинобитная подушка со следами известкового раствора. Участок вымостки частично. сохранился в 1 ряд вдоль восточной стены. Также целая кирпичная вымостка пола была найдена после разборки заполнения суф, которые были возведены после мощения пола кирпичом.

К южной стене по центру была пристроена суфа шиириной 70 см, длиной 3,10 м и высотой 30-35 см. С двух сторон от суфы I периода находились проходы в помещение 2. Также в I периоде в северной стене был сделан проход шириной 138 см. Он находился в 2,62 м от СЗ угла комнаты и в 2,0 м от СВ угла.

Во II периоде вдоль южной, северной и восточной стен была сделана суфа. Подпорные

стенки ее сложены из обожженных кирпичей. Южная суфа имела ширину 103 см и длину 4,4 м от восточной стены. Она заканчивалась в 130 см от западной стены. Здесь находился в проход в помещение 2. Суфа, пристроенная к восточной стене состояла из двух отрезков. Южный отрезок имел длину 1,8 м и ширину 90 см. Северный отрезок имел длину 4,2 м и ширину 96 см. Суфы с двух сторон окружали проход шириной 1,0 м, который вел в помещение 14. Первоначально суфа имела разрыв у прохода в помещение 11. Здесь прослеживались вертикальные стенки, покрытые алебастровым раствором, которые с двух сторон ограничивали проход. Восточный отрезок северной суфы имел длину 2,62 м, западный – 2,0 м.

В III периоде первоначальный проход в помещение 11 был заложен и прорублен новый проход в западной части северной стены. Западный участок северной суфы представлял собой тумбу размерами 60×60 см. Дальше к западу находилось пространство шириной 134 см, во II периоде здесь был сделан проход в помещение 11. Дальше суфа продолжалась до западной стены комнаты. Длина ее 4,1 м, ширина 78 см.

Суфы были оштукатурены. Стенки их были покрыты алебастровым раствором, положенным в один слой. Горизонтальная поверхность обмазана в 2 слоя. На поверхности северной суфы у восточного края первоначального прохода было начерчено граффити в виде сетки (пересекающихся горизонтальных и вертикальных линий). Возможно, это было поле для какой-то игры.

Помещение 11 находилось к северу от помещения 15 и к востоку от помещения 10. В раскоп вошло частично. Ширина комнаты по оси З-В – 5,6 м.

Стены помещения фахверковые. Западная стена общая с помещением 10. Она сохранилась на высоту 25–35 см. Толщина ее 90 см. Южная стена общая с помещением 15. Стена фахверковая, сложена в два ряда. Ширина ее 60 см. Восточная стена прослежена в виде завала сырцов шириной –7280 см.

В помещении было несколько перестроек.

К I периоду относятся стенки из сырцового кирпича, которые находились в заполнении суфы II периода. Широтная стенка является стенкой первоначальной северной суфы.

Во II периоде северная суфа была расширена на 90-100 см. Подпорная стенка высотой 35 сложена из сырцов. Ко II и вероятно, к I периоду относится проход из помещения 15 шириной 138 см, который находился в 2,62 м от СЗ угла комнаты и в 2,0 м от СВ угла. Пол, вероятно был глинобитным.

В III периоде к западной части северной суфы была сделана пристройка размерами 80 см (З-В) × 100 см (С-Ю). Пол в III периоде был вымощен обожженным кирпичом и покрыт слоем алебастрового раствора. На этот пол вел новый проход из помещения 15, который находился в 60 см от западной стены комнаты. Ширина его 134 см. Первоначальный проход, расположенный по центру южной стены был заложен.

Следующий восточный ряд комнат состоял из помещений 3, 18, 14 и 17.

Южное помещение 3 почти полностью разрушено перекопами. Западная стена его была общей с помещением 2, южная стена находится за пределами раскопа. Восточная стена являлась западной стеной еще не разобранного помещения 16. Ее ширина около 60 см. Северная стена не прослеживалась. Приблизительные размеры помещения: 5,2 м по оси З-В и 4,8 м по оси С-Ю.

В помещении был расчищен кан, от которого сохранилась северная часть длиной 1,8 м. Кладка сохранилась в 4 слоя.

Севернее находилось помещение 18. Фахверковые стены его, в основном, были разрушены перекопами. Предположительная толщина восточной стены (по завалу сырцов) – 60 см.

Вдоль южной стены был сооружен двухканальный кан, от которого сохранился только западный конец. Ширина кана – 1 м. Тандыр, отапливающий кан, находился с восточной стороны. Он полностью разрушен, сохранилась только его обкладка из сырцов размерами 40 х 45 см. С северной стороны к обкладке тандыра пристроена конструкция из сырцовых стенок, образующих две квадратные в плане клети. Возможно, здесь были встроены дополнительные тандыры.

Еще севернее находилось помещение 14. Так как помещение сохранилось частично точные размеры его не известны. По линии С-Ю длина его около 6 м, по оси З-В – более 3,2 м. Стены помещения фахверковые. Западная стена являлась восточной стеной помеще-

ний 15 и 2. Стена фахверковая шириной 40 см, прослежена в виде развала. Кое-где на восточном фасе стены видна кладка «в елочку». В стене был сделан проход шириной 1,0 м, который соединял помещения 15 и 14. В проходе видна кладка нижнего слоя стены.

Северная стена помещения 14 являлась южной стеной помещения 17 (рис. 3). Стена фахверковая. В нижней части толщина ее составляет 60 см. Был прослежена конструкция стены, которая состояла из 3-х рядов. Южный ряд был представлен бревном шириной 20 см, которое являлось основанием рамы фахверка. С северной стороны к этой конструкции примыкает выложенная сырцами «в ложок» и обмазанная глиной подложка под второе бревно также от рамы фахверка. Еще севернее пристроена стенка из крупноформатных сырцов, лежащих «в ложок». Восточная и южная стены комнаты не сохранились.

Вдоль северной и южной стен комнаты были сделаны суфы. Северная суфа имела ширину 2 м. Подпорная стенка ее имела высоту 6 слоев кладки (37 см), прослеживалась она на длину 2,8 м. Со стороны пола помещения стенка была оштукатурена: покрыта тонким слоем глины и белого алебастрового раствора. Стенка южной суфы сохранилась на 2 м в длину и на 1 слой кладки в высоту.

Между суфами в помещении находился глинобитный пол шириной 1,8 м. На полу почти по центру лежал блок известкового раствора неправильно округлой формы диаметром 24 см. На его поверхности четко читался отпечаток квадратного в плане столба со стороной 12 см. Вероятно, здесь была поставлена деревянная колонна, поддерживавшая потолок. В 1,6 м к востоку от этой «базы» колонны на полу было прослежено белое известковое пятно. Возможно, здесь стояла вторая колонна. Помещение 14, скорее всего, было тамбурным.

Еще севернее находилось помещение 17, которое было расчищено частично. Восточная стена его была западной стеной помещения 11, северная находилась за пределами раскопа, восточная разрушена перекопами. Южная стена являлась северной стеной помещения 14. Вдоль южной стены была сооружена суфа шириной 74-82 см. Полностью помещение 17, также, как и помещение 16, расположенное к востоку от помещения 18, были исследованы в 2022 г.

К основному зданию с восточной стороны была сделана пристройка, которая получила условное название «помещения 6 и 9». Впоследствии выяснилось, что, скорее всего, это одно помещение. Общие размеры его 13,6–14 м по оси С-Ю и 8,6 м. по оси З-В. Внешние стены сложены в 1 ряд сырца на высоту 1–2 слоя. В них прослеживались остатки деревянных столбиков, то есть они были фахверковыми. Внутри к северной стене была пристроена П-образная конструкция, стенки которой также были выложены в 1 ряд сырца и имели ширину 20–25 см. Пространство между внешними стенами и этими стенками было заполнено засыпкой из супеси. Вероятно, в северной части помещения была сооружена суфа. Боковые стороны ее имели размеры 9,6×1,6 м. Северная суфа имела размеры 8×4,7 м.

Таким образом, постройка, раскопки которой были начаты в 2020 г., скорее всего, является крупным усадебным зданием, возможно дворцового типа. Об этом свидетельствуют его размеры, количество помещений и их состав. Расположенное в южной части помещение 1, которое, вероятно, является парадным тамбуром, ведет в распределительный тамбур (помещение 19), который соединяется с двумя парадными помещениями, расположенными с восточной и западной сторон. Помещение 13 является парадным залом с айваном. Как убедительно показал С.Г. Хмельницкий, основываясь на анализе дворцовых зданий Среднего Востока, планировочной структурой, которая способствовала наилучшему выражению взаимоотношений власти и подданства, являлась дворово-айванная композиция, которая состояла из большого прямоугольного двора и открытого во двор айвана, лежащего на продолжении дворовой оси. В камерном варианте двор заменялся залом, а айван – нишей (Хмельницкий, 2004. с. 254; 2006. с. 13). Та же зально-айванная планировка прослеживается в золотоордынских усадебных домах типа II.2.Б (по Э.Д. Зиливинской) (Зиливинская, 2019, с. 158–161). Отличительной чертой золотоордынских дворцовых зданий является то, что парадные помещения в них организованы по «монгольским» принципам, то есть вход всегда находится с южной стороны, а парадный айван – с северной. В зодчестве других стран

этот принцип не имеет значения, и парадные помещения ориентированы произвольным образом. Этот же принцип мы видим в здании на LI раскопе.

Помещение 15, расположенное с восточной стороны от распределительного узла также является репрезентантным залом, но точное назначение его не известно. Остальные комнаты, скорее всего, являются жилыми, но по своему оформлению они отличаются. Расположенные вблизи парадных покоев помещения 10 и 2 имеют кирпичные полы и штукатуренные алебастром стены, которые были декорированы изразцами и штампованным ганчем. Эти декоративные элементы были в изобилии найдены при раскопках. Жилые комнаты третьих рядов, более удаленные от центра (пом. 7, 8, 18), оформлены весьма скромно.

Восточная пристройка к основному зданию также представляет собой обширное помещение с большой суфой, пристроенной к северной стене. Весьма вероятно, что здесь находился еще один парадный зал, но решенный в летнем варианте.

Данная работа представляет собой публикацию предварительных результатов раскопок. Исследования усадебного здания на LI раскопе Селитренного городища были продолжены в 2022 и 2023 гг. Были исследованы северная и восточная части здания, а также раскопана часть территории усадьбы, на которой находился обширный погреб и наливной колодец (цистерна). Эти материалы еще полностью не обработаны и требует дальнейшего осмысления. В 2024 г. планируется провести раскопки южной части здания, что позволит полностью изучить его планировку.

ЛИТЕРАТУРА

Гончаров Е.Ю. Рудаков В.Г. Некрополи Селитренного городища и его округи (предварительные итоги исследований) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция (г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г.). Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 285–289.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: АН РТ, 2019. 353 с.

Рудаков В.Г. История изучения Селитренного городища // РА. 2000. № 2. С. 180–192.

Хмельницкий С. Архитектура средневековых дворцов Центральной Азии // Transoxiana. История и культура / Отв. ред. А. Саидов. Ташкент, М.: Изд-во Р. Элинина, 2004. С. 252–265.

Хмельницкий С. Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX-XII веков. Берлин: Savadowski-Verlag, 2006. 150 с.

Информация об авторах:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (г. Москва, Россия); eziliv@mail.ru

REFERENCES

Goncharov, E. Yu., Rudakov, V. G. 2004. In *Problemy arkheologii Nizhnego Polozh'ia (Issue of the Archaeology of the Lower Volga Region).* Volgograd: Volgograd State University, 285–289 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2019. *Arkhitektura Zolotoy Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 2. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil architecture).* Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Rudakov, V. G. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 2, 180–192 (in Russian).

Khmel'nitskiy, S. 2004. In *Transoxiana Istoriya i kul'tura (Transoxiana. History and Culture)).* Tashkent; Moscow: "R. Elinin" Publ., 252–265 (in Russian).

Khmel'nitskiy, S. 2006. *Dvortsy Khuttalya. Idei i formy grazhdanskoy arkhitektury Sredney Azii IX–XII vekov* (*Palaces of Khuttal. Ideas and forms of civil architecture of Central Asia of the 9th-12th centuries).* Berlin: "Savadowski-Verlag" Publ. (in Russian).

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 572:902 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.94.109

СКЕЛЕТ МУЖЧИНЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 7 БЕДНОДЕМЬЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА МОРДВЫ-МОКШИ XIII-XIV ВВ.

© 2024 г. О.А. Калмина, О.В. Калмин, Д.С. Иконников, О.О. Калмин, О.О. Илюнина

В статье представлена комплексная характеристика скелета из погребения № 7 Беднодемьяновского могильника, оставленного мордвой-мокшей и датирующегося золотоордынским временем (XIII–XIV вв.). Археологический памятник находится в Верхнем Примокшанье. Скелет принадлежал мужчине в возрасте 35–55 лет. Целью исследования было осуществить максимально полную реконструкцию морфологической специфики индивида и его жизнедеятельности. Для этого кости были изучены визуально и метрически. Конусно – лучевую компьютерную томографию проводили на аппарате VAT-ECH PAX 1 3D с программным обеспчением Ez3D-i64. На основе продольных измерений длинных трубчатых костей была определена приблизительная прижизненная длина тела индивида (около 169,0 см). На скелете прослеживаются множественные следы патологических изменений и индикаторы механического стресса. У индивида (по-видимому, ещё в детстве) была травмирована стопа. Во взрослом состоянии имел место перелом правой ключицы в средней трети тела кости. Специфической характеристикой индивида было спастическое сокращение мимической мускулатуры нижней части лица справа, возможно в результате повреждения лицевого нерва. Для индивида было привычно передвижение с напряжённо-согнутыми ногами. Это могло быть связано с трудовой деятельностью или являлось результатом патологии. Характерное строение грудины позволяет предположить, что индивид занимался передвижением тяжестей с использованием лямки, переброшенной через грудь. При этом слегка согнутые в предплечьях руки удерживали груз. Кисти рук одновременно были напряжённо-согнуты.

Ключевые слова: археология, Верхнее Примокшанье, мордва-мокша, Золотая Орда, Беднодемьяновский могильник, палеопатология, краниометрия, остеометрия, индикаторы механического стресса.

MALE SKELETON FROM BURIAL NO. 7 OF THE MORDVA-MOKSHA BEDNODEMYANOVSK BURIAL GROUND OF THE XIII-XIV CENTURIES

O.A. Kalmina, O.V. Kalmin, D.S. Ikonnikov, O.O. Kalmin, O.O. Ilyunina

The article presents the complex characteristic of the skeleton from burial № 7 of the Bednodemyanovsk burial ground of the Mordva-Moksha. The archeological site is dated to the Golden Horde period (XIII–XIV centuries) and is located in Upper Moksha river. The skeleton belonged to the man aged 35–55 years. The aim of the study was to make the most complete reconstruction of the morphological specifics of the individual and his life activity. For this purpose, the bones were carefully studied visually and metrically. Cone beam computed tomography was performed on a VATECH PAX 1 3D device with Ez3D-i64 software. The approximate body length of the individual was determined (about 169.0 cm). The longitudinal measurements of the long tubular bones were the base for it. The skeleton showed multiple traces of pathological changes and indicators of mechanical stress. The individual (apparently in infancy) had the foot trauma. The fracture of the right clavicle in the middle third of the body was in adulthood. A specific characteristic of the individual was spastic contraction of the facial muscles of the lower right side of the face, possibly as a result of facial nerve injury. It was habitual for the individual to move with tensely flexed legs. This may have been related to labor activity or may have been the result of pathology. The characteristic structure of the sternum suggests that the individual was engaged in heavy lifting using a strap across the chest. The arms were slightly bent at the forearms to hold the weight. The hands were tensely flexed at the same time. The study of the skeleton from burial № 7 will let know the lot about the life of the medieval Mordvins and the level of medicine of that time.

Keywords: archaeology, Upper Moksha river, Mordva-Moksha, Golden Horde, Bednodemyanovsk burial ground, paleopathology, craniometry, osteometry, indicators of mechanical stress

До настоящего времени особенности физического развития средневековой мордвы исследованы крайне плохо. Отчасти это связано с недооценкой исследователями значения антропологических материалов в исторической реконструкции. Между тем, изучение костных останков людей различных исторических эпох может дать много ценных сведений об образе жизни того или иного периода.

Скелет из погребения № 7 Беднодемьяновского могильника мордвы-мокши отличается сравнительно хорошей сохранностью. Археологический памятник датируется золотоордынской эпохой (XIII-XIV вв.). Своё название он получил от Беднодемьяновска – районного центра Пензенской области. Могильник был обнаружен во время хозяйственных работ на берегу речки Парцы, недалеко от села Абашево Беднодемьяновского района. Раскопки на памятнике были осуществлены в 1958 году под руководством пензенского археолога М.Р. Полесских. В ходе работ было вскрыто 20 погребений (Полесских, 1958, с. 1-12, Полесских, 1970, с. 13). Датировка могильника, данная М.Р. Полесских, подтверждена современными исследователями (Белорыбкин, 2003, с. 198).

Мужское погребение № 7 было выявлено на глубине 56 см. Индивид был захоронен в прямоугольной яме (220×70 см). По краям погребения прослеживались следы либо гроба в виде ящика, либо обкладки досками. Индивид был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на юг с уклоном к востоку. Погребальный инвентарь был представлен железными предметами: топором, кресалом, ножом, железным кольцом, поясной пряжкой и фрагментами изделия неясного функционального назначения (Полесских, 1958, с. 5-6). В настоящее время материалы из погребения хранятся в антропологической лаборатории кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета, где и было проведено исследование.

Целью исследования явилась максимально полная реконструкция жизнедеятельности индивида и морфологических особенностей его организма.

Материалы и методы

Антропологические материалы представлены нижней челюстью и неполным посткраниальным скелетом. Поверхность костей, преимущественно, окрашена в коричневый или светло-коричневый цвет. На скарифицированных участках – грязно-белый. Степень сохранности костей различна.

На **нижней челюсти** посмертно разрушены правый мыщелок и вершина левого венечного отростка, правый угол скарифицирован. На **шейных позвонках** наблюдаются множественные локальные повреждения. От двух **грудных позвонков** сохранились только фрагменты тела. На **грудине** участки разрушения локализуются в области яремной вырезки, правой ключичной вырезки, на задней поверхности рукоятки и в нижней части тела кости. На **I правом ребре** наблюдается глубокая скарификация края головки, шейки, угла кости и смежной части тела. Сохранны 13 фрагментов **типичных рёбер** с различной степенью повреждений. На обеих **ключицах** разрушены вершины акромиальных концов, частично скарифицирована поверхность тела. Сильно повреждены **лопатки**, на которых идентифицируются только образования в области латерального угла. На **плечевых костях** прослеживаются участки глубокой скарификации, на левой кости посмертно разрушен дистальный эпифиз. На **локтевых костях** также прослеживаются участки глубокой скарификации (преимущественно, в проксимальной части). На **лучевых костях** частично скарифицирована поверхность. Разрушена проксимальная часть левой лучевой кости. На **правой тазовой кости** сохранны тела подвздошной, седалищной и лобковой костей, основание подвздошного крыла и область седалищного бугра. Ветви лобковой кости и симфиз полностью утрачены. На **левой тазовой кости** сохранны тела подвздошной и седалищной костей. Большая часть лобковой кости разрушена, утрачена передняя часть вертлужной впадины. Сохранна верхняя треть седалищного бугра. До основания разрушена седалищная ость. На **правой бедренной кости** разрушен большой вертел. Малый вертел и межвертельный гребень скарифицированы.

Посмертно разрушен латеральный мыщелок и смежные участки кости. На **левой бедренной кости** разрушены большой вертел и часть шейки. Скарифицированы задняя поверхность головки и ягодичная бугристость. В дистальной части кости разрушена большая часть мыщелков. Скарифицирована проксимальная часть **правой большеберцовой кости**. Участок разрушения прослеживается также на задней поверхности дистального эпифиза с распространением на нижнюю суставную поверхность. На **левой большеберцовой кости** разрушена проксимальная часть, за исключением небольшого участка суставной поверхности медиального мыщелка. Участки скарификации прослеживаются также в области дистального эпифиза. На **левой таранной кости** наблюдаются участки поверхностной скарификации, преимущественно, локализирующиеся по краям суставных поверхностей. Фрагмент **левой пяточной кости** – со следами сагиттального рассечения. Сохранна медиальная часть тела, разрушен латеральный край задней таранной суставной поверхности и латеральный край кубовидной суставной поверхности. Скарифицированы медиальная часть пяточного бугра и медиальный край опоры таранной кости.

В ходе исследования кости были измерены в соответствии с общепринятой краниометрической (Алексеев, Дебец, 1964) и остеометрической (Алексеев, 1966) методикой. При осмотре были выявлены следы множественных патологических изменений, определены степень развития рельефа в местах прикрепления связок и мышц и другие особенности.

Конусно – лучевую компьютерную томографию проводили на аппарате VATECH PAX 1 3D с программным обеспчением Ez3D-i64 с последующей визуализацией результатов при помощи программы GALILEOS Viewer.

Результаты и обсуждение

Определение зубного возраста затруднено прижизненной утратой нескольких коренных зубов. Сильная сточенность резцов и клыков, доходящая до полного сечения коронки, сочетается со сравнительно слабой стёртостью (3-4 балла) сохранных моляров. Наиболее вероятный возрастной диапазон наступления смерти – 35-55 лет (Maturus).

Нижняя челюсть характеризуется массивностью и сравнительно крупными размерами. Имела место прижизненная утрата некоторых зубов. Справа последовательно выпали M_1, M_2 и M_3, слева – M_1 и P_2. Нет признаков хирургического вмешательства. Не выявляются также признаки, которые могли бы достоверно говорить о «профессиональном» использовании зубов.

Наблюдается асимметрия нижней челюсти: правый подбородочный бугорок крупнее левого, правая ветвь ориентирована более

Таблица 1. Метрические характеристики нижней челюсти
Table 1. Metric characteristics of the mandible

Признак или указатель (Март., Биом.)	Значение*:
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	107,5
79. Угол ветви нижней челюсти	111,0
68. Длина нижней челюсти от углов	81,4
70. Высота ветви	66,0
71а. Наименьшая ширина ветви	36,3
65. Мыщелковая ширина	>119,0
66. Угловая ширина	102,5
67. Передняя ширина	48,0
69. Высота симфиза	29,0
69(1). Высота тела	32,0
69(3). Толщина тела	15,0
С. Угол выступания подбородка	64,0
71а:70. Указатель ветви нижней челюсти	55,0
69(3):69(1). Указатель толщины нижней челюсти	46,9

* Примечание: *курсивом* в таблице выделены величины, измеренные с долей погрешности, связанной с посмертными разрушениями или морфологической спецификой кости, ***полужирным курсивом*** – величины, измеренные на правой половине кости

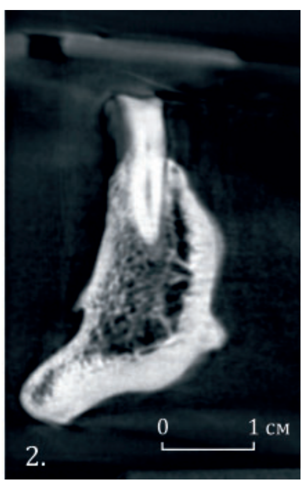

Рис. 1. 1 – наружная поверхность правая части тела нижней челюсти (вид справа и спереди); 2 – сечение тела нижней челюсти на уровне правого клыка (вид спереди и слева).
Fig. 1. 1 – the outer surface of the right part of the mandible (right and front view); 2 – section of the mandible at the level of the right canine tooth (front and left view).

вертикально, что может быть следствием перенесения основной жевательной нагрузки на левую половину, в связи с утратой правых моляров. Определение некоторых метрических признаков (табл. 1) затруднено тем, что челюсть относится к типу «качающихся», по выражению Р. Мартина (Martin, 1928, s. 981), и неустойчиво стоит на основании. Длина от мыщелков средняя на рубеже с большими величинами, длина от углов – большая. Тело средней высоты, утолщённое. Величина угла нижней челюсти (*64°*) находится на нижней границе средних групповых величин (Martin, 1928, s. 973).

На нижнем крае средней части тела, книзу от подбородочного бугорка, наблюдается выемка, из-за которой высота симфиза оказывается меньше высоты тела. Наличие такой выемки нередко коррелирует с «качающейся» формой челюсти (Martin, 1928, s. 981). С чем именно связано формирование обеих морфологических особенностей, сказать сложно. Распространённость «качающегося» типа нижней челюсти у некоторых народов, ведущих первобытный образ жизни (Martin, 1928, s. 981), может косвенно указывать на связь с сильным развитием жевательных мышц. О том, что у индивида из погребения № 7 были развиты жевательные мышцы, говорит выраженный рельеф в местах прикрепления мышц. На то же указывают малая величина угла нижней челюсти (*111°*) и высокая и широкая форма ветви, так как морфология угла и ветви также сильно зависят от степени развития жевательных мышц (Martin, 1928, s. 982, s. 984).

На челюсти значительно выражены места начала мышц, опускающих нижнюю губу и угол рта (рис. 1: 1, рис. 1: 2). Следы развития мимической мускулатуры сильнее выражены справа. С большой долей вероятности, имела место привычная гримаса (возможно, болезненная). Кроме того, заметно выражены места начала и прикрепления надподъязычных мышц, подчёркнута подбородочная ость. Таким образом, имело место спастическое сокращение мускулатуры, иннервируемой тройничным, лицевым и подъязычным нервами, возможно в результате повреждения их центрального проводящего пути.

Шейный отдел позвоночного столба представлен **семью шейными позвонками**. На краях тел типичных позвонков наблюдаются выраженные остеофиты. Имеет место тенденция к конкресценции II и III позвонков и VI и VII позвонков. Обнаружены унковертебральные сочленения между II и III, III и IV, IV и V, V и VI, VI и VII позвонками. Лордоз в шейном отделе сглажен до вертикальной ориентации тел шейных позвонков. На суставных отростках шейных позвонков отчётливо выражены места прикрепления аутохтонной мускулатуры.

На **I правом ребре** место прикрепления передней лестничной мышцы приобрело форму бугристости расположенной по внутреннему краю тела ребра. Место прикре-

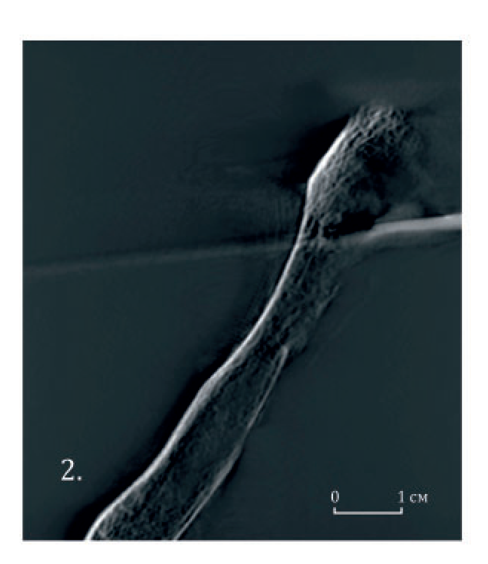

Рис. 2. 1 – грудина (вид спереди и справа); 2 – сагиттальное сечение рукоятки и верхней части тела грудины (вид слева).
Fig. 2. 1 – sternum (front and right view); 2 – sagittal section of the manubrium and the upper part of the body of the sternum (left view).

пления средней лестничной мышцы также приобрело форму заметной бугристости по наружному краю тела с формированием гребня. Борозда подключичной артерии подчёркнуто уплощена. На переднем конце тела наблюдается шероховатость, сформировавшаяся в результате склерозирования реберно-ключичных связок (начинающееся синостозирование).

Фрагменты типичных ребер утолщены. Места перехода кости ребра в хрящ имеют вид округло-овального вдавления с уплотнённым сглаженным рельефом внутренней поверхности губчатого вещества.

Грудина (рис. 2: 1) представлена полностью синостозированными рукояткой, телом и мечевидным отростком. Ключичные вырезки седловидные, с шероховатой суставной поверхностью. Правая – более вытянутая, левая – короче и шире, заметно ограничена латерально вырезкой первого ребра с некоторым уплотнением губчатого вещества по месту рёберно-грудинного синхондроза. Место прикрепления вторых ребер симметричные, овально-вогнутые. Мечевидный отросток имеет отверстие неправильно-вытянутой формы.

При взгляде на грудину в профиль, становится видно заметное уплощение на границе рукоятки и тела грудины (до уровня вырезки третьих рёбер). Подобное образование может быть связано с трудовой деятельностью индивида, в виде транспортировки какого-то предмета упиравшегося в верхнюю часть тела грудины, путём его подталкивания вперёд. На сагиттальном разрезе рукоятки и верхней части тела заметно, что передний компактный слой несколько утолщён (рис. 2: 2).

Правая ключица матуризована. Поверхность грудинного конца уплощена, край суставной поверхности подчёркнут (рис. 3: 2). Выражено вдавление рёберно-ключичной связки в виде костного разрастания. В латеральной части кости подчёркнуты места прикрепления грудинно-ключично-сосцевидной, большой грудной и дельтовидной мышц.

В средней части тела (рис. 3: 1) имеется след сросшегося перелома в виде костной мозоли, на которой прослеживаются концы сломанных фрагментов со смещением в пределах 1 см, прослеживающийся также на томограмме в виде участка с уплотнением губчатой кости (рис. 3: 3). Перелом срастался без репозиции. Посттравматическое укорочение ключицы привело к асимметрии грудины. На клювовидном отростке фрагмента правой лопатки, контактировавшего со сломанной ключицей, обнаружена удлинённая сглажен-

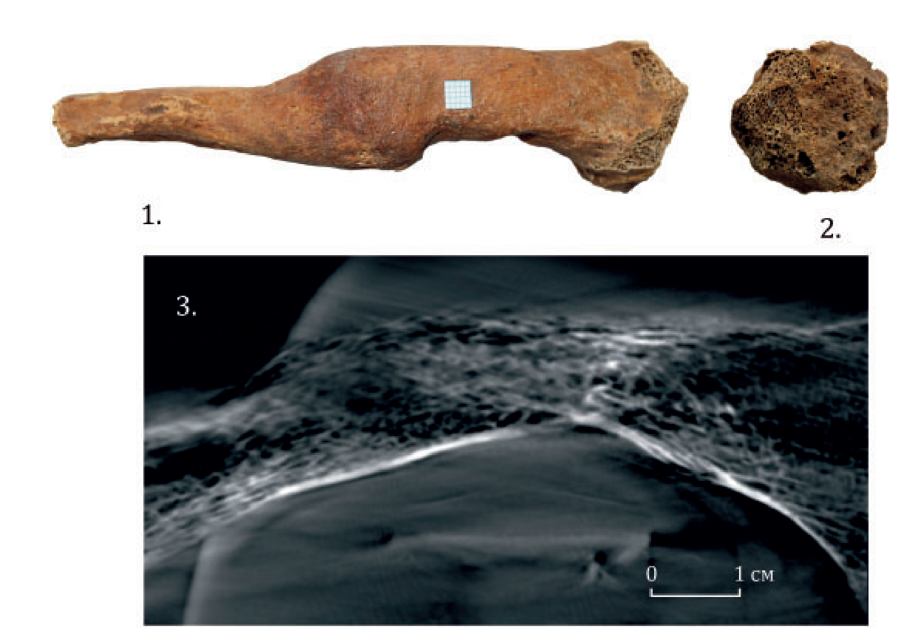

Рис. 3. 1 – правая ключица (вид спереди); 2 – суставная поверхность грудинного конца правой ключицы; 3 – горизонтальное сечение тела правой ключицы (вид снизу).
Fig. 3. 1 – right clavicle (front view); 2 – articular surface of the sternal extremity of the right clavicle; 3 –horizontal section of the right clavicle (ventral view).

ная поверхность с подчёркнутыми краями. Очевидно, имело место сильное сдавление клювовидного отростка и латеральной части ключицы, которое привело к формированию ложного ключично-клювовидного сустава.

Левая ключица также имеет уплощённый грудинный конец. Подчёркнуто вдавление рёберно-ключичной связки с умеренными костными разрастаниями по краю. На верхней поверхности выражено место прикрепления большой грудной мышцы, на нижней поверхности конический бугорок ключицы и трапециевидная линия представлены гребнеобразными разрастаниями без чёткой дифференцировки прикрепления связок. На переднем крае тела, ближе к акромиальному концу, имеется основание разрушенного остеофита (основание 0,7×0,4 мм, высота неизвестна) в месте начала ключичной порции дельтовидной мышцы.

Обе ключицы отличаются большой массивностью и выраженным изгибом тела (табл. 2).

Правая плечевая кость (табл. 2) характеризуется большой длиной (Пежемский, 2011, табл. 5). На головке имеется бугристость по контуру прикрепления суставной капсулы, что свидетельствует об её усиленном натяжении. Это могло быть вызвано смещением плечевого сустава кпереди в результате травматического укорочения ключицы. На верхнезадней поверхности большого бугорка (рис. 4: 1) отмечается участок сглаженности (15×24 мм) в результате прилегания подсухожильной сумки надостной мышцы.

Левая плечевая кость, в целом, симметрична правой. На передней верхней поверхности малого бугорка имеется сглаженный участок размерами 14×23 мм с подчёркнутым краем (рис. 4: 2) – место прилегания подсухожильной сумки подлопаточной мышцы. Наличие сглаженности на большом бугорке правой плечевой кости и малом бугорке левой плечевой кости указывает на значительное развитие вспомогательного аппарата мышц плечевого пояса.

Средняя часть диафиза правой и левой кости имеет сечение, характеризующееся выраженной уплощённостью (табл. 2). Угол торзиона правой кости составляет приблизительно *169°*, что несколько превышает максимальные значения средних групповых (Martin, 1928, s. 1106). Измерить угол торзиона левой плечевой кости невозможно из-за посмертных разрушений. При визуальном сопоставлении обеих плечевых костей, создаётся впечатление, что скрученность левой кости выражена несколько слабее.

Локтевые кости (табл. 2) имеют большие продольные размеры (Пежемский, 2011, табл. 5). Их значения приближается к верхней границе средних групповых величин по Фишеру (Martin, 1928, s. 1112). На сохранном участке поверхности правого локтевого отростка прослеживается выраженная бугристость. Лучевая вырезка уплощена, что соответствует подчёркнутой суставной окружности лучевой кости. Бугристость выражена умерено. На блоковидной вырезке обеих костей наблюда-

детской травмы без перелома. Оно прослеживается также на томограмме в виде слабозаметного углубления (рис. 5: 3).

В целом, на костях предплечья подчёркнуты места прикрепления мышц-пронаторов, межкостные края со сближением межкостно-

Таблица 2. Метрические характеристики костей посткраниального скелета
Table 2. Metric characteristics of the bones of the postcranial skeleton

Кость	Признак или указатель (Март.)	№ 7*
Правая ключица	1. Наибольшая длина	>122,0
	6. Окружность середины диафиза	64,0(52,0)**
	Глубина изгиба грудинного конца	19,0
Левая ключица	1. Наибольшая длина	>132,0
	6. Окружность середины диафиза	44,0
	Глубина изгиба грудинного конца	*19,0*
Правая плечевая	1. Наибольшая длина	334,0
	2. Общая (физиологическая) длина	330,0
	3. Ширина верхнего эпифиза	51,0
	4. Ширина нижнего эпифиза	56,0
	5. Наибольший диаметр середины диафиза	24,0
	6. Наименьший диаметр середины диафиза	18,0
	7а.Окружность середины диафиза	72,0
	7. Наименьшая окружность диафиза	63,0
	10. Вертикальный диаметр головки	45,0
	9. Горизонтальный диаметр головки	47,0
	14. Ширина локтевой ямки	28,0
	7:1. Указатель прочности	18,9
	6:5. Указатель поперечного сечения диафиза	75,0
	Угол скрученности	*169°*
Левая плечевая	1. Наибольшая длина	>310,0
	2. Общая (физиологическая) длина	>310,0
	3. Ширина верхнего эпифиза	49,5
	5. Наибольший диаметр середины диафиза	24,0
	6. Наименьший диаметр середины диафиза	17,0
	7а.Окружность середины диафиза	68,5
	7. Наименьшая окружность диафиза	64,0
	10. Вертикальный диаметр головки	45,0
	6:5. Указатель поперечного сечения диафиза	70,8
Правая лучевая	1. Наибольшая длина	250,0
	4. Поперечный диаметр диафиза	19,0
	5. Сагиттальный диаметр диафиза	13,0
	3. Наименьшая окружность диафиза	43,0
	3:1. Указатель прочности	17,2
	5:4. Указатель поперечного сечения диафиза	68,4
Лучеплечевой указатель		74,9
Левая лучевая	4. Поперечный диаметр диафиза	17,0
	5. Сагиттальный диаметр диафиза	11,0
	3. Наименьшая окружность диафиза	43,0
	5:4. Указатель поперечного сечения диафиза	64,7
Правая локтевая	1. Наибольшая длина	274,0
	2. Физиологическая длина	240,0
	11. Переднезадний диаметр диафиза	14,0
	12. Поперечный диаметр диафиза	20,0
	13. Верхний поперечный диаметр	23,0
	14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	27,0
	3. Наименьшая окружность диафиза	41,0
	Ширина локтевого отростка	>25,0
	3:2. Указатель прочности	17,1
	1:2. Указатель наибольшей длины	114,2
	11:12. Указатель поперечного сечения	70,0
	13:14. Указатель платолении	85,2

Левая локтевая	1. Наибольшая длина	272,0
	2. Физиологическая длина	240,0
	11. Переднезадний диаметр диафиза	13,5
	12. Поперечный диаметр диафиза	17,5
	13. Верхний поперечный диаметр	22,0
	14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	26,0
	3. Наименьшая окружность диафиза	38,5
	Ширина локтевого отростка	>26,0
	3:2. Указатель прочности	16,0
	1:2. Указатель наибольшей длины	11,3
	11:12. Указатель поперечного сечения	77,1
	13:14. Указатель платолении	84,6
Правая тазовая	22. Наибольший диаметр вертлужной впадины	62,0
Левая тазовая	22. Наибольший диаметр вертлужной впадины	61,0
Правая бедренная	1. Наибольшая длина	467,5
	2. Длина в естественном положении	467
	6а. Сагиттальный диаметр середины диафиза	30,5
	7а. Поперечный диаметр середины диафиза	29,0
	10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	28,0
	9. Верхний поперечный диаметр диафиза	34,0
	8. Окружность середины диафиза	95,0
	18. Вертикальный диаметр головки	50,0
	19. Сагиттальный диаметр головки	48,5
	8:2. Указатель массивности	20,3
	(6а+7а):2. Указатель прочности	12,7
	6а:7а. Указатель поперечного середины сечения диафиза	105,2
	10:9. Указатель платимерии	82,4
	(18+19):2. Указатель массивности головки	21,1
	19:18. Указатель поперечного сечения головки	97,0
	Угол скрученности	*20°*
Левая бедренная	1. Наибольшая длина	>469,0
	6а. Сагиттальный диаметр середны диафиза	31,0
	7а. Поперечный диаметр середины диафиза	29,0
	10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	29,0
	9. Верхний поперечный диаметр диафиза	34,0
	8. Окружность середины диафиза	95,5
	18. Вертикальный диаметр головки	51,0
	19. Сагиттальный диаметр головки	48,0
	6а:7а. Указатель поперечного середины сечения диафиза	107,0
	10:9. Указатель платимерии	85,3
	19:18. Указатель поперечного сечения головки	*94,1*
Правая большеберцовая	1а. Наибольшая длина	390,0
	1. Общая длина	381,0
	8. Наибольший сагиттальный диаметр середины диафиза	31,0
	9. Поперечный диаметр середины диафиза	23,0
	8а. Сагиттальный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия	35,0
	9а. Поперечный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия	25,0
	10. Окружность середины диафиза	86,0
	10b. Наименьшая окружность диафиза	78,0
	10:1. Указатель массивности	22,6
	10b:1. Указатель прочности	20,5
	9:8. Указатель поперечного сечения середины диафиза	74,2
	9а:8а. Указатель платикнемии	71,4
	Угол скрученности	*+18°*
Левая большеберцовая	1. Общая длина	382,0
	6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	53,0
	8. Наибольший сагиттальный диаметр середины диафиза	32,0
	9. Поперечный диаметр середины диафиза	23,0
	8а. Сагиттальный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия	36,0
	9а. Поперечный диаметр диафиза на уровне питательного отверстия	26,0
	10. Окружность середины диафиза	88,5
	10b. Наименьшая окружность диафиза	81,0
	10:1. Указатель массивности	23,2
	10b:1. Указатель прочности	21,2
	9:8. Указатель поперечного сечения середины диафиза	71,9
	9а:8а. Указатель платикнемии	72,2

* Примечание: курсивом в таблице выделены величины, измеренные с долей погрешности, связанной с посмертным разрушением кости

** Первая величина измерена на уровне середины кости, где прослеживаются следы перелома. Вторая величина (в скобках) была получена при измерении окружности диафиза медиальнее участка со следами перелома. Значение данной величины более адекватно истинным пропорциям кости

Рис. 4. 1 – сглаженность на поверхности большого бугорка правой плечевой кости (вид сзади); 2 – сглаженность на поверхности малого бугорка левой плечевой кости (вид спереди).
Fig. 4. 1 – smoothness on the surface of the greater tubercle of the right humerus (posterior view); 2 – smoothness on the surface of the lesser tubercle of the left humerus (front view).

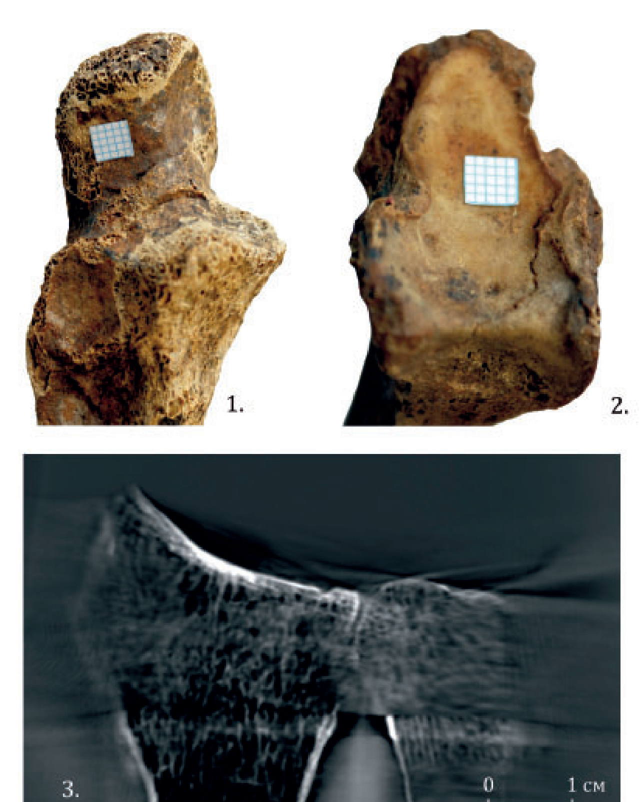

Рис. 5. 1 – проксимальная часть правой локтевой кости (вид спереди); 2 – запястная суставная поверхность левой лучевой кости (вид снизу); 3 – трансверзальное сечение сопоставленных дистальных частей левых локтевой и лучевой костей (вид спереди).
Fig. 5. 1 – proximal part of the right ulna (front view); 2 – carpal articular surface of the left radius (ventral view); 3 – transversal section of the comparable distal parts of the left ulna and radius bones (front view).

ется поперечное валикообразное выпячивание, разделяющее суставную поверхность на две части (рис. 5: 1). Частота данного образования заметно коррелирует с массивностью кости (Martin, 1928, s. 1115). Очевидно, его формирование в данном случае, было результатом значительных физических нагрузок. На верхушке шиловидного отростка левой кости имеется бугристость, соответствующая месту прикрепления связок. Верхняя поверхность головки умеренно бугристая.

Правая лучевая кость (табл. 2) характеризуется средними продольными величинами (Пежемский, 2011, табл.5). На головке подчёркнут край суставной окружности, особенно с медиальной стороны. Хорошо выражена бугристость кости. На дорсолатеральной поверхности средней трети **левой лучевой кости** имеется выраженная бугристость. Тело кости здесь несколько утолщено. Наблюдается неровность и подчёркнутость края суставной поверхности лучезапястного сустава с неправильной продольной трещиной (рис. 5: 2), возможно, возникшей в результате хондролизиса из-за чрезмерной нагрузки. Образование может также представлять собой следы

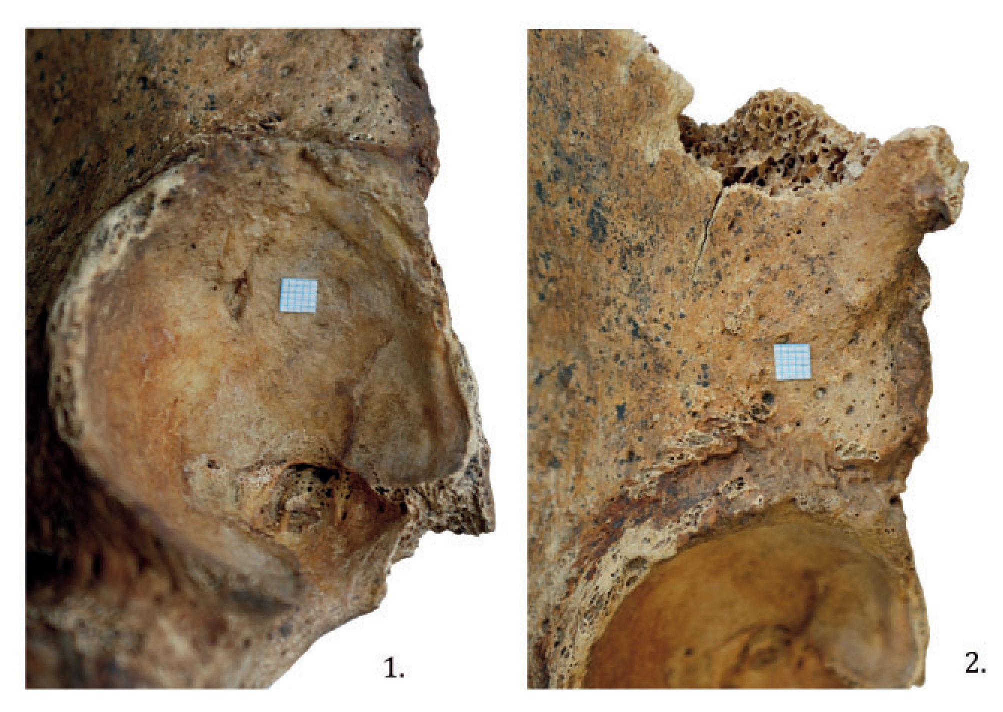

Рис. 6. 1 – вертлужная впадина правой тазовой кости; 2 – место прикрепления прямой мышцы бедра.
Fig. 6. 1 – acetabulum of the right pelvic bone; 2 – place of attachment of the rectus femoris muscle.

го промежутка и сочленяющиеся поверхности проксимального и дистального лучелоктевых суставов. Всё указывает на усиленную физическую нагрузку при удержании веса с небольшим сгибанием в локтевых суставах и пронацией в лучелоктевых.

На **костях кисти** подчёркнуты края суставных поверхностей лучезапястного сустава, запястно-пястных и межпястных суставов. Головки пястных костей утолщены в области ладонной поверхности и имеют подчёркнутый передний край. По краям тел проксимальных и средних фаланг наблюдаются гребневидные разрастания соответственно в местах прикрепления червеобразных мышц и сухожилий поверхностного сгибателя пальцев. Очевидно, трудовые операции, которые осуществлял индивид, были связаны с напряжённо-согнутым (сжатым в кулак) положением кисти на удержание веса.

На **тазовых костях** подчёркнут край вертлужной впадины, выражено место прикрепления прямой мышцы бедра (рис. 6: 2) в виде гребневидного разрастания над вертлужной впадиной и уплощением и расширением передней нижней подвздошной ости, в области которой, очевидно, сформировалась синовиальная подсухожильная сумка как выпячивание капсулы тазобедренного сустава. Седалищный бугор с уплощением в месте прикрепления полуперепончатой мышцы и двуглавой мышцы бедра с подчёркнутым краем (могло иметь место формирование подсухожильной сумки). Полулунная суставная поверхность расширенная, несколько шероховатая. На правой кости (рис. 6: 1) в этой области прослеживается дефект размерами 7×3 мм со следами зарастания острых краёв в виде костного наплыва (возможно, следы хондролизиса), на левой – в верхнем квадранте имеется костное напластование с большим количеством питательных отверстий, примыкающее к краю вертлужной ямки (рис. 7: 1). Кость на этом участке, по данным томограммы, мало отличается по своему строению от соседних участков губчатой кости (рис. 7: 3).

Бедренные кости, в целом, симметричны. Левая кость, сохранившаяся хуже, имела несколько большую длину (табл. 2). Продольные размеры большие (Пежемский, 2011, табл. 5). Имеется расширение в нижней трети диафиза по типу бедренной кости лиц, переносящих тяжести. Указатель прочности правой кости (*12,7*) несколько выше большинства среднегрупповых значений современной Европы (Martin, 1928, s. 1134). Бедренные кости характеризуются средней пилястрией (Martin, 1928, s. 1135-1136). Для правой кости характерна платимерия (82,4), для левой – эуримерия (85,3). Оба значения прибли-

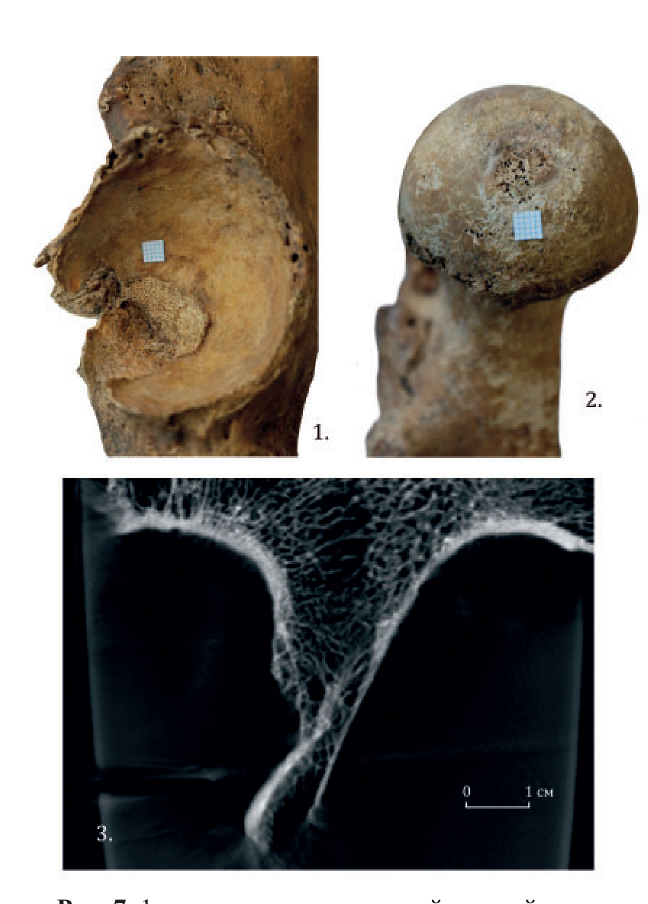

Рис. 7. 1 – вертлужная ямка левой тазовой кости; 2 – суставная поверхность головки левой бедренной кости; 3 – диагональное сечение левой тазовой кости через вертлужную впадину и вертлужную ямку (вид слева и снизу).
Fig. 7. 1 – acetabulum of the left pelvic bone; 2 – articular surface of the head of the left femur; 3 – diagonal section of the left pelvic bone through the acetabulum and fossa acetabulum (left and inferior views).

жаются к верхней границе современных среднегрупповых значений (Martin, 1928, s. 1139). Угол торзиона правой бедренной кости составляет около *20°* (величина определена с погрешностями: посмертно разрушенный латеральный мыщелок, был смоделирован из пластилина как зеркальное отражение медиального мыщелка). Ягодичная бугристость справа имеет форму гребневидного разрастания длиной около 7 см, слева – сформирована в виде третьего вертела.

Обе бедренные кости характеризуются подчёркнутым краем суставной поверхности головки. На левой кости ямка головки сглажена, имеется участок порозности размерами около 10×7 мм (рис. 7: 2), сопоставляющийся с порозностью левой вертлужной впадины. Возможно, имел место коксит в результате постоянной травматизации левого тазобедренного сустава.

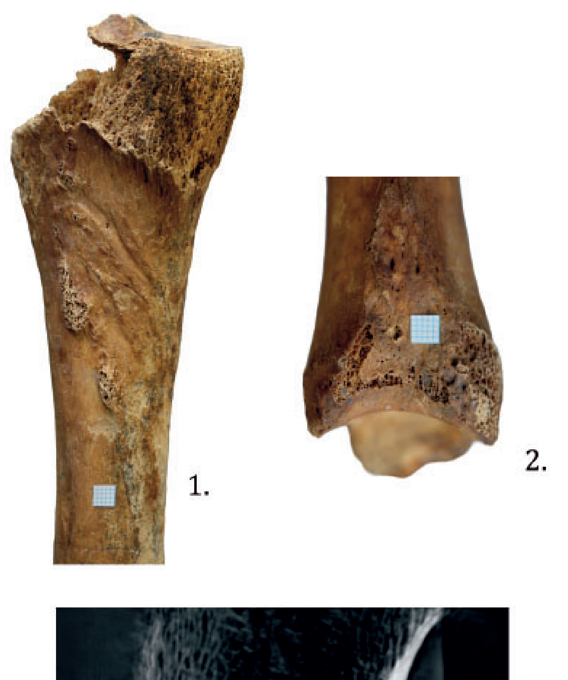
В дистальной части бедренных костей наблюдается подчёркнутость внутренних краёв мыщелков. Большое число питательных отверстий имеется по краю поднадколенниковой поверхности и в области метафиза. Межмыщелковая ямка сглажена, с формированием борозды с гладкой поверхностью, появившейся, очевидно, в результате интимного прилегания крестообразной связки при согнутом колене (рис. 8).

Продольные размеры **большеберцовых костей** большие (Пежемский, 2011, табл. 5). Значение индекса массивности (табл. 2) превышает максимальные среднегрупповые величины современного населения (Martin, 1928, s. 1157). Обе кости характеризуются эурикнемией. Угол скрученности правой большеберцовой кости (*+18°*), определённый с рядом допущений, близок нижней границе современных среднегрупповых величин (Martin, 1928, s. 1165).

В области бугристости на правой кости наблюдается участок сохранённого кортикального слоя в области прилегания поднад-

Рис. 8. 1 – медиальный мыщелок и межмыщелковая ямка правой бедренной кости; 2 – медиальный мыщелок и межмыщелковая ямка левой бедренной кости.
Fig. 8. 1 – medial condyle and intercondylar fossa of the right femur; 2 – medial condyle and intercondylar fossa of the left femur.

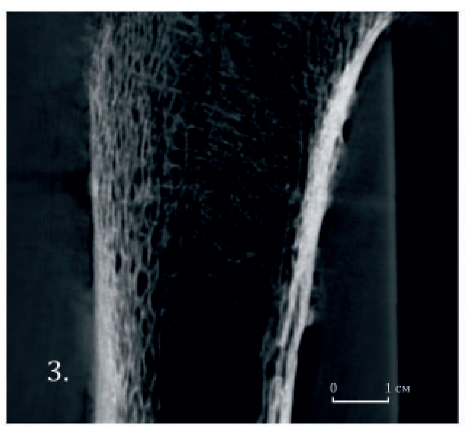

Рис. 9. 1 – проксимальная часть левой большеберцовой кости (вид сзади); 2 – основание межкостного края и малоберцовая вырезка в дистальной части левой большеберцовой кости; 3 – сагиттальное сечение проксимальной части диафиза левой большеберцовой кости (вид слева).
Fig. 9. 1 – proximal part of the left tibia (posterior view); 2 – the base of the interosseous margin and the fibular incisura in the distal part of the left tibia; 3 – sagittal section of the proximal part of the diaphysis of the left tibia (left view).

коленниковой синовиальной сумки. Судя по характеру поверхности, сумка была сдавлена, вероятно, в результате привычного стояния или передвижения с полусогнутыми ногами, либо стояния на коленях. Тело обеих костей имеет выражено-треугольную форму с вытянутым передним краем. Линия камбаловидной мышцы – с очаговыми разрастаниями. Межкостный край утолщён, имеет подчёркнутое основание. На левой кости над линией камбаловидной мышцы, в области прикрепления подколенной мышцы, наблюдаются чередования углублений и возвышений полосовидной формы (рис. 9: 1), заметные на томограмме как утолщения компактного слоя метафизарной зоны (рис. 9: 3).

Дистальный эпифиз правой кости имеет подчёркнутый край суставной поверхности. Медиальная поверхность лодыжки несколько сглажена, возможно, в результате прилегания синовиального влагалища разгибателя пальцев. Суставная поверхность голеностопного сустава слегка смещена в область межберцового синдесмоза в области малоберцовой вырезки с возможным формированием межберцового сустава. Дистальный эпифиз левой кости имеет повышенную бугристость в области прилегания малоберцовой кости по верхнему краю малоберцовой вырезки. Суставная поверхность голеностопного сустава заходит в область нижней части малоберцовой вырезки (рис. 9: 2). Край прикрепления капсулы голеностопного сустава подчёркнут. Имеется сглаженность у края суставной поверхности лодыжки, вероятно, возникшая в результате напряжённого расширения капсулы сустава. На задней стороне дистального эпифиза – заметная борозда длинного сгибателя большого пальца стопы.

На **левой таранной кости** подчёркнут край суставных поверхностей соединений с малоберцовой, пяточной и ладьевидной костями. Передняя пяточная суставная поверхность нависает над краем опоры таранной кости, представляя собой дополнительную поверхность сочленения с кубовидной костью. На нижней поверхности **левой пяточной кости**, от края пяточной бугристости до края кубовидной суставной поверхности имеется неравномерная продольная бугристость поверхности с дефектом суставной поверхности кубовидной кости с деформирующими костными разрастаниями по нижнему и верхнему краям (рис. 10: 1). Гладкая площадка кубовидной суставной поверхности имеет вид неправильного вытянутого прямоугольника размером 31×11 мм с клювовидным разрастанием кости по верхнему краю (рис. 10: 2). По данным томографии поверхность данного образования представлена тонким компактным слоем, а внутренняя часть по своей плотности сопоставима с губчатой костью (рис. 10: 3).

Судя по следам на таранной и пяточной костях, несохранившаяся кубовидная кость стопы была прижизненно деформирова-

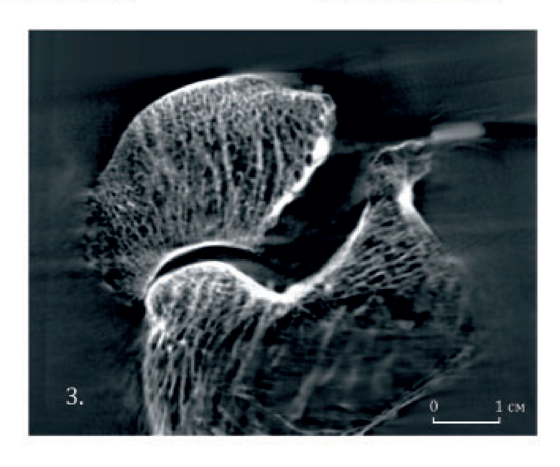

Рис. 10. 1 – сопоставленные таранная и пяточная кости (вид спереди и снизу); 2 – пяточная кость с клювовидным разрастанием над кубовидной суставной поверхностью (вид сзади и сверху); 3 – сечение сопоставленных таранной и пяточной костей через середину клювовидного разрастания пяточной кости (вид справа).

Fig. 10. 1 – combined talus and calcaneus (anterior and inferior views); 2 – calcaneus with a coracoid excrescence above the cuboid articular surface (posterior and superior views); 3 – section of the combined talus and calcaneus through the middle of the coracoid excrescence of the calcaneus (right view).

на. Вероятно, травма имела место в детские годы. На сохранных участках пяточного бугра имеется выраженные места прикрепления Ахиллова сухожилия, что указывает на активную работу голеностопного сустава.

Длина тела определена различными способами (табл. 3). Наиболее адекватные результаты могут дать методы Е. Ролле, Л. Мануврие и К. Пирсона и А. Ли, разработанные на основе исследования скелетов людей относительно небольшого роста, так как мордва, по мнению многих исследователей, в среднем характеризовалась не очень большой длиной тела (Малиев, 1878, с. 8, Майнов, 1883, с. 90-91). Рост, определённый способами Л. Мануврие и К. Пирсона и А. Ли одинаков (168,8 см), тогда как величина, вычисленная способом Е. Ролле (176,0 см), на наш взгляд, выглядит неправдоподобно-завышенной даже на фоне результатов, полученных на основе способов, разработанных для высокорослого населения. Очевидно, длина тела индивида составляла около 169,0 см.

На скелете выявляются следы множественных патологических изменений. По-видимому, ещё в детстве индивид травмировал латеральную часть левой предплюсны (вероятно, наступив на какой-то острый предмет). В результате была деформирована кубовидная кость, что должно было привести к оссификации пяточно-кубовидной связки. Возможно, также в детстве была травмирована область дистального лучелоктевого сустава.

Позднее, вероятно, уже во взрослом состоянии, имел место перелом правой ключицы. Срастание перелома происходило без репозиции. Это привело к тому, что длина кости уменьшилась, что вероятно, привело к тому, что правый плечевой сустав сместился кпереди. Результатом этого могло стать образование ложного клювовидно-ключичного сустава.

Для индивида было характерно спастическое сокращение мимической мускулатуры нижней части лица справа, правых жевательных мышц и надподъязычных мышц, что может быть результатом поражения центральных проводящих путей тройничного, лицевого и подъязычного нерва – возможно в результате повреждения головного мозга (нижней трети левой прецентральной извилины) при травме или нарушении кровоснабжения головного мозга в связи с тяжелыми физическими нагрузками. Спазм перечисленных мышц приводит к нарушению речи.

На основе исследования костей посткраниального скелета можно сделать ряд предположений о характере жизнедеятельности индивида. Грудина имеет утолщенную форму, с характерным уплощением в верхней части тела, со следами начинающейся оссификации грудинно-рёберного синхондроза. Соединения костных ребер с хрящами подчёркнуты. На костях предплечья подчёркнуты места прикрепления мышц-пронаторов. Для индивида было привычным напряжённо-согнутое положение обеих кистей руки в сочетании со слабо согнутыми в локтевом суставе пред-

Таблица 3. Длина тела индивида, определенная различными методами
Table 3. Individual body length determined by various methods

Способ	Рост (см)
Средняя по Е. Ролле (правые плечевая, локтевая, лучевая, бедренная, большеберцовая кости)	176,0
Средняя по Л. Мануврие* (правые плечевая, локтевая, лучевая, бедренная, большеберцовые кости)	168,8
Способ К. Пирсона и А. Ли (правые плечевая, лучевая, бедренная, большеберцовая кости)	168,8
Средняя по А. Тельккя* (правые плечевая, локтевая, бедренная, большеберцовые кости)	170,2
Способ С. Дюпертюи и Д. Хэддена для европеоидов (правые плечевая, лучевая, бедренная, большеберцовая кости)	176,9
Средняя по М. Троттер и Г. Глезер (1958) для европеоидов (правые плечевая, локтевая, лучевая, бедренные, большеберцовые кости)	175,1
Способ Д. Лорке, Х. Мюнцнера и Е. Вальтера (правые плечевая, большеберцовая, Локтевая кости)	172,4
Способ В.В. Бунака (правые бедренная+большеберцовые кости)	170,6
Способ Г.Ф. Дебеца (правые бедренная и большеберцовые кости)	173,6

* Для определения длины тела живого индивида из результатов вычислений было вычтено 20 мм.

плечьями в пронации. Возможно, в процессе труда, индивид занимался транспортировкой какого-то предмета, упиравшегося в грудину путём подталкивания его вперёд. Примерами таких предметов могли быть и горизонтальный рычаг тяжёлого мельничного жернова и ремень, перекидывавшийся через грудь и плечи, при помощи которого происходило волочение груза, находящийся за спиной. Очевидно, при этом также имело место напряжение аутохтонной мускулатуры шеи, что приводило к преждевременному старению шейного отдела.

Заключение

В погребении № 7 Беднодемьяновского могильника (XIII-XIV вв.) был обнаружен скелет взрослого (35-55 лет) мужчины, длина тела которого составляла около 169,0 см. На протяжении жизни он получил серьёзные травмы левой стопы и правой ключицы. В последнем случае, перелом срастался без репозиции, что служит показателем уровня медицины того времени. Трудовая деятельность индивида, была связана с транспортировкой какого-то тяжелого предмета, путём подталкивания его вперёд с упором на верхнюю часть грудины с напряжённо-согнутым в коленях положением ног. Возможно, в результате травмы головы с ушибом головного мозга, или в результате нарушения кровоснабжения головного мозга, произошло повреждение нижней трети левой прецентральной извилины с развитием спастического паралича жевательных мышц, мимической мускулатуры нижней части лица, надподъязычных мышц, мышц языка, сопровождающееся также нарушением речи.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 250 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та, 2003. 199 с.

Майнов В.Н. Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. 559 с.

Малиев Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа. Казань: Университет. Типография, 1878. 11 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дисс… канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях 1958 года в Пензенской области // Рукописный фонд Пензенского государственного краеведческого музея. Фонд VI. № 311/1. Пенза, 1959. 28 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. книжн. изд-во. Пензенск. отд-е, 1970. 173 с.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung mit besonderer Berücksichtigung der antropologischen Methoden. B. 2. Kraniologie, Osteologie. 2 Auflage, Vermehrte. Jena: Verlag von Gustav Fisher, 1928. 1182 p.

Информация об авторах:

Калмина Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); okalmina@gmail.com

Калмин Олег Витальевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); ovkalmin@gmail.com

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий антропологической лабораторией кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); ikonnikof-ds@mail.ru

Калмин Олег Олегович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза Россия); kalmin.o.o@gmail.com

Илюнина Ольга Олеговна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Стоматология» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); olya.ilunina@yandex.ru

REFERENCES

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Methods of anthropological research)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Craniometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Belorybkin G.N. 2003. *Zapadnoye Povolzh'ye v sredniye veka (Western Volga region in the Middle Ages).* Penza: Publishing house of Penza State Pedagogical University (in Russian).

Maynov, V. N. 1883. *Rezul'taty antropologicheskikh issledovaniy sredi mordvy-erzi (Results of anthropological research of the Mordva-Erzya)*. Saint Petersburg: “A.S. Suvorin” Publ. (in Russian).

Maliev, N. M. 1878. *Obshchiye svedeniya o mordve Samarskoy gubernii; ikh antropologicheskiy kharakter; pozdniye braki i vliyaniye ikh na krepost' i slozheniye naroda. Natsional'nyye osobennosti cherepa (General information about the Mordvins of the Samara Governorate; their anthropological character; late marriages and their influence on the strength and constitution of the people. National features of the skull)*. Kazan: Kazan University Publishing House (in Russian).

Pezhemskiy, D. V. 2011. *Izmenchivost’ prodol’nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia (Variability of Longitudinal Dimensions of Human Tubular Bones and Possibilities for Reconstruction of the Constitution)*. Thesis of Diss. of Candidate of Biological Sciences. Moscow (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1959. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1958 goda v Penzenskoy oblasti (Report on archaeological studies in the Penza region in 1958)*. Penza. Manuscript collection of the Penza State Museum of Local History. F. VI, no. 311/1 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskiye pamyatniki Penzenskoy oblasti. Putevoditel' (Archaeological sites of the Penza region. Guide)*. Penza: Privolzhskoe bookish Publ. Penza filial (in Russian).

Martin, R. 1928. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung mit besonderer Berücksichtigung der antropologischen Methoden. B. 2. Kraniologie, Osteologie. 2 Auflage (Textbook of anthropology in a systematic presentation with special attention to anthropological methods. Vol. 2. Craniology, osteology. 2nd edition)*. Jena: Gustav Fisher Publ.

About the Authors:

Kalmina Olga A., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Human Anatomy at the Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; okalmina@gmail.com

Kalmin Oleg V., Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Human Anatomy at the Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; ovkalmin@gmail.com

Ikonnikov Dmitry S., Candidate of historical sciences, head of the anthropological laboratory of the department of "Human Anatomy" of the Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; ikonnikof-ds@mail.ru

Kalmin Oleg O., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Human Anatomy at the Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; kalmin.o.o@gmail.com

Ilyunina Olga O., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Dentistry, Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; olya.ilunina@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.110.127

КУРГАН 2 МАЛОТЕРЮШЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА[1]

© 2024 г. Д.А. Козлов, В.В. Ставицкий

В статье рассматриваются материалы раскопок погребения кургана 2 Малотерюшевского могильника, хранящиеся в фондах ГИМ. На основе описания Д.Н. Анучина сделана попытка реконструкции облика этого комплекса. Захоронение представляет собой мужское погребение с многочисленным инвентарем, в составе которого обнаружен поясной набор, имеющий аналогии в Сибири, древнерусский браслет, мордовские застёжки, топоры и др. Возле мужчины был похоронен конь со сбруей, а в насыпи кургана – собака. На основе датирования предметов из этого погребения установлено время жизни мужчины – 1-я половина XIII в. Имеющиеся аналогии предметов и детали обрядности привели авторов к выводу о том, что этот знатный мужчина-кыпчак появился в Среднем Поволжье в эпоху монголо-татарского нашествия с юга Западной Сибири и стал одним из основателей подкурганного погребального обряда у средневековой мордвы.

Ключевые слова: археология, мордва, курган, поясной набор, топор, сабля, мех, монголо-татарское нашествие, XIII в., басандайская культура, кыпчаки.

BARROW 2 OF THE MALOYE TERYUSHEVO BURIAL GROUND[2]

D.A. Kozlov, V.V. Stavitsky

The article examines materials from excavations of the barrow 2 of the Maloye Teryushevo burial ground, kept in the funds of the State Historical Museum. Based on the description by D.N. Anuchin, an attempt was made to reconstruct the appearance of this complex. The burial is a male one with numerous grave goods, which included a belt set with analogies in Siberia, an ancient Russian bracelet, Mordovian clasps, axes, etc. A horse with harness was buried near the man, and a dog was buried in the mound of the barrow. Based on the dating of objects from this burial, it is established when the man lived – the 1st half of the XIII century. The available analogies of objects and details of the ritual led the authors to the conclusion that this noble Qipchak man appeared in the Middle Volga region during the Mongol-Tatar invasion period from the south of Western Siberia and became one of the founders of the under-barrow burial rite among the medieval Mordva.

Keywords: archaeology, the Mordva, barrow, belt set, axe, saber, fur, Mongol-Tatar invasion, XIII century, Basandai culture, Qipchaks.

Второй курган Малотерюшевского могильника, исследованный в 1882 г. крестьянином П.Д. Дружкиным является ярким памятником, отражающими взаимодействие кочевников и мордвы в эпоху средневековья. Основными источниками при написании статьи являются реферат, подготовленный в 1883 г. Д.Н. Анучиным и материалы раскопок, хранящиеся в ГИМ[1].

Реконструкция кургана и захоронения была выполнены на основе описаний Д. Н. Анучина, с привлечением аналогий по раскопкам мордовских курганных могильников Сарлейского (Горюнова, 1948, с. 6–55) и Сарадонского (Четвертаков, 2022, с. 17–18). Высота насыпи определена Д.Н. Анучиным «около 3 аршин» (2,13 м), диаметр не указан (Анучин, 1885, с. 36). Изучение вопроса о соотношении диаметра и высоты других мордовских курганов, позволило выявить коэффициент их соотношения 1/7.3, следовательно диаметр насыпи составляли около 14 м (рис. 1: Б1, Б3). Погребальной яма по описанию имела *«лодкообразную форму»* (рис. 1: Б2), слой толщиной 1,5 аршина (1,06 м) был насыщен *«дубовым углем и жжеными костями»* (Анучин, 1885, с.37) – что делает возможным представить стратиграфию кургана (рис. 1: Б3).

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (грант №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья»)

[2] The article was financially supported by RSF (РНФ) (grant No. 22-28-20314 "Ethnic genesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages")

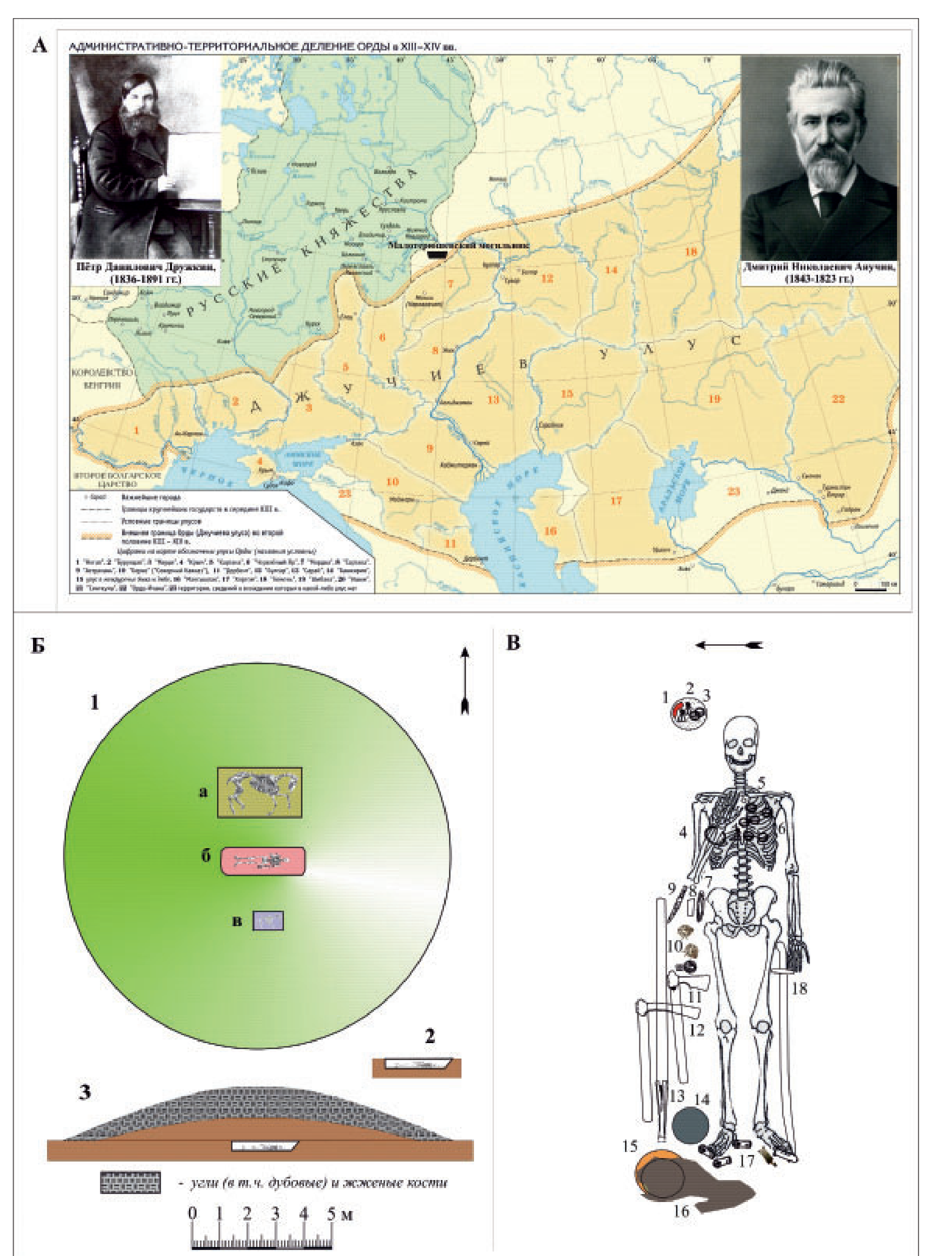

Рис. 1. Расположение Малотерюшевского могильника и схемы кургана 2. А – Малотерюшевский могильник на карте Золотой Орды XIII–XIV вв., фотографии П.Д. Дружкина и Д.Н. Анучина; Б – схемы кургана 2: 1 – план кургана; 2 – профиль погребения; 3 – профиль кургана; В – схема погребения.

Fig. 1. Location of the Maloye Teryushevo burial ground and diagrams of barrow 2. A – Maloye Teryushevo burial ground on the map of the Golden Horde of the XIII–XIV centuries, photos by P.D. Druzhkina and D.N. Anuchina; Б – diagrams of barrow 2: 1 – plan of barrow; 2 – burial profile; 3 – barrow profile; B – burial diagram.

В слое жженых костей и угля встречены кости животных, которые по определению П.Д. Дружкина принадлежали собаке (Анучин, 1885, с.37) (рис. 1: Б1). Умерший был положен головой на восток (рис. 1: Б1).

По описанию Д.Н. Анучина: *«У одного остова у самой головы находились четыре сустука бронзовые, покрытые берестью (как бы в футлярчике) и какие-то красные нитки, два сустука треугольные* (рис. 1: В2) *и два круглые* (рис. 1: В3)*; на правой руке этого остова, положенной на груди, был бронзовый браслет из спирально извитой проволоки* (рис. 1: В4)*; левая рука была протянута и рядом с ней, у бедра, была длинная (более аршина) сабля, с перекладиной у рукоятки* (рис. 1: В18). *На груди оказался ещё изломанный перстень* (рис. 1: В5)*, шесть сустуков* (рис. 1: В6)*, а в ногах пряжки* (рис. 1: В17)*; кроме того, около остова были положены:*

нож (рис. 1: В9)*, кремни* (рис. 1: В7)*, брусок* (рис. 1: В8), *бронзовыя, круглыя прорезныя подвески с изображением оленя* (рис. 1: В10), *топор* (рис. 1: В11), *оскорда* (рис. 1: В12), *четырехграное острие (долото?)* (рис. 1: В13), *железная сковорода* (рис. 1: В14), *медный котелок* (рис. 1: В15) *и медвежья шкура* (рис. 1: В16)*»* (Анучин, 1885, с.37).

Описанный берестяной *«футлярчик»* видимо представлял собой берестяной туесок, характерный элемент погребального обряда терюшевской мордвы. В нём находилось 2 подковообразные застёжки (*«сустуки»*) и 2 лопастные сюльгамы (*«сустуки треугольные»*), вместе с красными нитками (рис. 1: 26). Также застёжки были на груди умершего (рис. 2: 1–14). «*Сустуки треугольные*» или лопастные сюльгамы (рис. 2: 1-3) являются обычными украшениями для мордвы. При этом, согласно исследованиям форм этих украшений, подобный размер лопасти сюльгам приобретают в XIII в. (Вихляев и др. 2008. С. 148-149).

Браслет из витой тройной проволоки с накладками на концах, на одной из которых отпечаталась ткань от одежды (рис. 2: 15), в отличие от браслетов Гагинского (Алихова, 1959, с.169-184) и Сарлейском могильников (Горюнова, 1948, с. 35–37, Табл. XI.2, 4, с.155), а также браслета из Барбашинского могильника, датированного монетами 1354–57 гг. (Сташенков, 2013, с. 9–11, рис.24.2, с.18), не имеет накладок с вертикальным выступом («глаз» или «ушек»), характерных для изделий XIV в. Иную – каплевидную с выступами форму с имеют и сами накладки, которая аналогична форме накладок на браслетах из клада у Десятинной церкви г. Киева, сокрытого зимой 1240 г. (Корзухина, 1954, табл.XXIX: 11, 12, 17). Подобные изделия содержатся и в кладах с других поселений, разгромленных монголами: клад г. Обухова, клад с. Черныши, клад 121 Княжая гора, клад 110 Михайловской горы Киева, клада близ церкви Скорбящих в Киеве, несколько кладов в усадьбе Михайловского монастыря Киева, клад в усадьбе Десятинной церкви Киева 1909 г. (Корзухина, 1954, табл.XXX, 4; XXXL, 6; XLII: 1-3; XLVII:6, 7; XLIX: 1-8, 6; LIII: 1; LV: 3). Приведенные факты позволяют датировать терюшевский браслет 1-й половиной XIII в.

Печатка терюшевского пластинчатого перстня, в форме квадрата с ромбическим орнаментом (рис.2: 16), имеет более сложную и дорогую, но хронологически идентичную описанному выше браслету аналогию в составе клада 1885 г. из усадьбы Есикорского у Софийского собора Киева (Кондаков, 1896, Табл.V: 2). Нами представлена его возможная реконструкция (рис. 2: 16а).

Терюшевское длинное овальное кресало имеет фигурный линзовидный вырез, который на концах закругляется (рис. 2: 21). Подобные формы двулезвийных кресал встречаются у мордвы в домонгольское время и несомненно связаны с русской ремесленной традицией. По данным Б.А. Колчина, кресала подобной формы (овальные заостренные) появляются в Великом Новгороде между 1110-1120-ми гг. а выходят из быта между 1240–1267 гг. Наибольшее их количество приходится на 2-ю половину XII – начало XIII в. (Колчин, 1959, с.103. рис.85). В более поздней работе, Б.А. Колчин предлагает более широкую датировку данного вида кресал, включающего и их другие разновидности – около 1130-1330-е гг. (Колчин, 1982, с.163, рис. 4). В датированных мордовских комплексах подобные кресала в золотоордынское время не встречаются, уступая место двулезвийным кресалам с подпрямоугольным, с закруглением и линзовидным вырезами. Аналогичное кресало обнаружено в п.27 кургана 6 могильника Малополовецкое-3 (Квитницкий и др., 2004, с. 146, рис. 3: 5), в комплексе конского погребения которого имеются стремена, датируемые на материалах Чингульского кургана 1-й половиной – серединой XIII в. (Отрощенко, Рассамакин, 1986, с. 17, 34, рис. 2: 3).

Железный колпачок с остатком гвоздя и находящихся внутри него фрагментов дерева, вероятно, относится к навершию сабли, не сохранившейся в коллекции (рис. 2: 17).

Уникальной для Восточной Европы находкой является поясной набор (рис. 3). Пряжка цельнолитая овальной формы, наклонная рамка которой украшена снаружи двумя продольными желобками, с фрагментом ремня в тыльной части на отдельной оси (рис. 3: 1). Близкая по конструкции пряжка имеется в Басандайском могильнике в п.2 к.42 (Басандайка, 1948, Таб. 55: 18) в п.6, 7, 8 и п.12 могильника Проспихинская Шивера IV (Сенотрусова и др., 2015, с.117, рис.1: I.1; III.1, IV.1, VI.1), но в отличии от терюшевской, форма рамки у них прямоугольная. Как

Рис.2. Находки из кургана 2: 1-3 – сюльгамы; 4-14 – застёжки; 15 – браслет; 16 – фрагмент перстня и 16а – его реконструкция; 17 – навершие сабли; 18 – точильный брусок; 19 – фрагмент кольца; 20 – нож; 21 – кресало; 22-23 – кремневые орудия; 24-25 – конские зубы; 26 – фрагмент ткани. 1-15, 19 – сплав на основе меди; 17 – железо с фрагментами дерева; 18 – камень (песчаник); 20-21 – сплав на основе железа.

Fig.2. Finds from barrow 2: 1-3 – sulgams; 4-14 – fasteners; 15 – bracelet; 16 – fragment of the ring and 16a – its reconstruction; 17 – saber pommel; 18 – whetstone; 19 – ring fragment; 20 – knife; 21 – fire lighter; 22-23 – flint tools; 24-25 – horse teeth; 26 – fragment of fabric. 1-15, 19 – copper-based alloy; 17 – iron with wood fragments; 18 – stone (sandstone); 20-21 – iron-based alloy.

у терюшевской и басандайской пряжек, идентично крепился язычок пряжки на экземпляре из п.6 (Сенотрусова и др., 2015, с. 117, рис. 1: I.1).

Накладки-обоймы в трех экземплярах (рис. 3: 2–4), одна из которых сохранилась вместе с фрагментом ремня и меховой одежды (рис. 3: 2, 3). Эти детали пояса представляют собой многочастные изделия, где основу составляют бляхи круглой формы с выступающими фестончатыми краями, на которую двумя заклёпками крепятся тыльные накладки в виде простых тонких пластин (рис. 3: 2). Две из них имеют петли для подвешивания ремешков (рис. 3: 2, 4). Эти накладки имеют аналогии в п.2 к.42 Басандайского могильника, они также имеют фестончатые края, аналогичные терюшевским по форме петли, но в отличии от

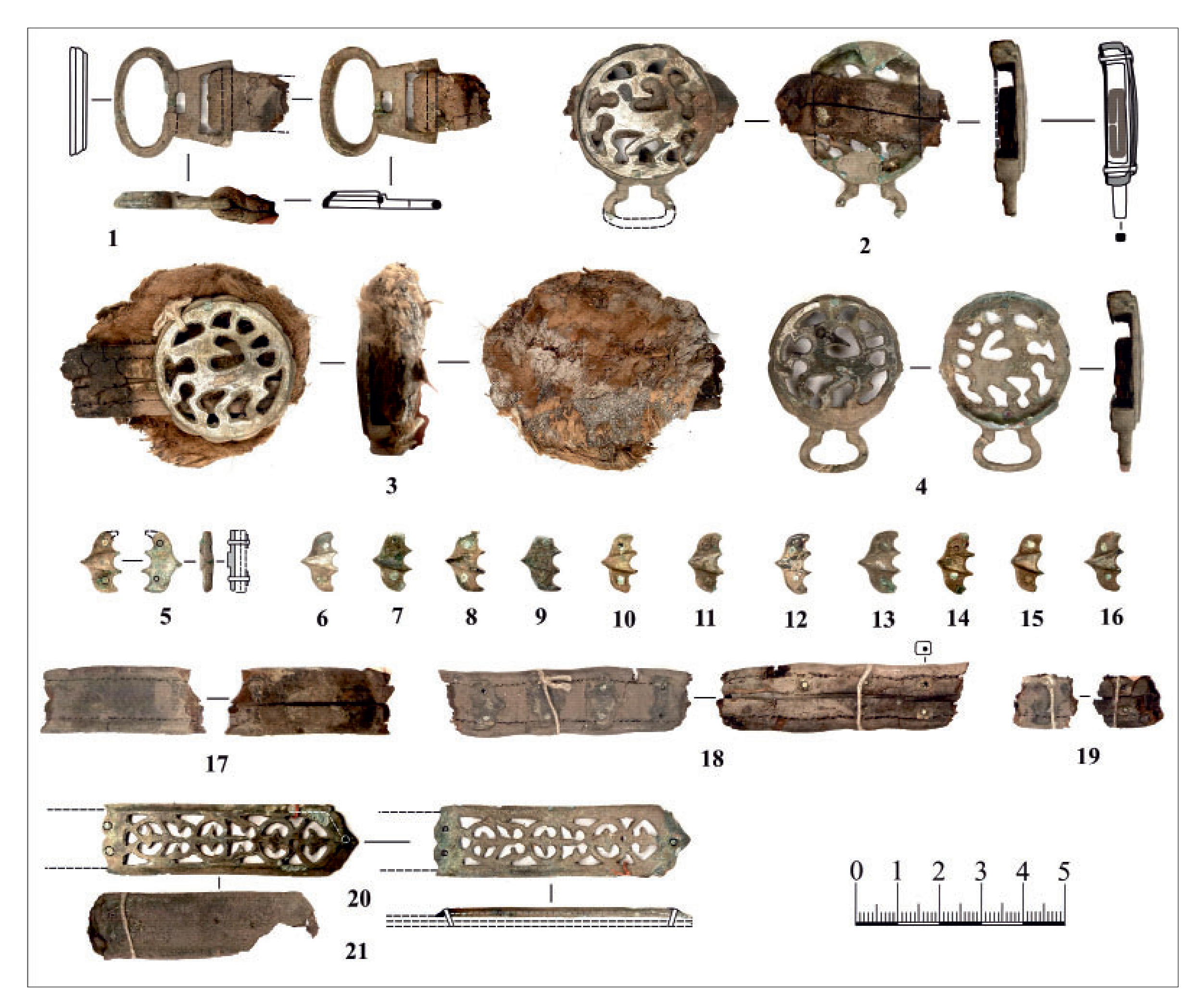

Рис.3. Поясной набор из кургана 2: 1 – пряжка с фрагментом ремня; 2, 4 – накладки-обоймы с петлями с фрагментами ремня; 3 – накладка-обойма с фрагментом ремня и меха; 5-16 – накладки («птички»); 17-19 – фрагменты ремня с отпечатками накладок; 20 – наконечник пояса; 21 – фрагмент ремня из под наконечника пояса. 1-16, 20 – сложный сплав с включением меди, кожа, мех бобра; 17-19, 21 – кожа.
Fig.3. Belt set from mound 2: 1 – buckle with a fragment of a belt; 2, 4 – carrying slot with loops with belt fragments; 3 – carrying slot with a fragment of a belt and fur; 5-16 – carrying slot (“birds”); 17-19 – fragments of a belt with imprints of carrying slots; 20 – belt-end; 21 – fragment of a belt from the belt-end. 1-16, 20 – complex alloy with copper inclusions, skin, beaver fur; 17-19, 21 – skin.

терюшевских на них отсутствует прорезной орнамент, центральные площадки гладкие, изготовлены из «белой бронзы» (Басандайка, 1948, Таб.55: 22: Гриневич, 1948, с.40). Аналогичные накладки обнаружены в п.1 кургана 55 могильника у устья Малой Киргизки басандайской культуры, где на центральной круглой части накладки имеется растительный орнамент (Плетнева, 1997, с. 305, рис. 143, 11). Изображение оленя на терюшевских накладках-обоймах выполнено в виде схематичного контура. Вероятно, делавший их мастер ещё не имел опыта и традиции украшения накладок более изысканным орнаментом, который представлен на поясных наборах с «ланями под раскидистым деревом», датируемых 40-70 гг. XIII в. (Крамаровский, 2002, с. 65).

«Накладки-птички» представлены 12 экз. (рис. 3: 5–16). На некоторых фрагментах терюшевского кожаного ремня отпечатались и сохранились тыльные стороны крепления этих накладок в виде шайб (рис. 3: 18). Данные накладки имеют прямую аналогию в Басандайском могильнике в п.2 к.42 (Басандайка, 1948, табл.55: 19). Аналогичные им по форме детали представлены в могильнике Проспихинская Шивера IV в Приангарье. Здесь «накладки-птички» имеются в комплексе сожжения п.7, в котором похоронены мужчина старше 60 лет и подросток

10–12 лет. Вместе с подобными накладками, здесь присутствует поясной набор с «ланями» – характерный для середины XIII в. (Мандрыка, Сенотрусова, 2022, с. 37–38, рис. 34: 20, 21, 25, 31–34; 35: 25, 32–36, 39), а также набор и из железных деталей с характерной для тюрко-монгольских изделий формой и аскизской пряжкой (Мандрыка, Синотрусова, 2022, с. 37–38, рис. 34: 18, 24, 28-30, 35; 35: 42, 49).

Такие же «птички» обнаружены в п.12, вместе с пластинчатыми браслетами с продольными бороздками и серьгами в виде знака вопроса (Мандрыка, Синотрусова, 2022, рис. 52: 12, 13, 16, 17). Накладки-обоймы из этого комплекса имеют в свою очередь аналогию в могильнике Кротово 15 в п.1 кургана 3 Новосибирского Приобья, где присутствует разновидность накладок-«птичек» (Адамов, 2000, с. 246, рис. 99: 4-5, 7, 8), а также в материалах п.2 кургана 27 могильника у устья Малой Киргизки Томского Приобья (Плетнева, 1997, с. 287, рис. 125: 1).

Наконечник пояса (рис. 3: 20) представляет собой полую пластину с прорезным растительным орнаментом, крепившийся на кожаную основу с помощью трёх заклёпок (рис.3: 21). Прямых аналогий пока не обнаружено. Имеются только аналогии по отдельным деталям. Так, в могильнике Проспихинская Шивера IV, наконечник пояса из п.12 имеет очень близкую форму и профиль, крепился он также сквозными заклёпками (Мандрыка, Синотрусова, 2022, с.47, рис. 52: 22). Прорезным орнаментом украшен и наконечник пояса с «ланями» из п.7, но профиль у него иной (Мандрыка, Синотрусова, 2022, с. 37, рис. 34: 21).

Кожаное полотно шириной 1,3–1,7 см сохранилось как вместе с поясными деталями, так и в отдельных фрагментах, где «отпечатались» окислами на полотне «накладки-птички» и наконечник (рис.3: 17-19, 21). Изготовлено из тонкой кожи (около 2 мм), утолщенной с помощью загибов во внутреннюю часть и прошитое нитями. Прямая аналогия ему имеется из раскопок п.2 кургана 42 того же Басандайского могильника (Басандайка, 1948, Табл. 55). Регион распространение подобных гарнитур: юг Западной Сибири, Средняя Сибирь (Приангарье), Забайкалье (Ильмовая Падь) и Монголия (Таван-Толгой) (Сенотрусова и др., 2015, с. 123, рис. 2).

Рентгенофлюоресцентный анализ образцов из Проспихинской Шиверы IV и Кармацкого выявил сходную и вариативную рецептуру сплавов деталей этих поясов (в том числе и с «ланями»). Использовалась сложная латунь с существенным содержанием свинца, свинцово-оловянная и оловянно-свинцовая бронза (Сенотрусова и др., 2015, с. 117, 122). Судя по цвету деталей терюшевского пояса, имеющих матово-серебристый оттенок с зеленоватыми окислами, они, вероятно, имели сходную рецептуру сплава.

Приведенные выше аналогии деталей терюшевского поясного набора, однозначно указывают на его происхождение из описанного выше ареала – юга Западной Сибири, Средней Сибири, Забайкалья, Монголии. Ближайшие аналогии представлены поясным набором из п.2 кургана 42 Басандайского могильника.

Также пока не имеет полных аналогий в Восточной Европе, ременная гарнитура колчана, состоящая из 5 пряжек и приемника от шестой пряжки (рис. 4: 1, 7–10, 13). Накладки представлены 3-мя экземплярами, 4 накладки реконструируются по отпечаткам на фрагментах ремня (рис. 4: 3–5, 12, 14, 15). Весьма выразителен орнаментированный колчанный крюк из сплава на основе меди с сохранившимися фрагментами кожаного ремня, сложенного вдвое и прикрепленного посредством шайб, следы которых сохранились возле двух заклёпок на коже (рис. 4: 11).

Пряжки имеют прямоугольную (рис. 4: 8) и овальную форму (рис. 4: 7, 9, 10, 13). Прямоугольная пряжка выполнена из круглой проволоки, овальные – из профилированного, граненого дрота. Одна из пряжек, сохранилась вместе с широким фрагментом кожи, на котором она отпечаталась (рис. 4: 7). Данные пряжки были признаны Д.Н. Анучиным обувными, так как находились на ногах покойного.

Наконечник ремня (рис. 4: 2) и колчанный крюк (рис.4: 11), по элементам украшения насечкой по краю, имеют аналогии с деталями ременного набора колчана из п.2 кургана 9 Кармацкого могильника (Тишкин, 2009, с.90, рис. 55: 8). Колчанный крюк по форме аналогичен аскизским образцам каменского этапа (Кызласов, 1983, с. 125, табл.XXXVII: 20). Обойма пряжки и наконечник ремня, изготовленные из сплава на основе меди (рис. 4: 1, 2), имеют характерные для аскизской традиции выступы на месте заклёпок (Кызласов, 1983, с. 126, табл.XXXVIII: 18, 20). Необыч-

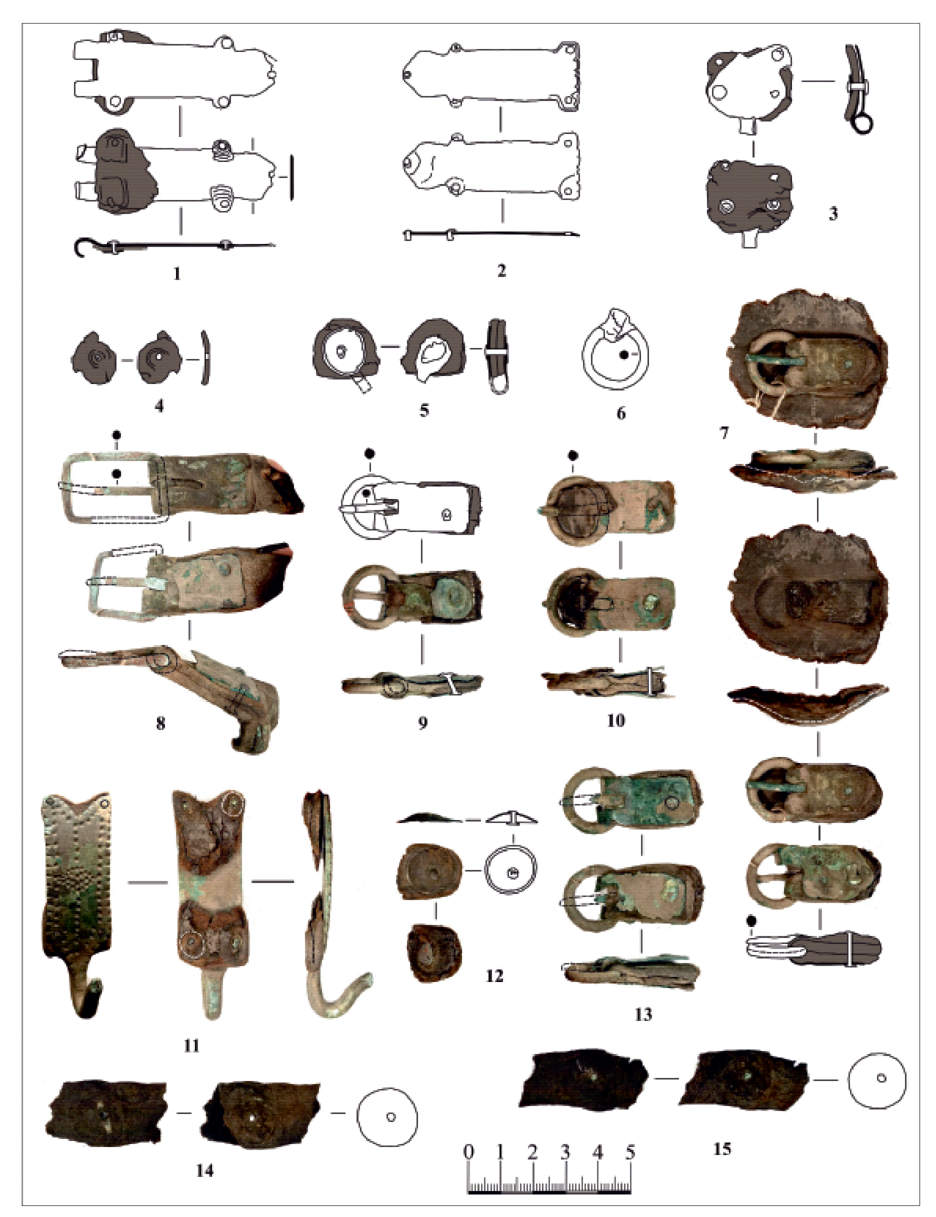

Рис.4. Гарнитура ремней колчана из кургана 2: 1 – обойма пряжки с фрагментом ремня; 2 – наконечник ремня; 3 – накладка с фрагментом ремня; 4, 5 , 12, 14, 15 – фрагменты ремня с остатками накладок; 6 – кольцо с остатком крепления; 7 – пряжка с остатками ремня на фрагменте кожаного полотна; 8-10, 13 – пряжки с фрагментами ремня; 11 – колчанный крюк с фрагментами ремня. 1, 3, 5, 7-11, 13 – сплав на основе меди, кожа; 2, 6 – сплав на основе меди; 4, 12, 14, 15 – кожа.

Fig.4. Set of quiver straps from barrow 2: 1 – buckle clip with a belt fragment; 2 – belt-end; 3 – plate with a fragment of a belt; 4, 5, 12, 14, 15 – fragments of a belt with remains of plates; 6 – ring with the remains of the fastening; 7 – buckle with the remains of a belt on a fragment of skin; 8-10, 13 – buckles with belt fragments; 11 – quiver hook with fragments of a belt. 1, 3, 5, 7-11, 13 – copper-based alloy, skin; 2, 6 – copper-based alloy; 4, 12, 14, 15 – skin.

на накладка с двухголовым верхом и петлей для подвесного кольца, к которой накладка прикреплена при помощи шайб (рис. 4: 3). Остальные накладки выполнены из того же сплава, имеют круглую полусферическую форму, с заклёпкой по центру и тыльным креплением в виде шайбы.

Отметим также, что некоторые накладки из кармацкой колчанной гарнитуры сходные с терюшевскими (Тишкин, 2009, с.90, рис.55: 3, 9, 10), имеют близкие аналогии в материалах Золотаревского городища, в окрестностях которого, по мнению Г.Н. Белорыбкина и И.Л. Измайлова, в 1223 г. волжскими булгарами было разгромлено войско Субедея и Джебе, а зимой 1236–37 г. городище было разрушено монголами и заброшено его жителями (Белорыбкин, 2001, с. 162, рис. 99: 14; Измайлов,

2015, с. 102). То есть материалы из Среднего Приобья, наряду с аскизскими находками присутствуют на поселенческих памятниках Среднего Поволжья, разгромленных монголами.

Из трех терюшевских наконечники стрел (рис. 5: 3–5), форма бойковой части полностью сохранилась только у одного (рис. 5: 4). Это срезень в виде лопатки, со слабо наклонными передними сторонами, типичный для эпохи монгольского завоевания и золотоордынского времени (Медведев, 1966а, с.53, рис.1: 8). У него хорошо просматривается центральная грань, лезвие заточено со всех сторон. Данный способ заточки встречается редко и имеет аналогии в басандайской культуре: п.3 курган 97 Басандайского могильника, п.2 курган 72 могильника у устья Малой Киргизки (Плетнева, 1997, с. 259, 325, рис. 97: 1; 163: 1). Переход от бойка в черешок типичный для сибирско-монгольской традиции, через упор, как и у остальных наконечников (рис. 5: 3, 5). По сохранившейся форме боевой части наконечника стрелы (рис. 5: 5), есть возможность сравнить его с другими находками. Наличие упора и закругленная форма тыльной стороны лезвия как на терюшевском наконечнике, характерно для срезней монгольского времени – тип 69 (джучидские), обнаруженных на городищах Княжая гора и Изяславль (Медведев, 1966б, с.159, табл.24: 12, 13). По мнению А.Ф. Медведева, они были занесены в Восточную Европу во время монгольского нашествия (Медведев, 1966б, с. 77).

Малотерюшевские стремена (рис. 5: 8, 10), близки по типологии Г.А. Федорова-Давыдова к типу BIV (Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, рис. 1), но в отличии от него имеют широкую подножку и усилены продольными ребрами. Находки подобных стремян и в погребениях кочевников Волго-Донского междуречья Е.П. Мыськов относит к типу БIа2 (Мыськов, 2015, с. 59, табл. III). А.Н. Кирпичников отнес терюшевские стремена трапециевидной формы к типу Х (Кирпичников, 1973, с. 45, рис. 29). (Кирпичников, 1973. Табл. 11). Такие стремена имеют широкие территориально аналогии – от Сибири до Западной Европы, при этом, со своими особенностями. А.Н. Кирпичников считал, что *«в предмонгольской Руси трапециевидные стремена так и не успели сложиться, те же, что были найдены, не отличались устойчивостью своих признаков. Полностью сформируются эти устройства в зрелом XIII и XIV вв. и станут характерными для стран Центральной и Западной Европы»* (Кирпичников, 1973, с. 54). Близкие аналогии подобных стремян есть в материалах басандайской культуры: п.1 кургана 55, п.1 кургана 81 могильника у устья Малой Киргизки, где также был зафиксирован поясной набор с накладкой-обоймой и пряжки прямоугольной формы, аналогичные терюшевским (Плетнева, 1997, с. 306, 342, рис. 144: 1; 180: 1, 2). Следует отметить, что сибирские трапециевидные стремена из кочевнических курганов имеют округлую вершину на месте петли для путалища, тогда как европейские прямую. На сибирских образцах отверстие для путалища предназначено для узкого ремня, шириной 1,5 см, тогда как европейские имеют широкий проем, для ремня 3-4 см шириной. Именно такая форма и пропорции деталей у терюшевских стремян, что говорит об их европейском происхождении. Данный тип стремян А.Н. Кирпичников связывает с развитием рыцарского конного боя в европейских странах, в связи с чем и возникла такая «усиленная» форма (подножка с ребрами, широкий ремень и т.д.).

Ряд специфических особенностей имеют кольчатые удила (рис. 5: 7). Их кольца представляют собой крупные (диаметр 6,0–6,7 см), подтрапециевидные в сечении, уплощённые изделия, похожие на шайбы, имеющие более узкую чем само кольцо перемычку для петель грызел. Форма колец сближает их с южносибирскими, в частности с аскизскими (Кызласов, 1983, табл.XXXVI: 4, с. 124). Кольца в виде прямоугольных в сечении шайб имели удила из комплекса у с. Ракамаз в Среднем Подунавье, датируемого 1241 г. и связанного с аскизскими древностями (Маштерхази, 1984, с. 56, 62, рис. 1: 1). Аналогичные терюшевским удила, только с кольцами подтреугольного сечения, были обнаружены в половецком кургане у с. Таганча на Украине (Gawrysiak-Leszczynska, 1991, rус. XIa). М.В. Горелик синхронизирует таганчинский комплекс с чингульским погребением, где, по его мнению, похоронен хан половцев Ульдамур (в крещении Владимир), умерший в 1280 г. (Горелик, 2017, с. 308). Именно удила из Таганчи наиболее близки терюшевским как по форме колец, так и по способу их крепления к грызлам.

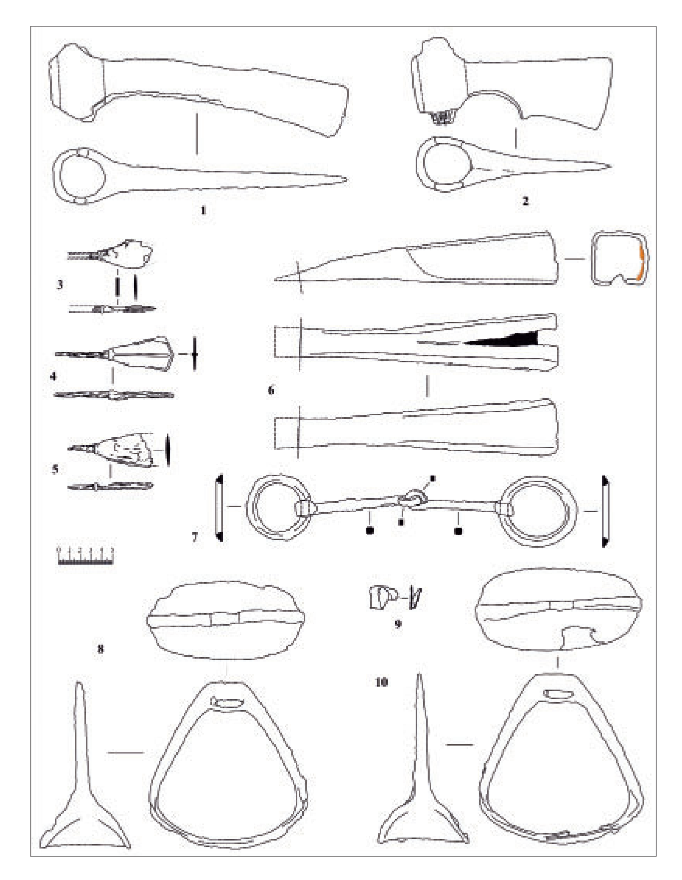

Рис.5. Предметы вооружения и конская сбруя из кургана 2: 1 – длинный топор; 2 – топор с фрагментами дерева; 3-5 – наконечники стрел с фрагментами дерева; 6 – наконечник пешни (острие спилено); 7 – удила; 8, 10 – стремена; 9 – фрагмент стремени. 1-10 – сплав на основе железа.
Fig.5. Weapons and horse harnesses from barrow 2: 1 – long axe; 2 – axe with fragments of wood; 3-5 – arrowheads with fragments of wood; 6 – tip of an ice pick (the tip is sawed off); 7 – horse bits; 8, 10 – stirrups; 9 – fragment of the stirrup. 1-10 – iron-based alloy.

Топоры с подтреугольными щекавицами и шипом на бородке (рис. 5: 2), один из которых длинный и узкий (рис.5: 1), как и наконечник пешни (рис. 5: 6), являются обычнымипредметамихарактернымидляинвентаря мордовских воинских захоронений XII–XIV вв. Особенно характерно их сочетание в домонгольское время (XII – 1-я половина XIII в.), но со 2-й половины XIII в. вместе они встречаются редко. По классификации С.В. Святкина, первый топор относится к группе Б типа 3, а второй – к группе А типа 3, вместе с топорами с короткой шейкой (Святкин, 2001, с. 40, 43, рис. 18: 8). Ряд авторов выделяет их в отдельную группу, характерную только для мордовского комплекса вооружения (Мартьянов, 2004, с. 80).

Наконечник пешни (рис. 5: 6) был подвергнут Б.А. Колчиным металлографическому анализу, согласно которому верхняя половина железного прямоугольного стержня сначала была вытянута в прямоугольную пластину толщиной в 4,5 мм и шириной в 150-170 мм, затем согнута в прямоугольную втулку и сварена в косой стык. На лезвие была дополнительно наварена стальная насадка (Колчин, 1953, с. 110, рис. 72: 10).

Котелок из сплава на основе меди и ручка из железа сохранились фрагментарно (рис.6: 2-4). Судя по сохранившейся верхней части (рис. 6: 3), он имел прямые наклонные стенки. Форма крепления петли листовидная под наклоном к самим петлям, петли соединены с котелком через парные заклёпки, по одной на каждом креплении (рис. 6: 2). Подобные котелки довольно часто встречаются в мужских мордовских захоронениях домонгольского времени вместе с топорами и пешнями, особенно в могильнике Заречное II (Мартьянов, 2004, с. 120, 124–130, табл. 42, 43, 46-48, 50, 51). Известны они в могильниках золотоордынского периода: в Гагинском – п.9, 25 (Алихова, 1959, с.186, 188), Барбашинском – раскопки В.А. Миллера 1908 г.: п.1, 2 (Сташенков, 2011, с.49, 51), из раскопок Б.А. Латынина 1935 г.: п.10 (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 59–60) и др. По форме крепления петель (ушков) и их материалу – железо (рис. 6: 1), данный образец можно отнести к изделиям русских «котельников» (Колчин, 1959, с.106, рис. 90). Петли булгарских котелков имели иные формы и были медными (Руденко, 2022, с. 286).

Подвеска-игольница (рис.7: 1), изготовленная из сплава на основе меди, является многочастным изделием, в состав которого входят: 1) длинные литые звенья цепочки с имитацией кручения, состоящие из 6 звеньев сгруппированных по три; 2) круглой трубочки с 6 поперечными поясками из имитации тройной и четвертной нитей, от трубочки вверх идут две петли для скрепления с длинными цепочками и вниз идут шесть петель для цепочек с подвесками-бубенцами; 3) звенья цепочки в виде цифры 8 в количестве 6, по одному на петлю цилиндра, литые, имитируют кручение, имеют тыльные выступы, для предотвращения проскакивания; 4) подвески в виде бубенчиков с широкими вырезами и тыльны-

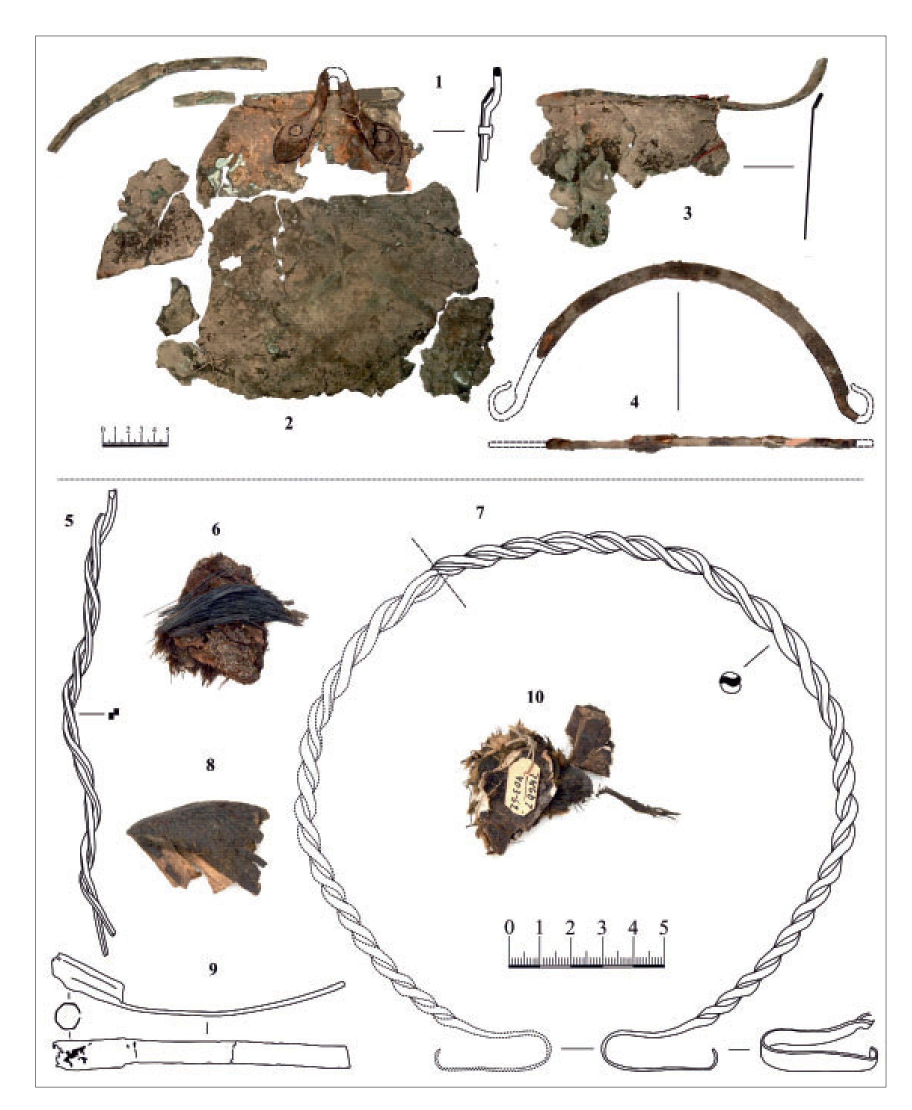

Рис.6. Предметы из кургана 2: 1 – фрагменты венчика и стенки с ушком для крепления ручки от котелка; 2 – фрагмент днища котелка с отпечатком луба; 3 – фрагмент стенки котелка; 4 – фрагмент ручки котелка; 5 – проволока; 6 – луб с фрагментами меха медведя; 7 – фрагмент гривны; 8 – фрагмент луба; 9 – предмет неясного назначения; 10 – фрагмент кожи с мехом бобра. 1 – сплав на основе меди и сплав на основе железа; 2-3 – сплав на основе меди; 4 – сплав на основе железа; 5, 7, 9 – сплав на основе меди; 6 – луб, мех; 8 – луб; 10 – кожа, мех.

Fig.6. Items from barrow 2: 1 – fragments of the rim and wall with an eyelet for fixing a handle from the pot; 2 – fragment of the pot bottom with an imprint of bast; 3 – fragment of the pot wall; 4 – fragment of a pot handle; 5 – wire; 6 – bast with fragments of bear fur; 7 – fragment of a torque; 8 – fragment of bast; 9 – item of unclear purpose; 10 – fragment of skin with beaver fur. 1 – copper-based alloy and iron-based alloy; 2-3 – copper-based alloy; 4 – iron-based alloy; 5, 7, 9 – copper-based alloy; 6 – bast, fur; 8 – bast; 10 – skin, fur.

ми выступами на петлях скрепляющих их с цепочками. Это разделение имеет значение не только как технологическое, но и с точки зрения выявления сходных по форме предметов, так как прямой аналогии пока не обнаружено.

Подвески игольницы характерны для древностей Новгородской земли и Северо-Востока Руси. Встречаются в материалах веси (Голубева, 1987, с. 265, табл.XVII), в костромских курганах (Рябинин, 1986, с. 138, табл.VII: 9–17), но без подвесок-бубенцов и цепей. Подобные терюшевским подвески-бубенцы представлены на зооморфных украшениях костромских курганов XII–XIV вв. (Рябинин, 1981, с. 13, 36, 39, рис. 3, 10). Подвеска-игольница с аналогичными терюшевским бубенцами обнаружена вместе с цепочками с длинными псевдовитыми звеньями в кладе неподалёку от Чернобыля (Ханенко Б.Н., Ханенко В.И., 1902, 19, табл.XVI: 276, 624, 379, 380). Г.Ф. Корзухина относит его к IV

группе кладов, датированных 2-й половиной XII – 1240 г., большая часть которых сокрыта в эпоху монголо-татарского нашествия (Корзухина, 1954, с. 29). Е.А. Рябинин датирует чернобыльский клад временем около 1240 г. (Рябинин, 1981, с. 39). На основании этих фактов, малотерюшевскую подвеску-игольницу можно датировать в пределах 1-й половины XIII в., а регион её происхождения – это, видимо, Северо-Восточная Русь.

Фрагмент гривны из сплава на основе меди (рис. 6: 7), представляет собой часть крученой из прямоугольной в сечении полосы с загнутым концом, который сужается и образует завиток. Древнерусских гривны в целом аналогичны терюшевской, но имеют прямые концы. Пластинчатые окончания имеет плетеная гривна из клада 135 близ Обухова (Корзухина, 1954. Табл.LV.5), который, как и киевские клады датируется преимущественно 1240 г. (Корзухина, 1954, с.29). Фрагмент аналогичной терюшевской пластинчатой гривны, но без окончаний, имеется в составе клада 117 Княжей горы 1891 г. (Корзухина, 1954, табл. XLVIII: 23), того же времени.

Фрагменты луба, грубой шерсти и ткани (рис. 6: 6, 8, 10; рис.7: 2), как видно из описания Д.Н. Анучина, являются частью покрова перевернутого котелка. Грубая шерсть по заключению П.Д. Дружкина, является мехом бурого медведя (Анучин, 1885, с. 37). Вместе с фрагментом поясного набора (рис. 3: 3), сохранился фрагмент другого мехового покрова, являвшегося видимо частью одежды умершего, из меха другого животного, как предполагал Д.Н. Анучин, бобра (Анучин, 1885, с.36).

Помимо средневековых предметов, в насыпи кургана зафиксированы изделия из кремня: ножевидной пластиной эпохи мезолита (рис. 2: 22) и резец на углу ножевидной пластины (рис.2: 23). Вероятно, на месте кургана имеется мезолитическая стоянка, из культурного слоя которой в насыпь попали эти орудия.

Датировка времени жизни мужчины из 2-го кургана Малотерюшевского могильника по приведенным аналогиям – это 1-я половина XIII в. Предметы характерные для мордовской культуры соответственно появились не ранее 1237 г. (вещи 1230–1240-х гг.). По происхождению предметы подразделяются на группы:

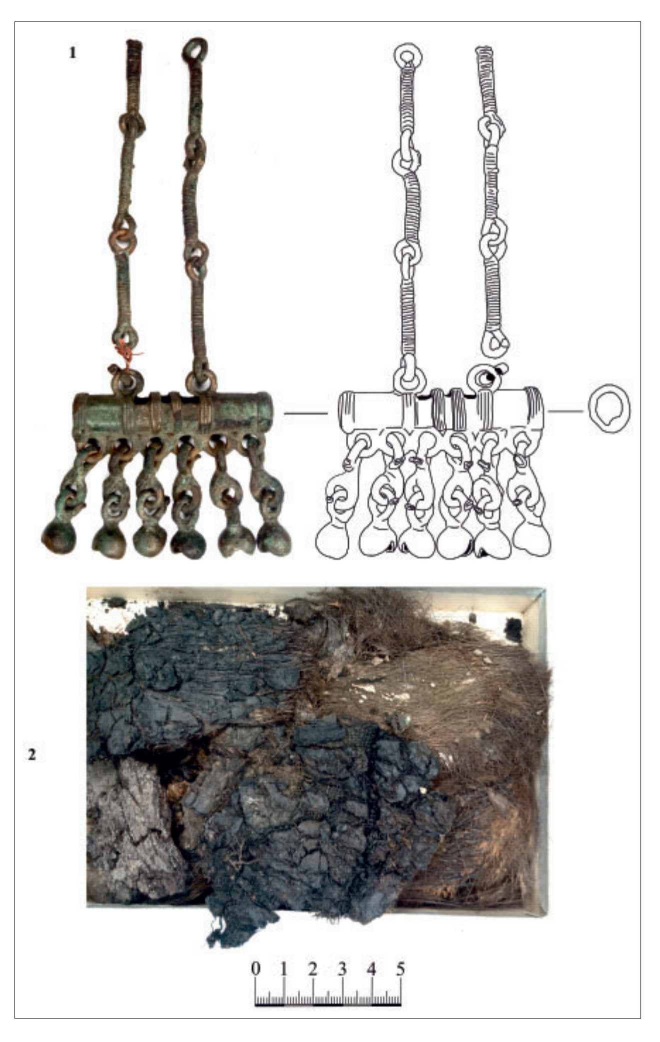

Рис.7. Предметы из кургана 2 (продолжение): 1 – подвеска-игольница; 2 – мех медведя и фрагмент ткани. 1 – сплав на основе меди; 2 – мех, кожа, ткань.
Fig.7. Items from barrow 2 (continued): 1 – pendant-pincushion, pendant-needle case; 2 – bear fur and a fragment of fabric. 1 – copper-based alloy; 2 – fur, skin, fabric.

Мордовские – кресало, топоры, пешня, нож, брусок, застёжки, сюльгамы.

Русские – браслет, перстень, гривна, подвеска-игольница, котелок.

Кыпчакские (сибирские) – поясной набор, колчанный набор, стрелы, сабля (?).

Кыпчакские (восточноевропейские) – удила.

Европейские – стремена.

Очевидно, что данный набор инвентаря складывался в несколько стадий и из нескольких источников разного происхождения. Древнерусский вектор вполне обычен для мордвы домонгольского времени, где весь период с середины X в. и до самого нашествия встречаются как отдельные вещи русского производства, так и сделанные на их основе мордовские

изделия: кресала, топоры, наконечники стрел, застёжки. Стремена западноевропейского облика необычны для мордовских древностей, как и кыпчакские артефакты, особенно сибирские, которые очевидно коррелируются с курганным обрядом погребения. При этом, подобная колчанная гарнитура, поясные наборы и стрелы не встречаются в половецких погребениях Восточной Европы того же времени, для которых характерны совершенно иные предметы: костяные накладки-петли, наконечники стрел, стремена, гривны, серьги и т.д., при отсутствии поясных наборов.

Необходимо выделить вещи, которые были положены мужчине в виде загробного «дара» – женские украшения и рукоделье: застёжки, сюльгамы, браслет, перстень, ткань. Застёжки обнаружены в области груди, где не носились женщинами, у мордовок они располагаются в погребении от груди до бедер в виде полосы. Нередко в терюханских погребениях последующего золотоордынского времени встречаются и берестяные туески, один из которых обнаружен в головах мужчины из Малотерюшевского кургана. Перстень, судя по его состоянию, во время снятия с руки женщиной, преднамеренно был изломан и положен на грудь мужчины. Браслет на руке мужчины очень необычен для мордвы и такое явление единично присутствует только в последующую золотоордынскую эпоху – п.27 р.А Барбашинского могильника (Сташенков, Кочкина, 2008, с.64), а в домонгольское время (XI – 1-я половина XIII вв.) у мужчин не встречается.

Обряд захоронения – подкурганный, в яме лодкобразной формы головой на восток, с жертвенными животными (лошадью в отдельной могиле и собакой в насыпи), обильным слоем ритуального костра в верхней части насыпи, с положенными покойнику вещами. Для выявления непосредственного источника курганного обряда, необходимо отделить от обрядового комплекса мордовские вещи, и их уложение, связанное уже с местной традицией (топоры, пешня, котелок, украшения). Получаем погребение мужчины с поясным набором, саблей, стрелами и колчаном, с похороненным рядом конём со сбруей и в насыпи кургана собакой. Из всех приведенных выше источников вещей, выделяется сибирский, связываемый с местными кыпчаками, где имеется сочетание обрядовых признаков и вещей из этого кургана. Рассмотрим эти аналогии.

В первую очередь стоит обратить внимание на курган 42 Басандайского могильника, где в п.2 был обнаружен поясной набор, по многим деталям схожий с терюшевским. Курган содержал 6 захоронений из которых 5 расположены в ряд, при этом, как предполагает К.Э. Гриневич, п.1 располагавшееся в стороне было впущено отдельно и над ним сделана небольшая насыпь, из-за чего форма кургана изменилась (Гриневич, 1948, с.40). Захороненные в кургане 42 люди были ориентированы головой на восток-юго-восток, т.е. в целом – на восток, как и в терюшевском кургане. В п.2 помимо поясного набора были обнаружены фрагменты меха и ткани, наконечники стрел, кресало скобовидной формы, нож, бусы и мотыжка (Гриневич, 1948, с. 40). В насыпи кургана присутствовал слой угля, полуобгорелые поленья, многочисленные фрагменты местной керамики и кости лошади. Автором публикации это связывается с остатками обряда тризны. Восточная ориентировка умерших из кургана 42 отличается от южной ориентировки, характерной для остальных погребений Басандайского могильника. В материалах более поздних раскопок этого памятника проявилась такая же закономерность в ориентировках, а для Астраханцевского могильника и у устья Малой Киргизки, ориентировка умерших головой в юго-восточном секторе, составляет 81,8% (Плетнева, 1997, с. 72–73). Заметим, что для ряда половецких памятников Восточной Европы синхронных терюшевскому кургану характерна западная ориентировка: захоронения 2-го Чингульского кургана (Отрощенко, Рассамакин, 1986, рис.3, с.18), п.27 кургана 6 могильника Малополовецкое-3 (Квитницкий, 2004, рис.1, с. 145).

Форма погребальной ямы в виде лодки достаточно необычна. У мордвы встречается в последующее золотоордынское время, например, в комплексе п.12 могильника Заречное II (Мартьянов, 2004, с.122, табл. 44), датированном по поясному набору сарлейского типа 1-й половиной-серединой XIV в. (Козлов, 2022, с. 14–28). Истоки этого обряда пока не ясны. В материалах басандайских курганов имеется нечто подобное, созданное иными средствами. Обкладка берестой в форме лодки отмечена в Басандайском могильнике в кургане 87 (Гриневич, 1947, с. 160–161). В могильнике

Кротово-15 Новосибирского Приобья, который некоторые авторы относят к той же басандайской культуре (Савинов и др. 2006, с.7), другие же считают памятником следующего (каменушкинского) этапа сросткинской культуры (Адамов, 2000, с. 85), как указывалось выше при выявлении аналогий деталям поясного набора, имеется комплекс п.1 кургана 3. Близость деталей поясов из этого погребения Приобско-ангарскому кругу, как и в терюшевском кургане 2, обратила наше внимание на обряд кротовского комплекса. Умерший был похоронен в берестяной обкладке в форме лодки, головой ориентирован с небольшим отклонением к северу на восток (Адамов, 2000, с. 245, рис. 98.1).

Захоронения лошадей в басандайских памятниках разнообразны. В основном это конечности и головы. Полные скелеты коней как в терюшевском кургане обнаружены в Еловском могильнике (Плетнева, 1997, с. 76). Встречается и конская сбруя, в том числе в кургане 42 Басандайского могильника найдена в п.6 (Гриневич, 1948, с. 41). Л.М. Плетнева указывает, что наибольшее распространение обряд погребения целого коня со сбруей приобрел у кочевников Алтая (Плетнева, 1997, с. 76). Весьма распространен этот обряд у половцев, кыпчаков Восточной Европы, аналогий которому множество, в том числе в Чингульском и Малополовецком курганах 1-й половины XIII в.

Собаки в кочевнических курганах обнаруживаются редко и это достаточно интересный феномен. Ф.Х. Арсланова зафиксировала единичные захоронения собак у тюрок Прииртышья, Алтая и Минусинской котловины и считала, что подобные захоронения собаки и человека свидетельствуют как о важности этого животного в хозяйстве кочевников (охрана стада), так и о его роли как тотема. В той же работе она привела факт захоронения собак у вогулов (манси) (Арсланова, 1969, с. 50–51). В кургане 2 аскизского могильника Кизек-Тигей (XI–XII вв.), также обнаружен скелет собаки (Кызласов, 1975, с. 195). Есть единичные погребения собак и у половцев, но они отмечены как ритуальные и часто обнаруживаются возле каменных изваяний на курганах (Айбабин, 2003, с. 278; Плетнева, 1981, с. 221).

Сабли, как и во многих других курганных могильниках встречаются редко, в основном в могилах знатных людей. В рассматриваемых Л.М. Плетневой могильниках обнаружено 5 сабель и 4 палаша (Плетнева, 1997, с. 84–85). Наконечники стрел являются одной из самых распространенных находок из погребений кочевников вообще. Поэтому на данном аспекте останавливаться не будем.

Наибольшая близость с курганом 2 Малотерюшевского могильника имеется среди той части населения юга Западной Сибири, которая оставила после себя погребения с восточной или юго-восточной ориентировками под курганными насыпями с остатками тризн. По стальным признакам – захоронение коня и собаки, наличие сабли и т.д., аналогий среди кочевнических комплексов Евразии можно обнаружить множество. При этом с половцами южнорусских степей у терюшевского комплекса больше различий, чем соответствий как в плане предметов, так и по обряду погребения.

Таким образом, по отдельным предметам погребального инвентаря и обрядности 2-ой курган Малотерюшевского могильника тяготеет к басандайской культуре юга Западной Сибири. По мнению выделившего эту культуру В.А. Могильникова, её носители были тюрками, подчинившими в XI-XII вв. местное самодийское население, частично смешавшиеся с ними, в связи с чем среди обрядовых признаков тюркской традиции, присутствовали и черты традиций местных жителей (Могильников, 1980, с. 245–246). Впоследствии исследователи басандайской культуры пришли к выводу, что возникновение поздней группы данных памятников XII – начала XIII века связано с распадом кимако-кыпчакского объединения и последовавшей затем массовой миграцией племен (Савинов и др., 2006).

Рассмотренные в рамках данной статьи материалы раскопок П.Д. Дружкина из кургана 2 Малотерюшевского могильника, безусловно имеют большое научное значение, так как обнаруженные предметы имеют аналогии, которые позволяют наметить хронологические маркеры эпохи монголо-татарского завоевания не только у мордвы, но и среди русских и сибирских древностей 1-й половины XIII в. Многие вопросы, поставленные и затронутые здесь, ещё требуют исследования на основе привлечения более обширного сравнительного материала.

Примечание:

[1] Авторы выражают благодарность и искреннюю признательность сотруднику ГИМ А.М. Красниковой, за помощь и содействие в процессе работы с коллекцией №403 В (Оп.В-403/ГИМ 78607). Также выражаем благодарность Е.В. Четвертакову за возможность использования материалов по Сарадонскому могильнику.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2003. Вып. X. С. 277–306.

Алихова А.Е. Эрзянский могильник XIV в. у с.Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 169–194.

Анучин Д.Н. О раскопках курганов близ деревни Малое Терюшево, Нижегородской губ. и уезда, крестьянином П.Д. Дружкиным. Приложение В // Древности. Труды императорского Московского археологического общества Т. X. / под ред. Д.Н.Анучина. М., 1885. С. 34–40.

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане// Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 43–57.

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 98 / Ред. тома К.Э. Гриневич. Томск: ТГПИ, 1948. 220 с.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зелеова О.В., Шитов В.И. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.

Измайлов, И. Л. "Народ там свирепый": монгольское завоевание Волго-Уральского региона (1223-1240 гг.) // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 90–109.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.

Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 303–336.

Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып. 1 / Под общей ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганова и К.А. Коткова. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 6–55.

Гриневич К.Э. Археологическое обследование урочища Басандайка близ г. Томска // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 98 / Отв. ред. Я.Д. Горлачев. Томск: ТГУ,1948. С. 5–50.

Квитницкий М.В., Лысенко С.Д., Лысенко С.С. Погребения кочевой знати могильника Малополовецкое 3 // Археологические открытия в Украине 2002-2003 гг. Вып. 6 / Ред. Н.О. Гаврилюк. Киев: Шлях, 2004. С. 145–152.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. 140 с.

Козлов Д. А. Сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов: распространение, хронология, социокультурный и исторический контекст // Нижний Новгород и его периферия: 800 лет борьбы и дружбы: сб. стат. по мат. 5-х Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, Богородск: Вариант, 2022. С. 14–28.

*Колчин Б.*А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1959. С. 7–120.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Кондаков Н.П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб. 1896. 237 с.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: АН СССР, 1954. 226 с.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи: От Калки до Астрахани / Отв. ред. М. А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2002. С. 43–75.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 193–211.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера IV на Ангаре / Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2022. 364 с.

Мартьянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.

Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966а. № 2. С. 50–60.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII-XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966б. 184 с.

Мештерхази К. Памятники аскизской культуры у с. Ракамаз (Венгрия) // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1984. С. 55–63.

Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири / Отв. ред. Е.И. Убрятова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 242–248.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія 1986. Вип. 53. С. 14–36.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981С. 213–223.

Руденко К.А. Медная посуда Волжской Булгарии X-XIV вв.: датировка и использование // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения. Материалы научной конференции к 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2022. С. 284–299.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 144 с.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине I тыс. н.э. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2001. 147 с.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 116–125.

Сташенков Д.А. Археологические исследования на территории города Самары // Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: СНЦ РАН, 2011. 96 с.

*Сташенков Д.*А. Раскопки Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Мат-лы науч. экспед. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ РАН, 2014. С. 5–34.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев: Фото-Типография С.В. Кульженко. 1902. 110 с.

Четвертаков Е.В. Отчет об археологических раскопках на мордовском могильнике Сарадон 1 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2021 г. Нижний Новгород – Дальнее Константиново. 2022. 79 с.

Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski. 2002. T. 47. Numer 1-2. S.287–340.

Информация об авторах:

Козлов Дмитрий Александрович, младший научный сотрудник отдела археологии НИИГН при Правительстве РМ (г. Саранск, Россия), demetriy87@gmail.com

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Adamov, A. A. 2000. *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. (Novosibirsk Ob Region in the 10th-14th cc.).* Tobol'sk, Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Aibabin, A.I. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (10), 277–306 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People).* Saransk: Mordovian Book Publ., 169–194 (in Russian).

Anuchin, D. N. 1885. In Anuchin, D. N. (ed.). *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society*) X. Moscow, 34–40 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1969. In Akishev, K. A. (ed.). Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana *(Culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 43–57 (in Russian).

Gorlachev, Ya. D. (ed.). 1948. *Basandaika. Sbornik materialov i issledovanii po arkheologii Tomskoi oblasti (Basandayka. Collection of Materials and Studies on the Archaeology of the Tomsk Region)*. Series: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Tomsk State University) 98. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. I. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Typography (in Russian).

Izmailov, I. L. 2015. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5, 90–109 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1979. *Zoomorfnye ukrasheniia finno-ugrov (Zoomorphic Decorations of the Finno-Ugrians)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-59. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 5, 303–336 (in Russian).

Goryunova, E. I. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. V., Kotkov, K. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 6–55 (in Russian).

Grinevich, K. E. 1948. In Gorlachev, Ya. D. (ed.). *Basandaika. Sbornik materialov i issledovanii po arkheologii Tomskoi oblasti (Basandayka. Collection of Materials and Studies on the Archaeology of the Tomsk Region)*. Series: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Tomsk State University) 98. Tomsk: Tomsk State University Publ., 5–50 (in Russian).

Kvitnitskiy, M. V., Lysenko, S. D., Lysenko, S. S. 2004. In Gavrilyuk, N. O. (ed.). Arkheologicheskie otkrytiya v Ukraine 2002–2003 gg. *(Archaeological Discoveries in Ukraine: 2002–2003)* 6. Kiev: "Shlyakh" Publ., 145–152 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th — 13th Centuries)*. Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. In Ilyushina, B. A., Chetvertakov, E. V. (eds.). *Nizhniy Novgorod i ego periferiya: 800 let bor'by i druzhby: sb. stat. po mat. 5-kh Dal'nekonstantinovskikh chteniy (Nizhny Novgorod and its periphery: 800 years of struggle and friendship: collected articles based on materials of the V Dalneye Konstantinovo readings).* Nizhniy Novgorod, Bogorodsk: "Variant" Publ., 14–28 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 65. Moscow: "Nauka" Publ., 7–120 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: "Nauka" Publ., 156–177 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kondakov, N. P. 1896. *Russkie klady: Issledovanie drevnostey velikoknyazheskogo perioda (Russian treasures: a study of the antiquities of the Grand Ducal period).* Saint Petersburg (in Russian).

Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv.* (*Russian Hoards of 9th–13th Centuries*). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ordy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556 (Source Studies on the History of the Ulus of Jochi (the Golden Horde) from Kalka to Astrakhan of 1223–1556).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 43–75 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th –14th cc.).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1975. In Mandelshtam, A. M. (ed.). *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri (Primeval archaeology of Siberia).* Leningrad: "Nauka" Publ., 193–211 (in Russain).

Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2022. *Srednevekovyy mogil'nik Prospikhinskaya Shivera IV na Angare (The medieval burial ground of Prospikhinskaya Shivera IV at the Angara river).* Series: Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Bulletin of the Boguchansk Archaeological Expedition) 3. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mart'yanov V.N. 2004. *Drevnyaya istoriya Arzamasskogo kraya (The ancient history of the Arzamas region).* Arzamas: Arzamas State Padagogical Institute (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966a. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 50–60 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Meshterkhazi, K. 1984. In Martynov, A. I. (ed.). *Problemy arkheologii stepei Evrazii. Sovetsko-vengerskiy sbornik (Issues of the Archaeology of the Eurasian Steppes.* Soviet-Hungarian collected papers*)*. Kemerovo: Kemerevo State Universiry, 55–63 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1980. In Ubryatova, E. I. (ed.). *Narody i yazyki Sibiri (Peoples and languages of Siberia).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 242–248 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya. 1986. In *Arkheologiya (Archaeology)* 53, 14–36 (in Russian).

Pletneva, L. M. 1997. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Ob River Region in the Late Middle Ages (Based on Archaeological Sources)).* Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 213–223 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2022. In Koval, V. Yu. (ed.). *Mir Srednevekov'ya. Problemy veshchevedeniya. Materialy nauchnoy konferentsii k 70-letiyu otdela srednevekovoy arkheologii (The World of the Middle Ages. Issues of Material Culture Studies. Materials of the Scientific Conference to the 70th Anniversary Medieval Archaeology Department).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 284–299 (in Russian).

Ryabinin, E. A. *Zoomorfnye ukrasheniya Drevney Rusi X–XIV vv. (Zoomorphic Adornments in Ancient Rus of 10th–14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–60. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ryabinin, E. A. 1986. *Kostromskoe Povolzh’e v epokhu srednevekov’ia (The Kostroma Volga Region in the Middle Ages)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Savinov, D. G., Novikov, A. V., Roslyakov, S. G. 2008. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (Basandayskaya kul'tura) (The Upper Ob region at the turn of the epochs (Basandai culture)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Svyatkin, S. V. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoi polovine I tys. n.e. (Armament and Military Art of the Mordovian Tribes in the First Half of the 1st Millennium AD).* Saransk (in Russian).

Senotrusova, P. O., Mandryka, P. V., Tishkin, A. A. 2015. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 43 (2), 116–125 (in Russian).

In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (New Archaeological Studies in Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground).* Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Itogi arheologicheskih issledovanij v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnyh jekspedicij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific research).* Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 5–34 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Samara period of life).* Saratov: “Novyy veter” Publ. (in Russian).

Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Period (Based on Archaeological Sites Materials)).* Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast’iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde’s Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. 1902. *Drevnosti Pridneprov'ya (Antiquities of the Dnieper).* Kiev: Foto-Tipografiya S.V. Kul'zhenko (in Russian).

Chetvertakov, E. V. 2022. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na mordovskom mogil'nike Saradon 1 v Dal'nekonstantinovskom rayone Nizhegorodskoy oblasti v 2021 g. (Report on archaeological excavations on the Mordovian Saradon 1 burial ground in the Dalneye Konstantinovo district of the Nizhny Novgorod region in 2021).* Nizhniy Novgorod – Dal'neye Konstantinovo (in Russian).

Gawrysiak-Leszczynska, W., Musianowicz, K. 2002. In *Archeologia polski* vol. 47, no. 1-2, 287–340 (in Polish).

About the Authors:

Kozlov Dmitry A. Scientific Research Institute of Natural Sciences under the Government of the Republic of Moldova. Tolstoi., atr. 3., Saransk, 430005, Russian Federation; demetriy87@gmail.com

Stavitsky Vladimir V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General History and Social Sciences, Penza State University. V.G. Belinsky. Krasnaya, str. 40, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.054+903.07+903.052 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.128.134

МАТЕРИАЛЫ К ТЕХНОЛОГИИ КУЗНЕЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

©2024 г. Ю.А. Семыкин

В статье представлены результаты металлографических исследований коллекции кузнечной продукции, происходящей из сборов с территории средневекового русского поселения – Березовское, исследованного в 1950-е и в 1990-е гг. в Шигонском районе Куйбышевской области. Памятник исследовался в 1950, 1952–1955 гг. А.Е. Алиховой в составе Куйбышевской археологической экспедиции. В процессе раскопок на поселении были обнаружены остатки наземных и земляночных жилищ, развалы печей с многочисленными железными металлическими шлаками, что свидетельствует о занятии населения производством железа и чугуна. В начале 1990-х годов на поселении сотрудниками САЭ проводились сборы подъемного материала из разрушенного Куйбышевским вдхр. культурного слоя поселения. Результаты металлографических анализов небольшой коллекции кузнечной продукции с Березовского поселения дополняют наши знания об уровне технического развития населения Среднего Поволжья в эпоху Золотой Орды. Анализы были выполнены в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова.

Ключевые слова: археология, история кузнечного производства, Среднее Поволжье, русский поселок.

MATERIALS FOR THE TECHNOLOGY OF SMITHING PRODUCTS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE TERRITORY OF SAMARA REGION

Yu.A. Semykin

The article presents the results of metallographic studies of a collection of smithing products found on the Berezovka medieval Russian settlement, studied in the 1950s in the Shigony district of the Kuibyshev region. The site of the Golden Horde period was studied in 1950, 1952–1955 by A.E. Alikhova, a member of the Kuibyshev archaeological expedition. During the excavations on the settlement, the remains of ground and subterranean dwellings, ruins of furnaces with numerous iron metal slags were discovered, which indicates that the population was engaged in the production of iron and cast iron. In the early 1990s, Samara archaelogical expedition specialists got surface finds from the cultural layer of the settlement destroyed by the Kuibyshev reservoir. The results of metallographic analyses of the collection of smithing products from the Berezovka settlement complement the knowledge about the level of technical development of the population of the Middle Volga region in the Golden Horde period. The analyses were made in the archaeological laboratory of the Ulyanovsk State Pedagogical University.

Keywords: archaeology, history of smithing, Middle Volga region, Russian settlement.

В настоящей статье представлены результаты металлографических анализов коллекции кузнечных изделий, происходящих с территории средневекового Березовского поселения, расположенного на левом берегу р. Уса у с. Берёзовка в Шигонском районе Самарской области. Памятник площадью около 1 кв. км исследовался в 1950, 1952–1955 гг. А.Е. Алиховой в составе Куйбышевской археологической экспедиции (Алихова, 1960, с. 195–209). В результате раскопок на поселении были обнаружены остатки наземных и земляночных жилищ, развалы печей с многочисленными металлическими шлаками, что свидетельствует о занятии населения восстановлением здесь железа и чугуна. На поселении также было обнаружено большое количество общеболгарской и русской круговой керамики. По конструктивным особенностям, а также по преобладанию в жилищах русской керамики и по многочисленным находкам свиных костей (до 24%), исследованные жилища отнесены к русской культуре. О присутствии древнерусского населения на Березовском поселении свидетельствуют также находки типично русских вещей: православных крестов, подвесок-уточек и иных артефактов (Васильев, Матвеева. 1986. – 229 с.). Особый интерес

представляет находка на поселении орудия письма – железного писала, аналогичного найденным в культурных слоях древнерусских городов XII–XIII вв. Такие инструменты письма традиционно применялись в учебных целях для нанесения текстов на восковых досках, а также на берестяных грамотах.

По результатам исследований Березовского поселения А.Е. Алихова обоснованно пришла к выводу о том, что его население было смешанным со значительным присутствием в составе русских. Сам поселок возник в Правобережье современного Самарского Поволжья по воле золотоордынской администрации во 2-й половине XIII в., и существовал в XIV в. (Васильева, 2000, с. 293, 422 с.; Полубояринова, 1978, с. 12–116). Поселение, предположительно, выполняло функцию перевалочного пункта на Великом Волжском пути из центральных районов Волжской Булгарии в золотоордынские города и поселения Нижнего Поволжья.

Археологические материалы с Березовского поселения дали в руки исследователей массу археологических источников для реконструкции различных сторон жизни золотоордынского населения Среднего Поволжья. В том числе с поселения происходят изделия кузнечного производства, микроструктурное исследование которых позволяет дополнить наши знания о технологических особенностях кузнечного производства русского населения Среднего Поволжья золотоордынского периода. В тоже время следует отметить, что технология железообработки у сельского населения эпохи Золотой Орды остается исследованной еще недостаточно полно. Причиной такого положения дел является плохая сохранность железных изделий на золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья.

Кузнечная продукция из раскопок Березовского поселения 1950-х гг., выполненных А.Е. Алиховой, для металлографического исследования нам оказалась недоступна, и в настоящей статье мы опираемся на результаты металлографических анализов артефактов, происходящих из сборов 1990-х гг. с территории памятника.

В недавнем прошлом ряд коллекций кузнечной продукции Нижнего и Среднего Поволжья золотоордынского времени нами были исследованы металлографическими анализами (Недашковский, Семыкин, 2014, с. 31–43).

Это позволяет провести сравнительно-сопоставительный анализ технологии кузнечного производства по отдельным памятникам. Таким образом, результаты металлографических анализов кузнечной продукции Березовского поселения в количестве 10 экземпляров дополняют банк технологических данных по особенностям железообработки золотоордынского населения Среднего Поволжья.

Исследованная металлографически коллекция кузнечной продукциии происходит из разрушенного эрозией культурного слоя Березовского поселения и датируется в пределах второй пол. XIII–XIV вв. Сборы материалов с памятника были выполнены в начале 1990-х гг. сотрудниками археологической лаборатории Куйбышевского госуниверситета. А металлографические анализы были проведены автором публикации в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета на металлографическом микроскопе МИМ-7. Применённая нами методика металлографического исследования соответствовала разработанной в свое время Б.А. Колчиным (Колчин, 1953, с. 259), и практикуемой в металлографической лаборатории ИА РАН. Её описание многократно характеризовалось в отечественной археометаллографической литературе. Метод металлографии, разработанный и адаптированный применительно к археологии Б.А. Колчиным, произвел переворот в исследовании истории черной металлургии и железообработки древности и средневековья (Завьялов, Терехова, 2014, с. 155–161). Методической новеллой в отечественной археометаллографии с некоторых пор стало распределение кузнечных технологий по двум основным группам: I группа включает простые кузнечные технологии, характерные для раннего железного века, без конструктивного сварного соединения железных и стальных частей изделий. II группа состоит из сложных железных и стальных сварных технологических схем, характерных для ремесленного кузнечного производства периода средневековых цивилизаций.

Следует сказать, что, несмотря на незначительный состав металлографически исследованных категорий кузнечного инвентаря, среди них представлены изделия, требующие при изготовлении применения качественного кузнечного сырья и высоких технологий. Это хозяйственные бытовые и специальные ножи

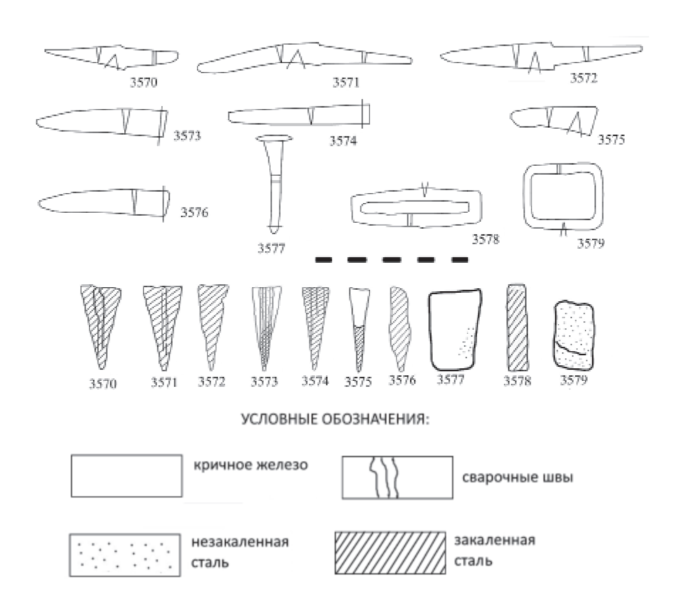

Рис. 1. Кузнечная продукция Березовского поселения прошедшая металлографическое исследование.
Fig. 1. Smithing products from the Berezovka settlement that have run a metallographic study.

(7 экз.), кресала (1 экз.). Лишь два предмета – гвоздь и рамка от пряжки (анализы №№ 8 и 10) при их изготовлении не нуждались в применения специальных сложных технологий.

Сохранность металлографически исследованных кузнечных изделий была различной. Из семи ножей четыре изделия сохранились фрагментарно. У них представлены только лезвия (рис. 1, анализы 3573, 3574, 3575, 3576). У трех ножей сохранность частей орудия оказалась полная (рис. 1, анализы №№ 3570, 3571, 3572). Но на ноже (анализ № 3570) присутствует значительная сточенность лезвия. Однако он оказался достаточным для взятия образца для металлографического анализа.

Типологически нож (анализ № 3571) и лезвие ножа (анализ № 3573), по форме изгиба лезвия, могут быть отнесены к группе инструментов специального назначения. Например, к ножам для раскроя кожи. Ниже рассмотрим результаты металлографических анализов по категориям изделий.

Технология изготовления ножей. На ножах были выявлены три основных технологических схемы ковки ножей: ковка ножей из цельностальных заготовок, ковка из пакетованных заготовок и торцовая наварка стальной полосы на железную основу ножа. Применение ковки из цельностальных заготовок отмечено на 4-х ножах (анализы №№: 3570, 3571, 3572, 3576).

На одном ноже (анализ № 3573) выявлена технологическая схема ковки из пакетного металла, напоминающей картину трехслойного пакета, где в центральную часть лезвия ножа была помещена стальная, пакетованная из отдельных пластин полоска металла. Пакетный блок высокоуглеродистой стали горизонтально расположен в центре клиновидного шлифа. А по краям помещены полоски кричного железа. Конечной операцией при изготовлении этого ножа была резкая закалка на мартенсит. Тем не менее, эта технологическая схема все же отнесена нами к изделиям из пакетного металла. После локальной закалки на кончике клиновидного шлифа здесь образовалась мартенситовая микроструктура, выше плавно переходящая в микроструктуру троостита.

На трех ножах (анализы №№ 3570, 3571, 3576) конечной операцией изготовления была мягкая закалка на сорбит. А на ножах (анализы №№ 3572, 3573, 3574, 3575) была применена резкая закалка на мартенсит.

Три цельностальные заготовки ножей формировались с применением операции кузнечной сварки высокого качества (анализы №№ 3570, 3571, 3572). Следы кузнечной сварки присутствуют также на ножах (анализы №№ 3573 и 3575).

Технологическая схема торцовой наварки цельностальной высокоуглеродистой пластины на основу из кричного железа была выявлена на одном ноже – анализ № 3575. Здесь конечной операцией изготовления ножа была резкая закалка лезвия, в результате чего на кончике лезвия образовалась мелкоигольчатая мартенситовая микроструктура.

Технология изготовления кресал. Изготовление кресала требовало применения специальной высокотехнологической схемы с применением высокоуглеродистой стали (анализ № 3578). Действительно, кресало оказалось изготовлено из высокоуглеродистой цельностальной заготовки с мягкой закалкой на сорбит.

Технология изготовления крепежного и бытового инвентаря. Два оставшихся исследованных металлографически предмета – гвоздь (анализ № 3577) и пряжка – (анализ № 3579) были откованы из неравномерно науглероженной сырцовой стали, что было целесообразно с учетом их функционального назначения.

Описание результатов анализов

Анализ № 3570. Нож. Подъемный материал (далее – П.М.). На нетравленом поле шлифа заметны многочисленные узкие, вытянутые ковкой шлаковые поля. Металл средней степени прокованности. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на шлифе проявилась однородная картина – светлая микроструктура закаленной стали – сорбита. Заметны светлые чистые продольные сварочные швы. Вывод: нож откован из цельностальной специально приготовленной кузнечной сваркой заготовки. Качество кузнечной сварки – высокое. Конечной операцией изготовления этого ножа была мягкая закалка.

Анализ № 3571. Березовское поселение. Нож. П.М. На нетравленом поле шлифа заметны немногочисленные мелкие и узкие, вытянутые ковкой шлаковые поля. Металл хорошо прокован и освобожден от шлаковых включений. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на шлифе проявилась однородная картина – светлая сорбитовая микроструктура закаленной стали – сорбита. Заметны светлые чистые продольные сварочные швы. Качество кузнечной сварки высокое. Вывод: нож откован из цельностальной специально приготовленной кузнечной сваркой заготовки. Конечной операцией изготовления этого ножа была мягкая закалка.

Анализ № 3572. Березовское поселение. Нож. П.М. На нетравленом поле шлифа заметны немногочисленные мелкие и узкие, вытянутые ковкой шлаковые поля. Металл средней степени прокованности. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на шлифе проявилась однородная картина – мелкодисперсная мартенситовая микроструктура закаленной стали. Вывод: нож откован из цельностальной специально приготовленной высокоуглеродистой заготовки. Конечной операцией изготовления этого ножа была резкая закалка.

Анализ № 3573. Березовское поселение. Нож. П.М. На нетравленом поле шлифа заметны узкие, длинные, вытянутые ковкой шлаковые поля. Металл средней степени прокованности. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на шлифе проявилась мелкодисперсная мартенситовая микроструктура закаленной стали. Вывод: нож откован из цельностальной специально приготовленной высокоуглеродистой заготовки. Конечной операцией изготовления этого ножа была резкая закалка.

Анализ № 3574. Березовское пос. Нож. П.М. На нетравленом поле шлифа наблюдаются узкие вытянутые ковкой шлаковые поля и неметаллические включения. Металл средней степени прокованности. После травления на поле шлифа проявилась микроструктура закаленной стали. В верхней части клиновидного шлифа локализована микроструктура сорбита. В нижней части шлифа располагается микроструктура мелкоигольчатого мартенсита. На поле шлифа сверху вниз в его центральной части наблюдаются несколько параллельно идущих светлых сварочных швов. Вывод. Нож откован из цельностальной высокоуглеродистой заготовки, приготовленной кузнечной сваркой. Качество кузнечной сварки высокое. Конечной операцией при изготовлении ножа была резкая локальная закалка.

Анализ № 3575. Березовское поселение. Нож. П.М. На нетравленом поле шлифа в верхней клиновидной его части заметны многочисленные крупные грубой формы шлаковые поля. В нижней части шлифа шлаков мало. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на всем поле шлифа проявилась неоднородная картина. В верхней части шлифа наблюдается микроструктура феррита. В нижней части шлифа располагается зона троостито-мартенистовой микроструктуры, отделенной от верхней зоны феррита светлым сварочным швом хорошего качества. Вывод: нож изготовлен с применением технологии торцовой кузнечной наварки цельностальной специально приготовленной пластины на основу из кричного железа. Качество кузнечной сварки высокое. Конечной операцией изготовления этого ножа была резкая локальная закалка.

Анализ № 3576. Березовское поселение. Нож. П.М. На нетравленом поле шлифа заметны многочисленные крупные, грубой формы шлаковые поля. Металл прокован слабо. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на всем поле шлифа проявилась однородная картина – светлая сорбитовая микроструктура закаленной стали – сорбита. Вывод: нож откован из цельностальной специально приготовленной кузнечной сваркой заготовки. Конечной операцией изготовления этого ножа была мягкая закалка.

Анализ № 3577. Березовское поселение. Гвоздь. П.М. На нетравленом поле шлифа наблюдаются многочисленные мелкие шлаковые и неметаллические включения. Металл сильно засорен шлаками и плохо прокован. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на всем поле шлифа проявилась плохо травящаяся ферритовая микроструктура кричного железа. В отдельных участках шлифа наблюдаются участки феррито-перлита. Вывод: гвоздь откован из заготовки слабо прокованного кричного железа со следами непреднамеренного науглероживания.

Анализ № 3578. Березовское поселение. Кресало. П.М. На нетравленом поле шлифа наблюдаются мелкие и среднего размера многочисленные шлаки. неправильной формы. Шлаков много. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на всем поле шлифа проявилась сорбитовая микроструктура. Присутствует небольшой участок феррито-перлитовой микроструктуры. Вывод: кресало отковано из цельностальной заготовки. Заключительной операцией изготовления кресала была мягкая закалка.

Анализ № 3579. Березовское поселение. Пряжка. П.М. На нетравленом поле шлифа наблюдаются немногочисленные шлаковые и неметаллические включения. Заметны трещины. После травления 3% раствором азотной кислоты в этиловом спирте на всем поле шлифа проявилась феррито-перлитовая микроструктура кричного железа. На шлифе также заметен участок светлого сварочного шва. Вывод: пряжка откована из заготовки неравномерно науглероженной сырцовой стали. В процессе изготовления пряжки применена технология кузнечной сварки, выполненной некачественно.

В качестве сравнительного материала целесообразно привлечь результаты металлографических анализов кузнечной продукции, происходящей с памятников золотоордынского периода Среднего и Нижнего Поволжья: Хмелевского и Багаевского поселений в Саратовской области, Барбашинского могильника (г. Самара), Торецкого поселения и города Болгара (респ. Татарстан), а также из древнерусских городов: Новгорода, Пскова, Твери (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007).

Из 23 металлографически исследованных ножей с Хмелевского поселения 12 (более 52,2%) изделий оказались откованы из цельностальных заготовок. Только на трех изделиях с Хмелевского поселения выявлена технологическая схема пакетного металла. И на одном ноже встречена технологическая схема торцовой наварки стальной пластины на основу из кричного железа. При этом термообработка – мягкая закалка, на ножах Хмелевского поселения достигает более 52,2%.

На 3 из 7 исследованных металлографически ножах из Барбашинского могильника отмечена ковка из цельностальных заготовок, что составило 42,9%. В Барбашинском могильнике ножей с технологией пакетного металла и с торцовой наваркой не выявлено.

В Барбашинской коллекции исследованы три кресала, и на двух из них отмечена технологическая схема ковки из цельностальных заготовок. Одно из этих кресал прошло мягкую закалку. На третьем кресале из этого памятника была выявлена технологическая схема торцовой наварки стальной пластины на основу из неравномерно науглероженной сырцовой стали с последующей резкой закалкой.

В исследованной металлографически коллекции, происходящей из Торецкого поселения, кресал не встречено. Среди 4 исследованных ножей в одном случае встречена технологическая схема пакетного металла и в одном - торцовая наварка с термообработкой.

Значительный интерес представляет сравнение результатов металлографических анализов кузнечных изделий Березовского поселения с результатами аналитических исследований кузнечной продукции города Болгара, основная часть которой датируется золотоордынским периодом. На ножах из Болгара технологические схемы ковки из цельностальных и пакетованных заготовок применялись и составили 10% и 15% соответственно. Более 52,2% ножей из Болгара были откованы с применением технологий, относящихся к I технологической группе, и 42,5% ножей изготовлены в технологиях II технологической группы, то есть с конструктивным железо-стальным соединением частей способом кузнечной сварки. А вот в технологиях изготовления кресал Болгара наблюдается сходство, как с технологиями изготовления кресал Березовского поселения, так и Барбашинского могильника.

Не менее интересно провести сравнение кузнечного арсенала древнерусского Березовского поселения с технологией кузнечной продукции древнерусских городских центров – Новгорода, Пскова и Твери, датируемых

XIII–XV вв. На ножах Новгорода 30% изделий были изготовлены в технологиях I технологической группы, в том числе из цельностальных и пакетованных заготовок (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007, с. 31, табл. 2). В технологиях II технологической группы в Новгороде были откованы 70% ножей (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007, с. 31, табл. 2). При этом ножи с технологической схемой торцовой наварки стальной пластины на мягкую (железную и малоуглеродистую сырцовую основу) в этой коллекции составили превалирующие 35%. В коллекции из Пскова ножи I технологической группы составили 48,9% (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007, с. 39, табл. 3).

Среди них ножи, откованные из цельностальных и пакетованных заготовок, составили соответственно по 6,3% и 5,5%. В технологиях II технологической группы в Пскове были откованы 51,1% ножей. При этом ножи с технологической схемой торцовой наварки стальной пластины на мягкую (железную и малоуглеродистую сырцовую основу) в коллекции составили 35%, занимая второе место после боковой наварки (28,3%).

И весьма интересным оказалось сравнение технологического арсенала ковки ножей Твери и Березовского поселения. В Твери ножи I технологической группы составили 42,4% (Завьялов, Розанова. 2007. – с. 45, табл. 4). Среди них ножей, откованных из цельностальных и пакетованных заготовок, оказалось соответственно по 18,2% и 9,9%. В технологиях II технологической группы в Твери были откованы 57,8% ножей. Ножей с технологической схемой торцовой наварки стальной пластины на мягкую (железную и малоуглеродистую сырцовую основу) в коллекции было отковано 36,7%, то есть, занимало ведущее место.

По результатам аналитических исследований подведем предварительные итоги. Кузнецы, снабжавшие своей продукцией население Березовского поселения, использовали как простое кричное железо, сырцовую сталь, так и высокоуглеродистую сталь. Следует отметить в целом достаточно высокий уровень качества выполнения кузнечной сварки и термообработки, рациональный подбор кузнечного сырья, а также режим горячей и холодной ковки.

Технология кузнечной продукции Березовского поселения находит близкие аналогии в железообработке как городских центров Древней Руси, так и в железообработке золотоордынского населения Среднего и Нижнего Поволжья. Обращает на себя внимание тот факт, что основная часть исследованных металлографически ножей – 6 экземпляров, относится к I технологической группе. Только один нож представляет II технологическую группу. Это косвенно может свидетельствовать о сохранении у кузнецов Березовского поселении консервативных технологически традиций. Для более убедительных выводов необходимо увеличить источниковую базу образцов аналитических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Русский поселок XIII–XIV веков у села Березовка // Труды Куйбышевской археологической экспедиции Т. III / МИА. №80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 195–209.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1986. 232 с.

Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред.: И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 293–346.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Борис Александрович Колчин: металлография на службе археологии // РА. 2014. № 4. С. 155–161.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Недашковский Л.Ф., Семыкин Ю.А. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с Золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаевского селищ) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 31–43.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.

Семыкин Ю.А. Черная металлообработка в Болгаре // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 88–153.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства мордовского населения Среднего Поволжья в золотоордынский период (по данным металлографических исследований кузнечной продукции Барбашинского могильника) // Сташенков Д.А. Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. С. 174–191.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства населения раннего Казанского ханства (по результатам металлографического исследования изделий из черного металла Торецкого поселения) // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 139–161.

Информация об авторе:

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и культуры ОГАУК «Ленинский мемориал», доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск, Россия); semiku@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 195–209 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1986. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya (At the Origins of the History of the Samara Volga Region)*. Kuybyshev: “Kuybyshevskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 2000. In Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh’ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov’e. (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times (Early Iron Age and Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 293–346 (in Russian).

Zavyalov, V. I., Terekhova, N. N. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 155–161 (in Russian).

Zavyalov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2007. *Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva (Russian blacksmithing in the Golden Horde and Moscow state periods)*. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol’skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus’ (Pre-Mongol Period))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Semykin, Yu. A. 2014. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 156. Book 3. 31–43 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

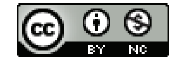
Semykin Yu.A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 88–153 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2008. In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Period of life in Samara).* Saratov: “Novy Veter” Publ., 174–191 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual’nye voprosy arkheologii Povolzh’ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students’ Archaeological Group in the Kazan University).* Kazan: “IaZ” Publ, 139–161 (in Russian).

About the Author:

Semykin Yury A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History and Culture of the OGAUK "Lenin Memorial". Lenin str. 1, Ulyanovsk, 432000, Russian Federation; Associate Professor of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov. Lenin sqr., 4, Ulyanovsk, 432011, Russian Federation; semiku@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.135.146

МОРДОВСКАЯ ОКРУГА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА НАРУЧАДЬ[1]

© 2024 г. В.В. Ставицкий, С.В. Белоусов

В ближнюю округу входят сельские поселения, расположенные в дневной доступности от города, информация о которых нам известна в основном по материалам могильников, оставленных их жителями. Из мордовских поселений раскопками исследовано только селище «Полянки». Также к городской округе относятся мордовские могильники: Казбек, Абашевский, Акимовщинский, Паньжинский, На городской территории исследован Старосотенском могильник, захоронения на котором совершались еще в домонгольское время. Остальные памятники, видимо, появились на данной территории в результате перемещения населения, вызванного монгольским нашествием, после стабилизации внутриполитической остановки. Место для города, вероятно, было выбрано с учетом плотности сельского населения, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение продуктами питания ордынской администрации и городских ремесленников. Возникновение города не оказало существенного воздействия на население мордовской округи, которое продолжало широко культивировать домашние промыслы и довольно слабо было вовлечено в товарно-денежные отношения. Подавляющая часть керамической посуды и железных изделий изготавливалась сельскими мастерами, городские ремесленники снабжали село в основном ювелирными украшениями. В городе в основном были сосредоточены административные функции.

Ключевые слова: археология, средневековый город, Наручадь, городская округа, Золотая Орда, мордва, ремесло, товарно-денежные отношения.

MORDOVIAN DISTRICT OF THE GOLDEN HORDE CITY OF NARUCHAD[2]

V.V. Stavitsky, S.V. Belousov

The nearest surroundings includes rural settlements located within a day's walk from the city, the information about which is known mainly from the materials of burials left by their inhabitants. Of the Mordovian settlements, only the Polyanki settlement has been excavated. Mordovian burial grounds also belong to the urban area: Kazbek, Abashevo, Akimovshchina, Panzha, Staraya Sotnya, where burials were made back in pre-Mongol times. The other sites, apparently, appeared on this area as a result of population displacement caused by the Mongol invasion, after the stabilisation of the internal political situation. The location for the city was probably chosen taking into account the density of the rural population in order to ensure an uninterrupted supply of food to the Horde administration and urban artisans. The emergence of the city did not have a significant impact on the population of the Mordovian district, which continued to widely cultivate domestic crafts and was rather poorly involved in commodity-money relations. The overwhelming majority of pottery and ironware were made by rural craftsmen, urban artisans supplied the village mainly with jewelry. Administrative functions were mainly concentrated in the city.

Keywords: archaeology, medieval town, Naruchad, urban district, Golden Horde, the Mordvins, crafts, commodity-money relations

Целью нашего исследования является изучение сельской округи золотоордынского города Наручадь, название которого известно по летописным и нумизматическим источникам и который являлся административным центром области Мохши (Пигарев, 2022).

К городской округе средневекового города обычно относят близлежащие территории, связанные с ним административно и экономически. Сельская округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья обладала развитыми сельским хозяйством и промыслами,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, https://rscf.ru/project/22-18-20015/

[2] The research was financially supported by RSF (РНФ) grant No. 22-18-20015, https://rscf.ru/project/22-18-20015/

способными частично обеспечивать города продуктами питания и ремесленным сырьем. Село снабжалось через города ремесленной продукцией (поливной и неполивной керамикой, стеклянными и чугунными изделиями, предметами из черного и цветного металла) и дорогими привозными товарами (вино, парча, шелк) (Недашковский, 2011, с. 3, 8–9).

Представления о размерах подобной округи достаточно широко варьируются в работах различных исследователей. По наблюдениям Л.Ф. Недашковского, территории вокруг крупнейших городищ золотоордынского времени начинают соприкасаться с радиуса в 60 км, что составляло два-три дня пути (Недашковский, 2013, с. 119). Н.Н. Грибовым зафиксировано два района концентрации сельских поселений в средневековой округе Нижнего Новгорода, один из которых составляет в поперечнике 70 км, второй – 200 км (Грибов, 2007; 2021, с. 165). На основе археологических данных и сведений из переписной книги Шелонской пятины А.Я. Дегтярев пришел к выводу, что в округе средневекового Новгорода существовало две территориальные зоны, плотность сельского населения в пределах которых варьировалась примерно вдвое. К ближней, сравнительно густо населенной зоне относились селища, расположенные в радиусе 20 км, жители которых могли посетить город и вернуться домой в течение светового дня, а к дальней – селища в радиусе 40 км, крестьяне которых, посетив город, вынуждены были остаться в нем на ночевку (Дегтярев, 1982, с. 148). Радиусом дневной доступности в 20 км З.Г. Шакиров определяет сельскохозяйственную округу Биляра (Шакиров, 2014, с. 39). Исходя из вышеназванных критериев к ближней округе города Наручадь можно отнести селища «Полянки», Потодеевское, Красный Восток, могильники Абашевский (Беднодемьяновский), Казбек, Паньжинский и Акимовщинский, которые расположены в радиусе 20–25 км (рис. 1).

По мнению ряда авторов, город Наручадь возник на месте сельского мордовского поселения, которое существовало здесь в домонгольское время. В пользу данной точки зрения обычно приводятся разрозненные находки из окрестностей современного Наровчата, хранящиеся в местном краеведческом музее, а также ранние захоронения Старосотенского могильника (Белорыбкин и др., 2021, с. 172; Белоусов, Ставицкий, 2022). Исследователь Старосотенского могильника А.Е. Алихова датировала его материалы XIII–XIV вв., не давая при этом ответа на вопрос: совершались ли на могильнике захоронения в домонгольское время (Алихова, 1948, с. 225), что неудивительно, поскольку большинство артефактов, бытовавших в первые десятилетия XIII века, использовались и во второй половине данного столетия. В недавней статье В.И. Вихляев и Е.Н. Кемаев предложили ограничить время бытования сюльгам с лопастями шириной от двух до трех значений диаметра кольца XII в., а сюльгам с лопастями шириной от трех до четырех значений диаметра – XIII в. (Вихляев, Кемаев, 2019, с. 111–113, рис. 1: 3–8). Подобные сюльгамы присутствуют в восьми погребениях: 4, 6, 10, 18, 19, 22, 25, 30 Старосотенского могильника из раскопок 1927 г. (Алихова, 1948, с. 225–241, табл. II: 22, 23). Однако сюльгамы с узкими лопастями продолжают эпизодически встречаться в погребениях ряда могильников, возникших после переселения мордвы на новые территории в золотоордынское время: Аткарского (Монахов, 1991, с. 175, рис. 5: 13, 15), Бокинского (Андреев, 2020, с. 155, рис. 2: 2, 5, 6, 14, 25, 26), 2-го Усинского (Васильева, 1993, с. 72–73, рис. 4: 8, 9; 5: 23–24, 26–31), Муранского (Гисматулин, 2021, с. 184, рис. 1: 3; Алихова, 1954, рис. 8: 22), Кузькинского (Сташенков, 2019, рис. 7: 7). Более надежным хронологическим индикатором домонгольского периода являются пластинчатые «усатые» перстни, которые по материалам древнерусских памятников датируются концом X – началом XII в. (Недошивина, 1967, с. 257–258). В монографии М.В. Седовой приведены два подобных перстня из новгородских слоев первой половины XI в., однако период их бытования со ссылкой на публикацию Н.Г. Недошивиной указан: с конца X по начало XIII в. (Седова, 1981, с. 130), что, вероятно, является опечаткой, которая оказалась растиражирована рядом авторов. В перечисленных выше мордовских могильниках, где имеются погребения только золотоордынского времени, находки подобных перстней неизвестны. В Старосотенском могильники «усатые» перстни зафиксированы в погребениях 18 и 19, еще один перстень имеется среди подъемного материала. В обоих погребениях присутствуют только ранние формы узколопастных сюльгам (Алихова,

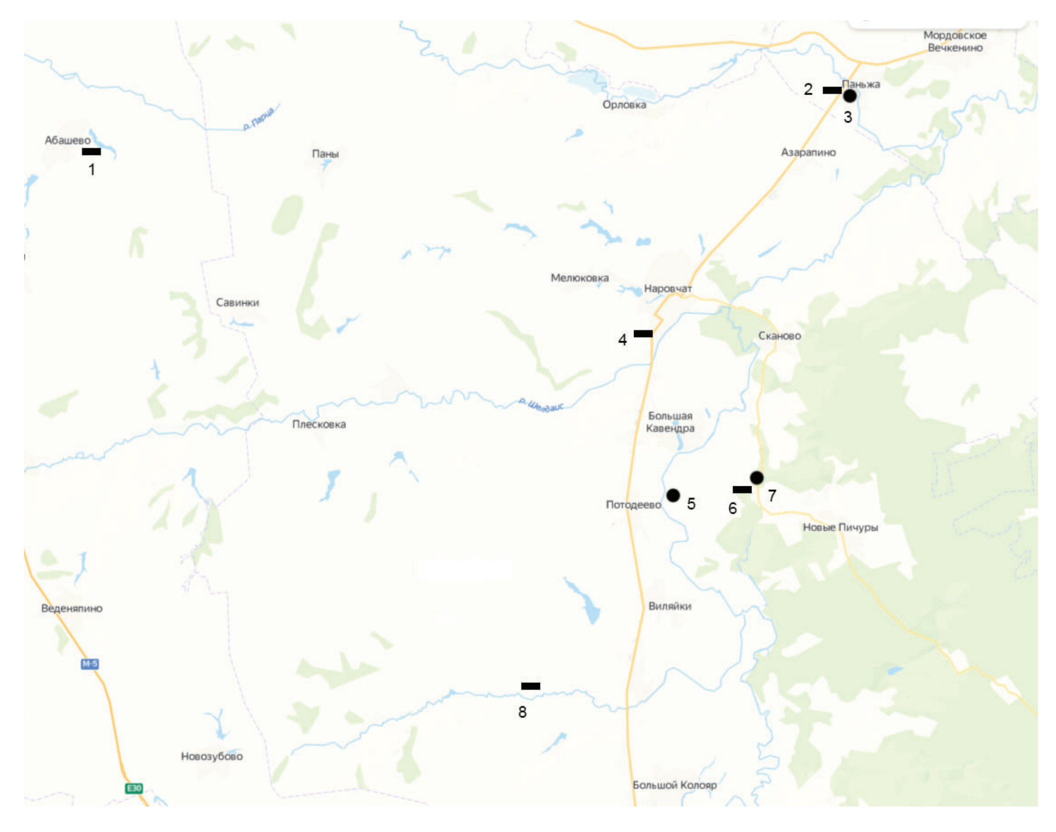

Рис. 1. Карта памятников городской округи. 1 – Абашевский могильник; 2 – Паньжинский могильник; 3 – селище «Полянки»; 4 – Старосотенский могильник; 5 – Потодеевское селище; 6 – могильник Казбек; 7 – селище «Красный Восток»; 8 – Акимовщинский могильник.
Fig. 1. Map of the urban district sites. 1 – Abashevo burial ground, 2 – Panzha burial ground, 3 –"Polyanki" settlement, 4 – Staraya Sotnya burial ground, 5 – Potodeyevo settlement, 6 – Kazbek burial ground, 7 – "Krasny Vostok" settlement, 8 – Akimovshchina burial ground.

1048, с. 222, табл. II: 24). Следовательно, в домонгольское время захоронения на Старосотенском могильнике совершались.

Однако следует иметь в виду, что в начале XII в. территория Верхнего Примокшанья становится местом булгарской экспансии, о чем свидетельствует появление в регионе ряда городищ и селищ с красно-коричневой гончарной керамикой: Жуковских 1–3, Вышинских 1–3, Кармалейского, Большеполянского, Котельского, Коповских 1–2, Рахмановского, Попова поляна, Скановского, которые, по мнению Г.Н. Белорыбкина, «четко обозначили южную границу распространения памятников мордвы» (Белорыбкин, 2003, с. 36). Исходной территорией данной экспансии было Верхнее Посурье, где распространение булгарских памятников относится к более раннему времени, и его итогом стала ассимиляция местного мордовского населения, что нашло отражение в прекращении захоронений на мордовских могильниках. Примерно такая же картина наблюдается на территории Верхнего Примокшанья, где прекращает функционировать мордовский могильник у с. Кармалейка.

Кроме того, монгольское нашествие 1236–1342 гг. привело к значительным миграциям населения Примокшанья. На большинстве мордовских могильников в этот период прекращается совершение захоронений, которое на некоторых некрополях так и не было возобновлено. По подсчетам Г.Н. Белорыбкина, из 46 памятников домонгольского времени в Среднем Примокшанье осталось только 17 (Белорыбкин, 2003, с. 37). Вместе с тем в золотоордынское время возникает ряд новых могильников, и в том числе четыре памятника в окрестностях Наровчата, что свидетельствует о существенной перегруппировке местного населения (Ставицкий, 2022). По всей вероятности, в эти процессы было вовлечено и население Старосотенского могильника. На данный факт, возможно, указывает наличие пяти погребений, которые были нарушены при совершении новых захоронений (Алихо-

ва, 1948, с. 243–246). При последовательном совершении погребений на мордовских могильниках, существовавших сравнительно недолго и непрерывно, такое случается редко.

В монографии «Средневековый город Мохши» было высказано предположение, что одним из ближайших мордовских поселений было Потодеевское селище, куда в конце XIII века, поближе к торговой дороге, ведущей в город, переселились жители селища «Красный Восток» (Белорыбкин и др., 2021, с. 146). Однако среди собранной на селище керамики преобладают фрагменты красноглиняной гончарной посуды, более характерной для булгарского населения. Лепная мордовская керамика тоже встречается здесь, но она может относиться и к домонгольскому времени, артефакты которого также присутствуют на данном памятнике. О наличии здесь в XIV веке представителей мордовской культуры свидетельствует только находка сюльгамы с трехгранными лопастями и насечками у их основания. Однако подобная находка здесь единична, в то время как на мордовских памятниках сюльгамы относятся к наиболее распространенной категории металлических предметов. Зато присутствует такой красноречивый элемент булгарской городской культуры, как железный замок, не имевший распространения на известных нам мордовских памятниках Примокшанья (Белорыбкин, 2003, с. 111–118; Вихляев и др., 2013). Судя по обилию на Потодеевском селище золотоордынских монет, его жители были тесно вовлечены в товарно-денежные отношения с населением города Наручадь.

На наш взгляд, булгарскому населению принадлежало и селище «Красный Восток», где также преобладает красноглиняная гончарная керамика, найден ключ от замка, а находки сюльгам отсутствуют вовсе. Причем большинство найденных здесь предметов относятся к домонгольскому времени. О том, что население селища пережило монгольское нашествие, свидетельствует только единичная находка золотоордынской монеты, относящаяся к 70-м годам XIII века (Белорыбкин и др., 2021, с. 137–139).

По-видимому, расположенный рядом с селищем мордовский могильник «Казбек» появился здесь только после того, как поселение было оставлено его жителями. Данный могильник был открыт и частично исследован А.А. Спицыным. В его отчете, опубликованном в издании Императорской археологической комиссии, говорится, что «могильник оказался сильно перерытым, но все же здесь отыскано и вскрыто до 15 погребений, более или менее целых». По аналогии с материалами Пичпандинского могильника, в котором А.А. Спицыным были найдены золотоордынские монеты, могильник «Казбек» был датирован XIV веком (Спицын, 1894, с. 47). В 1938 г. на могильнике шесть погребении было вскрыто А.Е. Алиховой, в 1964 г. одно погребение – М.Р. Полесских, в 1988 г. четыре погребения – А.В. Растороповым (Ставицкий, 2022, с. 155). Полностью опубликованы только материалы разрушенного погребения, расчищенного В.А. Винничеком. По литым сюльгамам с трехгранными лопастями погребение датируется XIV веком. Эту дату подтверждает и монета хана Джанибека 747 г. х. (1346/1347 гг.), найденная на площади могильника (Белорыбкин и др., 2021, с. 144–146, рис. 104–105). Этим же веком по находкам лопастных сюльгам датировал вскрытое им погребение М.Р. Полесских (Ставицкий, 2008, с. 114). А.Е. Алихова допускала возможность, что некоторые из исследованных ею погребений могли относиться ко второй половине XIII века (Алихова, 1938). Из четырех захоронений, раскопанных А.В. Растороповым, два не содержали инвентаря. В погребении № 1 был найден лепной сосуд мисковидной формы, проволочная сюльгама со слабо раскованными лопастями и пряслице, в погребение № 4 – железный рыболовный крючок, железная пряжка и кольца, две костяные пластины с нарезками. Жителями села были переданы вещи, найденные на площади могильника: обломок бронзового плетеного браслета и кольцевые сюльгамы с завернутыми концами. Данные предметы преимущественно датируются XII–XIV веками. Близкие аналоги им имеются в материалах Паньжинского могильника (Степанов, 1959, с. 198–200, табл. 79, 80).

Из поселенческих памятников наручадской округи бесспорно мордовским является селище «Полянки», расположенное в 10 км к северу от Наровчата. Памятник был полностью исследован Е.И. Горюновой, в результате чего было вскрыто 1600 кв. м, раскопано шесть полуземлянок, в которых могло проживать около 40 человек. По её наблюдениям, близость золотоордынского города очень мало

отразилась на быте местной мордвы, поскольку большая часть найденных на селище предметов относится к изделиям домашнего ремесла. Керамика лепная, но в ряде случаев горшки покрыты слоем красной киноварной краски в качестве подражания гончарной золотоордынской посуде. По подсчетам А.А. Беговаткина, менее 10% керамики относится к типичной золотоордынской красноглиняной гончарной посуде, которую он датировал XIV–XV вв. (Беговаткин, 2017, с. 301–302) В культурном слое селища зафиксировано много шлаков и железных криц, что свидетельствует о местном производстве металла из залежей болотной руды, из которого, по мнению Е.И. Горюновой, «местные кузнецы выковывали довольно грубой формы топоры, ножи, серпы, шилья, наконечники стрел, иглы, рыболовные крючки и другие предметы, необходимые в домашнем обиходе». Она полагает, что часть железных орудий местные жители получали от татар – это стремена, ножи с красивыми рукоятками и некоторые предметы домашнего быта (Горюнова, 1947, с. 107–108). Судя по описанию Е.И. Горюновой, комплекс собранных здесь вещей заметно отличается от находок с селищ «Красный Восток» и Потодеево преобладанием лепной керамики, отсутствием золотоордынских монет и предметов городского быта.

Поблизости от селища располагался Паньжинский мордовский могильник, на котором, по мнению Е.И. Горюновой и П.Д. Степанова, его жители хоронили своих умерших. На могильнике вскрыто 36 погребений, большинство которых ориентировано головой на юг, но в дневнике П.Д. Степанова дано описание только 34 захоронений (Степанов, 1959). По антропологическим характеристикам четыре костяка принадлежали мужчинам, четыре – женщинам, шесть – детям. Однако по вещевым комплексам, содержащим накосники и пряслица, женских погребений было не менее 10, к ним же, вероятно, относится и еще одно погребение без выразительных вещей, совершенное на боку. Мужские захоронения идентифицируются по положению вытянуто на спине – четыре погребения, которые обычно содержали кресала, реже топоры. Кроме них, кресало и кремень были найдены в одном разрушенном погребении (п. 18), в одном погребении с явным женским комплексом вещей (п. 13) и в одном погребении с женской позой костяка на левом боку, ориентированного головой на север (п. 34). Иная ориентировка последнего погребения, вероятно, свидетельствует о его иноэтничном происхождении, а поза на боку – о зависимом положении. То есть достоверно мужскими на могильнике являются 5–6 погребений, что в два раза меньше женских.

По описанию П.Д. Степанова, на селище и могильнике найдены практически идентичные вещи, однако керамика в погребениях изготовлена на гончарном круге. Причем формы данной посуды «чрезвычайно близки к таковым из селища Полянки» (Степанов, 1959, с. 197). Данный факт весьма необычен, поскольку даже в Муранском могильнике, население которого в повседневной жизни использовало гончарную посуду, в погребениях всегда встречается лепная, изготовленная архаичным способом керамика (Алихова, 1954). При этом на фотографии, приведенной в публикации П.Д. Степанова, часть керамики имеет неровные края и скорее похожа на лепную посуду. Помимо горшков в статье упоминаются четыре плошки, которые изготовлены более тщательно, но только одна из них выполнена на гончарном круге. Также автор отмечает, что в погребении 2 обнаружены фрагменты золотоордынского гончарного сосуда красного обжига, то есть остальную керамику он считает местной (Степанов, 1959, с. 197, табл. 77). О связях с городом свидетельствует находка в одном из погребений золотоордынской монеты с чеканом «Мохши», однако на селище монет не обнаружено (Горюнова, 1947, с. 107). К изделиям городского ремесла на данных памятниках, по-видимому, относятся украшения, изготовленные из серебра и бронзы: серьги в виде колечек с несомкнутыми концами (8 экз.), желудевидная подвеска, серебряная привеска в виде сплющенной коробочки, витой и плетеный браслеты, два серебряных перстня. Три железных пластинчатых браслета, видимо, были выполнены сельскими мастерами. Материалы могильника были датированы П.Д. Степановым XIII–XIV веками, так же как и селище «Полянки» (Степанов, 1959, с. 198–200, табл. 79, 80).

В 25 км к западу от Наровчата на северной окраине с. Абашево расположен Абашевский (Беднодемьяновский) могильник, на котором М.Р. Полесских в 1958 г. было вскрыто 20 погребений, ориентированных головой

на ЮВ и Ю: четыре мужских, двенадцать женских, два детских и два неопределенных. Женские погребения были совершены скорченно на правом боку, мужские – вытянуто на спине. Одно мужское погребение с минимальным набором инвентаря было совершено в скорченном положении на левом боку. Погребения были отнесенных М.Р. Полесских к мордве-мокше и датированы XIV в. (Ставицкий, 2008, с. 92). Как и в большинстве мордовских могильников этого времени, погребения содержат ограниченное количество вещей, два захоронения – безынвентарные. В пяти погребениях была найдена лепная мордовская керамика, причем сосуд из первого погребения был украшен волнистым орнаментом, таким же как орнамент на гончарных золотоордынских сосудах. Почти все женские захоронения содержали сюльгамы, а в мужских погребениях их не было. По-видимому, в этот период лопастные сюльгамы в основном имеют декоративное значение и перестают использоваться в мужской одежде. Данная тенденция фиксируется и на материалах Паньжинского могильника, где единичные находки лопастных сюльгам присутствуют только в одном мужском захоронении (Степанов, 1959, с. 204–205). Подобные сюльгамы отмечены А.Е. Алиховой всего в двух мужских погребениях Муранского могильника (Алихова, 1954, с. 289). В Комаровском могильнике, по наблюдениям К.Ю. Моржерина, лопастные сюльгамы в мужских погребениях в основном содержатся в дарственных комплексах (Моржерин, 2003).

По погребальному обряду и набору инвентаря Абашевский могильник находит близкие аналоги в материалах Паньжинского могильника, а его отличительной особенностью являются находки литых серебряных сюльгам, украшенных чернью и зернью. Подобных находок сюльгам нет еще в могильниках, которые существовали во второй половине XIII века: Татарско-Лакском, Аткарском и Комаровском (Ляхов, 1996; Моржерин, 2013; Белорыбкин, 2007), их наличие в погребениях Абашевского могильника, при малочисленности находок узколопастных сюльгам, свидетельствует о совершении здесь захоронений в XIV в.

Могильник у с. Акимовщина расположен в 16 км к югу от с. Наровчат. Был открыт в 1976 г. М.Р. Полесских, которым были собраны из разрушенных при строительстве плотины вещи: железные топоры с цапфами, наконечники стрел с лопастным пером (рис. 2: 19–22), ножи с притупленной спинкой, пряжки, кресала лировидной и овальной формы (рис. 2: 15–18), железная булава с остатками гвоздя в отверстии, бронзовые и серебряные лопастные сюльгамы (рис. 2: 11–12), в том числе украшенные чернью (рис. 2: 11–12), серебряные щитковые перстни (рис. 2: 3, 5), кольцевые застежки (рис. 2: 1, 2), бронзовый круглодротовый браслет (рис. 2: 10), проволочный плетеный браслет с раскованными концами (рис. 2: 8), пластинчатые браслеты из железа (рис. 2: 6, 7), височное кольцо с завитком (рис. 2: 4) (Ставицкий, 2008, с. 125). В 2001 г. на незадернованной части памятника Г.Н. Белорыбкин при зачистке было вскрыто женское, ориентированное головой на юг погребение, содержащее два серебряных перстня с полыми щитками, один из которых украшен в технике чернения, серебряный пластинчатый браслет, две серебряные и четыре бронзовые литые лопастные сюльгамы, на одной из которых допасти были украшены резным орнаментом. Погребение было датировано XIV в. (Белорыбкин и др., 2021, с. 146–147, рис. 107).

Таким образом, к ближайшей округе г. Наручадь тяготеет ряд мордовских памятников, время бытования которых в основном совпадает с периодом наибольшего расцвета данного города, который приходится на первую половину XIV в. Судя по хронологии данных памятников, большинство из них уже существовало к тому времени, когда сюда был перенесен административный центр из г. Укека, что, судя по появлению монетного двора, произошло в 1309 г. То есть при создании административного центра была учтена плотность заселенности региона, в котором наряду с мордовскими селищами существовали и булгарские. Несколько позже, вероятно, возникли поселения, жителями которых были оставлены Абашевский и Акимовщинский могильники. Их появление могло быть обусловлено необходимостью продовольственного снабжения как золотоордынской администрации, так и ремесленного населения города, которое, по-видимому, могло быть основано как на экономическом интересе, так и внеэкономическом принуждении. Повышенная концентрация сельского населения фиксируется и в округе других

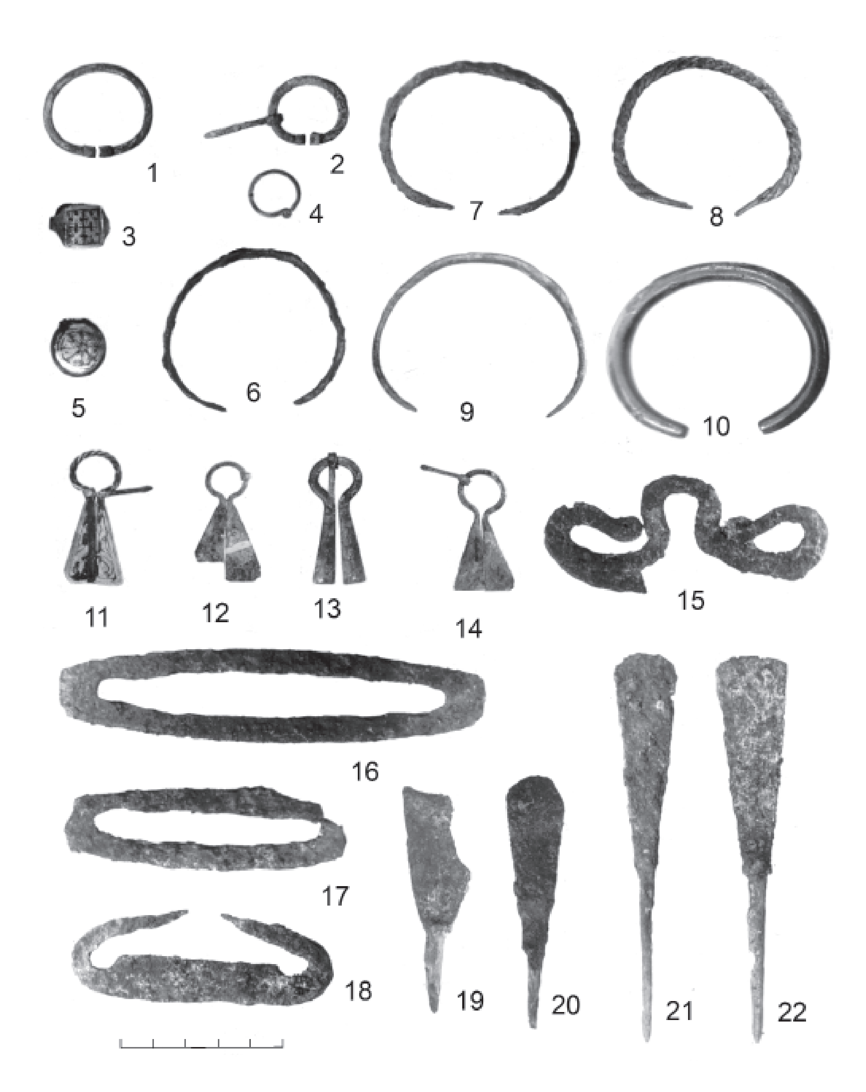

Рис. 2. Могильник Акимовщина. Погребальный инвентарь. 1, 2 – кольцевые застежки; 3, 5 – перстни; 4 – височное кольцо; 7-10 – браслеты; 11-14 – лопастные сюльгамы; 15-18 – кресала; 19-22 – наконечники стрел. 1,2, 4, 8-10,13, 14 – бронза; 3,5, 11, 12 – серебро; 6,7, 15-22 – железо.

Fig. 2. Akimovshchina burial ground. Burial inventory. 1, 2 – ring clasps; 3, 5 – rings; 4 – temple-ring; 7-10 – bracelets; 11-14 – lobed sulgams; 15-18 – fire lighters; 19-22 – arrowheads. 1,2, 4, 8-10,13, 14 – bronze, 3,5, 11, 12 –silver; 6,7, 15-22 – iron.

городов золотоордынского времени (Грибов, 2007; Недашковский, 2013; Шакиров, 2014).

Возникает вопрос: в каких отношениях находилось ремесленное население города с жителями сельской округи? Исследователями Наровчатского городища зафиксировано, что в городе было развито гончарное ремесло, о чем свидетельствуют остатки гончарных горнов, в которых обжигалась красноглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге. Судя по находкам металлических изделий, в г. Наручадь было развито кузнечное и ювелирное ремесло (Белорыбкин и др., 2021). Погребальные традиции мордовского населения предшествующей эпохи предполагали помещение в могилу глиняной посуды, которая присутствует примерно в половине женских погребений, а в мужских встречается эпизодически. Такая посуда зафиксирована в погребениях могильников: Казбек, Абашевского, Паньжинского и Старосотенского. Как правило, это местная мордовская, изготовленная лепным способом керамика. П.Д. Степанов относит посуду Паньжинского могильника к гончарной, однако А.Е. Алихова при обзоре керамики мордовских могильников золотоордынского времени отмечает находки гончарной посуды только в Старосотенском (три погребения) и Куликовском могильниках (1 погребение) (Алихова, 1959, с. 43). К ним следует добавить фрагменты еще одного сосу-

да золотоордынского облика из погребения 2 Паньжинского могильника (Степанов, 1959, с. 197). Впрочем, отсутствие гончарной посуды в погребениях не обязательно является показателем её неиспользования в быту, поскольку лепную посуду нередко специально изготавливали для похорон. С.И. Андреевым даже зафиксировано использование в погребальной практике архаичных форм керамики, давно вышедшей из употребления (Андреев, 2020). Поэтому более показательно наличие гончарной золотоордынской посуды на селище «Полянки», где она составляет менее 10% (Беговаткин, 2017, с. 301–302), что в принципе сопоставимо с количеством такой посуды в погребениях Старосотенского и Паньжинского могильников. Оба памятника являются ближайшими к городу, на более отдаленных селищах гончарную посуду могли использовать реже.

По мнению Е.И. Горюновой, мордовское население покупало в городе и некоторые железные изделия (Горюнова, 1947, с. 107–108). Однако перечисленные её предметы встречаются на мордовских памятниках и до появления в Примокшанье городской инфраструктуры. К тому же в культурном слое селища «Полянки» зафиксированы многочисленные следы железоделательного производства при практически полном отсутствии каких-либо признаков вовлеченности местных жителей в товарно-денежные отношения. Железо производили и на расположенном рядом с городом Потодеевском селище (Белорыбкин и др., 2021), и, по всей видимости, городские кузнецы не обеспечивали своими изделиями даже ближайшую округу. Вероятно, единственным товаром, который пользовался широким спросом сельских жителей, были ювелирные украшения, поскольку после монгольского нашествия оказались нарушены былые пути поступления цветного металла вглубь мордовской территории, что нашло отражение в значительном сокращении как ассортимента, так и количества украшений погребального костюма. Из употребления выходят массивные гривны и бляхи, бронзовая лента на накосниках-пулокерях заменяется тонкой проволокой, в мужских погребениях практически перестают встречаться сюльгамы, вместо бронзовых получают распространение пластинчатые браслеты, изготовленные местными кузнецами из железа. Вместе с тем чаще, чем ранее, в погребениях начинают встречаться украшения, изготовленные из серебра, а в отдельных случаях и из золота. К изделиям городских высококвалифицированных мастеров, вероятно, относятся серебряные украшения, выполненные в технике зерни и чернения, ранее практически не известные на мордовских памятниках. Однако погребения с подобным ассортиментом изделий сравнительно немногочисленны, и наряду с ними чаще начинают встречаться бедные и безынвентарные захоронения. Если в погребениях Ефаевского могильника домонгольского времени практически в каждом мужском погребении имелся топор (Горюнова, 1948), то в проанализированных материалах из могильников городской округи топоры встречаются примерно в каждом пятом погребении. При этом в Паньжинском и Абашевском могильнике зафиксирована явная половая диспропорция – число мужских погребений значительно уступает женским, что, видимо, связано с привлечением мужского населения для участия в военных действиях.

Таким образом, в торгово-ремесленном отношении влияние золотоордынского города Наручадь на мордовскую округу имело достаточно ограниченный характер и не приводило к каким-либо кардинальным изменениям местного хозяйства и быта. В более тесные товарно-денежные отношения, видимо, было вовлечено население окрестных булгарских поселений, что наглядно иллюстрируют материалы Потодеевского селища. Как и в других провинциальных городах Золотой Орды, расположенных не в самой благоприятной для развития торговли местности, в Наручади прежде всего были сосредоточены административные функции, после потери которых город сравнительно быстро утратил свое былое значение.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Материалы Мордовской археологической экспедиции ГИМ 1938 г. под руководством А.Е. Алиховой в Пензенской и Тамбовской обл. // Архив НИИ гуманитарных наук. г. Саранск. И-1335. 18 л.

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 212–258.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.

Алихова А.Е. Из истории мордвы конца 1-го – начала 2-го тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. книжное изд-во, 1959. С. 13–54.

Андреев С.И. Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. №. 2. С. 151–166.

Беговаткин А.А. Археологическая карта России. Республика Мордовия. М.: ИА РАН, 2017. 489 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 200 с.

Белорыбкин Г.Н. Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Изд-во Ин-та истории и права Пензенского государственного педагогического университета, 2007. С. 211‒258.

Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза, 2021. 250 с.

Белоусов С. В., Ставицкий В. В. Проблемные вопросы изучения золотоордынского города Мохши // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 840–850.

Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 58–76.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И. Хронология могильников населения I– XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.

Вихляев В.И., Кемаев Е.Н. Лопастные сюльгамы как этноопределяющий признак средневековой мордовской культуры // Поволжская археология. 2019. №. 4 (30). С. 110–118.

Вихляев В.И., Петербургский И.М., Седышев О.В. Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: Мордовский ун-т, 2013. 216 с.

Гисматулин М.Р. Материалы Муранского могильника в коллекции УОКМ // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 181–189.

Горюнова Е.И. Селище Полянки // КСИИМК. Вып. 15 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 106–110.

Горюнова Е. И. Ефаевский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 112–137.

Грибов Н.Н. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. 2007. №. 221. С. 118–131.

Грибов Н.Н. Сельское окружение русского города эпохи Золотой Орды (по материалам памятников округи Нижнего Новгорода) // Поволжская археология. 2021. №. 2 (36). С. 164–177.

Дегтярев А.Я. О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи // Город и государство в древних обществах / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: ЛГУ, 1982. С. 146–149.

Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII-XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: ТОО «Орион», 1997. С. 79–97.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: СГУ, 1991. С. 167–188.

Моржерин К.Ю. Погребения с дарами из Комаровского грунтового могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории. Тезисы докладов II межрегиональной научной конференции. Саранск, 2003. С. 50–53.

Моржерин К.Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 140–178.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город и его округа: на материалах Нижнего Поволжья. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 42 с.

Недашковский Л.Ф. Методические аспекты исследования комплексов археологических памятников округи крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Поволжская археология. 2013. №. 4 (6). С. 118–129.

Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни / Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 253–274.

Пигарёв Е. М. Формирование на Нижней Волге столичного центра Улуса Джучи в эпоху правления хана Узбека (анализ нумизматического материала) // Археология Евразийских степей. 2022. №. 3. С. 295–303.

Седова М. В. Ювелирные украшения древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Спицын А. А. Производство археологических раскопок в Пензенской и Тамбовской губерниях // Отчет ИАК за 1892 год. Спб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. С. 45–51.

Ставицкий В.В. Археологические изыскания М.Р. Полесских. Пенза, 2008. 175 с

Ставицкий В. В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. №. 6. С. 155–166.

Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 413–432.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Степанов П.Д. Паньжинский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 195–206.

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. №. 2 (8). С. 37–48.

Информация об авторах:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

Белоусов Сергей Владиславович, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); sergbel_1812@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1938. *Materialy Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii GIM 1938 g. pod rukovodstvom A.E. Alikhovoy v Penzenskoy i Tambovskoy obl. (Materials of the Mordovian archaeological expedition of the State Historical Museum in 1938 headed by A.Ye. Alikhova in the Penza and Tambov regions).* Archive of the Research Institute of Humanities. Saransk. I-1335. 18 l (in Russian).

Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. V., Kotkov, K. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 212–258 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 259–301 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People).* Saransk: Mordovian Book Publ., 13–54 (in Russian).

Andreev, S. I. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 151–166 (in Russian).

Begovatkin, A. A. 2017. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Respublika Mordoviya (Archaeological Map of Russia. The Republic of Mordovia).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian)

Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages).* Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2007. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 1. Penza: "PIRO" Publ., 211−258 (in Russian).

Belorybkin, G. A., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichek, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval Town Mokhshi)*. Penza (in Russian).

Belousov, S. V., Stavitsky, V. V. 2022. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (10) 4, 840–850 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: "Artefakt" Publ., 58–76 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiia mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st — 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Typography (in Russian).

Vikhlyaev, V. I., Kemaev, E. N. 2019. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 110–118 (in Russian).

Vikhlyaev,V. I., Peterburgsky, I. M., Sedyshev, O. V. 2013. *Drevnie i srednevekovye poseleniya mordvy (Ancient medieval settlements of the Mordvins).* Saransk: Mordovian State University (in Russian).

Gismatullin, M. R. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 181–189 (in Russian).

Goryunova, E. I. 1947. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 15. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 106–110 (in Russian).

Goryunova, E. I. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. V., Kotkov, K. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 112–137 (in Russian).

Gribov, N. N. 2007. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (221), 118–131 (in Russian).

Gribov, N. N. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 164–177 (in Russian).

Degtyarev, A. Ya. 1982. In *Gorod i gosudarstvo v drevnikh obshchestvakh (City and state in ancient societies).* Leningrad: Leningrad State University, 146–149 (in Russian).

Lyahov, S. V. 1997. In Yudin, A.I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)*. Saratov: "Orion" Publ., 79–97 (in Russian).

Monakhov, S. Yu. 1991. In Mironiov, V. G. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: Saratov State University, 167–188 (in Russian).

Morzherin, K. Yu. 2003. In *Povolzhskie finny i ih sosedi v jepohu rannego srednevekov'ja (problemy hronologii i jetnicheskoj istorii) (The Volga Finns and their Neighbors in the Early Middle Ages (the Issues of Chronology and Ethnic History)).* Saransk, 50–53 (in Russian).

Morzherin, K. Yu. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 140–178 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2011. *Zolotoordynskiy gorod i ego okruga: na materialakh Nizhnego Povolzh'ya (The Golden Horde city and its districts: based on materials from the Lower Volga region)* Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 118–129 (in Russian).

Nedoshivina, N. G. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 253–274 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 295–303 (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Yuvelirnye ukrasheniya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of ancient Novgorod (X–XV centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1894. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1892 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission from 1892),* 45–51 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2008. *Arkheologicheskie izyskaniya M.R. Polesskikh (Archaeological studies by M.R. Polesskikh)*. Penza (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 155–166 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 413–432 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Samara period of life).* Saratov: "Novyy veter" Publ. (in Russian).

Stepanov, P. D. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People).* Saransk: Mordovian Book Publ., 195–206 (in Russian).

Shakirov, Z. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 37–48 (in Russian).

About the Authors:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Belousov Sergey V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; sergbel_1812@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 562/569 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.147.158

НАХОДКА ВОСТОЧНОЙ СТЕКЛЯННОЙ ЛАМПЫ НА ОСТОЛОПОВСКОМ СЕЛИЩЕ XI–XII ВВ.

© 2024 г. Е.К. Столярова, К.А. Руденко

Статья посвящена стеклянной лампе, от которой сохранилась ручка-петелька, найденная на территории Остолоповского булгарского селища, расположенного в нижнем течении одного из притоков Камы. С 1955 г. селище интенсивно размывается Куйбышевским водохранилищем. В период расцвета этого поселения, во второй половине XI – начале XII в., на селище функционировало несколько достаточно крупных усадеб. В подъемном материале размытой части одной из них был обнаружен фрагмент лампы. Традиционно такие предметы относят к так называемым *лампам для мечетей*, к ранней группе, датируемой IX–XI вв. Привлечение аналогичных предметов, надежно датированных археологически, позволило уточнить датировку этого типа, а также поднять вопрос о правомерности использования для этой группы названия *лампы для мечетей* в связи с использованием их в освещении не только мусульманских общественных зданий, таких как мечети и медресе, но и христианских храмов. Присутствие подобной находки на Остолоповском селище, скорее всего, может быть объяснено торговым характером памятника, так как селище было одним из пунктов на пути из центральных районов булгарского государства, прежде всего, столичного города Биляра, к торговым факториям на Каме и ее притоках.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Остолоповское селище, восточная стеклянная лампа.

DISCOVERY OF AN ORIENTAL GLASS LAMP ON THE OSTOLOPOVO SETTLEMENT OF THE XI–XII CENTURIES

E.K. Stolyarova, K.A. Rudenko

The article is dedicated to a glass lamp, from which a loop handle was preserved, found on the the Ostolopovo Bolgar settlement, located in the lower part of one of the tributaries of the Kama river. Since 1955 the settlement has been intensively eroded by the Kuibyshev Reservoir. During the heyday of this settlement, in the second half of the XI – beginning of the XII century, several rather large homesteads existed on the settlement. A fragment of a lamp was found among the surface finds of the eroded part of one of them. Traditionally, such items are attributed to the so-called mosque lamps, an early group dating from the IX–XI centuries. The application of similar objects, reliably dated archaeologically, made it possible to clarify the dating of this type, as well as to raise the question of the legitimacy of using the name of "mosque lamp" for this group in connection with their use in lighting not only Muslim public buildings, such as mosques and madrasas, but also Christian churches. The presence of such a find on the Ostolopovo settlement can most likely be explained by the trading character of the site, as the settlement was one of the points on the way from the central regions of the Volga Bolgaria, primarily the capital city of Bilyar, to the trading factories on the Kama and its tributaries.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Ostolopovo settlement, oriental glass lamp.

В фондах Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника хранится стеклянный предмет[1], обнаруженный в 1986 г. М.М. Кавеевым на территории Остолоповского булгарского селища в ходе производимых им сборов (Руденко, 2021, с. 68, рис. 2: 17). Селище располагается в нижнем течении одного из притоков Камы. С 1997 по 2017 гг., практически без перерывов, памятник изучался раскопками под руководством одного из авторов. Работы были обусловлены прежде всего тем, что с 1955 г. селище интенсивно размывается Куйбышевским водохранилищем. К началу XXI в. более половины площади поселения было разрушено (Usmanov et al., 2021, p. 6, fig. 4).

Анализ материалов раскопок и сборов подъемного материала позволил установить, что селище существовало в конце X – второй половине XII в., а период расцвета относится ко второй половине XI – началу XII в. В это время на селище функционировало несколько

достаточно крупных усадеб, одна из которых, занимавшая в период существования поселения центральную часть, а теперь находящаяся в северо-западной части останца надлуговой террасы, получила название «северная».

На ее территории были обнаружены почти все известные на этом поселении монеты и отливки с монет (Руденко, 2017, рис. 8: 1–5, 7, 8). В основном это бувейхидские дирхемы, чеканившиеся в конце X в. (Руденко, 2002, рис. 7: 5). Одна из монет, выпущенная от имени эмира Абу Талиба во время правления халифа ат-Та'и в 990-х годах, была обнаружена в заполнении хозяйственной постройки (яма № 1, раскоп VI, 2000 г., выборка 2) усадьбы «северная» (Руденко, 2001, л. 18). Дневной уровень этого сооружения приходится на III ранний слой стратиграфической шкалы селища, датированный началом – первой половиной XI в. Помимо монет на селище обнаружены рубленые кусочки весового серебра (Руденко, 2002, с. 40, 52, рис. 7: 3, 4), которые в XI в. начинают активно использоваться в торговых операциях. Монеты и весовое серебро позволяют датировать усадьбу XI в. На рубеже XI–XII вв. она подверглась разгрому.

В подъемном материале размытой части этой усадьбы и был обнаружен рассматриваемый стеклянный предмет. Находка представляет собой фрагмент ручки-петельки сосуда в виде прикрепленного к стенке тулова ее нижнего конца и оттянутого от него слегка изогнутого и обломанного дрота (рис. 1). Конец имеет плоскую овальную форму с заострением вверху, дрот гладкий овального сечения. Длина конца ручки составляет 3,4 см, ширина – 2,76 см, толщина – 0,46 см. Ширина дрота 0,48 см, толщина – 0,36 см. Толщина стенки тулова 0,09 см. Ручка выполнена из прозрачного стекла синего цвета, а тулово – из прозрачного бесцветного. В верхней части конца присутствует длинная горизонтальная вмятина, на внутренней поверхности тулова ей соответствует выпуклость. Все стекло пронизано пузырьками разных размеров, причем в нижней части конца ручки они сферические и размещены беспорядочно, а в верхней части и в дроте – вертикальные эллиптические, иногда превращающиеся в длинные капилляры. Почти вся внутренняя поверхность стенки тулова покрыта иризацией, есть она и на ручке, но в меньшей степени.

Рис. 1. Фрагмент ручки-петельки от стеклянной лампы из Остолоповского селища. © БГИАМЗ, 442–42/209. Фото К.А. Руденко
Fig. 1. Fragment of a loop handle from a glass lamp, found on the Ostolopovo settlement. © БГИАМЗ, 442–42/209. Photo by K.A. Rudenko

Несмотря на то, что обнаружен лишь небольшой фрагмент, он является очень выразительным и позволяет считать его частью масляной лампы. Ее можно отнести к группе лампад, наиболее характерных для мусульманского мира. Их относят к IX–XI вв. и считают ранней группой так называемых ламп для мечетей (*mosque lamp*; Lukens, 1965, p. 201, fig. 5, 6; Jenkins, 1986, p. 8, 34, fig. 40; Kröger, 1995, p. 182, 183, No 235; Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5; Carboni, 2001b, p. 166, 167, cat. 38b; Bass et al., 2009, p. 372, 373, LP235; Беговатов, Полубояринова, 2014; Whitehouse, 2014, p. 90, cat. No 763; Swan Needell, 2018, p. 79, fig. 12, p. 112, pl. 10, cat. 105).

Этот термин сформировался позднее, во времена Айюбидов и Мамлюков, и принадлежит светильникам, которые в тот период служили для освещения общественных зданий, таких как мечети и медресе (Lester, 2004, p. 201). Их подвешивали к потолку на цепочках, прикреплявшихся за ручки-петельки, или устанавливали в нишах, в том числе в нише михраба (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 160). Большие пространства вызвали необходимость увеличить размер ламп, в результате чего сложился узнаваемый тип (см. ниже). А термин *лампы для мечетей* стал использоваться не только для них, но и для их ранних предшественников (Lester, 2004, p. 201).

Предметы этой группы имеют округлое, усеченное сверху и снизу шаровидное или яйцевидное тулово, широкое округлое расходящееся коническое горло и округлый кольцевидный полый поддон, являющийся частью тулова и выполненный прессованием нижней части сосуда на шаблон. Внутри сосуда на дне находится держатель для фитиля в виде трубочки. Непременными частями ламп являются находящиеся на тулове шесть, очень редко девять вертикальных ручек (Hadad, 1998, p. 73), округлых или угловатых. Их делали путем вытягивания дрота из стеклянной наборки, наложенной на среднюю или нижнюю часть тулова, сгибания его в кольцо и прикрепления выше места наклада наборки[2]. Сечение дротов зависело от инструмента, которым их вытягивали, и от степени вязкости стекла, поэтому оно было различным, чаще всего округлым или плоским. Наборку затем прессовали, придавая ей вид плоского овала, иногда с заострением вверху. Именно этот, нижний конец ручки лампы и обломок дрота был обнаружен на Остолоповском селище. В некоторых случаях на наружной стороне этих концов можно наблюдать углубления как на рассматриваемой находке, а на внутренней стороне тулова – выпуклости (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 159, рис. 1: *Б*, с. 161, рис. 3: *Г*). По-видимому, они являются следами наклада и прессования наборки. В некоторых случаях уплощенный нижний конец ручки заменялся наложенными на тулово петлеобразными нитями, доходящими до самого поддона (Tait, 2004, p. 123, fig. 154). При прикреплении верхнего конца ручки дрот обрывали, и он, сходящий на нет, заворачивался в обратном направлении и либо образовывал петлю (Carboni, 2001b, p. 166, cat. 38b), либо полностью ложился на ручку (Lukens, 1965, p. 201, fig. 6; Jenkins, 1986, p. 34, fig. 40; Tait, 2004, p. 123, fig. 154; Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 159, рис. 1: *Б*, с. 161, рис. 3: *Г*). В некоторых случаях обрыв дрота не фиксируется, и размеры верхнего конца ручки в месте прикрепления либо соответствуют дроту, либо немного больше (Lukens, 1965, p. 201, fig. 5; Jenkins, 1986, p. 8; Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5; Bass et al., 2009, p. 372, 373, LP235). Такая последовательность наложения ручек – снизу вверх, а не сверху вниз – указывает на то, что ручки прикрепляли тогда, когда заготовка еще не была взята на понтию, а находилась на выдувальной трубке. Именно в таком, «перевернутом», положении заготовки сосуда прикрепление ручки удобнее начинать с нижнего конца.

Чаще всего лампы изготовлены из стекла одного цвета – почти бесцветного с сероватым, желтоватым или желтовато-зеленоватым оттенком или бледно-желтого, бледно-зеленого, оливкового (Lukens, 1965, p. 201, fig. 6; Kröger, 1995, p. 182; Hadad, 1998, p. 72, 76; Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5; Carboni, 2001b, p. 166, cat. 38b, c; Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 158; Армарчук, 2021, с. 211). Но иногда, как в случае с лампадой из Остолопова (см. выше), встречаются двуцветные – основа из почти бесцветного стекла, а ручки из цветного: синего (Saldern, 1980b, p. 174, cat. 176; Hadad, 1998, p. 72, 73, 76, No 69) или зеленого (Lester, 2004, p. 200, 201, No 157). Иногда три ручки сделаны из бесцветного, как и основа, а остальные цветные – например, розовые. Совсем редко встречаются многоцветные изделия, когда для ручек использовано стекло разных цветов, например, желтое, коричневое и синее (Hadad, 1998, p. 73).

В некоторых случаях детали ламп – ручки или поддоны – изготовлены из разноцветного стекла. Например, в почти бесцветных или желтоватых ручках бывают видны нити синего и пятна светло-коричневого стекла (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 161, рис. 3: Г)[3], или соединение капли синего стекла на сероватом поддоне производит впечатление, что он намеренно составлен из двух цветов (Carboni, 2001b, p. 166, 167, cat. 38b).

Очень редко лампы имеют декор. Например, в виде накладных нитей такого же, как основа, или другого цвета, украшающих край сосуда и горло (Carboni, 2001b, p. 166, 167, cat. 38b; Tait, 2004, p. 123, fig. 154).

Лампы этой группы небольшие по высоте – этот параметр колеблется от 8 до 14 см (Quibell, 1907, p. 30; Lamm, 1930, S. 93; Lukens, 1965, p. 201, fig. 5, 6; Kröger, 1995, p. 182; Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5; Carboni, 2001b, p. 166, cat. 38b; Tait, 2004, p. 123, fig. 154; Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 158; Армарчук, 2021, с. 212, рис. 1), в одном случае реконструированная высота, возможно, составляла 20 см (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 158, 160).

Предшественниками этих форм были, по-видимому, стеклянные светильники с тремя ручками позднеантичной и византий-

ской эпох (Crowfoot, Harden, 1931, p. 200; Antonaras, 2019, p. 109, 110). Следует указать на мнение А. Антонароса, полагающего, что образцами для раннего типа ламп для мечетей могли быть формы раннехристианских серебряных лампад, известных из кладов VI в. Восточного Средиземноморья (Antonaras, 2019, p. 109). Они имели такой же низкий кольцевидный поддон, но более короткое тулово и более высокое и широкое горло. Отличия заключались также в количестве ручек (их было три, а не шесть) и в местах их крепления – на крае сосуда, а не на тулове.

Описанным серебряным лампадам очень близки стеклянные, но, правда, более раннего времени. При этом они сходны с рассматриваемыми нами: с округлым усеченным сверху и снизу яйцевидным туловом, широким расходящимся коническим горлом и округлым кольцевидным поддоном, являющимся частью тулова. Отличием являются более вытянутые пропорции, а также количество (три) и места крепления ручек-петелек – верхний конец расположен на крае сосуда, нижний – на горле. Нижний конец ручки имеет бóльшее расширение, чем верхний, что указывает, что наклад ручек производился, как и у рассматриваемого типа, снизу вверх, но уже тогда, когда сосуд был взят на понтию. Такие лампы найдены, например, в восточном некрополе Фессалоник в захоронении конца III – первой половины IV в. Фрагмент похожей формы, отнесенный к позднеантичному периоду, был обнаружен во рву западных городских стен этого же города (Antonaras, 2019, p. 109, fig. 1). Целый аналогичный экземпляр неизвестного происхождения и датировки хранится в Музее искусства и истории в Женеве (Antonaras, 2019, p. 110, fig. 2).

Такой же принцип расположения ручек-петелек на крае сосуда и способ крепления снизу вверх отмечен у ламп, найденных в Герасе (Crowfoot, Harden, 1931, p. 198, 199, pl. 30: 40, 41, 50). Среди них округлые светильники с туловом различной формы: расходящейся конической, шаровидной усеченной сверху и снизу или усеченно-эллипсоидной. У некоторых есть венчик. Горло и поддон отсутствуют, но иногда есть небольшая ножка с подножкой. Г.М. Кроуфут и Д.Б. Харден полагают, что эти типы появляются не с самого начала исследованного периода (V–VIII вв.), а в течение его последнего этапа, частично вытесняя более ранние конические и полусферические формы без ручек. Самые поздние экземпляры с ручками происходят из клада, обнаруженного в пристройке к церкви Св. Феодора, датированного началом VIII в. (Crowfoot, Harden, 1931, p. 198, 199).

Типы, аналогичные находкам в Герасе с таким же способом крепления ручек, обнаружены в Сардах. Среди них есть округлые конические расходящиеся, датированные V в. (Saldern, 1980a, p. 46, 47, pl. 23: 237, 243), а также округлые (точнее форму тулова не определить) с венчиком, отнесенные к V–VI вв. (Saldern, 1980a, p. 47, pl. 23: 250) и VI – началу VII в. (Saldern, 1980a, p. 47, pl. 23: 246).

Целая лампа неизвестного происхождения округлой конической расходящейся формы с аналогично прикрепленными на крае тремя ручками хранится в Центральном римско-германском музее (г. Майнц). Лампа отнесена к V–VII вв. (Byzanz: Pracht und Alltag, 2010, p. 270, № 294).

Тогда же, в позднеантичную и византийскую эпохи известны лампы другого типа – с ручками, находящимися на тулове. По мнению Н.П. Сорокиной, такие сосуды стали появляться в Причерноморье уже в IV в. Один из них, округлой усеченно-эллипсоидной формы с венчиком, найден в Тиритаке, другой, усеченно-шаровидной формы также с венчиком, – в Пантикапейском некрополе, еще один такой же формы хранится в Одесском музее (Шкорпил, 1913, с. 20, рис. 10; Сорокина, 1963, с. 156, 157, рис. 10[4]). Лампады снабжены тремя вертикальными округлыми или угловатыми ручками, помещенными на тулове, у двух из которых (из Тиритаки и Одесского музея) нижние концы не обрываются, а продолжаются до самого дна.

Чрезвычайно близки им округлые светильники из Музея византийской культуры в Салониках. Один, усеченно-шаровидной формы с венчиком, происходит из раскопок в замке Рентина (префектура Салоники) и датирован V–VI вв., другой – из захоронения VI–VII вв. в Колхиде (префектура Килкис) – также с венчиком, но усеченно-эллипсоидной формы на небольшой ножке с подножкой (Antonaras, 2020, p. 67, 68, No 7, p. 70, 71, No 14). В обоих случаях нижние концы ручек, гладкие или ребристые, также продолжаются вниз, иногда доходя до самого дна. Фрагмент лампады с лентой, оттянутой от нижнего конца ручки и

опущенной вниз вдоль стенки тулова, выявлен в ранневизантийских комплексах Херсонеса конца VI – начала VII в. (Голофаст, 2023, с. 367). Лампы с тремя петлевидными ручками на тулове, но без оттянутой вниз ленты известны и в следующий период – VIII–IX вв. Один такой экземпляр с туловом округлой биконической формы на кольцевидном поддоне, с горлом, венчиком и сливом хранится в Национальном музее Кувейта и отнесен к сирийскому региону (Carboni, 2001b, p. 186, cat. 3.18).

Заметим, что у всех перечисленных лампад с ручками на тулове эти детали наложены иначе – сверху вниз. Несмотря на это, оформление нижнего конца ручек в виде спускающихся по тулову лент можно рассматривать как некий прототип плоских овалов у ручек на лампах для мечетей IX–XI вв. В связи с этим обратим внимание на светильник, обнаруженный в Саккара, датированной К.Й. Ламмом VI–VII вв. (Quibell, 1907, p. 30, pl. 34: 1, 2; Lamm, 1929, Taf, 28: 16; 1930, S. 93; Crowfoot, Harden, 1931, p. 205, pl. 30: 47). У него сочетаются оба способа украшения нижних концов ручек: плоские овальные накладки чередуются со спускающейся от нижнего конца ручки гладкой лентой, на которую наложена волнообразная полоса[5]. Судя по иллюстрациям в публикациях, ручки с овальными накладками у лампы из Саккара наложены снизу вверх, чего нельзя сказать с уверенностью о ручках с лентами. Тем не менее светильники такого типа можно рассматривать как некую переходную форму от лампад с тремя ручками на крае и тремя ручками с лентами на тулове к рассматриваемой группе: с шестью ручками, украшенными овальными накладками, на тулове.

Интересно, что такое же сочетание двух способов украшения нижних концов ручек присутствует и у светильников, отнесенных к следующей эпохе. Среди них можно назвать лампу IX–X вв. из Британского музея, у которой оба вида ручек наложены снизу вверх. У трех на нижних концах овальные накладки, у трех остальных петлевидные ленты, спускающиеся до поддона (Tait, 2004, p. 123, fig. 154). Еще один пример двух типов украшений нижних концов ручек представлен на лампе XI в. из Нишапура, находящейся в Музее стекла и керамики в Тегеране (Армарчук, 2021, с. 218, рис. 6: Б). От нижних концов трех ручек тянутся вниз ленты, ближе ко дну они становятся петлевидными и завершаются крупной петлей, выполняющей роль ножки.

Обратимся к хронологии ранней группы светильников для мечетей, традиционно относимых к IX–XI вв. По мнению К.Й Ламма, а также Г.М. Кроуфут и Д.Б. Хардена, они появляются уже в византийское время. По крайней мере лампада, найденная, как считается, в римских катакомбах и отнесенная к восточной традиции, датирована К.Й. Ламмом V–VII вв. (Roller, 1881, p. 24, pl. 8: 1; Lamm, 1929, Taf, 28: 17; 1930, S. 93; Crowfoot, Harden, 1931, p. 205, pl. 30: 46). Ее конструкция, форма, вид ручек полностью соответствуют раннему типу ламп для мечетей. Следующий по времени – бесцветный светильник с синими ручками из частной коллекции Ханса Кона, отнесенный к VIII–IX вв. и происходящий, возможно, из Ирана (Saldern, 1980b, p. 174, cat. 176). К этому же времени отнесена лампада из музея г. Брауншвейга, происходящая, судя по аннотации, из Нишапура (Lukens, 1965, p. 201, fig. 5). Однако раскопки музея Метрополитен в Нишапуре показали, что ни одна из обнаруженных там стеклянных находок не датируется ранее IX в. (Lukens, 1965, p. 201; Kröger, 1995, p. 41ff). Действительно, лампа, найденная при раскопках в Нишапуре (точное место находки не известно) и хранящаяся в музее Метрополитен (рис. 2)[6], датирована в целом X–XI вв. (Kröger, 1995, p. 182, No 235; Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5). При этом Й. Крёгер уточняет хронологию таких предметов и датирует их второй половиной X – XI в. и, возможно, XII в. Первыми десятилетиями IX в. датирует К.Й. Ламм лампаду этого же типа из Самарры (цит. по: Crowfoot, Harden, 1931, p. 205, pl. 30, *44*), а в целом к IX в. отнесен приобретенный на художественном рынке светильник из музея Метрополитен (Lukens, 1965, p. 201, fig. 6; Jenkins, 1986, p. 34, fig. 40). Лампа из Национального музея Кувейта, обнаруженная, как считается, в Афганистане, отнесена к XI в. (Carboni, 2001b, p. 166, 167, cat. 38b). Светильник из музея исламского искусства в Берлине, предположительно из Персии, датирован IX–XI вв. (Aachen…, 2003)[7]. Не имеют точной даты фрагменты лампады в виде трех нижних расплющенных концов ручек из коллекции А.Ф. Лихачева, хранящиеся в Национальном музее Татарстана[8].

Таким образом, хронология данного типа светильников широка и охватывает значительный период – от V до XI в. (Jenkins, 1986, p. 34). Скорректировать датировку могут надежно датированные археологические находки.

Одними из таких, которые можно было бы считать самыми ранними, если бы не широкая дата – середина VIII – XI в., являются обнаруженные при раскопках Бет-Шеана (Израиль) целые ручки с нижними расплющенными концами или только их нижние концы, наложенные на стенки тулова лампы (Hadad, 1998, p. 63, 72, 73, fig. 6, p. 76, No 66–69).

Фрагментированная лампа была найдена при раскопках христианского храма у с. Веселое под Адлером в Северо-Восточном Причерноморье. От нее сохранились две петлевидные ручки с плоскими овальными нижними концами, фрагменты тулова и горла, а также, по-видимому, принадлежащие этому же сосуду фрагмент полого округлого кольцевидного поддона и часть тулова, примыкающая ко дну. Храм был построен в третьей четверти IX в. и функционировал примерно до середины XI в., а найденные в нем фрагменты лампы отнесены к периоду конца IX – первой половины XI в. (Армарчук, 2021, с. 211, 212, 219, рис. 1).

При изучении кораблекрушения, произошедшего около 970 г. у портового города Чиребон на северном побережье индонезийского острова Ява, была сделана находка ручки лампы, аналогичной рассматриваемой (Swan Needell, 2018, p. 69, 79, fig. 12, p. 89, p. 112, pl. 10, cat. 105).

Две лампы во фрагментированном состоянии с такими же ручками были обнаружены на участке II Билярского булгарского селища, отнесенного к домонгольскому времени по находкам фрагментов и клада куфических монет конца X – начала XI в. (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 158–161).

При исследовании груза корабля, затонувшего в бухте Серче Лиманы (*Serçe Limanı*) на юго-западном побережье Турции напротив греческого о. Родос в третьем десятилетии XI в. – около 1025 г. (в конце первой – начале второй четверти XI в.), была найдена аналогичная лампа во фрагментированном состоянии (Bass, 1978, p. 790, 792; Jenkins, 1986, p. 8; Bass et al., 2009, p. 499).

При раскопках Тивериады (совр. Тверия, Израиль), находящейся на юго-западном

Рис. 2. Стеклянная лампа. Нишапур, Иран, X–XI вв. (по: Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5).
Fig. 2. Glass lamp. Nishapur, Iran, X–XI centuries. (after Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5).

берегу Галилейского моря (совр. Тивериадское озеро), были обнаружены нижние концы ручек ламп в виде плоских заостренных овалов вместе со стенками сосудов, к которым они были прикреплены. Одна из ручек найдена под слоем, где был обнаружен клад ювелирных изделий и динаров, самый ранний из которых датируется 886 г., а самый поздний – 1021–1036 гг., еще три – в слое XI в. (Lester, 2004, p. 200, fig. 7.12: 153–155, 157).

Фрагменты подобных ламп были обнаружены при раскопках на Малаккском полуострове (Малайзия, штат Кедах) в местечке Пенгкалан Буджанг, датированном XI–XIV вв. (Lamb, 1965, p. 38, fig. 8). Известны схожие лампы и на Шри-Ланке, где они были обнаружены при раскопках порта Мантая на северо-западном побережье острова (Carboni, 2013, p. 323–325, fig. 13.3.1, cat. 9570). Фрагмент ручки в виде плоского овального конца обнаружен на Билярском булгарском городище (Валиулина, 2005, с. 53, рис. 30: 21).

Приведенные нами археологические находки подтверждают предположение А. Лестер о том, что данный тип светильников для мечетей появился между серединой VIII и IX вв., а наибольшее распространение получил в X–XI вв. (Lester, 2004, p. 195).

Лампы таких форм были популярны и в дальнейшем. Например, из Национального музея Кувейта известна похожая лампада,

датируемая XII в. и происходящая, как считается, из Дамаска (Carboni, 2001b, p. 166, 167, cat. 38c). Однако она представляет, по-видимому, уже дальнейшее развитие ранних типов. Она имеет гораздо большие размеры, кроме того, ручки, внешне похожие на рассматриваемые нами, наложены иначе – сверху вниз. Это видно по широкому месту прикрепления верхнего конца, а также по тому, что некоторые из расплющенных нижних концов прикреплены к тулову лишь верхней частью, а нижняя свободно свисает вниз. Эти концы декорированы шариками, напоминающими ягодовидные накладки, получаемыми прессованием штампом, а кое-где между ручками наложены синие капли (*prunt*), что было характерной особенностью сирийского производства в конце фатимидского и айюбидском периодов.

В XIII в. отмечается дальнейшая эволюция формы, размеров и декора осветительных приборов. Иногда их тулово приобретает биконическую форму, округлый кольцевидный полый поддон, раньше являвшийся одним целым с туловом, сменяется высокой конической ножкой, изготавливаемой отдельно, количество ручек-петель иногда сокращается до трех, и наносятся они сверху вниз, размеры в высоту превышают 25 см, вся поверхность богато расписывается цветными эмалями и золотом (Carboni, 2001c, p. 226, cat. 113, p. 228, 229, cat. 114). В XIV в. эта форма становится основной (Carboni, 2001b, p. 360, 361, cat. 99; 2001c, p. 232, 233, cat. 116, p. 235, cat. 117, p. 237, cat. 118; Gibson, 2005, p. 386, cat. 311). Однако в технологии нанесения ручек в ряде случаев фиксируются старые приемы – ручки прикрепляются снизу вверх, нижний конец расплющивается, и на нем, и на самой ручке виден загибающийся в обратную сторону тонкий верхний конец дрота (Carboni, 2001c, p. 230, 231, cat. 115). Даже в тех случаях, когда ручки накладываются иначе – сверху вниз, мастер отдает дань традиции и немного расплющивает нижний конец ручки плоским инструментом (Carboni, 2001c, p. 232, 233, cat. 116) или прижимает его чем-то длинным и узким, оставляющим углубление (Carboni, 2001c, p. 235, cat. 117). Если же нижний конец не подвергается обработке, его обрывают, и он приобретает вид петли (Carboni, 2001c, p. 237, cat. 118) или заворачивается в обратном направлении вверх и ложится на ручку (Charleston, 1990, p. 82, 83).

Традиционно раннюю группу ламп для мечетей, к которой относится остолоповская находка, относят к исламскому миру. Однако этот тип, несмотря на его название, нельзя связывать только с мусульманской традицией (Crowfoot, Harden, 1931, p. 206). Это подтверждается находкой светильника из христианского храма у с. Веселое, который появился в Северо-Восточном Причерноморье под влиянием византийской культуры (Армарчук, 2021, с. 210). Кроме того, следует учитывать и лампаду, найденную в Саккара, возможно, относящуюся ко времени византийского периода Египта, а также светильник, предположительно обнаруженный в римских катакомбах и датированный византийским временем. В связи с этим возникает вопрос о правомерности использования для этой группы названия «лампы для мечетей».

На сегодняшний день изготовление рассматриваемого типа светильников принято относить к различным регионам исламского мира (Lukens, 1965, p. 201). В качестве таковых исследователи чаще всего называют Иран (Lukens, 1965, p. 201, fig. 5, 6; Carboni, 2001a, p. 20, fig. 5), реже – Сирию (Carboni, 2001b, p. 166, 167, cat. 38b). Й. Крёгер сообщает о многочисленных лампадах для мечетей такого типа из Ирана. Они отличаются друг от друга высотой, а также формой и цветом нижних расплющенных концов ручек, количество которых оставалось постоянным (Kröger, 1995, p. 179, 182, 183). В качестве одного из возможных центров их производства рассматривается Нишапур. Несмотря на отсутствие там следов стеклоделательных мастерских, считается само собой разумеющимся, что в Нишапуре изготавливалось стекло. Аргументом этого является обнаруженное там огромное количество стеклянных находок (Kröger, 1995, p. 20; Carboni, 2001a, p. 20). Возможно, это действительно так, ведь Нишапур был одним из самых великолепных городов средневекового Ирана, мощным центром исламской культуры, центром искусств и ремесел, одним из крупных торговых городов на Великом шелковом пути на востоке исламского мира. В IX в. Нишапур являлся столицей государства Тахиридов, в X в. – Хорасанского наместничества государства Саманидов. На рубеже X–XI вв. входил в число крупнейших городов мира, в XI–XII вв. был одной из рези-

денций Великих Сельджуков (Montebello, 1995, p. ix; Стародуб, 2013, с. 90).

Центрами изготовления ламп следующего периода, XII–XIV вв., чаще всего считается Египет, реже – Сирия. Смена центров производства подтверждается и прослеженными нами изменениями в формах, технологии изготовления и декорирования светильников (см. выше). При этом лампаду XII в. из Национального музея Кувейта можно рассматривать как переходную, в которой еще присутствуют черты ранних типов (формы лампы и ручек, способ изготовления поддона), но уже возникают элементы, которые будут обязательными в предметах XIII–XIV вв. (размер ламп, прием наложения ручек).

На территории Волжской Булгарии светильники рассматриваемого типа редки, но известны. Среди них упомянутые выше фрагменты ручек ламп с Билярского городища, одна из которых обнаружена в ходе раскопок и опубликована С.И. Валиулиной, еще три хранятся в Национальном музее Татарстана в коллекции А.Ф. Лихачева. С расположенного вблизи городища II Билярского селища происходят две фрагментированные лампы. Если присутствие таких предметов в Биляре, столице Волжской Булгарии, и на II Билярском селище, имеющем городской характер, понятны, то присутствие подобной находки на Остолоповском селище требует пояснений.

Скорее всего, это может быть объяснено торговым характером памятника, так как селище было одним из пунктов на пути из центральных районов булгарского государства, прежде всего столичного города Биляра, к торговым факториям на Каме и ее притоках. Это подтверждается, например, находками предметов восточной торевтики, в частности фрагментов бронзовых художественных чаш в Биляре и на Остолоповском селище, а также на Измерском и Семеновском (Руденко, 2017, с. 316, рис. 5: 7; 2023, с. 28, 29). Очевидно, что только из крупных центров торговли могли появиться на Остолоповском поселении кусочки высококачественного янтаря, обломки розовых кораллов, пробирные камни (Руденко, 2017, с. 317, рис. 6: 1), украшения из сердолика, а также разнообразные стеклянные изделия из дальних стран (Руденко, 2021, с. 71, рис. 3; Столярова, Руденко, 2023). Не случайно, что именно из усадьбы «северная» на Остолоповском селище происходит выразительный набор аскизских изделий, а также их реплик и булгарских подражаний, сопоставимых по своей художественной выделке только с изделиями из Биляра (Руденко, 2022, с. 112). На Остолоповском селище зафиксирован нумизматический материал (см. выше), а также многочисленные фрагменты восточной поливной керамики, находки которой с территории усадьбы «северная», причем только из подъемного материала, составляют почти половину от общего количества находок на поселении.

Таким образом, находка на Остолоповском селище фрагмента стеклянной лампы подтверждает не только богатство жителей одной из усадеб, но и свидетельствует об их тесных торговых контактах с крупными городскими центрами, в первую очередь Биляром.

Примечания:

[1] БГИАМЗ, 442–42/209.

[2] Такой же способ прикрепления зафиксирован и у ручки из Остолопова, о чем свидетельствуют форма и направление пузырьков в стекле (см. выше).

[3] Такие же синие нити видны на одной из ручек из Национального музея Татарстана (ЦМТР, 5560–11; см. ниже). Возможно, такое соединение разных цветов в одном предмете может объяснить находка ручки лампы, правда относящейся к XV в., из Задара, изготовленной из стекломассы, смешанной из бледно-желтого стекла, использованного для тулова и двух ручек, и темно-синего, из которого сделаны еще три ручки и декоративные нити, украшающие лампу (Jović Gazić, 2016, p. 155, fig. 12, p. 160, 161, cat. No 5).

[4] В публикации Н.П. Сорокиной перепутаны ссылки на рисунок 10 – на самом деле под номером 1 показан сосуд из Одесского музея, а под номером 2 – из Тиритаки.

[5] Такое украшение было, вероятно, довольно популярно и использовалось долгое время. Например, два фрагмента лампад с ручками, украшенными такими волнообразными лентами, найдены в Херсонесе в контекстах XI–XII вв. (Голофаст, 2023, с. 368, 375, рис. 1: 27, 31).

[6] Как видно на изображении, на одной из ручек оборванный конец дрота на расплющенном нижнем конце направлен вверх, что, возможно, указывает на ее прикрепление сверху вниз.

[7] Судя по иллюстрации в публикации, на одной из ручек оборванный конец дрота лежит на расплющенном нижнем конце и направлен вверх, что говорит о том, что ручка наложена сверху вниз.

[8] ЦМТР, 5560–9 (старые шифры: Бил. 55, АА-41/39); 5560–10 (старый шифр: АА-41/30); 5560–11.

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е.А. О лампах из храма у села Веселое // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 210–221.

Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д. Восточные стеклянные лампы из Поволжья // РА. 2014. № 1. С. 158–162.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет, 2005. 280 с.

Голофаст Л.А. Стеклянные лампады с ручками из раскопок Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2023. Вып. 28. С. 364–386.

Руденко К.А. Отчет о раскопках Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана в 2000 году. Казань, 2001 // Архив ИА РАН. Р-1. № 24742.

Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей Средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария». Ч. 2 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2002. С. 31–52.

Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 296–319.

Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 65–79.

Руденко К.А. Датировка железных пряжек, накладок и крючков эпохи Средневековья из Среднего Поволжья (по материалам Остолоповского селища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 4. С. 101–116.

Руденко К.А. Торевтика исламского мира и формирование художественной культуры Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды // Золотоордынское наследие. 2023. Вып. 5. С. 27–34.

Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1963. С. 134–170.

Стародуб Т.Х. Нишапур // Большая российская энциклопедия. Т. 23. М.: БРЭ, 2013. С. 90.

Столярова Е.К., Руденко К.А. Стеклянный сосуд с накладным и обкатанным декором из Остолоповского селища в Татарстане: терминология, происхождение, хронология // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 131–159.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 году // Известия ИАК. Вып. 47. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1913. С. 1–41.

Aachen. Der Westen // Ex Oriente. Isaak und der weisse Elefant. Bagdad – Jerusalem – Aachen. Eine Reise durch drei Kulturen um 800 und heute. Katalogbuch in drei Bänden zur Ausstellung in Rathaus, Dom und Domschatzkammer Aachen vom 30. Juni bis 28. September 2003 / Hrsg. von W. Dressen et al. Bd. 3. Mainz: Zabern, 2003. 263 S. (Geschichte und Gegenwart christlicher, jüdischer und islamischer Kulturen).

Antonaras A.Ch. A Three-Handled, Calyx-Shaped Glass Lamp from Thessaloniki and its Archaeological Context // Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times / Ed. by I. Motsianos, K.S. Garnett. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 109–120.

Antonaras A.Ch. The Art of Glass. Works from the Collection of the Museum of Byzantine Culture. Thessaloniki: Museum of Byzantine Culture, 2020. 355 p.

Bass G.F. Glass Treasure from the Aegean // National Geographic. Vol. 153. No 6. 1978. P. 768–792.

Bass G.F., Brill R.H., Lledó B., Matthews S.D. Serçe Limani. Vol. 2. The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck. College Station: Texas A&M University Press, 2009. 536 p.

Byzanz: Pracht und Alltag. Kunst und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010. Bonn; München: Hirmer, 2010. 407 p.

Carboni S. Archaeological Excavations of Islamic Glass // Carboni S. and Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001a. P. 14–24.

Carboni S. Glass from Islamic Lands. New York: Thames & Hudson, 2001b. 416 p.

Carboni S. Painted Glass // Carboni S. and Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001c. P. 199–273.

Carboni S. The Mantai Glass // Mantai: City by the Sea / Ed. J. Carswell, S. Deraniyagala, A. Graham. Aichwald: Archaeological Department of Sri Lanka, Linden Soft, 2013. P. 313–348.

Charleston R.J. Masterpieces of Glass. A World History from the Corning Museum of Glass. New York: Harry N. Abrams, Inc., 1990. 256 p.

Crowfoot G.M., Harden D.B. Early Byzantine and Later Glass Lamps // The Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 17. No. 3/4. 1931. P. 196–208.

Gibson M., 2005. Admirably ornamented glass // Goldstein S.M. Glass. From Sasanian Antecedents to European Imitations. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. 15. London: The Nour Foundation, in association with Azimuth Editions. P. 262–291.

Hadad S. Glass Lamps from the Byzantine through Mamluk Periods at Bet She'an, Israel // Journal of Glass Studies. Vol. 40. 1998. P. 63–76.

Jenkins M. Islamic Glass. A Brief History. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1986. 56 p. (The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. Vol. 44. No 2. 1986/Fall).

Jović Gazić V. Late Medieval Glass Lamps from Zadar // Archaeologia Adriatica. Vol. 10. 2016. P. 133–171.

Kröger J. Nishapur: Glass of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1995. 256 p.

Lamm C.J. Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. 2. Berlin: Dietrich Reimer, 1929. 566 S. (Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5 / Ed. F. Sarre).

Lamm C.J. Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. 1. Berlin: Dietrich Reimer, 1930. 205 Taf. (Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5 / Ed. F. Sarre).

Lamb A. A Note On Glass Fragments From Pengkalan Bujang, Malaya // Journal of Glass Studies. Vol. 7. 1965. P. 35–40.

Lester A. The Glass // Stacey D. Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2004. P. 167–220. (IAA Reports. No 21).

Lukens M.G. Medieval Islamic Glass // The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. Vol. 23. No 6. February I965. P. 198–208.

Montebello P. de. Director's Foreword // Kröger J. Nishapur: Glass of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1995. P. ix.

Quibell J.E. Excavations at Saqqara (1905–1906). Le Caire: Imprimerie de l'Institut Francais d'Archeologie Orientale, 1907. 34 p., 39 pl.

Roller T. Les Catacombes de Rome. Histoire de l'Art des Croyances Religieuses Pendant les Premiers Siècles du Christianisme. Premier vol. Paris: Vve A. Morel & Cie Libraires-Éditeurs, 1881. 304 p.

Saldern A. von. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1980a. 120 p., 28 pl., 4 fig.

Saldern A. von. Glass 500 B.C. to A.D. 1900. The Hans Cohn Collection, Los Angeles, Cal. Mainz/Rhein: Philipp von Zabern, 1980b. 288 p.

Swan Needell C. Cirebon: Islamic Glass from a 10th-Century Shipwreck in the Java Sea // Journal of Glass Studies. Vol. 60. 2018. P. 69–113.

Tait H. Five Thousand Years of Glass. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2004. 256 p.

Usmanov B.M., Gainullin I., Gafurov A.M., Rudenko K. A., Ivanov M.A. Using multitemporal remote sensing data for evaluation of the Kuibyshev reservoir bank transformation (Laishevo and Ostolopovo archaeological sites, Tatarstan, Russia) // Earth Resources and Environmental Remote Sensing/GIS Applications XII. Proceedings of SPIE / Ed. K. Schulz, U. Michel, K.G. Nikolakopoulos. Vol. 11863. 2021. 11 p.

Whitehouse D. Islamic Glass in The Corning Museum of Glass. Vol. 2. Mosaic Glass, Blown Vessels without Decoration, Vessels with Mold-Blown or Pincered Decoration, Objects with Applied Decoration, Gold Glasses, Bracelets, Miscellaneous Objects, and Molds. Corning: The Corning Museum of Glass, 2014. 333 p.

Информация об авторах:

Столярова Екатерина Карленовна, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); kath.stoliarova@gmail.com

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Armarchuk, E. A. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 265, 210–221 (in Russian).

Begovatov, E. A., Poluboiarinova, M. D. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 158–162 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Golofast, L. A. 2023. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (28), 364–386 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Otchet o raskopkakh Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rayone Tatarstana v 2000 godu (Report on the excavations on the Ostolopovo settlement in the Alekseyevskoye district of Tatarstan in 2000).* Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 24742 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (The Great Volga Route: Formation and Development History)* 2. Kazan: Institute for History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 31−52 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 296–319 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 65–79 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2022. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 34 (4), 101–116 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2023. In *Zolotoordynskoe nasledie (Heritage of the Golden Horde)* 5, 27–34 (in Russian).

Sorokina, N. P. 1963. In Rybakov, B. A. (ed.). *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani (Ceramics and Glass of Ancient Tmutarakan).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 134–170 (in Russian).

Starodub, T. Kh. 2013. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). Vol. 23. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 90 (in Russian).

Stolyarova, E. K., Rudenko, K. A. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 131–159 (in Russian).

Shkorpil, V. V. 1913. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 47. Saint Petersburg, 1–41 (in Russian).

2003. Aachen. Der Westen In von W. Dressen et al. (Hrsg.). *Ex Oriente. Isaak und der weisse Elefant. Bagdad – Jerusalem – Aachen. Eine Reise durch drei Kulturen um 800 und heute. Katalogbuch in drei Bänden zur Ausstellung in Rathaus, Dom und Domschatzkammer Aachen vom 30. Juni bis 28. September 2003.* Bd. 3. Mainz: Zabern. (Geschichte und Gegenwart christlicher, jüdischer und islamischer Kulturen).

Antonaras, A. Ch. 2019. In Motsianos, I., Garnett, K. S. (eds.). *Glass, Wax and Metal. Lighting Technologies in Late Antique, Byzantine and Medieval Times*. Oxford: Archaeopress, 109–120.

Antonaras, A. Ch. 2020. *The Art of Glass. Works from the Collection of the Museum of Byzantine Culture*. Thessaloniki: Museum of Byzantine Culture.

Bass, G. F. 1978. In *National Geographic* 153 (6), 768–792.

Bass, G. F., Brill, R. H., Lledó, B., Matthews, S. D. 2009. *Serçe Limani. Vol. 2. The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck*. College Station: Texas A&M University Press.

2010. *Byzanz: Pracht und Alltag. Kunst und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010*. Bonn; München: Hirmer.

Carboni, S. 2001a. In Carboni, S. and Whitehouse, D. *Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 14–24.

Carboni, S. 2001b. *Glass from Islamic Lands*. New York: Thames & Hudson.

Carboni, S. 2001c. In Carboni, S. and Whitehouse, D. *Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 199–273.

Carboni, S. 2013. In Carswell, J., Deraniyagala, S., Graham,A. (eds.). *Mantai: City by the Sea*. Aichwald: Archaeological Department of Sri Lanka, Linden Soft, 313–348.

Charleston, R. J. 1990. *Masterpieces of Glass. A World History from the Corning Museum of Glass*. New York: Harry N. Abrams, Inc.

Crowfoot, G. M., Harden, D. B. 1931. In *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 17. No. 3/4, 196–208.

Gibson, M. 2005. In Goldstein S.M. Glass. From Sasanian Antecedents to European Imitations. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. 15. London: The Nour Foundation, in association with Azimuth Editions, 262–291.

Hadad, S. 1998. In *Journal of Glass Studies*. (40), 63–76 (in English).

Jenkins, M. 1986. *Islamic Glass. A Brief History*. Series: The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. Vol. 44. No 2. 1986/Fall. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Jović Gazić V. 2016. In *Archaeologia Adriatica*. (10), 133–171.

Kröger, J. 1995. *Nishapur: Glass of the Early Islamic Period*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Lamm, C. J. 1929. *Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten*. Bd. 2. Berlin: Dietrich Reimer (Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5 / Ed. F. Sarre).

Lamm, C. J. 1930. *Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten.* Bd. 1. Berlin: Dietrich Reimer, 205 Taf. (Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5 / Ed. F. Sarre).

Lamb, A. A 1965. In *Journal of Glass Studies*. (7), 35–40.

Lester, A. 2004. In Stacey D. *Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods*. IAA Reports. No 21. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 167–220.

Lukens, M. G. 1965. In *The Metropolitan Museum of Art*. Bulletin. Vol. 23. No 6. February, 198–208.

Montebello P. de. 1995. In Kröger J. *Nishapur: Glass of the Early Islamic Period*. New York: The Metropolitan Museum of Art, ix.

Quibell, J. E. 1907. *Excavations at Saqqara (1905–1906).* Le Caire: Imprimerie de l'Institut Francais d'Archeologie Orientale.

Roller, T. 1881. *Les Catacombes de Rome. Histoire de l'Art des Croyances Religieuses Pendant les Premiers Siècles du Christianisme*. Premier vol. Paris: Vve A. Morel & Cie Libraires-Éditeurs.

Saldern A. von. 1980a. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.

Saldern A. von. 1980b. *Glass 500 B.C. to A.D. 1900*. The Hans Cohn Collection, Los Angeles, Cal. Mainz/ Rhein: Philipp von Zabern.

Swan Needell, C. 2018. In *Journal of Glass Studies* 60, 69–113.

Tait, H. 2004. *Five Thousand Years of Glass*. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press.

Usmanov, B. M., Gainullin, I., Gafurov, A. M., Rudenko, K. A., Ivanov, M. A. 2021. In Schulz, K., Michel, U., Nikolakopoulos, K. G. (eds.). *Earth Resources and Environmental Remote Sensing/GIS Applications XII. Proceedings of SPIE*. Vol. 11863, 11.

Whitehouse, D. 2014. *Islamic Glass in The Corning Museum of Glass. Vol. 2. Mosaic Glass, Blown Vessels without Decoration, Vessels with Mold-Blown or Pincered Decoration, Objects with Applied Decoration, Gold Glasses, Bracelets, Miscellaneous Objects, and Molds*. Corning: The Corning Museum of Glass.

About the Authors:

Stolyarova Ekaterina K. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Lomonosov Moscow State University. Lomonosovskij Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; kath.stoliarova@gmail.com

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kazan State Institute of Culture, Orenburgsky tract St., 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/930.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.159.161

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТЕРМИНА «БОКТАГ»

© 2024 г. Л.Э. Макласова

В статье показан результат анализа различных лексических наименований «боктаг» по данным различных источников. Изучив ряд современных публикаций, автор выявила более десяти названий этого головного убора и попыталась понять корни вопроса разноголосицы при описании боктаг разными авторами. В результате сравнения толкований термина, обнаружилось несколько отсылок к монгольским и китайским источникам: берцовая кость и причёсывание (как часть свадебного ритуала), причесывание и расчесывание (укладка волос), надевание «вдовьей» шапки (определенное действие и конкретный головной убор). Проанализировав семантику и этимологию слова «боктаг» в словарях и документах, автор приходит к выводу о возможном заимствовании его в монгольский язык, с последующим повторным переходом в тюркский и чагатайский языки. А все ранние отличные упоминания – это гортанная окклюзия.

Ключевые слова: археология, исторический источник, перевод, семантика, боктаг, бокка, гу-гу, шапка, головной убор

FEATURES OF THE TERM "BOKTAG" SEMANTIC COMPONENT

L.E. Maklasova

The article deals with the result of the analysis of various lexical names of "boktag" according to various sources. Having studied a number of modern publications, the author has identified more than ten names of this headdress. The author tried to understand the roots of the issue of discordance in the description of boktag by different authors. Comparing the interpretation of the term, the author has identified several references to Mongolian and Chinese sources: shinbone and doing hair (as part of the wedding ritual), combing (hair setting), putting on a "widow's hat" (a certain action and a specific headdress). After analyzing the semantics and etymology of the word "boktag" in dictionaries and documents, the author came to the conclusion that it could be borrowed into the Mongolian language. Subsequently, this word was re-translated into the Turkic and Chagatai languages. And all the early mentioned differs are guttural occlusion.

Keywords: archaeology, historical source, translation, semantics, boktag, bokka, gu-gu, hat, headdress.

Ранее в наших публикациях уже подымался вопрос о семантическом значении некоторых элементов головных уборов (Макласова, 2019, с. 129–132). Сегодня назрела необходимость в определении смыслового значения такого названия как «боктаг», головного убора средневековой замужней кочевницы. В отечественной историографии и научной литературе чаще всего можно встретить другое название этого убора – «бокка». В исторических источниках словарный диапазон шире, можно прочитать о таких головных уборах как «бохто», «боктог», «гугуин», «гу-гу», «гу-гу гуань» и др. Последние три названия идут из китайских источников и используются в зарубежной литературе, описывающей этот убор в династии Юань. Так где правильное наименование, откуда пошло такое количество названий и что послужило первопричиной их появления/распространения?

Современные исследователи, касающиеся темы женского головного убора в Монгольской империи или Золотой Орде, часто ссылаются на статью 1992 г. Р.Г. Галдановой (Галданова, 1992, с. 71–89), в которой дано толкование значения некоторых обрядовых элементов свадебного ритуала. Например, использование монголами берцовой кости животного (овцы, барана) как части бракосочетания между женихом и невестой. Ссылаясь на А. Мостарта, который перевел глагол «богтолхо» как «причесывание девушки в день замужества» и «отдавать её замуж» (Mostaert, 1950, p. 285–361), утверждалось, что в XIII в. данный обряд проходил с помощью мозговой кости передней ноги, по мнению Г. Гомбоева (Гомбоев, 1860, с. 5) – богточомог, и именно от этой кости пошло название головного убора замужних монгольских женщин (Галданова, 1992, с. 71–89). Однокоренное слово «бокта»

созвучно с «бокточомог», но не является его лексемой. Считаем, что сравнивать головной убор с костью только по названию некорректно и спорно, так как Р.Г. Галданова ссылается на исследователя (который объясняет поздний ритуал более ранним временем), а не на исторический источник, следовательно, приведенный ей ритуал был распространен позднее, возможно он этнографический. Г. Гамбоев в середине XIX в. занимался переводами с монгольского, его работы носят больше этнографический характер, так как он рассматривал средневековые ритуалы, обычаи и суеверия сквозь призму своего времени, так как за 600 лет костюм поменялся полностью, возможно, и ритуал мог видоизмениться.

В своем переводе А. Мостарт ни разу не упомянул слово «кость» в работе, а связывал значение «бохтала» с причесыванием, свадьбой, девушкой. Переводя отрывок истории Оэлун-фужень, слово «бохтала» (boytalaju, boytolaju), которое является глоссой для китайского выражения «chout'eout chao», он перевел как «причесав свои волосы», «расчесывать голову» (возможно, это китайское выражение употребляется в значении «причесываться и делать укладку волос») и «koukou kouantait chao» перевел как «причесываясь koukou kouan», то есть boytay (эти слова равны по значению). И именно этот последний смысл он принял за настоящее значение глагола – причесываться, прическа (Mostaert, 1950, p. 331–334). При переводе того же самого отрывка С.А. Козиным: «Оэлун-фужень мудрой женой родилась. Воспитывая своих малых детей, крепко прилаживала рабочую вдовью шапочку…» – смысл немного изменился, слово boqtalaqu стало иметь значение «надевать свекровью» (?) шапку (Козин, 1941, с. 89, 530). Несмотря на неточности, мы считаем, что С.А. Козин был ближе А. Мостарта к реальному значению слова «боктала», переведя его как «надевать головной убор», а не «прическа».

Немецкие исследователи Х. Нугтерен и Дж. Уилкинс в своей работе о женских головных уборах в уйгурских документах (Nugteren, 2019, p. 153–170) приводят этимологию двух слов, известных в Монголии как «боктаг» и в Китае как «гу-гу гуань». Слово «боктаг» на монгольском языке предлагается с тюркской этимологией, а именно, существительное, образованное суффиксом -к, от доминационного глагола[1] bogta (связывать): bog+ta-k. Форма с произношением boqtaq есть в словаре Мукаддимат ал-Адаб (Поппе, 1938, с. 434), где это исключительно монгольское слово, которое впоследствии было скопировано в чагатайский и тюркский языки, что делает его повторным заимствованием. Надо упомянуть, что глагольные формы из «Тайной Истории Монголов» указывают на базовое существительное без велярного окончания[2]. Что говорит против воссозданного глагола bogta в тюркском языке. Это монгольское слово может быть заимствованным из языка, не похожего на тюркский. Чередование между формами boqta / boqtaq – необъяснимый феномен монгольской фонологии (Nugteren, 2019, p. 155). В «Тайной Истории Монголов» гу-гу гуань в китайских глоссах появляется как эквивалент boqta из монгольских текстов. Чтобы быть точным, существительное boqta(q) не задокументировано как таковое в «Тайной Истории Монголов», а только трижды встречается в производном глаголе boqtala – «надеть boqta». Отрывок «uki tala boqtala ǰuqoǰi tala büse leǰü» переводится как «надела плотно свою высокую шапку на свою голову» (Nugteren, 2019, p. 157). Нужно упомянуть, что в средневековом Китае костюм строго ранжировался и при наименовании головного убора делился на: «гуань» – для императора и знати, «мао» – для чиновников, «цзынь» – для простых граждан (Чжиюнь, 2010, с. 138). Гу-гу гуань упоминается в нескольких китайских источниках. В Мен-да бей-лу (Полное описание монголо-татар) можно прочитать «Жены племенных вождей все носят головные уборы гу гу» (Полное описание…, 1975, с. 80).

Выделившиеся среди всех источников слово «бокка», упомянутое Рубруком в «Путешествии в Восточные страны», по мнению А. Мастарта, является гортанной окклюзией слова «бокта», то есть это неправильно услышанное европейцами монгольское название головного убора. В настоящее время зарубежные исследователи в своих работах используют оба этих термина (к примеру, монгольский археолог У. Эрденебат). Что касается головных уборов, хранящихся в музейных коллекциях Китая, то их называют «гу-гу гуань». Название «бокка» используется только при ссылке на письменный источник Гильома де Рубрука. В своих работах мы используем слово «боктаг», так как отдаем предпочтение тюркскому звучанию, нежели монгольскому.

Примечания:

[1] Полученного из существительного.

[2] Тембровое изменение корневых гласных.

ЛИТЕРАТУРА

Галданова Г.Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов / Отв. ред. К.М. Герасимова. Новосибирск: Наука, 1992. С. 71–89.

Гомбоев Г. Примечания на письмо Н.И. Ильминского к П.С. Савельеву ламы Галсана Гомбоева: Описание обычаев и обрядов у монголов и калмыков. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1860. 9 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии / Труды Института востоковедения. Т. XXXIV. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

Макласова Л.Э. К вопросу о головных уборах «örbelge» // Археология Евразийских степей. 2019. № 1. С. 129–132.

Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с кит., введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 282 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. 1-2. М.; Л.: АН СССР, 1938. 451 с.

Чжиюнь Хэ. Мужской головной убор династии Мин. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 138–141.

Mostaert A. Sur quelques passages de I"Histoire secrete des Mongols // HJAS. 1950. Vol. 13, № 3/4. P. 285-361.

Nugteren H., Wilkens J. A Female Mongol Headdress in Old Uyghur Secular Documents. IJOUS. 2019; 1(2): P.153-170.

Информация об авторе:

Макласова Людмила Эдуардовна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); maklasova_luda@mail.ru

REFERENCES

Galdanova, G. R. 1992. In Gerasimova, K. M. (ed*.). Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov (The traditional rites of the Mongolic peoples).* Novosibirsk: “Nauka” Publ., 71–89 (in Russian).

Gomboev, G. 1860. *Primechaniya na pis'mo N.I. Il'minskogo k P.S. Savel'evu lamy Galsana Gomboeva: Opisanie obychaev i obryadov u mongolov i kalmykov (Notes of Lama Galsan Gomboyev on the letter by N.I. Ilminsky to P.S. Savelyev: Description of customs and rites among the Mongols and Kalmyks).* Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Kozin, S. A. 1941. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaia khronika 1240 g. T. I. Vvedenie v izuchenie pamiatnika, perevod, teksty, glossarii (Arcane Narrrative. Mongolian Chronicle of 1240. Introduction to the Study of the Monument, Translation, Texts, and Glossaries)* I. Series: Trudy Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences) 34. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Maklasova, L. E.2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 129–132 (in Russian).

Men-da bei-lu. 1975. *Polnoe opisanie mongolo-tatar (Complete Description of the Mongol-Tatars).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Poppe, N. N. 1938. *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab (Mongolian dictionary of Muqaddimat al-Adab)* Part 1–2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Chzhiyun, Khe. 2010. In *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke (Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East)* (4), 138–141 (in Russian).

Mostaert, A. 1950. In *HJAS*. 13 (3/4), 285–361 (in French).

Nugteren, H., Wilkens, J. 2019. In *IJOUS*. 1 (2), 153–170.

About the Author:

Maklasova Lyudmila E., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maklasova_luda@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.162.171

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОРУЖИЯ ДАЛЬНЕГО БОЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

© 2024 г. М.М. Мифтахов, Л.Ф. Недашковский

В статье представлен историографический анализ научных работ, посвященных изучению комплекса оружия дальнего боя золотоордынского воина. Были рассмотрены различные исследования середины XIX – первой четверти XXI в. В ходе исследования были проанализированы классификационные схемы различных элементов золотоордынского оружия дальнего боя, выдвигаемые авторами, выделены особенности, присущие научным работам в определенные исторические периоды. На основе анализа этих работ были выделены три хронологических этапа в истории изучения оружия дальнего боя Золотой Орды. Для каждого этапа приведены характерные для него отличительные черты. Также были определены актуальные проблемные аспекты исследования золотоордынского оружия дальнего боя, требующие дальнейшего изучения в будущем.

Ключевые слова: археология, историография, Улус Джучи, Золотая Орда, оружие дальнего боя, вооружение.

HISTORY OF STUDYING THE LONG-RANGE WEAPONS IN THE GOLDEN HORDE

M. M. Miftakhov, L. F. Nedashkovsky

The article presents a historiographic analysis of research works dedicated to the study of the complex of long-range weapons of the Golden Horde warrior. Various studies of the middle of the XIX – the first quarter of the XXI century were considered. During the study, classification schemes of various elements of Golden Horde long-range weapons put forward by the authors were analyzed; features inherent in research works in certain historical periods were highlighted. Based on the analysis of these works, three chronological stages in the history of the study of long-range weapons of the Golden Horde were identified. For each stage distinctive features were shown. Actual problematic aspects of the study of Golden Horde long-range weapons were also identified; they are requiring further study in the future.

Keywords: archaeology, historiography, Ulus of Jochi, Golden Horde, long-range weapons, armour.

Ведущее место в арсенале воина золотоордынской армии занимали лук, стрелы и колчан, поэтому важно иметь представление о степени изученности оружия дальнего боя и выявить проблемные, малоизученные или вовсе незатронутые аспекты.

Вопрос об истории изучения различных элементов оружия дальнего боя рассматривался в работах исследователей, занимающихся ордынским вооружением, однако полноценной работы, посвященной ему, пока не опубликовано.

Появление первых исследований и накопление материала (середина XIX – середина XX в.)

Вопрос об оружии дальнего боя у монголов впервые поднял Г.С. Саблуков. В своем труде, написанном в 1845 г., он отмечает, что «вооружение монгола состояло из стрел, сабли, копья, щита» (Саблуков, 1895, с. 20); автор пишет, что монгольские завоеватели (в том числе и женщины) были искусными лучниками (Саблуков, 1895, с. 20). В работе Д.Н. Анучина отмечается, что монголы употребляли «обратно-треугольные наконечники с лезвием» (срезни) (Анучин, 1887, с. 10). Монгольским способом натягивания тетивы автор называет натягивание согнутым большим пальцем, при этом указательный нажимает на него сверху; упоминается об использовании колец из рога, кости или камня для защиты пальца (Анучин, 1887, с. 35). Ученый отмечает, что сложный лук у монголов существовал с незапамятных времен (Анучин, 1887, с. 15).

Н.И. Веселовский отмечал, что в период Монгольской империи и Золотой Орды использовались свистящие стрелы – с железным наконечником, на котором находился полый костяной шарик с боковым отверстием (Веселовский, 1909, с. 160). Н.И. Веселов-

ский затрагивал вопрос о духовном значении данного вооружения у монголов (Веселовский, 1921, с. 275). А.Н. Кушева-Грозевская привела описания наконечников стрел, она утверждала, что костяные наконечники стрел в золотоордынских погребениях не встречаются (Кушева-Грозевская, 1928, с. 27); как покажут дальнейшие исследования, данное предположение окажется ошибочным.

В середине – второй половине XIX в. появляются исследования, затрагивавшие вопрос о комплексе вооружения ордынского лучника. Носили они описательный характер, ограничиваясь упоминанием и перечислением различных элементов оружия. Комплекс вооружения дальнего боя Улуса Джучи не рассматривался отдельно от комплекса Монгольской империи, а воспринимался как часть последнего. В первой трети XX в. появляются работы, посвященные элементам комплекса вооружения джучидского лучника, высказывались и теоретические предположения об оружии дальнего боя.

Создание типологий и переход к обобщающим исследованиям (1960-е – 1980-е гг.)

Г.А. Федоров-Давыдов разработал первые классификационные схемы элементов джучидского оружия дальнего боя. Он отмечал, что в золотоордынский период в погребениях кочевников неизвестны находки простых луков. От сложносоставных же экземпляров сохраняются лишь костяные накладки, которые автор делил на срединные и концевые (Федоров-Давыдов, 1966, с. 25). Срединные накладки разделены на 5 типов: овальные, дуговидные, трапециевидные, овальные с вырезом, прямоугольные. Концевые накладки классифицированы так: прямоугольная пластина с вырезом, треугольная пластина с вырезом. Выделены костяные кольца с выступами, применявшиеся для натягивания тетивы.

Г.А. Федоровым-Давыдовым был выделен 21 тип железных наконечников стрел, но многие из них имеют преимущественно домонгольские аналогии. Автор разделил наконечники на отделы (по сечению) и типы (по форме) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 25-29): Отдел А. Трехлопастные (Тип I. С широкими треугольными лопастями); Отдел Б. Четырехгранные (Тип I. Бипирамидальные, вытянутые; Тип II. Бипирамидальные с короткой верхней частью; Тип III. Бипирамидальные с короткой нижней частью; Тип IV. Пирамидальные вытянутые; Тип V. Пирамидальные с дуговидными гранями); Отдел В. Плоские (Тип I. Листовидные; Тип II. Ланцетовидные; Тип III. Ромбические; Тип IV. Ромбические, с удлиненной нижней частью; Тип V. Ромбические, с вогнутыми нижними и несколько выгнутыми верхними ударными гранями; Тип VI. Жаловидные, треугольные; Тип VII. Срезни в виде треугольника; Тип VIII. В виде лопаточки с округлой нижней частью и ровно срезанной верхней; Тип IX. Срезни в виде вытянутой лопаточки со слегка закругленной верхней ударной гранью; Тип X. Такие же, но ударная грань вогнута; Тип XI. Такие же, как типа IX, с короткими сходящимися под тупым углом верхними ударными гранями; Тип XII. В виде лопаточки с раздвоенным широким концом; Тип XIII. Фигурные; Тип XIV. Треугольные, с жаловидными отростками внизу; Тип XV. С широкой лопастью, срезанной под острым углом сверху, и округлым краем снизу). Костяные наконечники разделены на 4 типа (Федоров-Давыдов, 1966, с. 29): Тип I. В виде конуса, так называемые «пулевидные»; Тип II. Четырехгранные с внутренней втулкой; Тип III. Трехгранные с плоским черешком; Тип IV. С плоским черешком и листовидным пером.

Костяные петли от колчанов были классифицированы по отделам (по числу больших отверстий) и по типам (по форме) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 31-32): Отдел А. С одним большим отверстием в утолщенной части пластины (Тип 1. Ровное основание и дугообразная спинка; Тип II. Ровное основание, дугообразная спинка, скошенные концы; Тип III. Выгнутое основание, вогнутая спинка, скошен один конец, закруглен дугой; Тип IV. Сильно удлиненная пластина с небольшим утолщением в том месте, где отверстие. Основание ровное, спинка изогнутая, концы скошены; Тип V. Ланцетовидная пластина с выемкой на спинке; Тип VI. Овальная пластина с одним заостренным концом и уступом на спинке около него; Тип VII. Ровное основание и фестончатая спинка); Отдел Б. С двумя большими отверстиями (Тип I. Ровное основание, двугорбая спинка; Тип II. Такая же, как тип БI, сильно удлиненная); Отдел В. С тремя большими отверстиями (Тип I. Ланцетовидная с выемкой на спинке).

Г.А. Федоров-Давыдов впервые осуществил классификацию важнейших элементов комплекса оружия дальнего боя Улуса Джучи, которая до сих пор используется при работе с археологическим материалом. Однако дискуссионным является утверждение об использовании кочевниками золотоордынского времени только сложносоставных луков. Появились данные о том, что в погребении у Ляпинской балки с монетами с надчеканками 1360-х гг. обнаружен видимо простой лук (Евглевский, Кульбака, 2003, с. 364-365, 385, 399, рис. 5, *16*), что свидетельствует о сохранении архаичных черт вооружения в армии ордынских правителей даже в период заката Улуса Джучи. Тем не менее, выход труда Г.А. Федорова-Давыдова имел огромное значение для развития изучения ордынского оружия дальнего боя, осуществив прорыв в данной области, предложенная типология остается актуальной и по сей день.

В своем фундаментальном труде А.Ф. Медведев дал характеристику лука, колчана, налучья, колец для натягивания тетивы (Медведев, 1966а). Он составил классификацию наконечников стрел по отделам (втульчатые и черешковые), группам по характеру поперечного сечения пера или острия (трехлопастные, плоские и граненые) и типам по форме пера или острия (Медведев, 1966а, с. 54–55). В результате им были выделены 106 типов железных наконечников стрел, 8 костяных и 19 типов арбалетных болтов. Часть типов были указаны как появляющиеся лишь с монгольским нашествием в Восточную Европу. В отдельной статье исследователь непосредственно останавливается на монгольской и золотоордынской проблематике (Медведев, 1966б, с. 55–60). К собственно монгольским и золотоордынским наконечникам автор относит типы: кунжутолистные трехлопастные (тип 26), шатровый трехлопастной (тип 27), килевидные (тип 38), ромбические крупные (тип 49), срезни в виде узкой прямоугольной лопаточки (тип 57), двурогие срезни с упором (тип 60), веслообразные (тип 66), срезни в виде узкой вытянутой лопаточки (тип 67), секторовидные крупные срезни (тип 68), срезни джучидские (тип 69), широкие лопаточки с тупоугольным острием (тип 70), фигурнолистные или пламевидные (тип 71), кунжутолистные (тип 72), шестиугольные широкие срезни (тип 73). Приведенная в работах А.Ф. Медведева классификационная схема до сих пор является наиболее распространенной, ее автором были проведены исследования пропорций и размеров наконечников, что позволило выявить отличия между ордынскими типами и подтипами и похожими наконечниками, применявшимися народами Восточной Европы в домонгольское время. По мнению А.Ф. Медведева у монголов почти полностью отсутствуют бронебойные наконечники стрел (Медведев, 1966б, с. 60). Однако раскопки последующих десятилетий показали, что хотя бронебойные наконечники уступали по количеству плоским образцам, но встречаются по всей территории Улуса Джучи. На ряде памятников число бронебойных наконечников превышает другие образцы, например в кургане 1 могильника Кривуша-84 из 13 черешковых железных наконечников 11 были бронебойными (Нарожный, 2005, с. 110).

Н.В. Малиновская на основе анализа 84 колчанов с орнаментированными обкладками пришла к выводу, что они появляются вместе с монгольскими завоевателями и распространяются на территории от Днестра до Центрального Казахстана (Малиновская, 1974, с. 168-169). Было выяснено, что более 40% находок приходится на территорию Нижнего Поволжья, причем происходят они из курганов или с золотоордынских городищ; много находок отмечено и в кочевнических погребениях Молдавии (Малиновская, 1974, с. 164). Автор приходит к выводу, что резные обкладки колчанов изготавливались в золотоордынских городах (Малиновская, 1974, с. 169).

Во второй половине XX в. происходит качественный переход в области изучения золотоордынского оружия дальнего боя, выразившийся в создании первых классификационных схем различных элементов комплекса лучника. Охват материалов больших территорий позволил авторам разработать широко применимые типологические схемы и составить картину практически для всего Улуса Джучи. Однако было недостаточным внимание к региональным особенностям комплекса джучидского лучника.

Период регионализации исследований (с последнего десятилетия XX в. по настоящее время)

Ю.С. Худяков провел анализ элементов комплекса вооружения народов южносибир-

ского и центральноазиатского регионов в XI-XIV вв. (кыргызы, кыштымы, кочевники Тувы и Алтая, уйгуры, племена ундугунской культуры и восточные кипчаки). Большое значение имеет классификация железных наконечников стрел восточных кипчаков, согласно автору они делятся на группы (по сечению пера) и типы (по форме пера), для золотоордынского времени характерны следующие наконечники (Худяков, 1997, с. 108–112): Группа I. Плоские наконечники (Тип 1. Асимметрично-ромбические; Тип 2. Томары; Тип 3. Удлиненно-ромбические; Тип 4. Секторные; Тип 5. Полулунные; Тип 6. Вильчатые), Группа IV. Прямоугольные наконечники (Тип 1. Томары). Были выделены два типа колчанов – с горизонтально срезанным верхом и с карманом (Худяков, 1997, с. 112-113). Автором приводится следующая классификация железных наконечников стрел XIII-XIV вв. с территории степного Алтая (Худяков, 1997, с. 64–69): Группа II. Трехгранные наконечники (Тип 1. Удлиненно-ромбические; Тип 2. Боеголовковые), Группа III. Плоские наконечники (Тип 1. Асимметрично-ромбические; Тип 2. Удлиненно-ромбические; Тип 3. Томары; Тип 4. Овально-крылатые; Тип 5. Боеголовковые; Тип 6. Полуовальные; Тип 7. Секторные; Тип 8. Вильчатые). Автор отмечает, что, как и во всей степной Евразии, на Алтае преобладают плоские асимметрично-ромбические стрелы, функция которых состояла в поражении незащищенного панцирем противника. Костяные наконечники представлены трех- и четырехгранными удлиненно-ромбическими, пяти- и шестигранными асимметрично-ромбическими (Худяков, 1997, с. 67-69). Ю.С. Худяков выделяет на Алтае один тип колчана в форме расширяющегося к низу цилиндра с горизонтально срезанным верхом и горизонтальным днищем (Худяков, 1997, с. 69-70). По мнению автора, в монгольскую эпоху стали применяться луки с концевыми вкладышами и со срединной фронтальной накладкой (Худяков, 1997, с. 60-62, 107-108).

Большой вклад в изучение комплекса вооружения Улуса Джучи внес М.В. Горелик, который на основе археологических, изобразительных и письменных источников провел исследование вооружения монгольских и золотоордынских воинов. Автор выделяет 2 типа монгольских луков – «китайско-центральноазиатский» и «ближневосточный», им описывается структура и техника изготовления лука, характеризуется кожаное налучье; стрелы имели в длину около 70 см, толстые древки, окрашенные в красный цвет, и иногда свистульки из рога (Горелик, 2002, с. 18). По форме характерны крупные трапециевидные, ромбические, кунжутолистные и двурогие наконечники стрел; существовали еще трехлопастные наконечники с отверстиями и узкие граненые бронебойные (Горелик, 2002, с. 18). Автор выделяет два типа колчанов – кожаный плоский прямоугольный, украшавшийся нашивками и накладками, и берестяной узкий длинный футляр с закрытым устьем-карманом (Горелик, 2002, с. 18-19). М.В. Гореликом был рассмотрен комплекс вооружения Адыгеи в золотоордынский период; он отмечает, что черкесские луки этого времени были сопоставимы с оружием других регионов Улуса Джучи (Горелик, 2017, с. 283). Черкесы восприняли от завоевателей форму и декор колчанов, а также, видимо, костяные кольца для натягивания тетивы (Горелик, 2017, с. 284). Наконечники стрел по форме схожи с монгольскими, однако плоские отличаются своими меньшими размерами; по мнению М.В. Горелика это связано с тем, что местное население не использовало в бою характерную для монголов тактику «хоровода», при которой применение крупных наконечников позволяло нанести наибольшие потери противнику (Горелик, 2017, с. 283-284).

К.А. Руденко провел анализ 956 железных наконечников стрел из Среднего Поволжья (Руденко, 2003). Автором разработана классификация на основе сечения шейки или нижней части пера (отдел А - с квадратным или прямоугольным сечением, отдел Б - с круглым сечением); типы выделены по сечению основы, форме наконечника, упору, шейке, наличию шипов, заточке пера (Руденко, 2003, с. 75). Автор классифицирует железные наконечники, которые можно отнести к золотоордынскому времени, следующим образом: А1-А1в. С подромбическим или подтреугольным пером без упора; А2а, А2в, А2д. Подпятиугольное или подромбическое перо с упором; А7а. Пирамидальная головка, упор и уплощенный черешок; А10-А10а. С пирамидальными головками квадратного сечения; А11-А11а. С подромбическим или подтреугольным пером, имеющим наиболь-

шее расширение в нижней части, с пологими плечиками, без упора; А13а. Подромбическая форма треугольного сечения с коническим упором; А14. Подпятиугольные ромбического сечения или уплощенные, без упора; А16. С подтреугольным или подромбическим пером, имеющим наибольшее расширение в нижней части, с вогнутыми плечиками, с упором; А21. Подромбическое ограненное перо треугольного сечения, с кубическим упором, без шейки; А22. Уплощенное листовидное перо с призматическим упором; А23. Вытянутое приостренное ограненное перо линзовидного сечения, с упором; А24, А24б-А24в. С ромбическим пером с расширением в средней части, с упором; А25-А25а. С подромбическим уплощенным пером, с расширением в верхней части, с упором; А27-А27в. Трапециевидные уплощенные прямоугольного сечения; А28. Уплощенное вытянутое лопатковидное перо; А30. Вытянутое ограненное перо ромбического сечения, с уплощенным черешком без упора; Б2. С конусовидной головкой круглого сечения, с упором; Б3. С цилиндрической головкой, с упором; Б14. С пирамидальной четырехгранной головкой с выемками на боковых гранях, с узелковым упором; Б15-Б15б, Б15г. С пирамидальной четырехгранной головкой; Б16. Вытянутая четырехгранная головка с выемками на боковых гранях и ромбическим сечением, с конической шейкой; Б19, Б19б, Б19г. С вытянутой четырехгранной головкой, с длинной конической шейкой; Б26а. С подтреугольным пером ромбического сечения, вогнутыми плечиками; Б28е. С вытянутой клиновидной четырехгранной головкой ромбического сечения с плечиками, с цилиндрической ограненной шейкой; Б33б. С вытянутой подпризматической головкой ромбического сечения; Б34. С вытянутой пирамидальной четырехгранной головкой ромбического сечения, без шейки; Б35. С вытянутой подпирамидальной четырехгранной головкой ромбического сечения, с узелковым упором или усеченноконической шейкой; Б36в. Вытянутая подпирамидальная приостренная головка с ромбическим сечением и узелковым упором; Б37. С подпятиугольным пером ромбического сечения, с уплощенной нижней частью и усеченно-конической шейкой; Б43б-Б43в. Широкие листовидные; Б45б, Б45г. Ромбическое перо с конической или усеченно-конической шейкой; Б46-Б46а. С подромбическим пламевидным пером; Б47. Широкий секторовидный с упором и вогнутой режущей стороной; Б49-Б49а. С подромбическим пером, с наибольшим расширением его в верхней части; Б50-Б50б, Б50г. Вытянутые, с подромбическим приостренным пером, с наибольшим его расширением в верхней части; Б51-Б51а. Вытянутые, с трапециевидным плоским пером; Б52-Б52в. С трапециевидным или секторовидным плоским пером; Б53-Б53а. Широкие с секторовидным плоским пером; Б54-Б54г. С секторовидным плоским пером; Б55б. С широким вильчатым плоским пером с фигурным вырезом, с усеченно-конической шейкой; Б56. С четырехгранной боевой головкой, с упором; Б57. С трехгранной боевой головкой, с уплощенной шейкой. По результатам исследования колоссального материала автор проводит сравнительный анализ наконечников с территории Среднего Поволжья. По К.А. Руденко, в золотоордынский период наблюдается сокращение количества и разнообразия материала, особенно до второй половины XIV – начала XV в., когда ассортимент наконечников расширяется, что связывается с приходом нижневолжских и сибирских кочевников (Руденко, 2003, с. 141).

К.А. Руденко выделяет характерные для некоторых регионов типы наконечников (Руденко, 2010, с. 98-101): пламевидные - для востока Татарстана и Башкирского Приуралья, ассиметричноромбические - на территории лесостепного Алтая и Томского Приобья, подпятиугольные - в Средней Сибири, на территории Алтая и Внутреннего Тянь-Шаня, ромбические и подпятиугольные – на территории Южного Урала и Казахстана, кинжаловидные или подромбические с длинной шейкой – на Северном Кавказе и Нижней Волге. Автор отмечает, что наборы стрел, обнаруженные на территории больших ордынских городов (Болгар, Биляр, Азак, Укек), отличаются большим сходством (Руденко, 2010, с. 101–102).

В.В. Кравец провел анализ материала золотоордынских кочевнических погребений Среднего Дона, им был типологизирован 31 наконечник стрел, среди которых преобладают узкие срезни и ромбические с удлиненной нижней частью (Кравец, 2005, с. 35–36).

В исследовании В.В. Горбунова, посвященном Алтаю, накладки на лук делятся по материалу изготовления (группа), расположению на кибити (разряд), конкретному месту их

крепления (раздел), толщине (отдел), форме и пропорциям (тип), деталям оформления и крепления (вариант) (Горбунов, 2006, с. 9). К монгольской традиции изготовления накладок автор относит типы 9 (трапециевидные, длинные, широкие), 10 (дуговидные, короткие, широкие), 25 (весловидные, средние, широкие), 26 (весловидные, короткие, широкие) (Горбунов, 2006, с. 20). Была разработана классификация луков по шести уровням: по конструкции лука (группа), форме (разряд), длине со снятой тетивой (раздел), числу накладок на кибити (отдел), составу набора накладок и его соотношению с их типами (тип), длине рогов и рукояти лука (вариант) (Горбунов, 2006, с. 21). Автор приходит к выводу, что в монгольскую эпоху все луки сложносоставные, продолжают использоваться домонгольские типы 6 (с 2 концевыми и срединной накладками) раздела II (средние луки длиной 130-135 см) и 12 (с 1 срединной накладкой) раздела III (короткие луки длиной 120 см и меньше), появляются и новые веяния – тип 7 (с 2 концевыми и 1 срединной накладкой) раздела II и тип 9 (с 4 срединными накладками) раздела III (Горбунов, 2006, с. 24–26). Автор отмечает полное господство монгольской традиции и выделяет как общую тенденцию небольшое увеличение размеров лука за счет удлинения рукояти. На основе 1334 наконечников стрел составлена шестиуровневая классификация – группа (материал изготовления), разряд (способ насада на древко), раздел (тело пера и его поперечное сечение), отдел (общий силуэт пера в продольной плоскости и наличие острия), тип (абрис пера и его оформление), вариант (упор и его конструкция) (Горбунов, 2006, с. 27-28). К золотоордынскому времени В.В. Горбунов относит типы (Горбунов, 2006, с. 39, 41–43): 9г. Трехлопастные треугольные с шайбовым упором; 34а. Четырехгранные треугольные; 36а. Четырехгранные ромбические; 43. Шестигранные килевидные; 44. Восьмигранные килевидные; 49б. Однолопастные треугольные - трапециевидные с меньшим верхним ярусом; 50. Однолопастные арочные – трапециевидные; 51б. Однолопастные треугольные; 52б. Однолопастные асимметрично-ромбические; 53б. Однолопастные ромбические; 55б. Однолопастные шестиугольные; 57б. Однолопастные вильчатые; 58. Однолопастные трапециевидные; 59б. Однолопастные секторные; 60. Однолопастные арочные; 62. Однолопастные четырехугольные скошенные.

В.А. Иванов привел результаты исследований материалов 1022 кочевнических погребений XIII–XIV вв.; согласно им, железные наконечники стрел и берестяные колчаны занимают 1 и 2 место по степени встречаемости предметов вооружения в ордынских кочевнических погребениях (90 и 47,4% соответственно) (Иванов, 2011, с. 73). Автором создана схема пропорционального распределения различных видов войска: 77,7% составляли конные лучники, 9% – конные лучники, вооруженные саблями (Иванов, 2011, с. 74–75). Впоследствии В.А. Иванов расширил число анализируемых погребений до 1179, по новым данным большая часть погребений с оружием содержит наконечники стрел (84,5%) и колчан (55,7%) (Иванов, 2015, с. 79, 88, 90). В следующей работе количество рассмотренных погребений доведено до 1273, в ней приводится статистическое распределение наконечников стрел по типам (по Г.А. Федорову-Давыдову): больше половины находок (52,2%) относятся к типам BIX и BXI (34,8 и 17,4% соответственно) (Иванов, 2020, с. 254–255).

Г.Н. Гарустович на основе материалов местонахождения, обнаруженного в Башкирии, приводит классификационную схему наконечников стрел, разделенных на типы и варианты следующим образом (Гарустович, 2012, с. 55-61): Тип 1. Плоские черешковые (1а. Крупные остроугольно-крыльчатые; 1б. Крупный листовидный плоско-черешковый; 1в. Крупный ромбический; 1 г. Крупный срезень), Тип 2. Бронебойные черешковые (2а. С четырехгранной пирамидальной головкой; 2б. С остроугольным острием; 2в. С трехгранной пирамидальной головкой; 2г. С ромбической в сечении боевой головкой), Тип 3. Ромбические черешковые с ромбовидным в сечении пером, Тип 4. Ромбические черешковые с линзовидным в сечении пером, Тип 5. Втульчатый шиловидный.

Е.П. Мыськовым была разработана классификация наконечников стрел Волго-Донских степей - отдел (выделен в зависимости от материала изготовления), тип (черешковые или втульчатые), подтип и вариант (Мыськов, 2015, с. 124–126): Отдел А. Железные, Тип I. Черешковые (Подтип а. Срезни с плоскими перьями; Подтип б. Ромбовидные с плоскими

перьями; Подтип в. Пятиугольные с плоскими перьями; Подтип г. Фигурные с выступами в верхней части и плоскими перьями; Подтип д. Вильчатые с плоскими перьями; Подтип е. Узкие удлиненные с уплощенными перьями; Подтип ж. Бронебойные; Подтип з. Трехлопастные с парными отверстиями в лопастях), Тип II. Втульчатые (Подтип а. Ланцетовидные с узкими удлиненными перьями); Отдел Б. Костяные, Тип I. Черешковые (Подтип а. С листовидным пером; Подтип б. Многогранные), Тип II. Втульчатые (Подтип а. Пулевидные); Отдел В. Деревянные, Тип I. Цельноструганные, составляющие одно целое с древком (Подтип а. Ланцетовидные; Подтип б. Конические с выступом-шпеньком в верхней части), Тип II. Втульчатые (Подтип а. Пулевидные). Автор считает, что на территории волго-донских степей кочевники носили стрелы в колчанах наконечниками вниз, находки колчанов с уложенными в них наконечниками вверх Е.П. Мыськов объясняет особенностью погребального обряда, представлением о том, что в загробном мире все должно быть наоборот (Мыськов, 2015, с. 133, 155). По мнению исследователя, ошибочно утверждение о том, что изготовление костяных орнаментированных колчанных накладок осуществлялось в городах - он считал, что почти все накладки являются продукцией самих кочевников (Мыськов, 2015, с. 135–141, 155). При декорировании колчанов использовались красный, черный и зеленый (иногда заменявшийся синим) цвета; по мнению автора, связаны подобные предпочтения с традиционными сопоставлениями между этими цветами (вместе с белым, цветом самой кости) и четырьмя сторонами света (Мыськов, 2015, с. 147). Автор выделял сочетание конкретных цветов с определенными орнаментами (к примеру, при изображении драконов обычно использовались черная и красная гамма) (Мыськов, 2015, с. 148). Нахождение колчана в погребении представляет собой половозрастной маркер, означающий принадлежность к полноправным членам общества (Мыськов, 2015, с. 155). По мнению исследователя, колчаны с орнаментированными костяными накладками носили мужчины, принадлежащие преимущественно к состоятельным средним слоям тюрко-монгольского кочевого населения (Мыськов, 2015, с. 156).

П.В. Харламов на основе анализа 133 комплексов из кочевнических погребений выделил 3 группы колчанов, разделенные на типы в зависимости от способа изготовления футляра. По мнению автора, в период господства Улуса Джучи на территории Волго-Уралья в кочевнической среде были распространены берестяные колчаны трапециевидной формы (характерные для всего средневековья), берестяные с резными костяными накладками, с железным каркасом и помещенным внутрь берестяным футляром (Харламов, 2016, с. 306–307).

Таким образом, в рассматриваемый период происходит скачок в вопросе исследования золотоордынского оружия дальнего боя. Проводится широкое изучение находок в рамках конкретных регионов, приведшее к созданию целого ряда новых типологических схем.

Можно выделить следующие хронологические этапы изучения золотоордынского оружия дальнего боя.

Середина XIX – середина XX в. – появляются первые работы, связанные с данной тематикой, однако вопрос об оружии дальнего боя затрагивается лишь частично, оставаясь в тени других. В ряде работ (наиболее ранних) Золотая Орда не рассматривается отдельно от Монгольской империи. Однако уже в данный период появляются труды, в которых выдвигаются первые теоретические предположения, связанные с оружием дальнего боя.

1960-е – 1980-е гг. – в связи с активным проведением археологических работ на памятниках Улуса Джучи и накоплением большого количества материала происходит качественный переход в изучении: появляются первые классификационные схемы различных компонентов оружия дальнего боя (элементы лука, колчана, наконечники стрел), разработанные Г.А. Федоровым-Давыдовым и А.Ф. Медведевым. Появляются работы, посвященные анализу некоторых элементов вооружения ордынского лучника (Н.В. Малиновская). Большая часть исследований основана на материале больших по площади территорий, что имеет как положительные (создание целостной картины в рамках всей или большей части территории Золотой Орды), так и отрицательные стороны (недостаточное внимание к региональным особенностям).

С 1990-х гг. по настоящее время – отличительной чертой данного этапа является появление большого числа исследований, посвященных находкам на территории конкретных регионов (происходит своеобразная «регионализация» тематики), создаются новые классификационные схемы, ориентированные на материал определенных областей.

Несмотря на достижения, остается ряд важных, нерешенных вопросов и проблем. Для создания общей картины комплекса золотоордынского оружия дальнего боя необходимо проведение сравнительных исследований по регионам и на их основе создание обобщающих работ, затрагивающих всю территорию Улуса Джучи. Большим потенциалом обладают исследования в области особенностей различных элементов оружия дальнего боя, обнаруженных на памятниках различных видов. Важным является вопрос о включенности Золотой Орды в евразийские процессы развития комплекса вооружения, в том числе и дальнего боя. Для этого необходимо проведение исследований, посвященных сравнительному анализу ордынского комплекса оружия дальнего боя и аналогичных элементов других государств Евразии. Изучение оружия дальнего боя Золотой Орды остается актуальным и требует дальнейшего исследования, основанного на использовании различных видов источников и применении большого спектра методов.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1887. 75 с.

Веселовский Н.И. Свистящие стрелы // Известия ИАК. 1909. Вып. 30. С. 156–160.

Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. Т. 25. Петербург, 1921. С. 273-292.

Гарустович Г.Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем, 2012. 222 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 280-302.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 363–404.

Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, ИИ АН РТ, 2011. С. 72–77.

Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 253–278.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 208 с.

Кушева-Грозевская А.Н. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925-26 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов: Тип. Промкомбината Аткарского УИК'а, 1928. 36 с.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966а. 184 с.

Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966б. № 2. С. 50–60.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: Армавирский гос-пед. ун-т, 2005. 210 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Руденко К.А. Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв. н.э. Уфа: Академия ВЭГУ, 2010. 254 с.

Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. 60 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Харламов П.В. Классификация колчанов кочевого населения степей Волго-Уралья в IX-XIV вв. // Актуальная Археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тезисы международной научной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г.) / Отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб: ИИМК РАН, 2016. С. 303-309.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.

Информация об авторах:

Мифтахов Максим Марселевич, обучающийся 4 курса Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); maks27052002@mail.ru

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); leonnedashkovsky@mail.ru

REFERENCES

Anuchin, D. N. 1887. *Luk i strely. Arkheologo-etnograficheskiy ocherk (Bow and arrows. Archaeological and ethnographic essay)*. Moscow: “A.I. Mamontov and Co” Publ. (in Russian).

Veselovsky, N. I. 1909. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* (30), 156-160 (in Russian).

Veselovsky, N. I. 1921. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Russian Geographic Society)* (25). Petersburg 273-292 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2012. *Sled velikoy zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga) (Trace of the Great Troubles (Site of the XIV century near the village of Brik-Alga))*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population’s Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament).* Moscow: “Vostochniy gorizont” Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 5, 280-302 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Kul’baka, V. K. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3. Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (The Cuman-Golden Horde Period).* Donetsk: Donetsk National University, 363–404 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 72–77 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoy Ordy: istoriya, kul'tura, religiya (Nomads of the Golden Horde: History, Culture, Religion).* Ufa: Bashkir State Pedagogical University. (in Russian).

Ivanov, V. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 6, 253-278 (in Russian).

Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

Kusheva-Grozevskaya, A. N. 1928. *Zolotoordynskie drevnosti Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya iz raskopok 1925-26 gg. v Nizhnem Povolzh'e (Golden Horde antiquities of the State Historical Museum from the excavations (1925–1926) in the Lower Volga region).* Saratov (in Russian).

Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 50-60 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (The Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Narozhny, E. I. 2005. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problem etnokul'turnogo vzaimodeistviia epokhi Zolotoi Ordy) (Medieval Nomads of the North Caucasus (Controversial Issues of Ethnic-cultural Interaction in the Golden Horde Period))*. Armavir: Armavir State Pedagogical University (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. *Srednevekovoe oruzhie Volgo-Kam'ia: zheleznye nakonechniki strel VIII–XVII vv. n.e. (Medieval Weapons of the Volga-Kama Region: Iron Arrowheads of the 8th – 17th cc. AD)*. Ufa: Eastern Economics and Law Academy of Humanities (in Russian).

Sablukov, G. S. 1895. *Ocherk vnutrennego sostoyaniya Kipchakskogo tsarstva (Essay of the internal state of the Kipchak kingdom)*. Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Kharlamov, P. V. 2016. In Alekshin, V. A. (ed.). *Aktual'naya Arkheologiya. Novye interpretatsii arkheologicheskikh dannykh (Contemporary Archaeology 3. New interpretations of archaeological data)* 3. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 303-309 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsenral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

About the Authors:

Miftakhov Maxim M. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maks27052002@mail.ru

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; leonnedashkovsky@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 930.2, 737 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.172.182

О НАЧАЛЕ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В УЛУСЕ ДЖУЧИ[1]

©2024 г. Р.Ю. Рева

В статье представлены фотоизображения монет и реконструкции штемпелей обнаруженного недавно нового монетного двора Уджкенд (Учкенд), который находился где-то в Среднем Поволжье. Высказанное ранее мнение о возможном наименовании этого населенного пункта от названия города Уч в Северной Индии, откуда могли быть пригнаны первые поселенцы, не находит подтверждение. Представлены монеты «Сарая», которые близки к первым выпускам Булгара и Уджкенда. В ходе изучения нумизматических артефактов и сравнения полученных данных с письменными источниками автор пришел к выводу, что чеканка монет в Улусе Джучи началась значительно раньше, чем считалось ранее. При правлении хана Бату, примерно, в 630-е – 640-е гг.х. (в конце 1230-х - в 1240-е гг.) были организованы монетные дворы Булгар, Уджкенд и Сарай, где началось монетное производство руками мастеров, которые были пригнаны из недавно завоеванных монголами территорий, отошедших Джучидам: в Уджкенд – из Газны, в Сарай – из Средней Азии (вероятно, из Хорезма), в Булгар – с Кавказа.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, монеты, динар, начало чеканки, Булгар, Сарай, Учкенд, Уджкенд, Хорезм, Газна, Уч, монголы, Джучиды, Хорезмшах, Султан Дели.

ABOUT THE BEGINNING OF COINAGE IN THE ULUS OF JOCHI[2]

R.Yu. Reva

The article presents photo images of coins and reconstructions of matrices from the recently discovered new mint of Ujkend (Uchkend) , which was located in the Middle Volga region. The previous put forward opinion about the possible name of this settlement from the name of the city of Uch in North India, from where the first settlers could have been brought, is not confirmed. The coins of “Sarai” mint are presented, which are close to the first issues of Bolgar and Ujkend. During studying numismatic artifacts and comparing the data obtained with written sources, the author came to the conclusion that the minting of coins in the Ulus of Jochi began much earlier than previously thought. During the reign of Batu Khan, approximately in the 630s – 640s AH. (in the late 1230s – in the 1240s AD) mints of Bolgar, Ujkend and Sarai were created, where coin production was organized by the craftsmen who were brought from the territories recently conquered by the Mongols, which ceded to the Jochids: to Ujkend – from Ghazna, to Sarai – from Central Asia (probably from Khwarazm), to Bolgar – from the Caucasus.

Keywords: archaeology, Ulus of Jochi, Golden Horde, coins, dinar, beginning of coinage, Bolgar, Sarai, Uchkend/Ujkend, Khwarazm, Ghazna, Uch, Mongols, Jochids, Khwarazmshah, Sultan of Delhi.

В книге «Джучидские монеты Поволжских городов XIII века» А.З. Сингатуллина привела блестящий историографический обзор публикаций о первых монетах Булгара (рис. 1), резюмировав: «Вопрос о времени чеканки монет Ан-Насир ли-д-Дина можно считать в основном решенным – это произошло в начальный период образования Улуса Джучи» (Сингатуллина, 2003, с. 22); « … можно сделать два вывода. Во-первых, эти монеты имеют золотоордынское происхождение, во-вторых, время их чеканки, предположительно, приходится на вторую половину сороковых – начало пятидесятых годов XIII века (до начала правления Менгу каана» (Сингатуллина, 2003, с. 24). За время, прошедшее с момента публикации книги, появилась новая информация, которая позволяет несколько скорректировать вышеприведенные тезисы, а также приблизиться к решению вопроса о том, откуда появились мастера, начавшие монетное производство в Улусе Джучи.

[1] Статья является продолжением доклада, прочитанного в мае 2021 года на 21 Всероссийской нумизматической конференции (Рева, 2021, с. 62-66).

[2] The article is a continuation of a paper delivered in May 2021 at the 21st All-Russian Numismatic Conference (Reva, 2021, p. 62-66).

Рис. 1. Прорисовки первых джучидских монет Булгара из книги А.З. Сингатуллиной (Сингатуллина, 2003, с. 132).
Fig. 1. Drawings of the first Jochid coins of Bolgar from the book by A.Z. Singatullina (Singatullina, 2003, p. 132).

Рис. 2. Монеты и их вес в граммах. 1 – Булгар; 2-14 – Уджкенд (12-13 – Zeno 134534, 144885); 15-17 – «Сарай».
Fig. 2. Coins and their weight in grams. 1 – Bolgar; 2-14 – Ujkend (12-13 – Zeno 134534, 144885); 15-17 – "Sarai".

В 2002 году недалеко от деревни Новое Мокшино Аксубаевского района Татарстана были найдены две серебряные монеты. Лицевая сторона обеих содержала легенду «Ан-Насир лид-Дин Аллах повелитель правоверных». У одной монеты оборотная сторона была: «Жизнь коротка. Потрать её на богоугодные дела» (рис. 2: 1) (Сингатуллина, 2003, с. 70, № 2). Оборотная сторона второй монеты была похожа на тип 1 из этого же каталога (Сингатуллина, 2003, с. 70, № 1): «Ад-динар….», вторая строка не прочеканена, а третья. вместо Булгара, указывала иное место: «...وجكند» (рис. 2: 4). В 2018 году в городе Энгельс, Саратовская область, были найдены 9 экземпляров (рис. 2: 2-3, 5-11) которые позволили восстановить легенду таких монет:

Л.с. النا صرلدين الله امير المومنين

О.с. الدينار[2] لمال (ال)ضرب[1] اوجكند.

Монетный двор можно прочитать как «Уджкенд» (варианты: Учкенд, Учкент, Уджкент).

В 2010 на аукционе Stephen Album Rare Coins. Auction 21. January 15-16, 2015 (SARC 9, 2010, p. 34, Lot 400) была продана фракция весом 0.97 гр. (рис. 2: 14) с укороченной легендой:

Л.с. النا صرلدين الله

О.с. (ال)ضرب اوجكند).

Оформления «динаров» «Уджкенда»[3] хотя и близко к самым ранним булгарским эмиссиям, однако обладает важной особенностью: использованием растительных мотивов в поле монеты в качестве декоративных элементов. При изучении вопроса, где ещё можно обнаружить такое оформление монет, стало очевидно, что монеты «Уджкенда» произведены мастерами, которые использовали те же навыки, что заметны на монетах последнего Хорезмшаха Джалал ад-Дин Манкбурны, чеканенных в Газне в 610-х – 620-х гг.х. (в 1220-е гг.) (рис. 4: 4[4]–6). Фракция Уджкенда близка к газнийским джиталам Хорезмшахов и Чингизхана (рис. 5: 3–6). С большой долей уверенности можно утверждать, что монеты с обозначением монетного двора Уджкенд отчеканены специалистами, которые были перемещены на Среднюю Волгу из региона Южного Афганистана – Северной Индии.

В докладе 2021 года я не исключал возможность того, что монеты, как я тогда считал, «Учкенда» могли быть произведены руками мастеров, выведенных монголами из города Уч[5] (вариант: Учча, Ūchchah) – крепости в провинции Синд на слиянии рек Ghārā и Chināb (Juzjani, 1881, p. Index 266). Подобно другим переселенцам они могли дать новому поселению наименование, напоминающее о своей старой родине. В настоящее время такое развитие событий представляется мне крайне маловероятным. По всей видимости, происхождение наименования Уч и «Учкенд» просто имеет схожую этимологию. *Кенд*-по-персидски деревня, селение, крепость. Стивен Албум заметил[6], что اوج в переводе с фарси - «высокое место, подъём, верхний». В персидско-русском словаре под редакцией Б.В. Миллера اوج [оудж] – высота, высшая точка, набирать высоту (Персидско-русский словарь, 1953, с. 47). В персидско-русском словаре под редакцией Ю.А. Рубинчика اوج – вершина, предел, высшая точка, апогей, подниматься ввысь, набирать высоту (Персидско-русский словарь, 1970, с. 141). Наименования населенных пунктов Уч (Учча, Уджа[7]) и «Учкенд» могло появиться как обозначение высокого места на берегу реки, либо как место, поросшее вязами[8]. В этом случае более правильным для волжского поселения будет прочтение *Уджкенд*[9]. Вариант происхождения *Уч* из тюркского «три» также возможен, но маловероятен, как мы увидим ниже, изготовители монет были выведены из местностей, где преобладал персидский язык[10]. Рассмотрим историю появления и пребывания монголов в Южном Афганистане – Северной Индии в интересующее нас время.

Монголы вошли на территорию Газны в 618 г.х. (1221 г.), преследуя хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Произошло несколько битв, в двух из них, при Валийане и Парване, победу одержал Джалал ад-Дин, но в решающей трехдневной битве у реки Инд, начавшейся 8 шавваля 618 г.х. (25 ноября 1221 г.), хорезмшах был разбит (Насави, 1996, с. 119-125). После этого войска монголов около трех месяцев вырезали все население и разрушали города. «Газна была разграблена и полностью разрушена, её жители были вырезаны, места, через которые прошли монголы, были опустошены, здания полностью разрушены», чтобы «чтобы кровью народа стереть катастрофу, которую его [Чингизхана – Р.Р.] войска понесли от рук Джалалуддина в Парване» (Juzjani, 1881, p. 1075). Однако Джалал ад-Дин, переплыв реку, спасся, и в серии битв с правителем Синда Кубачэ[11] и оказывавшим ему поддержку войском правителем Дели Шамс ад-Дином Ильтутмышем закватил крепость Учча и еще несколько городов (Насави, 1996, с. 126-131). В 621 г.х. (1224 г.) Джалал ад-Дин покинул Северную Индию. Оставив наибами Синда Джахан-Пахлавана Узбека Та’и , а тех областей Гура и Газны, что ещё не были покорены монголами, - ал-Хасана Карлука (Насави, 1996, с.131, 133) (рис. 6).

В 625 г.х. Шамс ад-Дин Ильтутмыш, выйдя из Дели, пришёл на территорию Учча и Мультана (Juzjani, 1881, p. 611). 1 Раби ал-эввель 625 г.х. (9 февраля 1228 г.) Ильтутмыш «достиг подножья стен крепости Учча столицы Малика Насир ад-Дин Аййютим Каба-джах (Кубачэ) (Juzjani, 1881, p. 612). В 627 г.х. (20/11/1229 – 8/11/1230) Джахан-Пахлаван покинул Синд, а ал-Хасан Карлук признал верховенство Ильтутмыша (Насави, 1996, с. 244).

По сообщению Джузджани в 631 г.х. (7/10/1233 – 25/09/1234) партия сторонников Берке, сына Джучи прибыла из страны Кипчак ко двору Шамс ад-Дунья вад-Дина (Абу-л-Музаффара Ильтутмыша (607–633 гг.х./1210–1236 гг.), привезя с собой подарки. Они не были приняты государем, который «ни

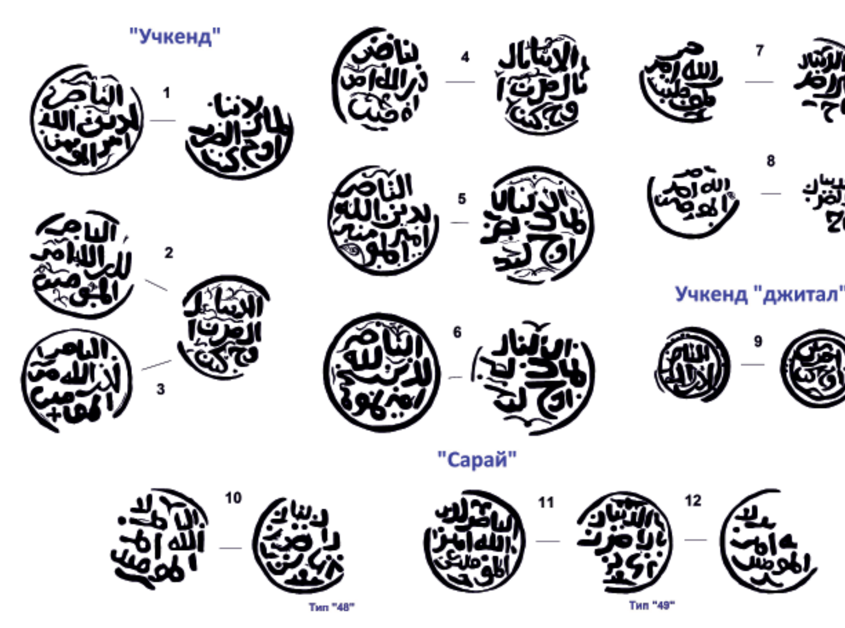

Рис. 3. Реконструкции штемпелей. 1-9 – Уджкенд; 10-12 – «Сарай».

Fig. 3. Reconstructions of matrices. 1-9 – Ujkend; 10-12 – “Sarai”.

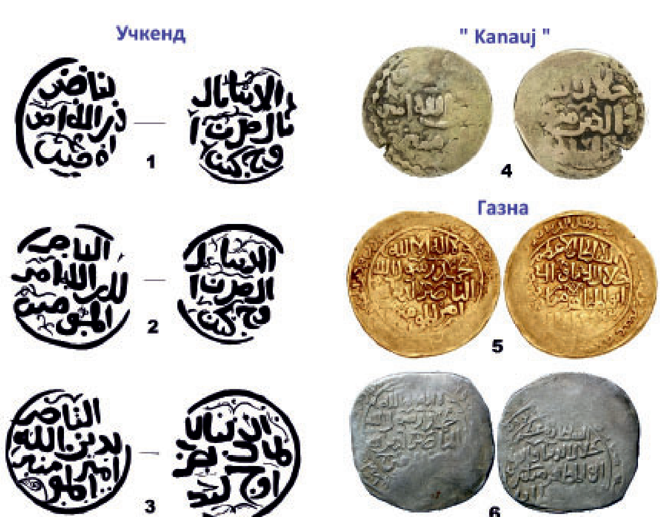

Рис. 4. Динары Уджкенда и монеты Газны со схожими декоративными элементами. **1-3** – Уджкенд; **4** – Джалал ад-Дуниа вад-Дин Манкбурны (617-628 гг.х.), Газна, стиль «Kanauj», динар. Zeno 257125; **5** – Джалал ад-Дуниа вад-Дин Манкбурны, Газна, 620 г.х., двойной динар. Zeno 263768; **6** – Джалал ад-Дуниа вад-Дин Манкбурны, Газна, серебро. Zeno 204948.

Fig. 4. Dinars of Ujkend and coins of Ghazna with similar decorative elements. 1-3 – Ujkend; 4 – Jalal ad-Dunia wad-Din Mankburni (AH 617-628), Ghazna, “Kanauj” style, dinar. Zeno 257125; 5 – Jalal ad-Dunia wad-Din Mankburni, Ghazna, 620 AH, double dinar. Zeno 263768; 6 – Jalal ad-Dunia wad-Din Mankburni, Ghazna, silver. Zeno 204948.

под каким видом не открывал монгольским ханам ворот знакомства и приязни и послов их не допускал к себе, а удалял под удобным предлогом», и были перенаправлены в Каливар (Гвалиор, Gwāliyūr). По прошествии шести лет они были перемещены в Каннаудж. (Тизенгаузен, 1941, с. 17; Juzjani, 1881, p. 1284–1285).

Армия монголов под руководством *Мангутай Нойон Бахадур Таира*[12] направилась к Лахору и к территории Синда и Учча в 639 г.х. (12/07/1241 – 30/06/1242) (Juzjani, 1881, p. 727).

643 г.х. «Mangūtah, кто был один из лидеров Монголов и правителей Туркестана привел свою армию от границ Таликана и Кундуза на территорию Синда и подошёл к Учче, которая является одной из знаменитейших твердынь страны Синд и всей территории Мансураха» (Juzjani, 1881, p. 809). 25 шабана 643 г.х. (15 января 1246) монголы усилили натиск в попытке овладеть крепостью Учча. Однако известие о приближении огромной армии султана Дели и Лахора[13] заставило монголов отступить. В результате чего часть пленников, как мусульман так и индуистов, было освобождена (Juzjani, 1881, p. 809–813).

Мангутай-нойон, вероятнее всего, это тот человек, о ком Рашид ад-Дин писал: «Племя сайджиут… во время Чингиз-хана, в ту пору, когда он делил амиров и войско между царевичами, он дал Джучи-хану **Мункеду-нойона** из этого племени. В эпоху Бату ведал войском. В настоящее время есть старший эмир, который находится у Токтая, имя его Черкес, он из его (Мункеду) потомков» (Тизенгаузен, 1941, с. 30)[14].

О том, что в XIII веке Газна и близлежащие земли принадлежали Джучидам можно найти сведения в «Сборнике летописей»

Рис. 5. Фракция динара Уджкенда и джиталы Газны. 1 – фракция Уджкенда (реконструкция); 2 – фракция Уджкенда; 3 – ʿАла ад-Дуниа вад-Дин Мухаммад б. Текеш (596-617 гг.х.), Газна, джитал. Zeno 243588; 4 – Джалал ад-Дуниа вад-Дин Манкбурны, Газна, джитал. Zeno 227626; 5 – Чингизхан (603-624 гг.х.), Газна, джитал. Zeno 137948; 6 – анонимная монета (правление Чингизхана или Угедея (624-639 гг.х.)), Газна, джитал. Zeno 199058.

Fig. 5. Dinar faction of Ujkend and the jitals of Ghazna. 1 – Ujkend faction (reconstruction); 2 – Ujkend faction; 3 – ʿAla ad-Dunia wad-Din Muhammad b. Tekesh (596-617 AH), Ghazna, jital. Zeno 243588; 4 – Jalal ad-Dunia wa-Din Mankburni, Ghazna, jital. Zeno 227626; 5 – Genghis Khan (603-624 AH), Ghazna, jital. Zeno 137948; 6 – anonymous coin (reign of Genghis Khan or Ogedei Khan (624-639 AH)), Ghazna, jital. Zeno 199058.

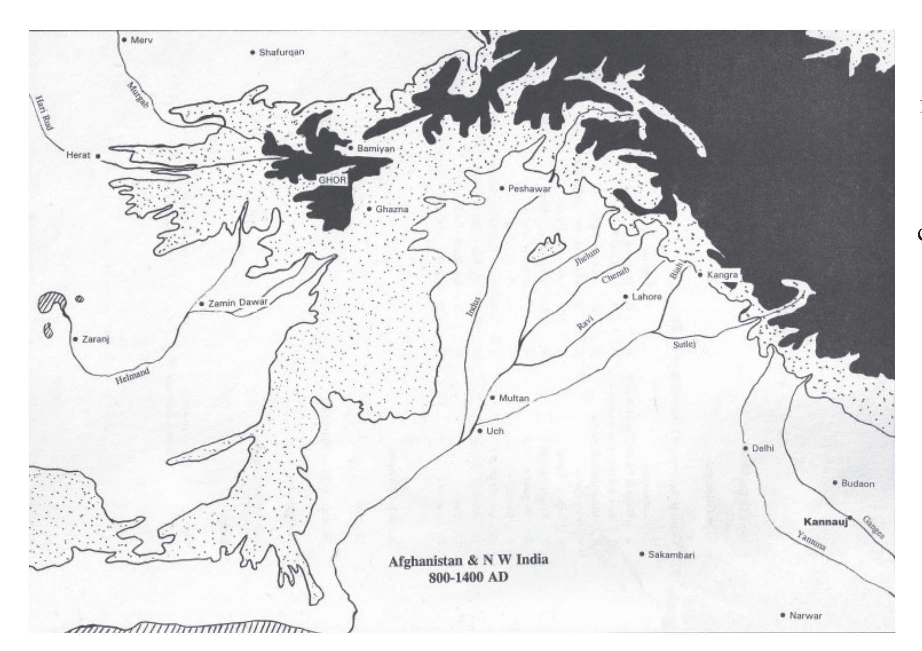

Рис. 6. Карта Афганистана и Северо-Западной Индии IX-XIV веков из книги «Jitals» (Tye Robert & Monica, 1995, p. 4).

Fig. 6. Map of Afghanistan and North-West India of the IX–XIV centuries from the book “Jitals” (Tye Robert & Monica, 1995, p. 4).

Рашид ад-Дина, который сообщает, что при жизни Бату Менгу-каан назначил Хулагу для завоевания Ирана, и приказал всем царевичам выделить 20 процентов войска для похода Хулагу. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска. Бату послал через Дербенд Кипчакский Балакана, сына Шибана, и Тутара сына Мингкадара сына Бувала. Бату скончался в 650 г.х. (14/03/1252 – 02/03/1253). Берке воссел в 652 г.х. (21/02/1254 - 09/02/1255). В 654 г.х. (30/01/1256 – 17/01/1257) Балакан задумал против Хулагу измену и предательство и прибегнул к колдовству. Это вышло наружу. Хулагу отослал Балакана к Берке, тот вернул его Хулагу на его волю. Хулагу казнил Балакана. Вскоре скончались Тутар и Кули. Заподозрили, что было отравление. В 660 г.х. (26/11/1261 – 14/11/1262) началась война Хулагу и Берке. Джучидские войска в Иране разбежались, часть ушли и «расположились от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахаура, которые являются границами Хиндустана». Старшим из эмиров в этом войске был Никудер. Другие джучидские войска через Дербенд добрались до своих жилищ (Рашид ад-Дин, 1960, с. 81, 82).

Сведения о том, кому принадлежали земли и населения Газны и Бамиана содержатся в

труде Ибн Халдуна**:** «*Цари Газны и Бамьяна из рода Душихана*. Эти земли Газны и Бамьяна отошли к Душихану; они составляли часть Мавераннахра с южной стороны и граничили с Седжестаном и странами Индии. Они находились (прежде) под властью Харезмшахов, но Татары вырвали их из рук их при первом своём выходе. Чингизхан завоевал их для своего сына Душихана, (от которого) они перешли к сыну его Орде, а затем к Кунджи (Коничи – Р.Р.), сыну Орды, сыну Душихана. Он погиб в начале семисотых годов. Оставив после себя сыновей Баяна, Куйлюка и Мангытая, которые разделили земли между собою; старший из них, Баян, находился в Газне. После Кунджи вступил на престол сын его, Куйлюк; против него восстал брат его Баян, обратившийся за помощью к Токтаю, властителю Сарая, который помог ему через брата своего Бурлюка. Куйлюк же обратился за помощью к Кайду, который помог ему; но он (Куйлюк) не устоял против него (Баяна), бежал и умер в 709 году (11/06/1309 – 30/05/1310 – Р.Р.). Тогда этими землями стал править Баян, пребывая в Газне. Выступил против него Куштай, сын брата его Куйлюка; ему помог Кайду. Он отнял Газну у дяди своего Баяна. Тогда Баян отправился к Токтаю, и Куштай утвердился в Газне. Говорят, что овладевший ею (Газною) был никто иной, как брат его Мангытай[15]» (Тизенгаузен, 1884. с. 394).

На основании приведенных сведений можно сделать вывод, что монголы доходили до города Уч лишь в 639 и 643 гг.х., но не достигли больших успехов. Границей между монголами и тюрскими правителями Индии была река Инд. Земли и население Газны и Бамиана с начала монгольского завоевания в 618 г.х. были отданы Джучи и его потомкам. Эмир Мангутай-нойон с какого-то времени находился в Газне и продолжал попытки расширения границ владений монголов в сторону Синда. Джучидский анклав на юго-востоке Афганистана - севере Индии просуществовал до начала второго десятилетия XIV века, затем правившие там никудерийцы, ранее считавшиеся частью джучидского войска, перешли в подданство Чагатайского государства. Во время начала монетной чеканки в Учкенде население Газны фактически принадлежало Джучидам. Вероятно, по распоряжению Бату отсюда были присланы мастера на Среднюю Волгу[16], которые и смогли наладить денежное производство на этом монетном дворе.

Рассмотрим продукцию других монетных дворов на возможность определения регионов, откуда пришли мастера, начавшие там монетное производство. Экземпляры с аналогичной монетам Булгара и «Учкенда» легендой, но с иным обозначением места чеканки, были обнаружены: в Татарстане в 2003 году (рис 2: 17), в Ростовской области в 2013 году (Zeno 127536, вес неизвестен, рис. 2: 16) и в Энгельсе, (Zeno 217921, рис. 2: 15). Поместивший последнюю монету в 2019 году в интернет-базу Zeno Е.Ю. Гончаров заметил, что на ней указан тот же монетный двор, что мы назвали «Учкендом»[17], однако автор этих строк предположил, что там указано «Сарай», подобно тому, как это слово исполнялось на столичных монетах 670-х гг.х. (Zeno 102839, 153903, 10938, 93270; Сычев, 2022, с. 26, 28), но с пропущенной буквой *алиф*. В дальнейшем будем называть их монетами «Сарая» [18].

Декоративные элементы «динаров» «Сарая» другие, нежели чем на монетах Булгара и «Учкенда». Больше всего они похожи на «виньетки» монет Ануштегинидов, битых от имени Мухаммада б. Текеш и его сына Манкбурны на иранских и среднеазиатских монетных дворах (подобные элементы использовались на монетах Мавераннахра, Хорасана и Хорезма) (рис. 7: 4-6).

Следует заметить, что представленные здесь монеты раннего «Сарая» по своей стилистике несколько отличаются от монет Сарая, чеканенных позже, в середине пятидесятых годов XIII столетия (Сычев, 2022, с. 8-25). Не исключено, что «Сараем» в это время, скорее всего, называли ставку Бату. Возникает закономерный вопрос, где географически находился этот ранний «Сарай»?

А.Г. Юрченко в 2002 году писал: «В 1240 г. монгольское войско под предводительством Субедея вновь разорило Булгарию, а с 1242 г. Батый, возвратившийся из европейского похода, сделал на некоторое время своей ставкой бывший булгарский город, известный в русских летописях под именем Бряхимов» (Юрченко, 2002, с. 283).

И.Л. Измайлов в третьем томе Истории Татар на основании анализа сообщений Марко Поло и Гильома Рубрука пришел к выводу, что Булгар мог быть «сезонной столицей Бату-хана». Исследователь заметил, что

Рис. 7. Монеты «Сарая» и Средней Азии. **1-3** – реконструкции штемпелей «Сарая»; **4-5** – ʿАла ад-Дуниа вад-Дин Мухаммад б. Текеш, Хорезм, динар. Zeno 124869, 218949; **6** – Джалал ад-Дуниа вад-Дин Манкбурны, Астарабад, 622 г.х., динар. Zeno 239095.
Fig. 7. Coins of "Sarai" and Central Asia. 1-3 – reconstructions of the "Sarai" matrices; 4-5 – ʿAla ad-Dunia wad-Din Muhammad b. Tekesh, Khwarazm, dinar. Zeno 124869, 218949; 6 – Jalal ad-Dunia wad-Din Mankburni, Astarabad, 622 AH, dinar. Zeno 239095.

ставка Бату, а затем некоторое время и Берке, который «жил в Болгаре да в Сарае», совершала сезонные перекочевки с юга на север и обратно: «с января по август … поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться» (Измайлов, 2009, с. 450).

Нельзя исключать того, что ранний «Сарай», на котором были произведены представленные в этой статье монеты, сделанные руками выходцев из Средней Азии, мог быть как стационарным монетным двором (и находиться как на Нижней, так и на Средней Волге[19]), либо это был кочевой монетный двор, который перемещался вместе со ставкой хана. Как бы то ни было, самые первые монеты «Сарая», как было отмечено выше, несут на себе «руку мастера» - выходца из Средней Азии, скорее всего, из Хорезма.

Г.А. Федоров-Давыдов еще в 1961 году отмечал «влияние хорезмских мастеров на гончарное ремесло в Сарае» (Федоров-Давыдов, 1961, с. 79). «Сходство ранних хорезмских и сарайских монет тем более кажется значительным, что они резко отличаются от монет, выпускавшихся в конце XIII в. в Болгаре, Биляре, Кирмане, Крыму и Укеке» (Федоров-Давыдов, 1961, с. 79). Хотя Герман Алексеевич описывал в своей работе монеты Хорезма и Сарая, чеканенные начиная с 70-х годов XIII столетия (более ранний материал не был еще изучен в то время), однако выводы, которые сделал гениальный ученый в конце статьи отлично подходят и для более ранних выпусков, представленных в настоящей публикации: «На первых этапах денежное производство Сарая находилось под сильным влиянием Хорезма. Возможно, что на сарайском монетном дворе работали подневольные денежные мастера, вывезенные из Ургенча. Наследники высоких традиций денежного дела Средней Азии, хорезмские монетчики принесли в джучидскую нумизматику целый ряд характерных черт восточного монетного производства. Это сказалось как во внешнем оформлении легенд, так и в метрологических нормах и закономерностях» (Федоров-Давыдов, 1961, с. 89).

Следующий важный вопрос, откуда были привезены мастера, чеканившие первые монеты Булгара? Для решения этой проблемы необходимо рассмотреть, как были произведены эти монеты, и где до этого применялась подобная техника производства монет. Для первых серебряных монет Булгара это сделать пока проблематично. Однако, при тщательном изучении первых медных монет Булгара, становится понятным, что медные монеты такого же способа производства и близкой эпиграфики производились на Кавказе. Наиболее близкими в этом плане являются монеты следующих династий: Ширваншахов Кесранидов, Маликов Дербента, Ильдегизидов и проч. (рис. 8).

О тесных связях Кавказа и Средней Азии с Булгаром свидетельствуют погребальные комплексы. Д.Г. Мухаметшин и Ф.С. Хакимзянов, описывая оформление памятников Булгара, заметили, что некоторые декоративные элементы надгробий XIII века повторяют орнамент архитектурных памятников Средней Азии и Закавказья (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987а, с. 146). В другой работе, описывая тексты булгарских эпитафий, они заметили, что иногда можно установить из какого места был родом погребенный человек: «В отдельную группу можно выделить тахаллусы, образованные от топонимов. В основном это имена среднеазиатского и закавказского происхождения». В качестве примеров приведены следующие нисбы: Ширвани, аш-Шемахи, Самарканди, ал-Дженди, Кураса-

Рис. 8. Медные монеты Булгара, Кавказа и Газны. 1-4 – Булгар (3-4 – Zeno 233504, 44632); 5-6 – Суламид ‘Абдалмалик б. Бикбарс, Дербент. Zeno 98429, 63296; 7-8 – Ильдегизид Узбек б. Мухаммад. Zeno 79830, 20344; 9-10 – Ширваншах Гершасп б. Фаррухзад. Zeno 110208, 186322; 11 – Пишкинид Махмуд б. Пишкин + Ильдегизид Узбек, Ахар 612 г.х. Zeno 28368; 12 – Пишкинид Махмуд б. Пишкин + Хорезмшах Джелал ад-Дин Манкбурны, Ахар 623 г.х. Zeno 41814; 13-14 – Хорезмшах Джелал ад-Дин Манкбурны. Грузия, 623 г.х. Zeno 174082, 258240; 15-16 – медь Газны времени Чингисхана и Угедея. Zeno 295000, 54295.

Fig. 8. Copper coins of Bolgar, Caucasus and Ghazna. 1-4 – Bolgar (3-4 – Zeno 233504, 44632); 5-6 – Sulamid ‘Abdalmalik b. Bikbars, Derbent. Zeno 98429, 63296; 7-8 – Ildegizide Uzbek b. Muhammad. Zeno 79830, 20344; 9-10 – Shirvanshah Gershasp b. Farrukhzad. Zeno 110208, 186322; 11 – Pishkinid Mahmud b. Pishkin + Ildegizid Uzbek, Ahar 612 AH. Zeno 28368; 12 – Pishkinid Mahmud b. Pishkin + Khwarazmshah Jalal ad-Din Mankburni, Ahar 623 AH. Zeno 41814; 13-14 – Khowarazmshah Jalal ad-Din Mankburni. Georgia, 623 AH. Zeno 174082, 258240; 15-16 – Ghazna copper of Genghis Khan and Ogedei Khan period. Zeno 295000, 54295.

ни, ал-Кердари и др. (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987б, с. 119).

Теперь о времени, когда началась чеканка этих монет. Учитывая, что завоевание Булгара и других земель Поволжья войсками Бату началось в месяце Джумаде II 633 г.х. (февраль-март 1236 г.) (Тизенгаузен, 1941, с. 34), а монеты *Уджкенда* и «Сарая» близки с наиболее ранними монетами Булгара и несут на себе «руку мастера» из завоёванных монголами незадолго до этого Афганистана (Газны), Средней Азии (Хорезма) и Кавказа, автор считает, что более правильным будет говорить о том, что самые ранние монеты Булгара, Уджкенда и «Сарая» чеканены, примерно, в одно время при хане Бату, где-то в промежутке 630-х – нач. 650-х гг.х. (в конце 1230-х – в 1240-е гг.).

Примечания:

[1] Вариант اوچكنت.

[2] Вариант لملك.

[3] Реконструкции штемпелей монет Учкенда (Уджкенда) и «Сарая» (см. ниже) представлены на (рис. 3).

[4] Монета Zeno 257125 была продана на аукционе (SARC 21, 2015, p. 45, Lot 541). При описании лота аукционисты определили её стиль как Kanauj – по наименованию города на реке Ганг (находится в штате Уттар-Прадеш, в 318 км на юго-восток от Нью-Дели). Однако впоследствии специалисты пересмотрели принадлежность таких монет к этому городу. В настоящее время большинство ученых склоняются к тому, что монеты Ала ад-Дина Мухаммада сына Текеша и его наследника Джалал ад-Дина, выполненные в такой технике, произведены где-то в округе города Газна (см. https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=59569).

[5] Uch (урду : اوچ; «Uuch»), иногда Ууч Шариф (Урду: اوچ شریف; "Благородный Уч"), город в южной части Пакистана в провинции Пенджаб.

[6] См. комментарии к Zeno 211045.

[7] В арабской части издания ан-Насави название этого города передано как В.

[8] اوجا – по персидски вяз (Персидско-русский словарь, 1953. с. 47).

[9] Выражаю свою благодарность Д.М. Тимохину за консультацию по данному вопросу.

[10] Нельзя также отбрасывать вариант, что наименование индийского города *Уч, Учча* может иметь иное (неперсидское и нетюркское) происхождение.

[11] Из Рашид ад-Дина: «Правителем области Синд был некий эмир, по имени Кубачэ; он претендовал на султанскую власть. Между ним и раджой гоккаров Сенгином возникла вражда и распря. В одном фарсанге от города Уччэ на берегу реки Синд он [Кубачэ] стал лагерем с двадцатитысячным войском. Султан (Манкбурны – Р.Р.) послал против него Узбек-тая с войском» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 238).

[14] Ещё один Мангутай-нойон упомянут в Му‘изз как эмир, служивший и Хубилаю, и Хулагу: «Мангкутай внук Джадай-нойона из племени мангкут, почтенный эмир, занявший место своего деда Джадай-нойона (Му‘изз, 2006, с. 69, 76).

[15] Мангытай (брат Баяна) сын Коничи сына Сартактая сына Орды-Ичена. По-видимому, Ибн Халдун перепутал этого Мангутая, потомка Орду-Ичена, с Мангутай-нойоном, захватившим Газну несколькими десятилетиями ранее.

[16] Из 13 известных автору экземпляров монет Уджкенда 9 шт. было найдено в городе Энгельсе, 2– в Татарстане, 1 – в Крыму. Место находки еще одного экземпляра неизвестно.

[17] Е.Ю. Гончаров условно называл *Avj Kent*.

[18] Пока нельзя утверждать наверняка, что это продукция города Сарая, построенного на Нижней Волге.

[19] Две из трех известных на сегодняшний день монет найдены на Средней Волге.

ЛИТЕРАТУРА

ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Критич. текст, пер. с араб. З.М. Буниятова. М.: Восточная литература, 1996. 798 с.

Измайлов И.Л. Булгарский улус. Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 448–470.

Му‘изз ал-ансаб. (Прославляющее генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Т. III / Ред. А.К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987а. С. 143–157.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Д.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское книжное изд-во, 1987б. 128 с.

Персидско-русский словарь / составил проф. Б.В. Миллер. Издание 2-е исправленное и дополненное. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 668 с.

Персидско-русский словарь в двух томах. Т. I / под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. 784 с.

Рашид-ад Дин. Сборник летописей Т. I. Книга вторая / перевод с персидского О.И. Смирновой. М.;Л.: АН СССР, 1952. 316 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / перевод с персидского Ю.П. Верховского. М.; Л.: АН СССР, 1960. 254 с.

Рева Р.Ю. Монеты «Учкенда». О ранней чеканке Улуса Джучи // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция / Ред. П.Г. Гайдуков. Тверь: Тверская фабрика печати, 2021. С. 62–66.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Сычев Ю.В. Чеканное серебро Сарая и Укека XIII – начала XIV вв. (поштемпельный анализ). Саратов: Амирит, 2022. 154 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Персидские источники. М.; Л.: АН СССР, 1941. 308 с.

Федоров-Давыдов Г.А. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. // Эпиграфика Востока. Т. XIV / Ред. В. А. Крачковская. М., Л.: АН СССР, 1961. С. 79–89.

Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

Juzjani. Ṭabakāt-i-Nāṣiri: A General History of the Muhammadan Dinasties of Asia, including Hindustan (in TwoVols.) by the Maulānā Minhāj-ud-Din Abu-'Umar-i-'Usman. Translated from Original Rersian Manuscripts by Major H.G. Raverty. London: Printed by Gilbert & Rivington, 1881. 1296 p.+ 273p. index.

SARC 9. Stephen Album Rare Coins. Specialists in Islamic, Indian & Oriental Coins. Auction 9. December 11, 2010. 94 p. https://db.stevealbum.com//php/toc_auc.php?site=0&lang=1&sale=9&site=0&lang=1&sale=9. Дата обращения 30.01.2023.

SARC 21. Stephen Album Rare Coins. Specialists in Islamic, Indian & Oriental Coins. Auction 21. January 15-16, 2015. 189 p. https://db.stevealbum.com//php/toc_auc.php?site=0&lang=1&sale=21&site=0&lang=1&sale=21. Дата обращения 30.01.2023.

Tye Robert & Monica. Jitals. A Catalogue and Account of the Coin Denomination of Daily Use in Medieval Afganistan and North West India. Isle South Uist: Antony Rowe Ltd, 1995. 184 p.

Zeno – интернет база www.zeno.ru

Информация об авторе:

Рева Роман Юрьевич, эксперт Министерства Культуры РФ по категории «Нумизматические материалы Востока (III в. до н.э. – XX в. н.э.)», соучредитель Новосибирской городской общественной организации любителей старины (г. Новосибирск, Россия); roman04reva@yandex.ru

REFERENCES

Buniyatov, Z. M. (transl.). 1996. *Shihab ad-Din Muhammad ibn Ahmad an-Nasawi. Sirat al-Sultan Jalal ad-Din Mankburny (Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburny).* Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian and Arabic).

Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 448–470 (in Russian).

Muminov, A. K. (ed.). 2006. *Mu'izz al-ansab (Glorifying genealogy).*Series: Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh (The history of Kazakhstan in Persian sources) III. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian and in Persian).

Mukhametshin, D. G., Khakimzyanov, F. S. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ143–157 (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Khakimzianov, D. S. 1987. *Epigraficheskie pamiatniki goroda Bulgara (Epigraphic Monuments of Bolgar City)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Miller, B. V. (comp.). 1953. *Persidsko-russkiy slovar' (Persian-Russian dictionary)*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries (in Russian).

Rubinchik, Yu. A. (ed.). 1970. *Persidsko-russkiy slovar' v dvukh tomakh (Persian-Russian dictionary in two volumes)* 1. Moscow: "Sovetskaya entsiklopediya" Publ. (in Russian).

Rashid-ad-Din. 1952. *Sbornik letopisei (Collection of Chronicles)* Vol. 1, book 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Rashid-ad-Din. 1960. *Sbornik letopisei (Collection of Chronicles)* Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Reva, R. Yu. 2021. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Dvadtsat' pervaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (21st All-Russian Numismatic Conference).* Tver: "Tverskaya fabrika pechati " Publ., 62–66 (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Cities in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Sychev, Yu. V. 2022. *Chekannoe serebro Saraya i Ukeka XIII – nachala XIV vv. (poshtempel'nyy analiz) (Chased silver of Sarai and Ukek of the XIII – early XIV centuries)*. Saratov: "Amirit" Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Tiesenhauzen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1961. In Krachkovskaya, V. A. (ed.). *Epigrafika Vostoka (Oriental Eipgraphy)* XIV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 79–89 (in Russian).

Yurchenko, A. G. 2002. *Khristianskiy mir i «Velikaya mongol'skaya imperiya». Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda (Christendom and the "Great Mongol Empire". Materials of the Franciscan mission of 1245)*. Saint Petersburg: “Evrasia” Publ. (in Russian).

Maulānā Minhāj-ud-Din Abu-’Umar-i-’Usman. 1881. *Juzjani. Ṭabakāt-i-Nāṣiri: A General History of the Muhammadan Dinasties of Asia, including Hindustan* (in Two Vols.). Translated from Original Rersian Manuscripts by Major H.G. Raverty. London: Printed by Gilbert & Rivington.

SARC 9. Stephen Album Rare Coins. Specialists in Islamic, Indian & Oriental Coins. Auction 9. December 11, 2010. 94 p. https://db.stevealbum.com//php/toc_auc.php?site=0&lang=1&sale=9&site=0&lang=1&sale=9. Appeals date 01/30/2024.

SARC 21. Stephen Album Rare Coins. Specialists in Islamic, Indian & Oriental Coins. Auction 21. January 15-16, 2015. 189 p. https://db.stevealbum.com//php/toc_auc.php?site=0&lang=1&sale=21&site=0&lang=1&sale=21. Appeals date 01/30/2024.

Tye Robert & Monica. 1995. *Jitals. A Catalogue and Account of the Coin Denomination of Daily Use in Medieval Afganistan and North West India*. Isle South Uist: Antony Rowe Ltd.

Zeno – https://zeno.ru

About the Author:

Reva Roman Yu., expert of the Ministry of Culture of the Russian Federation in the category "Numismatic materials of the East (III century BC - XX century AD)". Elektrozavodskaya 2, Novosibirsk, 630015, Russian Federation; roman04reva@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/903 562/569 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.183.194

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ [1]

© 2024 г. Л.В. Яворская

Археозоологическими исследованиями, выполненными по методической схеме ИА РАН, проанализированы коллекции костных остатков животных из раскопок девяти городов и шести сельских поселений государства Золотая Орда. Основными находками в этих коллекциях были кости домашних копытных со следами мясной разделки. Исследованием установлено, что основным мясным продуктом жителей городов и поселений была говядина, баранина и конина играли в мясном потреблении существенно меньшую роль. Шкуры коров и быков были основным экспортным товаром Золотой Орды, поэтому крупный рогатый скот выращивался в большом объеме на сельских поселениях. Роль кочевников в экономической системе государства выявил анализ костных скоплений, обнаруженных в городах в ремесленных кварталах. Набор видов в скоплениях обычный, но ведущая роль в остеологическом спектре принадлежала мелкому рогатому скоту. Анализ анатомического набора выявил отбор отдельных наименований костей КРС и МРС, возможный только при массовом забое скота. В одном из скоплений установлен факт забоев лошадей для получения шкур. В экономике Золотой Орды кочевники играли роль поставщиков в города своих животных – овец и лошадей периодически и преимущественно для получения шкур.

Ключевые слова: археозоология, Золотая Орда, средневековые города, сельские поселения, кочевники, мясные продукты, скотоводство, скопления костных остатков, обработка животных шкур.

ARCHAEOZOOLOGICAL STUDIES ON THE GOLDEN HORDE URBAN AND RURAL SETTLEMENTS AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION OF ECONOMIC PROCESSES[2]

L.V. Yavorskaya

Archaeozoological studies, carried out according to the methodological scheme of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, analyzed collections of animal bone remains from excavations of nine cities and six rural settlements of the Golden Horde state. The main finds in these collections were bones of domestic ungulates with traces of meat cutting. The study found that the main meat product for residents of cities and settlements was beef; lamb and horse meat played a significantly smaller role in meat menu. Cow and bull hides were the main export goods of the Golden Horde, so cattle were bred in large numbers in rural settlements. The role of nomads in the economy of the state was revealed by the analysis of bone finds, discovered in cities in craft districts. In bone accumulations the set of species is common, but the leading role in the osteological spectrum belonged to small cattle. The anatomical set recorded a large number of individual bones from large and small cattle, which is possible only with mass slaughter of cattle. In one of the clusters, the fact of slaughtering horses for hides was established. In the economy of the Golden Horde, nomads played the role of suppliers of their animals to the cities - sheep and horses periodically and mainly for the production of hides.

Keywords: archaeozoology, Golden Horde, medieval cities, rural settlements, nomads, meat products, cattle breeding, accumulations of bone remains, hide processing

В современном гуманитарном знании междисциплинарные исследования важны не сами по себе, а для выявления принципиально новой информации, которую невозможно получить без синтеза знаний. Археобиологические исследования в археологии позволяют реконструировать жизнеобеспечение, экономические процессы в древних и средневековых обществах. В этом смысле на археологических памятниках Золотой Орды

[1] Исследование выполнено по теме государственного задания № 122011200264-9

[2] The research was carried on the topic of the State Task No. 122011200264-9

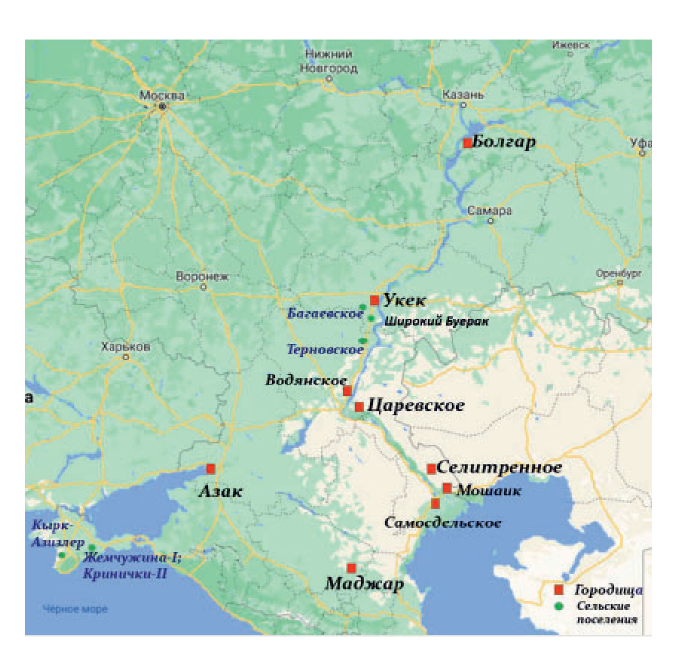

Рис. 1. Города и сельские поселения Золотой Орды с коллекциями костных остатков изученных по методической схеме ИА РАН

Fig. 1. Cities and rural settlements of the Golden Horde with collections of bone remains, studied according to the methodological scheme of the IA RAS.

археобиологические и, в частности, археозоологические исследования, особенно интересны, поскольку в государстве под управлением кочевой династии скотоводство было важнейшей отраслью экономики и изучение костных остатков животных из раскопок, по общему мнению, должно пролить свет на экономические процессы в государстве, дополнить сведения письменных источников. Именно поэтому археологи, исследующие памятники этого государства старались привлечь специалистов-остеологов к изучению костей животных, полученных при раскопках (Цалкин, 1968; Петренко 1984;). Археологические исследования памятников Золотой Орды проводились преимущественно в городах и крайне редко на сельских поселениях.

И встает важный методический вопрос – могут ли кости животных, полученные из раскопок городов, стать источником информации для реконструкции особенностей функционирования степного скотоводства и экономических процессов государства в целом? В Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН разработана методическая схема археозоологического исследования специально для последующих палеоэкономических реконструкций (Антипина, 2004, 2009, 2016), в рамках которой, помимо обычных для остеологических исследований параметров, таких как таксономический набор костных остатков, видовой состав млекопитающих, возрастные характеристики, получение данных о размерах животных и патологиях, анализируются такие «археологические» параметры как общий объем коллекции костных остатков животных с конкретного раскопа, оценивается тафономическое состояние фрагментов, степень искусственной раздробленности, следы искусственного воздействия, выстраиваются остеологические и анатомические спектры. Все полученные характеристики, рассматриваемые через призму археологического контекста, дают значительно большее количество информации о заполнении культурных напластований костями животных и, для золотоордынских памятников, позволяют выстраивать продуктивные гипотезы о роли кочевников и жителей сельских поселений в снабжении городов мясной пищей.

Именно по этой методической схеме изучены представительные коллекции из девяти золотоордынских городов и шести сельских поселений, расположенных почти по всей территории средневекового государства в Поволжье, а также на Нижнем Дону и Северном Кавказе, несколько коллекций происходят из сельских поселений в Крыму (рис.1). Памятники исследованы неравномерно – на каких-то имеются коллекции с нескольких раскопов и можно составить представление об изменениях остеологических спектров в различных районах города или по хронологическим горизонтам. В других городах и поселениях исследованы коллекции с небольшого количества раскопов или даже с одного.

Наибольшее количество коллекций исследовано на золотоордынских городских памятниках Поволжья. В Болгаре (Болгарское городище, Спасский район, Республика Татарстан) с 10 раскопов. На Увекском городище (город Укек, южная окраина современного города Саратов) с 9 раскопов. Из раскопок Водянского городища (Дубовский район, Волгоградская область) 3 раскопа. На столичном Царевском городище (Ленинский район, Волгоградская область) – 5 раскопов. На Селитренном городище (Харабалинский район, Астраханская область) – 6 раскопов. На домонгольских городищах Самосдель-

Таблица 1. Мясное потребление в городах Золотой Орды, усредненные данные (%)
Table 1. Meat consumption in the Golden Horde cities, average data (%)

Городские поселения	Природные зоны	Мясные продукты			
		Говядина	Конина	Баранина	Свинина
Поволжье					
Болгар (XIII в.)	*лесостепь*	62,1	10,1	27,4	0,4
Болгар (XIV в.)	*лесостепь*	69,2	7,4	23,0	0,4
Укек (XIII в.)	*степь*	56,3	2,2	41	0,5
Укек (XIV в)	*степь*	79,3	9,1	11,4	0,1
Водянское (XIV в.)	*степь*	63,7	12,8	22,8	0,7
Царевское (XIV в.)	*степь*	59,3	18,2	22,4	0,1
Селитренное (XIV в.)	*степь*	56,4	18,2	25	0,4
Мошаик (XIII в.)	*полупустыня (дельта)*	50,5	22,5	26,8	0,2
Мошаик (XIV в.)	*полупустыня (дельта)*	57,4	9,2	33,1	0,3
Самосдельское (XIII в.)	*полупустыня (дельта)*	56,7	20,1	23	0,2
Самосдельское (XIV в.)	*полупустыня (дельта)*	61,3	14,2	24,2	0,3
Нижний Дон и Предкавказье					
Азак (XIV в) Центр	*степь*	76,4	5,2	18,3	0,1
Азак (XIV в) Восточный	*степь*	76,0	18,3	5,5	0,2
Маджар (XIV в)	*степь*	79,7	8,8	11,4	0,1

ское и Мошаик, расположенных в Волжской дельте (Астраханская область), на каждом из памятников слои золотоордынского времени исследованы лишь на одном раскопе. Из археологических исследований города Маджар (Буденновский район, Ставропольский край) с 4 раскопов и 1 шурфа. В городе Азак (современный город Азов, Ростовская область) с 7 раскопов. Исследовательские задачи ставятся единые для всех памятников, но в ряде случаев возможности их выполнения ограничены небольшим количеством коллекций.

Отметим, что доля остатков диких животных не достигает в городских коллекциях даже 1%, а доли остатков птиц и рыб варьируют в различных районах, в среднем составляя по птицам 1,5%, по рыбам около 5%. Совокупная численность костных остатков животных-«помощников» человека – собак и кошек в городах обычно не более 1%. Кости транспортных животных – верблюдов и ослов, единичны. Основой мясного рациона жителей было мясо домашних копытных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, совокупная доля их определимых остатков в городах составляет не менее 80%. Но на материалах городских коллекций костных остатков возможно получить информацию о мясной диете горожан, о пропорциях потребления мяса домашних копытных. Поскольку мясные животные в городах содержатся в очень небольшом количестве, лишь как транспортные и молочные, поставки их на мясо осуществлялись извне – из кочевой степи или сельских поселений. А полученные на основе остеологических спектров пропорции в потреблении тех или иных видов мяса могут помочь в реконструкции источников поставок.

Расчет объемов потребления мяса домашних копытных по кратности их весовых показателей проводится по методике, применяемой в ИА РАН (Антипина, 2005, с. 186). Доля костных остатков каждого вида «мясных» домашних копытных в их общем остеологическом спектре умножается на соответствующий коэффициент кратности их весовых показателей. За эталон традиционно выбирается усредненный вес одной овцы из степных регионов (50 кг), соответственно ему для золотоордынских коров коэффициент составил 6, для лошадей – 5,5, для свиней – 1. Результатом расчетов становятся относительные объемы потребления мяса каждого вида, выраженные в условных единицах. Перевод этих показателей в процентное соотношение показывает долю каждого вида в мясной диете (Антипина, 2005, с. 186).

В городах Золотой Орды основным мясным продуктом является говядина, доля которой составляет в Поволжье 50-69%, на отдельных раскопах, датирующихся XIV веком, эта цифра превышает 70%. В городах, расположенных на Нижнем Дону и Северном Кавка-

зе доля говядины выше – 76-79% (табл.1). Следующую «позицию» в мясном потреблении городов занимает баранина – 5,5-41% (табл.1). Доля конины варьирует от 2 до 22%, свинина, с долей 0,1 до 0,7 % (табл.1), существенного места в мясном потреблении городов не занимает.

Традиционные представления о жизни в Золотой Орде опираются на тезис, что «кочевники кормили города мясом». Полученная нашими исследованиями картина с ведущей ролью говядины не вполне укладывается в эти рамки. В стадах степных кочевников золотоордынского времени письменными источниками упоминается содержание крупного рогатого скота, преимущественно как тягловой силы (Путешествия, 1957, с. 28, 91). О его численности в стаде кочевников по текстам составить представление невозможно, известно только, что крупного рогатого скота существенно меньше, чем мелкого рогатого скота. Закономерно возникает вопрос: откуда поставлялся в города скот, прежде всего – быки и коровы, на мясо – из кочевой степи или из ближайшей сельской округи? Можно выдвинуть предположение, что крупный рогатый скот поставлялся в города из сельской округи, где его удобно содержать и выпасать.

Помимо «бытовых» накоплений «кухонных» остатков разрозненных костей домашних копытных, случайным образом распределенных в культурных напластованиях, в золотоордынских городах эпизодически встречаются мощные скопления зачастую целых костей крупного и мелкого рогатого скота. Впервые такие скопления были зафиксированы в золотоордынском Азаке при раскопках 2000 года на центральной магистральной улице города. Эти скопления стали для исследователей-зоологов источником информации о размерах рогатого скота (Тимонина, 2002). Значительно позднее археозоологический анализ таксономического состава остатков, видового набора млекопитающих, анатомического набора костей наиболее многочисленных видов, проведенный по методической схеме ИА РАН, выявили специфику таких остеологических материалов и позволили перейти к выяснению причин появления подобных накоплений.

Основной характеристикой специфических мощных костных скоплений стал чрезвычайно обедненный, по сравнению с «кухонными» накоплениями, таксономический набор млекопитающих, птиц и рыб. (Яворская, Масловский, 2018, с. 366-367, табл.1). Среди костей домашних копытных в них решительно доминировал рогатый скот, по большей части мелкий, хотя в обычных кухонных отбросах из городских усадеб превалировали кости крупного рогатого скота (Яворская, 2019а, с. 296).

В анатомическом наборе мелкого рогатого скота наиболее многочисленными оказались остатки голов и метаподиев, в отдельных выборках – лопаток (Яворская, Масловский, 2018, с. 369-370). На некоторых костях, преимущественно на метаподиях, отмечены необычные следы – лощение по передней стороне диафиза и стертость двух боковых сторон (Яворская, 2021, рис. 1). На этих же костях зафиксированы грубо прорезанные отверстия в проксимальной площадке, как будто кость насаживалась на какой-то стержень (Яворская, 2021, рис. 2). В анатомическом наборе КРС, кроме высоких значений для остатков голов и метаподиев, зафиксирован отбор трубчатых костей с особыми свойствами - толстой и прочной компактой, а также метаподиев, на которых обнаружены другие следы – стертость боковых сторон или всей окружности диафиза (Яворская, 2021, рис. 3).

Вся совокупность этих археозоологических «наблюдений» позволила установить, что подобные скопления костей домашних копытных в ремесленной части города, в отличие от обыденных кухонных костных отбросов, являются результатом единовременных и особо масштабных забоев рогатого скота (Яворская, 2019, с.581). Из туши вычленялись отдельные кости с особыми свойствами. Кости крупного рогатого скота – трубчатые с хорошей компактой и лопаточные, были пригодны и использовались как сырье для косторезов, а метаподии со следами стертости диафиза, по-видимому, были использованы для выравнивания и вытягивания сыромятных ремней – то есть, в кожевенном производстве (Яворская, 2021, с.220). Специальный отбор метаподиев и других трубчатых костей мелкого рогатого скота производился также с целями использования их в обработке шкур и кож – кости одинаковой длины вставлялись в устройства по выравниванию кожаных лент, что и объясняет образовавшиеся на таких костях следы лощения, стертость боковых сторон и отверстия в проксимальном конце.

В наибольших масштабах подобные «производственные» накопления зафиксированы в Азаке (Яворская, Масловский, 2018). Однако и в других изученных золотоордынских городах известны аналогичные находки. На Маджарском городище, на раскопе №XIII 2017 года, который располагался в торгово-ремесленной части города обнаружен соответствующий видовой и анатомический набор костных остатков, а также следы «производственного» использования костей, что позволило атрибутировать обнаруженные на раскопе сооружения – площадку и траншею, как производственные остатки мастерской по обработке шкур и первичной выделке кожаных изделий (Бочаров, Яворская, 2019, с.193).

Есть еще вариант скоплений костных остатков, отражающих существование в золотоордынских городах производств из животного сырья главным образом из шкур мелкого рогатого скота. Они исследованы в пяти золотоордынских городах – Болгаре, Маджаре, Азаке, Укеке и Сарае (Селитренное городище) и выглядят как обычные, но излишне сконцентрированные и количественно объемные «кухонные отбросы». Тщательный разбор подобных остеологических коллекций по культурно-хронологическим горизонтам выявляет в одном или нескольких горизонтах резкое увеличение доли остатков мелкого рогатого скота по сравнению со средними данными по остальным районам города, и само количественное наполнение костями в этих напластованиях также оказывается чрезмерно высоким. Например, для центральной части Болгарского городища, подсчеты скорости и объемов накопления костей за весь период функционирования данного участка, распределенные по культурно-хронологическим горизонтам, показали, что общее количество костей домашних копытных в напластованиях золотоордынского времени на каждом новом этапе увеличивалось в десятки и сотни раз (Яворская, 2015, табл. 2).

Сходная ситуация выявлена в одном из горизонтов раскопа № XII Маджарского городища. В нижнем горизонте золотоордынского слоя (II-ранний) соотношения мясных продуктов доля говядины значительно ниже средних показателей по городу, а доля баранины необычно высока В 400 метрах от раскопа №XII исследован шурф №2 выявивший костные остатки, маркирующие масштабные забои мелкого рогатого скота для получения шкур. Датировки слоя II-раннего совпадает с датировкой заполнения шурфа №2. Вполне понятно, что оставшиеся от забоев мясные бараньи туши были употреблены в пищу, а их кости наполнили культурные напластования близлежащих районов города. (Яворская, 2018а, с. 69)

Иногда в таких объемных накоплениях удается обнаружить отбор какой-то конкретной кости для использования в качестве производственного сырья. То есть, доля конкретного скелетного элемента в анатомическом наборе мелкого рогатого скота оказывается в несколько раз выше ее доли в «кухонных» остатках, характеризующих культурные напластования в усадьбах. Так, целенаправленный отбор лопаточной кости мелкого рогатого скота выявлен для остеологических материалов из слоя IV-ранний на раскопе №CXCVI (196) в центральной части Болгарского городища (Антипина, Яворская, Ситдиков, 2015). Отбор бараньих и козлиных рогов, как сырья для производства изделий из роговых чехлов, отмечен на раскопе №X (10) Маджарского городища (Яворская, Антипина, 2017а, табл.1). На раскопе №2 на Петровском бульваре,7 в Азове (Азаке) зафиксирован отбор метаподиев мелкого рогатого скота в накоплениях в культурном слое и жилище №5, а в выборке мостовой хорошо прослеживается отбор метаподиев и лопаток (Яворская, Масловский, 2018, с. 369-370, табл. 3,). Такие находки служат дополнительным маркером, фиксирующим массовые забои скота на прилегающей территории, поскольку отбор конкретной кости возможен исключительно при масштабных забоях этого вида животных. Еще один «производственный» маркер, встречающийся в таких накоплениях – кости со следами использования в кожевенном ремесле, описанные нами выше.

Именно находки костей со следами использования в кожевенном ремесле помогли понять специфику заполнения костями животных культурных напластований на раскопе №XIII Увекского городища, где были выявлены и значительные общие объемы накопления костных остатков (24 тысячи костных фрагментов) и повышенная, по отношению к типичной для Укека, доля баранины в мясном потреблении. По-видимому, ремесленная

площадка находилась где-то поблизости, но непосредственно в зону данного раскопа не попала (Яворская, 2020).

Еще одно интересное заполнение костными остатками исследовано на Селитренном городище (Сарай) в ремесленном квартале на раскопе №III (3), где изучались остатки стеклодельной мастерской. Объем коллекции составил свыше 20 тысяч фрагментов. Доли домашних копытных в остеологических спектрах этого раскопа обычны для данного памятника, однако в материалах 3 штыка доля крупного рогатого скота существенно выше, чем в верхних напластованиях - 31% против обычных 22-23%. Остеологические спектры в крупных ямах практически повторяют спектры в культурных слоях, лишь в ямах № 15 и 16 с очень высоким индексом раздробленности, существенно выше доли остатков МРС. Самое необычное заполнение обнаружилось в огромном котловане - яме №11. Остеологический спектр здесь обычен, но неожиданно высокой оказалась доля костных остатков лошади – 25% против обычных 9-11 % в культурных слоях (Яворская, 2022, с. 16-17). Анализ анатомических спектров домашних копытных в этой яме выявил, что практически все костные остатки являются «кухонными» - то есть разделанными, раздробленными остатками мясной пищи. По-видимому, можно говорить о «производственном» скоплении – остатках массовых забоев животных для получения шкур, включая лошадей. Версию «производственных» забоев подтверждают находки костей-инструментов, используемых в первичной обработке шкур, сделанных из костей крупного и мелкого рогатого скота. Таким образом, археозоологическим исследованием удалось на этом участке зафиксировать функционирование не только стеклодельной мастерской, но и мастерской по обработке животных шкур. Особенно важно, что впервые удалось найти следы массовых забоев лошадей, о вывозе шкур которых неоднократно сообщают письменные источники (Яворская, 2022).

Итак, выявленные масштабные «производственные» скопления костных остатков мелкого рогатого скота в золотоордынских городах могли формироваться только при осуществлении единовременных массовых забоев рогатого скота и лошадей для получения, прежде всего многочисленных партий шкур и кожи разного качества. И теперь, несмотря на то, что скопления костей мелкого рогатого скота в ремесленных кварталах Болгара, Укека, Маджара, Азака и Сарая в первом приближении представляются накоплением обычных «кухонных остатков», можно без сомнений полагать, что бараньи мясные туши оказались побочным продуктом – «отходами» от массовых забоев в «производственных» целях. Высокая насыщенность такими «кухонными» остатками в данном случае напрямую связана с поставками и забоями животных для нужд ремесленных производств, о чем свидетельствуют найденные на этих же раскопах предметы инструментария кожевников, изготовленные из костей. Животных – баранов, лошадей, для получения шкур регулярно, но, по-видимому, сезонно, пригоняли кочевники из своих степных хозяйств, что, например, для Болгара подтверждают результаты изотопных исследований (Яворская и др., 2015а). В периоды одновременного массового забоя овец в ремесленных центрах городов, где были налажены шкурно-кожевенные производства, образовывалось огромное количество «дополнительной» баранины, и кости из мясных туш обильно «оседали» в культурных напластованиях на этих участках и в близлежащих усадьбах (Яворская, 2021). Забой лошадей зафиксирован один раз, но именно в том полупустынном регионе, где ресурс сельских поселений – крупный рогатый скот активнее всего дополнялся кочевническим скотом.

Однако основным мясным продуктом горожан Золотой Орды была говядина. Преимущественно ее поставки осуществлялись из сельских поселений. Остается выяснить остатки каких мясных продуктов отражают культурные напластования самих сельских поселений. По той же методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, на настоящий момент имеется несколько исследованных коллекций костных остатков из трех поселений в Нижнем Поволжье и трех – в Крыму.

Нижневолжские памятники находятся на правом берегу р. Волга в природных условиях степных балочных перелесков. Селища Багаевское и Широкий Буерак принадлежат к сельской округе золотоордынского города Укек (Увекское городище, южная окраина современного Саратова). Багаевское датируется синхронно городу – второй половиной

XIII–XIV вв., Широкой Буерак – XIV веком. Селище Терновское - в Камышинском районе Волгоградской области, датируется, также XIV веком, но золотоордынского города вблизи не зафиксировано.

Коллекция Багаевского – самая представительная из всех изученных сельских поселений – около 13 тыс. костных фрагментов, но все остатки получены из одного и того же продолжающегося раскопа №1. Определимые остатки домашних «мясных» копытных – 5481 фрагмент (Яворская, Недашковский, 2020). Коллекция с поселения Широкий Буерак небольшая – 444 костных фрагмента, получена с одного раскопа, 403 фрагмента принадлежат мясным домашним копытным (Яворская, Изотова, Кубанкина., 2023). Археозоологическая коллекция из работ 2006 года на Терновском поселении составила 1515 фрагментов, из них определимым домашним копытным принадлежит 696.

Доля говядины в мясном потреблении жителей Багаевского селища составила довольно высокое значение – 80,4%, а на поселении Широкий Буерак она оказалась еще выше – 81,3%. Эти значения выше, чем в любых городах Золотой Орды, даже с самой широкой ресурсной зоной. Свинина потреблялась на обоих поселениях, но в очень небольшом объеме 0,5 и 0,2%. Это означает, что в составе населения присутствовали потребители этого вида мяса, и выращивали свиней здесь, по-видимому, для собственных нужд. Совокупная доля конины и баранины на обоих поселениях очень сходны – около 18-19%. Но если на Багаевском баранина составляет 13%, конина – 6%, то на Широком Буераке, наоборот, доля баранины неожиданно низкая – 3,2%, конина существенно выше – порядка 15% (табл. 2).

На Терновском поселении доля говядины ниже, чем на Багаевском – 64,1%, но следующую позицию в иерархии занимает конина – 30,3%, баранина составила 3,8%, свинина – 1,8% (табл.2).

Высокие, выше, чем в городах, объемы говядины на селищах округи Укека предполагают особую роль и невероятно высокую численность поголовья крупного рогатого скота в хозяйстве по отношению к другим видам домашних копытных. По-видимому, сельские жители занимались специализированным разведением крупного рогатого скота (Яворская, Недашковский, 2020). На Терновском, возможно, дополнительно разводили лошадей. Напомню, что по информации письменных источников, степные лошади и их шкуры были важной экспортной продукцией (Яворская, 2017, с.315). Изучение археозоологических коллекций в отдельных районах города Укека, датирующихся XIV веком, выявило очень высокие показатели потребления говядины, сопоставимые с данными, полученными по Багаевскому селищу. Кроме этого, в ремесленном квартале Укека обнаружены остатки «производственных» скоплений костей домашних копытных, а также костные остатки крупного и мелкого рогатого скота, использовавшиеся в качестве инструментария в кожевенном производстве (Яворская, 2020б). Из всего вышеизложенного можно предположить, что одним из важнейших хозяйственных занятий жителей сельских поселений Нижнего Поволжья было скотоводство и, в частности, разведение крупного рогатого скота, а, иногда, и лошадей, на мясо и шкуры. Забои и разделка животных, а также обработка шкурной продукции происходили, по-видимому, в ремесленных кварталах городов.

Археозоологическое изучение средневековых сельских поселений степной зоны Крымского полуострова представляет немалый научный интерес – оно может прояснить хозяйственные занятия жителей и существенно дополнить сведения письменных источников к реконструкции экономической системы (Яворская, 2021а). Два крымских поселения Жемчужина-I и Кринички-II расположены в Кировском районе в юго-восточной части Крымского полуострова в предгорной степи и в средние века входили в сельскую округу золотоордынского улусного центра города Солхат (ныне Старый Крым). Археозоологические коллекции представительны: на Жемчужине-I она составила 5795 фрагментов, домашних копытных – 3281 фрагмент, в Криничках-II объем коллекции 1264 фрагмента, «мясные» домашние копытные составили 585 фрагментов. Третий из крымских памятников, поселение Кырк-Азизлер, расположен в Бахчисарайском районе, в предгорной степной части. Археозоологическая коллекция с раскопа №III (3), объемом 3473 фрагмента, остатков домашних копытных – 2067.

На всех трех крымских поселениях основным мясным продуктом была говядина, доля

Таблица 2. Остеологические спектры и мясное потребление сельских поселений Золотой Орды (%)
Table 2. Osteological spectra and meat consumption in Golden Horde rural settlements (%)

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	ВСЕГО
Поволжье					
Багаевское	47,7	3,9	46,5	1,9	100,0
Широкий Буерак	67,1	13,8	15,7	1,0	100,0
Терновское	49,0	25,3	17,5	8,2	100,0
Крым					
Жемчужина-I	64,5	6,9	28,4	0,2	100,0
Криничкu-II	63,6	2,1	34,0	0,3	100,0
Кырк-Азизлер, Р-III	66,9	6,2	26,7	0,2	100,0
Кратность веса мясных туш	**6**	**5,5**	**1**	**1**	
Мясные продукты	Говядина	Конина	Баранина	Свинина	ВСЕГО
Поволжье					
Багаевское	80,4	6,0	13,1	0,5	100,0
Широкий Буерак	81,3	15,3	3,2	0,2	100,0
Терновское	64,1	30,3	3,8	1,8	100,0
Крым					
Жемчужина-I	85,3	8,4	6,3	0,04	100,0
Криничкu-II	89,3	2,6	8,0	0,08	100,0
Кырк-Азизлер, Р-III	86,8	7,4	5,8	0,04	100,0

которой от 85 до 89% (табл.2). Остальные мясные продукты – баранина и конина, доли которых составили от 2,6 до 8,4% - существенно «уступали» говядине (табл.2). Роль свинины в рационе жителей степных крымских поселений оказалась незначительной (0,04-0,08%) (табл. 2).

Решающая роль говядины в мясном потреблении косвенно указывает на очень высокую численность крупного рогатого скота, содержавшегося на сельских поселениях, что возможно только при специализированном его разведении. Природные условия – обширные степные выпасы вполне соответствуют отгонному характеру скотоводства, практикуемому для разведения этого вида животных. Расположенные недалеко от крупных городов, эти поселения могли осуществлять регулярные поставки животных на мясо и для получения главного экспортного товара – шкур КРС. Кости из мясных туш должны были откладываться преимущественно в культурных напластованиях городов, однако очень много остатков обнаружено и на самих поселениях.

Итак, археозоологические исследования прояснили ряд аспектов функционирования экономики Золотой Орды.

Установлено, что основным мясным продуктом в городах являлась говядина – продукция оседлых поселений. Соответственно, важнейшую роль в экономической системе Золотой Орды играли сельские поселения, их население практиковало специализированное разведение крупного рогатого скота на шкуры и мясо.

Огромное количество говядины, как пищи горожан и уже в меньшей степени использование в пищу баранины и конины, согласуется с данными письменных источников об основном экспортном продукте – шкурах КРС. На втором месте в экспорте значится такой товар как шкуры лошадей. О шкурах мелкого рогатого скота в письменных источниках не упоминается.

Анализ скоплений костных остатков из ряда городов Золотой Орды установил факт, что кочевники регулярно и, по-видимому, сезонно пригоняли в города огромные стада рогатого скота, преимущественно мелкого, на убой для получения шкур. В столичном Сарае зафиксирован забой лошадей с теми же целями.

Местами масштабных забоев домашних копытных из сельских поселений и кочевой степи были ремесленные кварталы городов, там же, на специально оборудованных площадках, проводилась первичная обработка шкур, изготовление несложных кожевенных изделий.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Ред. и сост. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182-248.

Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.

Антипина Е.Е. Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002–2006 годов // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2009. С. 146–171.

Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–118.

Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдиков А.Г. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013-2015 гг.) // КСИА. 2015. № 241. С. 402–408.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 3. Казань: изд-во КГУ, 2015. С. 7–11.

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 185–200.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Тимонина Г.И. Сведения о массовых наход ках рогатого скота в Азаке // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2002. С. 223–231.

Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень МОИП. Отделение биологии. М., Т. LXXII (1). 1967. С. 114–130.

Яворская Л.В. Динамика заполнения костями животных центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. 2015. № 237. С. 239–251.

Яворская Л.В. Домашние животные в быту и экономической системе Золотой Орды: письменные свидетельства и археозоологические реалии // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука,2017. С. 313–318

Яворская Л.В. К вопросу об обеспечении мясными продуктами средневекового города Болгар // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 307–318.

Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология Евразийских степей. 2018а. № 5. С. 68–73.

Яворская Л.В. Общее и особенное в заполнении костями животных культурных напластований центральной части средневекового Болгара // Археология Евразийских степей. 2018б. № 5. С. 256–261.

Яворская Л.В. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 553–567.

Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Азаке: мясные продукты и ремесленные производства // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019а. С. 294–298.

Яворская Л.В. Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики юго-восточного Крыма в золотоордынский период // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 171–181.

Яворская Л. В. Новые данные о роли Маджара в золотоордынской торговле шкурно-кожевенной продукцией: археозоологический аспект // Нижневолжский археологический вестник. 2020а. Вып. 19. С. 202–210.

Яворская Л.В. Ремесленные производства из животного сырья в золотоордынском Укеке: новые данные // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции / Ред А.С. Скрипкин. Волгоград, 2020б. С. 222–228.

Яворская Л.В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов. Вып 5 / Отв. ред. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов.. М.:ИА РАН, 2021. С. 216–226.

Яворская Л.В. К вопросу о функциях сельских поселений в экономической системе Золотой Орды // Поволжская археология. 2021а. № 2 (36). С. 136–147.

Яворская Л.В. К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археозоологических коллекций // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 13–19.

Яворская Л.В., Антипина Е.Е., Энговатова А.В., Зайцева Г.И., Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов Европейской части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. №1 (31). С. 54–64.

Яворская Л.В., Антипина Е.Е. Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремеслянного квартала (раскоп № X – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: Таус, 2017. С. 243–250.

Яворская Л.В., Изотова М.А., Кубанкина О.А. К изучению округи золотоордынского города Укек: результаты археологического и археозоологического исследований на поселении Широкий Буерак в 2021 году. // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 300–317.

Яворская Л.В., Масловский А.Н., Находки скоплений костей животных в золотоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 г. Вып. 30 / Отв. ред. А.Н. Масловский, Е.Н. Самарич. Азов: Азовского музея-заповедника, 2018. С. 358–378.

Яворская Л.В. Недашковский Л.Ф. Археозоологические материалы Багаевского селища // КСИА. 2020. № 261. С. 393–402.

Информация об авторе:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lv.yavorskaya@gmail.com

REFERENCES

Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly (Kargaly)* III. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul’tury” Publ., 182-248 (in Russian).

Antipina, E. E. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Natural Science Methods).* Moscow: “Yazyki slavianskoi kul’tury” Publ., 181–190 (in Russian).

Antipina, E. E. 2009. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 146–171 (in Russian).

Antipina, E. E. 2016. In Chernykh, E. N., Mishina, T. N. (eds.). *Mezhdistsiplinarnaia integratsiia v arkheologii (po materialam lektsii dlia aspirantov i molodykh sotrudnikov) Interdisciplinary Integration in Archaeology (based on Lectures for Postgraduate Students and Young Employees).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 96–118 (in Russian).

Antipina, E. E., Yavorskaya, L. V., Sitdikov, A. G. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (241), 402–408 (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157. Book 3. Kazan: Kazan State University, 7–11 (in Russian).

Bocharov, S. G., Yavorskaya, L. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 185–200 (in Russian).

Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1957. Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Timonina, G. I. 2002. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2001)* 18. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 223–231 (in Russian).

Tsalkin, V. I. 1967. In *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel biologicheskiy (Bulletin of the Moscow Society of Natural Scientists. Department of Biology).* LXXII (1), 114–130. (in Russian)

Yavorskaya, L. V. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (237), 239–251 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdu Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Preceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 313–318 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 307–318 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2018a. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 68–73 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2018b. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 256–261 (in Russian)

Yavorskaya, L. V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 553–567 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2019a. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego* (*Azak and the World Around It*). Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 294–298 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 170–180 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19. Volgograd: Volgograd State University, 202–210 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2020b. In Skripkin (ed.) *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya. Materialy VI Nizhnevolzhskoy Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy nauchnoy konferentsii* (*Volga-Ural region from antiquity to the Middle Ages. Materials of the VI Lower Volga International Archaeological Scientific Conference*) Volgograd, 222–228 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2021. In Chernykh, E. N., Zav'ialov, V. I., (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods*) 5. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 216–226 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2021a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 136–147 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 13–19 (in Russian)

Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E., Engovatova, A. V., Zaitseva, G. I., 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4:* History. Regional studies. International relations*)* 31 (1), 54–64 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E. 2017. In Zav'yalov, V. I., Kuzminykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 3. Moscow: "TAUS" Publ., 243–250 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Izotova, M. A., Kubankina, O. A. 2023. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 22 (2), 300–317 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Maslovsky, A. N., 2018. In Maslovsky, A. N., Samarich, E. N. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2015–2016 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2015–2016)* 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 358–378 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. Nedashkovskii, L. F. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (261), 393–402 (in Russian).

About the Author:

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lv.yavorskaya@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904+902.01+902.63 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.195.205

КАШИННАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ С ЧИЯЛИКСКИХ СЕЛИЩ ЮЖНОГО УРАЛА[1]

©2024 г. Е.В. Русланов

*«Купцы наших стран не забираются дальше
города Булгара; купцы Булгарские ездят
до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят
до земель Югорских, которые на окраине Севера»*

Сихаб эддин ибн Фалдаллах ал-Умари (1301-1349)

Позднесредневековая археология Южного Урала в последние годы сконцентрировалось на изучении селищ оставленных носителями чияликской археологической культуры (XIII-XIV вв.). Известные памятники открыты в лесостепной полосе, в основном в бассейне р. Белой и ее левых крупных притоков (Ик, Уршак, Дема, Кармасан и Чермасан). В статье рассмотрены объекты, расположенные в центральной части Южного Урала (территория современного центрального Башкортостана и восточной части Республики Татарстан). Целью работы является общий анализ и классификация кашинной керамики, выявленной в ходе раскопок чияликских селищ. Предметом изучения выступают фрагменты посуды, найденные в ходе раскопок, важность данного источника информации сложно переоценить, благодаря своей уникальности, этот тип сосудов открытого типа (чаши), даже во фрагментированном состоянии выступает довольно надежным хронологическим репером, позволяя наметить возможные торгово-обменные связи.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, чияликская культура, Золотая Орда, кашинная керамика, торговля, хронология.

KASHIN CERAMICS OF THE GOLDEN HORDE ERA FROM THE ARCHAEOLOGICAL SETTLEMENTS OF THE CHIYALIK CULTURE IN THE SOUTHERN URALS[2]

E.V. Ruslanov

In recent years, the late medieval archaeology of the Southern Urals has concentrated on the study of settlements left by the bearers of the Chiyalik archaeological culture (XIII-XIV centuries). Currently known monuments have been discovered in the forest steppe zone, mainly in the basin of the Belaya River and its left major tributaries (Ik, Urshak, Dyoma, Karmasan and Chermasan). The article considers the objects located in the central part of the Southern Urals (the territory of modern central Bashkiria and the eastern part of Tatarstan). The purpose of the work is a general analysis and classification of kashin ceramics revealed during the excavations of the Chiyalik culture settlements. The subject of study are fragments of ware found during excavations, the importance of this source of information can scarcely be exaggerated, due to its uniqueness, this type of open-type vessels, even in a fragmented state, acts as a fairly reliable chronological datum point, allowing us to outline possible trade and exchange relations.

Keywords: archaeology, Southern Urals, Chiyalik culture, Golden Horde, kashin ceramics, trade, chronology.

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

[2] The work was supported by the Russian Science Foundation within the project № 23-78-10057 “Dynamics of cultural development and exploration of the Southern Urals from antiquity to its incorporation into Russia (IV century BC – XVI century AD): interdisciplinary archaeological research."

В золотоордынское время (XIII–XIV вв.) территория Южного Урала отличалась богатством экологических ниш разной таксономической градации: степь, лесостепь, лес, верховые болота, горнолесная зона, разработанные долины рек, заливные луга и т. д. Эта особенность играла определяющую роль в миграционных процессах, связанных с проникновением населения с различным типом ведения хозяйства. В статье речь пойдет об одной группе керамики с чияликских селищ, что обуславливает акцентирование внимания именно на ней. Чияликская культура была выделена Е.П. Казаковым в Прикамье. Она получила свое название по селищу у дер. Чиялик (Чиялек) в Актанышском районе Республики Татарстан, раскопки которого проводились в 1969 г. В дальнейшем основные компоненты культуры и памятники на территории Южного Урала были рассмотрены Г.Н. Гарустовичем, результатом чего стала кандидатская диссертация и ряд обобщающих статей (Казаков, 1978, с. 31–33; 2003, с. 79–86; Гарустович, 2015, с. 181–197). Локализация памятников позволяет очертить границы расселения чияликских племен. Самые западные селища и могильники выявлены в восточных районах Татарстана и западных районах Республики Башкортостан, по реке Ик, левому берегу р. Камы, по берегам р. Белой в ее нижнем течении. Таким образом, западные границы расселения чияликских племен проходили по территории междуречья рек Зай и Ик, именно здесь располагаются самые крупные могильники. Далее к востоку чияликские памятники известны по берегам рек Белой, Демы, Кармасан и Чермасан. К северу от р. Белой в лесных районах чияликские памятники единичны, но они известны в Кунгурской лесостепи на территории Перми, где они выделены в сылвенскую культуру (могильники Селянино-Озеро, Кишертский). Южнее распространение памятников чияликской культуры ограничивается естественными границами лесостепи, не выходя в степные районы. Восточные границы в Зауралье прослежены менее четко, здесь вплоть до р. Тобол известны немногочленные, но схожие в некоторых элементах материальной культуры памятники макушинского типа южного локального варианта юдинской культуры (Викторова, Морозов, 1993, с. 174–178; Третьяков, 2022, с. 300–303). Таким образом, по современному административно-территориальному делению чияликская культура занимает территорию современной Республики Башкортостан, восточную часть Республики Татарстан, юго-восточную часть Удмуртии, юг Пермского края (Кунгурская лесостепь), а также север Челябинской, южную часть Свердловской и западную часть Курганской областей Российской Федерации.

Всего на территории Южного Урала известно более 90 селищ, целенаправленные раскопки проведены на Горновском, Игимском I, Чияликском, Подымаловском 1, Карповском, Тукмак-Карановском, Казакларовском, Меллятамакском VI, Ябалаклинском 1 селищах и на Старо-Нагаевской II стоянке, частично опубликованы лишь материалы Горновского, Ябалаклинского 1, Игимского I, Чияликского, Подымаловского 1 и Меллятамакского VI селищ (Иванов и др., 2007, с. 427–431; Казаков и др., 2016, с. 219–243; Тузбеков, 2021, с. 157–165; Русланов, 2022, с. 253–267; Русланов, 2023, с. 118–130).

Цель исследования заключается в сборе, анализе и вводе в научный оборот информации по кашинной керамике золотоордынского времени с чияликских поселений Южного Урала. Золотоордынская глазурованная посуда Нижнего Поволжья – составная часть прикладного искусства и культуры средневекового государства Золотая Орда. Она представляет собой пример своеобразного исторического развития, где история возникновения, развития, расцвета и забвения городов и керамического производства совпадают (Лисова, 2012, с. 7). Кашин – это особая масса на основе кварцевого песка с добавлением фритты и глины, покрываемая с двух сторон глазурью. Г.А. Федоров-Давыдов определял кашин как особый состав «с большим количеством силикатных песков с примесью каолина и шпата, глины и извести на клеящем веществе. Это рыхлое тесто невозможно оставлять без поливы. Слой поливы предохраняет ее от распыления (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 133–248; Кубанкин и др., 2018, с. 93–97). Подобные изделия изготовлялись с помощью специальных алебастровых форм-матриц калыпов (калыбов), встречающихся в золотоордынских городах Поволжья, Хорезма. Изготовление кашинных сосудов требовало особой технологии, и работа эта была трудоемкой (Булатов, 1972, с. 271–274), в связи с этим говорить о каком-либо производ-

стве подобной посуды на чияликских селищах Южного Урала не приходится, пока не найдены обломки хотя бы одного калыпа. Вся кашинная посуда поступала на Южный Урал в результате торговых/обменных сношений.

Классификация кашинной и красноглиняной посуды городских центров Золотой Орды на основе анализа технологии изготовления посуды, формы, особенностей орнамента и приемов орнаментации нашла свое отражение в работах Н.М. Булатов, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Ю. Коваля, Н.Ф. Лисовой и Е.М. Болдыревой (Булатов, 1968, с. 95–109; Булатов, 1976, с. 73–107; Федоров-Давыдов, 1976, с. 73–107; Федоров-Давыдов, 1994, с. 78–137; Коваль, 2005, с. 75–86; Коваль, 2010; Лисова, 2012; Болдырева, 2016).

В качестве базовых исследований, послуживших основной для классификации кашинной керамики с чияликских памятников Южного Урала, послужили работы, опубликованные В.Ю. Ковалем и Н.Ф. Лисовой, объединяющие в себе анализ технологических особенностей производства и технических характеристик золотоордынской бытовой керамики (Коваль, 2010; Лисова, 2012).

С поселенческих памятников чияликской культуры Южного Урала по опубликованным данным происходит 261 фрагмент, в основном это обломки чаш и гульабдана (*селища Подымалово-1 – 224 фр., Ябалаклы-1 – 34 фр., Горново – 2 фр., городище Уфа-II – 1 фр.*) (Русланов, 2018, с. 98–105; Гарустович и др., 2018, с. 32–42; Сунгатов и др., 2018, с. 87, рис. 63, *5*; Тузбеков, 2021, с. 157–165; Тузбеков, Камалеев, 2021, с. 126–139; Русланов, 2023, с. 118–130; Кашапова, 2023, с. 27–30).

Фрагменты относятся к трем группам кашинной посуды. Рассмотрим их подробнее на примере неопубликованной коллекции, полученной в ходе раскопок 2023 г. комплексной Золотоордынской археологической экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН селища Ябалаклы-1. Памятник находится в 1,17 км к северу от северной окраины с. Ябалаклы Чишминского района Республики Башкортостан на левом обрывистом берегу р. Демы. Памятник расположен на подтреугольном мысу, образованном современным руслом реки и старичным озером Дога-куле, площадка памятника ровная, высотой 2–3 м над урезом воды, покрыта луговой растительностью. К северу площадка селища резко понижается на 1,5–2 м, это связано с тем, что в ходе меандрирования русло р. Демы поменяло свое положение, сместившись к востоку, оставив после себя старичное озеро Дога-куле. Площадь памятника по результатам исследований 2023 г. составляет около 10 га.

Группа 1. Сосуды открытого типа (чаши?) с подглазурной полихромной росписью без рельефной моделировки орнамента (отдел II, группа 1, по Лисовой; группа 9, подгруппа А, по Ковалю) (Лисова, 2012, с. 2–26; Коваль, 2010, с. 72–81). При росписи керамики данной группы применялись два набора красок: темно-зеленая, синяя кобальтовая и бирюзовая либо черная и синяя. По мнению В.Ю. Коваля, эта посуда может быть датирована серединой – 2-й половиной XIV в. (Коваль, 2010, с. 72). Фрагментов этой группы в материалах селища Ябалаклы-1 немного (рис. 1: 14).

Группа 2. Керамика изготовлена из мягкого кашина белого или светло-серого цвета, покрыта бирюзовой глазурью, на внешней стороне некоторых черепков фиксируется черная подглазурная роспись (группа 1, отдел 2, по Лисовой; группа 9, подгруппа Б, серия 3, по Ковалю) (Коваль, 2010, с. 90). Керамика этой группы найдена в закрытых комплексах Хмелевского I селища (Саратовская обл., округа Укека), датированных по монетам 30-х – начала 50-х гг. XIV в. (Недашковский, 2011, с. 44). В ходе раскопок селища найдено пять фрагментов (рис. 1: 15–18).

Группа 3. В неё входят 26 различных по размерам фрагментов чаши из мягкого кашина светло-коричневого и серого цвета (рис. 1: 1–13), внешняя часть которых украшена подглазурной полихромной росписью зеленого цвета с синими точками и подглазурной рельефной моделировкой белым ангобом (группа 10, подгруппа А, серия 3, по Ковалю (Коваль, 2010, с. 93–98); группа 1, отдел 1, по Лисовой (Лисова, 2012, с. 22–24)). По наиболее крупным фрагментам можно установить, что чаша с селища Ябалаклы-1 имела бесцветную поливу и подглазурную полихромную роспись с рельефом. Внутри узор нанесен на белый фон и сопровождается легким рельефом черепка, подчеркивающим основные элементы декора. Характерен темно-зеленый контур рисунка и расцветка деталей орнамента синими точками. Свободный фон растительного орнамента заполнен мелкими штри-

Рис. 1. Кашинная керамика селища Ябалаклы-1. *1*-кв. Б-6, горизонт 3; *2*-кв. Б-13, горизонт 2; *3, 4, 13*-яма №2, горизонт 8; *5*-кв. Б-8, горизонт 2; *6*-кв. Б-12, горизонт 4; *7, 9, 12*- яма №2, горизонт 7; *8*-кв. Б-7, горизонт 8; *10*-кв. А-3, горизонт 1; *11*-кв. Б-13, горизонт 4; *14*-шурф №8; *15*-кв. Б-13, горизонт 1; *16*-кв. Б-12, горизонт 2; *17, 18*-кв. В-14, горизонт 1.

Fig. 1. Kashin ceramics from the Yabalakly-1settlement. *1*-sq. Б-6, horizon 3; *2*-sq. Б-13, horizon 2; *3, 4, 13*- archaeological pit №2, horizon 8; *5*-sq. Б-8, horizon 2; *6*-sq. Б-12, horizon 4; *7, 9, 12*- archaeological pit №2, horizon 7; *8*-sq. Б-7, horizon 8; *10*-sq. А-3, horizon 1; *11*-sq. Б-13, horizon 4; *14*- exploratory trench №8; *15*-sq. Б-13, horizon 1; *16*-sq. Б-12, horizon 2; *17, 18*-sq. Б-14, horizon 1.

хами. По всей видимости, орнаментация на внутренней стороне чаши была заключена в крупный медальон, окаймленный белой линией. Мотивом композиции выступала луковица с отходящими от неё толстыми побегами с трилистниками с точками. Внешняя сторона сохранила следы прозрачной поливы. На внутренней имеется эпиграфический орнамент, выполненный темно-зеленым цветом, имитирующий скорописный почерк «насх», который украшал один из орнаментальных поясов чаши (рис. 1: 5, 13). Аналогии также встречаются в материалах Селитренного, Болгарского городища, Маджара, Миздахкана. Наибольшее распространение данный тип кашинной посуды получил на территории Поволжья в конце 1-й (30–40 гг.) – 2-й половине XIV в. (Коваль, 2010, с. 98; Лисова, 2012, с. 22). Чаши, подобные найденной на селище, встречены на ряде селищ округи Укека (*Болдыревское, Широкий Буерак*), памятники по монетам датированы второй половиной (60 гг.) XIV в. (Недашковский, Шигапов, 2017, с. 701–712). На Руси они встречены в слоях первой половины и середины XV в. (Коваль, 2017, с. 739–763).

В процентном соотношении диагностируемые фрагменты кашинной золотоордынской посуды с селищ и городищ Южного Урала распределяются следующим образом. Всего из 266 известных на данный момент фрагментов анализу было доступно 226. К группе 1 относится 103 фрагмента (45%), ко 2 группе – 55 (24%), группа 3 представлена 68 (30%) обломками. Количественно преобладают фрагменты группы 1, это могло быть

связано с утилитарной предпочтительностью данного вида посуды. Наименьшее количество фрагментов у сосудов 2 группы. Следовательно, кашинная керамика, обнаруженная на чияликских селищах Южного Урала, может быть отнесена к концу первой – второй половине XIV вв. (1330/50–90 гг.), а и интервал существования рассматриваемых памятников должен быть ограничен этим временем. Это хорошо согласуется с другими хроноиндикаторами. На селищах встречаются округлые бусы полупрозрачного синего и голубого стекла (*селища Кармасан, Игимское III, Батраковское, Кумлекуль, Ново-Какрыбашевская стоянка*), полосчатые бусы с орнаментом в виде накладных линейно-волнистых пастовых нитей (*Меллятамак VI*), датирующиеся в пределах XIII–XIV вв. В слоях некоторых памятников найдены наконечники стрел различных типов (срезни, плоские ромбические черешковые, бронебойные) (*Тукмак-Каран, Горново, Ябалаклы 1, Подымалово 1*). Не ранее середины – второй половины XIV в. датируется гончарная красноглиняная тарная посуда (*Тукмак-Каран, Горново, Ябалаклы 1, Подымалово 1 и др.*). Даты дирхемов и пулов, битых в Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедиде, Хорезме, Гюлистане, Азаке, с памятников Башкирии не выходят за пределы конца второй половины XIV в. Самый поздний из известных дирхемов отчеканен в Сарай ал-Джедиде в 1375–1376 гг. при хане Джанибеке III (*Брик-Алга*). Таким образом, золотоордынский этап существования чияликских селищ на территории Южного Урала надежно датирован концом первой – второй половиной XIV вв.

Необходимо подчеркнуть, что при всех работах на чияликских селищах кашинная посуда найдена только в среднем течении рр. Демы и Белой. Это дает возможность сделать несколько предположений. Во-первых, возможно, что её отсутствие на селищах в долинах рр. Ик, Сюнь – это хронологический признак, и датировать памятники западного ареала следует концом XIII в. или первым десятилетием XIV в., т. е. временем, предшествующим «массовому» притоку кашинной и красноглиняной посуды на Южный Урал. Во-вторых, через район среднего течения Демы и Белой, где, как предполагается, находилась кочевая ставка (Гарустович, Нечвалода, 2020; Русланов, 2022, с. 253–267), мог проходить торговый путь, по которому поступала кашинная посуда, опосредованно оседая на селищах по берегам Демы и Белой.

Если рассматривать Южный Урал как регион, вовлеченный в золотоордынское время в транзитную торговую сеть, то ситуация с поступлением кашинной посуды перестает быть запутанной. Начиная с XI в. низовья р. Белой, а также северо-восточные реки Бельского водосбора (Уфа, Ай) являлись составной частью двух крупных торговых маршрутов, ответвлений трансъевропейского Волжского торгового пути, объединяющих города Волжской Булгарии, а затем и Булгарского Улуса и отдаленные «варварские» провинции (*страны Мрака*) с Прикамьем (*Камский торговый путь*) и народами Зауралья и Сибири (*«Северный» сибирский торговый путь*) (Белавин, 2000; Великий Болгар, 2013, с. 97; Воротынцев, 2019, с. 19–26). По этим торговым артериям поставлялись меха, медь, зерно, соль, скот, чугун и т. д. (рис. 2).

Археологическими свидетельствами средневековой торговли на Южном Урале являются денежные и вещевые клады, единичные монетные находки, остатки разоренного торгового каравана (*Брик-Алга*), Торналинское городище на р. Ай, которое могло выступать в качестве контрольного пункта на «Северном» сибирском торговом пути. В рамках наличия торговых путей важно упомянуть существование кочевого центра в среднем течении р. Демы вблизи п. Чишмы (*вещевой клад и дирхам хана Джанибека, три булгарских каменных мавзолея, ряд каменных булгарских эпитафийных надгробий 1329–1347 гг., группа кочевнических погребений и куст чияликских селищ*).

Кроме того, через призму торговых связей получает свое логическое объяснение уникальная ситуация, прослеженная в среднем течении р. Уршак, где выделены многочисленные металлургические центры с печами, местами добычи руды, готовыми чугунными котлами и формами для их отливки, а также красноглиняной золотоордынской тарной керамикой, которая позволила датировать их XIII–XIV вв. По данным С.В. Рязанова, технология выплавки чугуна в печах этих центров черной металлургии со всеми слагающими (футеровочные кирпичи, воздуховодные трубки, печи) имеют аналогии в Булгаре,

а немалую часть произведенного на Южном Урале металла потребляли города и селища Поволжья (Рязанов, 2009, с. 479–488).

Эти средневековые «заводы» работали не только на поволжский рынок сбыта: по последним данным, котлы, аналогичные произведенным на Южном Урале, найдены в Притоболье в 550–650 км от предполагаемого места производства. Здесь целые изделия и отдельные фрагменты зафиксированы в памятниках с макушинскими и юдинскими материалами на р. Нице и в Приисетье (*городища Боровиково-1, Папское, могильник Медный Борок*). На основании радиоуглеродного анализа памятники функционировали в конце XIII – начале XV в. (Третьяков, 2023, с. 40–43), что полностью укладывается в относительную хронологию золотоордынского этапа чияликской культуры.

До известных торговых маршрутов, начинающихся в низовьях Белой, готовую продукцию нужно было как-то доставить, вероятно, для этого использовались реки (*Дема, Уршак, Белая*). По торговым путям поступала кашинная и круговая посуда, украшения, сельскохозяйственные орудия, ассортимент ввозимых вещей прекрасно демонстрирует разоренный караван у д. Брик-Алга (Гарустович и др., 2004, с. 246–256; Гарустович и др., 2005). Караван маркирует второстепенный торговый

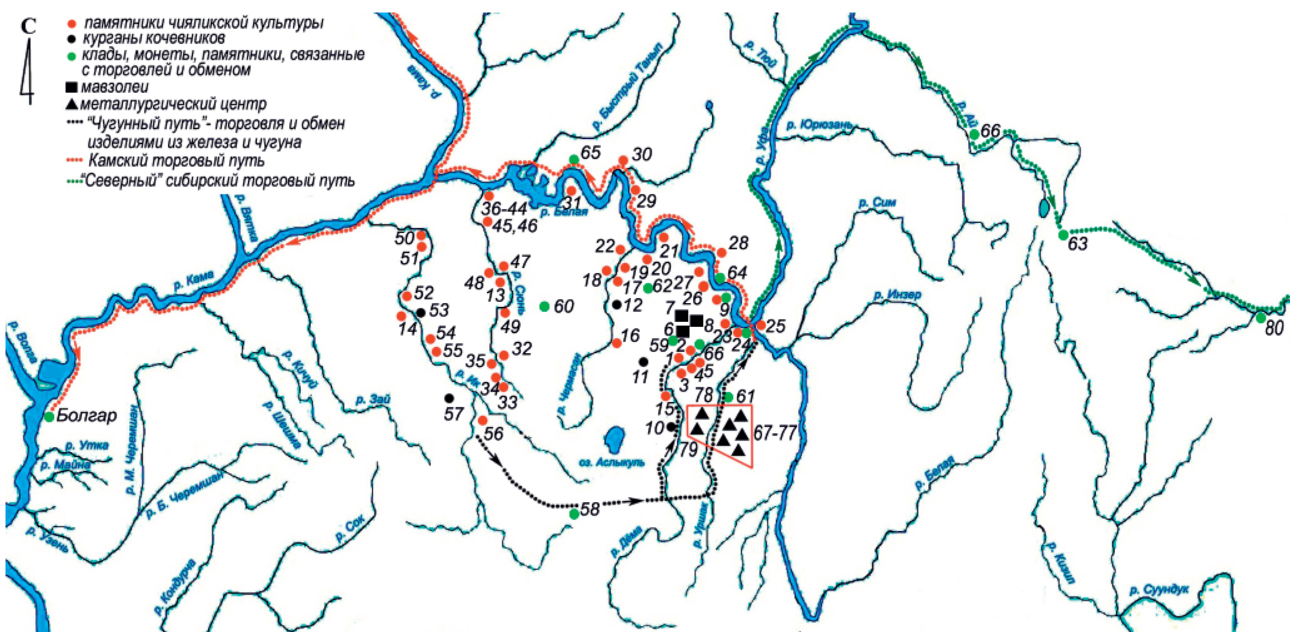

Рис. 2. Памятники XIII–XIV вв. и торговые пути на территории Южного Урала и Западной Сибири. *Мавзолеи:* 6 – Мавзолей Тура-хана; 7 – Мавзолей Малый кэшэнэ; 8 – Мавзолей Хусейн-бека. *Селища:* 1 – Ябалаклы-1; 2 – Горново-1; 3 – Ябалаклы-2; 4 –Ябалаклы-3; 5 – Нижне-Хозятово; 9 – Подымалово-1, найдены медные монеты хана Джанибека чекана Сарая ал-Джедид; 13 – Чиялек; 14 – Меллятамак VI; 15 – Калиновка – 4; 16 – Седовское; 17 – Матвеевское; 18 – Старо-Юмрановское; 19 – Старо – Бакаевское; 20 – Нижне – Саитовское; 21 –Ахметовское II; 22 – Старо-Баскаковское; 23 – Кумлекуль; 26 – Якшиваново-1; 27 – Якшиваново-2; 28 – Новые Турбаслы-7; 29 – Силантьевское; 30 –Улеевское; 31 – Казакларовское; 32 –Старо-Иликовское; 33 – Умировское II; 34 –Верхне-Троицкое II; 35 – Староальметьевское; 36–44 – Юлдашевские I–IX; 45, 46 – Ново-Медведевские II и IV; 47 – Турачинское II; 48 –Миннияровское I; 49 – Турачинское III; 50 – Бикбуловское I; 51 – Бикбуловское II; 52 –Карповское; 54 – Урманаевское II; 55 – Камаевское; 56 –Япрыковское I селище. *Городища:* 24 – городище Уфа-II и клад дирхамов 1330–1369 гг.; 25 – Чертово городище; 64 –городище Кара-Абыз, серебряный дирхам; 66 – Турналинское городище, серебряный дирхам; 80 –Папское городище. *Курганы:* 10 –Аккулаевский курган; 11 – Удрякбашевский курган; 12 – Сынтыштамакский могильник; 53 – Куштирякские курганы; 57 – Байряки-Тамакский могильник. *Клады, местонахождения*: 58 –Брик-Алга, местонахождение, дирхамы (1310–1376 гг.); 59 – дирхам Джанибека (1345–1346 гг.); 60 – Петровский клад, дирхамы (1310–1364 гг.); 61 – Якты-куль, денежно-вещевой клад XIV в.; 62 – Надеждинский клад дирхамов XIV в.; 63 – Поляковский клад дирхамов XIV в.; 65 – клад медных монет «Иске-аул» (Старая деревня); 66 – Нижнехозятовский клад орудий труда XIII–XIV вв. *Металлургические комплексы:* 67–77 – Ярук, Шланлы-1, Алексеевка-1, Манеево-1, Асавбашево-1, Асавбашево-2, Сосновка-1, Талачево-1, Манеево-2, Месели-1, Ново-Барятино; 78, 79 – Чуюнчи, Яскайны.

Fig. 2. Archaeological sites of the XIII–XIV centuries and trade routes in the Southern Urals and Western Siberia. *Mausoleums:* 6 – Mausoleum of Tura Khan; 7 – Mausoleum of Maly Keshene; 8 – Mausoleum of Hussein bek. *Unfortified settlements*: 1 – Yabalakly-1; 2 –Gornovo-1; 3– Yabalakly-2; 4 – Yabalakly-3; 5 – Nizhne-Khozitovo; 9 – Podymalovo-1, Khan Janibek copper coins minted in Sarai al-Jedid were found; 13 – Chiyalek; 14 – Mellyatamak VI; 15 – Kalinovka-4; 16 – Sedovskoye; 17 – Matveyevskoye; 18 – Staro-Yumranovskoye; 19 – Staro-Bakaevskoye; 20 – Nizhne-Saitovskoye; 21 – Akhmetovo II; 22 – Staro-Baskakovskoye; 23 – Kumlekul; 26 – Yakshivanovo-1; 27 – Yakshivanovo-2; 28 – New Turbasly-7; 29 – Silantievskoye; 30 – Uleyevskoye; 31 – Kazaklar; 32 – Staro-Ilikovskoye; 33 – Umirovskoye II; 34 – Verkhne-Troitskoye II; 35 – Staroalmetyevskoye; 36–44 – Yuldashevsky I-IX; 45, 46 – Novo-Medvedevsky II and IV; 47 – Turachinskoye II; 48 – Minniyarovskoye I; 49 –Turachinskoye III; 50 – Bikbulovskoye I; 51 – Bikbulovskoye II; 52 – Karpovskoye; 54 – Urmanaevskoye II; 55 – Kamaevskoye; 56 – Yaprykovskoye I settlement. *Settlements:* 24 – Ufa-II settlement and the dirhams treasure of 1330–1369; 25 – Chertovo settlement; 64 – Kara-Abyz settlement, silver dirham; 66 – Turnalinskoye settlement, silver dirham; 80 –Papskoye settlement. *Barrows*: 10 – Akkulaevsky barrow; 11 – Udryakbashevsky barrow; 12 – Syntyshtamak burial ground; 53 – Kushtiryak burial mounds; 57 – Bayryaki-Tamak burial ground. *Treasures, locality:* 58 – Brik-Alga, locality, dirhams (1310–1376); 59 – Dzhanibek's dirhams (1345–1346); 60 – Petrovsky treasure, dirhams (1310–1364); 61 –Yakty-kul, coins and clothing treasure of the XIV century; 62 – Nadezhdinsky treasure of dirhams of the XIV century; 63 – Polyakov treasure of dirhams of the XIV century; 65 – treasure of copper coins "Iske-aul" (Old village); 66 – Nizhnekhozyatovsky treasure of tools of the XIII–XIV centuries. *Metallurgical complexes:* 67–77 – Yaruk, Shlanly-1, Alekseyevka-1, Maneeyvo-1, Asavbashevo-1, Asavbashevo-2, Sosnovka-1, Talachevo-1, Maneyevo-2, Meseli-1, Novo-Baryatino; 78, 79 – Chuyunchi, Yaskainy.

путь в Болгар и золотоордынское Поволжье (*«Чугунный путь»*) (рис. 2), проходивший по лесостепной и степной зоне, начинаясь от центра добычи и выплавки Ярук – Месели – Асавбашево в среднем течении р. Уршак и далее пролегая по Икско-Усеньскому водоразделу в пределах Бугульминско-Белебеевской возвышенности, доходя до района современного г. Туймазы, где известно скопление вещевых кладов золотоордынского времени.

Таким образом, чияликское население опосредованно было включено в деятельность булгарских (или, шире, золотоордынских купцов) в рамках функционирования важнейших торговых артерий, объединяющих Поволжье, Южный Урал, Прикамье и Сибирь. Одним из пунктов караванной торговли являлось селище Ябалаклы-1, где в культурном слое найдены кости верблюда[1].

Созданный в Предуралье металлургический центр служил поставщиком продукции для торговых операций. Концентрация населения из Булгарского улуса Золотой Орды, занятого в функционировании торговой и производственной деятельности, привела к появлению мавзолеев булгарского типа, эпитафий, кашинной и круговой посуды, других престижных вещей, насельники чияликских селищ, включенные в региональную орбиту хозяйственно-культурных и религиозных связей, могли снабжать рынок скотом или иным сырьём.

Примечание:

[1] Определения А.В. Кисагулова (Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дисс... канд. ист. наук. М., 2016. 250 с.

Булатов Н.М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4. С. 95–109.

Булатов Н.М. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища // СА. 1972. № 1. С. 271–274.

Булатов М.Н. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.

Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. 404 с.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 174–178.

Воротынцев Л.В. Северный трансконтинентальный торговый путьв монгольскую эпоху (XIII-XV вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 19–26.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 181–198.

Гарустович Г.Н., Сунгатов Ф.А., Яминов А.Ф. Брик-Алгинские древности XIV века на западе Башкортостана // Уфимский археологический вестник. 2004. № 5. С. 246–256.

Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. Уфа: Тау, 2005. 152 с.

Гарустович Г.Н., Овсянников В.В., Русланов Е.В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018. № 11 (4). С. 32-42.

Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.

Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1990-1966) / Отв. ред. В.С. Горбунов, В.А. Иванов и др. Уфа: Китап, 2007. С. 427–431.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.

Казаков Е.П. Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие угорских народов Западной Сибири» / Отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск: Гос. ист.-культ. музей-заповедник, 2003. С. 79−87.

Казаков Е.П. Волжские булгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 208 с.

Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 219–243.

Кашапова Р.С. Кашинная керамика с раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье // XII Башкирская археологическая студенческая конференция (XII БАСК): материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Г.Т. Обыдённова, Е.В. Русланов. Уфа: ООО "Первая типография, 2023. С. 27–30.

Коваль В.Ю. Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. 2005. №2. С 75–86.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 270 с.

Коваль В.Ю. Импортная глазурованная керамика Московского Кремля (по раскопкам 2007 г.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань-Кишинев: Stratum plus, 2017. С. 739–763.

Кубанкин Д.А., Кашникова А.Л., Локис А.В., Шелепов Д.А. К вопросу о технологии производства кашинной посуды и специфике ее изготовления на Селитренном городище // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 93–97.

Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья / Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 184 с.

Недашковский Л.Ф. Исследования Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 39–50.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Поливная керамика с золотоордынских селищ округи Укека // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2017. С. 701–712.

Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267.

Русланов Е.В. Позднесредневековые материалы из фондов археологического музея им. Н.А. Мажитова // Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: БашГУ, 2018. С. 98–105.

Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 5. С. 118–130.

Рязанов С.В. Производство железа и чугуна на Южном Урале в XIV-XVI вв. // Золотоордынское наследие: материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» / Отв. ред. И.М. Миргалеев Казань: Фэн, 2009. С. 479–488.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: САМРАУ, 2018. 335 с.

Третьяков Е.А. Урало-Сибирский регион в развитом средневековье (к вопросу о памятниках макушинского типа) // XXII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: КГУ, 2022. С. 300–303.

Третьяков Е.А. Среднее и Нижнее Притоболье в первой третий II тыс. н. э. (к вопросу о соотношении понятий и источника) // История, экономика и культура средневековых тюркотатарских государств Западной Сибири: материалы V Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: КГУ, 2023. С. 40-43.

Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 4. С. 157–165.

Тузбеков А.И., Камалеев Э.В. Поливная кашинная керамика XIII-XV вв. с территории Башкирского Приуралья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 1 (71). С. 126–139.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. А.К. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Информация об авторе:

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических исследований Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh I etnokul'turnykh sviaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Boldyreva, E. M. 2016. *Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – 1-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha) (Glazed pottery of the Lower Volga region in the 10th – 1st half of the 14th centuries)* PhD Diss. Moscow (in Russian).

Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archeology)* (4), 95–109 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1972. *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archeology)* (1), 271–274 (in Russian).

Bulatov, M. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73–107 (in Russian).

Baranov, V. S., Valeev R. M., Salikhov R. R., Poluboiarinova M. D., Sharifullin R. F. (eds.). 2013. *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ. (in Russian).

Viktorova, V. D., Morozov, V. M. 1993. In Tairov, A. D. (ed.). *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes)* Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 174–178 (in Russian).

Vorotyntsev, L. V. 2019. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Tomsk State University Journal: History)* 62, 19–26 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2015. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (15), 181–198 (in Russian).

Garustovich, G. N., Sungatov, F. A., Yaminov, A. F. 2004. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (5), 246–256 (in Russian).

Garustovich, G. N., Ryazanov, S. V., Yaminov, A. F. 2005. *Brik-Alginskoe mestonakhozhdenie XIV veka v Bashkirskom Priural'e (Brik-Alga locality of the XIV century in the Bashkir Urals)*. Ufa: "Tau" Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N., Ovsyannikov, V. V., Ruslanov, E. V. 2018. *Oriental Studies* 11 (4), 32–42 (in Russian).

Garustovich, G. N., Nechvaloda, A. I. 2020. *Srednevekovye kamennye mavzolei Bashkortostana (istoriya, arkheologiya, bioantropologiya) (Medieval stone mausoleums in Bashkortostan (history, archaeology, biological anthropology))*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A., Obydennova, G. T., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. 2007. In Gorbunov, V. S., Ivanov, V. A. et al. (ed.). *Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1990-1966) (Formation and interaction of the peoples of the Urals in the changing ethnic and cultural environment of Eurasia: problems of study and historiography. Readings in memory of K.V. Salnikova (1990-1966))*. Ufa: "Kitap" Publ., 427–431 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bolgar Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2003. In Neskorov, A. V. (ed.). *Ugry. Materialy VI Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie ugorskikh narodov Zapadnoy Sibiri" (Ugrians. Proceedings of the VI Siberian symposium "Cultural heritage of the Ugric peoples of Western Siberia)*. Tobolsk: Tobolsk Museum-Reserve, 79−87 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. Volzhskie bulgary, ugry i finny v IX-XIV vv.: problem vzaimodeistviia *(The Volga Bolgars, Ugrians and Finns in the 9th-14th Centuries: Interaction Issues)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P., Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 219–243 (in Russian).

Kashapova, R. S. 2023. In Obydennova, G. T., Ruslanov, E. V. (edы.). *XII Bashkirskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (XII BASK): materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (XII Bashkir archaeological student conference (XII BASC): proceedings of the All-Russian scientific conference)*. Ufa: LLC "First Printing House", 27–30 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2005. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 75–86 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Koval, V. Yu. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Circum Pontic area in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 739–763 (in Russian).

Kubankin, D. A., Kashnikova, A. L., Lokis, A. V., Shelepov, D. A. 2018. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 93–97 (in Russian).

Lisova, N. F. 2012. *Ornament glazurovannoy posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya (Ornamentation of the Glazed Ware of the Golden Horde Towns of the Lower Volga Region)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 15. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 153. Book 3. Kazan: Kazan State University, 39–50 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Circum Pontic area in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 701–712 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2022. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 253–267 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2018. In Ruslanova, R. R. (ed.). *Arkheologiya Urala: vremya, pamyatniki, lyudi (Archaeology of the Urals: time, monuments, people)* 3. Ufa: Bashkir State Univeersity, 98–105 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2023. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 22 (5), 118–130 (in Russian).

Ryazanov, S. V. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.)". March 17, 2009.)* 1. Kazan: "Fan" Publ., 479–488 (in Russian).

Sungatov, F. A., Sultanova, A. N., Bakhshieva, A. K., Mukhametdinov, V. I., Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V. 2018. *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya (To the issues of the medieval urban settlements in the Southern Urals)*. Ufa: "SAMRAU" Publ. (in Russian).

Tretyakov, E. A. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). XXII *Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii. (22nd Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Kurgan: Kurgan State University, 300–303 (in Russian).

Tretyakov, E. A. 2023. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurkotatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri (History, economics and culture of the medieval Turko-Tatar states of Western Siberia).* Kurgan: Kurgan State University, 40–43 (in Russian).

Tuzbekov, A. I. 2021. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4 (33), 157–165 (in Russian).

Tuzbekov, A. I., Kamaleev, E. V. 2021. 2021. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 71 (1), 126–139 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (*Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities*). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In Smirnov, A. K. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian leaders and ancient towns of the Volga region).* Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).

About the Author:

Ruslanov Evgeny V., Candidate of Historical Sciences, Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientifi c Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; butleger@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

Центральная, Южная Россия и Кавказ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.206.210

СЕРДОЛИКОВАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ МАВЗОЛЕЯ №1 У ПОС. КРАСНЫЙ БОБРОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 г. М.В. Цыбин, И.В. Волков

В 1948 г. В.П. Левашева провела раскопки мавзолея № 1 у пос. Красный Бобровского района Воронежской области. В одном из изученных в мавзолее погребений была найдена сердоликовая печать с арабографической надписью. Обращение к отчету о раскопках позволяет конкретизировать контекст этой редкой находки. Печать из сердолика красновато-розового цвета имела прямоугольную форму, ее размеры 2,4×1,7×0,4 см. Уточнено прочтение надписи, представляющей собой цитату из 13 аяты 61 суры Корана (ас-Сафф = Ряды). Хадисы и толкователи Корана связывают суру с идеологией джихада, что может быть свидетельством высокого военного статуса владельца печати. Находка рассматриваемой печати представляет значительный интерес для изучения распространения ислама на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, мавзолей, сердоликовая печать, ислам, Среднее Подонье, мусульманская эпиграфика

CARNELIAN SEAL FROM MAUSOLEUM 1 NEAR SETTLEMENT OF KRASNY IN THE BOBROV DISTRICT, VORONEZH REGION

M.V. Tsybin, I.V. Volkov

In 1948 V.P. Levasheva excavated the mausoleum 1 near settlement of Krasny in the Bobrov district, Voronezh oblast. A carnelian seal with an Arabic inscription was found in one of the burials, studied in the mausoleum. Looking through the excavation report allows us to concretize the context of this rare find. The carnelian seal of reddish-pink colour had a rectangular shape, its size is 2,4×1,7×0,4cm. The reading of the inscription, which is a quotation from the 13th ayat of the 61st surah of the Quran (as-Saff = the Rows), has been clarified. Hadiths and interpreters of the Quran associate the Surah with the ideology of jihad, which may be evidence of the high military status of the owner of the seal. This artifact is of considerable interest studying of the spread of Islam on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don region.

Keywords: archaeology, Golden Horde, mausoleum, carnelian seal, Islam, Middle Don region, Islamic epigraphy

Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области состоял из двух мавзолеев, поселения, горна для обжига кирпичей (Цыбин, Савицкий, 2019). Развалины мавзолеев были известны с конца XVII в. Целенаправленное изучение этого комплекса было предпринято научным сотрудником Государственного исторического музея В.П. Левашевой в 1947, 1948гг. (Левашева, 1947, 1948; Савицкий, Цыбин, 2021). Ею был исследован горн для обжига кирпичей и частично изучен мавзолей №1 (Левашева, 1960). Полное исследование мавзолея №2 было проведено экспедицией Воронежского государственного университета в 2002г. (Цыбин, Савицкий, 2019).

При раскопках мавзолея №1 была найдена сердоликовая печать (Левашева, 1960, рис. 2: 2). Редкость такого рода находок на золотоордынских памятниках обуславливает необходимость повторного рассмотрения этой печати.

В публикации материалов исследований 1948 г. В.П. Левашева не привела чертежей раскопок мавзолея №1. Обращение к ее отчету позволяет конкретизировать контекст находки анализируемой печати, установить нивелировочные отметки, уточнить стратиграфические особенности заложенных раскопов (Левашева, 1948).

Остатки мавзолея представляли собой холм диаметром около 35 м и высотой 1,6м. Высота холма от уровня материкового основания (желтый суглинок) – 2,3 м. Не исключено, что для сооружения мавзолея был использован курган более раннего времени

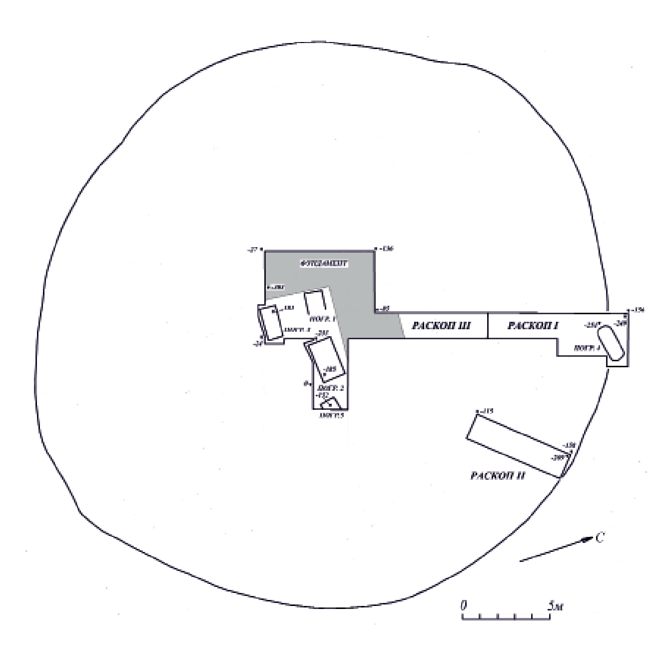

Рис. 1. Мавзолей № 1 у пос. Красный. План расположения раскопов.
Fig. 1. Mausoleum 1 near settlement of Krasny. The location of the excavations.

(возможно, эпохи бронзы). В профилях раскопа III над слоем чернозема отмечен «желтый слой», аналогичный материковому суглинку. Возможно, это могильный выброс.

В.П. Левашевой были заложены раскопы I, II, III (рис.1). Площадь раскопа II составляла 9 кв. м., раскопов I и III– около 66 кв. м. Профили раскопов I и III позволили проследить стратиграфию холма от вершины до подножия. Мавзолей был ориентирован по сторонам света (ЮЮЗ–ССВ). В.П. Левашевой удалось исследовать только северо-западный угол мавзолея на уровне фундамента (рис. 2). Для его сооружения была выкопана траншея, углубленная в материковое основание на 0,5–0,8 м, от верхней границы погребенного чернозема – на 0,95–1,3 м. От нулевой точки дно траншеи находилось на глубине – 2,52–3,03 м. Ширина траншеи у ее основания – 3,4 м.

Нижний ряд кирпичной кладки фундамента, по предположению В.П. Левашевой, лежал на песчаной подсыпке. Но она показана не на всех профилях. Нижний ряд был сложен из квадратных кирпичей размерами 25×25 ×4,3 см (всего, предположительно, 13 рядов). Следующий ряд выкладывался из обломков кирпичей на глине, затем опять шел ряд из целых кирпичей. С седьмого ряда шла сплошная кладка стен из целых кирпичей (всего на чертежах отчета фиксируется десять рядов). Внутри фундамента на разных уровнях зафиксированы каналы-продухи, проходящие параллельно и перпендикулярно друг другу. Архитектурный декор представлен цветными глиняными изразцами (Левашева, 1960, рис. 3). Как отмечала В.П. Левашева, пол мавзолея, сохранившийся местами, был сложен из квадратных кирпичей.

Внутри мавзолея под полом обнаружены четыре погребения в кирпичных склепах : погребения 1, 2, 3 и 5 (рис. 2). Последнее не было изучено и не имело номера в отчете и публикации. Судя по чертежам отчета, уровень фиксации верхних кирпичей стенок склепов составлял соответственно – 165, –116, – 140, – 119 см от нулевой точки (рис. 2). Дно склепов находилось на глубине – 185 (погр.2), – 181 (погр.3), –152см (погр.5) Склепы не были углублены в материковое основание, их нижние части располагались либо в слое чернозема (погр.2), либо в «желтом слое» (погр.3 и 5), залегавшим над черноземом.

Склепы ориентированы по линии восток–запад. Их стены сложены в один ряд из квадратных кирпичей (погр. 1, 2, 5) или прямоугольных кирпичей (погр.3). Пол в склепах сооружался из кирпичей (погр.1, 2) или был земляным (погр.3, 5). Погребенные захоронены в деревянных гробах, головой на запад.

За пределами мавзолея было изучено погребение 4. Оно совершено в подовальной яме (2,3×1,03 м, по дну– 2,22×0,75м), глубина в материковом основании– 0,8м. Уровень фиксации пятна могильной ямы – 2,5 м от нулевой точки. Погребение совершено в деревянном гробу, погребенный уложен на спине головой на запад, руки– на тазовых костях. Фиксировался разворот черепа на юг.

Сердоликовая печать была найдена в погребении 2 (рис. 3: 1). Оно представляло собой кирпичный склеп размерами 2,3×1,4м. Сохранились семь рядов кирпичной кладки стен, пол из кирпичей. Внутри склепа находился костях пожилого мужчины (вытянуто на спине, правая нога согнута в колене, руки – на тазовых костях, череп повернут к северу). От деревянного гроба сохранились железные гвозди (шляпками к стенкам склепа). Сердоликовая печать находилась в области грудной клетки под нижней челюстью.

Печать имела прямоугольную форму, ее размеры 2,4×1,7×0,4 см (рис. 3: 2). Сердолик красновато-розового цвета. Печать хранит-

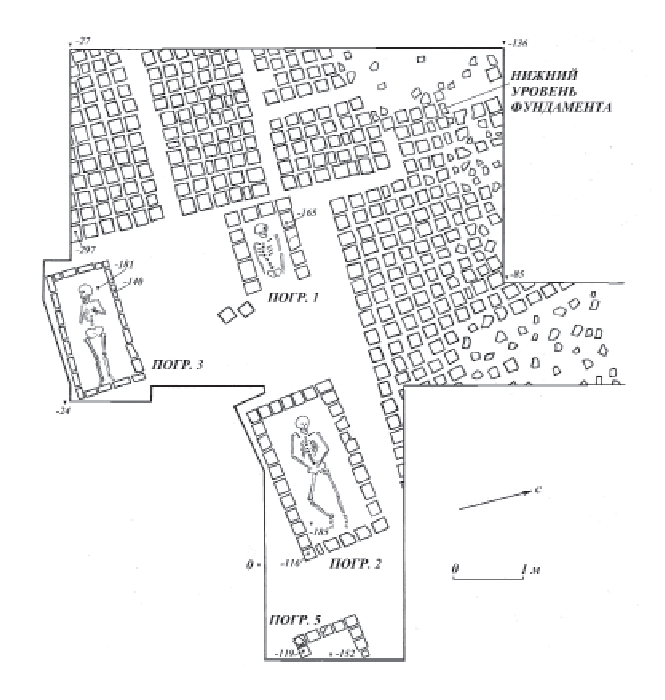

Рис. 2. Мавзолей № 1 у пос. Красный. План раскопа III.
Fig. 2. Mausoleum 1 near settlement of Krasny. Plan of the excavation III.

ся в ГИМ : инвентарный номер – Оп.В 1141/1, номер ГИМ– ГИМ 82835/1, номер ГК– 45642074. На печати в рамке вырезана надпись. Как указывала В.П. Левашева, она прочитана в 1948 г. М.М. Дьяконовым. Михаил Михайлович Дьяконов (1907–1954) – советский востоковед, специалист по древней истории Ирана, истории искусства и культуры стран Ближнего и Среднего Востока, археолог.

По мнению М.М. Дьяконова, на печати вырезано изречение из Корана: « Во имя Аллаха справедливого милостивого Победа от Аллаха и одоление близ[кое] и … правоверных» (Левашева, 1960, с. 181). В целом это определение совершенно верное. Можно восполнить непрочитанное слово и указать на источник цитаты, послуживший формулой для «личной подписи».

Зеркальная надпись состоит из трёх строк без диакритических знаков:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного	بسم اللـه الرحمـن الرحيم
…помощь от Аллаха и победа близкая.	نصر من اللـه و فتح قر يب
И обрадуй [приятной новостью] правоверных.	و بشر المومنين

Почерк можно было бы назвать куфическим, поскольку буквы состоят преимущественно из прямых черт, но в данном случае это следствие писчего материала и недостаточного мастерства резчика. В некоторых случаях черты всё же криволинейны, как у обычного насха, особенно показательно в конце второй строки (буквы ح и ر). Надо полагать, из-за недостатка места в окончании второй строки опущены две последние буквы (يب).

В настоящее время есть множество вариантов перевода Корана, отличающихся между собой в деталях. В большинстве случаев это связано со стремлением переводчиков сделать текст понятнее, из своих собственных соображений. Исходя из того, что если уж Аллах сформулировал послание на арабском для Пророка именно так, то этого достаточно для понимания людям, даем перевод буквально и слово в слово. Два слова в третьей строке в квадратных скобках превышают оригинал по числу, но словарное значение одного слова بشر позволяет переводить его тремя.

Первая строка – это басмала (Бисмилляяхир-Рахмаани-р-Рахиим), то есть то, с чего начинается каждая сура и почти каждая книга вообще, начиная со священного Корана. Две последующие строки – это окончание 13 аята 61 суры (ас-Сафф = Ряды). Весь аят: «И другое любят они: Помощь от Аллаха и победу близкую, и обрадуй благой вестью правоверных» (وَأُخْرَى تُحِبُّونَهَا نَصْرٌ مِّنَ اللَّهِ وَفَتْحٌ قَرِيبٌ وَبَشِّرِ الْمُؤْمِنِينَ). Сура Мединская, но короткая, из 14 аятов, ниспосланная Мухамамду однократно, а не по частям. С ней традиционно связывают одно из пророчеств Мухаммада, а именно о том, что неверные не смогут уничтожить ислам. Само название суры связано с упоминанием рядов в четвертом аяте: «Воистину, Аллах любит тех, которые сражаются на Его пути рядами, словно они – прочное строение». В частности, поэтому хадисы связывают эту суру с идеологическим обоснованием джихада.

Встречающиеся в Золотой Орде на сердоликовых вставках и мелких предметах надписи религиозного содержания обычно прямые, а не зеркальные, не предназначенные для получения читаемого оттиска. Очень показательна, например, перекалённая сердоликовая вставка с полным текстом 112-й суры из

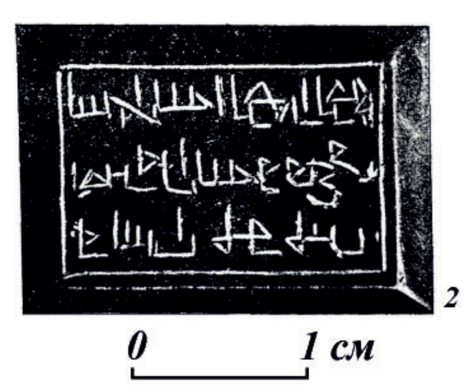

Рис. 3. Мавзолей № 1 у пос. Красный. Погребение 2: 1 – фотография (вид с севера); 2 – сердоликовая печать (Левашева, 1960, рис. 2).
Fig. 3. Mausoleum 1 near settlement of Krasny. The burial 2: 1 – photo (view from the north); 2 – carnelian seal (Levasheva, 1960, fig. 2).

Болгара (Бадеев, Коваль, 2017, с.10). Такое изображение текстов характерно для мусульманского мира в целом (Porter, 2011, p. 60–75). Зеркальные же печати традиционно содержат имена собственников. Здесь же мы имеем дело с исключительным для Золотой Орды случаем.

Содержание выбранного текста косвенно свидетельствует об отношении погребенного к военной элите. Впрочем, в Золотой Орде вся степная знать так или иначе имела отношение к военной службе. Кирпичи со стороной в 25 см, использовавшиеся для сооружения мавзолея, скорее, соответствуют второй половине XIV в. Исходя из этого, можно осторожно предполагать, что молодость погребённого пришлась на время правления Узбека, когда распространялся ислам, что и стало основанием для выбора надписи на печати.

Находка рассматриваемой печати представляет значительный интерес и для изучения распространения ислама на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье (Цыбин, 2023).

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Археологические исследования Болгарского городища и его округи // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2017. С. 7–12.

Левашева В.П. Отчет об археологическом обследовании в Воронежской области по р.Битюг от г.Боброва до устья Битюга в 1947 году // Архив ИА РАН. Ф-1.Р-1.№ 142.

Левашева В.П. Отчет о раскопках, произведенных летом 1948 г. близ с.Красный Хутор на реке Мечетке в Хреновском районе Воронежской области // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 286, 287, 288.

Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Археологический сборник. К столетию со дня рождения Василия Алексеевича Городцова (1860-1960) / Труды ГИМ. Вып. 37 / Отв. ред. В.П. Левашева. М.: Советская Россия, 1960. С. 175–185.

Савицкий Н.М., Цыбин М.В. Археология Золотой Орды в научном творчестве В.П. Левашевой // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4.С. 67–70.

Цыбин М.В. Ислам и христианство на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье // Золотоордынское обозрение. 2023. Т.11, № 4. С. 784–791. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.784-791.

Цыбин М.В., Савицкий Н.М. Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 509–520.

Porter V. Arabic and Persian seals and amulets in the British Museum. London: British Museum Press, 2011. 204 p.

Информация об авторах:

Цыбин Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета (г. Воронеж. Россия); mvcibin@yandex.ru

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

REFERENCES

Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2017. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviyazhsk).* Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost'” Publ., 7–12 (in Russian).

Levasheva, V. P. 1947. *Otchet ob arkheologicheskom obsledovanii v Voronezhskoy oblasti po r. Bityug ot g.Bobrova do ust'ya Bityuga v 1947 godu (Report on an archaeological survey in the Voronezh region along the Bityug river from the town of Bobrov to the mouth of the Bityug in 1947).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1 R-1, dossier 142 (in Russian).

Levasheva, V. P. 1948. *Otchet o raskopkakh, proizvedennykh letom 1948 g. bliz s.Krasnyy Khutor na reke Mechetke v Khrenovskom rayone Voronezhskoy oblasti (Report on excavations, conducted in the summer of 1948 near the village of Krasny Khutor on the Mechetka River in the Khrenovoye district of the Voronezh region).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1 R-1, dossier 286, 287, 288 (in Russian).

Levasheva, V. P. 1960. In Levasheva, V. P. (ed.). *Arkheologicheskiy sbornik. K stoletiyu so dnya rozhdeniya Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova (1860-1960) (Archaeological Collection of Papers. On the centenary of the birth of Vasily Alekseevich Gorodtsov (1860–1960))*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 37. Moscow: “Sovetskaya Rossiya” Publ., 175–185 (in Russian).

Savitskiy, N. M., Tsybin, M. V. 2021. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya (Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology)* (4), 67–70 (in Russian).

Tsybin, M. V. 2023. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 11(4), 784–791(in Russian).

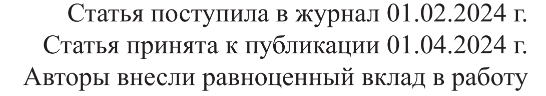
Tsybin, M. V., Savitskiy, N. M. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 509–520 (in Russian).

Porter, V. 2011. *Arabic and Persian seals and amulets in the British Museum*. London: British Museum Press.

About the Authors:

Tsybin Michael V. Candidate of Historical Sciences, Voronezh State University, University Square, 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; mvcibin@yandex.ru

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences, Senior Scientist, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerova str., 30, Kazan, 420012, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.211.219

СКОПЛЕНИЕ АЛЬЧИКОВ В ЖИЛИЩЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII–XIV ВВ. НА ПОСЕЛЕНИИ КАМЕННОЕ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

©2024 г. Н.А. Тропин, А.А. Чубур

Исследуется комплекс находок в виде скопления альчиков в количестве 50 экземпляров в средневековом русском жилище на южной окраине Рязанского княжества. Основная задача исследования состоит в выяснении функционального назначения этих предметов. Произведено изучение характера следов изношенности, внешних воздействий. Систематизированы данные по орнаментации, расположению и характеру высверленных отверстий. Проведена морфометрия астрагалов с определением вида, возможной породы, поло-возрастной принадлежности животных. Среди альчиков 41 предмет – не сверленный, 9 имеют сверленые отверстия. На пяточной фасетке семи альчиков фиксируется орнамент в виде нарезных линий, их толщина указывает на инструмент в виде тонкого лезвия. Установлено, что альчики принадлежат только баранам или овцам. Следы механического воздействия свидетельствуют, что астрагалы являлись игральными костями. Морфометрический анализ показывает, что рост животных составлял в холке 63,5–84 см при среднем показателе 71 см. Эти параметры наиболее близки к ордынским овцам. На поселение Каменное комплект альчиков мог попасть как импорт из степной зоны, с территорий, вошедших в состав Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Средневековье, Верхний Дон, альчик, игра в кости, ритуал, мелкий рогатый скот, тамга, баран, овца, поселение Каменное, торговые пути, импорт.

CLUSTER OF ALCHIKS IN THE DWELLING OF THE SECOND HALF OF THE XIII–XIV CENTURIES ON THE KAMENNOYE SETTLEMENT ON THE UPPER DON

N.A. Tropin, A.A. Chubur

The paper deals with a complex of finds in the form of a cluster of alchiks in the amount of 50 pieces found in a medieval Russian dwelling which was located in the southern outlying part of the Ryazan principality. The main task of the study is to find out the functional purpose of these items. The nature of signs of wear and external influences was studied. The data on the ornamentation, location and nature of the drilled holes are systematized. Morphometry of astragals was performed to determine the type, possible breed, gender and age of the animals. Among the alchiks, 41 items are not drilled, 9 have drilled holes. The ornament in the form of cut lines is fixed on the surface of seven alchiks, their thickness indicates a tool in the form of a thin blade. It is established that alchiks belonged only to rams or sheep. Traces of mechanical impact indicate that the astragals were dice. Morphometric analysis shows that the animals were 63.5–84 cm at the withers, with an average of 71 cm. These parameters are most similar to the Golden Horde sheep. These alchiks could have been imported to the Kamennoye settlement from the steppe zone, from the territories that were part of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Upper Don, alchik, game of dice, ritual, small cattle, tamga, ram, sheep, Kamennoye settlement, trade routes, import.

В статье исследуется археологический комплекс альчиков, полученный в результате раскопок многослойного поселения Каменное на р. Матыра (левый приток р. Воронеж, Верхний Дон) Грязинского района Липецкой области. Исторически территория памятника находится на южной – юго-восточной границе Рязанского княжества (Тропин, 2023). Основная задача заключалась в выяснении функционального назначения этих предметов. Произведено изучение характера следов изношенности (сколы, затертая и залощенная поверхность, подрезки выступающих частей), внешних воздействий (следы огня, иные естественные повреждения). Систематизированы данные по орнаментации и расположению и характеру высверленных отверстий. Проведена морфометрия астрагалов с определением вида, возможной породы, половозрастной принадлежности животных.

Рассматриваемый комплекс находок в виде локального скопления происходит из русского

Рис. 1. Скопление альчиков поселения Каменное. Фото.
Fig. 1. Cluster of alchiks from the Kamennoye settlement. Photo

жилища второй половины XIII–XIV вв. (яма № 7, раскоп № 8, 1978 г., раскопки Верхнедонской экспедиции ИА АН СССР под рук. В.И. Матвеевой). Согласно описанию руководителя раскопок, жилая постройка была с двумя ямами, между которыми на глубине 0,7 м от современной поверхности находился глиняный развал печи размерами 0,85×1 м, мощностью 0,1–0,15 м, лежащий на слое темно-серой супеси. С западной стороны глинобитного развала зафиксировано скопление альчиков в количестве 49 ед. (Матвеева, 1978, с. 7–8).

В археологических фондах Липецкого областного краеведческого музея зафиксировано по описи 50 астрагалов из этого комплекса (рис. 1). Еще четыре астрагала происходят из близ расположенной жилой постройки № 2, однако они пока не являются предметом исследований. Предметы были любезно предоставлены для изучения сотрудниками фондов (см. раздел «Благодарности»). Следует сказать, что целенаправленное изучение этого комплекса ранее не производилось.

Ранее одним из авторов выборочно и иллюстративно были опубликованы некоторые из сверленных и орнаментированных альчиков. Тогда же была дана характеристика этому жилищу (Тропин, 2004, с. 95–99, 208). В.И. Матвеева не датировала жилую постройку, а в фондах музея не сохранился из нее массовый материал, за исключением индивидуальных находок: двух рыболовных грузил, скобы, обломков железных пластин. Тогда мы датировали жилище второй половиной XII – первой половиной XIII вв., исходя из мысли, что альчики являются наследием славянского язычества.

В настоящее время, критически осмысляя ранее сказанное, обратим внимание, что, несмотря на отсутствие керамической коллекции из жилища, рядом с ним в культурном слое залегает лишь керамика второй половины XIII – XIV вв. Вызывает сомнение и одновременность двух подпольных ям в жилище, что следует из недостаточности чертежей.

Рис. 2. Орнаментированные альчики.
Fig. 2. Ornamented *alchiki.*

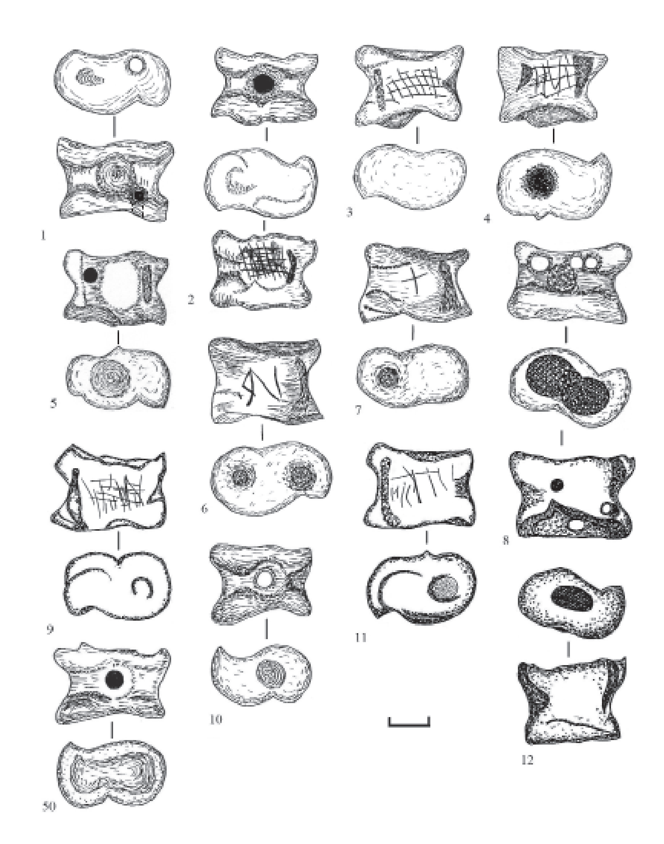

Рис. 3. Альчики.
Fig. 3. Alchiki.

Тем не менее следует признать, что скопление альчиков в средневековом русском жилище – явление чрезвычайное редкое. На территории Верхнего Дона зафиксировано еще одно скопление альчиков (94 ед.) из славянского горизонта вала Воргольского городища вблизи Ельца (Тропин, Чубур, 2023).

Предварительное обследование альчиков показало, что 41 альчик несверленный, а девять имеют сверленые отверстия. Сквозные отверстия встречаются на двух альчиках, на шести – несквозные, на одном альчике – оба вида отверстия (№ 8). Причем альчик № 8 является единственным, количество отверстий на котором более одного, т. е. отверстий пять: четыре сквозных и одно не сквозное (таблица 1). Таким образом, несмотря на то, что лишь три альчика имели сквозные отверстия, очевидно, весь комплекс находок не предназначался для связки на один шнур.

Отверстия в альчиках функционально могли служить для помещения в них утяжелителя – например, заглушки из свинца, олова, обрубка железного прута. Обрубки металлического прута могли быть впрессованы и в любое сквозное отверстие. Если металл не заливался расплавом, а вбивался, впрессовывался в отверстия холодным, а позже выпал, то установить его временное пребывание в альчике трудно.

На пяточной фасетке семи альчиков фиксируется орнамент в виде нарезных линий, их толщина указывает на инструмент в виде тонкого лезвия (нож) (рис. 2; 3). Нередко «орнамент» из параллельных и поперечных нарезок оказывается на деле следами вычленения кости при разделке. Относительно альчиков с Каменного с подобным мнением можно согласиться лишь частично. Т. н. «орнамент» на альчиках № 2, 4, 9, 11 из-за хаотичных врезок более всего соответствует следам при разделке туши. Однако при желании на альчиках № 2, 4 возможно увидеть первоначальную нарезку «сетки», которая в дальнейшем оказалась забитой хаотично расположенными врезными полосками.

Оставшиеся три альчика следует считать в полном смысле слова специально декорированными врезными линиями. Орнамент на альчике № 3 отчетливо демонстрирует нам сетку из параллельных и перпендикулярных линий. На альчике № 6 фиксируется знак N, на альчике № 7 – изображение симметрично расположенных перекрестных линий.

Орнамент в виде прочерченных линий на альчиках широко известен в слоях VIII–XIII вв. в Киеве, в Заречье Сумской области (Сергєєва, 2002; Стрельник, Хомчик, Сорокіна, 2009, рис. 4, 18–19), на юго-востоке славянских земель (Винников, 2011; Куза, 1981, рис. 19, 10–11; Енуков, 2005, рис. 41, 1–13). Встречается он и на поселениях XIII–XIV вв. (Андреев, 2013, с. 60, 118).

Этнографические сведения указывают, что, например, в Хакасии на альчики-биты наносили знак собственности (тамгу) владельца. Возможно, N-образный знак на альчике из Каменного тоже является тамгой, владельческим знаком. Альчик с таким знаком оставался у его владельца даже при проигрыше, ибо считалось, что со сменой хозяина к новому обладателю перейдут удача и благополучие (Кустова, 2018, с. 85).

Результаты исследований сводятся к следующему. Обращает внимание, что почти все астрагалы в разной степени имеют признаки сколов, затертости, залощенности, а некоторые заполированы (рис. 4). Это указывает на их длительное использование. Сколам

Таблица 1. Комплект альчиков с поселения Каменное (1-50 – сооружение 7, раскоп 8).
Table 1. Set of alchiks from the Kamennoye settlement (1-50 – building 7, excavation 8).

№	Макс. длина (мм)	Макс. ширина (мм)	Положение в скелете	Вид, пол, возраст	Следы использования	Обработка
1	32,0	21,0	правый	баран	сколы, сильно заполирован	подрезка с пяточной фасетки, сквозное отверстие
2	32,0	20,0	левый	баран	сильно заполирован	сетка нарезок на пяточной фасетке, с задней стороны несквозное отверстие
3	31,0	18,0	правый	овца		сетка нарезок на пяточной фасетке
4	31,0	19,0	правый	овца		сетка нарезок на пяточной фасетке, несквозное отверстие с боку
5	30,0	19,0	левый	овца	сильно заполирован, сколы	несквозное отверстие
6	33,0	21,0	левый	баран	заполирован, сколы	нарезка в виде ломаных линий на пяточной фасетке
7	32,0	19,0	левый	баран	заполирован, сколы	нарезка-крест на пяточной фасетке
8	34,0	21,0	правый	баран	обгоревший, заполирован	четыре сквозных и одно боковое несквозное отверстие глубиной до 1 см
9	30,0	19,0		овца	заполирован	поперечные нарезки на пяточной фасетке
10	30,0	18,0	левый	овца	Сколы, заполирован	сквозное отверстие через пяточную фасетку
11	29,0	19,0	левый	овца	сколы, сбитые края	поперечные нарезки на пяточной фасетки, несквозное боковое отверстие
12	29,0	18,0	левый	овца	сколы, заполирован	несквозное боковое отверстие
13	37,0	21,0	правый	баран	заполирован	
14	31,0	20,0	правый	баран		
15	30,0	19,0	правый	овца	бока затёрты	
16	30,0	20,0	левый	овца		
17	29,0	19,0	правый	овца		
18	31,0	20,0	правый	баран		
19	32,0	20,0	правый	баран	бок затерт, сколы, заполирован,	
20	32,0	20,0	правый	баран	бока затерты	
21	33,0	20,0	левый	баран		
22	31,0	20,0	левый	баран		
23	31,0	19,0	левый	овца		
24	32,0	20,0	левый	баран		
25	33,0	19,0	левый	овца	сколы	
26	34,0	22,0	левый	баран		
27	35,0	20,0	левый	баран	бока затерты, заполированы	
28	35,0	21,0	левый	баран	бока затерты, заполирован	
29	30,0	19,0	левый	овца	бока затерты	
30	31,0	20,0	левый	овца		
31	32,0	19,0	левый	овца		

32	32,0	20,0	левый	баран	бока затерты	
33	30,0	18,0	левый	овца		
34	32,0	18,0	левый	овца	бока затерты	
35	30,0	18,0	левый	овца		
36	32,0	20,0	левый	баран	бока затерты, залощены, сколы	
37	32,0	20,0	правый	баран	бока затерты	
38	32,0	19,0	правый	баран	бока затерты, боковые подрезки	
39	32,0	19,0	левый	баран		
40	30,0	18,0	правый	овца	бока затерты	
41	31,0	19,0	правый	овца	бока затерты, залощены, сколы	
42	31,0	19,0	правый	овца		
43	30,0	18,0	левый	ягненок	сколы	
44	32,0	20,0	правый	ягненок	сколы	
45	29,0	17,0	левый	ягненок	сколы	
46	28,0	17,0	левый	ягненок	сколы	
47	29,0	18,0	левый	ягненок	следы огня, сколы	
48	29,0	18,0	правый	ягненок	сколы	
49	30,0	19,0	левый	овца	крупный скол	
50	32,0	19,0	правый	баран	бока затерты, сколы	Несквозное отверстие с задней стороны

подвержены, как правило, грани астрагалов. Они могли появиться в результате ударов о поверхность. Затертая и залощенная поверхности типичны как для пяточной фасетки и нижнего блока, так и для медиальной и латеральной сторон почти всех находок. Это указывает на то, что астрагалы соприкасались не только с пальцами рук, но и с твердой поверхностью при перемещении, к примеру, по игровой доске, по горизонтали. Перемещение происходило по медиальной, латеральной и задней сторонам альчика. На одном предмете фиксируются явные следы подрезки для устойчивости на ровной поверхности (№ 1). Наблюдения позволяют думать, что перечисленные астрагалы являлись игральными костями.

Согласно видовому определению, альчики принадлежат только баранам или овцам. У русского населения в XII–XV вв. МРС составлял 1/10–1/12 часть стада. По данным палеозоологического анализа Лавского археологического комплекса вблизи Ельца, кости мелкого рогатого скота составляли 8–10% от общего количества определимых костей животных, а в рационе питания МРС абсолютно уступал говядине, конине, свинине. Вследствие этого представляется маловероятным, чтобы альчики являлись результатом их накопления у русского населения по мере употребления в пищу мелкого рогатого скота.

Правомерно актуализировать вопрос: откуда происходят животные, оставившие альчики? На поселениях Золотой Орды мелкий рогатый скот (в первую очередь овцы) занимал ведущее положение по численности в стаде. В остеологической коллекции из Сарая-Берке (городище Царев) мелкому рогатому скоту принадлежали 48% определимых костей (Цалкин, 1967), а в культурном слое XIV в. ордынского города Азак к овцам отнесены 50,6% определимых костей (Байгушева, Тимонина, 2006).

Ответ на вопрос об истоках появления альчиков на поселении Каменное может дать также морфометрия костей. Коэффициент Тайхерта (22,68) позволяет достаточно точно определить рост животных (Teichert, 1969, p. 237–292; 1975, p. 51–69). Комплекс из 50 альчиков из жилища в Каменном демонстрирует, что рост животных, которым принадлежали данные кости, составлял в холке 63,5–84 см при среднем показателе 71 см (табл. 1).

Имеется возможность сравнить морфометрию астрагалов Каменного с астрагалами некоторых других русских средневековых памятников XII–XIV вв. у степного пограничья. С посада археологического комплекса

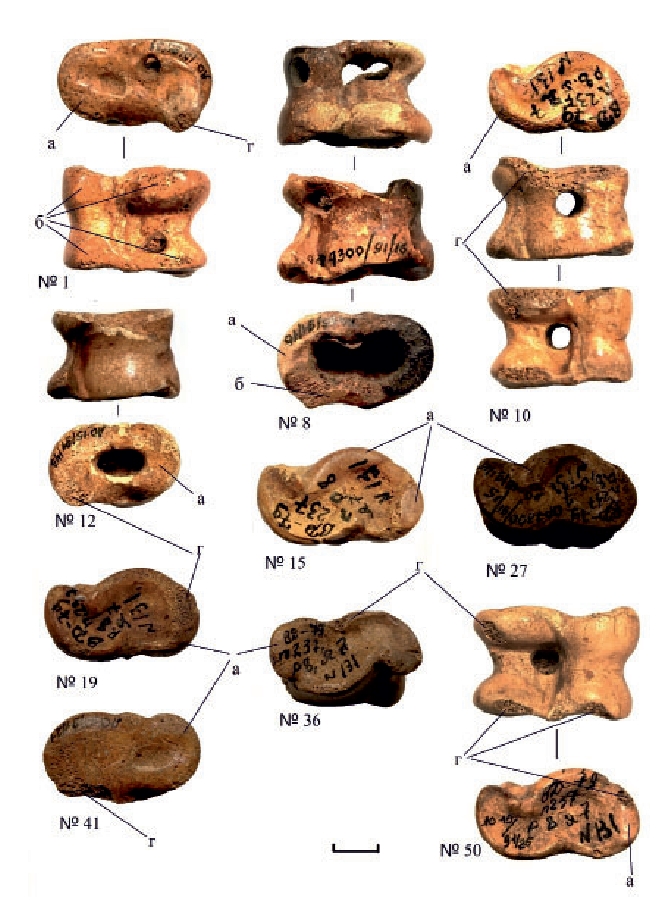

Рис.4. Альчики (образцы) со следами лощения или заполированности (а), подрезки (б), насечек (в), старых сколов (г).

Fig. 4. Alchiki (samples) with traces of polishing or polish (а), trimming (б), inlays (в), old chips (г)

Гочево (древнерусский Римов?) на р. Псёл (юг Курской области) происходят всего четыре астрагала мелкого рогатого скота. Они принадлежат крупным животным с ростом в холке 71–80 см, однако два самых крупных – просверленные амулеты. Кости эти могут иметь, как и в Каменном, специфическое происхождение, на что косвенно указывает анатомический состав костей мелкого рогатого скота из Гочево: там практически отсутствуют дистальные отделы конечностей, причиной чего может быть приобретение и употребление горожанами уже разделанных туш (Чубур, Стародубцев, Зорин, 2009, с. 78–79).

На располагавшемся в лесостепной зоне древнерусском селище Себино 2 в районе Куликова поля, где доля мелкого рогатого скота в стаде достигала, судя по количеству костей, почти 29%, таранные кости овец встречены именно в кухонных отбросах. Их морфометрия демонстрирует выраженную низкорослость (всего 56,5–63,5 см в холке), весьма сходную с размерами овец из древнерусских селищ и городов лесной зоны (Цалкин, 1967).

Альчики из Каменного, безусловно, крупнее таранных костей мелкого рогатого скота «лесной породы» из кухонных отбросов древнерусских поселений, в том числе, судя по материалам Себино 2, и из степного пограничья.

Однако они также крупнее и для регионов северной степи. Обратившись к материалам более раннего этапа овцеводства Маяцкого городища в устье Тихой Сосны, характерного для пограничной с донскими славянами салтово-маяцкой культуры, можно выяснить, что рост в холке овец лежал в пределах 61,6–70 см (Матолчи, 1984, с. 250). Эти показатели, между прочим, сходны с полученными и для средневековых овец Среднего Поднепровья – 62–72 см (Тимченко 1972, с. 102–103) – и Десны – 63–70 см (Чубур, Горобец 2018, с. 59). Трудно представить, что комплекс альчиков из Каменного изготовлен из потомков этой в целом также относительно мелкой породы.

Иная картина по морфометрическим показателям наблюдается в Поволжье. Рост в холке у золотоордынских овец из Сарая-Берке варьировал в пределах от 58 до 78 см, составляя в среднем 65–66 см (Цалкин, 1967). Овцы золотоордынского периода в Болгаре имели определенный по астрагалам рост в холке 72–77 см при среднем значении 73,5 см (Петренко, 1988, с. 261). Это, судя по всему, крупная порода особой «ордынской овцы» (Лобашов, 1954, с. 300), распространившаяся в степной зоне Восточной Европы в середине XIII столетия. Крупные овцы со средним ростом в холке 75,8 см при разбросе 61–78 см были характерны и для домонгольской Булгарии (Петренко, 1978, с. 234; Асылгараева, 2004, с. 162; Петренко, 1984, с. 52), однако ордынская порода их превышает по величине.

По любезно представленным Г.И. Тимониной неопубликованным данным о размерных показателях овец ордынского Азака, высота их в холке по результатам промеров 312 астрагалов составляла 61,4–80,3 см при среднем значении 71,2 см. Таким образом, овцы Азака тоже относятся к группе крупнопородных ордынских.

Размерные показатели ордынской овцы оказываются статистически наиболее близкими к данным овец, из которых получены

альчики комплекса из Каменного. Таким образом, логично предположить, что, несмотря на возможную продолжительность и сложность процесса формирования, на поселение Каменное комплект альчиков мог попасть как импорт из степной зоны, с территорий, вошедших в состав Золотой Орды (Воротынцев, 2020).

Благодарности:

Авторы благодарят директора Липецкого областного краеведческого музея А.С. Гепалова, младших научных сотрудников Липецкого областного краеведческого музея М.А. Лучинкину и Ю.А. Харламову за предоставленную возможность работы с материалом. Выражают благодарность заведующей Отделом природы и палеонтологии Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника доктору биологических наук Г.И. Тимониной за предоставленные сведения по Азаку.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев С.И. Никольское городище. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 215 с.

Асылгараева Г.Ш. Исследование остеологических материалов из археологических раскопок селищ Волжской Булгарии (к истории сельскохозяйственной деятельности средневекового населения Волго–Камья) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / ред. А.Г. Петренко. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 158–174.

Байгушева В.С., Тимонина Г.И. Зооархеологические комплексы Азака XIV века (данные 2005 года) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону **в** 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 139–146.

Винников А.З. Костяные амулеты со славянского Животинного городища VIII– начала XI века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 87–94.

Воротынцев Л.В. К дискуссии о методике локализации маршрута «татарского» торгового пути в XIII–XIV веках // Filo Ariadne. 2020. № 3. С. 82–85; URL: filoariadne.esrae.ru/ru/21-352

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города / Отв. ред. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 6–37.

Кустова Ю.Г. Детские игрушки из кости и ритуалы с ними у хакасов // Вещь и обряд: рациональное и иррациональное в архаике: Сб. науч. тр. семинара «Теория и методология архаики». № 11/ ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов.. СПб: Музей антропологии и этнографии РАН, 2018. С. 82–91.

Лобашов М.Е. Очерки по истории русского животноводства. М.;Л.: АН СССР, 1954. 342 с.

Матвеева В.И. Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в 1978 году // Архив ИА РАН. Ф.1.Р.1. № 7987. 1979.

Матолчи Я. Кости животных с городища, селища и могильника (1978-1979 гг.) // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 237–260.

Петренко А.Г. Фауна древнего города Болгара // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов. Б.м., 1978. С. 228–234.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 177 с.

Петренко А.Г. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 252–268.

Сергєєва М. С. До історії гри в бабки в Київській Русі // Археологія. 2002. № 4. С. 50–58.

Стрельник М. О., Хомчик М. А., Сорокіна С. А. Гральні кості (ІІ тис. до н. е. – XIV ст. н. е.) з колекції Національного Музею Історії України // Археологія. 2009. № 2. С. 34–49.

Тимченко Н.Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси: (Среднее Поднепровье). Киев: Наукова думка, 1972.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII-XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: ВГУ, 2004. 264 с.

Тропин Н.А. Southern territories of the Chernigov-Ryazan boundary in the XII-XY centuries // История: факты и символы. 2023. № 3. С. 54–64 DOI: 10.24888/2410-4205-2023-36-3-54-64

Тропин Н.А., *Чубур А.А.* Альчики славянского Воргольского городища: от игры к ритуалу // Stratum plus. 2023. № 5. С. 49-59 DOI: https://doi.org/10.55086/sp2354959

Чубур А.А., Горобец Л.В. К археозоологической характеристике предполагаемого окольного града летописного Дебрянська (верхнее селище в урочище Чашин курган) по материалам раскопок Ф.М. Заверняева // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история Вып. VI / Ред. И.Г. Бурцев. Тула: Куликово поле, 2018. С. 56–68.

Чубур А.А., Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Посад Гочевского археологического комплекса: археозоологические наблюдения (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4 / под ред. А.Н. Наумова. Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 75–84.

Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. Т. LXXII (1). М.: АН СССР, 1967. С. 114–130.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widerristhohe bei vor- und frühgeschichtlichen Schweinen // Kuhn-Archiv. 83, 3. Berlin, 1969. 237–292.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widderristhone bei Schaffen. In: Clason A. T. (ed). *Archaeozoological Studies*. North-Holland Publishing Company, Amsterdam/Oxford, 1975. 51–69.

Информация об авторах:

Тропин Николай Александрович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (г. Елец, Россия); tropin2003@list.ru

Чубур Артур Артурович, кандидат исторических наук, проф. РАЕ, директор Научно-исследовательского Центра комплексного изучения Среднедеснинского региона (г. Брянск, Россия); fennecfox66@gmail.com

REFERENCES

Andreev, S. I. 2013. *Nikol'skoe gorodishche (Nikolskoye hillfort).* Tambov: Tambov State University(in Russian).

Asylgaraeva, G. Sh. 2004. In Petrenko, A.G. (ed.). *Arkheologiia i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 2. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 158–174 (in Russian).

Baigusheva, V. S., Timonina, G. I. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2005 (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov Museum-Reserve*,* 139–146 (in Russian).

Vinnikov, A. Z. 2011. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiia (Bulletin of the Voronezh State University: History, Political and Social Sciences Series)* (1), 87–94 (in Russian)

Vorotyntsev, L. V. 2020. In *Filo Ariadne (Ariadne 's Thread)* (3), 82—85 URL: filoariadne.esrae.ru/ru/21-352 (in Russian).

Enukov, V. V. 2005. *Slaviane do Riurikovichei (The Slavs before the Rurik Dynasty)*. Kursk: “Uchitel'” Publ. (in Russian).

Kuza, A. V. 1981. In Rybakov, B. A. (ed.). *Drevnerusskie goroda (Towns in Old Rus).* Moscow: “Nauka” Publ., 6–37 (in Russian).

Kustova, Yu. G. 2018. In Albedil, M. F., Savinov, D. G. (eds.). *Veshch’ i obriad: ratsional’noe i irratsional’noe v arkhaike. Sbornik nauchnykh trudov seminara «Teoriia i metodologiia arkhaiki» (Thing and rite: Rational and irrational in archaic: Collected papers of the seminar “Theory and methodology of archaic”)* 11. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 82–91 (in Russian).

Lobashov, M. E. 1954. *Ocherki po istorii russkogo zhivotnovodstva (Essays on the history of Russian livestock farming).* Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Matveeva, V. I. 1979. *Otchet o rabote Verhnedonskoj ekspedicii v 1978 godu (Report on the work of the Upper Don expedition in 1978).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F.1.R.1. No. 7987 (in Russian).

Matolcsy, J. 1984. In Pletneva, S. A. (ed.). *Maiatskoe gorodishche (Mayaki Fortified Settlement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 237–260 (in Russia).

Petrenko, A. G. 1978. In Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe).* Moscow: “Nauka” Publ., 228–234 (in Russian).

Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh’ia i Predural’ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Petrenko, A. G. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel’nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts).* Moscow: “Nauka” Publ., 252–268 (in Russian).

Sergeeva, M. S. 2002. In *Arkheolohiya (Archaaeology)* (4), 50–58 (in Ukrainian).

Strel’nyk, M. O., Khomchyk, M. A., Sorokina, S. A. 2009. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 34–49 (in Ukrainian).

Timchenko, N. G. 1972. *K istorii okhoty i zhivotnovodstva v Kievskoy Rusi: (Srednee Podneprov'e) (On the history of hunting and livestock farming in Kievan Rus: the Middle Dnieper region).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Tropin, N. A. 2004. *Sel'skie poseleniya XII–XV vekov yuzhnykh territoriy Ryazanskoy zemli (Rural settlements of the XII–XV centuries of the southern territories of the Ryazan land).* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Tropin, N. A. 2023. In *Istoriya: fakty i simvoly* (*History: facts and symbols)* (3), 54–64 DOI: 10.24888/2410-4205-2023-36-3-54-64 (in Russian).

Tropin, N. A., Chubur, A. A., 2023. In *Stratum plus* (5), 49–59 DOI: https://doi.org/10.55086/sp2354959 (in Russian).

Chubur, A. A., Gorobets, L. V. 2018. In Burtsev, I. G. (ed.). *Gorod Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni: arkheologiya, istoriya (City in the Middle Ages and the early modern era. Archaeology and history)* VI. Tula: “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, 56–68 (in Russian).

Chubur, A. A., Starodubcev, G. Yu., Zorin, A. V. 2009. In Naumov, A. N. (ed.). *Verhnee Podon'e: arkheologiia, istoriia (The Upper Don Region: Archaeology, History)* 4. Tula: “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, 13−23 (in Russian).

Tsalkin, V. I. 1967. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdelenie biologii* (*Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological series*) LXXII (1), 32–40 (in Russian).

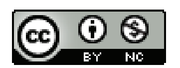
Teichert, M. 1969. In *Berlin Kuhn-Archiv* 83 (3), 237–292.

Teichert, M. 1975. In Clason, A. T. (ed). *Archaeozoological Studies*. Amsterdam/Oxford: North-Holland Publishing Company, 51–69.

About the Authors:

Tropin Nikolay A., Doctor of Historical Sciencws, Yelets State University, Kommunarov str., 28, Yelets, 399770 Lipetsk region, Russian Federation; tropin2003@list.ru

Chubur Artur A., Candidate of Histprical Sciences, Professor, Center for a comprehensive exploration of the Middle Desna region. Lane Fokina. 4. Bryansk. 241050, Russian Federation; fennecfox66@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.220.228

РУССКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ОРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ СЕЛИЩА ПАШЕНКОВО НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2024 г. А.Г. Яблоков, В.В. Скинкайтис, А.В. Деревянко

В статье публикуется керамический материал из раскопок русского средневекового селища Пашенково золотоордынского времени, расположенного на Среднем Дону. Памятник находится на территории хут. Пашенково в Хохольском районе Воронежской области. Основной целью исследования является установление хронологии русской посуды селища Пашенково на основании технико-морфологических особенностей керамики и сравнительного анализа с материалами других памятников, расположенных на территории Среднего и Верхнего Дона. Весь анализируемый керамический материал селища Пашенково происходит из заполнения ямы и пластов над ней, представляющих собой единый комплекс. Индивидуальные находки с территории памятника позволили предварительно датировать его в пределах XIV в. Анализируемая керамическая серия составила более одной тысячи фрагментов, в которую были включены фрагментированные верхние профильные части, стенки и донца горшков. В результате проведенных работ на рассматриваемом памятнике археологии выявлена домонгольская керамическая традиция, имеющая полные параллели в Верхнедонском и Поокском регионах. Наибольшая близость по технико-морфологическим характеристикам, а порой, и полная идентичность зафиксирована с керамикой Семилукского городища, находящегося в 45 км выше по течению р. Дон в ее правобережье. На основании полученных данных, авторами предлагается датировать керамический комплекс селища Пашенково в пределах второй пол. XIII – первой пол. XIV вв.

Ключевые слова: археология, золотоордынское время, Среднее Подонье, селище Пашенково, керамическая серия, русская керамика.

RUSSIAN POTTERY ASSEMBLAGE OF THE HORDE PERIOD ON THE PASHENKOVO SETTLEMENT IN THE MIDDLE DON

A.G. Yablokov, V.V. Skinkajtis, A.V. Derevyanko

The article presents ceramic materials from the excavations on the Pashenkovo Russian medieval settlement of the Golden Horde period, located in the Middle Don. The site is located on the territory of the village of Pashenkovo in the Khokholskiy district of the Voronezh region. The main purpose of the study is to determine the chronology of Russian pottery from the Pashenkovo settlement based on the technical and morphological features of the ceramics and a comparative analysis with materials from other sites, located on the territory of the Middle and Upper Don. All analyzed ceramic material from the Pashenkovo settlement comes from the filling of the pit and the layers above it, which represent a single complex. Individual finds from the territory of the site made it possible to tentatively date it within the XIV century. The analyzed pottery consisted of more than one thousand fragments, which included fragmented upper profile parts, walls and bottoms of pots. As a result of the work carried out on the archaeological site, a pre-Mongol ceramic tradition was identified, which has complete parallels in the Upper Don and Ob regions. The greatest similarity in technical and morphological characteristics, and sometimes complete identity, is found with the pottery from the Semiluki settlement, located 45 km upstream of the Don river on its right bank. Based on the obtained data, the authors propose to date the pottery assemblage of the Pashenkovo settlement within the second half of XIII-first half of XIV century.

Keywords: archaeology, Golden Horde period, Middle Don region, Pashenkovo settlement, ceramic series, Russian pottery.

На момент монгольского нашествия территория Среднего Подонья являлась зоной обитания кочевников и находилась на порубежье с русскими землями. В золотоордынское время в данном регионе происходит появление русского населения. Основной массив поселенческих памятников, оставленных данным населением приходиться на устьевую часть р. Битюг – левый приток р. Дона и в районе населенных пунктов Костенки, Борщево, Пашенково.

В Среднем Подонье известно около 50 поселений с русской керамикой золотоордынского времени (Цыбин, 1987, с. 37-38.

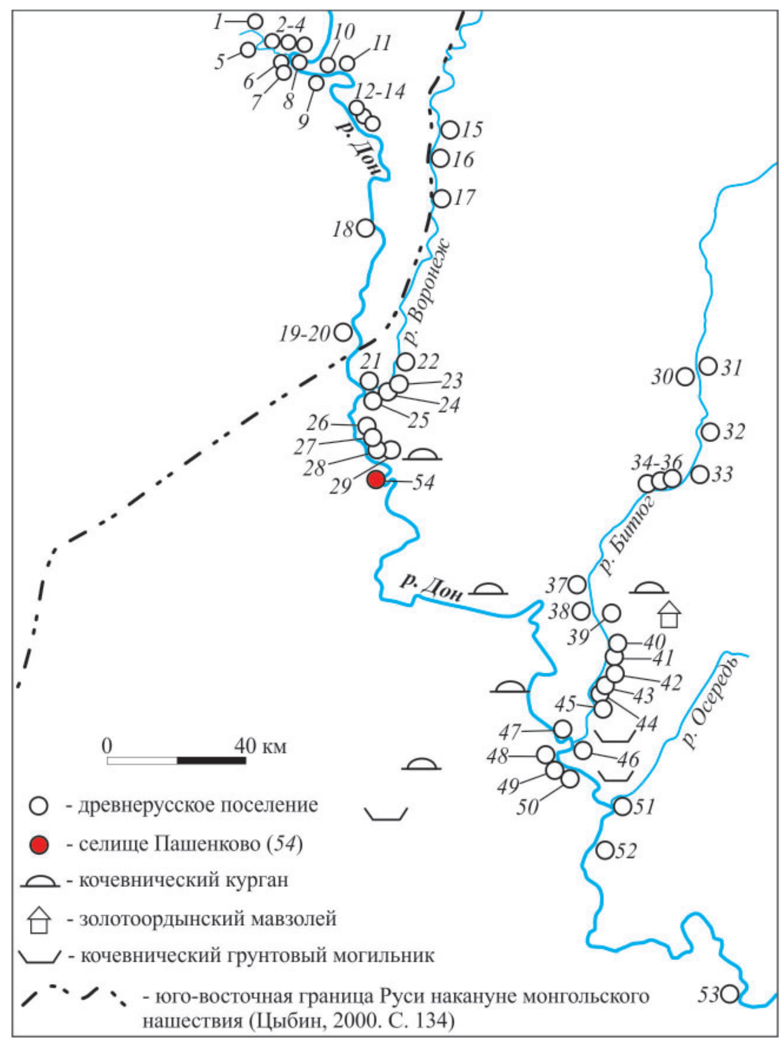

Рис. 1. Археологические памятники золотоордынского времени на юго-восточной окраине Руси, поселения: 1 – Каменка - 1; 2 – Яблоново - 1; 3 – Каменка - 7; 4 – Алексеевка - 3; 5 – Яблоново - 2; 6 – Каменка - 1; 7 – Каменка - 2; 8 – Нижнее Казачье - 3; 9 – Замятино - 8; 10 – Уткино - 7; 11 – Даньшино - 1; 12 – Елецкое Маланино - 1; 13 – Елецкое Маланино - 2; 14 – Елецкое Маланино - 3; 15 – Савицкое - 14–16; 16 – Пристань - 1; 17 – Ромашки - 1; 18 – Гнездилово - 1; 19 – Чернышова гора - 1; 20 – Чернышова гора - 2; 21 – Правобережное у плотины (г. Воронеж); 22 – Университетское - 3 (г. Воронеж); 23 – Шиловское (г. Воронеж); 24 – Шиловское - 2 (г. Воронеж); 25 – Левобережное у плотины (г. Воронеж); 26 – Костенки - 1; 27 – Заталия; 28 – Боршево; 29 – Александровка; 30 – Желанное; 31 – Мосоловка; 32 – Светлый путь; 33 – Дрониха; 34–36 –Старая Чигла; 37 – Николо Варваринка; 38 – Пчелиновка; 39 – Мечетка; 40 – Шестаково - 2; 41 – Шестаково - 3; 42 – Шестаково - 4; 43 – Шестаково - 6; 44 – Игнатовские Ольхи поселение у водонапорной башни; 45 – Игнатовка; 46 – поселение 1 у брода через р. Протока; 47 – Перебой; 48 – Коловерть; 49 – Верхнекарабутское - 2; 50 – Верхнекарабутское - 1; 51 – Павловск п; 52 – Николаевка; 53 – Терешковский Вал; 54 – Пашенково.

Fig. 1. Archaeological sites of the Golden Horde period in the southeast outlying areas of Rus, settlements: 1 – Kamenka - 1; 2 – Yablonovo - 1; 3 – Kamenka - 7; 4 – Alekseyevka - ; 5 – Yablonovo - 2; 6 – Kamenka - 1; 7 – Kamenka - 2; 8 – Nizhneye Kazachye - 3; 9 – Zamyatino - 8; 10 – Utkino - 7; 11 – Danshino - 1; 12 – Yeletskoye Malanino - 1; 13 – Yeletskoye Malanino - 2; 14 – Yeletskoye Malanino - 3; 15 – Savitskoye - 14–16; 16 – Pristan'; 17 – Romashki - 1; 18 – Gnezdilovo - 1; 19 – Chernyshova gora - 1; 20 – Chernyshova gora - 2; 21 – Pravoberezhnoye u plotiny (Voronezh); 22 – Universitetskoye - 3 (Voronezh); 23 – Shilovskoye (Voronezh); 24 – Shilovskoye - 2 (Voronezh); 25 – Levoberezhnoye u plotiny (Voronezh); 26 – Kostenki - 1; 27 – Zatalia s; 28 – Borshchevo; 29 – Aleksandrovka - ; 30 – Zhelannoye; 31 – Mosolovka; 32 – Svetlyj Put'; 33 – Dronikha; 34-36 – Staraya Chigla; 37 – Nikolo Varvarinka; 38 – Pchelinovka; 39 – Mechetka; 40 – Shestakovo - 2; 41 – Shestakovo - 3; 42 – Shestakovo - 4; 43 – Shestakovo - 6; 44 – Ignatovskie Olkhi settlement at the water tower; 45 – Ignatovka; 46 – settlement 1at the ford across the Protoka river; 47 – Pereboy; 48 – Kolovert'; 49 – Verkhekarabutskoye - 2; 50 – Verkhekarabutskoye - 1; 51 – Pavlovsk; 52 – Nikolayevka; 53 – Tereshkovsky Val; 54 – Pashenkovo.

рис. 1). Раскопками исследовались следующие из них: поселение Дрониха на р. Битюг, поселения Верхнекарабутское I, Верхнекарабутское II и Пашенково на р. Дон, поселение Терешковский Вал на р. Богучарка, городище Никольевка на р. Хопер.

В данной работе дается хронология керамического комплекса селища Пашенково золотоордынского времени (рис. 1).

Памятник выявлен в 2022 г. В.В. Скинкайтисом и изучался раскопками А.В. Деревянко в 2023 г. Анализируемая выборка составила более одной тысячи фрагментов, в которую были включены фрагментированные верхние профильные части, стенки и донца горшков. Весь анализируемый керамический материал селища Пашенково происходит из заполнения ямы и пластов над ней, представляющие собой единый комплекс. Предварительно селище Пашенково датируется в пределах XIV в. на основании немногочисленных фрагментов ордынской красноглиняной неполивной посуды, фрагментов чугунных котлов и находки кашинной подвески. Значительный интерес для исследования данный памятник представляет в связи с наличием здесь выразительной керамической традиции домонгольского времени, для которой характерны сильнопрофилированные формы верхних частей сосудов и доминирование линейного декора в качестве орнаментальной композиции на посуде.

При анализе материала использовалась классификация русской средневековой керамики В.Ю. Коваля. В основе ее лежат наблюдения за технико-морфологическими особенностями посуды.

Русская круговая керамика золотоордынского времени с поселения Пашенково насчитывает 1345 фрагментов, включая 188 венчиков. Для ее изготовления использовались три типа формовочных масс.

К доминирующему типу формовочных масс относится керамика, изготовленная из слабоожелезненных глин (светложгущаяся) с примесью мелкого песка – 85,95% (1156 экз.). Цвет данной керамики варьируется от бежевого до розового.

Для второго типа формовочной массы керамики поселения Пашенково характерна следующая рецептура – сильноожелезненная глина (красножгущихся) с добавкой мелкого песка. Ее доля составляет 6,84% (92 экз.). Цвет ее варьируется от коричневого до красного кирпичного.

Третий тип формовочной массы имеет следующую структуру – неожелезненная глина (беложгущаяся) с примесью мелкого песка. Для этой керамики характерны белый и бежевый цвета. Доля такой посуды составляет 4,24% (57 экз.).

Остальные фрагменты относятся к неопределимой керамике в силу того, что она подвергалась вторичному обжигу – 2,97% (40 экз.).

Обратим внимание, что выявленные рецепты формовочных масс на селище Пашенково в процентном соотношении не имеют сходств с данными других памятников Среднего Подонья (Скинкайтис, 2020). Однако, практически идентичные показатели используемых формовочных масс при изготовлении керамики демонстрируют материалы Семилукского городища 1-й пол. XIII в., расположенного на Верхнем Дону (Скинкайтис, 2016).

Верхние профильные части керамики селища Пашенково насчитывают 177 пригодных для типологизации фрагментов венчиков от различных сосудов с преобладанием горшков, которые делятся на пять групп: вертикальные, отогнутые наружу, сильнопрофилированные, S-видные и наклоненные внутрь (табл. 1).

Среди верхних профильных частей наблюдается преобладание группы сильпрофилированных венчиков. Их доля составляет 61,53% от общего количества венчиков. Эта группа объединяет внутри себя следующие типы венчиков:

Тип 18/1. Сильнопрофилированные венчики с отогнутым устьем под углом до 45° по отношению к вертикальной шейке, при этом «черновой» край заглаживался внутрь. На участке Воронежского Подонья данная посуда встречается в небольшом количестве в домонгольское время (около 5%) и при этом полностью отсутствует в золотоордынское время. (Скинкайтис, 2014; 2016, с. 70. Табл. 1; Иншаков, 2014). Однако в изучаемой коллекции встречен один фрагмент венчика такого типа (0,64%)

Тип 18/2. Сильнопрофилированные венчики с отогнутым устьем под углом до 45˚ по отношению к вертикальной шейке, при этом «черновой» край завернут внутрь и имеет «цилиндрическую» форму. Эта посуда представлена единственным фрагментом, что составляет 0,64%. Наиболее распространен-

Таблица. 1. Распределение типов венчиков
в составе керамического комплекса селища Пашенково
Table 1. Distribution of rim types from the pottery assemblage of the Pashenkovo settlement

Тип	Пласт, № / количество фрагментов											Всего, %
	1	2	3	4	5	6	7	п. 1-1	п. 1-2	п. 1-3	п. 1-4	
Тип 2/3		1										0,64
Тип 3/1	4	3	4	5	7	1	1	1				16,67
Тип 3/2					1							0,64
Тип 3/3		1	1									1,28
Тип 3/4			1									0,64
Тип 4/1		1										0,64
Тип 8/1			2									1,28
Тип 13/1					1							0,64
Тип 18/1			1									0,64
Тип 18/2			1									0,64
Тип 21/5								1	1			1,28
Тип 23/1	1		1	1	3	1		1	1			5,13
Тип 23/2			1									1,28
Тип 23/3		1	1									1,28
Тип 23/6									2			1,28
Тип 26								1		1		1,28
Тип 28/1		4	12	10	11	5		1	9	1		33,97
Тип 28/2			5	8	4	3	1		8			18,59
Тип 28/5		4	3	1		1						5,77
Тип 30/2								1				0,64
Тип 31/2					1							0,64
Тип 41/1			1									0,64
Тип 41/2											1	0,64
Тип 43/1					2	1						1,92
Тип 43/2					1			1	1			1,92
Кол-во:	5	14	34	26	31	12	2	7	22	2	1	100,0 / 152

ный прием конструирования верхних частей горшков во 2-й пол XII в.

Тип 26. Сильноизогнутые венчики с наклоненной внутрь шейкой и устьем, отогнутым наружу (рис. 3: *1*). Эта посуда составляет 1,28% (2 экз.).

Тип 28/1. Сильноизогнутые венчики с наклоненной внутрь сосуда шейкой и отогнутым наружу устьем, при этом «черновой край» заворачивался внутрь (рис. 3: 2–5). Удельный вес венчиков этого типа в коллекции составляет 33,97% (53 экз.). Этот тип посуды характерен для расположенных в Поочье комплексов XIII – 1-й пол. XIV вв., где его доля доходит до 30% (Коваль, 2004, с. 85. Табл. 3; Черкасов, 2005, с. 57). В Верхнедонском регионе тип 28/1 зафиксирован только в двух культурно-хронологических слоях: конца XI–XII вв. – 8,7%; 1-й пол. XIII в. – 10,5%.

Тип 28/2. Сильнопрофилированные венчики с шейкой, наклоненной внутрь, и устьем, отогнутым наружу, при этом «чистовой» край имеет «цилиндрическую» форму (рис. 3: 6-10). В анализируемой выборке составляет 18,59% (29 экз.). Данный тип венчиков преобладает на Ростиславле Рязанском в культурном слое XII в. (Коваль, 2004, с. 84. Табл. 1).

Тип 28/5. Сильноизогнутые венчики с наклоненной внутрь шейкой, при этом устье образует своего рода козырек. «Черновой» край таких горшков сформован путем заворота внутрь (рис. 3: 11-16). В исследуемой коллекции встречено 9 таких фрагментов, что составляет 5,77%. Наличие уступа перед валиком объединяет их с посудой типов 18/5, 23/6.

Тип 30/2 (рис. 3: 17) Сильнопрофилированные венчики с шейкой наклоненной внутрь и устьем, отогнутым наружу. «Черновой» край такой посуды сформован путем заворота внутрь и наружу. Верхние части сосудов с таким оформлением составляют 0,64%.

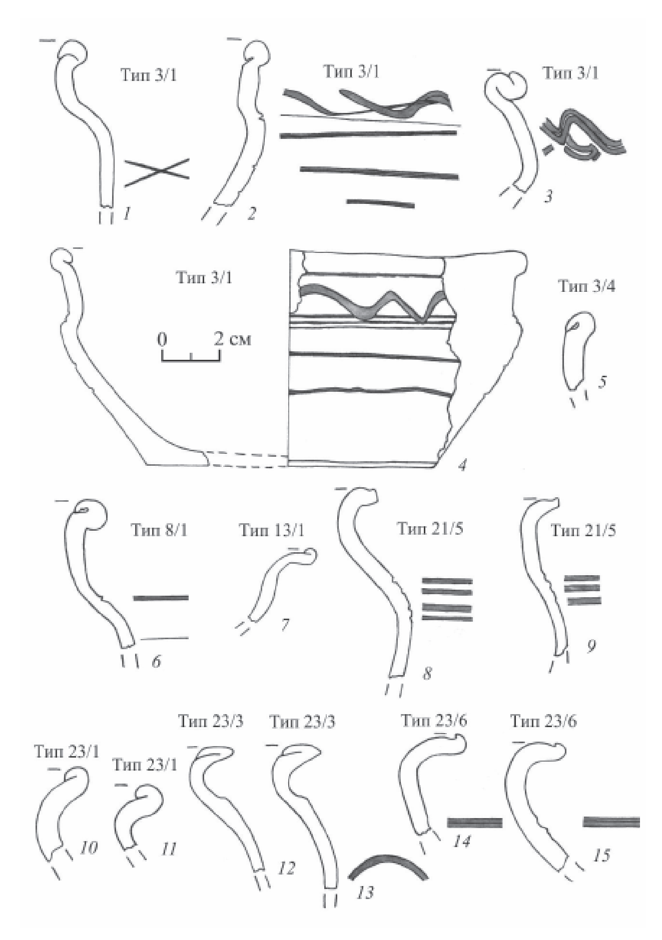

Рис. 2. Русская керамика селища Пашенково.
Fig. 2. Russian pottery from the Pashenkovo settlement.

Следующей по численности идет группа вертикальных венчиков. Ее доля от общего числа составляет 21,8%. Данная группа включает в себя вертикальные верхние профильные части горшков типов 2/3, 3/1, 3/2, 3/3, 3/4, 4/1, 8/1.

Тип 2/3. Простой вертикальный венчик с горизонтальным срезом. Венчик представлен в единственном экземпляре, что составляет 0,64% выборки.

Тип 3/1. Слабопрофилированные венчики, край которых резко отогнут и завернут внутрь (рис. 2: 1-4). В анализируемой выборке этот тип представлен 16,67% (26 экз.). Данная традиция формообразования горшков являлась доминирующей для территорий Среднего Поочья в XIII–XIV вв. (Стрикалов, 2003, с. 378, 380; Коваль, 2004, с. 80. Табл. 1).

Тип 3/2. Вертикальный венчик, край которого завернут внутрь сосуда и образует собой «валик». Составляет всего 0,64% от общего количества (1 экз.).

Тип 3/3. Вертикальные венчики, имеющие наплыв внутрь и заостренный край. Доля таких форм доходит до 1,28% (2 экз.). Верхние профильные части такого типа встречаются довольно редко в слоях XIII–XIV вв. (Коваль, 2004, с. 78-79. Табл. 1).

Тип 3/4. Вертикальные венчики, имеющие наплыв внутрь. Край завернут внутрь и оформлен в виде массивного валика на внутренней поверхности (рис. 2: 5). Всего в комплексе обнаружен единственный фрагмент этого типа (0,64%). Подобные верхние профильные части встречаются в XIII–XIV вв. на территории Подонья в небольшом количестве от 3 до 6% (Иншаков, Бирюков, 2014, с. 519, 521. Рис. 5, *10-12, 7, 3, 4*; Скинкайтис, 2016, с. 70. Табл. 1).

Тип 4/1. Вертикальные венчики, имеющие наплыв на внешней поверхности. Доля таких форм составляет до 0,64% (1 экз.). Ближайшие аналогии находятся среди сосудов Курского Посеймья XIII в. (Веретюшкин, 2004, с. 162-163).

Тип 8/1. Вертикальные венчики с высокой шейкой. Край завернут внутрь и оформлен в виде «цилиндра» (рис. 2: 6). Всего в комплексе сосуды этого типа составляли 1,28% (2 экз.). Венчики этого типа близки верхним профильным частям типа 3/1.

Третья группа представлена S-видными венчиками. Их доля составляет 10,26% от общего количества венчиков. Она объединяет внутри себя следующие типы:

Тип 21/5. Сильноизогнутый S-видный венчик, устье которого отогнуто до горизонтального положения (рис. 2: 8–9). Эта посуда составляет 1,28% (2 экз.).

Тип 23/1 Венчики S-видной ориентировки, «черновой» край которых завернут внутрь и имеет уплощенный валик (рис. 2: 10–11). Из общего числа венчиков, фрагменты это типа составляют 5,13% (9 экз.). Подобная посуда была широко распространена на территории Древней Руси в XII–XIV вв. Отметим, что такая керамика доминирует в домонгольских комплексах 1-й пол. XIII в. в Поочье и Подонье (Коваль, 2004, с. 84- 85. Табл. 3; Черкасов, 2005, с. 307. Рис. 7, *2, 4, 8, 1*; Скинкайтис, 2016, с. 59–65. Табл. 1). В культурных напластованиях 2-й пол. XIII–1-й пол. XIV вв. Ростиславля Рязанского процентный показатель венчиков типа 23/1 уменьшается и составляет от 14 до 30% (Коваль, 2004, с. 85. Табл. 3). Затем во 2-й пол. XIV в. их количество возрастает до 1/3 и более (Коваль, 2004, с. 84). На сель-

ских поселениях с культурным слоем 2-й пол. XIV в. в округе Ельца доля венчиков типа 23/1 представлена 15%. Примерно такое же количество присутствует и на поселении Дрониха, на Среднем Дону.

Тип 23/2. S-видные венчики с завернутым «черновым» краем внутрь в виде округлого валика. Керамика этой формы составляет 1,28% (2 экз.). Аналогии датируются XII – 1-й пол. XIII вв. (Коваль, 2004, с. 78, 84. Табл. 1).

Тип 23/3. Венчики с S-видным профилем, «черновой» край которых завернут внутрь и имеет «единицеобразную» форму (рис. 2: 12-13). Эта посуда составляет 1,28% (2 экз.).

Тип 23/6. S-видные верхние профильные части сосудов, сформированные в результате отгиба устья до горизонтального положения и заворота «чернового» края внутрь (рис. 2: 14-15). Их доля составляет 1,28% (2 экз.). Венчики этой посуды имеют ряд схожих черт с типами 18/1, 23/1, 28/1, которые датируются XII – 1-й пол. XIII вв.

Четвертая группа включает наклоненные внутрь сосуда венчики (5,13%). Эта группа представлена следующими типами:

Тип 41/1. Венчик, наклоненный внутрь сосуда с наклонным положением устья. Тип представлен одним фрагментом (0,64%).

Тип 41/2. Венчик, наклоненный внутрь сосуда с горизонтально отогнутым устьем (рис. 3: 5). Представлен одним фрагментом, и составляет 0,64%.

Тип 43/1. Венчики с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу устьем, «черновой» край которых завернут внутрь (рис. 3: 18). Эта посуда имеет долю 1,92% (3 экз.). Немного больший процентный показатель данного типа зафиксирован в Верховьях Дона на Семилукском городище (5,45%), датирующимся 1-й пол. XIII в. (Скинкайтис, 2016, с. 70. Табл. 1).

Тип 43/2. Венчики с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу горизонтальным устьем, «черновой» край которых подвергался завороту внутрь (рис. 3: 19). Этот тип составляет 1,92% (3 экз.).

Пятая группа венчиков селища Пашенково наиболее малочисленна. Включает в себя отогнутые верхние профильные части горшков типов 13/1 и 31/2. Их доля минимальна и составляет 1,28%.

Тип 13/1. Венчики, резко отогнутые наружу, «черновой» край которых плотно прижат

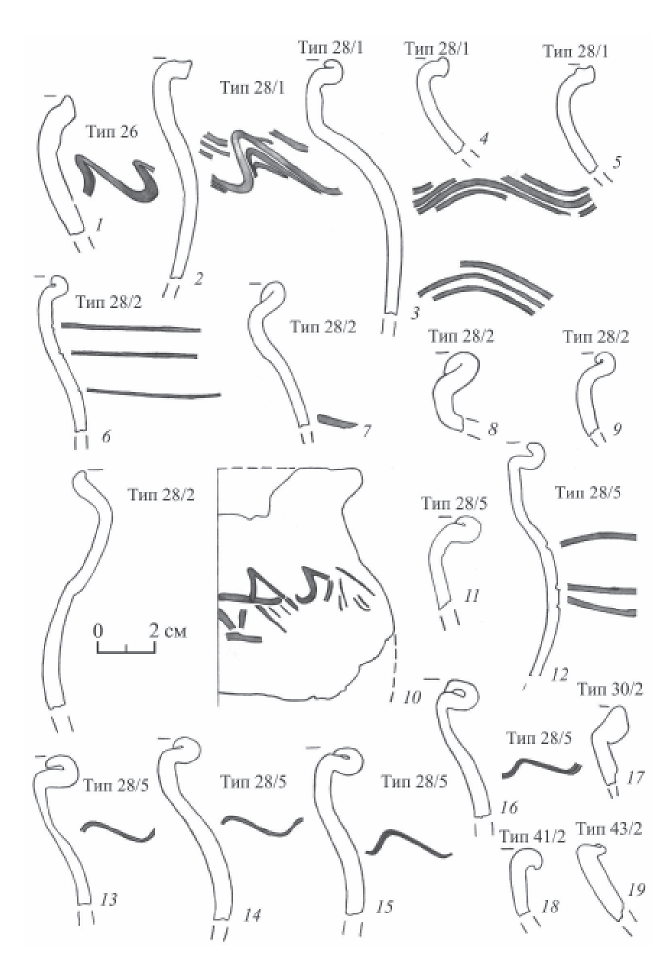

Рис. 3. Русская керамика селища Пашенково.
Fig. 3. Russian pottery from the Pashenkovo settlement.

к устью и завернут внутрь сосуда (рис. 2: 7). Доля такой керамики составляет 0,64% от общего количества (1 экз.). Подобные находки на территории Воронежского Подонья в домонгольский период имеют небольшой процент от 0,7 до 3,7%, затем в ордынский период получают свое максимальное распространение – их доля достигает 14% (Иншаков, 2014, с. 16. Табл. 1; Скинкайтис, 2016, с. 70. Табл. 1).

Тип 31/2. Венчики имеют сочетание из отогнутых наружу шейки и устья, черновой край без деформации. Тип представлен одним фрагментом (0,64%).

В качестве основных хроноиндикаторов в наборе выступают венчики типов 3/1 (16,67%), 28/1 (33,97%), 28/2 (18,59%).

Перечисленные выше доминирующие типы венчиков селища Пашенково с учетом их процентных показателей следует датировать 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV вв. по следующим причинам.

Во-первых, из-за наличия несущественной доли вертикальных венчиков (суммарная

их доля составляет 21,8%). В то время как на соседней территории Верхнего Подонья они доминируют во 2-й пол. XIV в. Составляя более половины коллекции – 56% (Иншаков, 2014, с. 11. Табл. 1). При этом обратим внимание, что на поселении Пашенково практически отсутствуют вертикальные венчики с заворотом наружу (тип 4/1), также характерные для некоторых Верхнедонских памятников 2-й пол. XIV в. (Скинкайтис, 2014, с. 586). Из этого следует, что 2-я пол. XIV в. не может рассматриваться в качестве верхней хронологической даты существования керамического комплекса.

Во-вторых, обнаруженные венчики типа 28/1 (33,97%) характерны для комплексов XIII – 1-й пол. XIV вв. Рязанской земли (Коваль, 2004, с. 85. Табл. 3; Черкасов, 2005, с. 57; Скинкайтис, 2016, с. 70. Табл. 1). Если брать во внимание комплекс индивидуальных находок, а также географическую удаленность селища Пашенково относительно юго-восточных границ древнерусского государства, то нижние хронологические рамки традиции моделирования венчиков типа 28/1 можно отнести ко 2-й пол. XIII в.

Из всего керамического набора селища Пашенково орнаментировано 24,08% посуды (табл. 2). Чаще всего в качестве декора использовался линейный орнамент – 54,62% (177 экз.). Волнистый орнамент наносился в 34,87% случаев (113 экз.). Также популярным было использование комбинированного линейно-волнистого декора (10,19%). Подобное процентное соотношение орнаментов линейного к волнистому фикси-руется на Ростиславле Рязанском во 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV вв. и в Верховьях Дона на Семилукском городище, датирующимся началом XIII – серединой XIII в. Интересно, что на памятниках Верхнего Подонья во 2-й пол. XIV в. наблюдается полное преобладание волнистого декора над линейным (Иншаков, 2014, с. 17. Табл. 2; Скинкайтис, 2014, с. 586).

Таким образом, проанализированный комплекс посуды селища Пашенково имеет большие параллели с домонгольской гончар-

Таблица. 2. Классификация декоров в составе керамического комплекса селища Пашенково
Table 2. Classification of decors from the pottery assemblage of the Pashenkovo settlement

Вид	**Тип**	**Пласт, № / количество фрагментов**											**Всего, %**
		1	2	3	4	5	6	7	п.1-1	п.1-2	п.1-3	п.1-4	
I	1	2	6	15	15	12	5		10	13			24,07
	2	1	8	11	14	11	6	5	17	5	2		24,69
	3	1	3	2	6	1	2		3	1			5,86
II	1	1	2	10	1	3		1	1	2			6,48
	2		3	7	3	3	4		7				8,33
	3				1					1			0,62
	4								1				0,31
	5			1	1				2			1	1,54
	6		1										0,31
	7				3					1			1,23
	8		3		1				1				1,54
	9												0,00
	10		5	4	3	2	2			1			5,25
	11		1	2	4	3	5	1	6	2			7,41
	12		1	1	1	3							1,85

III	1							1					0,31
	2			1		2							0,93
	3				1								0,31
	4			4		3							2,16
	5			1									0,31
	6	1	4	3	2	2	5		3				6,17
IV	1								1				0,31
Кол-во:		6	37	62	56	45	29	8	52	26	2	1	100,0 / 324

ной традицией в Верхнедонском и Поокском регионах. С учетом того, что комплекс индивидуальных находок с памятника принадлежит к ордынскому времени, а учитывая сведения об отсутствии домонгольских поселений на территории Среднего Подонья анализируемый комплекс следует датировать 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV вв.

Примечания:

[1]Мы сознательно отказались от публикации собственных фотографий, чтобы исключить возможные упреки в необъективности представленного иллюстративного материала.

[2]Используемая в данной статье форма «топотерит» некорректна: греч. τοποτηρητής можно транскрибировать либо как «топотерет», либо как «топотирит».

[3]Утверждая о «полной поддержке» данной интерпретации надписи В.Е. Науменко приводит ссылку на статью А.И. Айбабина и две свои публикации (Науменко, 2023, с. 54). Конечно, данные авторы, несомненно, уважаемые и авторитетные ученые, однако ими, насколько нам известно, не ограничивается круг исследователей истории и археологии Горной Таврики «фемного периода».

ЛИТЕРАТУРА

Веретюшкин Р.С. Керамика средневекового Рыльска золотоордынской эпохи // РА. 2004. №4. С. 159–167.

Иншаков А.А. Средневековые гончарные горны и керамика поселения Аргамач-Пальна 5 второй половины XIV – начала XV вв. из округи летописного Ельца (предварительная публикация) // Запад-Россия-Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция. 2014. № 1–2. С. 4–20.

Иншаков А.А., Бирюков И.Е. Средневековое поселение у с. Каменка // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 506–522.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 58–88.

Скинкайтис В.В. Гончарное производство Семилукского городища // История: факты и символы. 2016. №4 (9). С. 59–77.

Скинкайтис В.В. Керамический комплекс золотоордынского времени с поселения Чернышова гора // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 584–588.

Скинкайтис В.В. Русская круговая посуда на территории Среднего Подонья в Золотоордынский период // Этнокультурные процессы древности и средневековья в Восточной Европе по данным археологии (к 80-летию А.Т. Синюка): материалы межрегиональной научной конференции / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2020. С. 175–196.

Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 372–381.

Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2006. 368 с.

Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1987 С. 36–51.

Черкасов В.В. Домонгольская традиция гончарного производства Среднего Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.) // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 299–319.

Информация об авторах:

Яблоков Антон Глебович, преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия); yablokov6606@yandex.ru

Скинкайтис Винцас Владимиро, директор ООО «Археологический горизонт» (г. Воронеж, Россия); skinkaitis.vintsas@yandex.ru

Деревянко Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Воронежский государственный технический университет (г. Воронеж, Россия); avd91@yandex.ru

REFERENCES

Veretyushkin, A. A. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 159–167 (in Russian).

Inshakov, A. A. 2014. In *Zapad-Rossiya-Vostok. Arkheologiya. Istoriya. Filosofiya. Yurisprudentsiya (West-Russia-East. Archaeology. History. Philosophy. Jurisprudence)* (1–2) , 4–20 (in Russian).

Inshakov, A. A., Biryukov, I. E. 2014. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 6. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 506–522 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2004. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 58–88 (in Russian

Skinkajtis, V. V. 2016. In *Istoriya: fakty i simvoly (History: facts and symbols)* 9 (4), 59–77 (in Russian).

Skinkajtis, V. V. 2014. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 6. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 584–588 (in Russian).

Skinkajtis, V. V. 2020. In Fedyunin, I. V. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy drevnosti i srednevekov'ya v Vostochnoy Evrope po dannym arkheologii (k 80-letiyu A.T. Sinyuka) (Ethnic and cultural processes of ancient times and the Middle Ages in Eastern Europe according to archaeology (to the 80th anniversary of A.T. Sinyuk)).* Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 175–196 (in Russian).

Strikalov, I. Yu. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni (Rus in the 13th century. Antiquities of the Dark Age).* Moscow: "Nauka" Publ., 372–381 (in Russian).

Tropin, N. A. 2006. *Yuzhnye territorii Chernigovo-Ryazanskogo porubezh'ya v XII–XV vv. (The southern territories of the Chernihiv-Ryazan borderlands in the XII–XV centuries).* Elets: Elets State Pedagogical University (in Russian).

Tsybin, M. V. 1987. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi zheleza vostochnoevropeyskoy lesostepi (Archaeological sites of the Iron Age of the East European forest steppe).* Voronezh: Voronezh State University, 36–51 (in Russian).

Cherkasov, V. V. 2005. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy (the Grand Principality of Ryazan: historical and archaeological research and materials).* Moscow: "Pamyatniki istoricheskoy mysli" Publ., 299–319 (in Russian).

About the Authors:

Yablokov Anton G. Voronezh State University. Universitetskaya Square, 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; yablokov6606@yandex.ru

Skinkajtis Vintsas V. Director of the Archaeological horizon LLC. 9 yanvarya st., 223I, Voronezh, 394020, Russian Federation; skinkaitis.vintsas@yandex.ru

Derevyanko Aleksey V. Candidate of Historical Sciences, Voronezh State Technical University, 20-letiya Oktyabrya st., 84, 394006, Voronezh, Russian Federation; avd91@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.229.245

АНАЛИЗ АНАЛОГИЙ ВОСТОЧНОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ XIV–XV ВВ.[1]

©2024 г. Н.В. Жилина

В XIV–XV вв. на Руси возрождается декоративное искусство с опорой на домонгольские образцы. Основной опорой оставались византийские образцы, где продолжал использоваться пышный растительный орнамент и арабская каллиграфия. Мастера наблюдали новые восточные орнаменты и из богатого арсенала, собранного в Золотой Орде. Несмотря на аналогии с восточными, русские орнаменты сохраняют оригинальность и самые близкие аналогии находят между собой. Создана своя система орнаментации с новыми композициями плетеного и спирального орнаментов. Сходство с восточным арабеском возникает по логике орнаментального развития, стремящегося к подвижности. Русское искусство самостоятельно реагирует на актуальные для эпохи явления. XIV–XV вв. – период экспериментов с разнообразными орнаментами, часть которых отклонена при консолидации русской орнаментики XVI в.

Ключевые слова: археология, Русь, Византия, Восток, Золотая Орда, орнамент, мотив, композиция, аналогия

ANALYSIS OF ANALOGIES OF ORIENTAL ORNAMENTATION IN RUSSIAN ART OF THE XIV – XV CENTURIES[2]

N.V. Zhilina

In the XIV–XV centuries decorative art is being revived in Rus, based on pre-Mongol samples. The main support remained Byzantine samples, where lush floral patterns and Arabic calligraphy continued to be used. The masters observed new oriental ornaments from the rich arsenal collected in the Golden Horde. Despite the analogies with oriental ones, Russian ornaments retain their originality and find the closest analogies with each other. Own ornamentation system with new compositions of wicker and spiral ornaments was created. Similarity with the Eastern arabesque arises from the logic of ornamental development, striving for mobility. Russian art independently reacts to phenomena topical to the period. XIV–XV centuries – a period of experiments with various ornaments, some of them were rejected during the consolidation of Russian ornamentalism in the XVI century.

Keywords: archaeology, Rus, Byzantium, East, Golden Horde, ornament, motif, composition, analogy

К XIV–XV вв. после паузы, вызванной страшным иноземным нашествием и разорением, возрождается и набирает новую силу русское декоративное искусство. Орнаментация в технике чеканки, тиснения, гравировки, черни и скани отчасти продолжает домонгольские традиции, но важной чертой времени является разнообразие новой орнаментации, аналогии которой находятся в различных регионах мира, в том числе и на Востоке.

Актуальной задачей является понимание происхождения этого разнообразия орнаментации, тех новых вариантов, многие из которых используются практически только в данное время.

Не отрицая представлений о восточном влиянии на русское искусство этого периода, следует остановиться на конкретном анализе возможных аналогий орнаментации, связываемой с Востоком. Многим ее видам пока близких восточных аналогий все-таки не приведено.

Для этого произведем *обзор орнаментации основных произведений периода.*

Оклад иконы Богоматерь Одигитрия, первая треть XIV в. – византийский, констан-

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН *"Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье"* (№ НИОКТР 122011200266-3).

[2]The article was prepared as part of the implementation of the research topic of IA RAS "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (no. R&D 122011200266-3).

Рис. 1. Оклад иконы «Богоматерь Одигитрия», первая треть XIV в., Византия, серебро: 1 – общий вид; фрагменты: 2 – венец Богоматери; 3 – венец младенца Христа; 4 – поле средника; 5 – внутренний периметр; 6–10 – внешнее поле; 11 – граница венца Богоматери и средника (Царский храм…, с. 91).

Fig. 1. Setting of the icon "Our Lady Hodegetria", first third of the XIV century, Byzantium, silver: 1 – general view; fragments: 2 – crown of Our Lady; 3 – crown of baby Christ; 4 – middle part of icon; 5 – inner perimeter; 6–10 – outer part of icon; 11 – border of the crown of Our Lady and middle part of icon (Tsarskiy chram…, p. 91).

тинопольский образец придворного искусства при первых императорах династии Палеологов. Серебряный чеканный оклад характеризуется четкой композиционной структурой и разнообразием орнаментации (Стерлигова, 2000, с. 171–177; Царский храм…, 2003. С. 91, 92. Кат. № 6). Оказавшийся на Руси оклад послужил, вероятно, одним из наиболее важных ориентиров для создания новых русских произведений[1].

По периметру оклада идут прямоугольные чеканные орнаментальные пластины с включенными круглыми выпуклыми клеймами, разделенные пластинами с фигуративными изображениями. И клейма, и пластины с христианскими сюжетами создают четкий ритм. Иконное изображение окружено фигурным орнаментальным полем (рис. 1: 1).

Основной спирально-растительный орнамент образует правильные круглые переплетающиеся витки, заходящие друг на друга небольшими завитками, что создает иллюзию объемности. На венце Богоматери в центр спиральных извивов побега вписан пышный растительный мотив (пятилистник) с облаковидными, как будто, оплывающими под своей тяжестью листьями (рис. 1: 2)[2]. На фигурном поле средника используются мотивы такого же стиля, но разной иконографии: пышные пятилистники перемежаются с не столь крупными трилистниками, и с мелкими упрощенными трилистниками, нижние листья которых заменяются завитками, окруженными сплошным округлым обрамлением, создающим пышность (рис. 1: 4). На венце младенца Христа – также используются упрощенные трилистники и геометризованный плетеный орнамент, вместо листьев на котором – каплевидные ячейки (рис. 1: 3).

На внешнем периметре – прямоугольной рамке чередуются чеканные фигуративные вставки (рис. 1: 10) и прямоугольные поля с круглыми плетеными медальонами-клеймами в центре, плетеный орнамент имеет крестообразную композицию (рис. 1: 9). Внутрь витков окружающего их спирального стебля помещены трилистники более криволинейных очертаний с заостренными завивающимися кончиками, касающимися контура внутреннего витка (рис. 1: 6). На верхней части периметра прямоугольные поля завершаются бордюрами с лотосовидным цветком в центре (рис. 1: 7); на нижней части периметра – бордюрами вьющегося стебля с интенсивно изгибающимися концами листьев, которые получают вид пышных, как бы раздутых (частей полутрилистника). Концы листьев похожи на язычки пламени (рис. 1: 8). Завитковый орнамент в целом регулярен, но благодаря мобильности витка, который может менять свою величину и очертания, он приспосабливается к той зоне, в которой должен располагаться (средник, венцы).

Между внешним периметром и средником есть еще внутренний периметр с абсолютно регулярным орнаментом с повторяющимся мотивом абстрактного заоваленного трилистника (рис. 1: 5).

Если витки создают для всего орнамента регулярные рамки, то растения как будто

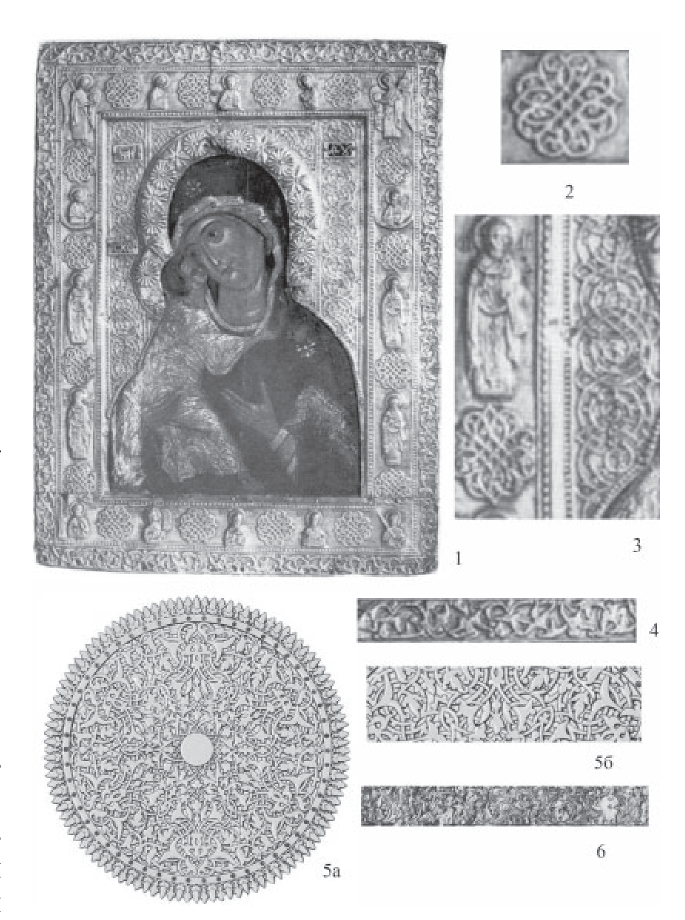

Рис. 2. Оклад иконы «Богоматерь Владимирская» (Образцовский) конца XIV – начала XV вв., серебро: 1 – общий вид; фрагменты: 2 – плетеное клеймо; 3 – поле с чеканными фигуративными изображениями, плетеными клеймами и спиральным орнаментом; 4 – внешний периметр (Николаева, 1976, с. 188); 5 – мечеть султана Калауна, Каир, 1280–1285 гг. (Jones, 1910, табл. XXXIII: 13); 6 – фрагмент оклада с деисусным чином иконы «Богоматерь Владимирская», золото, конец XIV – начало XV в. (Бобровницкая, 1984, рис. на с. 232).

Fig. 2. Setting of the icon "Our Lady of Vladimir" (Obraztsovsky) late XIV – early XV centuries, silver: 1 – general view; fragments: 2 – wicker stamp; 3 – part of icon with chiselled figurative images, wicker stamps and spiral ornament; 4 – external perimeter (Nikolaeva, 1976, s. 188); 5 – Sultan Qalawun's Mosque, Cairo, 1280–1285 (Jones, 1910, table XXXIII: 13); 6 – fragment of the setting with the Deisis tier of the icon "Our Lady of Vladimir", gold, late XIV – early XV centuries. (Bobrovnitskaya, 1984, fig. on p. 232).

наполняют их «живым дыханием». Мобильность спирального орнамента состоит в том, что он должен продолжаться, поэтому здесь наблюдается такая черта, которая считается и свойством арабеска – раздвоение стебля и парные листья или элементы, отходящие в две стороны, наблюдаются также и облаковидные очертания листьев (рис. 1: 11). Если на чеканных изображениях есть растительные детали, они также переданы с пышностью и живостью – дерево аналогично асимметричному лотосовидному цветку (рис. 1: 10).

Регуляция композиции с помощью орнаментальных клейм наблюдается и на *окладе иконы «Богоматерь Владимирская»* (вклад М.В. Образцова) конца XIV – начала XV вв.[3] (рис. 2: 1) (Николаева, 1976. С. 188). Отмечается геометрическая выверенность спирального орнамента, восточный (исламский) тип «раструбообразных» или «роговидных побегов-цветов орнамента наружного поля. В качестве основных аналогий орнаменту указываются византийские произведения от XIV в., в частности – и оклад иконы «Богоматерь Одигитрия». Образцовский оклад расценивается как соединяющий традиции византийского серебряного дела, восточной (турецко-персидской) орнаментики, а также – русской мелкой пластики. Такой вариант объясняют преимущественно контактами с балканским миром, хотя не отрицаются и контакты с искусством Золотой орды. Композиция оклада признана уникальной, не имеющей четкой архитектоники (Рындина, 1979. С. 501–503; 557–560. Кат. № 9).

По более широкому полю периметра ритмично расположены клейма плетеного орнамента, каждое из которых построено как правильная четырехчастная розетка (рис. 2: 2).

Четкая построенность композиции, на наш взгляд, определенно присутствует. Правильная геометрическая построенность характерна и для большинства орнаментов оклада. На венцах – геометрические многочастные розетки. Плетеный орнамент поля вокруг иконного изображения построен одинаковыми циркульными витками, переплетения выглядят как геометрически-правильная косая сетка (рис. 2: 3).

На внешнем периметре данного оклада впервые в русском искусстве появляется абсолютно новый орнамент, симметрия в котором не выдержана. Опознается нечетко выдержанный раппорт подпрямоугольных очертаний, с одной стороны которого выделяется размашистый трилистник: центральный лист небольшой, два боковых листа – узкие и длинные,

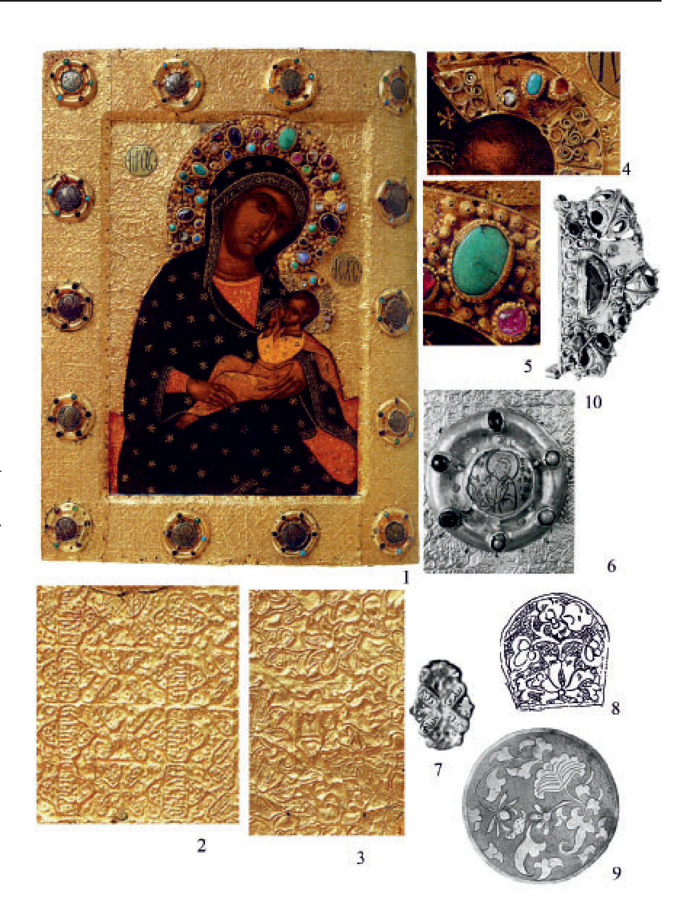

Рис. 3. Оклад иконы «Богоматерь Млекопитательница», конец XIV – начало XV века, золото: 1 – общий вид; фрагменты: 2, 3 – басма; 4 – венец младенца Христа; 5 – венец Богоматери (Царский храм…, с. 94); 6 – эмалевые клейма, серебро (Мартынова, 1984, с. 25); аналогии, золотоордынский период, серебро – 7 – пластина на пряжке, станица Белореченская, Северный Кавказ (ОИАК, 1898, с. 52, рис. 252); 8 – чаша, район Соликамска Пермской губ.; 9 – ковш, Ставрополье (Восточное серебро…, 1909, табл. CII: 223; CV: 232); 10 – держатель очелья, клад 1992 г. из Старой Рязани, золото (Жилина, 2014, № 191/2а1).

Fig. 3. Setting of the icon "Nursing Madonna", late XIV – early XV centuries, gold: 1 – general view; fragments: 2, 3 – fine icon-case; 4 – crown of baby Christ; 5 – crown of Our Lady (Tsarskiy chram…, p. 94); 6 – enamel stamps, silver (Martynova, 1984, p. 25); analogies, Golden Horde period, silver – 7 – plate on a buckle, stanitsa of Belorechenskaya, Northern Caucasus (OAK, 1898, s. 52, fig. 252); 8 – bowl, nearby Solikamsk, Perm region; 9 – ladle, Stavropol region (Eastern silver..., 1909, table CII: 223; CV: 232); 10 – head gear holder, hoard in 1992 from Staraya Ryazan, gold (Zhilina, 2014, No. 191/2a1).

иногда раздваивающиеся. Остальная часть условно выделяемого раппорта не обнаруживает регулярного заполнения. Аморфные стебли и мотивы связаны между собой. Можно выделить трилистник с динамично изгибающимися язычками листьев (рис. 2: 4).

Этот орнамент сравним с арабеском конца XIII в. – например, мечети султана Калауна в Каире: на основе из правильных, геометрично рассчитанных спиральных витков размещены выделяющиеся крупные размашистые двулистники, трилистники являтся завершающими мотивами. Эти мотивы по форме и стилистике сходны, но не с двулистиниками, а все-таки – с трилистниками русского оклада. Есть и другие растительные мотивы – половины трилистников, трилистники, и более сложные (с четырьмя листьями). Есть листья удлиненных очертаний, динамично изгибающиеся, как язычки пламени (рис. 2: 5).

Основным отличием арабеска от русского варианта является его четко соблюдающаяся симметрия, правильная рассчитанность витков стебля. Кроме того, русский вариант явно «сбивается» на трилистник. Возникает впечатление непонятости орнамента, который пытался воспроизвести русский мастер. Вместе с тем, стилистика изгибающихся кончиков листьев Образцовского оклада очень сходна с листьями византийского оклада иконы «Богоматерь Одигитрия».

Прототипом такого орнамента считают орнамент золотого оклада иконы Владимирской Богоматери, в который входят достаточно отработанные трилистники, но направленные в разные стороны (Бобровницкая, 1985, с. 231; Орлова, 1997, с. 162, 163) (рис. 2: 6). Сходство ограничивается только формой листа, в целом орнаменты очень различны и композиционно и по степени проработанности трилистников, и по впечатлению динамичности. Орнамент оклада Богоматери не имеет черт арабеска.

Оклад иконы «Богоматерь Млекопитательница» относят к концу XIV – началу XV века (рис. 3: 1) В этом случае он оказывается раньше той иконы, на которой находится, и, возможно, был сделан для более ранней. Оклад собран из разнохарактерных частей, но отмечается его относительно цельная композиция. Время создания всех частей оклада несколько искусственно сближается исследователями и относится к концу XIV – началу XV в.

Басменному орнаменту оклада, включающему трудночитаемые арабские надписи, указываются аналогии в торевтике Золотой Орды – поясные наборы станицы Белореченская – XIV – рубежа XV в. Золотоордынское происхождение подобного орнамента не вызывает у исследователей сомнения, допускается работа золотоордынских мастеров. Хотя вместе с тем признается, что использование элементов арабской вязи свойственно и произведениям христианского круга и значительно более раннего времени, и современным ей. Например, арабская надпись использована на саккосе митрополита Фотия, византийского произведения XIV – начала XV в. Мотив лотообразного цветка также преимущественно связывают с восточными или золотоордынскими мастерами, приводимые аналогии в основном относятся к XIV в.; проводятся аналогии и с балканским среброделием (Мартынова, 1984. С. 101–107; 2002, с. 25, кат № 1; Крамаровский, 2001, с. 205–207. Рис. 107; Царский храм…, 2003, с. 94, кат. № 7).

Разнохарактерность оклада все же осталась несколько недооцененной. Кажущаяся цельность создается механически, как бы для поверхностного визуального восприятия. Композиция подчеркивается ритмизующим поверхность размещением круглых накладных клейм с эмалью (рис. 3: 1). Эти клейма важны как показатель первых шагов в возрождении русского эмалевого искусства после татаро-монгольского нашествия – пока еще однотонной темной глухой эмалью выполнено контурное линейное фигуративное изображение по металлическому фону.

Аналогии по использованию черной эмали есть для XIV в.[4], но конкретно такое применение является единичным как не выигрышный, не закрепившийся вариант. Стилистически эмалевый рисунок сохраняет примитивность, свойственную первым произведениям послемонгольского времени, здесь не выработан еще лаконичный стиль выразительного линейного изображения с применением линии разной толщины в соответствии с задачей, который утверждается к XV в. в гравировке и черни, которой здесь подражает эмаль[5]. Эти обстоятельство располагают к тому, чтобы датировать эмалевые клейма в пределах XIV в. (рис. 3: 6).

Басменные пластины покрыты непрерывным неглубоким орнаментом. На внешнем прямоугольном периметре фиксируются орнаментальные заимствования из арабской каллиграфии (написание слова «Аллах») (рис. 3: 2). На поле вокруг иконного изображения – ветви с лотосовидным асимметричным мотивом довольно пышного цветка (рис. 3: 3). Пластины нарезаны по размеру оклада без цели создать или показать завершенную орнаментальную композицию, они создают фон. Вероятно, они действительно взяты с какого-либо восточного произведения или приобретены отдельно. Можно подытожить, что ветви с лотосовидными цветами, скорее, имеют аналогии XIII–XIV вв. (рис. 3: 8, 9)[6], пластины с арабской надписью – второй половины XIV – XV в. (рис. 3:7).

На венцах, возможно, также взятых с более раннего произведения, использованы сканные конусы с драгоценными камнями, золотая спиральная филигрань без орнаментального порядка. Скорее всего, золотые венцы относятся к домонгольскому XIII в. (рис. 3: 4, 5). Для сканной орнаментации золотых венцов – вполне актуальны аналогии домонгольского времени, причем – домонгольской его части – конца XII – первой трети XIII в. Полностью аналогичное, свободное расположение спиральных сдвоенных завитков имеется на держателях очелья из клада в Старой Рязани 1992 г. (рис. 3: 10). «Коруну» к иконе «Богоматерь Боголюбская» с аналогичной филигранью также правильней датировать первой третью XIII в. (Царский храм…, 2003, с. 99, кат. № 8).

Продуманного орнаментального замысла с каким-либо стилистическим единством на окладе не наблюдается. Доказательств того, что оклад был смонтирован ранее иконы, также нет. В окладе участвуют детали, которые могли датироваться как существенно раньше, так и позже рубежа XIV–XV в. Это сборное произведение, созданное при недостатке материала, и – конкретно – при недостатке золота. Поэтому, возможно, и были приспособлены басменные пластины с восточных произведений. На русских произведениях XIV–XV вв. немало пышных многолистников, но аналогий орнаментике басменных пластин данного оклада действительно нет. Указанные исследователями аналогии в восточном искусстве справедливы. Но это отличие свидетельству-

ет не о влиянии восточного орнаментального искусства на русское, а подчеркивает разницу с ним.

В рассматриваемое время в искусстве скани многих стран развивается спиральный стиль, основным мотивом которого становится многовитковая плоскостная спираль, витки которой заполнены мелкими простыми завитками. Между спиралями выполняются вводные мотивы растительного характера (Жилина, 2001а).

Венец иконы «Дмитрий Солунский», золото, скань, XIV–XV вв. (рис. 4: 1). Рассматривается как русское, московское произведение, но выполненное в византийских традициях. Полагают, что он был выполнен после того, как икона в серебряном окладе византийской работы в конце XIV в. оказалась в Успенском соборе Московского Кремля. Орнамент фона характеризуется как растительный из спиральных завитков, композиции внутри клейм – трилистники, цветки с сердцевидными лепестками, плетеный орнамент (Постникова-Лосева, 1981. С. 27, 28. № 50).

Спирали фона расположены на поверхности венца регулярно и симметрично, сами по себе они не имеют растительного характера (рис. 4: 1). Вводные мотивы пока используются в центре спиральных завитков – растительные или плетеные. Венец сохраняет принцип расположения выделенных круглых сканных клейм с четкими бордюрами. Внутри клейм имеются композиции либо растительные (рис. 4: 3, 4), либо – также с упрощенной арабской вязью (рис. 4: 2). Примечательно, что орнаментализированная арабская вязь воспринимается как плетеный орнамент.

Филигранный оклад иконы Богоматери Владимирской, византийское произведение, собранное в Москве, содержит различные варианты спирального орнамента с вводными мотивами, но сохраняет и элементы клеймообразного стиля. Здесь есть развитые криволинейные растительные вводные мотивы. Некоторые клейма также содержат орнаментальные композиции, сходные с арабской вязью и переходящие к плетеным орнаментам (Жилина, 2001, с. 61–64, рис. 3).

Во-первых, все перечисленные произведения обнаруживают свои связи с византийским искусством и соблюдают его нормы: спиральный орнамент с вводными мотивами; клейма, ритмизирующие общую композицию.

Рис. 4. Венец иконы «Дмитрий Солунский», золото, скань, XIV–XV вв.: 1 – общий вид; 2–4 – арабская вязь и растительные мотивы в клеймах (Постникова-Лосева, 1981, № 50).

Fig. 4. Crown of the icon “Demetrius of Thessaloniki”, gold, filigree, XIV–XV centuries: 1 – general view; 2–4 – Arabic script and plant motifs in stamps (Postnikova-Loseva, 1981, No. 50).

Во-вторых, использование включений арабских орнаментальных почерков не ново для византийского искусства: это наблюдалось в кринообразном орнаменте домонгольского времени – XI–XII вв. (усвоение элементов почерка куфи). Поэтому в рассмотренных аналогиях XIV–XV вв. можно увидеть аналогичное заимствование. Мотив пышного лотосовидного цветка усваивается византийским искусством примерно с X в., что отражается и в древнерусском искусстве (Жилина, 2021).

Царские врата из собрания Н.П. Лихачева (Лихачевские), 30–50-е гг. XIV в., красная медь, золотая наводка[7] (рис. 5: 1). Врата датированы на основании надписи и аналогий по орнаменту с дверями новгородского Софийского собора (Васильевскими) 1335/1336 гг. Орнамент верха Лихачевских врат характеризуется как растительный из бутонов и листьев, орнамент на боковых полосах – как волнистый стебель с пальметками, на центральной – как вертикальные арабески. На горизонтальных полосах – изображения барсов и грифонов и завитковый орнамент (Рыбаков, 1971, ил. 60; Декоративно-прикладное искусство…, 1996, с. 321–326).

Рис. 5. Царские врата из собрания Н.П. Лихачева (Лихачевские), 30–50-е гг. XIV в., красная медь, золотая наводка: 1 – общий вид; орнамент; фрагменты: 2 – дугообразный верх; 3 – боковые полосы; 4 – центральная полоса; 5 – горизонтальные полосы (Рыбаков, 1971, ил. 60).
Fig. 5. Royal Gates from the collection of N.P. Likhachev (Likhachevskiye), 30–50s of the XIV century, red copper, gold plating: 1 – general view; ornament; fragments: 2 – arched top; 3 – side stripes; 4 – central stripe; 5 – horizontal stripes (Rybakov, 1971, fig. 60).

Орнаментация врат продолжает традиций русского домонгольского искусства: зооморфными мотивами и кринообразно-завитковым орнаментом (рис. 5: 3, 5). Первый вид нового орнамента – плетеный, сетчатой структуры, растительно-завитковый, основанный на трилистнике. На наш взгляд, он не имеет яркого сходства с арабеском, а выглядит как усложнение традиционных для русского искусства орнаментов по структуре (рис 5: 4). Второй вид нового орнамента – спиралевидный стебель с пышным трилистником внутри (рис. 5: 2а), приобретающим облаковидные очертания (рис. 5: 2б). Эти мотивы аналогичны растительным мотивам оклада иконы «Богоматерь Одигитрия» XIV в. (рис. 1: 11).

Если подытожить, эти произведения содержат – знакомые мотивы орнамента и новые, рождающиеся в это время. Это относится к спиральному растительным орнаментам, более пышными, натуралистичными и криволинейными, чем в более раннее время.

Наиболее сложным, богатым и разнообразным является декор русских *панагий* конца XIV–XV в.

1. Панагия Симонова монастыря (серебро) точно не датируется, но ее христианским изображениям приводятся аналогии конца XIV – начала XV в. (рис. 6: 1). На кольцевых полях нанесен гравированный растительный орнамент с основой из волнообразного побега с крупными трилистниками (Николаева, 1976. С. 169–171. Рис. 58). Трилистники панагии наложены на не полностью просматривающийся мотив, возможно, на такой же трилистник, развернутый в другую сторону, что придает пышность (рис. 6: 2). Трилистники аналогичны растительным мотивам басмы оклада иконы Владимирской Богоматери с чеканным Деисусом (рис. 2: 6).

2. Панагия из Желтикова Успенского монастыря в Твери[8] (рис. 7: 1), серебро, датировки от конца XIV в. до первой четверти XV в. (1390–1409 гг.). Панагия, условно связывавшаяся с тверским епископом Арсением, рассматривается как возможный прототип для остальных панагий, известна по фототипии. Панагия дает ранний пример совмещения чеканных орнаментов: спирального – на кольцевом поле лицевой стороны; сложносплетенного орнамента из «цветов-раструбов» с «восточной окраской», вырастающих друг из друга. По этому сочетанию отмечается аналогия с Образцовским окладом иконы. Поле задней стороны заполнено переплетенным

Рис. 6. Панагия Симонова монастыря, конец XIV – начало XV в. (?): 1 – общий вид; 2 – фрагмент кольцевого поля (Николаева, 1976, рис. 58).
Fig. 6. Panaghia of the Simonov monastery, late XIV – early XV centuries. (?): 1 – general view; 2 – fragment of the ring field (Nikolaeva, 1976, fig. 58).

Рис. 7. Панагия из Желтикова Успенского монастыря в Твери, серебро, конец XIV – первая четверть XV в.: 1 – общий вид; фрагменты: 2 – кольцевое поле лицевой стороны; 3 – поле оборотной стороны; 4 – кольцевое поле оборотной стороны; 5 – килевидный выступ (Рындина, 1979, Кат. № 8).
Fig. 7. Panaghia from the Zheltikov Assumption monastery in Tver, silver, late XIV – first quarter of the XV century: 1 – general view; fragments: 2 – ring field of the front side; 3 – field of the back side; 4 – ring field of the back side; 5 – keel-like boss (Ryndina, 1979, cat. No. 8).

растительным орнаментом с острыми изогнутыми лепестками; на прямоугольных вставках – завитковый с элементами плетения. К среднему медальону орнамент поля завершается сложным, растительным в основе, мотивом (Николаева, 1976, с. 100, 101, 104; Рындина, 1979, с. 501, 556, 557. Кат. № 8; Орлова, 1997, с. 148, рис. на с. 149).

Первый вид орнамента – спиральный с растительными дополнениями в виде узких длинных изгибающихся листков занимает лицевое кольцевое поле (рис. 7: 2), фон оборотной стороны (рис. 7: 3) и площадь килевидных выступов (рис. 7: 5). Этот же упрощенный орнамент присутствует и на прямоугольных вставках лицевой стороны (рис. 7: 1). Второй вид орнамента с основой из волнообразно изгибающегося в противоположные стороны стебля, асимметричный, с многолистными, трехлистными и двулистными мотивами, состоящими из языковидных изгибающихся листов с элементами плетения (рис. 7: 4), как на орнаменте первого типа.

3. *Панагия из Новодевичьего монастыря*, серебро, вторая половина XV в. (рис. 8: 1).

Полагают, что данная панагия сделана по образцу панагии Желтикова монастыря, но несколько стилистически отлична[9]. С лицевой стороны на кольцевом чеканном поле спиралевидный растительный орнамент (рис. 8: 1а). На кольцевом поле оборотной стороны – орнамент из крупных цветков, выходящих друг из друга (рис. 1: 1б), аналогичный встреченному на Образцовском окладе XIVв. (Николаева, 1976, с. 101–104, рис. 38, 39; Орлова, 1997, рис. на с. 150).

Оба типа орнамента использованы здесь на тех же участках, что и на панагии Желтикова монастыря (рис. 8: 2, 3). Становится заметным сходство между этими орнаментами за счет формы листьев – узких изгибающихся язычков – и элементов плетения.

4. Панагия из Троице-Сергиева монастыря, первая четверть XV в., серебро (рис. 9:

Рис. 8. Панагия из Новодевичьего монастыря, серебро, вторая половина XV в.: 1 – общий вид; фрагменты: 2 – поле оборотной стороны; 3 – поле лицевой стороны (Николаева, 1976, рис. 38); 4 – наконечник пояса, Белореченские курганы, Северный Кавказ (Крамаровский, 2001, с. 262, № 116).
Fig. 8. Panaghia from Novodevichy convent, silver, second half of the XV century: 1 – general view; fragments: 2 – back side part of icon; 3 – front side part of icon (Nikolaeva, 1976, fig. 38); 4 – tip of the belt, Belorechensk barrows, North Caucasus (Kramarovsky, 2001, p. 262, No. 116).

Рис. 9. Панагия из Троице-Сергиева монастыря, серебро, первая четверть XV в.: 1 – общий вид; фрагменты: 2 – кольцевое поле лицевой стороны; 3 – центральное поле оборотной стороны (Николаева, 1976, рис. 79); 4 – Коран Мечети султана Баркука, 1384 г. (Jones, 1910, табл. XXXIV: 2).
Fig. 9. Panaghia from the Trinity-Sergius monastery, silver, first quarter of the XV century: 1 – general view; fragments: 2 – ring field of the front side; 3 – central part of the back side (Nikolaeva, 1976, fig. 79); 4 – The Quran of the Sultan Barquq Mosque, 1384 (Jones, 1910, table XXXIV: 2).

1). Панагию связывают с игуменом Никоном По кольцевому полю – орнамент из крупных полураспустившихся цветов, соединенных у основания стеблями. Отмечается искусство мастера в создании системе орнаментации. Аналогия указывается в каменном декоре фасадов Троицкого собора 1422, 1423 гг. (Николаева, 1976, с. 245, 246, рис. 79, 80).

На задней наружной стороне створки и на килевидном выступе с обеих сторон представлен первый тип – спиральный растительный орнамент, ритмично занимающий отведенные зоны (рис. 9: 3). На прямоугольных вставках – упрощенный растительно-завитковый орнамент. На лицевой стороне по кольцевому полю идет третий вид орнамента – из вертикально поставленных многолистников, соединенных стеблями внизу и листьями вверху (рис. 9: 2).

5. Панагия из Благовещенского собора Московского Кремля. Москва, серебро, конец XIV – начало XV в. (рис. 10: 1). Связывается с кругом произведений, связанных деятельностью митрополита Киприана. Растительный орнамент лицевой стороны обрамляет крестообразно расположенные медальоны и имеет композицию процветшего креста. На лицевом кольцевидном поле расположены спиральный орнамент и орнамент из соединенных кринообразных цветков. На кольцевидном поле оборотной стороны – растительный орнамент с раструбообразными и трехлепестковыми цветами (Царский храм…, 2003, с. 197, 198; кат. № 55).

Рис. 10. Панагия из Благовещенского собора Московского Кремля. Москва, серебро, конец XIV – начало XV в.: 1 – общий вид; фрагменты: 2 – кольцевое поле лицевой стороны вверху; 3 – кольцевое поле оборотной стороны; 4 – средник лицевой стороны; 5 – кольцевое поле оборотной стороны внизу; 6, 7 – килевидный выступ (Царский храм…, 2003, с. 197); 8 – чаша, серебро, Средний Урал, конец XIII – первая половина XIV в. (Крамаровский, 2001, рис. 45).
Fig. 10. Panaghia from the Cathedral of the Annunciation in the Moscow Kremlin. Moscow, silver, late XIV – early XV centuries: 1 – general view; fragments: 2 – ring field of the front side at the top; 3 – ring field of the back side; 4 – middle part of the front side; 5 – ring field of the back side at the bottom; 6, 7 – keel-like boss (Tsarsky chram..., 2003, p. 197); 8 – bowl, silver, Middle Urals, end of the XIII – first half of the XIV century. (Kramarovsky, 2001, fig. 45).

Орнамент первого типа расположен на верхних полях лицевой стороны и килевидном выступе (рис. 10: 2, 6, 7). Орнамент третьего типа расположен на нижних полях лицевой створки (рис. 10: 5). Он аналогичен орнаменту кольцевого лицевого поля панагии из Троице-Сергиева монастыря (рис. 9: 2).

Можно выделить орнамент четвертого типа с основой из прямого побега с симметрично отходящими пышными трилистниками, завивающимися листами, завитками, отходящими в стороны (рис. 10: 4).

На оборотном кольцевом поле наблюдается орнамент пятого типа – ветвь с пышными асимметричными трилистниками с одним наиболее раздутым листом (рис. 10: 3). Аналогичный орнамент использован на верхнем обрамлении Лихачевских врат (рис. 5: 2). На прямоугольной вставке – симметричная растительная композиция из пышных трилистников и двулистников (рис. 10: 3).

6. Панагия из Кирилло-Белозерского монастыря, XV в., серебро (Мартынова, 2004, с. 28, кат. № 3) (рис. 11: 1).

Орнамент первого типа расположен на поле лицевой стороны и килевидном выступе (рис. 11: 2, 4, 5). Орнамент третьего типа расположен на кольцевом поле (рис. 11: 3). По системе орнаментации сходна с панагией из Троице-Сергиева монастыря (рис. 9).

Отмечая общность панагий по декору, М.А. Орлова разделяет их на две, связанные стилистически, группы: панагии из Желтикова и Новодевичьено монастырей; панагии из Кирилло-Белозерского монастыря и Благовещенского собора Московского Кремля. Вариант спирального орнамента панагий, не обоснованно разделяемый на два типа в зависимости от места расположения, признан не традиционным для русского искусства, характеризуется как разновидность арабеска, широко распространенного в странах исламского Востока. Его растительные элементы сравниваются по форме со стручками перца. Отдается должное распространению и адаптации восточных влияний в византийском искусстве («византийский арабеск»), их дальнейшему распространению на Балканах, в Закавказье и на Руси. Тем не менее, орнамент панагий трактуется как точное копирование восточных образцов. Как аналогии приводятся поясные накладки из курганов Белореченского могильника (Северный Кавказ), изделия

Рис. 11. Панагия из Кирилло-Белозерского монастыря, XV в., серебро, эмаль: 1 – общий вид; фрагменты: 2 – среднее поле лицевой стороны; 3 – кольцевое поле лицевой стороны; 4 – килевидный выступ (Мартынова, 2004, с.28).

Fig. 11. Panaghia from the White Lake St. Cyril's monastery, XV century, silver, enamel: 1 – general view; fragments: 2 – middle part of the front side; 3 – ring field of the front side; 4 – keel-like boss (Martynova, 2004, p. 28).

из Симферопольского клада XIV в. (Орлова, 1997, с. 152–154, рис. на с. 155; Крамаровский, 2001. № 114–116, рис. 72, 73). Пышные трехлепестковые цветки на панагиях условной второй группы отнесены к восточным. Орнамент второго типа из сложно асимметрично связанных цветов и бутонов, исходящих друг из друга, оценивается как уникальный в русском искусстве, присутствующий лишь на панагиях и на Образцовском окладе. При этом орнамент оклада характеризуется как «утратившая осмысленность» интерпретация орнамента панагий. Ближайшей аналогией орнаменту панагий и оклада признается басменный орнамент поля оклада иконы Богоматерь Владимирская с чеканным Деисусом из Оружейной палаты, достаточно строго организованный, а его мотив асимметричного цветка или бутона рассматривается как исходный (рис. 2: 6). Признается существова-

Рис. 12. Русские орнаментальные традиции. XII – первая треть XIII вв.: 1, 2 – двери Рождественского собора в Суздале, золотая наводка, 1230–1233 гг. (Рыбаков, 1971, ил. 62; Вагнер, 1975, рис. 101); 3, 4 – большой сион и кратир Братилы, серебро, чеканка, XII в., Новгород (Рыбаков, 1971, ил. 92, 80); 6 – шлем князя Ярослава Всеволодовича, серебро, чеканка, до 1216 г. (Рыбаков, 1948, рис 71); вторая половина XIII–XIV в.: 6, 7 – оклад иконы «Богоматерь Умиление» (Рындина, 1979, с. 594; Рыбаков, 1971, ил. 98); 8, 9 – расписная ложка, резная чаша, дерево, Новгород (Колчин, 1971, табл. 46: 2; 1: 12); 10, 11 – врата из коллекции Н.П. Лихачева, золотая наводка (Рыбаков, 1971, ил. 60).

Fig. 12. Russian ornamental traditions. XII – first third of the XIII centuries: 1, 2 – doors of the Nativity Cathedral in Suzdal, gold plating, 1230–1233 (Rybakov, 1971, fig. 62; Wagner, 1975, fig. 101); 3, 4 – great sion and chalice (krater) of Bratilo, silver, chased, XII century, Novgorod (Rybakov, 1971, fig. 92, 80); 6 – helmet of prince Yaroslav Vsevolodovich, silver, chased, before 1216 (Rybakov, 1948, fig. 71); second half of the XIII– XIV centuries: 6, 7 – setting of the icon “Virgin of Tenderness” (Ryndina, 1979, p. 594; Rybakov, 1971, fig. 98); 8, 9 – painted spoon, carved bowl, wood, Novgorod (Kolchin, 1971, table 46: 2; 1: 12); 10, 11 – gates from the collection of N.P. Likhachev, gilt (Rybakov, 1971, fig. 60).

ние ощутимой струи восточного орнамента в общем потоке орнаментальных форм на Руси в конце XIV – начале XV в. (Орлова, 1997, с. 155–159, 168).

Панагия из Кирилло-Белозерского монастыря по общему оформлению и расположению типов орнамента сходна с панагией из Троице-Сергиева монастыря (рис. 9). Сходно расположен крупный четкий спиральный орнамент – первый тип (рис. 11: 2, 4), орнамент из связанных пышных трилистнико – третий тип (рис. 11: 3).

Панагии оказываются в целом несколько позже окладов, уходящих в XIV в., и в сущности могут уже опираться на их пласт.

Анализ орнаментации и аналогий русских произведений.

Во-первых, для большинства орнаментов XIV–XV вв. характерно движение к пышности, натуралистичности, динамичности, криволинейности. В этом видится возвращение после некоторой вынужденной паузы к домонгольскому стилистическому итогу. Такая стилистика связывается с пластом наиболее поздних украшений древнерусских кладов (Жилина, 2014, с. 61–66; 160–162). Наиболее яркими произведениями искусства здесь являются двери Суздальского собора Рождества Богородицы в технике золотой наводки, большой новгородский сион и кратир мастера

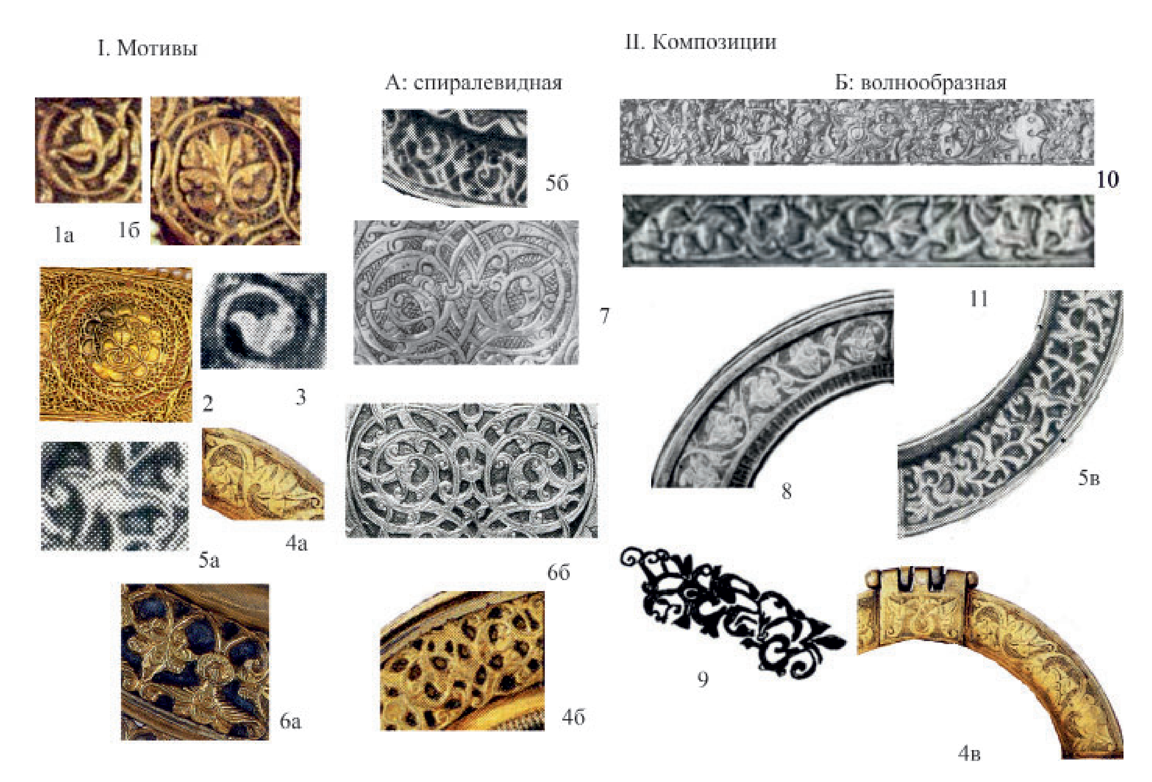

Рис. 13. Ансамбль орнаментации в русском искусстве XIV–XV вв.: 1 – оклад иконы «Богоматерь Одигитрия»; 2 – венец к иконе «Дмитрий Солунский»; 3 – Лихачевские врата; панагии: 4 – Благовещенского собора; 5 – Желтикова монастыря; 6 – Кирилло-Белозерского монастыря; 7 – Троице-Сергиева монастыря; 8 – Симонова монастыря; 9 – Новодевичьего монастыря; 10 – оклад иконы Владмирской Богоматери с чеканным Деисусом; 11 – Образцовский оклад.

Fig. 13. Ensemble of ornamentation in Russian art of the XIV–XIV centuries: 1 – setting of the icon "Our Lady Hodegetria"; 2 – crown of the icon "Demetrius of Thessaloniki"; 3 – Likhachev's gates; panaghias: 4 – Cathedral of the Annunciation; 5 – Zheltikov Assumption monastery; 6 – White Lake St. Cyril's monastery; 7 – Trinity-Sergius monastery; 8 – Simonov monastery; 9 – Novodevichy convent; 10 – setting of the icon "Our Lady of Vladmir" with chased Deisis; 11 – Obraztsovsky setting.

Братилы, шлем Ярослава Всеволодовича – в технике чеканки (рис. 12: 1–5).

Эту тенденцию продолжает орнаментация оклада иконы «Богоматерь Умиление», Лихачевских врат XIV в., новгородских расписных деревянных ложек и асимметричный спиральный орнамент резной чаши конца XIII в. (рис. 12: 6–11). Здесь наблюдаются и прежние, и новые орнаменты. Среди традиционных – спиральный побег, мотив пышного цветка. Среди новых – мотив с облаковидными формами листьев или асимметричных трилистников; более сложный плетено-растительный орнамент (рис. 12: 10, 11).

Во-вторых, орнаментация русских произведений XIV–XV вв. не только развивает прежние орнаменты, но и создает новую согласованную систему или ансамбль орнаментации, развивая стилистику в сторону динамики и пышности. На всех проанализированных выше произведениях можно увидеть одни и те же или сходные мотивы: пышный пяти- или трех-лепестковый цветок с динамично-изгибающимися лепестками-язычками (симметричный или асимметричный) (рис. 13: I), спиральный побег с различным заполнением растительными мотивами (рис. 13: IIА); вьющийся волнообразный побег, симметричный или асимметричный, четко или нечетко выполненный (рис. 13: IIБ).

Поэтому появление таких орнаментов, которым часто приводятся восточные аналогии, не является неожиданным для русского искусства, и их не обязательно объяснять только внешним воздействием или даже копированием восточных образцов. Скорее, можно объяснить это сходным стилистическим движением, характерным и для Византии, и для Востока, и для Руси.

Широкий цветок в натуралистической трактовке заполняет византийский оклад иконы «Богоматерь Одигитрия» XIV в.

(рис. 1). Этот византийский образец повлиял на структуру и стилистику других русских окладов: регуляция декора выделяемыми клеймами или вставками, круглые витки спирально-растительного орнамента (рис. 2, 3).

Появление в русском художественном металле конца XIV – начала XV века новых композиций на основе многовитковой спирали также не кажется неожиданным, спиральный орнамент начал формироваться в домонгольской Руси, образцы спиральных орнаментов в различных техниках есть в XIII–XIV вв. (рис. 12), в XIV–XV вв. он стал основой спирального стиля филиграни (Жилина 2001, с. 64 – 66, рис. 4–6).

Приводимые аналогии по самой спиральной структуре орнамента не указывают на восточное происхождение. Они демонстрируют общее движение к развитию спирального орнамента в мировом искусстве: Византия, Западная Европа, Восток. Спиральный орнамент развивается к многовитковости, дополняющие его растительные мотивы должны раздваиваться, чтобы обеспечить дальнейшее движение многовиткового стебля, поэтому используются не трилистники, а двулистники. Это является чертой не только восточного арабеска, такая тенденция всеобща. На русских окладах и панагиях в продолжающемся волнообразном или спиральном орнаменте используется все же преимущественно трилистник, приобретающий асимметрию.

Новая, сходная с восточным арабеском, черта, наблюдающаяся в спиральном орнаменте панагий – узкий извивающийся листок, выходящий далеко за пределы своей спирали. Как аналогию здесь можно привести спиральный орнамент Корана мечети Баркука в Каире (рис. 9: 4). Но в то же время видны и отличия от восточного арабеска – на русских произведениях преобладает трилистник, на восточном двулистники становятся основным дополняющим спираль мотивом, структурно уже не связанным с необходимостью раздвоения.

Исследователи отмечают аналогии орнаментации русских произведений не просто с восточным, но конкретно – с золотоордынским искусством. Более того, говорится о копировании золотоордынских образцов (Орлова, 1997; Крамаровский, 2001, с. 204–207, рис. 107, 108).

Для того, чтобы убедиться в копировании, необходимо настолько сильное сходство, как, например, между новгородскими кратирами мастеров Косты и Братилы. Сравнивая же орнаменты русских панагий и ременной гарнитуры из Белореченских курганов, наоборот, можно увидеть и различия: узкий лист на наконечниках пояса имеет вид гребешка (рис. 8: 4), на русских – остроконечную или топоровидную, форму (рис. 8: 3; 13: IIA); белореченскую спираль заполняют преимущественно завитки; на русских памятниках – листья (рис. 8: 3; 13: IIA). Кроме того, **с**ходство орнамента русских панагий обнаруживается с произведениями Крымско-Малоазийской группы, тесно связанной с византийской орнаментикой. Вполне возможно сложение русских и золотоордынских орнаментов независимо друг от друга.

На панагии из Благовещенского собора Московского Кремля – наблюдается побег с облаковидными формами листьев. Он аналогичен орнаменту китайского происхождения (чаша из Ивделя Свердловской области) (рис. 10: 8). В конце XIII–XIV вв. большое значение в золотоордынском искусстве имеют традиции прикладного искусства Китая (Крамаровский, 2001, с. 81–145). Но как аналогия здесь могут приводиться уже и русские Лихачевские врата, и панагия из Симонова монастыря (рис. 5: 2; 6: 2). И также снова можно видеть и отличия – на чаше именно лист, на русских вариантах – преимущественно трилистник. Сходство – в пышности (облаковидности), натуралистичности – то есть, также в общей черте мирового орнамента данного периода.

Мотив волнообразного стебля со сложной, плохо улавливаемой композицией и асимметрией по сути дела встречен только на русских произведениях – на панагиях и Образцовском окладе. Можно согласиться с тем, что орнамент чеканного золотого оклада иконы Владимирской Богоматери, давая композицию более четкую, является источником более сложных последующих вариантов. Но это как раз подчеркивает развитие его на русской орнаментальной почве.

Анализ ситуации в искусстве Золотой орды. Монгольские завоевания и формирование гигантской империи создали новые перспективы для взаимодействии в сфере декоративно- прикладного искусства.

Г.А. Федоров-Давыдов подчеркнул эклектичность и недолговечность золотоордынского искусства, отличие его нового уровня от

исконной культуры монголов. Он обоснованно усомнился в возможности представителей разных народов создать единый художественный стиль. Авторами большинства произведений, по мнению исследователя, были не монголы. Особенности стиля золотоордынского времени видятся в общей орнаментализации, слиянии орнаментальных элементов, но при этом отмечено отсутствие единства (Федоров-Давыдов, 1976, с. 118–120, 162, 181, 183, 185).

В золотоордынском прикладном искусстве наблюдается мозаичная ситуация. В XIII в. в орнаментации изделий, по мнению М.Г. Крамаровского, распространены две орнаментальные традиции: китайская и иранская (Крамаровский, 2001, с. 37–79). В конце XIII–XIV в. золотоордынское ремесло, по мнению исследователя, продолжало находиться в стадии становления, а дальневосточные влияния замещаются происламскими передневосточными, западная и восточная традиция соединяются, роль связующего звена играет Крым (Крамаровский, 2001, с. 81–108). Для второй половины XIV – XV в. выделено четыре орнаментальных традиции, с характерными чертами искусства разных мировых регионов: крымско-малоазийская, средневолжская, греческая (византийская) и латинская (западноевропейская) (Крамаровский 2001, с. 109–168)[10].

На наш взгляд, картина данной стилистической разницы соответствует письменным данным об изолированной работе мастеров разных стран на территории Орды (Жилина, 2016, с. 240). Разное в произведениях групп и подгрупп преобладает, в массовости и тесной взаимосвязанности мастерских приходится сомневаться. В целом преемственности между периодами нет. Тенденция к формированию связанности орнаментальных мотивов в целом характерна для декоративного искусства. Максимальное развитие по объединению локальных традиций свелось к гибридам, читаемым цитатам, конкретным и разным на различных территориях.

Наибольшим образом, казалось бы, связываются с золотоордынской культурой орнаментальные мотивы на основе арабской каллиграфии (рис. 3: 2; 4: 2). Принявшая ислам лишь в начале XIV в. Золотая Орда вряд ли могла усвоить и развить эту орнаментику. Скорее всего, здесь можно видеть воздействие искусства арабского Востока через Византию, что для православных произведений гораздо более объяснимо (Mathew, 1963, с 128; Рындина, 1979, с. 500). Использование золотых басменных пластин действительно с восточного исламского произведения оклада иконы «Богоматерь Млекопитательница» – инородное включение в русском искусстве.

В Золотой Орде происходит интенсивное и разновекторное изменение культуры за счет достижений множества регионов и стран, в том числе – и Руси. Интенсивное обогащение культуры и искусства отражает географическую ширь, на которую простерта власть.

Заключение. В XIV–XV вв. на Руси после вынужденной паузы возрождается ремесло и прикладное искусство с опорой на домонгольские образцы и с самостоятельной реализацией новых художественных тенденций, более широко известных образцов орнаментального искусства разных стран.

Русское искусство в основном ориентировалось на византийские образцы с их орнаментальной структурой, где продолжал использоваться пышный растительный орнамент и арабская каллиграфия. Следовательно, подобные явления в русском искусстве могут быть непосредственным отражением нового воздействия византийского искусства и косвенным – восточного. Можно допустить, что мастера наблюдали и новые орнаменты из монгольской среды и воспринимали их.

Но все же, несмотря на отдельные сходные мотивы и элементы с восточными, русские орнаменты сохраняют оригинальность на фоне восточных и самые близкие аналогии находят между собой. Они включаются в свою систему орнаментации, в свои композиции, или своя система усложняется ими: асимметричные и усложненные композиции плетеного и спирального орнаментов. Можно предположить, что сходные с восточным арабеском элементы и мотивы возникают по самой логике развития орнамента, стремящегося к подвижности, беглости. То есть, русское искусство самостоятельно реагирует на актуальные для эпохи явления.

Время XIV–XV вв. можно считать периодом экспериментов с разнообразными орнаментами, использованием новых форм, многие из которых в дальнейшем были забыты в процессе консолидации русской орнаментики в XVI в.

Примечания:

[1] По мнению И.А. Стерлиговой, русское искусство смогло отразить эти орнаментальные тенденции к концу XIV в. (Стерлигова, 2000, с. 177.

[2] К нижним сужающимся концам венца мотив несколькоА упрощается.

[3] Другой вариант датировки оклада – первая треть XV в. (Рындина, 1979. С. 557, 558).

[4] Примеры: дробницы епитрахили вклада Б.И. Сукина в Троице-Сергиев монастырь, саккос миторополита Алексия (Николаева, 1976, с. 66.; Декоративно-прикладное искусство Новгорода, 1996, с. 93, 94).

[5] Примеры: ковчег-мощевик суздальского архиепископа Дионисия 1383 г.; рогатина тверского князя Бориса Александровича середины XV в., ковчег-мощевик с изображением Михаила Черниговского последней трети XV в. (ил. см.: Николаева, 1976, рис. 3, 4; Рындина, 1979. № 11. 14).

[6] В качестве аналогии можно указать также орнаментацию иранского подноса XIV в. (см.: Крамаровский 2001: рис. 119: 1а).

[7] Б.А. Рыбаков относил Лихачевские врата к домонгльскому времени (Рыбаков, 1971, с. 49).

[8] Ранее панагия находилась в церкви Архангела Михаила в Микулине

[9] Эти две панагии объединены М.А. Орловой в одну группу.

[10] Подробный анализ данной позиции делался мною специально (Жилина, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

Бобровницкая И.А. Золотой оклад с деисусным чином иконы «Богоматерь Владимирская» // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования / Отв. ред. Э.С. Смирнова. М.: Наука, 1985. С. 215–234.

Вагнер Г.К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. М.: Искусство, 1975. 183 с., 6 л. ил.

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века / Отв. ред. Л.И. Лифшиц. М.: Наука, 1996. 512 с.

Жилина Н.В. Русское и византийское искусство филиграни // КСИА. 2001. Вып. 211. С. 58–69.

Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. 400 с.

Жилина Н.В. Русские и ордынцы. Культурное восприятие и неприятие // Stratum Plus. 2016. № 5. С. 223–250.

Жилина Н.В. Византийский цветок. К истории византийского растительного орнамента // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой / Отв. ред. Н.В. Жилина. М.: ИА РАН, 2021. С. 91–112.

Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево / САИ. Е1–55. М.: Наука, 1971. 63 с.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.

Мартынова М.В. Оклад иконы «Богоматерь Млекопитательница» из собрания Музеев Московского Кремля // Древнерусское искусство. XIV–XV века / отв. ред. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1984. С. 101–112.

Мартынова М.В. Московская эмаль XV–XVII веков. Каталог. М.: Музеи Московского Кремля, 2004. 303 с.

Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.

Орлова М.А. О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV – начала XV века (к проблеме генезиса стиля орнамента) // Древнерусское Искусство. Исследования и атрибуции / Отв. ред. Л.И. Лифшиц. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 164–169.

ОАК за 1896 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1898. 251 с.

Постникова-Лосева М.М. Русская золотая и серебряная скань. М.: Искусство. 1981. 287 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1971. 128 с.

Рындина А.В. Прикладное искусство и пластика. Каталог. Альбом // Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века / Отв. ред. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1979. С. 478–616.

Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атласъ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія, найденной преимущественно в пределах Россійской Имперіи. С.-Петербургъ, 1909. 153 с.

Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле / Авт. вступ. ст.: М. В. Вилкова и др. М.: Музеи Московского Кремля; Максим Свтланов, 2003. 416 с.

Mathew G. Byzantine Aest Phetics. London: J. Murray, 1963. XIII, 189 p.

Jones O. The Grammar of Ornament. London: Bernard Quaritch, 1910. 157 p, C pl.

Информация об авторе:

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nvzhilina@yandex.ru

REFERENCES

Bobrovnitskaya, I. A. 1985. In Smirnova, E.S. (ed.) *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya (Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Materials and research)*. Moscow: “Nauka” Publ., 215–234 (in Russian).

Vagner, G. K. 1975. *Belokamennaya rez'ba drevnego Suzdalya. Rozhdestvenskiy sobor. XIII vek (White stone carving in ancient Suzdal. The Nativity Cathedral. XIII century).* Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Lifshits, L. I. (ed.). 1996. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: Khudozhestvennyy metall XI–XV veka (Decorative and applied art of Veliky Novgorod: Art metal of the XI–XV century).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Zhilina, N.V. 2001. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 211, 58–69 (in Russian).

Zhilina, N. V. 2014. *Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiia ukrashenii (Old Russian Hoards of 9th–13th Centuries. Classification, Stylistics and Chonology of Adornments)*. Moscow: “URSS” Publ. (in Russian).

Zhilina, N. V. 2016. In *Stratum Plus* (5), 223–250 (in Russian).

Zhilina, N. V. 2021. In Zhilina, N. V. (ed.) *Srednevekovye iskusstva i remesla. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Tat'yany Ivanovny Makarovoy (Medieval art and crafts. On the 90th anniversary of the birth of Tatyana Ivanovna Makarova).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 91–112 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1971. *Novgorodskie drevnosti. Reznoe derevo (Novgorod Antiquities. Carved Wood)*. Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov (Code of archaeological sources) E1–55. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye naslediye Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde).* Saint Petersburg: “Slaviya” Publ. (in Russian).

Martunova, M.V. 1984. In Podobedova, O.I. (ed.). *Drevnerusskoye iskusstvo. XIV–XV veka (Old Russian Art. XIV–XV centuries).* Moscow: “Nauka” Publ., 101–112 (in Russian).

Martynova, M. V. 2004. *Moskovskaya emal' XV–XVII vekov. Katalog (Moscow enamel of the XV–XVII centuries. Catalogue).* Moscow: Moscow Kremlin Museums. (in Russian).

Nikolaeva, T. V. 1976. *Prikladnoe iskusstvo Moskovskoy Rusi (Moscow Rus applied art).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Orlova, M. A. 1997. In Lifshits, L. I. (ed.) *Drevnerusskoe Iskusstvo. Issledovaniya i atributsii (Old Rusa. Research and attribution).* Saint Petersburg: “Dmitriy Bulanin” Publ., 148–170 (in Russian).

1898. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1896 g. (Report of the Archaeological Commission from 1896).* Saint Petersburg (in Russian).

Postnikova-Loseva, M. M. 1981. *Russkaya zolotaya i serebryanaya skan' (Russian gold and silver filigree).* Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus).* Moscow: Nauka" Publ. (in Russian).

Rybakov, B.A. 1971. *Russkoe prikladnoe iskusstvo X–XIII vekov (Russian applied art of the X–XIII centuries).* Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).

Ryndina, A. V. 1979. In Popov, G. V., Ryndina, A. V. *Zhivopis' i prikladnoe iskusstvo Tveri. XIV–XVI veka (Painting and Applied Art of Tver. 14th–16th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 478–616 (in Russian).

Smirnov, Ya. I. 1090. *Vostochnoe serebro. Atlas' drevnei serebrianoi i zolotoi posudy vostochnago proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi Imperii (Oriental Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Dishware of Oriental Origin Generally Discovered within the Russian Empire)*. Saint-Peterburg, 1909 (in Russian).

Sterligova, I. A. 2000. *Dragotsennyi ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov. Proiskhozhdenie, simvolika, khudozhestvennyi obraz (A Precious F*urnishings *of Ancient Russian Icons of the 11th –14th Centuries. Origin, Symbolism, Artistic Image).* Moscow: "Progress-Traditsiya" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (*Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities*). Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Vilkova, M. V. et al. (eds.). 2003. *Tsarskiy khram. Svyatyni Blagoveshchenskogo sobora v Kremle (Royal church. Shrines of the Annunciation Cathedral in the Kremlin)* Moscow: Moscow Kremlin Museums Publ. (in Russian).

Mathew, G. 1963. *Byzantine Aest Phetics*. London: J. Murray.

Jones, O. 1910. *The Grammar of Ornament*. London: Bernard Quaritch.

About the Author:

Zhilina Natalya V., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nvzhilina@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904(38)«-02-01»(477.75)(062.5) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.246.261

ПОГРЕБЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ С БРЕВЕНЧАТОЙ ОГРАДОЙ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

© 2024 г. Е.В. Круглов, В.С. Синика

В 2014 г. на левобережье Нижнего Днестра были исследованы четыре кургана группы «Спутник». Основное погребение кургана № 2 было окружено на древнем горизонте бревенчатой конструкцией типа ограды. Захоронение было полностью ограблено. Дата, предложенная в 2015 г. для этого кургана, опиралась на формальное сходство данной ограды с деревянными конструкциями из курганов у с. Буторы, окружавших скифские могилы IV в. до н.э. Полученные позже (в 2023 г.) радиоуглеродные даты бревен и костей лошади указали на связь памятника с эпохой Золотой Орды. Это потребовало переосмысления материалов и поиск иных аналогий. Было установлено, что железный ременной распределитель из грабительской траншеи относится к предметам аскизского типа и должен связываться не с грабителями, а с разрушенным основным захоронением знатного воина-всадника второй половины XIII – XIV в. Аналогии бревенчатой конструкции, окружавшей данное погребение, ранее были выявлены на Нижнем Днепре и в Поволжье. Материалы кургана № 2 расширили границы распространения памятников с бревенчатыми оградами на западные районы Улуса Джучи. Опыт радиоуглеродного датирования позволил исправить ошибки традиционного датирования. Он показал, что данный метод может успешно использоваться в исследовании памятников археологии эпохи средневековья.

Ключевые слова: археология, радиоуглеродное датирование, аскизская культура, средневековые кочевники, погребение, ограда, курган, ограбление, Приднестровье, Улус Джучи, Золотая Орда.

GOLDEN HORDE TIME BURIAL WITH A LOG FENCE ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

E.V. Kruglov, V.S. Sinika

Four barrows of the “Sputnik” group were studied in 2014 on the left bank of the Lower Dniester. The main burial of barrow 2 was surrounded on the ancient horizon by a log structure like a fence. The burial was completely robbed. The date originally proposed (in 2015) for this barrow was based on the formal similarity of this fence with the wooden structures from the barrows at the village of Butory, surrounded the Scythian graves of the IV century BC. The radiocarbon dates of logs and horse bones, obtained later (in 2023), indicated the connection of the site with the Golden Horde period. This required a rethinking of the materials and a search for other analogies. It was established that the iron belt divider from the plunderer's pit belongs to items of the Askiz type and should be associated not with the plunderers, but with the destroyed main burial of a noble warrior-horseman of the second half of the XIII–XIV centuries. Analogies of the log structure surrounding this burial were identified previously in the Lower Dnieper and in the Volga regions. Barrow 2 of the “Sputnik” group extended the boundaries of the spread of sites with log fences to the western regions of the Ulus of Jochi. The experience of radiocarbon dating has made it possible to correct the errors of traditional dating. It demonstrated that this method can be successfully used in the study of archaeological sites of the Middle Ages.

Keywords: archaeology, radiocarbon dating, Askiz culture, Middle Ages nomads, burial, fence, barrow, plunder, Dniester river region, Ulus of Juchi, Golden Horde.

Курганы группы «Спутник» располагались на левобережье Нижнего Днестра, на северной окраине г. Тирасполь, в непосредственной близости от шоссе Тирасполь – Григориополь на землях с. Ближний Хутор Слободзейского района. Раскопки могильника были проведены в 2014 г. сотрудниками НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Наиболее ранними были курганы № 3 и № 4 с основными могилами раннего бронзового века[1], а курган № 1 являлся сарматским (рис. 1: 1, 2). Некогда в группе был и курган № 5, полностью уничтоженный при прокладке коммуникаций еще в

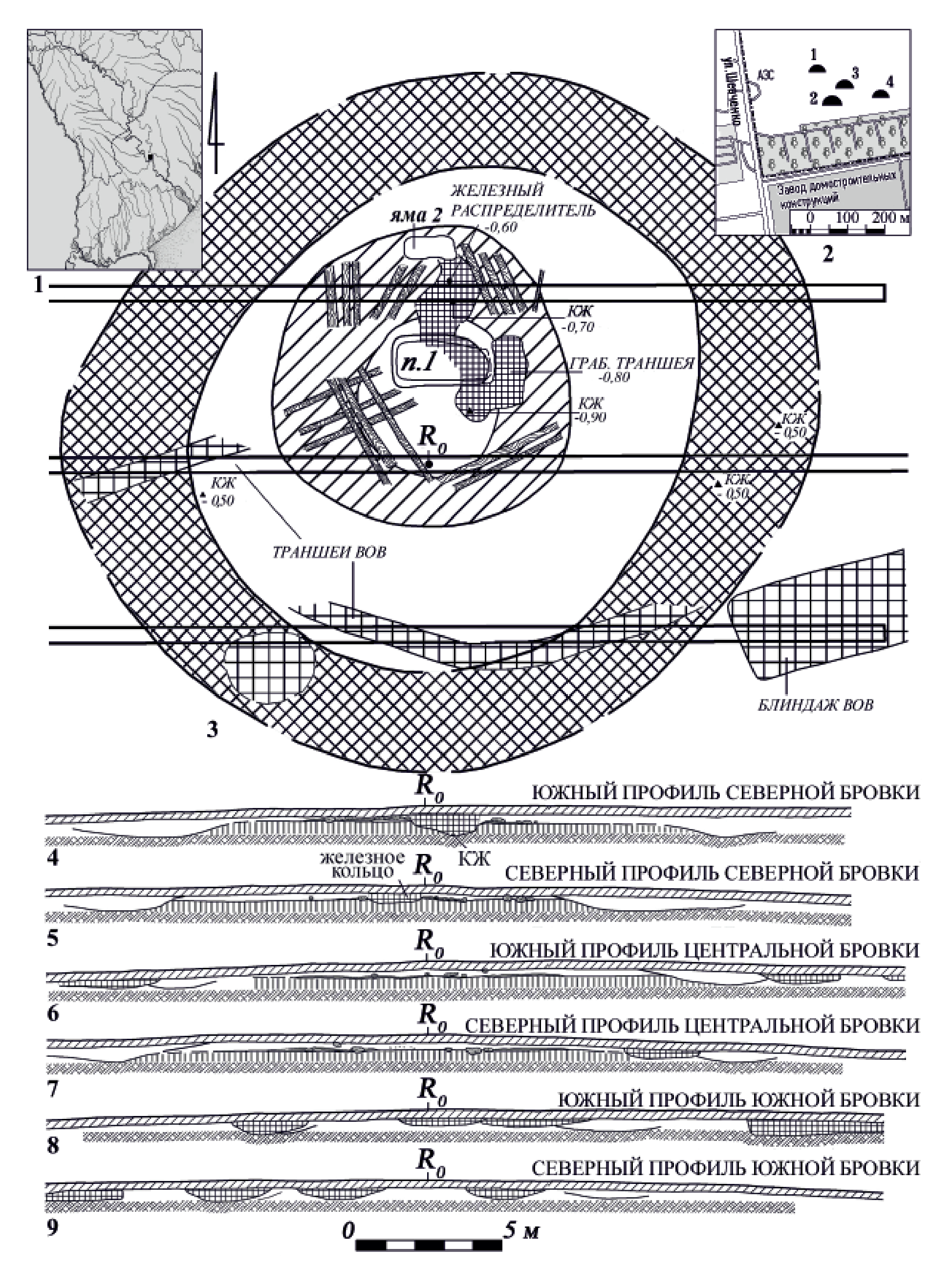

Рис. 1. *1*, *2* – географическое и топографическое положение курганов группы “Спутник”; *3–9* – план и профили бровок кургана № 2.

Fig. 1. *1, 2* – geographical and topographical location of barrows of the “Sputnik” group; *3–9* – plan and profiles of baulks of the barrow 2.

1980-х гг. В данной статье рассматриваются материалы кургана № 2.

На момент раскопок его высота составляла 0,5 м от уровня древнего горизонта, но, судя по картам XIX в., тогда она была более 1 м. Южная, западная и юго-восточная полы насыпи нарушены траншеями и блиндажом времён Великой Отечественной войны. Курган исследован с оставлением трёх бровок, расположенных по линии запад – восток. Их ширина 0,6 м, расстояние между ними 6 м. Насыпь была сооружена из однородного тёмно-серого чернозёма. Её максимальный диаметр по внутреннему краю кольцевого рва[2] на уровне материка составлял 17–18 м. Ширина рва около 5 м. Ров не прокапывался и его глубина не была установлена. В верхней части рва и на внутренней площадке рядом с ним на глубине 0,5 м от R0 были обнаружены кости лошади. Кроме того, в северной траншее I найдены зубы и челюсти, а в южной траншее I – скаковая конечность, зуб и фрагмент неопределен-

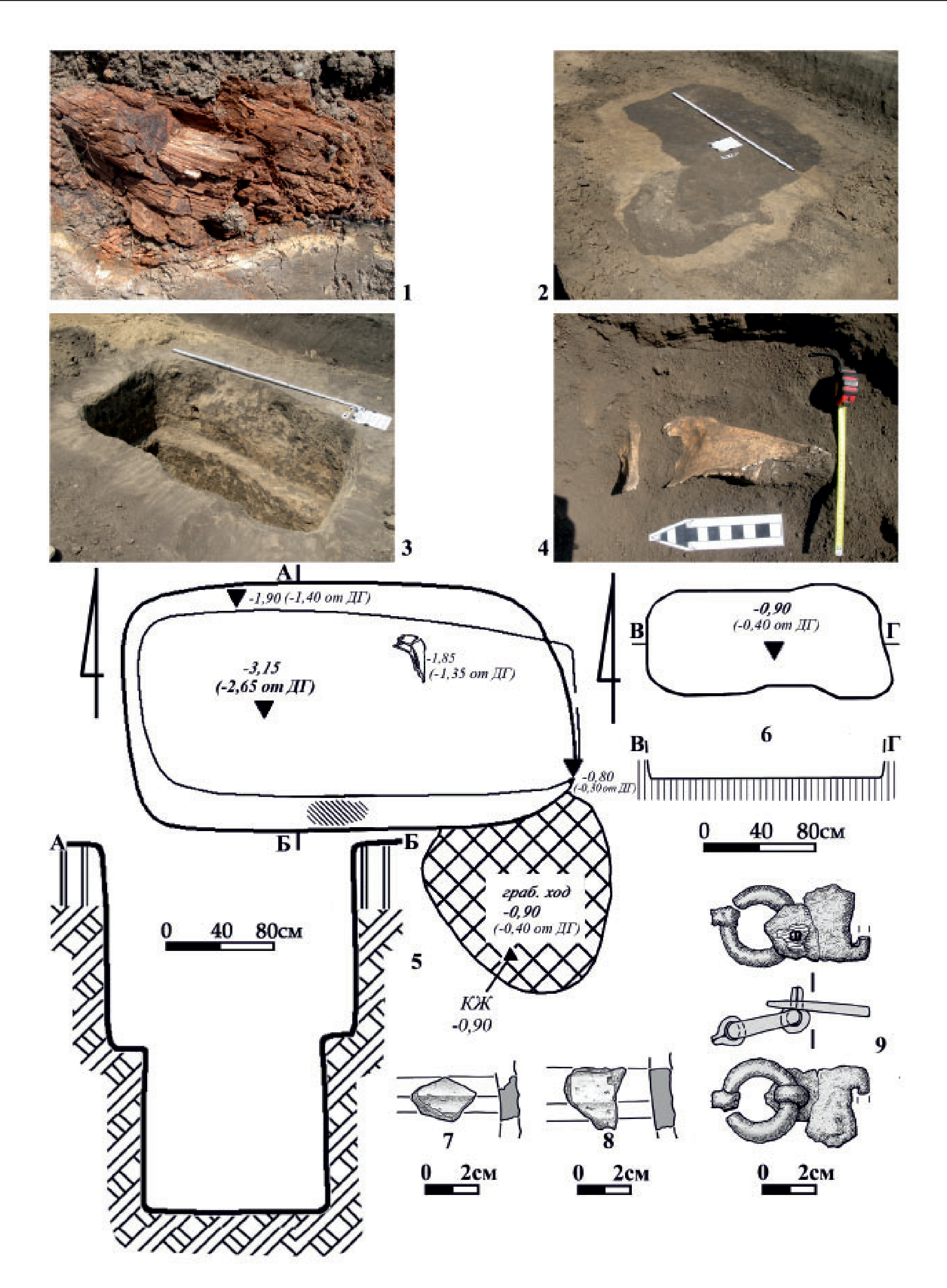

Рис. 2. *1–3* – фотографии фрагмента бревна, могильной ямы погребения 1 на уровне материка и после выборки заполнения; *5* – план и разрез ямы погребения 1; *6* – план и разрез ямы 2; *4*, *7* – находки из ямы погребения 1, *8* – находка с поверхности выкида, *9* – находка из грабительской линзы.

Fig. 2. *1–3* – photographs of a log fragment, the grave 1 at the level of the virgin soil and after extracting the filling; *5* – plan and section of the grave 1; *6* – plan and section of the pit 2; *4, 7* – finds from the grave 1, *8* – find from the surface of ejecta, *9* – find from plunder's lens.

ной кости лошади (рис. 1: 3–9). Все эти находки, вероятно, были связаны с тризной.

В кургане были обнаружены две ямы. Яма 1 находилась в центральной части насыпи и являлась основным погребением (рис. 2: 5). Она имела прямоугольную форму с закруглёнными углами, длинной осью была ориентирована по линии запад – восток. Её размеры 3,3×1,8 м, глубина от древнего горизонта 2,65 м (рис. 2: 3). Вдоль трёх сторон этой ямы на глубине 1,3–1,4 м от древнего горизонта были оставлены ступеньки-заплечики шириной 0,15 м в западной части и 0,25 м в северной и южной частях. На южном заплечике сохранились следы коричневого органического тлена овальной формы, его размеры 0,2× 0,5 м. На заплечике противоположной северной стороны следов тлена не было. Это позво-

ляет предположить, что тлен остался не от перекрытия, а от какого-то крупного деревянного предмета, возможно, седла. На уровне заплечиков в центральной части заполнения ямы были найдены нижняя челюсть и фрагменты скаковых конечностей коня (рис. 2: 4, 5). Заполнение, в целом, было не очень плотным, но в восточной части ямы ощущался более заметный затек. Глина, перемешанная с чернозёмом, фиксировалась по всей площади ямы, но в восточной её части эти структуры были более значительными. Погребение оказалось полностью разрушено в ходе ограбления. В заполнении встречались многочисленные фрагменты жердей и прутьев. Из находок был найден лишь фрагмент стенки лепного сосуда красноватого цвета, его размеры 2×1,5× 0,7 см. На внешней стороне имелись следы рифления, в тесте отмечена примесь шамота (рис. 2: 7).

На уровне древнего горизонта могильную яму 1 окружала сплошная кольцевая линза материкового, возможно, специально утоптанного грунта, выложенная без каких-либо перемычек. Внешний диаметр «кольца» 10,5 м, внутренний 5 м, толщина до 0,05 м (рис. 1: 3). В южной части «кольца» найден фрагмент стенки лепного сосуда, его размеры 0,8×2,3×2,5 см. Внешняя поверхность красноватого цвета, внутренняя – коричневая; тесто с примесью дресвы и шамота (рис. 2: 8). Над кольцом материкового грунта, в пахотном слое насыпи повсеместно встречались мелкие фрагменты дерева. Остатки прутьев и древесной коры, перекрывавшие собой могильную яму, располагались и на кольцевом материковом выкиде. Здесь же, находилась и сложная конструкция из дубовых ровно отесанных бревен[3], сильно разрушенная вспашкой, грабительской траншеей и перекопами периода военного времени. Очевидно, что материковый выкид был выложен преднамеренно и выполнял функцию опоры для располагавшихся на нем деревянных сооружений. Общая площадь конструкции 100 м². В отличии от прутьев и коры, бревна располагались не над могильной ямой, а по периметру вокруг неё и, вероятнее всего, являлись оградой.

С северной стороны могильной ямы 1 были зафиксированы четыре группы бревен, лежавшие строго на кольцевом материковом выкиде отдельно друг от друга. Длина этих бревен сохранилась на 2–2,5 м, толщина не фиксировалась. Ни одно из бревен не было представлено целиком, на всю свою первоначальную длину. Лучше сохранялись лишь центральные части, а края оказывались разрушенными. Соединение краев бревен между собой в северном секторе нигде не фиксировалось. К северо-западу от могильной ямы, параллельно друг другу по направлению север – юг, лежали остатки трех бревен. Восточнее, также параллельно друг другу по направлению северо-восток – юго-запад южнее ямы 2 лежали части двух других бревен. Далее к востоку, по направлению северо-запад – юго-восток лежали остатки еще трех бревен. Эти две группы бревен располагались под острым углом друг к другу. Такое расположение может указывать на северный угол общей конструкции. На самом восточном краю северного сектора бревен по направлению север – юг располагалась одиночная жердь.

Южнее могильной ямы были зафиксированы остатки всего двух групп брёвен. Они сохранились здесь несколько лучше, возможно, полностью или почти полностью. Их длина составляла 4–4,5 м, толщина не фиксировалась. К юго-западу от могильной ямы 1 по направлению восток-северо-восток – запад-юго-запад лежали три бревна. На них, поперёк, по направлению северо-запад – юго-восток лежали еще три бревна. Восточнее этой группы по направлению восток-северо-восток – запад-юго-запад располагались два бревна. Бревна, ближние к могильной яме, соприкасались друг с другом. Имелись ли у них пазы для стыковки и собирались ли они в систему, не выяснено. Расположение этих бревен указывает на южный угол конструкции. Её общий вид, тем не менее, по итогам раскопок не вполне ясен. Восточная сторона, возможно, оставалась незамкнутой, либо бревна отсюда еще до сооружения насыпи были перемещены в иное место, возможно, на западную сторону конструкции. Последнее позволяет предполагать, что площадка после выкладки на ней бревен какое-то время оставалась открытой.

Яма 2 в кургане № 2 находилась за пределами бревенчатой конструкции в 2,6 м к северу от погребения 1. Она также была прямоугольной формы, с закругленными углами и неровными длинными сторонами. Длинной осью эта яма ориентирована по линии запад – восток. Её размеры 1,7×0,75 м, а глубина от

древнего горизонта 0,4 м (рис. 2: 6). Находок в ней обнаружено не было.

Юго-восточный угол и северная стенка могильной ямы погребения 1 были нарушены грабительской траншеей, имевшей форму буквы «М», широкой частью направленной от основания кургана к его условному центру. Глубина траншеи была одинакова по всей ее длине – 0,90 м от R0. Линза, нарушившая юго-восточный угол ямы, прослеживалась в предматерике к востоку от погребения. Линза, нарушившая северную стенку могильной ямы, прослеживалась между ямой погребения 1 и ямой 2, также в предматерике. Она размещалась между двумя группами бревен и, возможно, частично уничтожила некоторые из них. В центральной части грабительская траншея выходила на яму погребения 1, проникая в её восточную часть. Отдельные кости и скаковые конечности лошади оказались выброшены из могильной ямы и были обнаружены в придонных частях обеих грабительских линз на глубине 0,7–0,9 м от R0. Вместе с костями лошади был найден фрагмент железного ременного распределителя, состоящего из кольца и бляхи-пластины. Кольцо изготовлено из прута с несомкнутыми концами. Диаметр кольца 3,0 см, сечение 0,5 см. Бляха-пластина неправильной формы, её размеры 2,8×4,0×0,4 см. У её внешней стороны имеется прорезь для ремня. Кольцо и пластина соединялись друг с другом при помощи железного прута, свободно огибавшего кольцо и выходившего через пластину на её оборотную сторону, где он и заклепывался. Еще один такой же прут размещался на кольце, но он сохранился без пластины (рис. 2: 9).

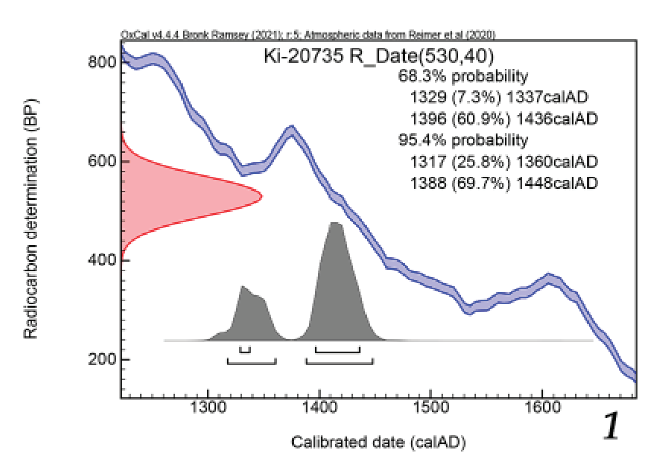
Курган № 2, как и курган № 4, первоначально был датирован IV в. до н.э. Основанием для такого вывода авторам раскопок представлялось сочетание двух признаков: строгой широтной ориентации могильной ямы с уступами и наличие вокруг неё деревянной конструкции, первоначально определявшейся в качестве перекрытия (Синика и др., 2015, с. 185). Эти признаки широко распространены среди скифских захоронений по всему Северному Причерноморью. Наиболее близкие аналогии авторы раскопок нашли среди материалов погребений курганов могильника у с. Буторы Григориопольского района, располагавшегося также на левобережье Нижнего Днестра на расстоянии всего 25 км по прямой от курганов группы «Спутник». Все 19 скифских погребений могильника Буторы I на уровне древнего горизонта имели продольные или продольно-поперечные деревянные перекрытия ям, составленных из неотесанных бревен. Шесть погребений (2/4, 5/1, 7/2, 13/4, 15/1 и 16/1) имели и более сложные конструкции, в специальной литературе получившие собственное наименование – «многоугольные клети» (Ольховский, 1991, с. 25–26). Подобные сооружения до настоящего времени остаются известными только по раскопкам могильника Буторы I. Нижние ряды неотесанных коротких брёвен лежали на краях мощных прослоек могильного выкида и в общем плане составляли фигуры в виде неправильных многоугольников. Погребальные ямы дополнительно перекрывались бревенчатым накатом, уложенным в два ряда поперёк и вдоль могил. Вокруг погребений, на материковых выбросах, лежали наиболее длинные дубовые брёвна, представлявшие собой сложные сооружения в форме неправильных многоугольников размерами до 13,5×10,5 м, в одном случае имевшие общую площадь 142 м² (Синика и др., 2013, с. 39, 43, 52, 65, 74–75, 79, 86, 102–103; табл. 11, рис. 13, 20, 24, 29, 44, 49–50, 54, 61). Деревянные конструкции из курганов могильника Буторы I имели, таким образом, определенную степень сходства с конструкцией, выявленной и в кургане № 2 группы «Спутник», а некоторые несовпадения между ними первоначально не воспринимались в качестве существенных. Так скифские погребения из могильника Буторы I, например, перекрывались, как правило, неотесанными плашками относительно небольшой длины и раскладывались в несколько рядов, а яма из кургана № 2 группы «Спутник» фактически вообще не имела над собой подобного сложного перекрытия и была просто закидана ветками и короткими прутьями. Основное сходство, таким образом, показывали только многоугольные клети, окружавшие скифские могилы.

В 2023 г., спустя 9 лет после раскопок группы «Спутник», было проведено радиоуглеродное датирование материалов из всех погребений этого могильника. Из кургана № 2 были отобраны два образца. Древесина из ограды, окружавшей могильную яму, была датирована в Лаборатории изотопных исследований кафедры геологии и геоэколо-

гии факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Дата, указанная в заключении (SPb_3842; 535±25 BP), оказалась неожиданной. Несомненно, она была бы признана авторами раскопок ошибочной, если бы одновременно не была получена дата из Киевской радиоуглеродной лаборатории, выполненная уже по костям лошади из заполнения могильной ямы погребения 1. Вторая дата (Ki-20735; 530±40 BP) оказалась едва ли не идентичной первой (рис. 3). В итоге, по результатам радиоуглеродного датирования, выяснилось, что курган № 2 группы «Спутник» был сооружён не в скифское, а в золотоордынское время[4]. Стало ясно, что близкие по внешнему виду деревянные конструкции в древних курганах могли существовать в разные исторические периоды, а сходство между ними иногда может являться чисто формальным.

Полученные данные сразу же потребовали переоценки ранее сделанных выводов о хронологии кургана № 2 и указали на необходимость поиска иных аналогий. Особое внимание на этот раз обращено на железный ременной распределитель из грабительской траншеи кургана № 2. Этот предмет изначально был датирован второй половиной XIII – XIV в., но до этого времени он связывался авторами раскопок не с ограбленной могилой 1, а непосредственно с самими грабителями. Именно на этом предположении и был сделан вывод о том, что данный курган, как и соседние, были ограблены в золотоордынское время (Синика и др., 2015, с. 186). В тот момент авторами раскопок не было учтено, что подобные распределители не просто «использовались» во второй половине XIII – XIV в., а являлись частью сбруйной или портупейной амуниции элитных воинов-всадников Улуса Джучи (Кызласов, 1983, с. 33). В общем контексте кургана № 2 такой предмет может связываться лишь с обрядом захоронения человека с оружием и конем, которым, по всей видимости, и было погребение 1 до своего разрушения или ограбления. В таком случае, ранее высказанное предположение о том, что подобное изделие может датировать также и время ограбления данного кургана необходимо признать ошибочным.

Появление ременных распределителей подобного типа в научной литературе связывается с малиновским этапом аскизской культуры древних хакасов Южной Сибири конца X – XII в. (Кызласов, 1983, с. 32–35). До середины XIII в. аскизские предметы и их подражания, появившиеся в Восточной Европе в результате торгово-экономической деятельности, уже были известны на территории Руси и особенно широко в Волжской Болгарии. От булгар они попали и к их соседям – средневековым марийцам, удмуртам и пермякам (Руденко, 2001, с. 63–67). В степях Северного Причерноморья, в погребениях огузов, кипчаков и половцев аскизские предметы и их подражания в домонгольское время не использовались. Только с началом монгольских завоеваний изделия этого круга начинают появляться также и в предметном

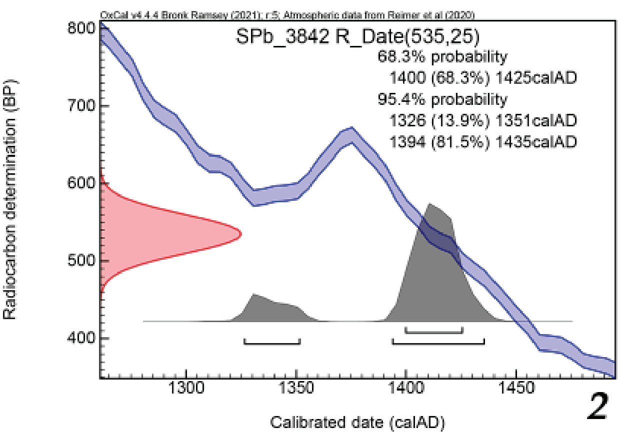

Рис. 3. Калиброванные радиоуглеродные даты кургана № 2 группы “Спутник”. *1* – по кости лошади из заполнения могильной ямы погребения 1 (Ki-20735; 530±40 BP); *2* – по древесине из ограды (SPb_3842; 535±25 BP).

Fig. 3. Calibrated radiocarbon dates of the barrow 2 of the “Sputnik” group: *1* – horse bone from the filling of the grave 1 (Ki-20735; 530±40 BP); *2* – wood from a fence (SPb_3842; 535±25 BP).

комплексе погребений степных кочевников. Их распространение было связано не только с непосредственным участием южносибирского населения в составе войск монгольской армии. Как отмечал И.Л. Кызласов, это могло происходить через носителей самых разных археологических культур независимо от средневековых хакасов. В Улусе Джучи к середине XIII в. аскизская ременная амуниция, в оригинале имеющая золотое или серебряное декоративное покрытие, имела характер моды и стала одним из официальных статусных признаков принадлежности к высшему классу и элите общества. Через систему ханских пожалований центральная власть распространяла данные изделия из собственных кладовых и могла стимулировать их местное производство. В итоге, восходящие к аскизским, но уже отличные от них изделия принадлежали уже к иной археологической культуре (Кызласов, 2010, с. 146–155). Этой культурой являлась государственная культура Улуса Джучи.

Число выявленных восточноевропейских памятников степных кочевников второй половины XIII – XIV в. с предметами аскизского типа сравнительно невелико (Руденко, 2001, с. 76–77, 111, рис. 25), но скорее всего многие из них остаются еще не распознанными. В ряде случаев эти предметы даже не включаются в публикации, и информация о них может по-прежнему оставаться в архивах и музеях. Новую группу изделий этого типа в погребениях кочевников Нижнего Подонья и Поволжья по доступным публикациям выявил Д.А. Козлов. Многие из них оказались связаны с портупейными ремнями подвесов колчанов. Среди этих предметов имеются также и ременные распределители с кольцами (Козлов, 2022, с. 254, рис. 3, *И-10*, *З-3*, *К-4*, *М-8*). Известны эти предметы и в Северном Причерноморье. На левобережье Нижнего Днестра кольца с бляшками были обнаружены в захоронении кургана 58 у с. Суклея вместе с предметами сбруи. В захоронении 1 кургана № 6 группы «Острая могила» у с. Шолохово Никопольского района Днепропетровской области подобный распределитель использовался для соединения колчанной петли с портупейными ремнями, а в погребении кургана № 2 у с. Николаевка Днепропетровского района железная бляха с кольцом связывалась с седлом. Все три погребения датированы второй половиной XIII – XIV в. Два последних, несомненно, принадлежали знатным воинам-лучникам, а один из них был погребен с железным шлемом (Добролюбский, 1986, с. 84, табл. IV, *19*; Шалобудов, 1984, с. 167–168, 170, рис. 1, *15*; 2, *3*).

Находки аскизского типа известны и на стационарных памятниках второй половины XIII – XIV в. на пограничье Руси и Золотой Орды. Накладка в виде восьмилепестковой розетки с прикрепленным к ней колечком была найдена на Верхнем Дону на территории Лавского торгово-ремесленного комплекса (Тропин, 2018б, с. 280, рис. 2, *2*). По мнению Н.А. Тропина, предметы аскизского типа с памятников Верхнего Подонья не являлись продуктом местного развития. Их появление было маркером восстановления в середине – третьей четверти XIII в. торговых путей, проходившего под контролем монгольской администрации и военной элиты племен Южной Сибири. Нарременная гарнитура аскизского типа являлась индикатором той группы населения, которая имела отношение к военному делу, но была привязана к торгово-ремесленному историко-культурному пространству и являлась атрибутикой вооруженной охраны купеческих караванов (Тропин, 2018а, с. 317; Тропин, 2018б, с. 289).

Едва ли не самое первое подкурганное погребение кочевника второй половины XIII – XIV вв. с расположенной на древнем горизонте рядом с могилой бревенчатой конструкцией было обнаружено еще в 1899 г. Н.Е. Бранденбургом в кургане № 443 на левобережье Среднего Днестра в окрестностях с. Каменка Ольгопольского уезда Каменец-Подольской губернии. Этот курган не распахивался, и его высота (1,5 м) существенно превышала остальные кочевнические курганы. На уровне древней поверхности в северной и южной частях насыпи были обнаружены остатки толстых брусьев и жердей. В центре кургана находилась большая могильная яма (2,3×0,9 м) глубиной 1,3 м. В ней был погребен конь с предметами сбруи, ориентированный черепом на северо-восток. С юго-западной стороны ямы на расстоянии 0,54 м располагалась вторая яма с размерами 2,31×0,9 м, засыпанная смесью чернозема и материковой глины. Вдоль одной из сторон оставлена ступенька (ширина 0,1 см), на которой располагались деревянные плахи перекрытия, на противоположной стороне упиравшиеся прямо в

стенку. На дне находился гроб, где располагались останки погребенного, ориентированного головой на северо-запад. На костях левой ноги находился берестяной колчан с наконечниками стрел. В ногах стоял котел цилиндрической формы, склепанный из тонкого бронзового листа. Внутри находилась кость барана и железное кресало. В насыпи были найдены два полых цилиндра, украшенных глубоко врезанными поясками (Бранденбург, 1908, с. 173; Плетнева, 1974, с. 44, 90, табл. 42; Плетнева, 2003, с. 312, 318, рис. 1, *20*, *25*, 319, рис. 2, *16-18*, 320, рис. 3, *6-7*, *11*, *14*, *19*, *22*).

К сожалению, в дневнике раскопок Н.Е. Бранденбурга практически нет иллюстраций. Это обстоятельство долгое время ограничивало возможность полноценного использования этих материалов, а самое главное, затрудняло обоснование хронологии. Если Г.А. Фёдоров-Давыдов погребения кочевников Каменского могильника датировал, в основном, IV периодом, т.е. второй половиной XIII – XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 262, № 831–847), то С.А. Плетнева первоначально датировала эти же материалы концом XI – первой половиной XIII в. В 1974 г., согласившись с критическими замечаниями Г.А. Фёдорова-Давыдова, она, специально коснувшись темы погребений Каменского могильника, отметила, что в могилах курганов № 431, 432, 437, 438, 439 встречаются вещи конца XIII – XIV в. и эти комплексы датируются послемонгольской эпохой. Все остальные погребения этого могильника нельзя считать поздними (Плетнева, 1974, с. 19). В 2003 г. С.А. Плетнева неожиданно пересмотрела свои прежние выводы еще более кардинально. Она отметила, что все каменские курганы, хотя и делятся на две группы, характеризуются единством конструкции насыпи и датируются, как и предполагал Г.А. Фёдоров-Давыдов, монгольским временем, второй половиной XIII – XIV в. (Плетнева, 2003, с. 310, 314).

Согласование дат, предложенных ведущими археологами для кочевнических погребений Каменского могильника, означает, что с черными клобуками XII – первой половины XIII в. теперь могут связываться памятники только из Поросья. Более поздние курганы Каменского могильника следует считать памятниками совершенно иной группы кочевников, контролировавших окраинные северо-западные районы Северного Причерноморья уже в эпоху существования Улуса Джучи. Однако вопрос о том, какое отношение средневековые погребения каменских курганов, располагавшихся поблизости от границы лесостепи и степи и первоначально опубликованных как древности черных клобуков, уже после уточнения их хронологии имеют к основной группе курганов, раскопанных Н.Е. Бранденбургом и другими исследователями на расстоянии нескольких сотен километров от степи, в лесостепных районах Киевского Поросья и датирующихся более ранним временем, до сих пор не поставлен.

В 1980-е гг. большую группу кочевнических погребений, в том числе окруженных бревенчатыми оградами, опубликовал В.Н. Шалобудов по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье. Курган № 3 могильника Миновка XVII был окружен рвом, имевшим внутренний диаметр 16 м и разрыв с северной стороны. В кургане находились два кочевнических погребения и захоронение коня в отдельной яме. Основное погребение 2 окружала слабообожженная бревенчатая ограда прямоугольной формы с размерами 3,5×6,0 м. Внутренняя поверхность ограды закрывалась тонким слоем камыша и материкового выкида. Прямоугольной формы могильная яма была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Погребенный располагался в колоде и был обращен головой на северо-восток. Сопровождающий инвентарь: железные пластины панциря, колчан с наконечниками стрел, железный конус, портупейная амуниция, а также пять серебряных дангов. С конем находились предметы сбруи (Шалобудов, Кудрявцева, 1980, с. 91–92, 96–97, рис. 3–4; Дрёмов, Круглов, 2021, с. 162, рис. 2, III).

В кургане № 2 группы Котовка III находились сразу три однокультурных погребения. Прямоугольная ограда, выложенная из отесанных и слегка обожженных бревен, окружала основное погребение 2. Ее размеры 7,5×6 м. На бревнах и внутри ограды лежал тонкий слой тростника. С северо-западной стороны ямы располагался материковый выкид. Прямоугольной формы могильная яма, ориентированная длинной осью по линии запад – восток, была полностью ограблена. Могила датирована фрагментами бронзового зеркала и обломками крупного красноглиняного золотоордынского кувшина из высококачественной глины хорошего обжига. Во впуск-

ном погребении 3, также ограбленном, найдены серебряный антропоморфный амулет и железная накладка аскизского типа от подвеса колчана (Шалобудов, 1982, с. 60, 67, рис. 1, *1–8*). Погребение кургана № 3 было окружено настилом из шести горизонтальных рядов подтесанных и слегка обожженных бревен, выложенных на глине материкового выкида концентрическими кольцами диаметром 10,5 м. С северо-западной стороны выкида был оставлен проход к могиле. На северном краю площадки располагалось кострище, заполненное углями. Прямоугольной формы могильная яма с заплечиками, ориентированная длинной осью по линии запад – восток, была полностью ограблена. Из инвентаря примечательны железные наконечник копья и редкой формы кистень (Шалобудов, 1982, с. 61, 67, рис. 1, *9–18*). В кургане № 4 находились два одновременных погребения. Погребение 2 было окружено прослойкой из тростника и оградкой из четырёх подтесанных в брус коротких бревен, лежавших попарно вдоль узких сторон могильной ямы. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии восток – запад. Погребение не было разрушено и сопровождалось инвентарем, типичным для женских захоронений Золотой Орды. В синхронном погребении 1 найдены антропоморфный серебряный амулет и железные бляхи-накладки с кольцами аскизского типа (Шалобудов, 1982, с. 62–63, 67–68, рис. 1, *19–28*, 2, *1–8*).

Из нижневолжских кочевнических памятников с бревенчатыми оградками золотоордынского времени наибольшую известность получил курган № 5 могильника Кривая Лука XVI (Фёдоров-Давыдов, 1984, с. 98–107; Дрёмов, Круглов, 2021, с. 162, рис. 2, I). Недавно эти материалы были детально вновь проанализированы (Дрёмов, Круглов, 2022; Дрёмов, Круглов, 2023). Это позволяет, избежав повторного описания погребального инвентаря, особенностей бревенчатой конструкции и этапов ритуальных действий, ограничиться иллюстрациями этого незаурядного памятника (рис. 4; 5). Отметим лишь некоторые элементы сходства кургана № 5 Кривой Луки XVI и кургана № 2 группы «Спутник»:

1. Выбор площадки для обрядовых погребально-поминальных действий вблизи уже существующих более древних курганов;

2. Наличие площадки с бревенчатой конструкцией лишь в одном кургане группы;

3. Окружение площадки широким кольцевым ровиком;

4. Проведение на площадке поминальных действий и тризн;

5. Выкладывание на древнем горизонте вокруг погребения оградки, состоящей из нескольких, предварительно отесанных бревен, с оставлением проходов к могильной яме;

6. Возможные манипуляции с уже выложенными бревнами еще до сооружения над ними насыпи;

7. Сооружение прямоугольной формы могильной ямы;

8. Наличие к северу от основной могилы второй ямы, возможно, предназначенной для омовения рук или иных ритуальных действий;

9. Преднамеренное разрушение и (или) ограбление погребений;

10. Использование в инвентаре предметов аскизского типа или их подражаний, элитных для населения Улуса Джучи.

Курган № 5 могильника Кривая Лука XVI в Нижнем Поволжье не единственный памятник с бревенчатой конструкцией вокруг могилы золотоордынского времени. В Волго-Донском регионе Е.П. Мыськовым было учтено несколько курганов с такими объектами (Мыськов, 2015, с. 17).

Новый яркий памятник открыт В.В. Тихоновым в 2017 г. в Николаевском районе Ульяновской области в кургане № 1 могильника Клин I. Срубная конструкция была сложена по периметру вокруг меридионально ориентированной могилы-кенотафа с воинским инвентарём и предметами буддийской культовой атрибутики. Особая яма без находок находилась к северу от основной (Курганный могильник Клин I; Дрёмов, Круглов, 2021, с. 162, II).

Еще один комплекс открыт в 2020 г. в Самарском Заволжье в кургане могильника Светлое Поле III. Обожженная бревенчатая конструкция диаметром 12–15 м из дубовых плах длиной около 2 м была выложена в несколько рядов вокруг погребения. Вместе с плахами фиксировались остатки глиняной обмазки. Могильная яма имела меридиональную ориентацию. Между брёвнами оставлен проход к могиле, а с северо-запада от неё находились две ямы без находок.

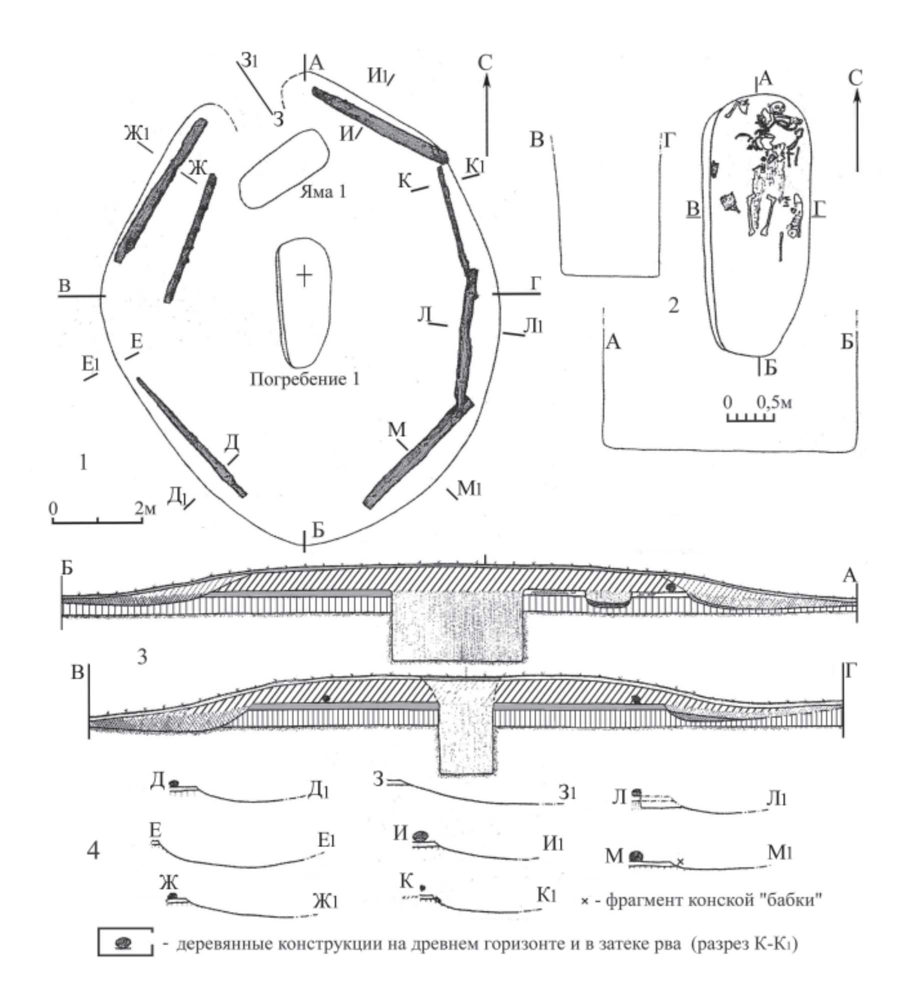

Рис. 4. *1* – план кургана 5 могильника Кривая Лука XVI; *2* – план и разрезы погребения; *3* – профиль бровки кургана 5; *4* – разрезы ровика кургана 5 (по: Дворниченко и др., 1976, с. 122; Фёдоров-Давыдов, 1984, с. 98–108, рис. 1–4; Дрёмов, Круглов, 2023, с. 418, рис. 1).
Fig. 4. *1* – plan of the barrow 5 of the Krivaya Luka XVI burial ground; *2* – plan and sections of the burial; *3* – profile of the barrow baulk 5; *4* – sections of the barrow 5 (after: Dvornichenko et al., 1976, p. 122; Fyodorov-Davydov, 1984, p. 98–108, fig. 1–4; Dremov, Kruglov, 2023, p. 418, fig. 1).

В юго-восточной части насыпи располагались 14 полных и 2 фрагментированных черепа лошадей, изначально размещавшихся на деревянных штырях. Останки погребенного разрушены, сохранившийся инвентарь состоял из предметов сбруи, оружия, массивной ременной накладки, золотой серьги в виде знака вопроса, типичных накладок аскизского типа и трех серебряных дангов. Погребённый мужчина – монголоид центральноазиатского типа (Сташенков и др., 2021, с. 309–333).

Перечисленные выше памятники, как культурное явление, существенно отличаются друг от друга. В целом, можно говорить о трех типах бревенчатых сооружений. Первый тип составляют курганы с одновенцовыми круглыми, прямоугольными, квадратными или многоугольными конструкциями: Каменский, 423; Котовка III, 2, 3, 4; Кривая Лука XVI, 5; Миновка XVII, 3; Писаревка II, 1; Рыбинка, 1; Светлое Поле III; Спутник, 2. Второй тип составляют шатровые бревенчатые постройки диаметром 10–25 м: Авиловский I, 4; Высокая Гора, 2; Дмитриевка I, 1; Ключи, 9; Песковка II, 1. Третий тип отличается наибольшим своеобразием: Клин I, 1; Остроухов, 1. Сооружение из кургана № 1 Остроухова, например, имело вид многогранного одновенцового сруба, обложенного по периметру большими камнями, но оно была увенчано также и шатровым перекрытием из толстых жердей (Гуренко, Ситников, 2019, с. 246–247, рис. 1; 2).

Как известно, отсутствие монет в погребениях золотоордынского времени не позволяет узко датировать даже хорошо сохранившиеся памятники. Но и наличие значительного количества могил с монетами конца XIII – начала

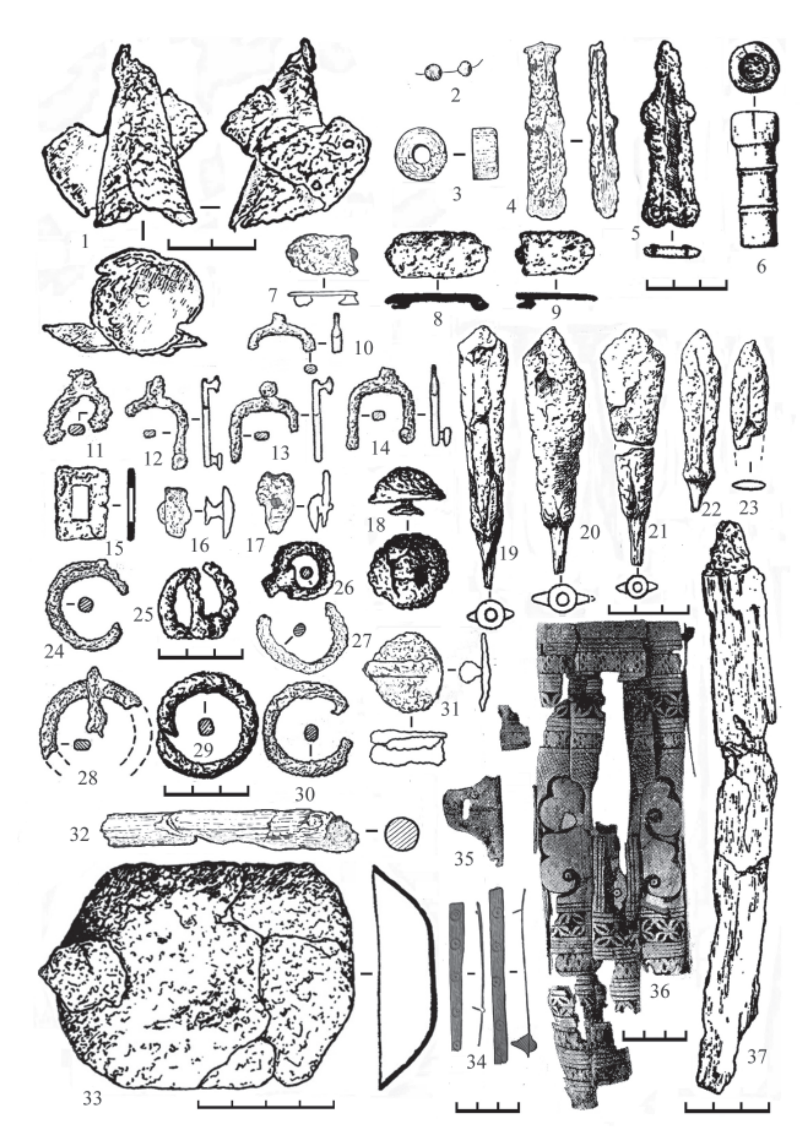

Рис. 5. Могильный инвентарь погребения кургана 5 могильника Кривая Лука XVI. *1* – конус с пластиной; *2* – бусы; *3* – обойма; *4* – пинцет; *5* – неопределенный предмет; *6* – рукоять; *7–15* – ременные накладки; *16–17* – заклепки; *18*, *31*– бляхи; *19–23* – наконечники стрел; *24–30* – пряжки и соединительные кольца; *32* – вставка; *33* – плошка и пластины; *34–36* – боковая петля и орнаментированные накладки колчана; *37* – нож в ножнах. *1*, *4–5*, *17–31*, *33*, *37* – железо, *2* – стекло; *3*, *6*, *32*, *34–36* – кость; *37* – дерево (по: Дворниченко и др., 1976, с. 122; Фёдоров-Давыдов, 1984, с. 98–108, рис. 1–4; Дрёмов, Круглов, 2023, с. 421, рис. 4).

Fig. 5. Grave goods from burial of the barrow 5 of the Krivaya Luka XVI burial ground. *1* – cone with plate; *2* – beads; *3* – clip; *4* – tweezers; *5* – indeterminate object; *6* – handle; *7–15* – belt mounts ; *16–17* – rivets; *18*, *31* – badges; *19–23* – arrowheads; *24–30* – buckles and fastening rings; *32* – insert; *33* – bowl and plates; *34–36* – side loop and quiver lining with ornament; *37* – knife in a sheath. *1*, *4–5*, *17–31*, *33*, *37* – iron; 2 – glass; *3*, *6*, *32*, *34–36* – bone; *37* – wood (after: Dvornichenko et al., 1976, p. 122; Fyodorov-Davydov, 1984, p. 98–108, fig. 1–4; Dremov, Kruglov, 2023, p. 421, fig. 4).

XV в. пока не позволило разработать и приемлемую хронологию этих древностей (Мыськов, 2015, с. 251–256). В последнее время верхняя хронологическая граница золотоордынских древностей стала чаще определяться началом XV в. (История татар, 2009; Золотая Орда, 2018). Однако атрибуция археологических древностей и этого времени также опирается лишь на находки монет, но для данного периода они являются уже исключительно редкими. Так, для Волго-Донского региона Е.П. Мыськов перечислил 117 комплексов с монетами конца XIII в. – 1363 г. и всего 3 – с монетами 1363–1410-х гг., что не может быть случайным (Мыськов, 2015, с. 239, 242–249, 252). Реальное количество памятников

последней четверти XIV – начала XV в. крайне незначительно, а статистически оно просто ничтожно. Так или иначе, комплекты золотоордынских монет, находимых в погребениях, имеют высокую степень точности датировки (Мыськов, 2015, с. 240). Поэтому три серебряных данга Узбека (1322/27) из погребения кургана могильника Светлое Поле III, пять серебряных дангов Узбека (1313/39) и Науруза (1359/60) из погребения кургана № 3 могильника Миновка XVII и одиннадцать дангов с младшей монетой Бердибека (1358/59) из погребения кургана № 5 Кривой Луки XVI позволяют уверенно датировать данные комплексы серединой – третьей четвертью XIV в. Переносить же полученные даты на все памятники с бревенчатыми конструкциями, вероятно, было бы преждевременно и для остальных комплексов следует придерживаться несколько более широких дат.

Традиционными археологическими методами курган № 2 группы «Спутник» может быть датирован только в широких пределах: второй половиной XIII – XIV в. Однако, бытование золотоордынских памятников на западе Улуса Джучи имело свои особенности, связанные с событиями политической истории, которые необходимо учитывать в вопросе определения их хронологии. Если в начале периода западные границы Золотой Орды доходили до Дуная, то в период «Великой замятни» и трагических событий середины 1360-х гг. это государство оказалась в общем упадке, а центральная власть быстро потеряла контроль над своими западными территориями. Нарушение экономических связей, резкое сокращение международной караванной торговли, усиление борьбы правителей окраин между собой и за центральную власть, полная дезинтеграция всей политической государственной системы с неизбежностью должны были ограничить и свести на нет практику ханских пожалований, в частности раздачу предметов аскизского типа. Уже это не позволяет расширять верхнюю дату кургана № 2 группы «Спутник» на конец XIV – начало XV в. Кроме того, в 1362 г. Золотой Орде был нанесен ощутимый удар в междуречье Днестра и Днепра. Основные силы монголо-татар в это время были связаны противоборством Мамая и сарайских ханов, а местные улусные беки в битве при Синих водах (приток Южного Буга) не смогли оказать должное сопротивление, были разгромлены литовским князем Ольгердом и откочевали на берега Черного моря и в Добруджу (Егоров, 1980, с. 193; Мыц, 2001, с. 245–256). Тяжелое поражение привело к значительному сокращению золотоордынской территории и передвинуло южную границу Великого княжества Литовского до устьев Днепра, Южного Буга и Днестра (Шабульдо, 2017, с. 274, 277). Сразу после 1368/69 гг. закончилось и господство Золотой Орды на территории Днестровско-Прутского междуречья (Абызова и др., 1981, с. 85). Исследователи считают, что падение золотоордынской власти на землях Поднестровья, возможно, было близко к обвальному, а ордынское население просто централизованно снялось с мест и откочевало на восток (Богуславский, 2015, с. 567). В 1380 г. возможности монголо-татар, еще остававшихся в Северном Причерноморье, оказались существенно подорваны и в Куликовской битве. В итоге, около 1395–1398 г. литовцы при великом князе Витовте широкой полосой между Днестром и Днепром добрались и до самого побережья Черного моря (Руссев, 2015, с. 28). Учет сложившейся политической обстановки показывает, что дата кургана № 2 группы «Спутник» не может существенно выходить из рамок середины – третьей четверти XIV в. и, соответственно, должна, в целом, совпадать с археологическими датами вышеуказанных комплексов с бревенчатыми конструкциями и монетами середины XIV в.

В тоже время калиброванные интервалы радиоуглеродных дат кургана № 2 группы «Спутник» по второй сигме охватывают более длительные отрезки времени: Ki-20735 (по кости лошади), 530±40 BP, 2σ – 1317–1360 гг. (25,8%), 1388–1448 гг. (69,7%) (рис. 3, *1*); SPb_3842 (по древесине); 535±25 BP, 2σ – 1326–1351 гг. (13,9%), 1394–1435 гг. (81,5%) (рис. 3: 2). Пики на калибровочных графиках обеих дат указывают, что с наибольшей вероятностью этот курган был возведён в последнем десятилетии XIV – первой трети XV в. Радиоуглеродные даты, таким образом, с одной стороны, позволили заметить и исправить ошибочную культурную атрибуцию кургана № 2 группы «Спутник», что уже имеет колоссальное значение. С другой стороны, эти даты, в целом, противоречат предложенной археологической датировке (середина – третья четверть XIV в.), посколь-

ку калиброванные интервалы обеих дат практически исключают указанный интервал. В настоящее время мы можем только зафиксировать данное противоречие. Несомненно, оно будет устранено по мере накопления новых радиоуглеродных дат других золотоордынских погребальных комплексов с бревенчатыми оградами, в том числе и изученных на западных окраинах Улуса Джучи.

Примечания:

[1] В кургане № 4 было обнаружено одно захоронение, интерпретированное как скифское (Синика и др., 2015, с. 179–182, рис. 9; 10). Проведённое позже радиоуглеродное датирование по кости человека показало, что это погребение было совершено в раннем бронзовом веке (Синика, 2023, с. 32, прим. 21).

[2] В первой публикации кургана данная структура была описана как «околокурганная кольцевая выемка (Синика и др., 2015, с. 173). Один из авторов настоящей статьи (В.С. Синика) и в настоящее время считает это название более корректным.

[3] Определение породы древесины Л.Н. Гриценко (Институт археологии РАН).

[4] Этот факт уже был отмечен в литературе (Синика, 2023, с. 32, прим. 21).

ЛИТЕРАТУРА

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхея. Золотоордынский период. Кишинев: Штииа, 1981. 100 с.

Богуславский Г.С. Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа Керман // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред.: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 559–572.

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888-1902 гг. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборт, 1908. 225с.

Гуренко Л.В., Ситников А.В. Могильник поздних кочевников у хут. Остроухов Кумылженского района Волгоградской области // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова / Ред. Е.В. Круглов, А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина. Волгоград: Сфера, 2019. С. 239–249.

Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Фёдоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. М., 1976 / Архив ИА РАН. Р-1. № 6719, 6719в.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова думка, 1986. 140 с.

Дрёмов И.И., Круглов Е.В. Железные конусы в погребениях Улуса Джучи: аспекты этнокультурной принадлежности // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. Волгоград, 2021. С. 149–168. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7.

Дрёмов И.И., Круглов Е.В. Курган 5 могильника Кривая Лука XVI и проблема ассимиляции монголов в Золотой Орде // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 243–248. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.243.248.

Дрёмов И.И., Круглов Е.В. Этническое и общекультурное в погребальном обряде кочевников Улуса Джучи (по материалам кургана 5 могильника Кривая Лука XVI // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16 / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Ставрополь; М.: Печатный Двор, 2023. С. 391–422.

Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1980. С. 174–213.

Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И.М. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М. Усманов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1056 с.

Козлов Д.А. Накладки аскизского типа из мордовского погребения № 6 Аткарского могильника // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. Казань, С. 249–263. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.249.263

Курганный могильник Клин I. URL: http://rosarheolog.ru/kurgannyj-mogilnik-klin-1-kurgan-1 (дата обращения: 21.04.2021).

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. Е 3–18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов И.Л. Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 139–162.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Мыц В.Л. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 г. или мнимый князь Феодоро Димитрий // АДСВ. Вып. 32 / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-тет, 2001. С. 245–256.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков / САИ. Вып. Е1–19.. М.: Наука, 1973. 96 с.

Плетнева С.А. Об одном уникальном могильнике среднего Приднестровья // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X / Ред.- А.И. Айбабин Симферополь: Таврия, 2003. С. 307–321.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руссев Н.Д. Два варианта городской истории средневекового Причерноморья – Белгород и Олешье // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред.: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 19–38.

Синика В.С. Скифская археологическая культура III–II вв. до н. э. Северо-Западного Причерноморья. Тирасполь; Кишинёв: Stratum plus, 2023. 489 с.

Синика В.С., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П. Курганная группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: СМИЛ, 2015. С. 164–194.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы / Археологические памятники Приднестровья. Вып. 1 / Отв. ред. С.Б. Вальчак. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2013. 148 с.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Турецкий М.А., Газимзянов Р.И., Гасилин В.В., Хохлов А.А. Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культовый комплекс // Stratum Plus. 2021. № 5. С. 309–333.

Тропин Н.А. «Аскизский шлейф» на юго-востоке Руси // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История / сост. И.Г. Бурцев. Тула: Куликово поле, 2018а. С. 315–319.

Тропин Н.А. О социальной атрибутике наременных накладок с открытых торгово-ремесленных поселений конца XI – начала XV в. в Верхнем Подонье // КСИА. Вып. 253. 2018б. С. 277–292.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 1984. С. 98–108.

Шабульдо Ф.М. Кондоминальный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамая // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 267–282.

Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка // Древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.) / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1982. С. 60–68.

Шалобудов В.Н. Кочевнические курганы правобережья Днепра. (По материалам экспедиции ДГУ) // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1984. С. 166–173.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы Степного Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1980. С. 90–97.

Информация об авторах:

Круглов Евгений Викторович, секретарь Волгоградского регионального отделения «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (ВРО ВООПИиК) (г. Волгоград, Россия); khasar@vlpost.ru

Синика Виталий Степанович, доктор исторических наук, доцент, заведующий НИЛ «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова); sinica80@mail.ru

REFERENCES

Abyzova, E. N., Byrnia, P. P., Nudel'man, A. A. 1981. *Drevnosti Starogo Orkheia. Zolotoordynskii period (Antiquities of Old Orhei. The Golden Horde Period)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ. (in Russian).

Boguslavsky, G. S. 2015 In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* (*Genoese Gazaria and the Golden Horde*). Kazan, Simferopol, Kishinev: "Stratum plus" Publ., 559–572 (in Russian).

Brandenburg, N. E. 1908. *Zhurnal raskopok 1888–1902 gg. (Journal of Excavations in 1888-1902).* Saint Petersburg: "Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg" Publ. (in Russian).

Gurenko, L. V., Sitnikov, A. V. 2019. In Kruglov, E. V. Lapshin, A. S., Lapshina, I. Yu. (eds.). *Arkheologiya kak zhizn' – pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova (Archaeology as Life – In Memory of Evgeny Pavlovich Myskov)* Volgograd: "Sfera" Publ., 239–249 (in Russian).

Dvornichenko, V. V., Smirnov, A. S., Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Otchet o raskopkakh kurganov v Astrakhanskoy oblasti v 1976 g. (Report on the excavations of barrows in the Astrakhan region in 1976).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS. R.1, inv. 6719, 6719 в (in Russian).

Dobrolyubskii, A. O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya (Nomads of the North-Western Black Sea Region in the Middle Ages).* Kiev: "Naukova dumka" (in Russian).

Dremov, I. I. Kruglov, E. V. 2021. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (2), 149–168. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7 (in Russian).

Dremov, I. I., Kruglov, E. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 243–248 DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.243.248 (in Russian).

Dremov, I. I., Kruglov, E. V. 2023. In Prokopenko, Y. A. (eds.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of theNorth Caucasian peoples)* 16. Stavropol; Moscow: "Pechatnyy Dvor" Publ., 391–422 (in Russian).

Egorov, V. L. 1980. In Beskrovniy, L. G. (ed.). *Kulikovskaia bitva (The Battle of Kulikovo Pole)*. Moscow: "Nauka" Publ., 174–213 (in Russian).

Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). 2016. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii (The Golden Horde in World History).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Usmanov, M. A. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid-15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 249–263 DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.249.263 (in Russian).

Kurgannyy mogil'nik Klin I (Kurgan Cemetery Klin I). URL: http://rosarheolog.ru/kurgannyj-mogilnik-klin-1-kurgan-1/ (accessed 21 April 2021).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th –14th cc.).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 139–162 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2001. In Stepanenko, V. P. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 32. Ekaterinburg: Ural Federal University, 245–256 (in Russian).

Ol'khovskiy, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n.e.) (Burial and Commemorative Rites of the Population of Steppe Scythia (7th – 3rd Centuries B.C.)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of Chorni Klobuky)* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 2003. Aibabin, A. I. (ed.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X. Simferopol: "Tavriia" Publ., 307–321 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Камье v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzhie (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th –14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Кegion).* Казань: "Zaman" Publ. 141 (in Russian).

Russev, N. D. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* (*Genoese Gazaria and the Golden Horde*). Kazan, Simferopol, Kishinev: "Stratum plus" Publ., 19–38 (in Russian).

Sinika, V. S. 2023. *Skifskaya arkheologicheskaya kul'tura III–II vv. do n. e. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Scythian Archaeological Culture of the 3 rd–2 nd Centuries BC in North-West Black Sea Region).* Tiraspol; Kishinev: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Sinika, V. S., Razumov, S. N., Lysenko, S. D., Tel'nov, N. P. 2015. In Bruiako, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the History of the Northern Black Sea Region)* 13. Odessa: "SMIL" Publ., 164–194 (in Russian).

Sinika, V. S., Razumov, S. N., Tel'nov, N. P. 2013. In Valchak, S. B. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia (Archaeological Monuments of the Dniester Region)* I. Tiraspol: Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., Turetsky, M. A., Gazimzyanov, R. I., Gasilin, V. V., Khokhlov, A. A. 2021. In *Stratum Plus* (5), 309–333 (in Russian).

Tropin, N. A. 2018a. In Burtsev, I. G. (ed.). *Gorod Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni: Arheologiya, Istoriya (The city of the Middle Ages and early modern era. Archaeology. History)* VI. Tula: "Kulikovo pole" Publ., 315–319 (in Russian).

Tropin, N. A. 2018b. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 253, 277–292 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1984. In Sunchugashev, Ya. I. (ed.). *Voprosy drevney istorii Yuzhnoy Sibiri (The Issues of Ancient History of Southern Siberia).* Abakan: Khakassia Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 98–108 (in Russian).

Shabuldo, F. M. 2017. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* (10), 267–282 (in Russian).

Shalobudov, V. N. 1982. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Drevnosti Stepnogo Podneprov'ya III–I tys. do n.e. (Antiquities of the Steppe Dnieper region III–I millennia BC)).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 60–68 (in Russian).

Shalobudov, V. N. 1984. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 166–173 (in Russian).

Shalobudov, V. N., Kudryavtseva, I. V. 1980. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgany Stepnogo Podneprov'ya (Barrows of the Steppe Dnieper region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 90–97 (in Russian).

About the Authors:

Kruglov Evgeniy V. Secretary, Volgograd Regional Branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture (Volgograd, Russian Federation), khasar@vlpost.ru

Sinika Vitalij S. Doctor of Historical Sciences. Associate Professor. Head of scientifi c laboratory "Archaeology", Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko. 25 October St., 107, Tiraspol, 3300, Pridnestrovie, Moldova; sinica80@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.262.268

НАХОДКА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ В ЛЕВОКУМСКОМ РАЙОНЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ КАК УКАЗАТЕЛЬ НАПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

©2024 г. Ю.Д. Обухов

В статье представлены джучидские серебряные монеты, чеканенные при Токтамыш-хане в Хорезме и керамический комплекс, состоящий из архитектурной и тарной керамики, случайно обнаруженные на песчаных выдувах в северо-западной части Левокумского района Ставропольского края. Предпринимается попытка на основе имеющегося опубликованного археологического и архивного материала проанализировать вовлеченность в товарно-денежный оборот маджарского рынка монет, чеканенных монетным двором Хорезма во время правления хана Токтамыша. На основе представляемого материала высказывается предположение о наличии в районе обнаружения публикуемого комплекса, погребального либо бытового объекта времён Золотой орды, который мог находиться на транспортном пути связывающим город Маджар с городами Нижнего Поволжья и Центральной Азии.

Ключевые слова: археология, Монеты Хорезма, городище Маджары, монетные находки, мавзолей, караван-сарай.

DISCOVERY OF THE GOLDEN HORDE COINS IN THE LEVOKUMSKOYE DISTRICT OF THE STAVROPOL KRAI AS AN INDICATION OF THE DIRECTION OF MEDIEVAL TRADE ROUTES

Yu. D. Obukhov

The article presents the Jochid silver coins minted during the reign of Toktamysh Khan in Khwarazm and a pottery assemblage consisting of architectural and transport ceramics, accidentally discovered on sandy blow-off in the northwestern part of the Levokumskoye district of the Stavropol Krai. An attempt is made on the basis of the available published archaeological and archival material to analyze the involvement of coins chased by the mint of Khwarazm during the reign of Toktamysh Khan in the commodity-money turnover of the Majar market. Based on the presented material, an attempt is made about the presence in the area of discovery of the mentioned assemblage, burial object or a residential settlement from the time of the Golden Horde, which could be on the transport route connecting the city of Majar with the cities of the Lower Volga region and Central Asia.

Keywords: archaeology, Coins of Khwarazm, Majar settlement, coin finds, mausoleum, caravanserai.

Археологическая изученность золотоордынского города Маджар весьма не значительна, а его округа и вовсе практически не изучена. В связи с чем, не являясь сторонником подобных публикаций, считаю все-таки уместным представить комплекс случайных находок золотоордынского периода с северо-западной части территории Левокумского района Ставропольского края. Комплекс находок состоит из одной медной монеты, вероятно, времени правления Джанибек-хана, пяти дирхемов Токтамыша (рис. 1), бытовой и архитектурной керамики. Все предметы были найдены на песчаных выдувах в районе населённого пункта Термита Левокумского района Ставропольского края. Упоминаний о находках золотоордынского периода в данном районе ранее зафиксировано не было. Сам по себе район обнаружения является малозаселённой полупустынной территорией, с полным отсутствием транспортных коммуникаций, а также в последнее время сильно подверженной ветровой эрозии с антропогенным воздействием, приводящей к деградации растительности.

Факт случайной находки монет сам по себе вполне обычен и не является чем-то уникальным. Не обычным, в данном случае, является то, что человек рассказал о находке, передал для изучения и изъявил готовность, показать

Рис. 1. 1-5 – дирхемы хана Токтамыша чеканки Хорезма; пул с цветочной розеткой.
Fig. 1. 1-5 – dirhams of Toktamysh Khan of Khwarazm coinage; pul with a flower rosette.

место находки при этом просил не указывать его имя. По его словам, находясь в данном районе по личным делам выйдя из машины с целью сориентироваться на местности для дальнейшего движения среди обилия «костей и черепков» нашёл шесть монет. При этом человек не смог пояснить, какие это были «черепки и кости», было ли это развеянное ветрами погребение или нет. По состоянию монет можно сделать предположение, что монеты были найдены по отдельности, а не были единым конгломератом. Нахождение на небольшой площади «в одном месте» позволяет квалифицировать находку как «совместную находку монет». Такие находки Фёдоров–Давыдов включал в сводку кладов. (Фёдоров–Давыдов, 2003, с.73.)

Самая старшая монета – пул с цветочной розеткой[1]. Комплекс дирхемов, чеканенных в Хорезме, представлен пятью монетами Токтамыш-хана. Хорошо датируются две монеты 786 г.х. (вес 1.45; 1.55 г.) и одна монета 787 г.х. (вес 1.37 г.), на одной монете дата может быть прочитана как 785 г.х. либо 789 г.х.(вес 1.42 г.), и ещё на одной монете год, при чеканки монеты, не попал на монетный кружок полностью (вес 1.51 г.) и четко читается только цифра 7. Все монеты относятся к описанным, исследователями джучидской нумизматики, типам монет (Френ, 1832, 201, 207; Фёдоров-Давыдов, 2003, с.197 №261)[2].

Данный комплекс интересен тем что:

- является биметаллическим с разницей чеканки медной и серебряных монет предположительно в 30 лет, что впрочем, вполне обычно для монетных находок на золотоордынских городищах;

- если допустить что монеты происходят из погребального комплекса, то данное погребение является самым поздним из зафиксированных на сегодня в округе Маджар. Наличие в погребениях, золотоордынского времени, одновременно медных и серебряных монет не является чем-то необычным. Так при разведках в Харболинском районе Астраханской области в 1952 г. В.А. Филипченко в разрушенном погребении были найдены 5 серебряных и 3 медные монеты 743-762 г.х.. Медные монеты лежали возле черепа, серебряные были зажаты в руке. (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 133);

- в ближайшем городском центре Золотой орды, расположенном от местонахождения монет, городе Маджаре находки монет чеканенных в Хорезме Токтамыш-ханом не зафиксированы.

В.А. Городцов, первый проведший археологические раскопки в 1907 г. лишь упоминает о находках «татарских» монет (Городцов, 1911, с. 70–116). Е.М. Болдырева отмечает что в коллекции Городцова, хранящаяся в ГИМе, «Из 741 предмета коллекции 321 составляют монеты бронзовые (256 шт.) и серебряные (65 шт.). Все они характерного золотоордынского облика.» (Болдырева, 2018, с.26). К сожалению, весь комплекс монет из раскопок Городцова остаётся не изданным и не может быть использован.

Опубликованные Е.А.Пахомовым сведения о кладах, происходящих с Маджарского городища, являясь не достаточно информативными, но в рамках рассматриваемого вопроса могут быть использованы (Пахомов, 1938,с.37; 1957, с.36; 1959, с.21). Зафиксиро-

ванные Пахомовым клады ограничиваются третьей четвертью XIV в. и не содержат монет Токтамыша.

Э.В. Ртвеладзе в 1960-х годах активно занимался изучением Маджар. Исследователь написал ряд статей, в том числе и по нумизматике средневекового города. «Именно на моих сборах дополненными А.П.Руничем, были написаны первые мои статьи о монетах Маджара и составлена картотека монет, переданная в архив Музея Востока в Москве.» (Ртвеладзе, 2012, с.78).

Картотека монет, о которой идёт речь, представляет собой бумажные карточки размером примерно 8х13 см с указанием в верхнем левом углу латинских наименований металла, по центру карточки – имени хана и годы его правления, ниже размещены место, год и автор сбора, подчеркнутые линией, под которой размещены описание и прорисовки монет. В левом нижнем углу карточки, так же указаны диаметр монет и количество экземпляров. Просмотрено 326 карточек с описанием 491 монеты, собранных в 1961-69 годах на городище Маджары, из которых 450 медных, 40 серебряных и 1 золотой динар Делийского султаната, чеканенный в Дели 741 г.х.[3]. Из всего комплекса учтённых в картотеке монет, монеты Хорезма отсутствуют.

В 1989-90 годах археологические работы на «Городище Маджары» проводились экспедицией СГПИ под руководством А.Б.Белинского при участии В.А. Бабенко и Э.Д. Зиливинской. Определением нумизматического материала занимался Г.А. Фёдоров-Давыдов. Из 44-х учтённых монет 7 монет происходили из раскопов, а остальные являлись подъёмным материалом. Комплекс монет состоял из 1 серебряной монеты чеканки Сарая ал-Махруса 722 г.х. и 42 медных. Одна монета относилась к Делийскому султанату (Белинский, Зиливинская, Бабенко, 1991). Монеты Хорезма периода Токтамыша в данном комплексе не зафиксированы.

При раскопках Э.Д. Зиливинской в 1993 году на раскопе 1, в яме №8 был найден клад из 17 серебряных монет (Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 90). Клад содержал дирхемы, чеканенные в период 710-760-е г.х. в Сарае, Сарае ал-Махрус, Сарай ал-Джедид, Гюлистане и Маджаре.

В 2014 году раскопки на Маджаре проводились ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края по гос.контракту с министерством культуры РФ , открытый лист С.В. Ляхова. На раскопе № X был исследован комплекс сооружений и хозяйственных ям в юго-восточной части торгово-ремесленного квартала Маджарского городища (Ляхов, 2015). В 2015-2017 годах на городище продолжились работы экспедицией ИА АН РТ. В результате на городище Маджары в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа(2014–2021 гг.)» были заложены раскопы № № XI, XII, XIII и шурфы № 1 и №2. (Валиев, 2015; Бочаров, 2016; 2017.)

В результате проведённых археологических работ за период 2014-2017 гг. было учтено 230 монет, из них 225 медных, 5 серебряных. Монет Токтамыша чеканенных в Хорезме зафиксировано не было, что в прочем не исключает их обнаружение в дальнейшем, поскольку на городище среди массового подъёмного материала присутствует импорт из Хорезма (Волков. 2016. с.142; Бочаров, Обухов, 2022, с. 64.), а также монеты Хорезма более ранних выпусков (Пахомов, 1938, с.38).

Фёдоров-Давыдов Г.А., анализируя находки монет из культурных слоёв золотоордынских городищ на Волге в своих работах отмечал «Монеты Токтамыша составляют совершенно незначительный процент среди монетных находок на этих городищах». (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 107) и приходит к выводу «…что в 70-80 годах XIV в. имело место резкое сокращение денежного обращения в золотоордынских городах Нижнего Поволжья». Герман Алексеевич указывал что «…. клады 80-90 г. лежат главным образом на крупных торговых магистралях: на Волге, Оке, Дону… земли Северного Кавказа выпадают из сферы денежного обращения…. Области по Волге сильно сужаются и клады располагаются только на самом волжском пути, не отступая от течения реки…..» (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 113-114).

Основываясь на выше приведённых фактах естественно было усомниться в правдивости версии обнаружения данного монетного комплекса на этой территории, поэтому автором был предпринят выезд с информатором на место находки. Надо отметить, что с момента находки до выезда прошло больше года и, что

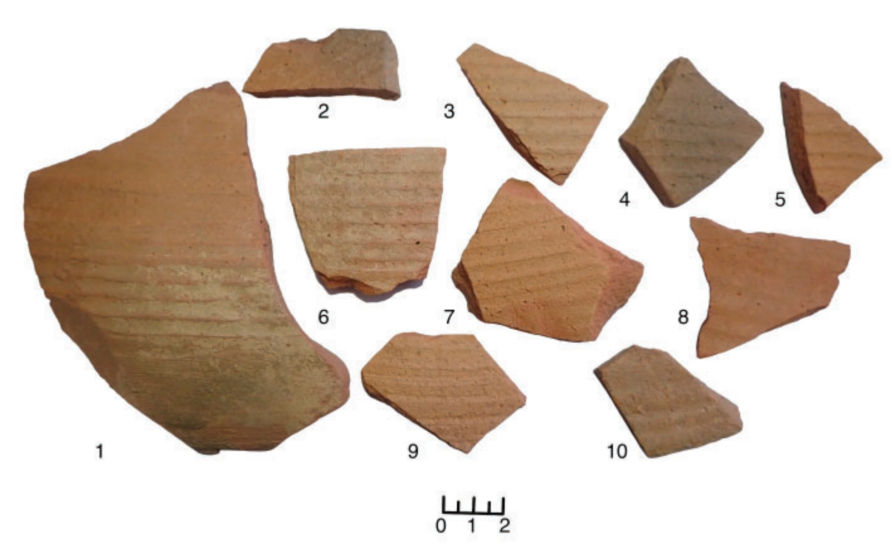

Рис.2. 1-10 – фрагменты трапезундской амфоры.
Fig.2. 1-10 – fragments of the Trebizond amphora.

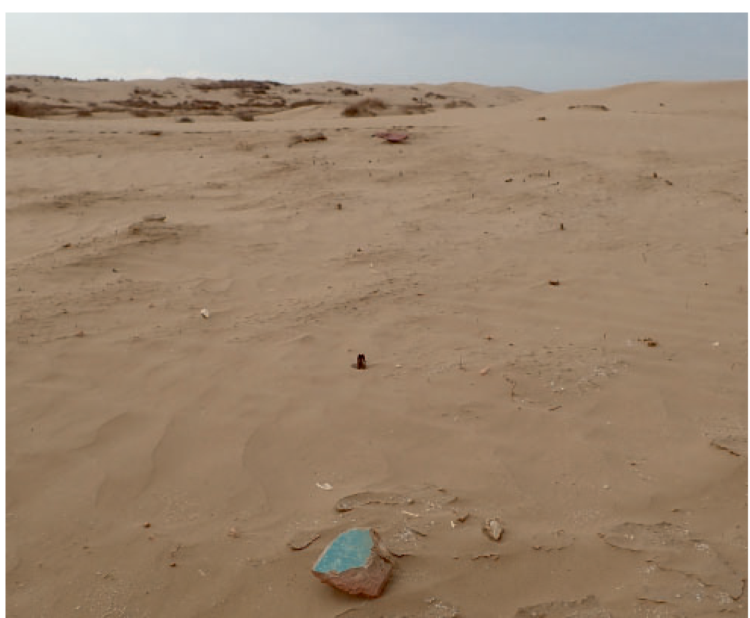

Рис.3. Фрагмент облицовочного кирпича с голубой поливой, обнаруженный на песчаных выдувах в районе х. Термита.
Fig.3. Fragment of a facing brick with blue glaze found on sandy blow-offs at the village of Termita

естественно в таких случаях, точное место установить не удалось поскольку «всё изменилось кардинально». В то же время в данном районе были обнаружены фрагменты трапезундской амфоры (рис. 2) и фрагмент облицовочного кирпича с голубой поливой (рис. 3) аналогии, которых массово встречаются на городище Маджары. Находка архитектурной и тарной керамики, а также монетного комплекса может свидетельствовать о наличии в прошлом в данном районе либо погребального сооружения (мавзолея), либо караван-сарая которые находились на пути из Маджар в Поволжье. Данный вид амфоры, по мнению специалистов в данной области, бытовал до 60-х годов XIV в., что косвенно подтверждает находку медной монеты. В свою очередь находка серебряных монет свидетельствует о функционировании данного направления как минимум до нашествия Тимура.

В итоге можно прийти к заключению, что обнаруженный комплекс находится на направлении к Можарскому солёному озеру[4] и далее к выявленному золотоордынскому объекту в районе п. Улан-Хол (рис. 4) (Обухов, Кольцов, 2020, с.158-169). Что делает данный район, в плане дальнейшего исследования и реконструкции транспортных коммуникаций, связывавших Маджар с городами Нижнего Поволжья, а в данном случае и с городами Центральной Азии, весьма перспективным. Представленный монетный комплекс ещё предстоит осмыслить, поскольку он вносит некоторые корректировки в устоявшиеся мнения и поэтому требует отдельной публикации.

Рис. 4. Реконструкция направления пути, связывающего Маджар с городами Нижнего Поволжья и Центральной Азии. 1 – Маджар (Будённовск); 2 – место публикуемого комплекса (Термита); 3 – Можарское солёное озеро (Комсомольский); 4 – местонахождение объекта золотоордынского времени (Улан-Хол), Хаджитархан (Астрахань).

Fig. 4. Reconstruction of the route, connecting Majar with the cities of the Lower Volga region and Central Asia. 1 –Majar (Budyonnovsk); 2 – location of the published assemblage (Termita); 3 – salt lake Mozharskoye (Komsomolsky); 4 – location of the Golden Horde period object (Ulan-Khol), Khajji Tarkhan (Astrakhan).

Примечания:

[1] Монета стерта

[2] Рассмотрение вариантов штемпелей не является целью данной публикации.

[3] ГМВ. Ф.1, оп.5. вр№7 Личный архив Э.В.Ртвеладзе, картотека. Монеты с гр. Маджар. Сборы 1960-х гг.

[4] Можарское солёное озеро находится между населёнными пунктами Прикумский и Комсомольский республики Калмыкия и известно по картографическим источникам 19-21 веков. Прим. авт.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский А.Б., Зиливинская Э.Д., Бабенко В.А. Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1989-90 гг. М., 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15207, 15208, 15209.

Болдырева Е.М. Предметы из раскопок В. А. Городцова на городище Маджары в 1907 г. (по материалам Исторического музея) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 25–28.

Бочаров С.Г. Отчет об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения "Городище Маджары" (раскоп XII, шурф 2) в 2016 году. Т. I. –II. Казань, 2017. 202 с.

Бочаров С.Г. Отчет об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения "Городище Маджары" (раскоп XII, раскоп XIII) в 2017 году. В двух томах. Казань, 2018. 241 с.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Археологические свидетельства торговых связей между Центральной Азией и Восточной Европой в XIV в. на примере материального комплекса золотоордынского города Маджар (Северный Кавказ) // Мир Центральной Азии – V. / Ред. А.П. Деревянко, Б.В. Базаров. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 63–66.

Валиев Р.Р. Отчет об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения "Городище Маджары" (раскоп XI, шурф 1) в 2015 году. Казань, 2016. 209 с.

Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджар // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23. / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 139–222.

Городцов В.А. Результаты Археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году // Труды Четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове 1909. Т. III / под ред. гр. Уваровой. М., 1911. С. 70–116.

Ляхов С.В. Отчет о раскопках объекта культурного наследия федерального значения «Городище Маджары» на территории Будённовского района Ставропольского края в 2014 году. Ставрополь, 2015 г.

Обухов Ю.Д., Кольцов П.М. Памятник периода Золотой Орды поселенческого типа в районе пос. Улан-Хол Лаганского района, Республики Калмыкия // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 158–169.

Пахомов Е.А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. II / Труды Института Истории, языка и литературы. Т. II/41. Баку: АН АзССР, 1938. 102 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 7. Баку: АзФАН, 1957, 124 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку: АзФАН, 1959. 129 с.

Ртвеладзе Э.В. Вспоминая былое. Книга I. Ташкент: SAN’AT, 2012. 158 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1960. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с. (№ 201, 207).

Информация об авторе:

Обухов Юрий Дмитриевич, независимый исследователь (г. Будённовск, Россия); obuxova_t@inbox.ru

REFERENCES

Belinsky, A. B., Zilivinskaya, E. D., Babenko, V. A. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Madzhary Stavropol'skogo kraya v 1989-90 gg. (Report on archaeological works on the Majar settlement in Stavropol Krai in 1989-1990).* Moscow. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 15207, 15208, 15209 (in Russian).

Boldyreva, E. M. 2018. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 25–28 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Budennovskom rayone, g. Budennovsk na pamyatnike federal'nogo znacheniya "Gorodishche Madzhary" (raskop XII, shurf 2) v 2016 godu (Report on archaeological excavations in Budyonnovsk district, town of Budyonnovsk on the monument of federal significance "Majar settlement" (excavation XII, test pit 2) in 2016).* Kazan (in Russian).

Bocharov S.G. 2018. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Budennovskom rayone, g. Budennovsk na pamyatnike federal'nogo znacheniya "Gorodishche Madzhary" (raskop XII, raskop XIII) v 2017 godu. V dvukh tomakh (Report on archaeological excavations in Budyonnovsk district, town of Budyonnovsk on the monument of federal significance "Majar settlement" (excavation XII, excavation XIII) in 2017. In two volumes).* Kazan (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D. 2022. In Derevyanko, A. P., Bazarov, B. V. (eds.). *Mir Tsentral'noy Azii – 5 (The World of Central Asia 5).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 63–66 (in Russian).

Valiev, R. R. 2016. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Budennovskom rayone, g. Budennovsk na pamyatnike federal'nogo znacheniya "Gorodishche Madzhary" (raskop XI, shurf 1) v 2015 godu (Report on archaeological excavations in Budyonnovsk district, town of Budyonnovsk on the monument of federal significance "Majar settlement" (excavation XI, test pit 1) in 2015).* Kazan (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk–Budenovsk–2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk–Budyonnovsk–2012).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ. House, 139–222 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1911. In Uvarova, P. I. (ed.). *Trudy XIV arkheologicheskogo s"ezda v Chernigove 1909 g. (Proceedings of the Fourteenth Archaeological Congress in Chernigov, 1909)* 3. Moscow, 70–116 (in Russian).

Lyakhov, S. V. 2015. *Otchet o raskopkakh ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Gorodishche Madzhary» na territorii Budennovskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 2014 godu (Report on the excavations of the cultural heritage site of federal significance "Majary settlement" on the territory of the Budyonnovsk district of the Stavropol Krai in 2014).* Stavropol (in Russian).

Obukhov, Yu. D., Koltsov, P. M. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 158–169 (in Russian).

Pakhomov, E. A. 1938. *Klady Azerbaydzhana i drugikh respublik i kraev Kavkaza (Hoards in Azerbaijan and other republics and territories of the Caucasus)* II. Series: Trudy Instituta Istorii, yazyka i literatury (Proceedings of the Institute of History, Language and Literature) II/41. Baku: Academy of Sciences of the AzSSR (in Russian).

Pakhomov, E. A. 1957. *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza (Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus)* 7. Baku: Azerbaijan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Pakhomov, E. A. 1959. *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza (Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus)* 8. Baku: Azerbaijan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Rtveladze, E. V. 2021. *Vspominaya byloe (Remembering the past)* Book I. Tashkent: "SAN'AT" Publ. (in Russian).

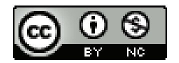
Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy* (*Coinage of the Golden Horde*). Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Fraehn, Ch. M. J. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami inykh mukhammedanskikh dinastii (The Coins of the Khans of Ulus Jochi or Golden Horde, and the Coins of other Muslim Dynasties)*. Saint Petersburg (in Russian).

About the Author:

Obukhov Yuriy D., Independent researcher, Budennovsk, Russian Federation; obuxova_t@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.269.277

КОСТОРЕЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО АЗАКА ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ РАСКОПОК ПО УЛ. ЛЕРМОНТОВА, 27 И ПЕТРОВСКОМУ БУЛЬВАРУ, 5 И 7 В Г. АЗОВЕ В 2012-2013 ГГ.

©2024 г. М.Ю. Гончаров

В статье дается краткая характеристика косторезного дела средневекового Азака по материалам археологических раскопок 2012–2013 гг. Также предлагаются критерии выделения на археологических объектах косторезных мастерских и перечисляются некоторые связанные с этим сложности. В работе дается описание используемого сырья, ассортимента продукции и отмечается несоизмеримость количества производственных отходов, с одной стороны, и заготовок с готовыми изделиями – с другой. По сохранившимся на отходах и заготовках следам обработки реконструируются некоторые приемы производства. Впервые для Азака выделяется мастерская, где производились костяные монетные весы. В заключении делается вывод о довольно высокой квалификации местных косторезов и отмечается, что соотношение костей от разных животных среди отходов производства пропорционально отходам мясного потребления.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, косторезное производство, мастерская, производственные отходы, заготовки, изделия.

BONE-CARVING CRAFT OF MEDIEVAL AZAK ACCORDING TO MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT LERMONTOV ST., 27 AND PETROVSKY BOULEVARD, 5 AND 7 IN 2012-2013

M.Yu. Goncharov

The article presents short characteristic of bone-carving craft of medieval Azak according to materials of archaeological excavations in 2012–2013. It also suggests criteria for identifying bone-carving workshops at archaeological sites and lists some related difficulties. In the article is given the description of used raw materials and listed range of products. It is noted that quantity of manufacturing wastes on the one hand and blanks and products on the other is incommensurable. Some production techniques are reconstructed based on the traces of processing preserved on waste and blanks. For the first time for Azak a workshop where bone coin scales were produced is discovered. The conclusion is made about rather high qualification of local bone-carvers and it is noted that the ratio of bones from different animals among production wastes is proportional to meat consumption wastes.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, bone-carving craft, workshop, manufacturing wastes, blanks, products.

Косторезное производство было одной из ведущих отраслей ремесленной деятельности в золотоордынском Азаке. За годы раскопок азовскими археологами было собрано большое количество материала, связанного с ним. По количеству находок продукции косторезное производство стоит после керамики, значительно уступая, однако, в абсолютных значениях. Наиболее многочисленны производственные отходы, а заготовки и, особенно, готовые изделия несравненно более редки и это особенность косторезных мастерских Азака (Масловский, 2007, с. 191). На территории раскопов, где отмечена высокая концентрация и достаточно большое количество обработанных костей, прежде всего, в заполнении комплексов, локализуются косторезные мастерские. А.Н. Масловским было выделено порядка двух десятков мастерских (Масловский, 2007, с. 190-191).

Изучение косторезного производства Азака неизбежно сталкивается с общей сложностью, обусловленной спасательной направленности азовской археологии, а именно тем, что часто

объектом исследования становятся небольшие участки, расположенные внутри плотной городской застройки. Иногда раскопки на соседних участках могут разделять несколько лет. Поэтому обнаруженные при раскопках находки и комплексы могут быть вырваны из исторического контекста. По этой причине, обобщая полученный материал и делая выводы, мы не только привлекаем уже известные данные, но и делаем некоторые допущения. Применительно к косторезному делу Азака, нашим главным допущением является количество находок обработанных костей из комплекса, определяемого в 100 единиц (Закирова, 1988, с. 237), необходимых для формального выделения мастерской. К этому следует добавить, что металлические орудия труда, как и вообще изделия из металла, в Азаке находятся редко, особенно в хорошей сохранности. На описываемых раскопах инструменты косторезов найдены не были и, в данном случае, для локализации косторезного производства мы не используем критерий наличия специализированных орудий труда. Приходится принимать во внимание местные особенности, когда часть заполнения комплекса находится за пределами раскопа, что в условиях города делает зачастую невозможным его доследование и извлечение всего материала. Но при этом учитывается, что найденные фрагменты костей имеют особенные следы обработки и, например, расположены в районе, где ранее уже были локализованы косторезные мастерские. Зачастую количество костей со следами обработки может быть даже весьма значительным и образовывать скопление в определенной части раскопа, но при этом относится и к слою, и к смежным комплексам.

Одним из открытий археологического сезона 2012–2013 гг. оказалась косторезная мастерская, выявленная на раскопе по Петровскому б-ру-7. Он располагался в центральной части городища «Азак-Тана с некрополем», где отмечен насыщенный культурный слой XIV в., а в заполнении комплексов, как правило, много находок. Данный раскоп представлял собой, к сожалению, описанный выше случай проблемного объекта, зажатого между жилыми домами и кинотеатром, со множеством колодцев и вкопанных железобетонных конструкций. Из-за этого раскоп большей частью состоял из узких и неудобных для работы траншей, а часть материала оказалась недоступной. Здесь в культурном слое и в заполнении комплексов были найдены в большом количестве фрагменты костей животных со следами обработки. Всего было найдено 145 единиц находок обработанных костей и рогов, большая часть из которых представляет собой отходы первичной разделки сырья. Больше всего находок отходов производства найдены в заполнении Жилища-5: 43 фрагмента обработанных костей и рогов КРС и МРС. Концентрация таких находок представляется не случайной, и мы полагаем, что значительная часть связанного с косторезным производством материала относится к продукции одной косторезной мастерской, которую мы локализуем на данном раскопе.

Одним из видов сырья, использовавшихся в работе данной мастерской, были метаподии мелкого рогатого скота (МРС). Всего их – в виде отходов, заготовок и изделий – на раскопе найдено 20 штук, но в данном случае примечательно не количество, а качество. Отходы производства представляют собой спиленные эпифизы метаподий, а заготовки – 5 метаподиями МРС с надпиленным дистальным и удаленным проксимальным эпифизами. Как мы полагаем, заготовки использовались для изготовления складных монетных весов, а спилы метаподий – отходы данного производства. Одним из немногих готовых изделий, найденных на раскопе, был достаточно полный экземпляр таких весов, найденный в слое (рис. 1: 1).

Весы состоят из костяного основания подпрямоугольной в сечении формы, которое в нерабочем состоянии служил футляром для коромысла весов, соединявшегося с ним металлической осью, которая сломалась из-за коррозии. Коромысло имеет вид подпрямоугольного в поперечном сечении стержня, выточенного из части разделанного вдоль диафиза крупного рогатого скота (КРС), его сохранившаяся длина 6,2 см. В коромысле можно выделить 3 части: рычажную, осевую и лопаточную. В конце рычажной части (длина сохр. 3,2 см) просверлены 3 вертикальные отверстия, в которые вставлены свинцовые штифты-противовесы. То есть, весы были изначально откалиброваны под монету определенного веса. Осевая часть, через которую проходит ось, рельефно выделена, на 0,1 см возвышаясь над рычажной, и покрыта циркульным врезным орнаментом. Ее длина

– 1,6 см, сечение – 0,8×0,5 см. Осевая часть переходит в лопаточную, также орнаментированную, которая с тыльной стороны подстругана и утончена, ее длина – 1 см, сечение 0,4×0,5 см. Лопаточная часть должна была оканчиваться выполняющей функцию чаши весов лопаткой, но та была почти полностью утрачена. Ширина лопатки – 1,15 см, сохранившаяся длина 0,2 см.

Футляр-основание весов был сделан из диафиза МРС, у которого с проксимального конца спилен кусок задней стенки длиной 5,1 см, а с дистального – передней стенки длиной 2,7 см. Таким образом, с одной стороны в кости открылась полость, в которую в сложенном виде помещается коромысло, а с другой – образовалось пространство, в котором в рабочем состоянии могло двигаться плечо коромысла с лопаткой. Сохранившаяся длина корпуса весов 5,8 см, максимальное сечение 0,9×1,3 см. Поверхность основания весов отполирована и с одной стороны покрыта врезным циркульным орнаментом. Боковые стенки футляра выровнены и также отполированы. Насколько можно судить по обломанным краям основания, а также имея в виду известные целые образцы весов (рис. 2), в том числе из коллекции Азовского музея, корпус оканчивался щитком. Щиток оформлялся из задней стенки диафиза после спиливания его передней стенки и удаления боковых частей. Таким образом, получалась выступающая пластина, которая обтачивалась по размерам лопатки и заострялась. Получившийся щиток в рабочем положении вставлялся в какую-нибудь щель так, чтобы основание весов стояло вертикально, а в собранном виде на него укладывалась лопатка.

В материалах с раскопа есть 5 обработанных метаподий МРС, являющихся бракованными заготовками футляров весов (рис. 1: 3А). У всех заготовок отпилен проксимальный эпифиз, а у трех из них срезана еще и задняя стенка метаподии. Срез делался по направлению от проксимального конца к пропиленной в дистальной части метаподии поперечной бороздке. Данная бороздка весьма характерна, она имеется на 4 заготовках и сохранилась на готовых весах после полировки поверхности. Это свидетельствует о стандартизации процесса изготовления, когда даже самые небольшие производственные операции повторялись. На одной заготовке бороздка сделана в 5,5 см

Рис. 1. 1 – костяные монетные весы; 2 – кариант весов в рабочем положении; 3: А– заготовки под корпуса весов из метаподий МРС и тыльная часть готовых весов; Б – фрагмент заготовки корпуса весов приближенной к завершению. 4, 5 – Лопатка костяных весов и заготовки под лопатки.

Fig.1. 1 – bone scale for coins; 2 – bone scale version in working position; 3: А – blanks for cases of bone scale made of metapodium of small cattle and back side of finished bone scales; Б – fragment of the scale body blank close to completion; 4, 5 – balance of bone scales and blanks for balances.

от линии спила проксимального эпифиза, на других – в 5,3 и 5,1 см. Таким образом, длины спиленных пластин или лишь немого больше, чем на готовом футляре-основании, либо совпадают. Особенный интерес представляет заготовка, на которой мы можем реконструировать процесс изготовления монетных весов в поздней стадии (рис.1:3Б). По ней видно, что после срезания задней стенки метапо-

дии поверхность кости за бороздкой подрезалась до плоского состояния так, чтобы быть вровень с краями футляра. Полученная уплощённая площадка после спиливания дистального диафиза и прилежащих к нему боковых стенок, очевидно, должна была преобразована в щиток. Округлые боковые стенки диафиза также подравнивались, на них видны следы подтесывания.

Большую часть отходов производства данной мастерской составляют спилы метаподий КРС – всего 22 дистальных и 17 проксимальных эпифизов. Из них 35 происходили из заполнения Жилища-5. В производстве использовалась средняя полая часть метаподии – диафиз, который разделялся вдоль на две и более частей по необходимости. Из них изготавливались, например, коромысла монетных весов, 2 заготовки которых были найдены на раскопе (рис. 1: 4). Первая представляет собой обструганный со всех сторон брусок с характерным уплощением на конце, который предполагалось преобразовать в лопатку. Длина заготовки 6,4 см, ширина – 1,2 см и высота у концов – 1,0–0,7 см. Другая заготовка, вероятно бракованная, представляет собой немного искривленный брусок длиной 8,7 см, сужающийся от одного конца к другому, со следами срезания по бокам (рис. 1: 5). Также в Жилище-5 были найдены 2 обточенные заготовки веретенообразной формы с заостренным концом (рис. 2: 1). Предположительно, это заготовки костяных булавок, известных по материалам из других раскопок.

Среди законченных изделий, изготовленных из диафизов КРС, две рукояти. Первая рукоять полуовальная в сечении с полированной поверхностью, украшенная резной зооморфной фигуркой (рис. 2: 2Б). Длина предмета 9,8 см, сечение – 1,0×1,7 см. Для изготовления данной рукояти использовался диафиз с толстыми стенками, который распиливался вдоль, а затем полученный полуфабрикат обтачивался и полировался. На затыльнике рукояти с помощью резца был выполнен орнамент, представлявший собой пояс из частых поперечных прорезей с одной стороны и подтреугольных выемок – с другой, расположенных между двух тонких валиков. Рукоять венчает резное навершие в виде фигурки сидящего животного, предположительно, зайца. С противоположного конца рукояти имеется просверленное отверстие

Рис. 2. 1 – заготовки под булавки из метаподий КРС; 2 – фрагменты рукоятей, выточенные из метаподий КРС: А – сборной, Б – унитарной с орнаментом; 3 – лопатки КРС со следами вырезания 5 дисков.
Fig. 2. 1 – blanks for pins made of metapodium of cattle; 2 – fragments of handles made of metapodium of cattle: А – combined; Б – unitary with ornament; 3 – scapula of cattle with the traces of cutting out of 5 disks.

под черенок ножа. С этой стороны от рукояти откололся фрагмент. Вторая находка – это деталь сборной рукояти. Она была найдена в слое и представляла собой полуовальную в поперечном сечении полированную пластину из стенки диафиза. Спинка рукояти была немного выгнута, от тыльника к гарде изделие сужалось (рис. 2: 2А). Толщина изделия 0,6–0,7 см, ширина 2,7–2,3 см, сохранившаяся длина 10,4 см. Вдоль средней части рукояти просверлены 4 отверстия, в которые вставля-

лись железные заклепки, соединявшие половинки рукояти между собой и полотном ножа.

Несколько меньше, чем спиленных эпифизов метаподий, на раскопе найдено отработанных лопаток КРС и их фрагментов. В заполнении Жилища-5 было найдено 19 лопаток. Вне Жилища-5 найдено: в Яме-1 2 лопатки, в Жилище-3 3 фрагмента, а в слое – 9 отработанных лопаток, всего 34. На 28 из них были круглые следы вырезания костяных дисков циркульным резцом и 4 лопатки со следами выпиливания прямоугольных пластин. Первые являются отходами производства круглых нашивок на одежду. Такие регулярно находятся при раскопках в Азове, а на данном объекте в слое была найдена 1 такая нашивка с циркульным орнаментом. Мы полагаем, что продукция эта была массовой, поскольку, при должном умении и наличии подходящего сырья, из одной лопатки можно было получить 5 заготовок. Во всяком случае, были найдены 4 лопатки со следами вырезания не менее 5 костяных дисков (рис. 2: 3).

Также в качестве сырья в данной мастерской использовались рога мелкого и, в меньшей степени, крупного рогатого скота. В заполнении Жилища-5 было найдено 12 спилов рогов КРС и 11 МРС. В комплексах вне Жилища-5 были единичные находки отпиленных рогов МРС, а в слое найдено 11 фрагментов отходов обработки рогов МРС, всего 27. У всех найденных рогов со следами обработки удален роговой чехол, но самих чехлов на раскопе не найдено, как и заготовок или готовых изделий.

На раскопе были найдены костяные инструменты для обработки кож: фрагмент «рашпиля» из метаподия КРС и инструмент для мездрения шкур из пясти лошади. Фрагмент «рашпиля» представляет собой обломанный проксимальный эпифиз КРС с частью трубчатой кости (рис. 3: 1А). Диафиз подтесан с 4-х сторон так, чтобы образовались плоские грани. На три получившиеся грани поперек и наискось острым инструментом нанесены частые ряды клиновидных насечек, которые на одной из граней почти полностью сработаны. Инструменты для мездрения шкур изготовлялись из цельных лошадиных метаподий, у которых подтесывались боковые стороны вместе с диафизами (рис. 3: 1Б). Можно предположить, учитывая следы сработанности на всех инструментах, что кожевенное производ-

Рис. 3. А – фрагмент рашпиля из метаподии КРС; Б – инструмент для мездрения шкур из метаподии лошади; Заготовки под биты из астрагалов МРС.
Fig. 3. 1: А – fragment of rasp made of metapodium of cattle; Б – tool for fleshing made of diaphysis of horse; 2 – blanks for knuckle-bone made of astragalus of small cattle.

ство могло функционировать в рамках одной усадьбы параллельно косторезному и некоторые простые инструменты изготавливались тут же.

Одним из направлений деятельности данной мастерской могло быть изготовление предметов для игр (рис. 3: 2). На раскопе были найдены 4 заготовки альчиков – бит для игры в бабки. Готовые биты известны по материалам с других раскопов и представляют собой астрагалы МРС, в которые для утяжеления залит свинец в специально просверленные отверстия. В найденных на раскопе по Петровскому бульвару,7 заготовках альчиков просверлены отверстия, но не залит металл, один астрагал дополнительно обточен. 3 из 4 бит найдены в заполнении жилища-5 и в нижнем горизонте связанного с ним слоя.

Еще одна мастерская была также найдена во время археологического сезона 2012–2013

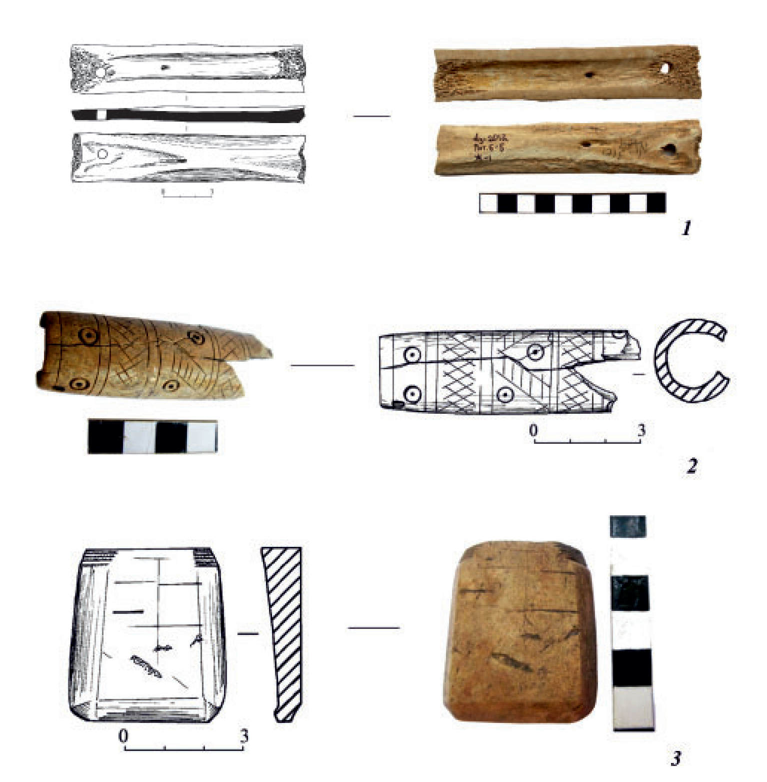

Рис. 4. 1 – деталь сборной костяной рукояти; 2 – костяная игольница с врезным геометрическим орнаментом; 3 – заготовка гребня из оленьего рога.
Fig. 4. 1 – detail of combined bone handle; 2 – bone needle-case with incised ornament; 3 – blank for comb made of antler.

гг., в 60 м к востоку от предыдущего раскопа – на участке по Петровскому бульвару 5. Основная масса находок, которые можно достаточно определенно отнести к продукции косторезной мастерской, происходила из заполнения комплекса, обозначенного как Жилище 1. Всего в данной коллекции насчитывается более 40 единиц обработанных костей и рогов, преимущественно производственных отходов. Количество находок невелико, но в данном случае мы учитываем близость соседней мастерской, а также раскопа 1981 г. по ул. Ленинградской, 89, где тоже были обнаружены признаки косторезного производства (Фомичев, 1981, с. 7). По карте данные объекты расположены практически в одну линию. Большая часть производственных отходов – это спилы метаподий КРС: 10 дистальных 18 проксимальных эпифизов. Очевидно, в производстве использовалась средняя полая часть необходимой длины, например, для изготовления рукояток. Во всяком случае, непосредственно на раскопе была найдена одна заготовка для составной рукоятки (рис. 4: 1). Она изготовлена из распиленного вдоль диафиза, на внешней стороне заготовки видны следы обточки. В изделии просверлены два отверстия, через которые она должна соединяться с другой частью рукояти. В жилище-1 был также найден фрагмент готового изделия, изготовленный из средней части диафиза (рис. 4: 2). Это костяная трубчатая игольница, покрытая врезным геометрическим орнаментом. Размеры игольницы: диаметр – 1,75 см, длина сохранившейся части – 6,7 см. Вне жилища-1 была найдена одна унитарная рукоять с отколотой спинкой (рис. 5: 3). Поверхность изделия была гладко отполирована, а тыльник и гарда оформлены подтреугольными выступами. Единичными находками представлены также тыльник для составной рукояти из диафиза КРС (рис.5,1) и заготовка для альчика из астрагала МРС (рис. 5: 2).

Другим направлением деятельности данной мастерской было изготовление предметов из рога. В качестве сырья использовались как достаточно распространенные рога КРС, так и более редкий материал как олений рог. Было найдено три фрагмента оснований оленьих рогов с обрубленными ветвями (рис. 5: 4–6). В заполнении комплекса была найдена одна заготовка из оленьего рога – незавершенный гребень (рис. 4: 3). Заготовка была потрапецевидной в плане формы, с гладко отполированной внешней поверхностью, ее размеры 3,8×4,2 см, толщина – 0,7 см. Рога КРС и МРС в количестве 3 единиц представлены только в виде отходов со следами спилов.

Последняя мастерская была выявлена в ходе раскопок по адресу ул. Лермонтова, 27. Данный участок относится к северному району золотоордынского Азака. Здесь на неболь-

Рис. 5. 1 – костяное навершие рукояти; 2 – астрагал МРС с просверленными отверстиями; 3 – фрагмент резной костяной рукояти; 4–6 – отходы косторезного производства: основания оленьих рогов с обрубленными отростками.
Fig. 5. 1 – bone pommel of handle; 2 – astragalus of small cattle with drilled holes; 3 – fragment of carved bone handle; 4–6 – manufacturing wastes of bone-carving craft: the bottom of deer antlers with chopped off tines.

шой площади – всего 18 кв. м – было отмечена высокая концентрация обработанных костей. В заполнении жилища-1 были найдены более 100 единиц костей со следами обработки, преимущественно производственных отходов. Больше всего было найдено проксимальных эпифизов метаподий КРС – 64 шт. (рис. 6: 1). Но более информативны для понимания техники обработки кости и специализации мастерской обрезки проксимальных концов метаподий. Всего было их было найдено 40 единиц (рис. 6: 2). На трех образцах видны индивидуальные следы обработки метаподий, характерные для данной мастерской. На одном сохранилась часть диафиза, с передней стенки которого спилена костяная пластина размерами примерно 4×3 см (рис. 7: 2). На конце обрезка имеется след от слома, т.е. видимо, диафиз был поделен на сегменты, с которых срезались пластины нужных размеров. Судя по двум другим эпифизам, могли срезаться и боковые стороны (рис. 7: 3). В результате этих действий образовывались отходы в виде брусков (рис. 7: 4). Предположительно, в данной мастерской из костяных пластин производились костяные пуговицы. Заготовки и готовые пуговицы известны по находкам с других раскопов.

Кроме спилов метаподий КРС было найдено одно почти готовое изделие – лопатка костяных весов с циркульным орнаментом (рис. 7: 1). В лопатке уже было просверлено отверстие под ось, но сама она не вставлена, как и противовесы. Как мы показали выше, монетные весы не были штучным изделием, а производились в товарных количествах. Возможно, в данной мастерской был еще один центр производства костяных весов, но подтверждающий материал может быть получен, если начнутся новые раскопки на данном или прилежащих участках.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Основным сырьем, использовавшимся в работе описанных косторезных мастерских, были метаподии крупного рогатого скота, в несколько меньших количествах обрабатывались лопатки и рога. В этом одно из различий косторезного производства Азака и Болгара, «где основное количество изделий изготовлено из рога» (Закирова, 1988, с. 236). Значительно реже использовались метаподии и рога мелкого рогатого скота, а обработанные кости лошадей и диких животных, например, оленей, встречаются в единичных экземплярах. По всей видимости, это вполне коррелируется со статистикой отходов мясного потребления в Азаке (Яворская, 2019, с. 297). Ассортимент выпускаемой продукции был весьма широк и включает в себя детали орудий труда и предметов обихода (рукояти, затыльники, игольницы, скребки), предметы туалета и детали одежды (гребни, булавки, пуговицы и нашивки), предметы для игр (альчики). Особенно информативен раскоп по Петровскому бульвару, 7, который в силу своих размеров и расположения дал самый разнообразный материал. Здесь впервые в Азаке было локализовано производство костяных монетных весов. Качество их исполнения, а также некоторых других предметов,

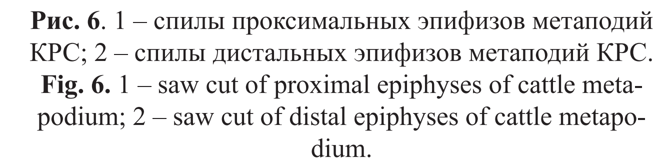

Рис. 6. 1 – спилы проксимальных эпифизов метаподий КРС; 2 – спилы дистальных эпифизов метаподий КРС.
Fig. 6. 1 – saw cut of proximal epiphyses of cattle metapodium; 2 – saw cut of distal epiphyses of cattle metapodium.

Рис. 7. 1 – костяная лопаточка от весов; 2–4 – отходы косторезного производства со следами срезания костяных пластин.
Fig. 7. 1 – balance of bone scales; 2–4 – Manufacturing wastes of bone-cutting production with traces of cutting of bone plates.

таких как украшенных резными фигурками рукоятей свидетельствует о высокой квалификации азакских косторезов. По всей видимости, рядом с косторезным производством в рамках одной усадьбы могла происходить обработка кож.

ЛИТЕРАТУРА

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 218–241.

Масловский А. Косторезное производство Азака. Общая характеристика // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Междунар. конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 190–193.

Фомичев Н.М. Новые данные по исторической топографии золотоордынского Азака // Материалы к семинару «Итоги исследований объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея и РГПИ в 1976-1981 гг.». Азов. 1981. С. 6–8.

Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Азаке: мясные продукты и ремесленные производства // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Азовский музей-заповедник, 2019. С. 294–298.

Информация об авторе:

Гончаров Михаил Юрьевич, старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); mgrov1983@gmail.com

REFERENCES

Zakirova, I. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 218–241 (in Russian).

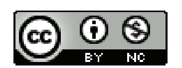
Maslovskyi, A. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* I. Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 190–193 (in Russian).

Fomichev, N. M. 1981. In *Materialy k seminaru «Itogi issledovaniy ob"edinennoy Azovo-Donetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Azovskogo kraevedcheskogo muzeya i RGPI v 1976-1981 gg.» (The materials to the seminar "The results of research of joint Azov-Donetsk archaeological expedition of Azov museum of regional studies in 1976-1981")*. Azov, 6–8 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego* (*Azak and the World Around It*). Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 294–298 (in Russian).

About the Author:

Goncharov Mikhail Yu. Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; mgrov1983@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.278.289

ЯЗЫЧЕСКИЕ МОГИЛЬНИКИ В ИСТОКЕ КИРСАНОВОЙ БАЛКИ

©2024 г. М.Ю. Гончаров, А.Н. Масловский

В статье даётся обзор материалов самого необычного из могильников золотоордынского Азака. Он расположен на восточной границе жилой застройки города и входит в цепочку внешней дуги некрополей, опоясывающей его и возникшей в период правления Узбека. Могильник расположен по обе стороны от истока Кирсановой балки. На 8 раскопах исследовано 154 погребения. Погребения имеют очень незначительную глубину. Могильные ямы не образуют рядов, а группируются в скопления. В их состав входят захоронения очень различные по обряду и часто перекрывают друг друга. Встречены все возможные варианты ориентировок. Столь же вариабельно трупоположение – от вытянутых на спине, до сильно скорченных. В 24 % погребений обнаружен инвентарь. Встречены серьги, бусы, перстни, игральная бита, зеркала и их обломки, ножи, кресала, ножницы, кости барана. Зафиксированы такие элементы обряда, как использование огня, медных онгонов, керамики, фрагментация зеркал. Некоторые из погребений можно отнести к числу мусульманских. Они не образуют отдельных участков и не являются самыми поздними. Найденные в погребениях и на территории могильника монеты позволяют датировать некрополь первой половиной XIV в. Лишь для некоторых погребений возможно определить этнокультурную принадлежность. Могильник, в целом, не имеет аналогий среди немусульманских некрополей крупных золотоордынских городов XIV в.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, могильник, язычество, онгоны, кочевники

PAGAN BURIAL GROUNDS AT THE HEADWATER OF KIRSANOVA BALKA

M.Yu. Goncharov, A.N. Maslovsky

The article deals with the materials of the most unusual of the burial grounds of the Golden Horde Azak. It is located on the eastern border of the city's residential area and is part of the chain of the outer arc of necropolises that girdles it and emerged during the reign of Uzbek Khan. The burial ground is located on both sides of the headwaters of the Kirsanova Balka. 154 burials were investigated on 8 excavations. The burials are very shallow. The grave pits do not form rows, but are grouped in clusters. They include burials very different in rite and often cover each other. All possible variants of inhumation are found. The corpse position is equally variable – from stretched out on the back to severely bent over. Grave goods were found in 24% of the burials. Earrings, beads, rings, knuckle-bone, mirrors and their fragments, knives, fire lighter, scissors and ram's bones were found. Such elements of the ritual as the use of fire, copper ongons, ceramics, and fragmentation of mirrors were established. Some of the burials can be classified as Muslim. They do not form individual areas and are not the latest. Coins found in the burials and on the territory of the burial ground allow dating the necropolis to the first half of the XIV century. Only for some burials it is possible to determine the ethnic and cultural affiliation. The burial ground has no analogies among non-Muslim necropolises of large Golden Horde cities of the XIV century.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, burial ground, paganism, ongons, nomads.

Данный могильник ранее уже упоминался в ряде публикаций (Масловский, 2002, с. 217, 220; 2008, с. 165; 2010, с. 190; 2017, с. 192–194, рис. 5-8; 2018, с. 343–345; 2019, с. 646–647) в которых обращалось внимание на его необычность и перечислялись характерные для него черты погребального обряда. Была сделана краткая характеристика данных антропологии по части представленной выборки (Батиева, Афанасьева, 2009). Его нестандартность требует более подробного представления. В данной работе мы постараемся более подробно рассказать об основных чертах погребального обряда данного некрополя.

Топографически могильник привязан к самой крупной в пределах центральной части Азова балке, в настоящее время задернованной и поросшей деревьями и кустами, имеющей народное название Кирсанова балка. В предыдущих работах (Масловский 2018, с. 343–345; 2019, с. 646–647) данный памятник учитывался как два отдельных могиль-

ника. Поскольку два участка разделены хоть и частично глубокой балкой, формально их можно рассматривать в качестве самостоятельных памятников, но близость их в плане обряда позволяет анализировать всю имеющуюся выборку захоронений как единый комплекс.

В 1988 г. у дома №83 по переулку Колонтаевский при рытье траншеи было случайно обнаружено парное захоронение взрослого и подростка. Рядом с последним были обнаружены 21 пул и 1 дирхем (Фомичев, 2006, с. 295, 297, рис. 15, 16). Судя по монетам, поступившим в музей, погребение датируется первыми годами правления хана Джанибека.

В 2001 г. на участке по улице Московской, 97 было расчищено 23 погребения (Масловский, 2002, с. 217). Не менее 5 захоронений было разрушено перекопами и несколько строителями. Со слов застройщика в 1 м от раскопа при рытье колодца под водопровод было обнаружено скопление из примерно 10 конских черепов с нижними челюстями.

В 2006–2007 гг. на улице Московской 95 на площади 400 кв. м было расчищено 180 погребений (Масловский, 2008, с. 164–165; 2010, с. 186, 190). Из них к золотоордынскому периоду относится 101. Этим же временем датируется два скелета собаки, один из которых также получил номер. 11 комплексов датируются эпохой античности и сильно выделяются плохой сохранностью костей с разрушением поверхностного слоя. Ещё 44 костяка относится к солдатскому кладбищу XVIII в. 23 захоронения, из-за сильной разрушенности перекопами, точно датированы быть не могут, но, вероятно, по большей части также относятся к золотоордынскому периоду. Учитывая очень небольшую глубину залегания и большое число поздних перекопов, можно предполагать, что число погребений XIV в. было значительно больше.

Участок могильника пересекала тропинка с остатками мощения и дренажной траншей, перпендикулярной Кирсановой балке. Вероятно, с заполнением этой траншеи связаны скелеты собак.

На раскопе было обнаружено 11 пулов, которые, за единственным исключением, датируются временем правлению Узбека. Из них три монеты обнаружены в погребениях.

В 2007 г. ещё 5 погребений было расчищено в пределах строительного котлована на участке по улице Московской, 93 (Масловский, 2010, с. 190). Здесь видимо проходила северо-западная граница некрополя.

В 2014 г. на улице Московской, 107 было исследовано одно поврежденное перекопом погребение (Гончарова, Широченко, 2016, с. 122, рис. 54, *1-2*). Раскоп расположен в непосредственной близости от кургана № 1 курганной группы Азовская. Учитывая большое число перекопов на данном участке, вероятно, погребение не было здесь единственным. Всего в двух десятках метров, на раскопе по улице Московской, 109 была обнаружена жилая усадьба и это позволяет говорить о том, что здесь проходила юго-восточная граница могильника.

В 2016 и 2017 гг. годах на двух участках в пределах домовладения по улице Седошенко, 56 было расчищено 6 погребений, в одном из которых в круглой яме было захоронено 4 человека (Гончаров, 2022, с. 73).

Зимой 2016-2017 гг. в аварийных условиях пришлось исследовать сильно поврежденный при ремонте коллектора ливневой канализации участок непосредственно в истоке Кирсановой балки в пределах домовладения по улице Московской, 103. Здесь было расчищено 21 погребение, из которых к золотоордынскому времени относится 14, остальные датируются I–II вв. или не могут быть определены из-за плохой сохранности (Гончаров, 2022, с. 71–72). Ещё несколько захоронений было разрушено строителями полностью.

В 2017 гг. 3 погребения было расчищено в ходе аварийных исследований на месте сооружения автостоянки у дома №93 по улице Московской. Таким образом, на настоящий момент изучено 154 захоронений XIV в., в одном из которых находилось 4 костяка. Ещё несколько десятков погребений можно отнести XIV в. предположительно.

Размеры могильника с северо-запада на юго-восток составляли 220–250 м. Для оценки протяженности могильника вдоль балки у нас недостаточно данных, но представляется, что она не должна была быть существенно меньше.

Если мы примем минимальную оценку площади некрополя в 3 га (после вычитания площади верховий самой балки) и минимальную плотность захоронений в одно на 4 кв. м, то минимальное число погребений, совершенных на данном кладбище, состав-

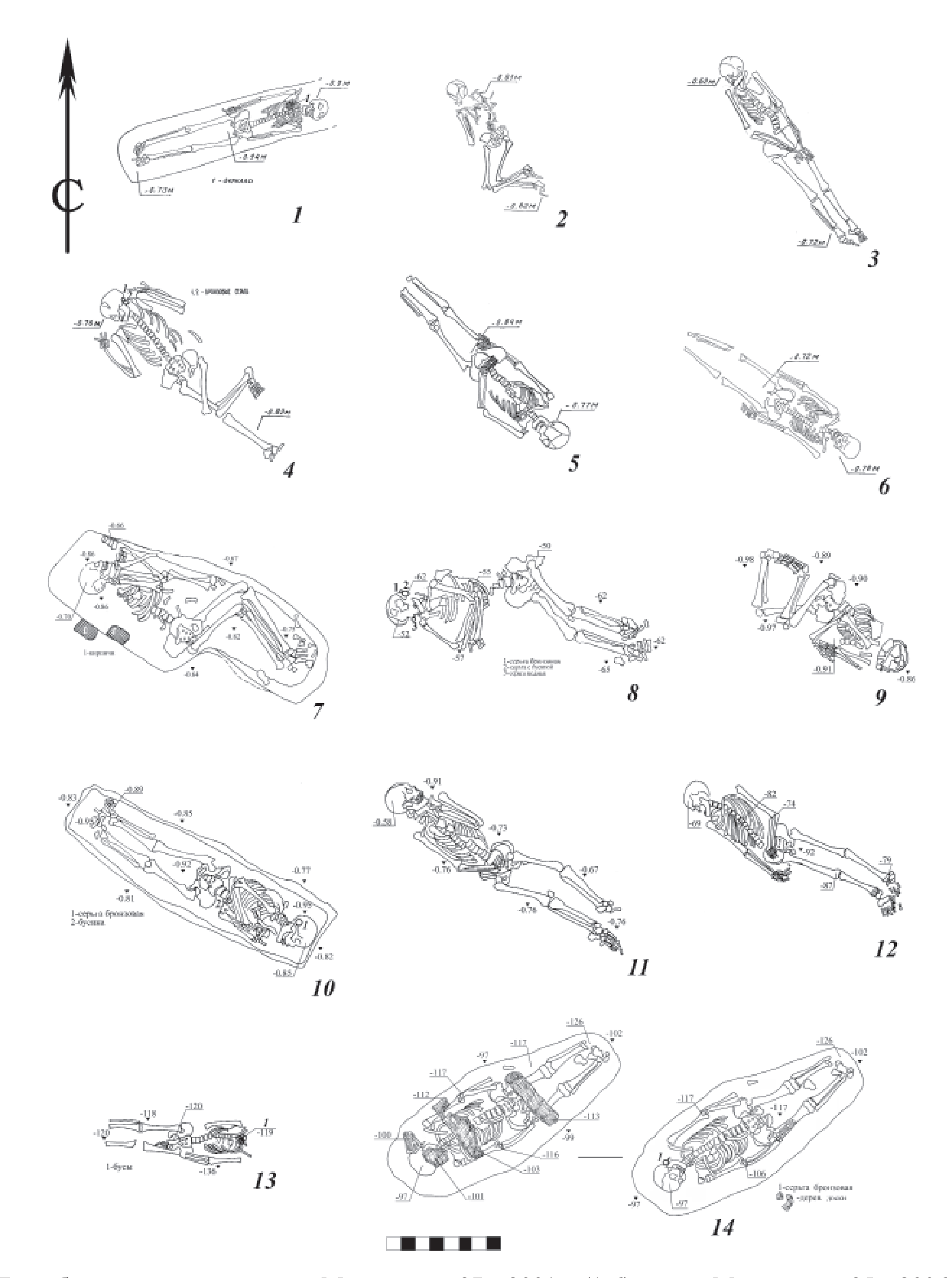

Рис. 1. Погребения из раскопов по ул. Московская, 97 в 2001 г. (1-6); по ул. Московская, 95 в 2006 г. (7-14): 1 – погребение 5; 2 – погребение 9; 3 – погребение 13; 4 – погребение 17; 5 – погребение 19; 6 – погребение 22; 7 – погребение 5; 8 – погребение 7; 9 – погребение 17; 10 – погребение 18; 11 – погребение 20; 12 – погребение 29; 13 – погребение 38; 14 – погребение 60.

Fig. 1. Burials from excavations at Moskovskaya st.,97 in 2001 (1-6); at Moskovskaya st., 95 in 2006 (7-14): 1 – burial 5; 2 – burial 9; 3 – burial 13; 4 – burial 17; 5 – burial 19; 6 – burial 22; 7 – burial 5; 8 – burial 7; 9 – burial 17; 10 – burial 18; 11 – burial 20; 12 – burial 29; 13 – burial 38; 14 – burial 60.

ляет 7500. Даже принимая во внимание, что захоронения проводились несколько десятилетий, перед нами некрополь большой по численности группы городского населения.

Погребальный обряд на данном некрополе настолько вариабелен, что, пожалуй, единственным объединяющим его признаком является именно мозаичность признаков. Прежде всего, бросается в глаза отсутствие строгой планировки. При небольшой доле фантазии можно выделить группы из нескольких погребений в ряд, например в восточном секторе раскопа по улице Московской 95, но даже здесь картина выглядит несколько

смазанной. Хорошо заметна разница в плотности захоронений в разных частях раскопа, которая только отчасти может быть объяснена поздними перекопами. На отдельных участках она достигает более 10 захоронений на 16 кв. м. Отдельные группы и «ряды» разделены пустыми промежутками.

В пределы одного скопления входят погребения с различной ориентировкой и трупоположением. Отмечены случаи, когда погребения с противоположной ориентировкой частично перекрывали друг друга.

Неясен вопрос о надмогильных сооружениях. Только в 1 случае (погребение № 3 Московская 95 2006 г.) рядом с черепом был обнаружен обтесанный блок песчаника (0,31×0,22×0,15 м). Однако, контуры могильной ямы здесь не прослеживались, и возможно блок находился в заполнении перекопа, контуры которого были не выявлены и который случайно не затронул костяк. К тому же, песчаник редко использовался в строительстве Азака. С другой стороны нередки случаи частичного перекрывания погребений друг другом. Но хотя во многих случаях погребения расположены вплотную друг к другу или находятся на глубине в несколько сантиметров от вышележащих, случаи повреждения более ранних погребений единичны. Это предполагает наличие каких-то знаков типа шестов, но не капитальных надмогильных конструкций.

Большинство погребений отличались очень небольшой глубиной. Отдельные костяки обнаруживались сразу под слоем современного мусора. Отчасти это может быть объяснено эрозией поверхности из-за близости к балке, где и в XIV в. отсутствовал почвенный слой. Однако некоторые погребения (погребения №1-3 Седошенко 56 Р-1) имеют всё же большее заглубление.

Из-за малой глубины и того, что могильные ямы засыпались тем же материковым суглинком, их контуры в значительном числе случаев не прослеживались и часто определялись достаточно приблизительно. Большинство прослеженных ям подовальной формы и ненамного превышают по размерам костяк. Достоверно заплечиковая конструкция прослежена только 1 раз (рис. 2: 12). В трёх других случаях можно предполагать наличие заплечиков, исходя из прослеженных остатков деревянных конструкций. В погребении 60 (Московская, 95 2006 г.) (рис. 1: 14) было расчищено три поперечных массивных плахи. В погребении 111 (Московская, 95 2007 г.) были расчищены 5 поперечных и перекрывающий их продольный деревянный брус. Концы брусьев выходили за пределы зафиксированного контура могильной ямы.

В погребении 133 (Московская 95 2007 г.) (рис. 2, 13) могильная яма была перекрыта наискось сплошным настилом из деревянных плашек, один край которых упирался в дно могильной ямы, а второй вероятно на не прослеженный уступ вдоль продольной стенки.

В погребении 60 зафиксированы следы необычного ритуала. Все три бруса сильно обуглены по краям, преимущественно снизу. На костях скелета следов огня не фиксируется. Таким образом, ритуал включал в себя поджог перекрытия, после чего вероятно яма была быстро засыпана грунтом.

Вероятно, самой необычной чертой погребального обряда данного некрополя является присутствие здесь всех возможных вариантов ориентировки. Среди 149 погребений, где удалось определить этот признак, преобладают погребения с ориентировкой на запад – 47 (31,5%), северо-запад – 38 (25,5%) и юго-запад – 27 (18,1%). Однако представлены и все другие направления: на восток – 13 (8,7%), на северо-восток - 7 (4,7%), на юго-восток – 7 (4,7%), на север – 6 (4 %), на юг – 3 (2%). Интересно, что доля погребений с северной и северо-восточной ориентировкой – 8,7% с учётом статистических погрешностей идентична с долей захоронений золотоордынских кочевников с северной ориентировкой (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 159).

Не прослеживается тяготения погребений с разными ориентировками к отдельным участкам могильника. В ряде случаев на раскопе на улице Московской 95 погребения с разными ориентировками расположены вплотную или даже перекрывают друг друга. Погребение 37 с западной ориентировкой и погребение 38 с ориентировкой на северо-восток. Погребение 101 ориентированное на северо-запад и погребение 133 ориентированное на юго-восток. Погребение 105 с ориентировкой на запад соприкасалось с погребением 106, ориентированным на восток, и перекрывало погребение 134 также ориентированное на восток. Погребение 113 с ориентировкой на восток перекрывало погребение 119 ориенти-

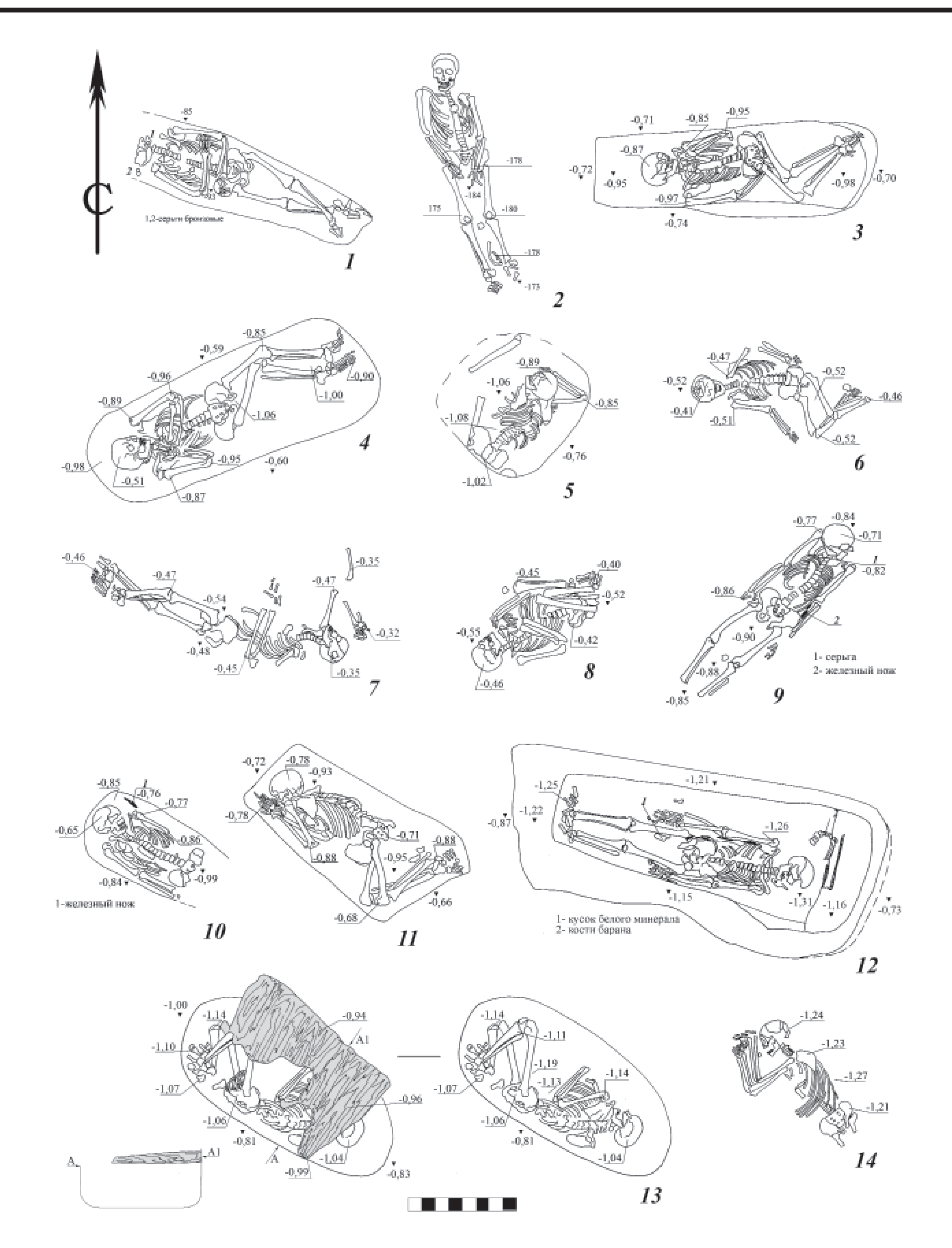

Рис. 2. Погребения из раскопов по ул. Московская, 95 в 2006 г. (1, 2); по ул. Московская, 95 в 2007 г. (3-14): 1 – погребение 75; 2 – погребение 80; 3 – погребение 90; 4 – погребение 100; 5 – погребение 103; 6 – погребение 105; 7 – погребение 106; 8 – погребение 107; 9 – погребение 110; 10 – погребение 112; 11 – погребение 128; 12 – погребение 134; 13 – погребение 133; 14 – погребение 168.

Fig. 2. Burials from excavations at Moskovskaya st.,97 in 2001 (1, 2); at Moskovskaya st., 95 in 2006 (7-14): 1 – burial 75; 2 – burial 80; 3 – burial 90; 4 – burial 100; 5 – burial 103; 6 – burial 105; 7 – burial 106; 8 – burial 107; 9 – burial 110; 10 – burial 112; 11 – burial 128; 12 – burial 134; 13 – burial 133; 14 – burial 168.

рованное на запад. Погребение 130 с ориентировкой на запад перекрывало погребение 131 с ориентировкой на восток.

Насчитывается более двух десятков вариантов трупоположения от вытянутого на спине до сильно скорченного на боку. Некоторые из них встречены однократно. С учётом того, что многие погребения повреждены, это делает статистические подсчёты не достаточно показательными. Поэтому ограничимся их кратким перечнем.

1. Погребенный вытянут на спине с руками вдоль туловища (рис. 1: 1, 6, 13, 14; 2: 9, 12; 3: 5). Варианты поворота черепа вероят-

но случайны. 2. Погребенный вытянут на спине с руками, сложенными в области таза (рис. 2: 2; 3: 3). Подобное трупоположение можно связывать с православным погребальным обрядом. 3. Погребенный вытянут на спине с черепом, обращенным вправо (рис. 1: 3). Левая рука вытянута, правая согнута в локте. Кисти сведены на верхней части левой бедренной кости. 4. Погребенный вытянут на спине (рис. 1: 5). Череп обращен влево. Правая рука вытянута, левая согнута с кистью в районе таза. 5. Погребенный вытянут на спине (рис. 2: 1). Руки согнуты в локтях под прямым углом и уложены одна над другой между тазом и грудной клеткой. Ноги прямые, перекрещены в нижней части берцовых костей. 6. Погребенный вытянут на спине (рис. 1: 4). Череп обращён вправо. Руки согнуты вдвое с кистями напротив черепа. Правая нога вытянута. Левая нога согнута под прямым углом и перекрывает правую.

7. Погребенный вытянут на спине, с разворотом на правый бок, ориентирован в западном направлении (рис. 1: 12). Череп развернут вправо. Правая половина туловища заметно ниже левой половины. Правая рука вытянута вдоль туловища. Кисть у верхней части бедренной кости. Левая рука согнута под тупым углом. Кисть на правой половине таза. Ноги вытянуты. Стопы завалены вправо. Подобный вариант трупоположения для исламского погребального обряда наиболее характерен.

8. Погребенный вытянут на спине с разворотом на левый бок (рис. 1: 10). Руки согнуты под острым углом перед грудью. Кисти на уровне ключиц. Грудная клетка развернута на бок. Ноги прямые. 9. Погребенный вытянут на спине, с разворотом на левый бок (рис. 1: 11). Череп обращен влево. Правая рука согнута в локте под тупым углом. Кисть в области таза. Левая рука сложена вдвое. Кисть на ключице. Ноги слабо согнуты в коленях.

10. Погребенный слабо скорчен на спине (рис. 2: 3). Череп лицевой частью обращен вверх. Левая рука согнута под острым углом с кистью на левой ключице. Правая рука согнута под тупым углом. Кисть у правого бедра. Ноги согнуты в коленях вправо под прямым углом. 11. Погребенный слабо скорчен на спине, с разворотом на левый бок (рис. 2: 4). Череп лицевой частью обращён вверх. Руки согнуты под острым углом. Кисти на верхней части грудной клетки. Ноги согнуты коленями влево под тупым углом.

12. Погребенный скорчен на спине с разворотом на правый бок (рис. 2: 6). Череп лицевой частью обращён вверх. Левая рука согнута под тупым углом и отведена несколько в сторону. Кисть у таза. Правая рука поднята, отведена в сторону и уложена на приступок. Ноги согнуты под прямым углом.

13. Погребенный сильно скорчен на спине (рис. 2: 8). Череп лицевой частью обращён влево. Правая рука согнута под острым углом. Кисть на верхней части груди. Левая рука сложена вдвое. Кисть на ключице. Позвоночный столб прямой. Ноги согнуты под очень острым углом. Колени подтянуты к груди.

14. Погребенный скорчен на животе (рис. 2: 5). Череп лицевой частью обращён влево. Правая рука отведена в сторону и согнута под острым углом. Кисть у лица. Левое предплечье находится под туловищем. Ноги были подтянуты к груди.

15. Погребенный слабо скорчен на правом боку (рис. 1: 2). Правая рука согнута вдвое с запястьем у плечевого сустава. Ноги согнуты под прямым углом и завалены вправо. 16. Погребенный слабо скорчен на правом боку (рис. 2: 7). Правая рука отведена в сторону и согнута под острым углом. Кисть над теменной костью. Левая рука согнута под острым углом. Кисть перед грудью. Ноги слабо согнуты и перекрещены в верхней части голеней.

17. Погребенный скорчен на левом боку (рис. 1: 7). Правая рука согнута в локте под острым углом. Кисть протянута к подбородку. Левая вытянута. Кисть протянута по направлению к тазу. Ноги согнуты в тазобедренных суставах почти под прямым углом. В коленных суставах ноги также согнуты под прямым углом. 18. Погребенный скорчен на левом боку (рис. 1: 9). Правая рука согнута под прямым углом. Кисть подвернута в сторону черепа. Левая рука сложена вдвое. Запястье у нижней челюсти. Ноги сильно согнуты.

19. Погребенный скорчен на правом боку (рис. 1: 8). Руки согнуты под прямым углом и уложены перед грудной клеткой. Левое предплечье перекрывает правое. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и слабо согнуты в коленных суставах. 20. Погребенный скорчен на правом боку (рис. 2: 11, 14; 3: 1). Руки согнуты в локтях под острым углом.

Кисти перед лицом. Ноги согнуты в коленях под прямым углом.

21. Погребенный сильно скорчен на правом боку (рис. 2: 13). Руки согнуты под острым углом. Левая кисть перед грудью. Правая рука под туловищем. Ноги сильно согнуты в коленях и подведены пятками к тазу.

22. Погребенный сильно скорчен на левом боку (рис. 3: 2). Руки согнуты в локтях под острым углом. Ноги сильно согнуты и подведены коленями к груди и пятками к тазу.

Наиболее экзотично выглядят сильно скорченные погребения, похожие скорее на комплексы эпохи поздней бронзы, а не средневековья. Однако, помимо того, что эти костяки сохранились значительно лучше античных погребений на данном участке, их датировку подтверждает стратиграфия. Например, сильно скорченное погребение 107 (Московская 95 2007 г) (рис. 2: 8), перекрывает погребение 118 с мусульманским трупоположением. Сильно скорченное погребение 86 перекрывает вытянутое погребение 142. Все сильно корченные костяки имеют ориентировку в южный сектор (юг, юго-запад, юго-восток).

Самым необычным является погребение 3 на участке Седошенко 56 (2016 г). Здесь в небольшой округлой яме было захоронено 4 костяка (рис. 3; 5). В других районах Азака подобные захоронения явно относятся к числу санитарных и связаны с погромами города. В данном случае перед нами вероятно всё-таки преднамеренное захоронение.

Следует также упомянуть об обряде ритуального разрушения погребений. Учитывая большое количество поздних перекопов, трудно выделить все возможные случаи его применения. Но некоторые из них несомненны. В погребении 60 смещены правые ключица и пара ребер. До расчистки костей, эта часть костяка была перекрыта массивной деревянной плахой. В погребении 143 (Московская 95 2007 г.) (рис. 3: 7) при хорошей сохранности стенок могильной ямы и костей, отсутствует левые плечевая, лопатка и ключица, часть шейных позвонков. Череп без нижней челюсти отделен и уложен на место левой лопатки. Возможно, на этот же обряд указывает перекрещенные в голенях ноги (рис. 2: 1), что может говорить об их связывании.

Погребальный инвентарь обнаружен в 37 погребениях (24%). В 19 из них встречены серьги, в т. ч. в 14 из них это был единственный инвентарь. В одном из погребений найдено 5 серег (рис. 1: 8), в другом 4 серьги располагавшихся попарно. Большая часть находок относится к числу простейших кольчатых серег с сомкнутыми или несомкнутыми концами. На втором месте находятся серьги в виде знака вопроса (рис. 3: 8-13). Встречено несколько вариантов. Вариант 1 (рис. 3: 8-9) с «кудрявой насадкой» (на стержне из множества спиралей, навитых из очень тонкой проволоки). Подобный вариант серег встречен на Пятибратнем 10 могильнике (раскопки П.А. Ларенка в 1976 г.). Вариант 2 (рис. 3: 10-11) нижняя часть стержня оформлена удлинённой литой пирамидкой. Вариант 3 (рис. 3: 12) с концом петли, обмотанным несколько раз вокруг верхней части стержня. Вариант 4 (рис. 3: 14) с крупной напускной костяной бусиной неправильной формы (рис. 3: 15). Вариант 5 с простым заостренным стержнем.

В одном экземпляре встречен ранее неизвестный тип серег в виде несомкнутого кольца с петельками на концах (рис. 3: 14). Концы серьги дополнительно декорированы двумя мелкими стеклянными бусами и «кудрявыми» насадками. Ещё в одном случае был использован в качестве серьги или подвески пластинчатый перстень с изображением растительного побега и вставкой.

В 6 погребениях встречены бусы, в т. ч. в 4 из них это был единственный инвентарь. В 2-х случаях были встречены ожерелья из разнотипных бус и подвесок. В 2-х случаях одиночные бусины встречены в районе грудной клетки. В 2-х случаях бусы использованы нестандартно. Они встречены у левого запястья. Вероятно, они составляли браслет из бусин.

Не считая экземпляра, использованного в качестве серьги, перстни были обнаружены в 3 погребениях. 2 из них — простые щитковые перстни без орнамента. В третьем случае мы, вероятно, имеем дело с обратной ситуацией, когда в качестве перстня была использована кольчатая серьга с несомкнутыми концами.

В 3 погребениях встречены зеркала. Два из них фрагментированы, вероятно, при совершении захоронения (рис. 3: 5, 16) и входили в набор инвентаря. Ещё в одном неорнаментированное зеркало в полотняном чехле было положено под правую лопатку.

Ножи были обнаружены в 4 погребениях. В одном случае нож был единственным пред-

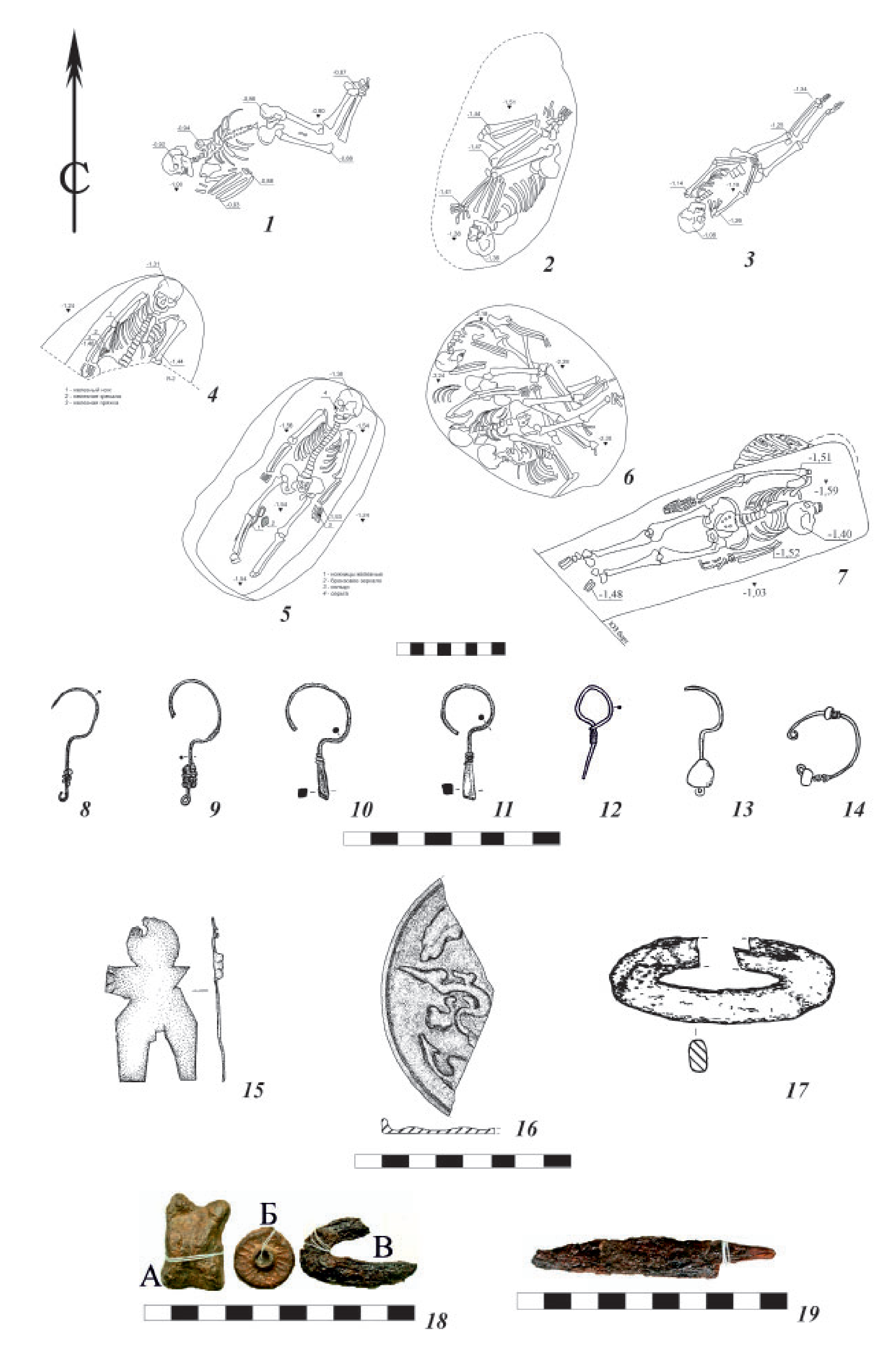

Рис. 3. Погребения из раскопов по ул. Московская, 103 в 2016 г. (1-3); по ул. Седошенко, 56 в 2016 г. (4-6); по ул. Московская, 95 в 2007 г. (7); вещи из погребений (8-19): 1 – погребение 4; 2 – погребение 9; 3 – погребение 14; 4 – погребение 1; 5 – погребение 2; 6 – погребение 3; 7 – погребение 143. 7-13 – серьги (П-8 (8, 9), П-17 (10, 11) М-97, 2001 г.; П-37 (12), П-7 (13), П-126 (14) М-95, 2006 г.); 15 – медный онгон (кв.1В, пл.4, М-95, 2006 г.); 16 – бронзовое зеркало (П-2, С-56, 2016 г.); 17 –железное кресало (П-1, М-107, 2014 г.); 18 – А–свинцовая бита, Б–свинцовая пуговица, В–железное кресало (П-144, М-95, 2006 г.); 19 – железный нож (П-112, М-95, 2006 г.).
Fig. 3. Burials from excavations at Moskovskaya st., 103 in 2016 (1-3); at Sedoshenko st., 56 in 2016 (4-6); at Moskovskaya st., 95 in 2007; items from burials (7-19): 1 – burial 4; 2 – burial 9; 3 – burial 14; 4 – burial 1; 5 – burial 2; 6 – burial 3; 7 – burial 143. 8-14 – earrings (B-8 (8, 9), B-17 (10, 11) M-97, 2001; B-37 (12), B-7 (13), B-12b (14) M-95, 2006); 15 – copper ongon (grid 1B, layer 4, M-95, 2006); 16 – bronze mirror (B-2, S-56, 2016); 17 – iron fire lighter (B-1, M-107, 2014); 18 – A–lead knuckle-bones, Б–lead button, B–iron fire lighter (B-144, M-95, 2006); 19 – iron knife (B-112, M-95, 2006).

метом инвентаря и был положен перед лицом погребенного (рис. 2: 10; 3: 19). В остальных случаях он висел на поясе.

Кресала были встречены в 4 погребениях (рис. 3: 17, 18в). Во всех случаях они входили в состав набора предметов, вероятно, подвешенных в мешочек на поясе. В одном случае кресало сопровождал кремень, в другом был встречен белемнит.

Шарнирные ножницы встречены в 2 погребениях. В обоих случаях находки были фрагментированы, вероятно, в момент совершения захоронения и сопровождались также фрагментами зеркал.

В 3 погребениях были найдены: железная пряжка и два железных кольца от поясов.

Монеты были встречены в 4 погребениях. Одно из них не документировано и содержало, вероятно, кошелек (Фомичев, 2006, с. 295, 297). В трех других случаях одиночные пулы были встречены в заполнении погребений, в т.ч. дважды над черепом.

Нестандартный набор инвентаря был встречен в погребении 144 (Московская, 95 2007 г.) (ребенок 10–12 лет), где у левого бедра был встречен набор предметов, вероятно находившихся в мешочке, висевшем на поясе. В набор входили: свинцовая игральная бита, отлитая по форме астрагала овцы (рис. 3: 18а), свинцовая орнаментированная «пуговица» (рис. 3: 18б), кресало (рис. 3: 18в) и три необработанных овечьих астрагала. Присутствие свинцовой «пуговицы» в таком контексте опровергает целый ряд предложенных интерпретаций (ткацкое грузило, пряслице, торговая пломба). Вероятно, здесь «пуговица» использовалась для застегивания (затягивания) мешочка.

В двух случаях у черепа были положены позвонки мелкого рогатого скота в сочленении. В одном случае (рис. 2: 12) это хвостовые и поясничные позвонки овцы. Помимо этого в погребение был положен крупный кусок мела.

Последней находкой, которую следует упомянуть, является медный онгон, найденный в районе тропинки, ведущей через кладбище (рис. 3: 15). Нельзя гарантировать, что он не был случайно потерян, но более вероятно, что он был оставлен после совершения какого-то обряда. Позднее сломанный медный онгон был найден на другом некрополе в восточной части Азака (Гончарова, Широченко, 2016, с. 115, рис. 48, *11*). На тропинке вдоль траншеи были также зафиксированы фрагментированные развалы керамических сосудов. Учитывая, отсутствие жилой застройки на краю Кирсановой балки, весьма вероятно, что это также свидетельства совершения некоего ритуала.

Для датировки могильника у нас есть следующая информация. Некрополь входит во внешнюю дугу, формирование которой происходит в период правления хана Узбека (Масловский, 2019, с. 649, 654). Вероятно, возникновение этой цепочки относится к первому десятилетию его правления, одновременно с перепланировкой города, которая прослеживается в прокладке магистральных улиц. Самая поздняя монета на могильнике датируется 1350-ми гг. В поздний период погребения появляются прямо посередине тропинки с дренажной траншеей, что говорит об упадке административного контроля. Учитывая также значительное число подзахоронений в 2 и даже 3 яруса, можно предполагать достаточно длительный период существования могильника, вероятно до начала «великой замятни».

Давая краткую обобщающую характеристику могильника, следует, прежде всего, сказать, что данный некрополь является чисто языческим. Единичные погребения, которые можно отнести к числу мусульманских и христианских, не обособлены от основной массы захоронений. Это говорит о том, что даже члены общины, оставившей данный некрополь, принявшие ислам, стали мусульманами достаточно формально, поскольку не порвали связей с родичами, остававшимися язычниками. Определить этнокультурную принадлежность людей захороненных на данном кладбище затруднительно. Некоторые из погребений, несомненно, следует отнести к числу захоронений кочевников, переходивших к жизни в городе (Седошенко 56 погребения 1–2 и все вообще погребения с северной и северо-восточной ориентировкой). Но в этот круг определенно не вписываются сильно скорченные погребения, ориентированные в южный сектор, погребения на левом боку, с руками вытянутыми перед грудью или лицом. Мозаичность погребального обряда указывает на неоднородность самой общины, оставившей данный могильник. Может участок был отведен для всех жителей Азака, открыто исповедовавших языческие культы? Этому противоречит наличие компактных групп

захоронений, в которые входили погребения, сильно различающиеся по своему обряду.

По данным антропологии, данная популяция по большинству показателей была достаточно благополучна, по крайней мере, в сравнении с не городским населением Нижнего Подонья (Батиева, Афанасьева, 2009). Вместе с тем, при достаточно большой выборке среди украшений не найдено ни одного предмета из серебра, которые на могильниках Азака встречены неоднократно.

Представленный в данной статье могильник входит в число немусульманских могильников степной зоны Золотой Орды от Поднепровья до Нижнего Поволжья XIV в. Их число на настоящий момент уже достаточно велико: Мамай-Сурка (Ельников, 2001, 2006), Ляпинская балка (Евглевский, Кульбака, 2003), Новохарьковский (Винников, Цыбин, 2002), могильники дельты Дона (Рогожкино-Х (раскопки И.В. Гудименко 1986, 1987, 1991 г.), Дугино-Х (Ларенок, 1987, с. 27–28; Прокофьев, 2014, с. 309–314) Пятибратний 10 (Ларенок, 1987, с. 27), Салок-I (Алейников, 2008), Маячный бугор-I-II и др.

На многих из них, прежде всего расположенных в Подонье и Приазовье, можно отметить черты, присущие и анализируемому могильнику. 1) Преобладание западных ориентировок, при наличие стабильного меньшинства погребений с восточной и северо-восточной ориентировкой. 2) Скудость инвентаря, который обычно ограничен немногочисленными дешевыми украшениями, деталями костюма, реже мелкими бытовыми предметами (ножи, кресала, ножницы, зеркала). Крайне редки сосуды и предметы вооружения.

Вместе с тем очевидны и различия. На всех перечисленных могильниках прослеживается правильная планировка. Отсутствуют погребения на боку и скорченные. Отсутствуют или единичны погребения с ориентировкой в южный сектор. В целом следует признать, что могильник у Кирсановой балки стоит особняком среди перечисленных выше памятников. Очевидно, причиной этого является присутствие особого этнокультурного компонента, который в настоящее время опознан быть не может.

ЛИТЕРАТУРА

Алейников В.В. Археологические работы на территории могильника Салок-I в 2004-2005 гг. // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. 3 / Ред. А.В. Захаров. Ростов-на Дону, 2009. С. 5–103.

Батиева Е.Ф., Афанасьева А.О. Антропологические материалы времени Золотой Орды из раскопок на территории г. Азова // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовский музей-заповедник, 2009. С. 28–33.

Винников А.З., Цыбин М.В. Материалы Новохарьковского могильника // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 14–105.

Гончаров М.Ю. Археологические исследования в г. Азове в 2016-2017 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2017 г. Вып. 31 / Отв. ред. Е. Е. Мамичев. Азов: Азовский музей-заповедник, 2022. С. 58–84.

Гончарова С.М., Широченко Э.Б.. Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013-2014 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013-2014 г. Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2002. С. 50–126.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 363–404

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.) Т. I Запорожье: ЗНУ, 2001. 275 с.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993-1994 гг.) Т. II Запорожье: ЗНУ, 2006. 356 с.

Ларенок В.А. Кочевнические могильники золотоордынского времени в низовьях р. Дон // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году (тезисы докладов к областному семинару). Азов, 1987. С.27-29.

Масловский А.Н. Раскопки в Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. А Азов: Азовский музей-заповедник, 2002. С. 212–223.

Масловский А.Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году// Историко-археологические и палеонтологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. С. 144–188.

Масловский А.Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007-2008 годах // Историко-археологические и палеонтологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 г. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2010. С. 182–242.

Масловский А.Н. Язычество в золотоордынском Азаке. Археологические данные о веротерпимости // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западном: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука,, 2017. С. 191–195.

Масловский А.Н. Могильники Азака. История изучения и задачи будущих исследований // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015-2016 гг. Вып. 30 / Отв. ред. А.Н. Масловский, Е.Н. Самарич. Азов: Азовский музей-заповедник, 2018. С. 318–357.

Масловский А.Н. Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 641–656.

Прокофьев Р.В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2014. 400 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Фомичев Н.М. Клады медных джучидских монет XIV в. из Азова и его округи // Историко-археологические и палеонтологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 265–308.

Информация об авторах:

Гончаров Михаил Юрьевич, старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); mgrov1983@gmail.com

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом по обеспечению сохранения и использования объектов культурного наследия Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника (г.Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

REFERENCES

Aleynikov, V. V. 2008. In Zakharov, A. V. (ed.). *Trudy arkheologicheskogo nauchno – issledovatel'skogo biuro (Proceedings of the Archaeological Research Bureau)* 3. Rostov-on-Don, 5–103 (in Russian).

Batieva, E. F., Afanasyeva, A. O. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 28–33 (in Russian).

Vinnikov, A. Z., Tsybin, M. V. 2002. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy (Novokharkovka burial ground of the Golden Horde era).* Voronezh: Voronezh State University, 14–105 (in Russian).

Goncharov, M. Yu. 2022. In Mamichev, E. E. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2017 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2017)* 31. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 58–84 (in Russian).

Goncharova, S. M., Shirochenko, E. B., Kharenko, M. V., Goncharov, M. Yu., Maslovskiy, A. N., Minaev, A. P., Yudin, N. I. 2002. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013-2014 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2013-2014)* 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 50–126 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Kulbaka, V. K. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3. Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (The Cuman-Golden Horde Period).* Donetsk: Donetsk National University, 363–404 (in Russian).

Elnikov, M. V. 2001. *Srednevekovyy mogilnik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1989-1992 gg.) (Mamai-Surka medieval burial ground (based on research materials of 1989-1992))* 1. Zaporozhye: Zaporizhzhia National University Publ., 275 (in Russian).

Elnikov, M. V. 2006. *Srednevekovyy mogilnik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1993-1994 gg.) (Mamai-Surka medieval burial ground (based on research materials of 1993-1994))* 2. Zaporozhye: Zaporizhzhia National University Publ., 356 (in Russian).

Larenok V.A. 1987. *Itogi issledovaniy Azovo-Donetskoy ekspeditsii v 1986 godu (tezisy dokladov k oblastnomu seminaru) (The research results of the Azov-Donetsk expedition in 1986 (abstracts of papers for the regional seminar)).* Azov, 27-29 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2002. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2001)* 18. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 212–223 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2008. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2006)* 23. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 144–188 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007-2008 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2007-2008)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 182–242 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdu Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Preceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 191–195 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2018. In Maslovskiy, A. N. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2015-2016 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2015-2016)* 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 318–357 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 641–656 (in Russian).

Prokofiev, R. V. 2014. *Raskopki u khutora Dugino v del'te Dona v 2009 godu (Excavations at the village of Dugino in the Don river delta in 2009).* Rostov-on-Don: "Altair" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fomichev, N. M. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 265–308 (in Russian).

About the Authors:

Goncharov Mikhail Yu. Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; mgrov1983@gmail.com

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences, Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 72.04(477.75)"13" https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.290.300

РЕЗНАЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ПЛЕТЕНКА ИЗ РАСКОПОК КРЫМСКОГО МЕДРЕСЕ ИНДЖИ-БЕЙ ХАТУН

© 2024 г. В.П. Кирилко

При археологическом изучении медресе в г. Старый Крым (бывш. Эски Кырым, Крым, Солхат), датируемого 733 г.х. (= 1332/33 гг.), были найдены многочисленные архитектурные детали с резным эпиграфическим орнаментом, часть которых вторично использовалась в кладке подпорной стены некрополя XVI–XVIII вв. По мнению специалистов, они могли принадлежать декоративному убранству портала, михраба в южном айване, восточной стены здания или входной экседры. Исследованием установлено, что ни одно из этих предположений пока не имеет достаточно убедительного подтверждения. Определён важный признак, позволяющий правильно понять орнаментальную композицию, а, следовательно, осуществить корректную реконструкцию каменной пластики медресе. Им является обязательное наличие значительной по площади гладкой поверхности, примыкающей к рельефному бордюру с внутренней стороны. В частности, поэтому принадлежность найденных архитектурных деталей порталу и михрабу здания маловероятна.

Ключевые слова: археология, Крым, XIV в., медресе, сельджукский стиль, резной декор, каменная пластика, эпиграфический орнамент, архитектурная деталь, сполия

CARVED GEOMETRIC WICKERWORK FROM THE EXCAVATIONS OF THE CRIMEAN MADRASAH INDZHI-BEY KHATUN

V.P. Kirilko

During an archaeological study of the madrasah in the town of Staryi Krym (formerly Eski Kyrym, Krym, Solkhat), dating back to 733 AH (=1332/33), numerous architectural details with carved epigraphic ornaments were found. Some of them were reused in the masonry of the support wall of the necropolis of the XVI–XVIII centuries. According to experts, they could belong to the decoration of the portal, the mihrab in the southern iwan, the eastern wall of the building or the entrance exedra. The study found that none of these suppositions has been sufficiently convincingly confirmed yet. An important feature has been identified, that allows us to understand correctly the ornamental composition, and, consequently, to carry out a correct reconstruction of the stone sculpture of the madrasah. This requires the presence of a large smooth surface, that adjacent to the curb on the inside. In particular, therefore, the found architectural details have a low probability of belonging to the portal and mihrab of the building.

Keywords: archaeology, Crimea, XIV century, madrasah, Seljuk style, carved décor, stone plastic, epigraphic ornament, architectural detail, spolia

История исследования крымского медресе, появившегося в 733 г. х. (= 1332/33 гг.) по указанию Инджи-бей Хатун, а также основные сведения об архитектонике и декоративном убранстве этого здания, в своё время накопленные мной при разработке проекта консервации его руин, относительно подробно и практически полностью (по состоянию на 2009 г.) уже введены в научный оборот (Кирилко, 2011). Созданный таким образом информационный задел ощутимо благоприятствует дальнейшему изучению памятника, поскольку позволяет, не отвлекаясь теперь на пространные описания и избегая лишних повторений, сразу сосредоточиться на предметном рассмотрении уцелевших деталей строения, которые ранее по разным причинам были представлены лишь в общих чертах либо не упоминались совсем, хотя заслуживают более пристального внимания (Кирилко, 2020). Причём его игнорирование способно привести к ложным выводам, что наглядно подтверждается опубликованными недавно двумя объёмными реконструкциями сооружения (Крамаровский, 2020, с. 38, 41), совершенно аморфными и маловероятными.

Рис. 1. Портал медресе. Вид с юго-востока. Акварель М.М. Иванова. 1783 г. (по: Мальгина, 2017, рис. 22).
Fig. 1. Portal of the madrasah. View from the southeast. Watercolor painting by M.M. Ivanov. 1783 (after Malgina, 2017, fig. 22).

Основные недостатки последних: слишком большая высота портала и особенно входной экседры – несоразмерная с остальными частями здания, отсутствие уступчатого силуэта стен, купольное завершение западного айвана, стропильные перекрытия над галереями, плоский потолок дюрбе, одинаковая везде форма окон и прочее.

Первоначальный вид медресе получил своё отражение в нескольких иконографических источниках конца XVIII в. (Кирилко, 2011, с. 127, рис. 3–6; Виды Крыма…, 2017, с. 10, 62–65, рис. 22, 23). Наиболее известным из них и, пожалуй, самым востребованным у исследователей является акварельный рисунок с изображением главного фасада строения, выполненный с натуры М.М. Ивановым в 1783 г. (рис. 1). Художник достаточно старательно запечатлел его формы, относительно неплохо сохранившиеся к тому времени, но вскоре почти полностью утраченные. Основное внимание он уделил порталу, который занимает значительную часть, практически треть, графического произведения. На втором плане виднеется мечеть XV–XVI вв., пристроенная к медресе, на оси боковых айванов (рис. 2). Между ними, посередине рисунка, находится невысокая каменная ограда с чешме, обрамлявшая с севера площадь перед входом в основное здание архитектурного ансамбля.

Представленные на акварели элементы благоустройства территории частично были изучены в 1980 г. археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, а сама конструкция по результатам исследований определена как подпорная стена позднего некрополя, располагавшегося у мечети и датированного XVI–XVIII вв. Согласно свидетельству автора раскопок – М.Г. Крамаровского, сооружение было сложено «из остатков портала и других строительных деталей медресе», причём его появление отнесено к третьему, последнему этапу существования комплекса, связанного с окончательным запустением руин медресе (Крамаровский, 1981, с. 265–266; 1990, с. 127).

Судя по материалам отчёта о полевых исследованиях, в пределах раскопа сохранилась лишь незначительная часть ограды (рис. 2–3). Она Г-образной в плане формы, находилась у северо-восточного угла медресе, по отношению к передней стене здания была расположена перпендикулярно, вторым концом развёрнута в северном направлении. Её размеры: толщина – около 0,65 м, высота – приблизительно 0,60 м, протяжённость широтной и меридиональной сторон – 2,10 и 1,80 м соответственно. Кладки обоих сооружений друг с другом не перевязаны. Фундамента как такового подпорная стена не имела. В качестве основания ею использовались плиты верхнего, ремонтного, слоя каменного мощения площади. Ограда была «сложена из камней, квадров и фрагментов резных камней портала медресе». Сполии, упомянутые последними, представлены на фотоснимках двумя крупными блоками известняка, лицевая сторона которых украшена рельефной плетёнкой с одинаковым рисунком. Ещё несколько

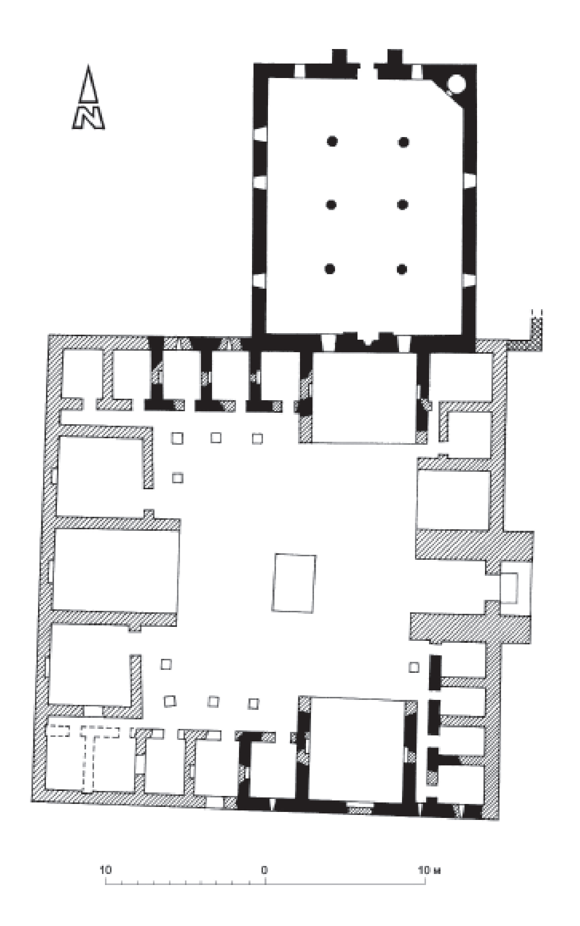

Рис. 2. План медресе, мечети и части подпорной стены некрополя. Чертёж автора.
Fig. 2. Plan of the madrasah, mosque and part of the support wall of the necropolis. Drawing by the author.

архитектурных деталей, также отнесённых автором раскопок к числу «резных камней, очевидно от портала медресе», было обнаружено в завале стен самого здания, правда, где точно и в каком количестве, конкретных сведений в отчёте нет. Достоверно известно лишь то, что одна из них уцелела практически полностью и имела аналогичный декор (Крамаровский, 1981, с. 6, 8–9, черт. № 9, 5; 15, табл. VI, VII, XVIII–XIX).

По завершении полевого сезона две лучше всего сохранившиеся лапидарные находки были взяты в коллекцию и вскоре заняли достойное место в постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа (Усеинов, 2020а, с. 71). Прочие, менее презентабельные, резные изделия остались на территории памятника и только недавно основная их часть (но не все) была перемещена в лапидарий Музея истории и археологии г. Старый Крым. Сейчас известно «около десяти крупных блоков из известняка с таким орнаментом и множество мелких фрагментов» (Усеинов, 2020б, с. 104). Инвентарной маркировки они не имеют, что ощутимо затрудняет определение точного места, равно как и времени их обнаружения.

Поступление артефактов в Государственный Эрмитаж позволило М.Г. Крамаровскому ввести в научный оборот новую и чуть более ёмкую, чем прежде, информацию о находках. В выставочном каталоге 2005 г. обе архитектурные детали представлены практически одинаково. Их описания между собой отличаются лишь начальной частью первого предложения, которая на общее содержание аннотаций особо не влияет: «Строительный блок в форме параллелепипеда (второе изделие трактовано как блок строительный в виде параллелепипеда – *В.К.*) с эпиграфическим узором на лицевой стороне. Тыльная сторона блока не обработана. Обнаружен при раскопках предпортальной площади медресе Солхата». Краткая характеристика экспонатов иллюстрируется фронтальной фотографией только одного предмета, происходившего из каменного завала стен здания. По мнению автора раскопок, найденные «элементы с плоской и глубокой трехплановой резьбой» свидетельствуют о работе строительной артели из Анатолии. В отличие от первых публикаций и отчёта, на этом этапе изучения памятника назначение самих рельефов исследователь конкретно не определяет, ограничившись лишь сожалением по поводу того, что известные ему рисунки 60–80-х годов XVIII в. «дают портал под слишком острым углом, не позволяющим рассмотреть детали» (Крамаровский, 2005, с. 113–114, 207, № 213, 214; 2012, с. 213–214, рис. 55).

Ещё одна, альтернативная версия происхождения сполий из подпорной стены некрополя появилась при разработке проекта консервации руин медресе. Согласно ей, блоки с резной геометрической плетёнкой первоначально могли находиться в совершенно ином месте здания и применяться для других целей – например, декоративного обрамления михраба в южном айване. Предположение основывается на том, что они обнаружены в кладках, датированных XVI–XVIII вв. Как следствие, их принадлежность порталу вызывает сомнение, ибо в это время, судя по акварели 1783 г., тот пребывал в относительно хорошем состоянии и вряд ли бы стал исполь-

Рис. 3. «Подпорная стенка некрополя (?)». Вид с востока. Снимок 1980 г. (по: Крамаровский, 1981, л. 86, табл. VII, *2*).
Fig. 3. "Sopport wall of the necropolis (?)". View from the east. Photo from 1980 (after Kramarovsky, 1981, sheet 86, table VII, 2).

зоваться для добычи строительного камня. В научный оборот введена фотография одной из находок, хранящихся в лапидарном фонде памятника (Кирилко, 2011, с. 181, рис. 81).

Концептуально важным является наблюдение Е.А. Айбабиной, допускающее приемлемость обеих гипотез. Рассматривая применение в каменной пластике орнаментального мотива под названием «узел счастья», исследовательница заодно дала характеристику самой плетёнке, украшавшей эти архитектурные детали. Свои выводы она иллюстрирует фотоснимком изделия, опубликованного в своё время М.Г. Крамаровским: «Орнамент нанесён с помощью выборки фона. Крупные детали рисунка выполнены из широких, уплощенных непроработанных полос, так же как и элементы растительного мотива – полупальметты. Узлы геометрического характера в орнаменте связываются с узлами, образованными овальными элементами. Правый край полосы орнамента (если рассматривать его как вертикальный) образует узор характера псевдокуфической надписи. Некоторое искажение линий рисунка не лишает его выразительности. Сполии вторичного использования найдены близ медресе, а также в развале кладок сооружений XVI–XVIII в. как строительный материал. М.Г. Крамаровский связывает этот декор с порталом медресе 1332–33 гг. (Крамаровский, 2009, с. 462). Крупная замысловатой формы резьба, хотя и выполненная несколько упрощенно, выглядит выразительно, что необходимо для украшения портала презентабельной постройки или михраба мусульманского университета (Кирилко, 2011, с. 181), а ее место в архитектурном комплексе медресе будет определено, вероятно, в ходе будущих исследований» (Айбабина, 2016, с. 522–523, рис. 423).

Последнее не заставило себя ждать. Спустя несколько лет практически одновременно появились три публикации, опять затронувшие тему сполий, использованных в кладке подпорной стены некрополя.

Прежде всего, это каталог казанской выставки 2019 г., в котором М.Г. Крамаровский представил фотоизображения уже обоих музейных экспонатов из эрмитажной коллекции. Иллюстрации сопровождаются краткими аннотациями, во многом повторяющими описания 2005 г.: «266. Архитектурная деталь. 31,5×40×92 см. Строительный блок имеет форму параллелепипеда с эпиграфическим узором на лицевой стороне. Тыльная сторона блока не обработана. Обнаружен при раскопках предпортальной площади у медресе Солхата» и «267. Архитектурная деталь. 39×28×80 см. Строительный блок в виде параллелепипеда с эпиграфическим узором на лицевой стороне. Тыльная сторона блока не обработана. Обнаружен при раскопках предпортальной площади у медресе Солхата в переотложенном слое». Первоначальное

Рис. 4. Сполия из кладки подпорной стены некрополя. Снимок 2018 г. Фото автора.
Fig. 4. Spolia from the masonry of the support wall of the necropolis. Photo from 2018. Photo by the author.

назначение самих изделий исследователем не рассматривается (Крамаровский, 2020, с. 348–349).

Вторая публикация принадлежит М.А. Усеинову, который ввёл в научный оборот фотографии ещё двух обломков, декорированных аналогичной плетёнкой. В подписи к иллюстрации находки им трактованы как «архитектурные фрагменты с орнаментом, предположительно украшавшим портал медресе». Исследователь счёл необходимым отметить, что такие рельефы «чаще всего» встречаются на территории комплекса медресе и мечети Узбека, вероятно, имея в виду их массовость, а не наличие (пока ничем не подтверждаемое) идентичных находок за пределами памятника. По его мнению, «М.Г. Крамаровский обоснованно предполагает, что это один из орнаментов, который украшал входной портал медресе Инджибек-хатун [Крамаровский, 2012, с. 214]» (Усеинов, 2020, с. 104), хотя на самом деле ничего подобного упомянутый в ссылке источник не сообщает.

Третья публикация посвящена подробному рассмотрению и фрагментарной реконструкции отдельных архитектурных деталей медресе. По результатам предпринятого мной исследования версия о связи сполий с михрабом южного айвана признана ошибочной, а с порталом – небесспорной. Взамен высказано предположение о том, что эти изделия первоначально могли использоваться для декорирования главного фасада строения. Согласно ему, резной ленточный орнамент с геометри-

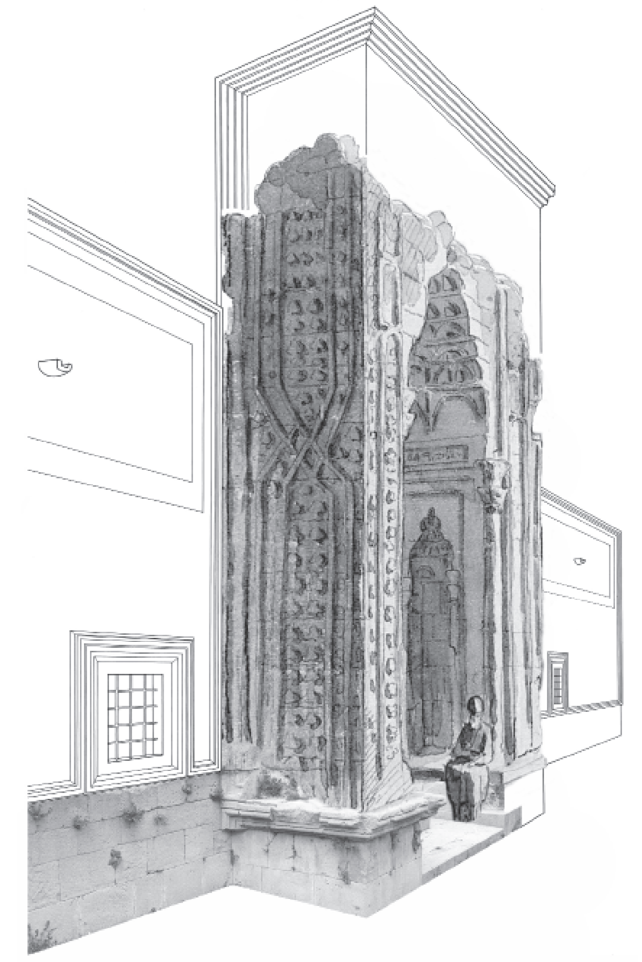

Рис. 5. Портал медресе. Вид с юго-востока. Реконструкция. Чертёж автора (по: Кирилко, 2020, ил. 11).
Fig. 5. Portal of the madrasah. View from the southeast. Reconstruction. Drawing by the author (after Kirilko, 2020, fig. 11).

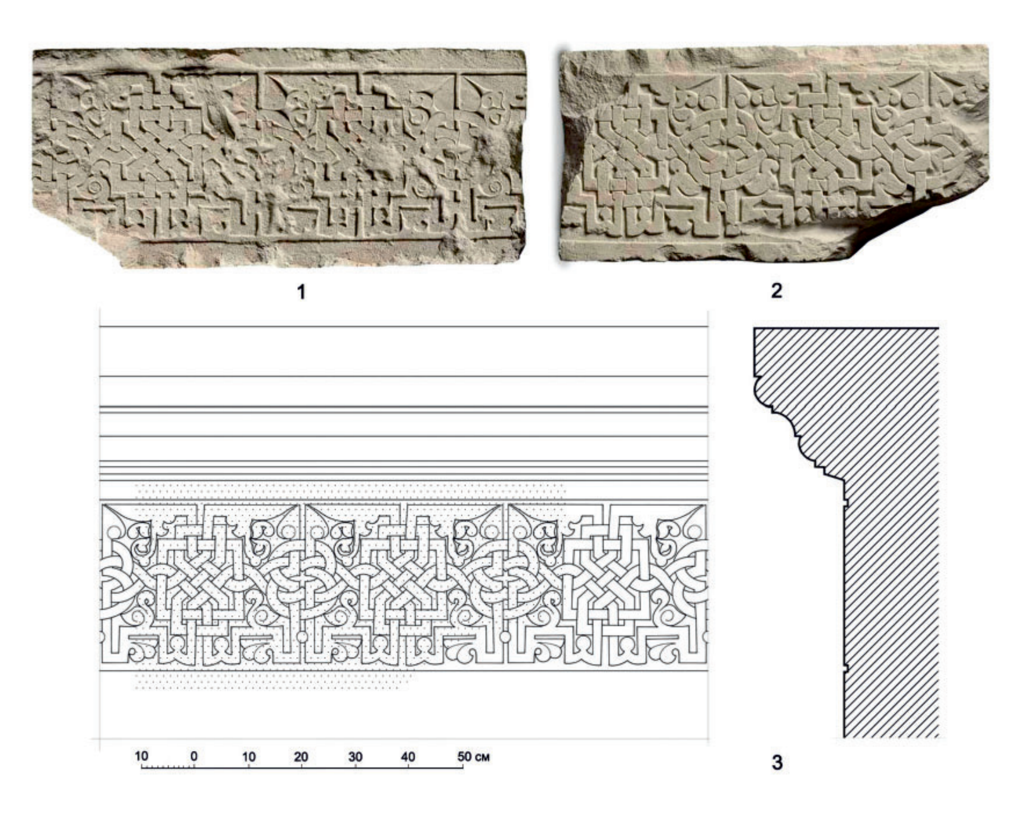

Рис. 6. Архитектурные детали из эрмитажной коллекции (по: Крамаровский, 2019, №№ 266–267). Реконструкция верхней части обрамления. Чертёж автора.
Fig. 6. Architectural details from the Hermitage collection (after Kramarovsky, 2019, No. 266–267). Reconstruction of the upper part of the frame. Drawing by the author.

ческим рисунком находился у профилированного выступа передней стены здания и был замкнут по периметру на уровне пят сводов, образуя прямоугольную рамку (Кирилко, 2020, с. 362–363, ил. 11).

Итак, к настоящему времени в научный оборот введены три гипотезы, посредством которых разные специалисты попытались определить назначение известняковых блоков с одинаковой рельефной плетёнкой на лицевой стороне, обнаруженных при раскопках предпортальной площади медресе. Насколько они убедительны, позволяют судить как сами архитектурные детали, так и в значительной мере иконографические материалы, в частности фотоснимки опубликованных находок. Что касается последних, то сейчас известно всего пять таких изображений. На них представлены два целых и три фрагментарно сохранившихся изделия. Их сравнение друг с другом даёт основание для следующих выводов.

Резной орнамент блоков является эпиграфическим, принадлежит к числу ленточных. Он представляет собой непрерывный геометрический узор с чередующимися узлами овальной и прямоугольной формы, которые образовались в результате взаимного переплетения однотипных декоративных элементов, имитирующих куфическое письмо *аль-муурак* с украшениями в виде листьев. По отношению к продольной оси композиции те имеют чётко выраженные нижнюю и верхнюю части, что при использовании рельефа в качестве бордюра позволяет уверенно определить его внешний и внутренний периметры. Гладкие кромки, заподлицо обрамлявшие орнамент с обоих боков, были разной величины. Ширина полос, находившихся снаружи, везде одинаковая и равна 3,5 см. С противоположной стороны плетёнки на введённых в научный оборот образцах она составляет от 3,5 до 9,5 см. Это наблюдение, полученное при изучении иллюстративного материала публикаций, подтверждается также двумя яркими примерами из лапидарного фонда памятника. На одном фрагменте, который сейчас хранится на территории медресе, внутренняя кромка имеет ширину 9,5 см. Ещё более показателен обломок второго блока из той же коллекции

(рис. 4). Его декор находится на расстоянии 47 см от бокового края передней части изделия.

Орнамент выполнен в низком рельефе посредством выемки фона, расположен заподлицо с поверхностью грани. Ленты узора узкие и плоские. Места их переплетения обозначены мелкими бороздками, придающими декору дополнительную выразительность и небольшую объёмность. Подобным образом нанесены также завитки внутри листьев. Фон выбран равномерно. Высота рельефа составляет 0,7 см. Глубина желобков – до 0,2 см. Ширина узора – 29,5 см. Расстояние между плетёнкой и кромками – около 1 см. Длина раппорта – 38 см.

Обращает на себя внимание то, что орнаменты на блоках из эрмитажной коллекции, хотя и следуют одному шаблону, по отношению друг к другу отображены зеркально (рис. 6: 1, 2). Они отличаются также формой и отдельными деталями растительных элементов плетёнки, а их внутренние кромки между собой не совпадают по ширине. Отмеченные особенности рельефа позволяют предполагать не только работу нескольких мастеров, но и исходную локализацию этих двух изделий в разных местах здания или композиции.

На абсолютно всех опубликованных ранее фотоиллюстрациях обе упомянутые находки выставлены вертикально. Подобным образом они экспонируются и в Государственном Эрмитаже (Усеинов, 2020а, с. 71). Однако такое их положение в кладке маловероятно по нескольким причинам. Во-первых, каменная конструкция лицевой стороны стен главного фасада медресе принадлежит к числу простых орфостатных и была регулярной однорядной (Кирилко, 2011, с. 158–159, 163–172, рис. 3, 4, 13, 16, 17, 52, 56, 57, 62, 63, 67, 72, 73), что уже само по себе не предусматривает использование на одном уровне сооружения разных (особенно сильно отличавшихся) по высоте блоков. Во-вторых, хотя непрерывность её горизонтальных швов местами и нарушается низкими уступами (с перепадом в пределах всего нескольких сантиметров), появление тех обычно не препятствует перевязке смежных камней кладки друг с другом (Кирилко, 2011, с. 158–159, рис. 56, 57, 62). В-третьих, как свидетельствуют примеры самых близких по времени, стилистике и местонахождению произведений каменной пластики начала XIV в. – портала и михраба крымской мечети Узбека, вертикально выставленные блоки или плиты при их возведении не применяются даже в виде исключения (Кирилко, 2015, рис. 2, 13; 2022, рис. 1, 7).

Поскольку поперечные размеры передней стороны эрмитажных экспонатов и средняя высота обычного ряда лицевой кладки медресе были практически одинаковыми, есть основание считать, что эти и другие резные архитектурные детали подобной формы на фасаде здания располагались горизонтально. Вывод косвенно подтверждается идентичной лапидарной находкой без инвентарного номера, которая сейчас хранится на территории памятника. Она представляет собой крупный обломок орнаментированного блока, имевшего аналогичные пропорции и длину не менее 58 см. Уцелевший торец изделия по отношению к наружной грани полностью скошен под углом 84°, а значит, его использование в качестве опорной плоскости или постели неприемлемо, ибо могло негативно сказаться на устойчивости всей конструкции.

Для правильного понимания композиционного контекста плетёнки и, соответственно, корректной реконструкции декоративного убранства медресе исключительно важной является уцелевшая почти полностью архитектурная деталь из нуммулитового известняка (рис. 4), которая была обнаружена ещё в 1980 г., но совершенно незаслуженно осталась вне внимания исследователей памятника. Её большой фрагмент применён вторично в кладке подпорной стены некрополя, располагался в самой нижней части ограды (рис. 3). Кроме двух фотоснимков с общими видами руин сооружения, запечатлевших сполию in situ, и его обмерного чертежа какая-либо иная информация о находке в научном отчёте автора раскопок отсутствует (Крамаровский, 1981, черт. № 15, табл. VI). Изделие не упоминается также ни в одной из публикаций.

Архитектурная деталь представляет собой массивный прямоугольный блок с бугристой тыльной стороной. Все остальные его грани тщательно выровнены зубаткой, повсеместно оставившей на поверхности камня характерные следы инструмента. Один торец полностью утрачен. Резная плетёнка, украшавшая лицевую плоскость, в пределах сполии уцелела более чем наполовину, что позволяет не только уверенно восстановить утраченные

Рис. 7. Двор медресе. Вид с юга. Акварель М.М. Иванова. 1783 г. (по: Виды Крыма…, 2017, рис. 23).
Fig. 7. Courtyard of the madrasah. View from the south. Watercolor painting by M.M. Ivanov. 1783 (after Malgina, 2017, fig. 23).

части узора, но также точно определить величину всего изделия, которую оно имело до повреждения. Размеры блока: высота 45 см, реконструируемая ширина 83 см, толщина 39,5 см.

Среди других подобных артефактов эта архитектурная деталь ощутимо выделяется тем, что с внутренней стороны её бордюра расположена не узкая кромка, а достаточно широкая плоскость, занимавшая основную часть грани и имевшая протяжённость 47 см. Следовательно, одним из главных признаков того места, где она первоначально находилась, является наличие рядом с орнаментом значительной по площади гладкой поверхности. В частности, именно ему не соответствует предполагаемая архитектоника михраба в южном айване, о которой можно судить по относительно небольшой (в сравнении с величиной блока) нише, образовавшейся в кладке после утраты декора (Кирилко, 2011, с. 181, рис. 80).

В свою очередь, принадлежность данной архитектурной детали порталу пока достоверного подтверждения не имеет и остаётся спорной. Такие плетёнки, действительно, характерны для резного убранства монументальных построек времени сельджукских эмиратов, разносторонне представленных в архитектуре Малой Азии и сопредельных земель. Самыми показательными примерами, к тому же композиционно и стилистически наиболее сопоставимыми с солхатским рельефом, могут считаться эпиграфические орнаменты, используемые в наличниках главного фасада сивасского Чифте минаре медресе, датируемого 1271 г. (Osseman, 2024, no 8225, 8227, 8233, 8243–8246). Основное их отличие друг от друга состоит лишь в количестве и форме узлов, пластике используемых мотивов, изысканности узора и насыщенности его рисунка деталями. Поскольку ближайшая аналогия самому крымскому зданию, а именно медресе Буруджие (Крамаровский, 2005, с. 113), находится также в Сивасе, похоже, автор первого был хорошо знаком с обоими анатолийскими строениями и вдохновлялся произведениями своих предшественников.

Судя по архитектонике портала и его декоративному убранству (рис. 5), плетёнка могла располагаться только в одном месте – спереди на антрвольтах сталактитового свода, обрамляя их по периметру в виде П-образного бордюра, поддерживаемого снизу угловыми колонками входной ниши. Однако на рисунке М.М. Иванова (рис. 1) она там не изображена. Более того, основная часть принадлежавшей тем поверхности не выглядит гладкой, так как художник почти везде её специально затемнил, а на ближнем плане даже нанёс штриховку, видимо, пытаясь показать неровности или

теневую рябь фона. Вероятнее всего, внутри рамки, причём совершенно иной, антрвольты были полностью покрыты сплошным растительным узором коврового типа, который для анатолийской художественной традиции является более характерным (чем обширные плоскости без декора), ибо позволял успешно реализовать один из основополагающих принципов исламской орнаментики – *миль аль-фараг* («заполнение пустоты») (Крамаровский, 2005, с. 116; Кирилко, 2015, с. 269). Следовательно, достаточно веских оснований для того, чтобы соотнести между собой найденные при раскопках архитектурные детали с резной геометрической плетёнкой и портал медресе, на данном этапе исследований нет.

Согласно третьей версии, орнаментальная лента принадлежала прямоугольной рамке, которая могла украшать спереди верхнюю половину восточной стены (Кирилко, 2020, с. 362–364, рис. 11). Подобное декоративное убранство, дополненное рельефными медальонами, позволило бы визуально уменьшить композиционную неуравновешенность отдельных частей главного фасада, обусловленную его асимметричностью, и придать внешнему виду строения большую цельность. Данную реконструкцию пока следует считать исключительно гипотетической, поскольку прямые аналогии такого художественного решения не известны, а само оно иконографическими источниками не подтверждается.

Имеется ещё один вариант возможного применения этих архитектурных деталей, который прежде не рассматривался. Достаточно большой представляется вероятность того, что резная геометрическая плетёнка с эпиграфическим орнаментом украшала солхатское медресе со двора. Судя по рисунку М.М. Иванова (рис. 7), фасадные поверхности кладки стен малого айвана, входной экседры и аркады находятся в одной плоскости. Между собой они разделялись рельефными выступами наличников. Запечатлённое художником декоративное убранство даёт основание утверждать, что вертикальные участки профилированного обрамления имели постоянное сечение на всём протяжении, по меньшей мере до отметки шелыг сводчатого перекрытия помещений. Немного выше, на уровне завершения стен над аркадами, их формы непременно должны измениться. Разделившись посередине надвое, одна половина первоначальной рамки, со стороны более высокой части здания, будет следовать в прежнем направлении, вторая – отогнута (развернута) под прямым углом горизонтально. Оконтуривая лицевую поверхность стены вдоль самого края, они органично замыкали композицию с боков и сверху.

Пластика дворовых фасадов медресе характеризуется чётким и логичным соотношением отдельных элементов, а также ступенчатым силуэтом. Все помещения открывались во двор арочными проёмами разной величины: галереи имели проходы между опорами аркад на уровне дневной поверхности, глубокие ниши айванов возвышались на массивных платформах со скамейчатым цоколем. Наличники каждого из них представляют собой обычную прямоугольную рамку с одинаковым везде профилем, который на смежных участках сливается и приобретает комбинированную – двустороннюю или, в одном случае, угловую конфигурацию сечения (Кирилко, 2011, с. 174–179, 194–196, рис. 18–19, 28–32, 34–40, 43). Боковые кромки, примыкавшие к рельефным выступам с внутренней стороны, как правило, равновеликие и относительно узкие. Этим ощутимо отличается лишь лицевая поверхность входной экседры, толстые стены которой обусловили появление на дворовом фасаде обширных гладких плоскостей между проёмом и обрамлением, несоразмерно больших по сравнению с остальными наличниками (Кирилко, 2020, ил. 1). Эффективно уменьшить возникшую диспропорцию под силу орнаментальной ленте, расположенной рядом с тягами по периметру (рис. 6: 3). Причём дополнительное украшение в виде узорчатого бордюра способно не только гармонизировать композицию, но также, что не менее важно, визуально выделить вход, придав его обрамлению пластику, отсутствующую в других местах. Прямых аналогий такой реконструкции нет, хотя сочетание объёмных рамок и резных ленточных орнаментов для подобного декорирования дворовых фасадов монументальных построек в анатолийской архитектуре известно, будучи представлено несколькими показательными примерами, в частности из Сиваса (Osseman, 2024, no 8293, 8355, 8364).

Подводя итоги исследованию, необходимо отметить, что ни одна из рассмотренных

версий о предназначении известняковых блоков с резным эпиграфическим орнаментом в виде геометрической плетёнки пока не имеет достаточного подтверждения. Причём сама ситуация не является тупиковой, поскольку не все архитектурные детали от медресе ещё найдены, а уж тем более введены в научный оборот и уверенно идентифицированы.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А. Мусульманская каменная резьба Крыма // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. Т. 1 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер-Плюс, 2016. С. 510–543.

Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова (к 270-летию со дня рождения художника) / сост. М.Р. Мальгина. Симферополь: Н. Оріанда, 2017. 132 с.; 61 ил.

Кирилко В.П. Солхатское медресе // Stratum Plus. 2011. № 6. С. 125–210.

Кирилко В.П. Портал крымской мечети Узбека // Stratum Plus. 2015. № 6. С. 253–274.

Кирилко В.П. Некоторые архитектурные детали крымского медресе Инджи-бей Хатун // АДСВ. 2020. № 48. С. 349–367. DOI: https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.022

Кирилко В.П. Михраб старокрымской мечети, соотносимой с именем хана Узбека // Stratum Plus. 2022. № 6. С. 331–349. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226331349

Крамаровский М.Г. Работы на городище Солхата // АО – 1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 265–266.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Старый Крым – Ленинград, 1981 / НА ИАК РАН. № 904. 131 л.

Крамаровский М.Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры. Тезисы докладов. Всесоюзная научная конференция. Суздаль 1991 г. / сост. А.А. Воронов и др. М.: ВНИИТАЖ Госкомархитектуры, 1990. С. 124–127.

Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки / Ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2005. С. 13–172.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Крамаровский М.Г. Архитектурная деталь // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: Каталог выставки / Авт. конц. М.Г. Крамаровский. Санкт-Петербург: Фонд Марджани, 2019. С. 348–349, №№ 266–267.

Крамаровский М.Г. Медресе Инджибек-Хатун // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. IV. г. Старый Крым / Ред.-сост. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 30–41.

Усеинов М.А. Мусульманские эпиграфические памятники Старого Крыма (XIII–XV вв.). Общие сведения // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. IV. г. Старый Крым / Ред.-сост. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020а. С. 66–72.

Усеинов М.А. Эпиграфические памятники с территории комплекса мечети Узбека и медресе // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. IV. г. Старый Крым / Ред.-сост. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020б. С. 96–104.

Osseman, D. Pictures of Turkey. Available at: Sivas Turkey Photo Gallery by Dick Osseman at pbase.com (дата обращения – 04.01.2024).

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); kir.vlad33@gmail.com https://orcid.org/0000-0002-5431-9127

REFERENCES

Aibabina, E. A. 2016. Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS−NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923−1929 godah: v 3−h tomah (MIRAS−NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923−1929: in 3 volumes).* 1. Kazan: "Aster Plyus" Publ., 510–543 (in Russian).

Mal'gina, M. R. (ed.). 2017. *Vidy Kryma iz putevogo al'boma M. M. Ivanova (k 270-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika) (Views of Crimea from M.M. Ivanov's travel album (to the 270th anniversary of the artist's birth))*. Simferopol: "N. Orianda" Publ. (in Russian).

Kirilko, V. P. 2011. In *Stratum Plus* (6), 125–210 (in Russian).

Kirilko, V .P. 2015. In *Stratum Plus* (6), 253–274 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2020. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 48, 349–367. DOI: https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.022 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2022. In *Stratum Plus* (6), 331–349. DOI: https://doi.org/10.55086/sp226331349 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1981. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1980 goda (Archaeological Discoveries in 1980)*. Moscow: "Nauka" Publ., 265–266 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1981. *Otchet o polevykh issledovaniyakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiey Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on the field research on Solkhat medieval settlement (Krym, Staryi Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage)*. Staryi Krym – Leningrad. Scientific archive of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. No. 904 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1990. In Voronov, A. A. et al. (eds.). *Problemy istorii arkhitektury (Issues of history of architecture)*. Moscow: "VNIITAZh Goskomarkhitektury" Publ., 124–127 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2005. In Piotrovskii, M. B. (ed.). *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue).* Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 13–172 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2019. In Kramarovsky, M.G. (ed.). *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii. Katalog vystavki (The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Genghisid empire. Exhibition catalog).* Saint Petersburg; Moscow: "Fond Mardzhani" Publ., 348–349, no 266–267 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2020. In Kramarovsky, M. G., Seidaliev, E. I. (eds.) *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* 4. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 30–41 (in Russian).

Useinov, M.A. 2020a. In Kramarovsky, M. G., Seidaliev, E. I. (eds.) *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* 4. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 66–72 (in Russian).

Useinov, M.A. 2020b. In Kramarovsky, M. G., Seidaliev, E. I. (eds.). *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* 4. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 96–104 (in Russian).

Osseman, D. *Pictures of Turkey.* Available at: Sivas Turkey Photo Gallery by Dick Osseman at pbase.com (accessed 04.01.2024).

About the Author:

Kirilko Vladimir P., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences. Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Russian Federation. kir.vlad33@gmail.com https://orcid.org/0000-0002-5431-9127

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.301.317

ОТ ЯЗЫЧЕСКИХ КУРГАНОВ К МУСУЛЬМАНСКИМ ГРУНТОВЫМ НЕКРОПОЛЯМ: ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП В ФОРМИРОВАНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМУ

©2024 г. М.Ю. Меньшиков

Данная работа посвящена признакам отклонения от норм ислама при совершении погребений ранних мусульман Крыма периода становления ислама в Золотой Орде. В работе на примере памятников, исследованных в Крыму, в том числе под руководством автора, приводятся примеры нарушения правил *джаназы*, проводятся сравнения выявленных нарушений с нормами классического ислама, предпринимается попытка объяснения подобных отклонений. Выявленные и представленные в публикации признаки позволяют говорить о том, что на раннем этапе исламизации тюркское население выборочно сохраняло в погребальном обряде языческие элементы в рамках адатов, стараясь при этом следовать исламским правилам в наиболее заметных проявлениях ритуала. Постепенно подобные отклонения от нормы, по мере укрепления ислама в регионе, встречаются все реже, однако даже на рубеже XVI–XVII вв., как показывает практика, нарушения правил захоронения в соответствии с мусульманскими традициями сохраняются в Крыму.

Ключевые слова: археология, Крым, средневековье, Золотая Орда, некрополь, ислам, язычество, погребальный обряд, джаназа.

FROM PAGAN BURIAL MOUNDS TO MUSLIM NECROPOLISES: A TRANSITIONAL STAGE IN THE FORMATION OF BURIAL MONUMENTS OF THE GOLDEN HORDE TIME IN CRIMEA

M.Yu. Menshikov

This article deals with the signs of deviation from the norms of Islam in the burials rituals of the early Muslims of the Crimea during the formation of Islam in the Golden Horde. The author uses the examples of necropolises, studied in the Crimea. Examples of violations of the rules of Janazah, compares the identified violations with the norms of classical Islam are given. Author makes attempts to explain such deviations. The signs identified and presented in the publication prove that at the early stage of adoption of Islam, the Turkic population selectively preserved pagan elements in the burial rites within the adats. Gradually, such deviations from the norm, as Islam became stronger in the region, are found less and less often, but even at the turn of the XVI–XVII centuries, violations of the rules of burial in accordance with Muslim traditions persisted in Crimea.

Keywords: archaeology, Crimea, Middle Ages, Golden Horde, necropolis, Islam, paganism, burial rite, Janazah.

В процессе охранных археологических работ в Республике Крым в последнее время экспедициями ИА РАН было исследовано большое количество грунтовых некрополей, оставленных крымскотатарским населением. Целью данной работы является продемонстрировать выявленные признаки нарушения основных мусульманских правил в погребальном обряде на раннеисламских некрополях Крыма, показать их связь с более ранней доисламской традицией, а также рассмотреть, как такие нарушения Джаназы (мусульманской погребальной традиции), благодаря адатам, коррелируются с классическими нормами ислама, прописанными в хадисах.

В 2018 г было исследовано два средневековых мусульманских некрополя: Живописное 1 и Кырк-Азизлер. В основе данной публикации будут лежать материалы, полученные преимущественно на этих памятниках. Большая часть погребений в этих могильниках совершена по мусульманскому обряду, однако многие погребения, особенно на раннем этапе имеют признаки языческих традиций. Эти особенности погребального обряда либо

совсем нехарактерны для ислама, либо принимаемы в исламе с определенными оговорками. Наличие синкретических элементов в исламской культуре Крыма прослеживается вплоть до нового и новейшего времени. (Меньшиков, Волошинов, 2021, с. 195–200). В могилах на исламских некрополях нередко встречаются находки украшений и некоторые другие предметы, попадание в погребения которых не может быть случайным и, безусловно, должно быть интерпретировано, как погребальный инвентарь, хотя это полностью противоречит концепции Джаназы. Наличие элементов одежды помимо савана, украшений или бытовых предметов, а иногда и оружия изредка можно встретить и в исламских средневековых погребениях других регионов. Однако в Крыму помимо погребального инвентаря, на раннем этапе исламизации региона, наблюдается также вариативность и погребальной конструкции, что является более серьезным нарушением обряда погребения, так как нюансы, связанные с формой могильной ямы, положением тела и элементами погребального сооружения хорошо прописаны в хадисах и отход от этой традиции несет явные черты язычества и более ранних религиозных культов. Предшествующие единобожию языческие традиции с нормами ислама на территории Крыма примиряет существование института адатов, что характерно для ханафитского мазхаба, исповедуемого большинством крымскотатарского населения и в настоящее время. Наличие адатов допускает в некоторых случаях, как мы видим при работе на мусульманских некрополях, серьезные нарушения исламских канонов в пользу того «*как делали наши предки*». На мой взгляд, причины подобного отхода от погребальной традиции в Крыму связаны с глубоким укоренением в тюркском средневековом обществе традиции кочевнических половецко-кипчакских погребальных норм. Со временем мы можем наблюдать эволюцию погребального обряда в сторону более канонического исполнения. Это происходило по мере того, как ислам все более прочно входил в жизнь тюркоязычных народов Крыма, с формированием единой государственности с ведущей религией, постепенным формированием единого крымскотатарского этноса и оседанием бывших кочевников на землю.

Доисламские нормы погребального обряда

Изучение кочевнических археологических древностей в XX в. позволило создать обширную базу данных по погребальным памятникам тюрок начала II тысячелетия н.э. Подробная типология и хронология погребального обряда и отдельных его составляющих отражена в работах Г.А. Федорова-Давыдова (1966; 1973), С.А. Плетневой (1990), А.В Евглевского и Т.М. Потёмкиной (2000) и ряда других авторов. Благодаря накопленным знаниям и их обработке в публикациях приведенных исследователей, мы имеем хорошее представления о доисламском погребальном обряде кочевников степи, которые позднее сформировали Золотую Орду.

Исследованные автором данной статьи на территории Крыма в 2017–2022 гг. подкурганные и впускные кочевнические погребения начала II тыс. н.э. в целом укладываются в типологию, предложенную еще в 1966 г (Федоров-Давыдов, 1966, с. 120–165). В процессе этих работ в дополнение к уже известным типологическим схемам погребального обряда крымских номадов было добавлено несколько кочевнических погребений на Керченском полуострове, имеющих локальные особенности и которые ранее не фиксировались исследователями (Меньшиков, 2020, с. 342–343), а также погребения, в которых удалось проследить признаки монгольской языческой традиции (Меньшиков, Волошинов, 2021, с. 203–209). В остальном выявленные доисламские погребения кочевников в степном Крыму соотносятся с типами характерными для I-IV периодов, выделенных Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966, с. 134–150).

Доисламские погребения тюркоязычных кочевников в Крыму имеют различную ориентировку и конфигурацию погребальных ям. Встречаются как могилы с восточной ориентировкой, иногда с отклонениями к северу (Копьева, Колтухов, 2016, с. 23–24; Сейдалиев, 2009, с. 379), так и с западной, также часто с отклонениями, чаще всего к югу (Панченко, 1999; Меньшиков и др., 2020, с. 181–196). Эти различия в ориентировке погребений принято связывать с принадлежностью погребенных к различным этническим группам в пределах единой тюркоязычной семьи. Существует большая вариативность в форме ям – они бывают простые, с заплечиками и различны-

ми вариантами подбоев и внутренних ступенек. Большинство обнаруженных погребений этой эпохи являются впускными в курганы, сооруженные в бронзовом веке. Для территории Крыма самостоятельные средневековые курганы, насыпанные над средневековыми тюркскими погребениями, на сегодняшний день автору данной статьи не известны. Одним из немногих уверенных исключений стало не исламское погребение, обнаруженное на окраине могильника Кырк-Азизлер, которое по всей видимости обладало собственным пусть и невысоким, но курганом. Однако это погребение, на основании комплекса полученных данных, скорее может быть связано с монгольским этническим компонентом на территории Крыма. (Меньшиков, Волошинов, 2021, с. 203–209).

Разнообразие форм могильных сооружений кочевников позволило Г.А. Федорову-Давыдову выделить девять отделов (А-И) на основании ориентировки погребенного в могиле и наличия или отсутствия останков коня. По форме могильной ямы были выделены типы, которые доходят до 26 вариантов в отделе Б. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 124–129). Также было выделено два таксономических отдела для определения погребений в гробах, каждому такому отделу соответствовало по два типа (Федоров-Давыдов, 1966, с. 129–130).

Предложенная типология актуальна до сих пор и может служить прекрасным основанием для выявления преемственности погребального обряда между доисламским и раннеисламским населением центрального и степного Крыма.

Становление ислама в Крыму в золотоордынское время

Возможно, уже во второй половине XIII в. часть городского населения Солхата (Старого Крыма) являлась мусульманами. Об этом говорит обнаруженное надгробие, которое ряд авторов датируют 1291 г. (690 г.х.) (Иванов, 1989, с. 25). Но начало активного продвижения Ислама в Крыму относится уже к XIV в. После принятия Ислама в качестве официальной религии в Золотой Орде с приходом хана Узбека в 1312 г. новая вера не сразу распространилась на всю территорию подвластную хану. Однако верхушка, которая стремилась сохранить близость к правителю, достаточно быстро оказалась исламизирована. Многовекторность проникновения Ислама на территорию Орды привела к тому, что в государстве какое-то время сосуществовало параллельно несколько суннитских мазхабов, а часть населения исповедовала Ислам шиитского толка. Огромное влияние на формирование мусульманской среды в регионе оказали суфийские школы, что в итоге привело к господству ханафитского мазхаба с присущей ему исламской юридической нормой адатов. (Васильев, 2007, с. 7–27; Ахундова, 2018, с. 490–491).

В Крыму Ислам получает наибольшее развитие первоначально в городской среде. Сначала в Старом Крыму (Солхате), а потом и в Бахчисарае начинается строительство медресе и мечетей (Зиливинская, 2013, с. 110). Возле будущей столицы Крымского ханства Бахчисарая формируется элитный некрополь мусульманской знати города, который получает название Кырк-Азизлер (Сорок святых). И уже в середине XIV в. на территории могильника Кырк-Азизлер совершаются захоронения мусульман (Иванов, 1989. С. 26–30; Волошинов, Меньшиков, 2020, с. 15–16).

Классический погребальный обряд в Исламе

В исламской арабоязычной традиции могила имеет название ***кабр.*** В рамках исламских верований мусульманин уже сразу после смерти, находясь в могиле, начинает получать воздаяние за совершенное им при жизни. Для праведника стены могилы раздвигаются и пространство превращается в просторный райский сад, для грешника же могила становится узкой, неудобной и уподобляется аду. Пророк Мухаммад говорил об испытаниях в могиле, как о важной ступени на пути к последующей вечной жизни (Али-заде, 2007, с. 346). Как мы видим, значение могилы для человека, исповедующего ислам огромно, что позволяет нам по погребальному обряду в целом судить не только о степени проникновения ислама в общество, но и дает возможность понять на сколько более ранние языческие традиции по-прежнему влиятельны в среде при исполнении важнейших религиозных обрядов.

В исламе существуют достаточно жесткие правила совершения погребения (джаназа). В различных направлениях ислама есть небольшие различия в том, что является обязательным и допустимым, но в целом обряд погребения прописан достаточно четко. Ислам ханафитского мазхаба, воспринятый,

как было сказано выше, от суфиев, имеет немного больше допущений по сравнению с остальными мазхабами. Но, тем не менее, базовые представления о джаназе должны были распространяться и на ханафитов, так как они прописаны в хадисах. В настоящее время можно говорить о том, что наиболее последовательными поборниками классической обрядности являются преимущественно поклонники салафитской идеи. Большая группа исламских ученых в XVIII в., осознав, что разделение на мазхабы и влияние местных традиций уводит ислам от классических основ, создали подобие объединения, которое призывает вернутся к исходному предшествующему формату ислама, отринув синкретические и апокрифические наслоения. Несмотря на то, что течение салафитов является относительно поздним, они в своих суждениях опираются на хадисы. Точная передача и грамотное толкование хадиса являются очень ответственным делом. В силу этого можно, опираясь на салафитские источники, понять, насколько те или иные обряды и традиции коррелируются с нормами шариата, зародившимися непосредственно при появлении ислама. Благодаря салафитской литературе, имеется возможность посмотреть и сравнить, в чем классический погребальный обряд отличается от обряда, который подвергся влиянию адатов. В настоящее время существуют обширные, в том числе и цифровые базы данных хадисов и построенных на их основе комментариев признанных улемов, которые позволяют реконструировать исходный погребальный обряд мусульман и в которых определяются допустимые региональные изменения. Одним из таких достаточно удобных источников по теме является сайт https://islamqa.info, на котором в виде вопросов и ответов собраны хадисы и мнения улемов по всем как очень важным, так и простым бытовым вопросам, в том числе касающимся обряда захоронения. Ссылки на данные цитаты традиционно приводятся в формате *islam Q&A и номер вопроса*. Так как точная передача хадиса чрезвычайно важна в исламе и является поступком, за который передатчик отвечает перед Богом, то во многих случаях такая цитата с сайта является прямым указанием к правильному действию с точки зрения классического изначального суннитского ислама. Мы рассмотрим далее некоторые обязательные нормы, связанные с погребальным обрядом, в том числе приведенные в виде ответов на вопросы на указанном сайте.

Форма могильной ямы

Теоретически в исламе допустимы две основных формы могильной ямы - с подбоем и без. Подбой, расположенный вдоль борта могилы со стороны киблы называется «ляхд» (ляхьд), а выемка, сделанная посредине могилы - «шак» (шаккъ). С точки зрения ханафитского мазхаба сунной (то есть допустимым) является и погребение в могиле шак, и погребение в могиле ляхд. Однако, при этом яма с подбоем является более предпочтительной. Принято считать, что отсутствие подбоя может быть обосновано исключительно особенностями грунта. В случае сыпучести, рыхлости почвы и опасения обвала допустимо не делать ниши (ляхд). (Аз-Зухайли, 1997, с. 522). Ниже мы приведем несколько цитат из исламских ученых и хадисов, которые показывают регламентацию формы погребальной ямы:

«Сунна – это делать в могиле ляхьд, как он был сделан в могиле Пророка, да благословит его Аллах и приветствует». (Ибн Къудама. Конец цитаты из «ал-Мугни» 2/188).

«Ученые единогласны в том, что дозволено хоронить в ляхьде и шаккъе. Но, если земля достаточно прочная, и не осыпается, то ляхьд предпочтительнее, а если земля рыхлая, то лучше делать шаккъ». (Ан-Навави». Конец цитаты из «ал-Маджму». 5/252) (islam Q&A 103880).

Существует также ряд устных установок, передаваемых со ссылкой на таких авторитетов Ислама, как например Имам аш-Шафии, который жил во второй половине VIII-нач. IX вв. и оказал огромное влияние на богословские традиции Ислама, а также на формирование канонов и обрядов, связанных с повседневной деятельностью членов исламской общины. Так, например, Имам аш-Шафии считал допустимым захоронение в яме с вертикальными стенками, ссылаясь на опыт жителей Медины, где песчаный грунт физически не позволяет обустроить в могиле подбой. По той же причине вертикальная яма позволялась жителям Бухары. Но, тем не менее, как следует из общих правил и установок, когда есть возможность всегда надо стремиться к формированию в могиле мусульманина ниши – ляхд. Связано это в том числе с хадисами и преданием о погребении Пророка. Так

описанию могильной ямы посвящены хадисы 565-567, приведенные в сборнике хадисов Ибн Хаджар аль-Аскаляни, где сказано, что Саад ибн Абу Ваккас сказал: «Сделайте в моей могиле нишу и покройте могилу необожженными кирпичами, как это сделали с могилой Посланника Аллаха, мир ему и благословение Аллаха» (цит. по: Кулиев, 2003, с. 115). Существует также придание от Ибн Маджа, аль-Байхаки, что, когда умер Пророк было неясно какой формы должна быть его могила, двое близких сподвижников Мухамеда сделали две могилы - одну в форме шак, а другую в форме ляхд. Тогда дядя Пророка Аль-Аббас ибн Абд аль-Мутталиб взмолился «О, Аллах! Выбери для Своего Пророка наилучшего из этих двух!» после чего отправил посланца к каждому из сподвижников, копавших могилу. Только один из посланников нашел своего адресата и это был тот, кто копал могилу в форме ляхд. Данное событие было воспринято, как знак того, что Аллах услышал молитву и указал таким образом нужный формат погребения Пророка.

Также существует риваят (хадис, передаваемый сходно разными авторами), в котором сказано: «Могила с ляхдом для нас, а с шакк для людей Писания». Подразумевая, что вертикальные ямы могилы подходят для людей Книги – христиан, иудеев и сабиев, но не мусульман.

Из всего указанного выше следует, что наличие подбоя является практически обязательной составляющей при совершении исламского погребения. Исключением может быть сложная геоморфологическая ситуация, когда возможно обрушение свода.

Наличие гроба в мусульманском погребении

Известно, что ни в Коране, ни в Сунне нет прямого ограничение на использование гробов. В различных мазхабах существуют разные степени допустимости использования погребального короба. В ханафитском мазхабе, которого придерживаются крымские татары, допустимо использование гроба в погребении в случае, если на кладбище рыхлый или излишне обводненный грунт и в случае захоронения в море. Во всех остальных мазхабах захоронение в гробу считается нежелательным, поскольку Пророк не передавал такой традиции, но в исключительных случаях допустимо (Аз-Зухайли, 1997, с. 158; Али-заде, 2007, с. 181).

Перекрытия внутри могилы

При захоронении на лицо человека не должна попасть земля, поэтому независимо от формы могильной ямы - ляхд или шакк, тело человека, особенно лицо, должно быть перекрыто и защищено от грунта, а уже сверху на перекрытие насыпается грунт. В исламе также достаточно жестко определены материалы, которые можно использовать в качестве перекрытия в могиле. Существует устойчивое предание от современников Мухаммада, что могила Пророка была закрыта необожженным кирпичом и тростником и именно эти указанные материалы считаются идеальными для перекрытия погребальной ниши. Также есть запрет на использование обожжённого кирпича и струганных досок при погребении, так как они обычно применяются при строительстве домов и их украшении, а мертвым украшения не нужны. Исключением являются случаи, где такие материалы используются из-за отсутствия альтернативы. Кроме того, по тем же причинам не следует штукатурить стены могилы (islam Q&A 9986).

Погребение более одного человека в могиле.

В обычных случаях в Исламе запрещено закапывать в одной могиле более одного человека. По мнению исламских ученых эта традиция восходит к погребению Адама и при обычных обстоятельствах нарушать ее не следует. Однако существуют как минимум два исключения: когда много умерших единовременно или мало свободной земли для погребения. В этом случае допустимо захоронение более одного человека в одной могиле, но и этот порядок также строго регламентирован (islam Q&A 203334; 96667).

Положение тела в могиле

Относительно положения тела в могиле также существует жесткий регламент. Руки в погребении должны быть вытянуты вдоль тела (Али-заде, 2007, с. 179) и таким образом тело будет спелёнато, то есть невозможна ситуация, когда руки окажутся в могиле в произвольном состоянии. То же касается и общего положения тела и головы – рекомендуется укладывать тело с небольшим доворотом к кибле, нередко, как показывает личный этнографический опыт, для фиксации тела в таком положении, под левую сторону умершего подсыпают грунт или подкладывают плоские камни. Голова должна быть повернута таким образом, чтобы лицо было обраще-

но к кибле. Эта норма является обязательной у всех мусульман. Исключение составляют маликиты, у которых данное положение головы считается только лишь желательным. (Али-заде, 2007. С. 181)

Наличие погребального инвентаря в могиле мусульманина

В мусульманской традиции, как и во всех авраамических религиях, подчеркивается, что человек не сможет ничего забрать с собой из земной жизни. Вследствие этого запрещено класть вещи в могилу, так как это является прямой отсылкой к вере в загробную жизнь в соответствии с языческими канонами. Но и в этом случае есть исключение из правил – это касается погребения шахида. Если мужчина пал в бою, то его труп не следует омывать, как это делается с телами умерших своей смертью, и в этом случае шахида хоронят в тех вещах, в которых он погиб. (Али-заде, 2007, с. 180)

Надмогильные сооружения, наземные гробницы и мавзолеи святых

Наличие надмогильных сооружений является темой активной дискуссии в Исламе. В различных мазхабах существуют различные точки зрения на возможность установки намогильных памятников. Однако большинство сходится на том, что идеальным форматом будет небольшой могильный холм, высотой не более пяди. Допустима установка камня с целью не потерять могилу. Все остальные аспекты данного раздела, включая надписи на камне остаются дискуссионным. Также общим для всех мазхабов считается недопустимым установка роскошных надгробий, которые являются порождением гордыни и служат целям прославления покойного (Али-заде, 2007, с. 182).

В отдельных регионах мира, где исповедуют ислам, существуют традиция установки крупных мавзолеев над могилами святых и проведения ритуалов, связанных с поклонениями таким святым местам. Однако с точки зрения классических норм ислама почитание Бога и служение ему должно проходить в соответствии с тем, как это делал сам пророк Мухаммад. Любые привнесенные после смерти Пророка новшества должны считаться отходом от классического канона. По мнению многих исламских ученых поклонение могилам святых или мучеников является ересью (бид-а) и отступлением от важного исламского принципа Единобожия (Али-заде, 2007, с. 636; islam Q&A 130919).

В данном разделе были рассмотрены ключевые принципы ислама, следы применения которых могут быть прослежены в процессе археологических раскопок. Далее попытаемся сравнить приведенные выше данные с практическими наблюдениями и результатами, полученными в процессе изучения погребального обряда мусульманского населения Крыма в золотоордынский период и в период Крымского ханства.

Особенности погребения на мусульманских некрополях Крыма на примере могильников Кырк-Азизлер и Живописное 1

Принятие ислама в Золотой Орде в качестве государственной религии и распространение его практически на весь степной мир, естественно, привело к изменению погребальной обрядности. Однако, как показывают раскопки, проведенные в последние годы, в том числе и в Крыму, изменение это происходило плавно. Несмотря на то, что ислам требует жесткого канона в соблюдении обряда похорон, на первом этапе принятия населением новой религии не все элементы мусульманской погребальной обрядности были восприняты однозначно и безоговорочно.

Как уже было указано выше, среди предложенных Г.А. Федоровым-Давыдовым таксонов погребальных комплексов, можно выделить группу общих признаков для формы погребений, которая с одной стороны сформировалась задолго до принятия Ислама в регионе, а с другой стороны, если и несет в своем составе признаки отхода от классической исламской традиции, то является вполне допустимой в пределах дозволенного (халял) или если и порицаемого (макрух), то незначительно, что в рамках адатов вполне укладывается в нормы ханафитского мазхаба. Особенно это заметно на раннем этапе исламизации. При этом в отдельных случаях мы имеем и прямое нарушение правил (харам) погребальной исламской традиции, как, например, с помещением вещей в могилу в качестве погребального инвентаря. О наличии подобных нарушениий мы можем с уверенностью говорить не только на ранних этапах исламизации крымскотатарского населения, но и в периоды, когда ислам занимал место государственной религии, как например, на могильнике XVI–XVII вв. Живописное 1 (погребение

52), где была похоронена девочка с большим количеством бус, бисера и сережками (Меньшиков, Юнкин, 2019, с. 204). И если наличие бисера можно было бы объяснить расшитым покрывалом, которым прикрыли лицо погребенной, не вкладывая в это действие желание украсить могилу или положить богатый предмет с собой, то наличие сережек очевидно является погребальным инвентарем.

Как показали работы последних лет, более четкое соблюдение исламской традиции и приверженность канонам характерны для населения, связанного с ранней городской структурой Золотой Орды, а позднее и Крымского ханства. То есть население таких древнейших городских пунктов, как Солхат (Старый Крым) или Эски-юрт (Бахчисарай), раньше обитателей окрестных территорий и северо-крымских степей начинают соблюдать исламский этикет погребений более последовательно. Наиболее показателен в этом плане могильник Кырк-Азизлер, исследованный в 2017–2018 гг., в том числе, под руководством автора. Могильник расположен на северной окраине города Бахчисарай и является городским некрополем мусульманской знати второй столицы Крыма. При этом все равно, в результате раскопок было выявлено около 4% погребений, где нарушается обрядность, связанная с помещением предметов в могилу (Меньшиков, Волошинов, 2021, с. 194–202). В региональных сельских некрополях процент вариативности поз, погребальных конструкций, наличия погребального инвентаря значительно выше. Отчасти такое разделение может быть объяснено более глубокой вовлеченностью городского населения в экономическую и гражданскую жизнь, что в свою очередь требует грамотности, необходимости присягать при проведении коммерческих сделок и в суде, навыков математики, а в исламском мире все это возможно и допустимо лишь при знании Корана, что безусловно требует от носителей городской культуры большего погружения в ислам. В связи с этим можно говорить, что по крайней мере на раннем этапе, соблюдение норм ислама при погребении городского населения, гораздо строже, чем населения сельского.

Для сравнения погребальной обрядности доисламского и раннеисламского населения Крыма в вопросах конструкции погребального сооружения мы будем использовать типологию предложенную Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966, с. 124–130), что позволит посмотреть, как доисламские погребения коррелируются с обязательной в исламе концепцией формы погребальной ямы *(ляхд и шакк)* и сравним приведенные выше установки погребального обряда, основанные на нормах шариата с практикой, выявленной в ходе раскопок мусульманских некрополей на территории Крыма. Следует обратить внимание, что все приведенные типы погребений в доисламской традиции в типологии Г.А. Федорова-Давыдова являются подкурганными или впускными в курганы, что недопустимо для мусульманской традиции. Поэтому сравниваться будет лишь заглубленная часть могильной конструкции.

Форма могильной ямы

Для начала выделим отдел и типы погребений кочевников-язычников, которые не противоречат классическому исламскому погребальному обряду по форме могильной ямы. Из предложенных Г.А. Федоровым-Давыдовым в систематизации отделов погребений по положению тела и наличию/отсутствию коня единственный отдел, который допустим по нормам шариата это отдел А (без коня, головой на запад) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 124). Остальные отделы содержат недопустимые для ислама элементы, что привело к полному отказу мусульманского населения от форм погребальных конструкций, описанных в других отделах.

А I – простая яма, иногда перекрытая плахами поперек могилы.

Такие погребения получают широкое распространение за пределами Крыма еще в I период, который датируется Г.А. Федоровым-Давыдовым X-XI вв. (1966, с. 124, 134).

А II – яма с уступом вдоль северной стены. Иногда плахи лежат одним концом на уступе другим на краю могилы.

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова данная группа погребений появляется в II периоде, который датируется XII в., также за пределами Крымского полуострова (1966, с. 142–145).

А V – подбой в южной стене. Дно подбоя ниже дна ямы. Иногда закрыт плахами

А VI – яма с подбоем в южной стене и уступом вдоль северной.

Г.А. Федоров-Давыдов фиксирует обряды типа AV и AVI в Нижнем Поволжье, относя

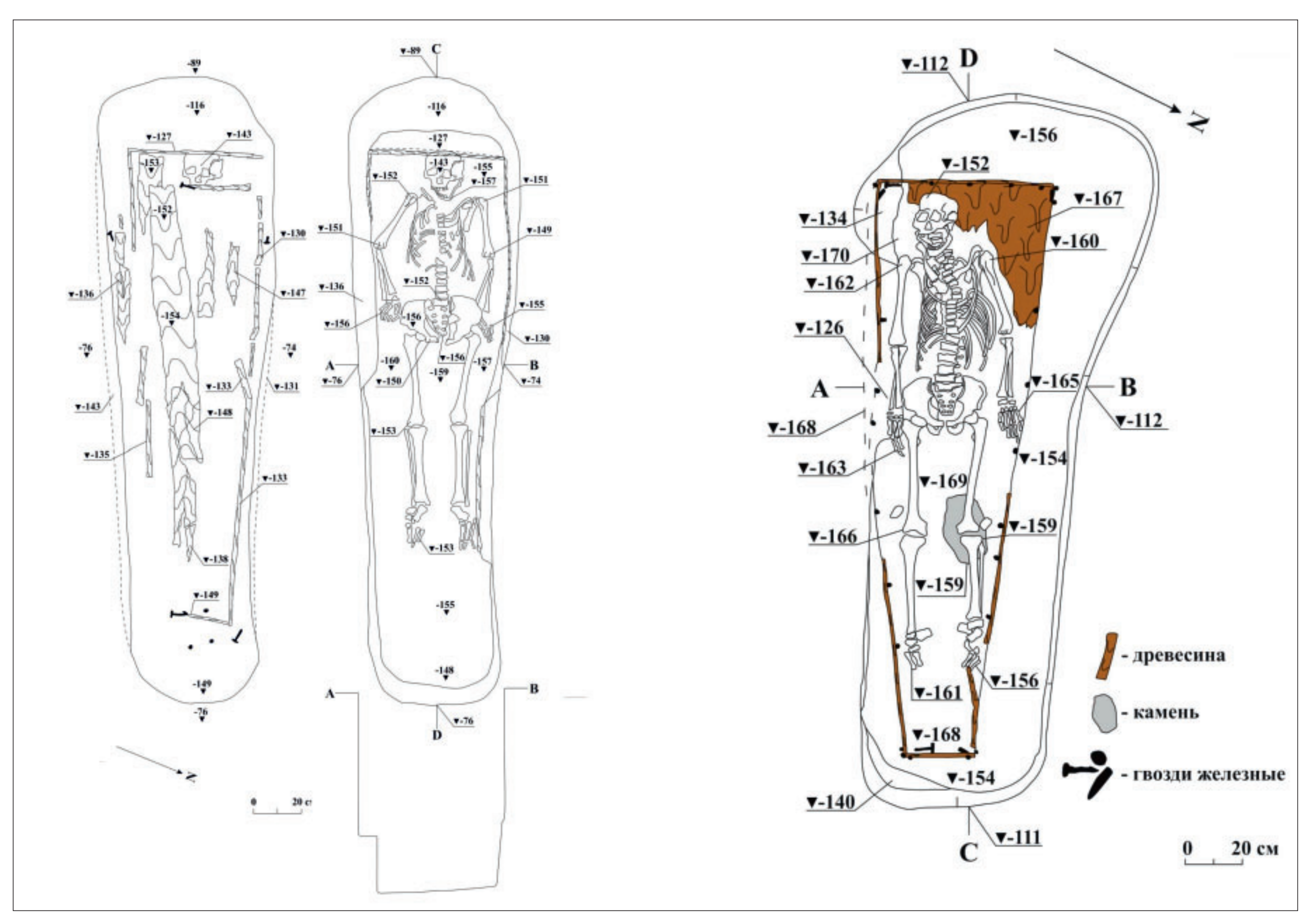

Рис. 1. Погребения с использованием гроба в обряде захоронения.
Fig. 1. Burials with the use of a coffin in burial rites.

их появление к IV периоду, то есть к началу монгольских завоеваний (1966, с. 150–151).

А VIII – в яме, в прямоугольном каменном ящике. Данный тип захоронения Г.А. Федоров-Давыдов выявляет в IV периоде на территории северо-западного Кавказа (1966, с. 150–151).

А IX – в яме, в прямоугольном кирпичном ящике (Федоров-Давыдоы, 1966, с. 124). Как показывают последние исследования, для Крыма более характерно наличие деревянного ящика.

Все представленные типы погребений данного отдела встречаются на некрополях Кырк-Азизлер и Живописное 1. Как показано в работе Г.А. Федорова-Давыдова зарождение подобных типов погребальных конструкций происходит задолго до распространения ислама в среде тюркоязычных кочевников. Именно эти представленные группы, формат которых не входит в жесткое противоречие с нормами джаназы, наследуются мусульманским населением и, вытеснив остальные формы погребальных ям, становятся распространенными в Крыму, по крайней мере на первом этапе исламского периода Золотой Орды.

Наличие гроба

Среди 104 погребений могильника Кырк-Азизлер, исследованных в 2018 году, не менее 13 могил содержали фрагменты или признаки наличия гробов, собранных с помощью гвоздей (Волошинов, Меньшиков, 2020, с. 16). Погребения, в которых выявлены остатки гробов, укладываются, на основании планиграфии, в ранний период бытования мусульманского могильника и могут быть широко датированы XIV–XV вв. (рис. 1). Несмотря на бытующее высказанное в устных разговорах мнение, что наличие гроба в раннемусульманских погребениях является результатом контактов с христианским населением, автор данной статьи придерживается мнения, что наличие гроба в исламских погребениях Крыма скорее восходит к более ранней языческой традиции. Подкурганным погребениям с гробами начала II тыс. н.э. посвящен целый раздел в работе Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 129–130). В Заволжье наличие

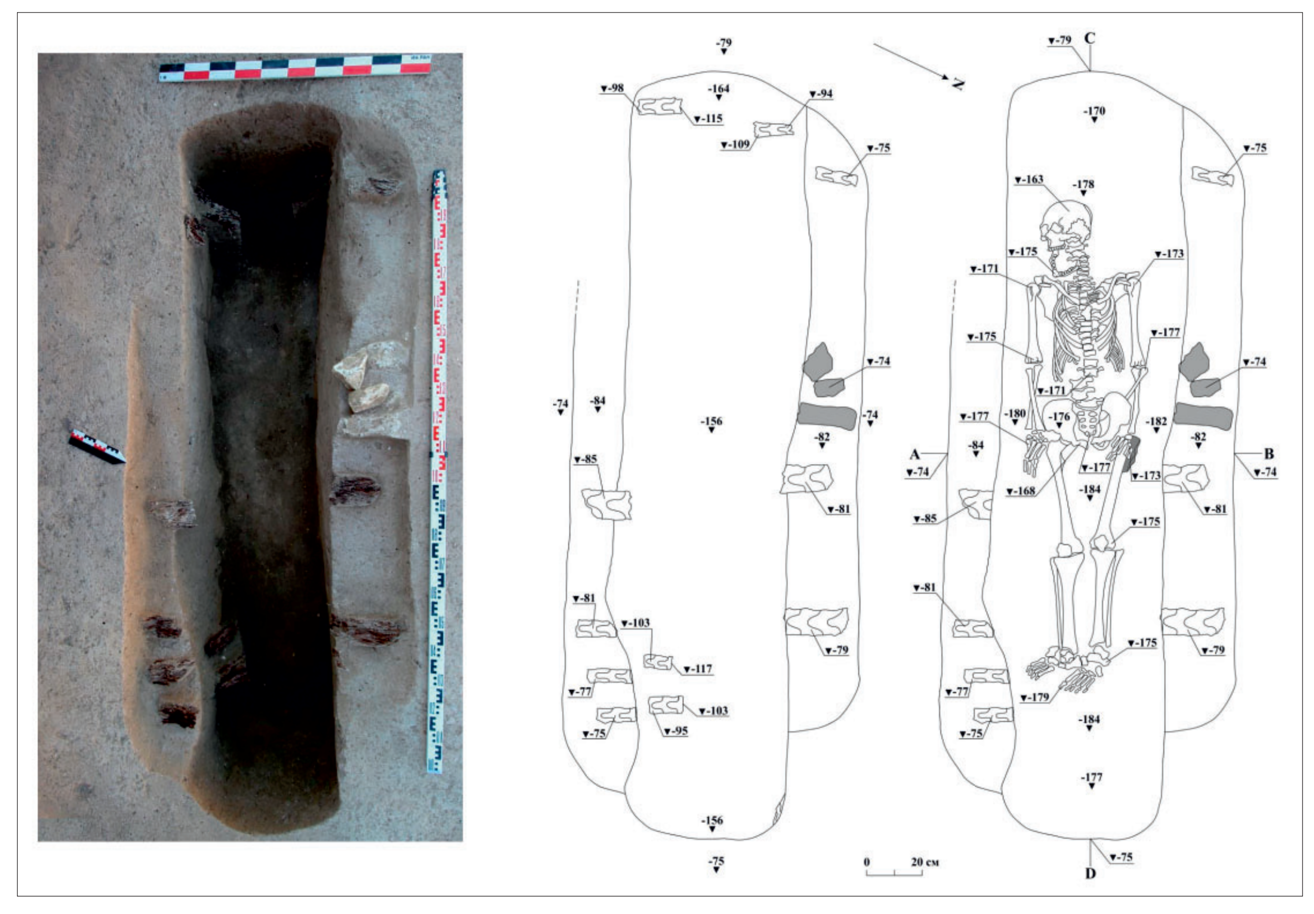

Рис. 2. Погребение с использованием перекрытия из досок.
Fig. 2. Burial using planks as a covering.

гроба прослежено в подкурганных захоронениях XII – нач. XIII вв. с инвентарем (Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 200–201). На территории Крыма остатки деревянных конструкций в могилах кочевников-язычников первых веков II тыс. н.э. были прослежены при раскопках курганной группы Фонтан (Меньшиков, Рукавишникова, Горболь и др., 2020, с. 181–187).

При этом следует отметить, что в могильнике Живописное 1, который датируется XVI–XVII вв., признаки наличия гробов не выявлены. Представленная ситуация позволяет высказать предположение, что наличие гробов характерно лишь для раннеисламской традиции в Крыму, что позволяет связать эту часть обряда с традицией, унаследованной у более раннего языческого кочевого населения Крыма.

Сходной точки зрения об использовании гробов в погребениях мусульман для территории Золотой Орды за пределами Крыма придерживается в своей работе Д.М. Васильев (2007, с. 105–106).

Перекрытия внутри могилы

Среди мусульманских погребений могильников Кырк-Азизлер и Живописное 1 очень часто встречаются погребения с перекрытием из деревянных плах, лежащих поперек могилы (рис. 2). Иногда они опираются на два выступа, перекрывая шакк, а иногда расположены в могиле под углом, перекрывая ляхд. Аналогичный погребальный элемент является нередким в немусульманских ранних золотоордынских погребениях как в Крыму, так и за его пределами. Остатки таких перекрытий прослежены в могилах с погребальным инвентарем, в том числе и с северной ориентировкой, которая, вероятно, характерна для монгольских погребений (Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 164, 390). Следы такого же перекрытия прослежены и в немусульманском погребении на окраине некрополя Кырк-Азизлер (Меньшиков, Волошинов, 2021, с. 203–205). Помимо очевидно языческих захоронений с подобным конструктивным элементом и погребений раннего исламского горизонта, за пределами Крыма

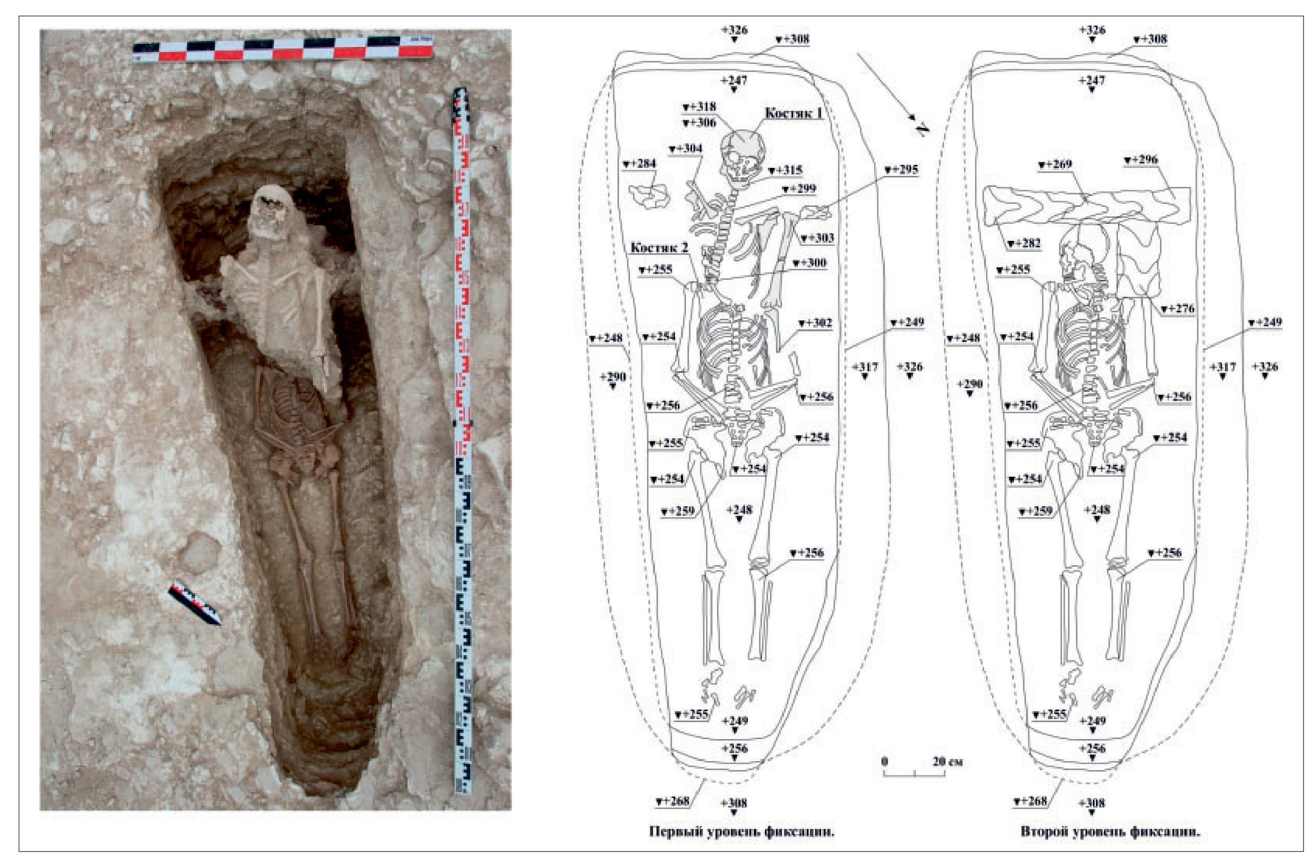

Рис. 3. Пример погребения двух человек в одной могиле.
Fig. 3. Example of the burial of two deceased in a grave.

известны могилы и явно синкретического облика: например, подкурганное захоронение с инвентарем, среди которого встречен коранический амулет. (Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 150), что позволяет говорить тут о преемственности этого элемента обряда. Кроме дерева для перекрытия ляхда в погребениях могильника Кырк-Азизлер нередко использовался камень.

Погребение более одного человека в могиле

В процессе исследования могильника Кырк-Азизлер был выявлен единичный случай подхоронения второго человека в могилу (рис. 3). При этом было очевидно, что после первого захоронения уже прошло время и грунт в могиле просел и уплотнился. Также в могилу просело деревянное перекрытие ямы, которое было прослежено в районе головы более раннего погребения. Перекрытие опиралось одним краем на ступеньку вдоль северного борта, а вторым, вероятно, на край могильной ямы. Второе погребение было совершено не глубоко, непосредственно в более раннюю могильную яму, поверх деревянного перекрытия. Оба погребенных мужчины, возрастом 40–49 и 35–45 лет. Формат совершенного погребения не предполагает наличия условий, оговоренных в джаназе для захоронения более одного человека в могиле. Наличие широкой прослойки земли между погребенными говорит о том, что данные захоронения не были единовременными и не являются последствиями эпидемии, когда бы допускалось захоронение в одной могиле для ускорения процесса. Также нельзя говорить об ограничениях, связанных с пространством, где можно производить захоронения. Таким образом данное подхоронение, причины которого не известны, не вписывается в рамки мусульманской традиции, допускающей коллективное захоронение при определенных обстоятельствах и его можно считать нарушением классического мусульманского обряда.

Положение тела в могиле

В мусульманских погребениях средневекового Крыма существует некоторая вариативность положения тела. Само тело в могиле бывает как вытянуто на спине, так и довернуто на бок в сторону киблы. Иногда для устойчивого положения на боку под спину подсыпали грунт или подкладывали небольшие плоские камни. Голова не всегда развернута

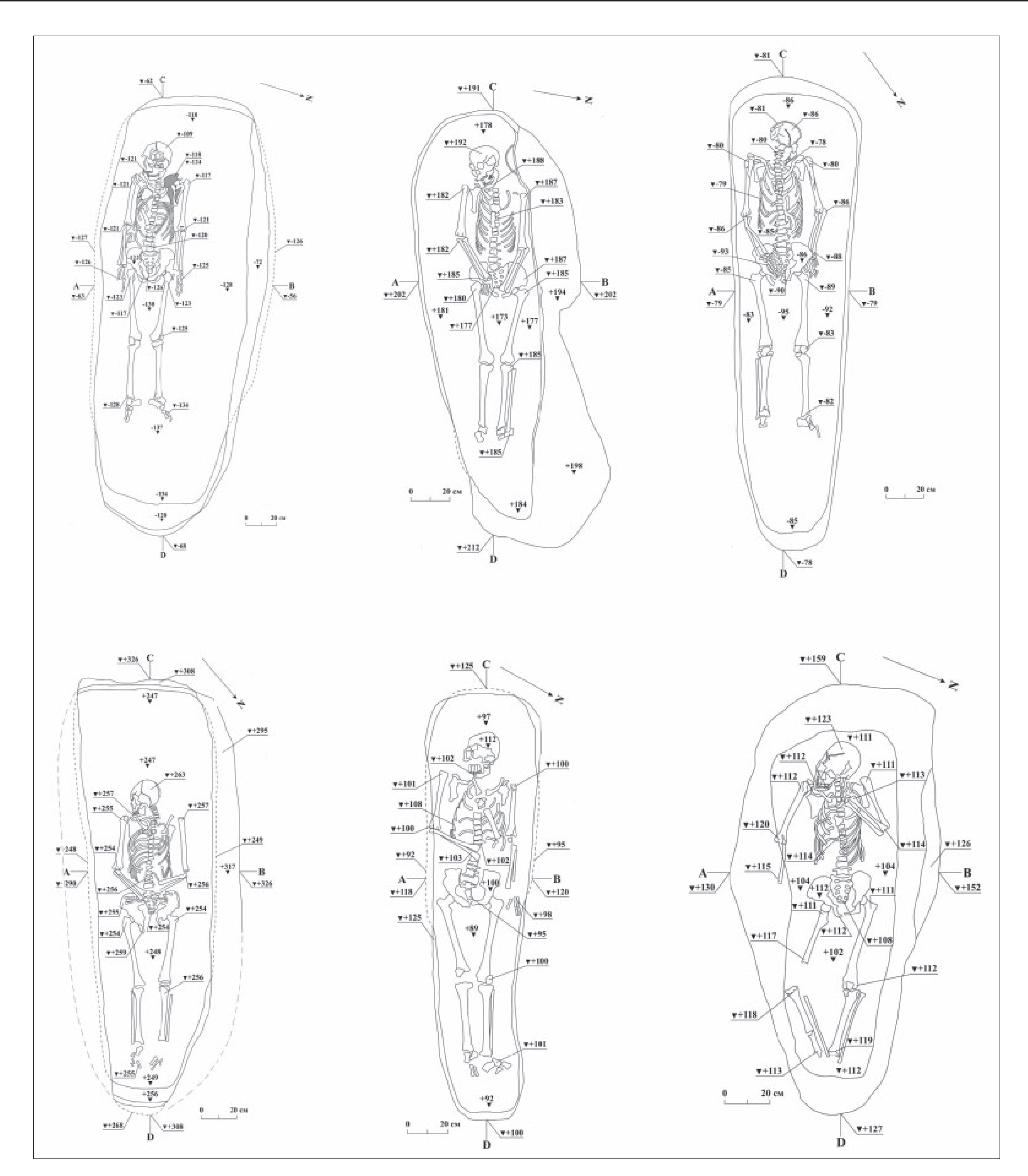

Рис. 4. Некоторые примеры положения рук погребенных, характерные для раннего этапа формирования мусульманского некрополя в Крыму.

Fig. 4. Some examples of the position of the hands of the buried, characteristic of the early stage of the formation of the Muslim necropolis in Crimea.

лицом в сторону киблы. Вычислить ситуации, когда положение головы было задано, а когда краниальный скелет занял случайное положение – не всегда возможно. Наибольший отход от традиций классического ислама в этом разделе мы видим в положении рук (рис. 4). В настоящий момент в погребениях на могильнике Кырк-Азизлер на участке, который можно отнести к раннеисламскому золотоордынскому периоду Крыма, нами фиксируется восемь основных положений рук.

1. Обе руки вдоль тела.
2. Руки согнуты, так что кисти лежат в районе таза.
3. Одна рука согнута-кисть в районе таза, другая вдоль тела. Два варианта: правый и левый.
4. Кисти рук на животе.

5. Одна рука согнута, кисть лежит на животе, другая вдоль тела. Два варианта: правый и левый.
6. Кисти рук на груди.
7. Кисти рук у лица.
8. Левая рука у лица, другая вдоль тела.

Из приведенных выше вариантов положения рук, вариант 1 идеально укладывается в нормы предписанные джаназой. Варианты 2-5 являются незначительными отступлениями от нормы, которые могут быть связаны с процессом пеленания тела, но варианты 6–8 категорически не соответствуют правилам мусульманского погребения.

При этом на могильнике более позднего времени Живописное 1 мы видим абсолютно иную ситуацию: из 67 погребений в 45 случаях руки вытянуты строго вдоль тела, что идеально соответствует традиции, в остальных случаях руки слегка согнуты в локте и кисти рук расположены либо в районе таза, либо в районе живота. Последнее является незначительным отклонением от нормы и при этом мы видим полное отсутствие ситуации с положением рук на груди и у лица.

Наличие погребального инвентаря в могиле мусульманина

Погребальный инвентарь редко, но тем не менее стабильно встречается как в ранних мусульманских погребениях (Меньшиков, Волошинов, 2023. в печати), так в погребениях XVI–XVII вв. (Меньшиков, Юнкин, 2019, с. 204). Очевидно, что с развитием ислама в регионе количество мусульманских погребений с инвентарем значительно сокращается. Среди предметов, которые чаще всего встречаются в захоронениях в качестве инвентаря можно отметить следующие:

1. Сердоликовые бусы, которые использовались, на мой взгляд, в качестве пуговиц и обнаруживаются обычно в районе нижней челюсти и шейных позвонков (рис. 5).
2. Костяные или роговые пуговицы.
3. Бусы и бисер из стекла, камня и перламутра, как в виде ожерелий, так и в виде нашивок на ткань, в которую мог быть завернут погребенный.
4. Серьги.
5. Крупные железные предметы (замок, ножницы).
6. Известно об одном случае обнаружения на груди у погребенного крупного камня с отверстием и подработанными краями.
7. Также известно о находке древнерусской бронзовой подвески на одном из погребенных в могильнике Кырк-Азизлер при раскопках в 2017 году.

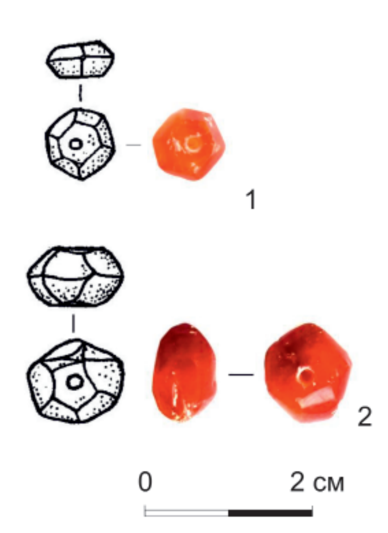

Рис. 5. Сердоликовые бусины, обнаруженные в районе ворота погребенных мусульманского некрополя Кырк-Азизлер. Вероятно, использованные в качестве пуговиц на погребальной одежде.

Fig. 5. Carnelian beads, found in a collar zone of the buried in the Muslim necropolis of Kyrk-Azizler. Probably used as buttons of burial garment.

Надмогильные сооружения, наземные гробницы и мавзолеи святых.

Для Крыма использование надмогильных конструкций из камня или кирпича чрезвычайно распространено (рис. 6). И на начальном этапе исламизации Крымского полуострова и в новое время намогильный камень – *башташ* – очень часто встречается на территории некрополей. Наиболее ранние из известных на сегодняшний день надгробий, происходят с некрополей Солхата (Гаврилов, Майко, 2014, с. 52–54) и Кырк-Азизлера (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 295–311; Иванов, 1989, с. 24–30). Включая и роскошные из привозного мрамора (Боданинский, 1916, с. 127), богато украшенные, в том числе изображением мифического животного – кентавра. (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 303–304). С одной стороны, это абсолютно противоречит догматам Ислама (Аль-Бухари, 1997, с. 1885, хадис № №5950, 5951, с. 1887; хадисы №№ 5961, 5963; Ичетовкина, 2015, с. 309–310), однако мы знаем, что нередко это противоречие игнорировалось, особенно на территориях, которые находились под влиянием в том

Рис. 6. Эски-юрт в 1793 г. Рисунок П.С. Палласа. На заднем плане мавзолеи-дюрбе, на переднем плане надгробия (*башташ*).
Fig. 6. Eski Yurt in 1793 (by P.S. Pallas). In the background there are mausoleums-durbe, in the foreground are gravestones (*bashtash*).

числе суфиского учения (Ичетовкина, 2015, с. 311–312). Существует целый ряд изображений на предметах декоративно-прикладного искусства татар в Крыму мифических существ (кентавр, дэвы), которые имеют полные аналогии средневековым изображениям на территории современного Ирана.

Помимо надгробий распространенным типом поминально-погребальных памятников в Крыму являются мавзолеи-дюрбе (Боданинский, 1927, с. 195–201; Сейдалиев, 2022, с. 251–255). Кроме захоронений знатных людей, мавзолеи Крыма также нередко являлись азизами (Зайцев, 2015, с. 110), то есть погребениями мусульманских святых. Один из таких азизов возможно был расположен и на некрополе Кырк-Азизлер (Башкиров, Боданинский, 1925, рис. 1; Меньшиков, Волошинов, 2021, с. 196). Кроме того, известно об аллее купольных гробниц, в некоторых из которых лежало до пяти скелетов, в том числе в гробах (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 308–311). Приведенные выше свидетельства сложных надмогильных сооружений в той или иной степени выбиваются из рамок классической погребальной обрядности.

На фоне исследованных некрополей с многочисленными надгробиями, сельский могильник XVI–XVII вв. Живописное 1, где не выявлено никаких признаков намогильных камней, является исключением.

Заключение

Таким образом, мы можем говорить, что, работая на мусульманских некрополях Крыма XIV–XVII вв. удалось выявить признаки эволюции обряда погребения: от кочевнического языческого к более традиционному мусульманскому, который, однако, все равно не исключает полностью элементов синкретизма (иногда укладывающихся в представления о допустимом в пределах адатов), коих со временем становится все меньше. В процессе этой эволюции отдельные элементы погребального обряда утрачиваются, другие адаптируются в рамках адатов, а третьи сохраняются без изменений и продолжают бытовать вплоть до нового времени. Можно говорить о том, что под влиянием ислама происходит постепенная фильтрация обрядовой части. Сначала резко вытесняются наиболее характерные кочевнические языческие черты погребения, с которыми связаны ярко выраженные обряды и которые визуально заметны после совершения погребения. Например, такие как использование туши коня в тризне с последующим ее погребением или обряды, связанные с курганной насыпью. Затем со временем корректируются и/или исключаются и как бы второстепенные элементы обряда, которые не имеют внешних признаков на поверхности кладбища после совершения погребения, исключая надгробия.

Следует еще раз отметить, что параллельно с формами погребальных сооружений выделенных Г.А. Федоровым-Давыдовым в отдел А, которые продолжают использоваться в регионе после торжества ислама, в среде тюркоязычных кочевников, в том числе и Крыма, в начале II тыс. н.э. развивается большое число и иных разновидностей погребений, включая вариации с ориентировкой тела и наличием коня в могиле. И лишь с появлением ислама, приведенные выше типы погребальных сооружений «отфильтровываются» из общего разнообразия языческих форм, продолжая бытовать из-за их близости к традиционным

формам мусульманского погребения, с учетом принятой в ханафитском мазхабе традиции адатов.

Обустройство заполнения могилы также эволюционирует постепенно, приходя к единому стандарту, предписанному каноническим исламом. Если в ранних мусульманских погребениях мы видим возможность помещения погребенного в гроб или оставление в погребении отдельных элементов одежды, маркерами которых является наличие пуговиц, вместо полной ее замены саваном, то с развитием мусульманской культуры в Крыму, такие элементы встречаются реже.

Однако, как показывает практика, некоторые отголоски синкретизма в погребальном обряде, такие как помещение сопроводительного инвентаря в могилу, не удается искоренить в мусульманской среде даже в эпоху развитого Ислама на Крымском полуострове в XVII в. (Меньшиков, Юнкин, 2019, с. 204).

Интересно, что относительно похожие тенденции можно отметить в это время и для Руси, где христианские некрополи постепенно заменяют курганный обряд погребения, но при этом традиция помещения предметов, которые должны сопровождать покойного еще местами встречается (Панова, 2004, с. 147–151, 162–163).

ЛИТЕРАТУРА

Аз-Зухайли Вахба. Исламский фикх и его доводы. al-Fiqh al-islāmī wa-adillatuhū (The Islamic jurisprudence and its evidences). Издание в 8 тт. 4th ed., Damascus, Syria: Dar al-Fikr 1997 Т. 2. 872 с. (на арабском языке) Доступно по URL: https://www.noor-book.com/en/ebook-الفقه-الاسلامي-وادلته-ا-د-وهبه-الزحيلي-pdf (дата обращения: 24.03.2024).

Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар. 2007. 400 с.

Аль-Бухари М. Сахих аль-бухари [Свод хадисов имама аль-Бухари]: в 5 т. -Бейрут: аль-Мактаба аль-'асрийя. 1997. Т. 4. Доступно по URL: https://umma.ru/hadisy-pro-izobrazhenie-fotografii-statuetki-iskusstvo (дата обращения 24.03.2024).

Башкиров А., Боданинский У. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт // Новый восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.

Боданинский У. Бахчисарайские памятники. // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1916. Т. 6. С. 125–129.

Боданинский У. Татарские «Дурбе»-мавзолеи в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). № 1(58) / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь. 1927. С. 195–201.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский университет. 2007. 170 с.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Исследования могильника Кырк-Азизлер в 2018 г // История и археология Крыма. Вып. XI / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Колорит, 2019. С. 65–72.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю. Элитный золотордынский некрополь и поселение кырк-Азизлер на окраине Г. Бахчисарая. Республика Крым // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III / Отв. ред. А.П, Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 15–16.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов В.В. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2008 г. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров М.: ИА РАН, 2019. С. 211–237.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов В.В. Исследования мусульманского могильника Кырк-Азизлер // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 280–283.

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.

Евглевский А.В., Потёмкина Т.М. Восточноевропейские позднесредневековые сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл.ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 117–179.

Зайцев И.В. Ислам в Крыму в XIV-XVIII веках // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 103–128.

Зиливинская Э.Д. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского / Ред.-сост. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 95–134.

Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 24–31.

Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: БГПУ, 2014. 396 с.

Ичетовкина А.Д. Исламское искусство: от запретов изображений к сакрализации в каллиграфии // Религия и/или повседневность: материалы IV Международной научно-практической конференции (Минск, 16–18 апреля 2015 г.) / Ред. С.И. Шатравский, М.В. Казмирук Минск: РИВШ, 2015. С. 309–315.

Копьева Т.А., Колтухов С.Г. Исследование курганов в окрестностях сел Ароматное и Крымская Роза в Белогорском районе Крыма // История и археология Крыма. Вып. III / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 22–35.

Кулиев Э.Р. Булуг аль-Марам. Достижение цели в уяснении священных текстов, на которые опирается мусульманское право / Ибн Хаджар Аль-'Аскалани; Пер. с араб. Кулиева Э.Р. М.: Умма, 2003. 292 с.

Меньшиков М.Ю. Некоторые особенности погребальной каменной архитектуры кочевников XII - нач. XIII в. на Керченском полуострове // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П., Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 342–343.

Меньшиков М.Ю., Волошинов А.А. Археологические свидетельства религиозного синкретизма на территории мусульманского некрополя Кырк-Азизлер // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 02–06 июня 2021 г.) / Ред. В.В. Лебединский. М.: ИВ РАН, 2021. С. 194–202.

Меньшиков, М.Ю., Волошинов А.А. Не исламские погребения на территории мусульманского могильника Кырк-Азизлер // Археология Евразийских степей. № 4. 2021. С. 197–212.

Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В., Горболь Н.Ю., Юнкин Ж.А. Впускные кочевнические погребения XII-XIII вв. в курганах Керченского полуострова, исследованные в 2017 г // Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores / Отв. ред. И.В. Рукавишникова, О.А. Радюш. М.: ИА РАН, 2020. С. 180–199.

Меньшиков М.Ю., Юнкин Ж.А. Мусульманский могильник XVI-XVII вв. Живописное 1 (Республика Крым, Симферопольский район) // История и археология Крыма. Вып. XI / Отв. ред. В.В. Майко. Севастополь: Колорит, 2019.С. 203–208.

Панченко М.В. К вопросу о датировании кочевнических древностей средневековья // Восточноевропейский археологический журнал. 1999. №1 Доступно по URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/011299/panchenko.htm (дата обращения: 24.03.2024).

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Сейдалиев Э.И. Мавзолеи-дюрбе городища Солхат (XIII–XVIII вв.) по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 250–258.

Сейдалиев Э.И. Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2022. № 15. С. 378–388.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Гос. историко-культур. музей-заповедник «Моск. Кремль»; Радуница, 2004. 184 с.

Islam Q&A Ислам в вопросах и ответах. Доступно по URL: https://islamqa.info (дата обращения: 24.03.2024).

Информация об авторе:

Меньшиков Максим Юрьевич, младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); Maxim-menshikov@ya.ru

REFERENCES

Az-Zukhaili Vakhba 1997. *Islamskiy fikkh i ego dovody (The Islamic jurisprudence and its evidences)* 2. Damascus: Dar al-Fikr

Available at: https://www.noor-book.com/en/ebook-الفقه-الاسلامي-وادلته-ا-د-وهبه-الزحيلي-pdf (Accessed: 24.03.2024) (in Arabian).

Ali-zade, A. 2007. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar' (The Islamic Encyclopedic Dictionary).* Moscow: “Ansar” Publ. (in Russian).

Al-Bukhari M. 1997. *Svod khadisov imama al'-Bukhari (Hadith collection by Imam al-Bukhari).* Available at: https://umma.ru/hadisy-pro-izobrazhenie-fotografii-statuetki-iskusstvo (Accessed: 24.03.2024) (in Russian).

Bashkirov, A., Bodaninsky, U. 1925. In *Novyi Vostok (New East*) (8–9), 295–311 (in Russian).

Bodaninsky, U. 1916. In Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelej i lyubitelej prirody (Notes of the Crimean Society of naturalists and nature lovers). 6. Simferopol, 125−129 (in Russian).

Bodaninsky, U. 1927. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 1 (58). Simferopol, 159–172 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoy Orde. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde. Historical and archaeological research).* Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).

Voloshinov, A. A., Men’shikov, M. Yu. 2019. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* 11. Simferopol: “Kolorit” Publ., 22–35 (in Russian).

Voloshinov, A. A., Men’shikov, M. Yu. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. III. Samara: Samara State Pedagogical University, 15–16 (in Russian).

Voloshinov, A. A., Men'shikov, M. Yu., Reznichenko, I. A., Yunkin, Zh. A., Bryzgalov, V. V. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O. V. (eds.). *Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea-Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018)* 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 211–237 (in Russian).

Voloshinov, A. A., Men’shikov, M. Yu., Reznichenko, I. A., Yunkin, Zh.A., Bryzgalov, V. V. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia. 2018 god (Archaeological Discoveries of 2018)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 280–283 (in Russian).

Gavrilov, A. V., Maiko, V. V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym) (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Staryi Krym Town)*. Simferopol: “Business-Inform” Publ. (in Russian).

Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). S*tepi Evropy v epokhu srednevekov’ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 117–179 (in Russian).

Zaitsev, I. V. 2015. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (2), 103–128 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2013. In Stepanenko, V. P., Iurchenko A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh sosedi. K 70-letiiu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo* (*From the Onon to the Thames. Chingissids and their Neighbours. Dedicated to the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky).* Moscow: “Izdatel’skii dom Mardzhani” Publ, 95–134 (in Russian).

Ivanov, A. A. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Severnoe Prichernomor’e i Povolzh’e vo vzaimootnosheniiakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th–16th Centuries).* Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 24–31 (in Russian).

Ivanov, V. A., Garustovich, G. N., Pilipchuk, Ia. V. 2014. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Medieval Nomads on the Border between Europe and Asia).* Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

Ichetovkina, A. D. 2015. In Shatravsky, S. I., Kazmiruk, M. V. (eds.). *Religiya i/ili povsednevnost': materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Minsk, 16–18 aprelya 2015 g.) (Religion and/or everyday life: proceedings of the IV International scientific and practical conference (Minsk, April 16-18, 2015)).* Minsk: Republican Institute of Higher Education, 309–315 (in Russian).

Kop’eva, V. P., Koltukhov, S. G. 2016. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* 3. Simferopol: “Nasledie tysyacheletiy” Publ., 22–35 (in Russian).

Kuliev, E. R. 2003. *Bulug al'-Maram. Dostizhenie tseli v uyasnenii svyashchennykh tekstov, na kotorye opiraetsya musul'manskoe pravo (Bulugh al-Maram. Attainment of the Objective According to Evidences of the Ordinances).* Moscow: “Umma” Publ. (in Russian).

Men'shikov, M. Yu. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. II. Samara: Samara State Pedagogical University, 342–343 (in Russian).

Men'shikov, M. Yu., Voloshinov, A. A. 2021. In Lebedinsky, V. V. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka (Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 194–202 (in Russian).

Men'shikov, M. Yu., Voloshinov, A. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 197–212 (in Russian).

Men'shikov, M. Yu., Rukavishnikova, I. V., Gorbol, N. Yu., Yunkin, Zh. A. 2020. In Rukavishnikova, I. V., Radyush, O. A. (eds.). *Drevnie pamyatniki, kul'tury i progress (A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores) (Ancient monuments, cultures and progress) (A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 180–199 (in Russian).

Men'shikov, M. Yu., Yunkin, Zh. A. 2019. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* XI. Simferopol: "Kolorit" Publ., 203–208 (in Russian).

Panchenko, M. V. 1999. In *Vostochoevropeiskii arkheologicheskii zhurnal (East-European Archaeological Journal)* (1). Available at: http://archaeology.kiev.ua/journal/011299/panchenko.htm (Accessed: 24.03.2024).

Pletneva, S. A. 1990. *Polovtsy (The Cumans.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Seidaliev, E. I. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 250–258 (in Russian).

Seidaliev, E. I. 2022. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*) (15), 378–388 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy* (*Social order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

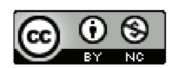
Panova, T. D. 2004. *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyi obriad srednevekovoi Rusi XI–XVI vekov (The Kingdom of Death. Burial Rite of Medieval Rus' in 11th — 16th Centuries)*. Moscow: State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin"; "Radunitsa" Publ., 184 s (In Russian).

Islam Q&A Islam v voprosakh i otvetakh (Islam Q&A Islam in Questions and Answers). Available at**:** **https://islamqa.info** (Accessed: 24.03.2024) (in Russian).

About the Author:

Menshikov Maksim Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Maxim-menshikov@ya.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902:94(47).031 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.318.333

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

©2024 г. Д.Э. Сейдалиева

В статье представлены результаты анализа керамического материала, как исторического источника. В связи с тем, что керамика несет в себе значительную долю информации по хронологии, определению характера ремесленного производства и уровня развития техники и технологий, внешним и внутренним экономическим и этнокультурным связям, идеологическим представлениям, представлены основные выводы по этим аспектам развития золотоордынского Солхата. Керамический комплекс Солхата может выступать своеобразным хроноиндикатором как для ряда городских объектов, так и для комплексов других памятников, где такие керамические изделия могут быть обнаружены. Выделяются хронологические этапы производства и бытования керамических изделий Солхата. Во второй половине XIII в. в комплексах присутствует импортная византийская керамика, в подражание которой на одном из ремесленных комплексов начинается изготовление собственной посуды уже вначале XIV в. В XIV в. доля византийской керамики сокращается, что, вероятно, связано с уменьшением роли Константинополя в международной торговле. Она заменяется в основном продукцией местных центров, продукцией юго-западного Крыма, ремесленных мастерских Поволжья и Ирана, испанской керамикой. В то же время сохраняется селадон и некоторое количество фрагментов сосудов с монограммами, которые исследователи относят к производственным центрам Кафы, Сугдеи или Чембало и датируют серединой XIV в. – 1475 г. В связи с расширением городской черты ликвидируются старые производственные центры («Караван-сарай») и создаются новые («Бокаташ»). С переходом массового производства на территорию Бокаташа II, посуда этих мастерских также появляется на других золотоордынских памятниках. Развитие ремесленных мастерских позволяет проследить ряд хронологических этапов производства глазурованной посуды в Солхате и территории его ближайшей округи.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Солхат, Караван-сарай, Бокаташ, глазурованная керамика, гончарное производство, торгово-экономические связи

GLAZED CERAMICS OF THE GOLDEN HORDE SOLKHAT: POSSIBILITIES FOR HISTORICAL INTERPRETATIONS

D.E. Seidalieva

The article presents the results of an analysis of ceramic material as a historical source. Due to the fact that pottery bears a significant share of information on chronology, determining the nature of craft production and the level of development of techniques and technology, external and internal economic, ethnic and cultural relations, ideological views, the main conclusions on these aspects of the development of the Golden Horde Solkhat are presented. The Solkhat pottery assemblage can act as a kind of chrono-indicator both for a number of urban objects and for complexes of other monuments where such pottery can be discovered. The chronological stages of production and use of Solkhat ceramic products are distinguished. In the second half of the XIII century the complexes contain imported Byzantine pottery, in imitation of which one of the craft complexes began making its own ware already at the beginning of the XIV century. In the XIV century the share of Byzantine pottery is decreases, which is probably connected with the weakening of Constantinople's position in international trade. It is replaced mainly by products of local centers, products of the southwestern Crimea, craft workshops of the Volga region and Iran, and Spanish ceramics. At the same time, celadon and a number of fragments of vessels with monograms are preserved, which specialists attribute to the production centers of Caffa, Sugdea or Chembalo and date back to the middle of the XIV century – 1475. In connection with the expansion of the city, old production centers (“Caravanserai”) are liquidated and new ones (“Bokatash”) are created. With the transition of mass production to the territory of Bokatash II, the ware from these workshops also appear on other Golden Horde sites. The development of craft workshops allows us to trace a number of chronological stages in the production of glazed pottery in Solkhat and the territory of its surroundings.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Solkhat, Caravanserai, Bokatash**,** glazed pottery, pottery production, trade and economic relations

Городище Солхат расположено в юго-восточной части Крымского полуострова, на месте современного города Старый Крым. В XIII в. город стал столицей Крымского Юрта Золотой Орды. Выгодное политико-географическое и торгово-экономическое положение обусловило быстрое превращение обычного поселения в крупный городской, административный и культурный центр региона (Крамаровский, 2012, с. 8).

Многолетние раскопки Солхатского городища и памятников его ближайшей округи позволили получить значительный объем археологического материала, большая часть которого сейчас находится в фондах ГБУ РК «Литературно-художественный музей» (г. Старый Крым) и Музея истории и археологии (г. Старый Крым), который является отделом ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия». Отдельные находки также хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), в ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» (г. Симферополь) и в Государственном Историческом музее (г. Москва).

Фрагменты и целые экземпляры керамических изделий являются наиболее массовой категорией материала, происходящего из археологических раскопок памятников практически всех эпох. В связи с этим керамика несет в себе значительную долю информации по хронологии, определению характера ремесленного производства и уровня развития техники и технологий, внешним и внутренним экономическим и этнокультурным связям, идеологическим представлениям.

Керамический комплекс Солхата может выступать своеобразным хроноиндикатором как для ряда городских объектов, так и для комплексов других памятников, где такие керамические изделия могут быть обнаружены. Таким образом, можно выделить следующие хронологические этапы производства и бытования керамических изделий Солхата. Во второй половине XIII в. в комплексах присутствует импортная византийская керамика, в подражание которой на одном из ремесленных комплексов начинается изготовление собственной посуды уже в начале XIV в. В XIV в. доля византийской керамики сокращается, что, вероятно, связано с уменьшением роли Константинополя в международной торговле. Она заменяется в основном продукцией местных центров (в том числе Кафы и Судака), продукцией юго-западного Крыма, ремесленных мастерских Поволжья и Ирана (кашин), испанской керамикой (люстр). В то же время дорогостоящая продукция дальневосточного производства сохраняется (селадон), также сохраняется некоторое количество фрагментов сосудов с монограммами, которые исследователи относят к производственным центрам Кафы, Сугдеи или Чембало и датируют серединой XIV в. – 1475 г. (Тесленко, 2018, с. 44–46; Майко, 2019, с. 301).

Местное производство также претерпевает изменения. В связи с расширением города и необходимостью строительства новых общественных сооружений (караван-сарай), развитие получает другой ремесленный центр (Бокаташ II), который функционировал уже достаточное время, но как небольшое семейное дело, продукция которого не получила широкого распространения до этого времени и снабжала в основном городской рынок. С переходом массового производства на территорию Бокаташа II, посуда этих мастерских также появляется на других золотоордынских памятниках. В связи с развитием ремесленных мастерских мы можем выделить ряд хронологических этапов производства глазурованной посуды в Солхате и территории его ближайшей округи. Эти этапы в широком понимании совпадают с периодизацией истории города, разработанной М.Г. Крамаровским на основе археологических исследований (Крамаровский, 1989), анализа архитектурных сооружений и письменных источников.

К первому периоду относятся комплексы догородского этапа, в которых нет продукции местных гончарных центров, которые в это время, по всей видимости, еще не функционировали. Тут встречаются в основном византийские сосуды, привозная кашинная (вероятно, поволжская) керамика (рис. 1: 1–8). Отметим, что комплексов этого времени изучено недостаточно, и этот аспект поднятой проблемы еще нуждается в существенном расширении археологической источниковой

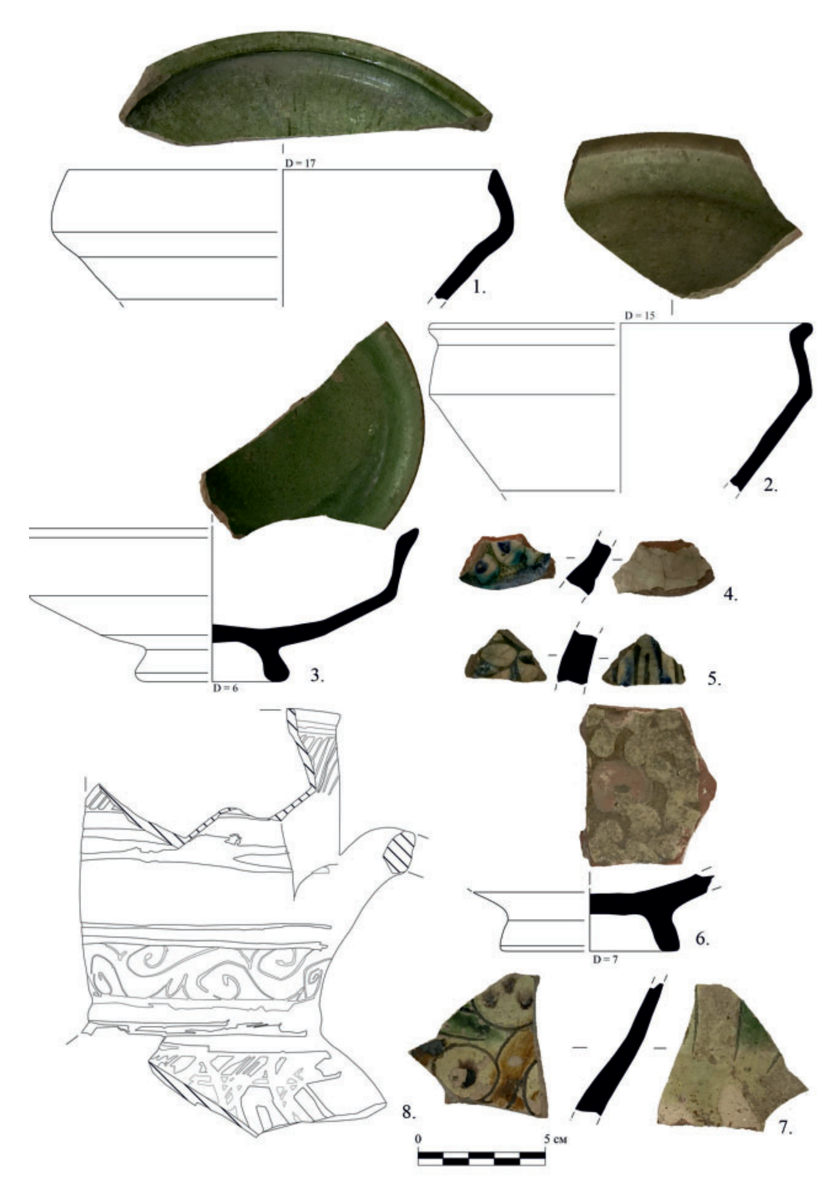

Рис. 1. Глазурованная керамика из комплексов догородского периода. Солхат. СКАЭГЭ–1984. Мавзолей перед мечетью хана Узбека. Раскоп VI. Шурф 4. Яма № 3.
Fig. 1. Glazed ceramics from complexes of the pre-urban period. Solkhat. СКАЭГЭ–1984. Mausoleum in front of the Uzbek Khan Mosque. Excavation VI. Test pit 4. Pit № 3.

базы. Но уже на втором этапе развития Солхата (конец XIII – первая половина XIV в.) в комплексах начинает появляться посуда местного производства и сосуды, производившиеся на других территориях Золотой Орды (рис. 2: 1–5; 3: 1–6) Сохраняются изделия византийских производственных центров, а также местные подражания им. Следует выделить фрагменты и археологически целые формы сосудов так называемой «зевксиповой» керамики («Zeuxippus Derivate», «Zeuxippus Influence Ware», «Zeuxippus Ware Family» и др.), кашинной посуды. Местная ремесленная традиция представлена сосудами раннего бокаташского производства и высококачественной продукцией группы «Солхат/Караван-сарай» (рис. 4: 1–15; 5: 1–5; 6: 1–6). При этом отметим наличие сосудов из группы «Караван-сарай» на территории Бокаташа и наоборот, что связано, вероятно, с обменом опытом между мастерами этих производственных центров. Продукция группы «Караван-сарай» встречается на территории других памятников Солхата, в частности, такие изделия были обнаружены на территории бани в Георгиевской балке, что, в общем, достаточно точно коррелируется хронологически на этих двух объектах. Ремесленный центр на терри-

тории караван-сарая перестает функционировать в последней трети XIV в., примерно в это же время перестает функционировать баня, и на ее территории формируется жилой и хозяйственный комплекс, где продукции группы «Караван-сарай» уже нет. С конца XIII в. устойчивую конкуренцию ремесленникам центра производства на территории караван-сарая начинают составлять мастера Бокаташа II, которые представляют на городской рынок различную глазурованную посуду высокого качества. Встречаются эти сосуды на территории архитектурно-археологического комплекса медресе-мечети хана Узбека, караван-сарая, поселения Кринички II и других объектов города и округи.

В период общеордынского кризиса (60-е – 80-е гг. XIV в.) производство на ремесленных поселениях по инерции еще продолжается, но уже начинает стремиться к упадку. Вероятно, не выдержав конкуренции, закрывается ремесленная мастерская на территории караван-сарая, отчасти этому способствовало и расположение этой территории непосредственно в городской черте, в связи с чем в период временной стабильности в конце XIV в. и был тут построен караван-сарай. С 40-х гг. XIV в. мастера Бокаташа II начинают производить преимущественно кухонную неполивную посуду, сохраняя лишь небольшую долю глазурованной продукции (Крамаровский, 2008, с. 21). Но и тут в эпоху Замятни наблюдается упадок, который в конечном итоге приводит к прекращению керамического производства на территории поселения в конце XIV в (рис. 7: 1–3).

Гончарное производство Солхатского городища и его округи можно условно разделить на несколько направлений по характеру и уровню развития. В золотоордынский период изготовление глазурованной посуды было массовым и рассчитано прежде всего на городское население. О местном производстве в Солхате свидетельствуют гончарные печи, полуфабрикаты, бракованные изделия и т.д. Производство глазурованной керамики в Крымском Юрте Золотой Орды достигло высокого уровня развития. Поливная посуда конца XIII – начала XV вв. – времени наивысшего хозяйственного расцвета и политического могущества Солхата – характеризуется высоким уровнем выработки и большим разнообразием типов и форм. Она представляла собой один из ярких компонентов материальной культуры Золотой Орды. Об этом говорят разнообразные и иногда неповторимые группы изделий поливной посуды. Солхатские мастера хорошо владели ремеслом, о чем можно судить по разнообразной композиции орнаментики, совокупности цветовой гаммы. Преобладала монохромная зеленая, чуть реже коричневая глазурь, также имеются находки, покрытые полихромной глазурью. Вначале, а на ряде объектов и впоследствии, производство керамики, вероятно, носило домашний или приусадебный характер. Так, например, на поселении Кринички II, в соответствии с рядом археологических находок, могли функционировать приусадебные мастерские различной специализации, призванные обеспечивать проживавшую тут семью. Гончарных печей и отходов керамического производства тут до настоящего времени не выявлено, но обнаружено незначительное количество полуфабрикатов (рис. 8: 1–4) (Крамаровский, 2012, с. 178). Такая же ситуация наблюдается и на территории других объектов Солхата, например, на территории комплекса медресе-мечети хана Узбека (рис. 8: 5–10). Гончарные производственные центры на территории караван-сарая и поселения Бокаташ II призваны были обеспечивать прежде всего городской рынок. Продукция этих мастерских в изобилии встречается на всех объектах города и округи. В то же время изделия солхатских мастеров встречаются на других памятниках золотоордынского времени как на территории полуострова, так и за его пределами. Отдельные находки встречаются на Тепсене, в Алуште и Судаке, вероятно, также в Херсонесе. А среди комплексов Азака доля крымской керамики составляет не менее 20–30% (Тесленко, 2018, с. 25, 44–46). Вероятно, встречается солхатская керамика и на других памятниках, значительно удаленных от места производства, например в Белграде (Кравченко, 1986, с. 78–79) и Торговицах (Козырь, Боровик, 2017, С. 335–352), а также на территории памятников Руси, в том числе и в северо-восточных регионах, где факт наличия восточной глазурованной посуды связывается с ордынской администрацией (Коваль, 2010, с. 194). Исследователи также отмечают, что на протяжении конца XIII – первой трети XIV вв. среди всего крымского керамического импорта, в том числе и в Поволжье, доми-

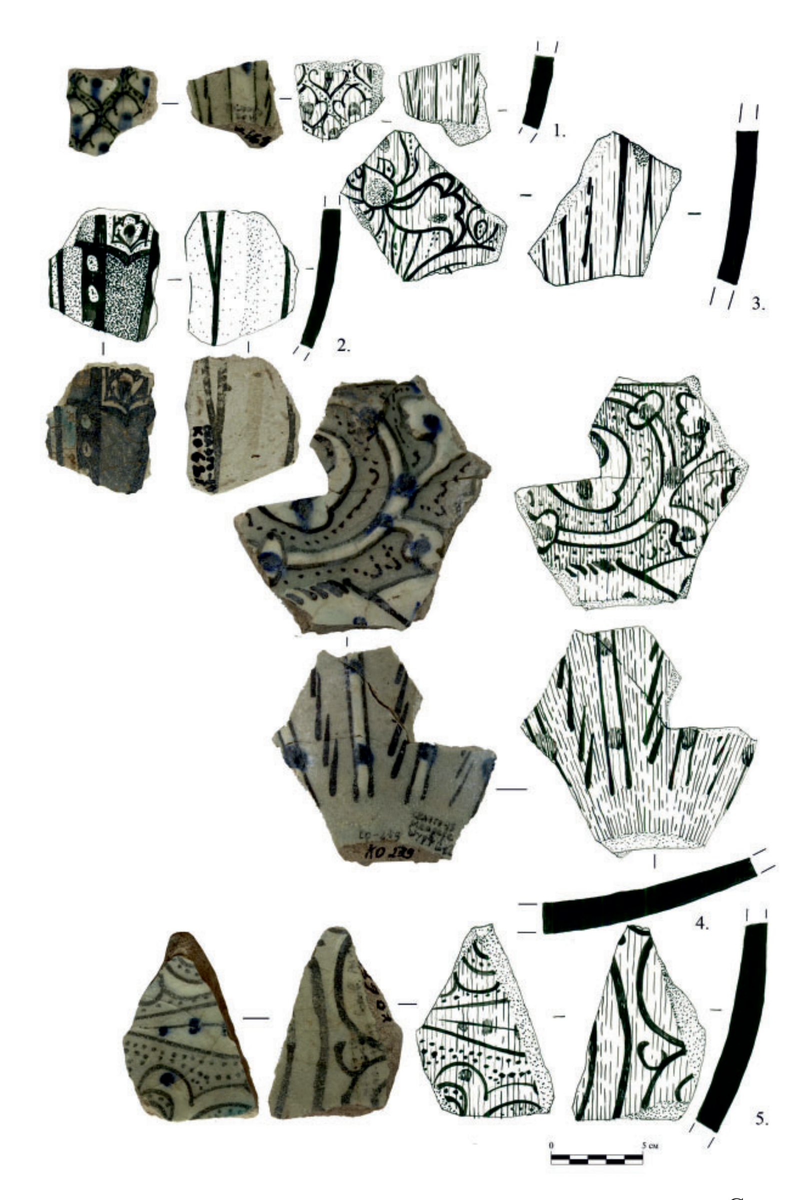

Рис. 2. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. 1–2,5 – Предпортальная площадь. Квадрат А1-А2. Заполнение канала водовода. 3–4 – Шурф 1/13. Яма.

Fig. 2. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. 1–2.5 – Preportal area. Grid A1-A2. Infill ofvthe water main channel. 3–4 – Test pit 1/13. Pit.

нирующей была доля изделий солхатского производства, которая с 1330–1340 гг. уступает первенство керамике, производимой в Кафе (Тесленко, 2018, с. 69). Ряд изделий в Болгаре также относится исследователями к продукции крымских центров, хоть и не бесспорно. Речь идет о красноглиняной керамике (прежде всего чашах, например, сосуд на кольцевом поддоне и с фестончатым краем), покрытой ангобом и прозрачной желтоватой глазурью. По краю с внутренней стороны нанесена светло-зеленая полоса, характер ее нанесения небрежен, что может также свидетельствовать в пользу крымской версии происхождения. В центральной части дна чаши рисунок, выполненный в технике «резерва». В то же время исследователи допускают херсонесское происхождение сосудов с таким орнаментом. К восточно-крымским мастерским относится фрагмент чаши с нанесенным по краю орнаментом толстой и тонкой линией гравировки в виде сельджукской цепи под желтой глазурью и фрагмент дна с плетенкой в центре, выполненной также гравировкой, под зеленой глазурью. Наличие в Солхате похожих сосудов может косвенно свидетельствовать в пользу

Рис. 3. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. Шурф 1/13. Яма.
Fig. 3. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Test pit 1/13. Pit.

этой гипотезы. Особый интерес представляет также упомянутый ранее фрагмент горла кувшина с подзором (воротничком у основания горла), в котором прорезаны треугольные отверстия (рис. 8: 11–14). Подобный фрагмент найден и в Москве в слое XIV–XV в. В.Ю. Коваль относит такие кувшины к азербайджанскому импорту, И.В. Волков и М.Г. Крамаровский отмечают производство кувшинов с подзором в Солхате. Характер керамического теста Болгарской находки позволяет исследователям отнести его к восточно-крымскому импорту. М.Д. Полубояринова отмечает, что среди импортной глиняной глазурованной посуды в Болгаре чаще всего встречается продукция именно Крыма, через полуостров же поступала в Поволжье византийская керамика (Полубояринова, 2008, с. 60–65, 70). Значительная доля отдельных категорий керамических сосудов из юго-восточного Крыма, по мнению ряда исследователей, господствовала на территории Восточной Европы, а следовательно, на большинстве золотоордынских памятников, вплоть до середины XIV в., когда поступление это продукции резко сокращается. Среди прочего выделяются аптечные амфоры и альбарелло, произведенные в юго-восточном Крыму (например, среди 27 альбарелло, происходящих из нижневолжских столиц, 15 имеют крымское происхожде-

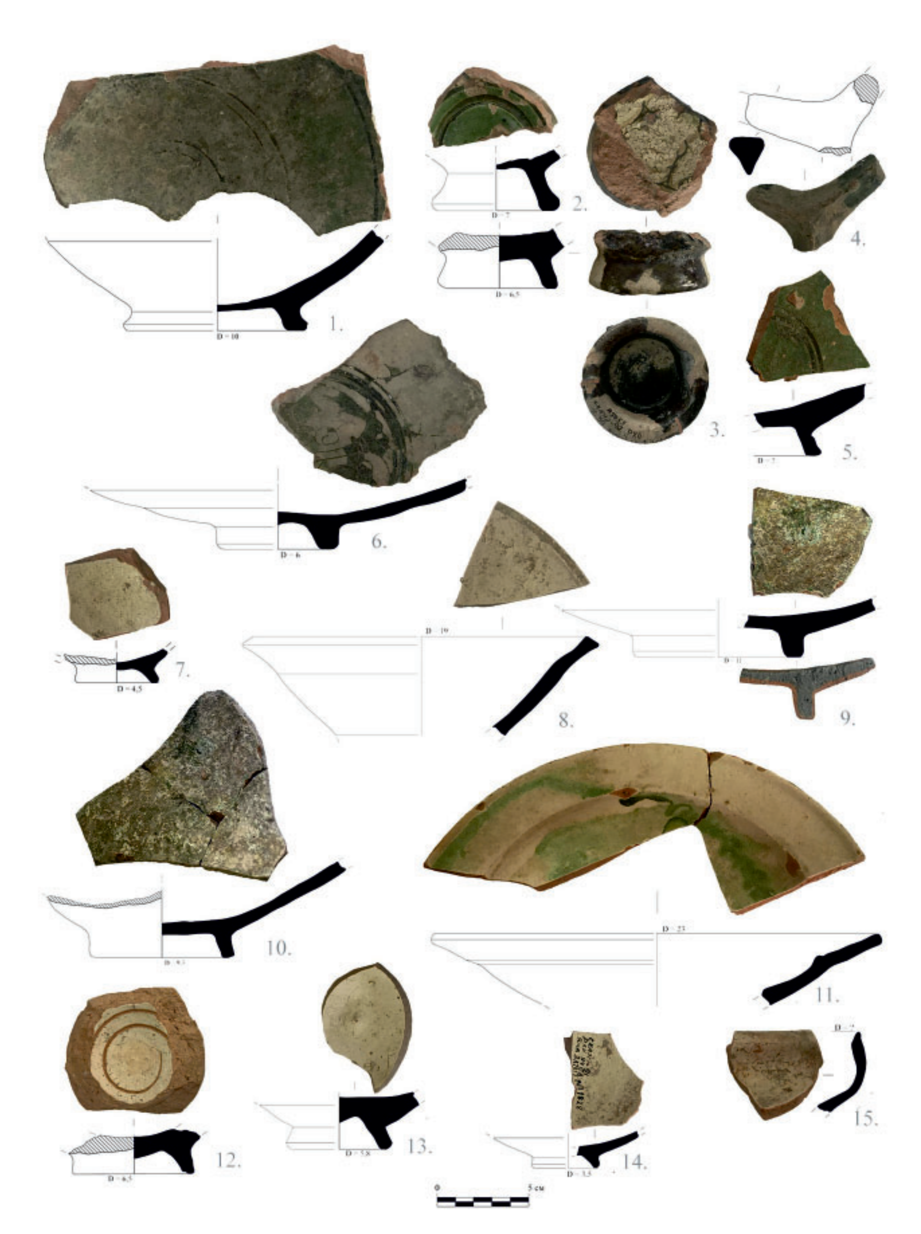

Рис. 4. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. Караван-сарай. Раскоп XII. СКАЭГЭ–1991. Участок 63. Яма № 3. 14–15 – Фрагменты пиал-полуфабрикатов. СКАЭГЭ–1992. Участок 39. Западная часть. 1–3, 5–6, 9–10 – Фрагменты глазурованных изделий с браком; 4 – фрагмент сепаи. СКАЭГЭ–1992. Участок 39. Гончарная печь № 2; 7–8, 11–13 – Фрагменты изделий-полуфабрикатов.
Fig. 4. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. Caravanserai. Excavation XII. СКАЭГЭ–1991. Site 63. Pit. 3. 14–15 – Fragments of semi-finished pialas. СКАЭГЭ–1992. Site 39. Western part. 1–3, 5–6, 9–10 – Fragments of glazed ware with defects; 4 – tripods fragment. СКАЭГЭ–1992. Site 39. Pottery kiln 2; 7–8, 11–13 – Fragments of semi-finished products.

ние) (Бочаров, Масловский, 2015, с. 189–200; Курочкина, 2012, с. 78–93). В соответствии с опубликованными материалами из фондов Волгоградского областного краеведческого музея, среди находок глазурованной керамики Царевского городища 52,38% импортной керамики было представлено продукцией мастерских юго-восточного Крыма (Юдин, 2015, с. 214–226). Из комплекса случайных находок фондов Саратовского областного краеведческого музея (Увекское городище) среди керамического импорта 33% (91 предмет) – это продукция мастеров юго-восточного Крыма, среди которых, в свою очередь, исследователи определили 40 фрагментов (около 43,95%) сосудов, вероятно, произведенных в Солхате. Впрочем, авторы публикации допускают погрешность в цифрах процентного соотношения, поскольку эта коллекция сформирована из случайных находок (Кубанкин, Маслов-

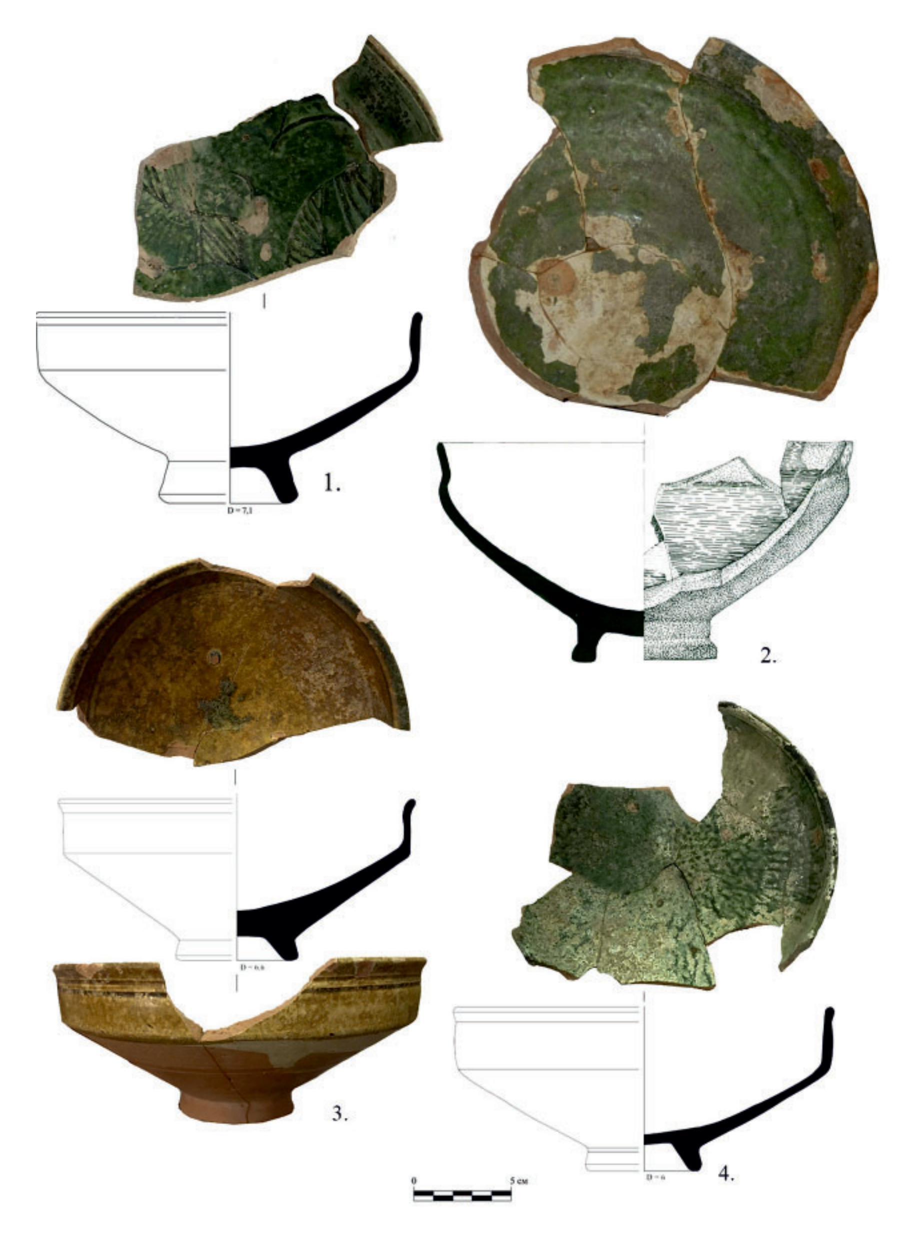

Рис. 5. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. 1 – СКАЭГЭ–1998. Раскоп XIX. Кринички-II. Яма 12; 2 – СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. Шурф 1/13. Яма; 3-4 – СКАЭГЭ–1993. Караван-сарай. Раскоп XII. Участок 50.

Fig. 5. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. 1 – СКАЭГЭ–1998. Excavation XIX. Krinichki-II. Pit 12; 2 – СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Test pit 1/13. Pit; 3–4 – СКАЭГЭ–1993. Caravanserai. Excavation XII. Site 50.

ский, 2013, с. 131, 137). Весомым аргументом влияния Крыма на продукцию нижневолжских гончаров, является также стилистика орнаментации продукции последних. Так, исследователи отмечают, что орнамент и производство керамики Нижнего Поволжья в целом формировались под сильным влиянием Закавказья и Крыма, получив дальнейшее развитие (Лисова, 2012, с. 119).

Как видим, керамическая продукция позволяет четко определить направления и уровень внутренних ордынских и внешних (в том числе трансконтинентальных) торгово-экономических связей золотоордынского Солхата. Во второй половине XIII – начале XV вв. город становится одним из наиболее важных центров в Золотой Орде. Его росту способствовало развитие международной торговли. В глобальном масштабе, в направлении с востока на запад, торговый путь начинался в Китае (столице империи Юань – Ханбалыке (Пекине)) (Золотая Орда…, 2005, с. 89). Золотоордынский отрезок пути начинался с Отрара и продолжался до Куня-Ургенча в Хорезме.

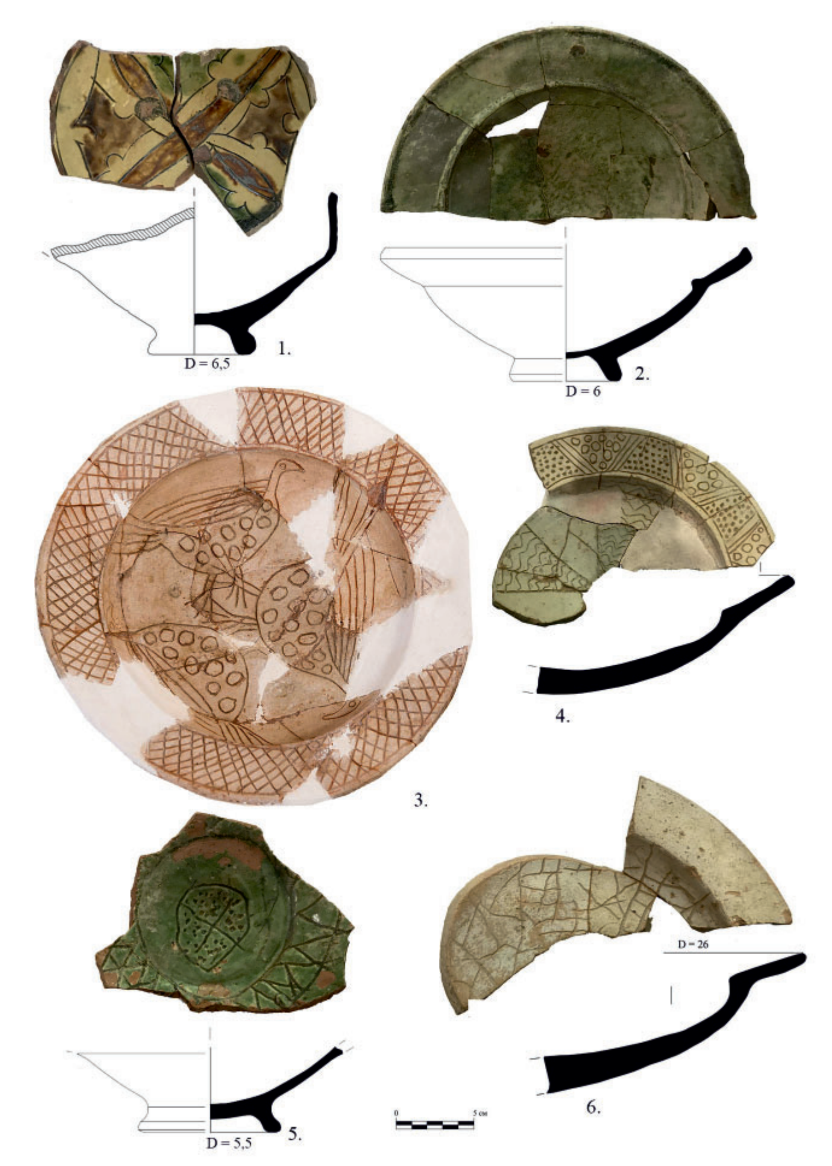

Рис. 6. Глазурованная керамика из комплексов второго этапа развития города. Солхат. 1 – СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XIX. Жилище № 1; 2 – СКАЭГЭ–2003. Бокаташ-II. Раскоп XXII. Гончарная печь № 8; 3 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Яма № 2; 4 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Яма № 2; 5 – СКАЭГЭ–2007. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 24; 6 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1.

Fig. 6. Glazed pottery from complexes of the second stage of city development. Solkhat. 1 – СКАЭГЭ–1998. Krinichki-II. Excavation XIX. Dwelling 1; 2 – СКАЭГЭ–2003. Bokatash-II. Excavation XXII. Pottery kiln 8; 3 – СКАЭГЭ–2004. Bokatash-II. Excavation XXIII. Pit 2; 4 – СКАЭГЭ–2004. Bokatash-II. Excavation XXIII. Pit 2; 5 – СКАЭГЭ–2007. Bokatash-II. Excavation XXIII. Pottery kiln 24; 6 – СКАЭГЭ–2004. Bokatash-II. Excavation XXIII. Pottery kiln 1.

От Хорезма дорога шла к Сарайчику и отсюда – к Хаджи-Тархану (Астрахани) в дельте Волги. После Бельджамена, где Волгу и Дон разделяли всего 60 км, транзит следовал в Приазовье до Азака (Таны), откуда степью к Солхату. Отсюда купеческий караван за день доходил до ворот Кафы. Азак и Кафу соединял также морской путь из Азовского в Черное море (Крамаровский, 2012, с. 7–8).

Как и многие золотоордынские городские центры, Солхат к XV в. становится известным среди путешественников из Южной Европы и арабского мира, город посещают, например, испанец Перо Тафур (Крамаровский, 2012, с. 9–10), венецианец Иосафат Барбаро (Иософат Барбаро, 1971, с. 45), марокканец Ибн Баттута (Подарок созерцающим..., 2015) и многие другие. Маршруты, по которым

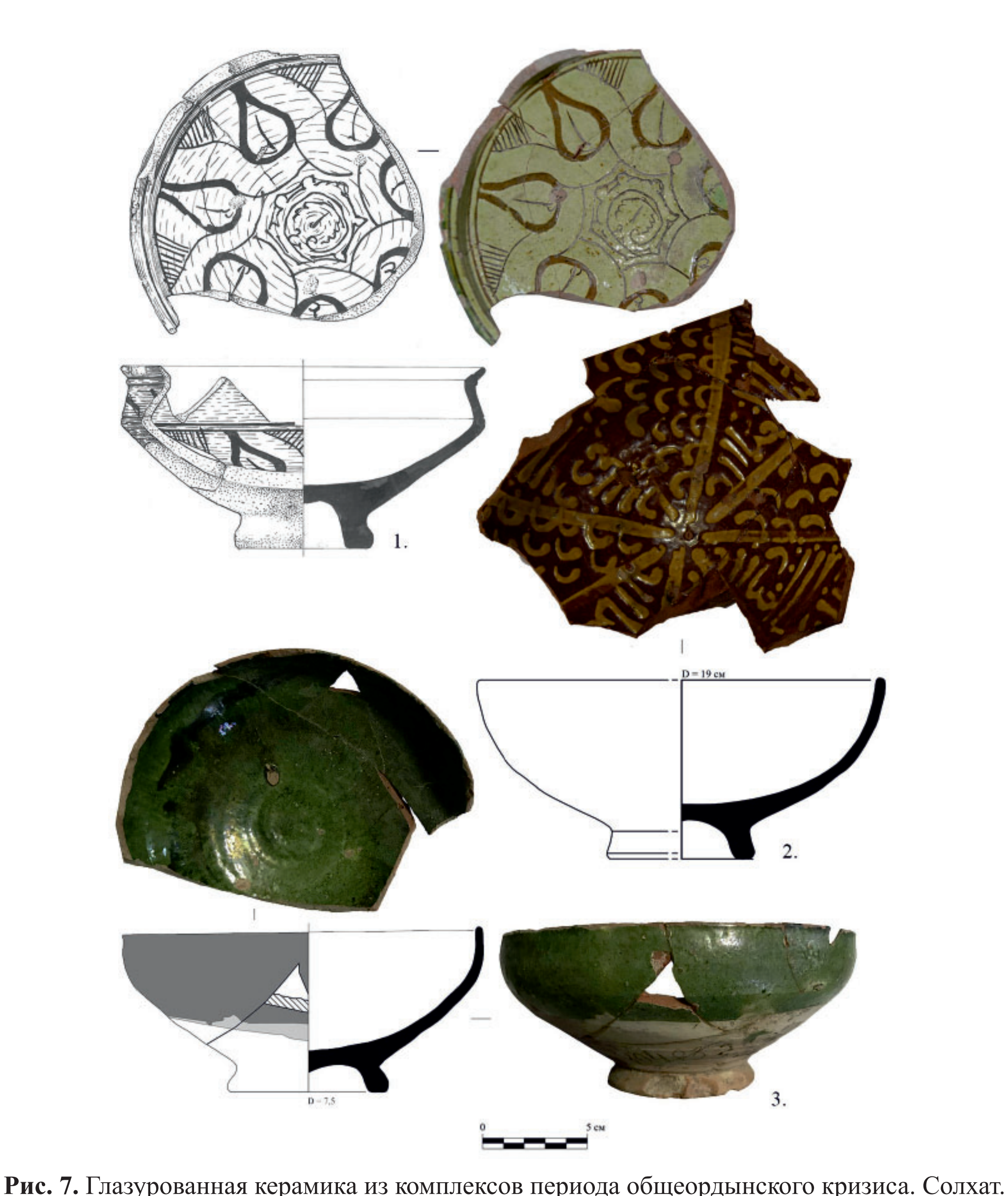

Рис. 7. Глазурованная керамика из комплексов периода общеордынского кризиса. Солхат. 1 – СКАЭГЭ–2016. Раскоп 44. Участок Ж1. Яма № 6; 2 – Средневековая баня–2011. Помещение А. Каменный завал. 3 – СКАЭГЭ–1988. Караван-сарай. Раскоп XII. Квадрат 104. Яма № 1.

Fig. 7. Glazed pottery from complexes of the period of the Horde crisis. Solkhat. 1 – СКАЭГЭ–2016. Excavation 44. Site Ж1. Pit 6; 2 – Medieval bath-house–2011. Room A. Stone blockage. 3 – СКАЭГЭ–1988. Caravanserai. Excavation XII. Grid 104. Pit 1.

ехали эти путешественники связывают город с Византией, Трапезундом, Генуей, Сицилией, Францией, хулагуидским Ираном, сельджуками Малой Азии, Молдавией и другими странами и народами. На это же указывают и найденные за долгие годы раскопок городища многочисленные разнообразные археологические материалы, и керамика занимает среди них ключевое место (Крамаровский, 1989, с. 153). В первую очередь это керамический импорт, который демонстрирует межгосударственные и межконтинентальные связи и роль Солхата на Великом Шелковом пути. Связи с Китаем прослеживаются по наличию среди находок на городище китайского селадона. Вероятно, эти связи не ослабевали даже после формального выхода Улуса Джучи из политической орбиты Великой Монгольской империи, поскольку находки фрагментов селадоновых чаш встречаются в комплексах всех хронологических этапов развития города. Связи с Западной Европой представлены находками испано-мавританской так называемой люстровой керамики (Сейдалиева, 2020, с. 363). Эти материалы широко представлены в комплексах Солхата

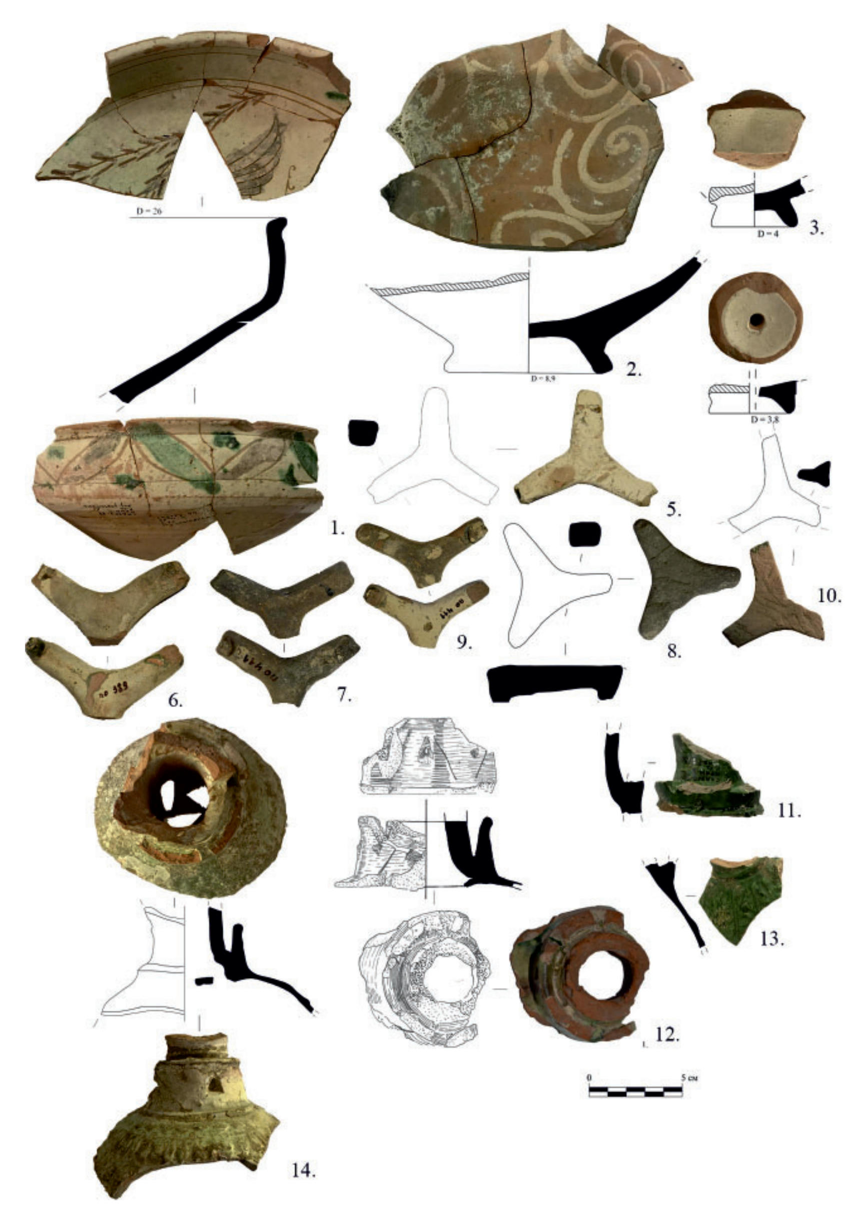

Рис. 8. Солхат. 1 – Фрагмент чаши-полуфабриката. СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XIX. Сырцовая вымостка 2; 2 – Фрагмент чаши-полуфабриката. СКАЭГЭ–1999. Кринички-II. Раскоп XX. Землянка; 3–4 – Фрагмент пиалы-полуфабриката и пряслица, сделанного из полуфабриката. СКАЭГЭ–2000. Кринички-II. Раскоп XXI. Квадрат Б7. 5–10 – Сепаи. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть хана Узбека. Раскоп 39. Помещение 16. 11 – Фрагмент кувшина с подзором. СКАЭГЭ–1999. Кринички-II. Раскоп XX. Квадрат Г2/40; 12 – Фрагмент кувшина с подзором. СКАЭГЭ–2013. Медресе-мечеть Узбека. Раскоп 39. Шурф 1. Яма. № 1; 13–14 – СКАЭГЭ–2023. Шурф 1/23. Яма 1. Заполнение.

Fig. 8. Solkhat. 1 – Fragment of a semi-finished bowl. СКАЭГЭ–1998. Krinichki-II. Excavation XIX. Raw pavement 2; 2 – Fragment of a semi-finished bowl. СКАЭГЭ–1999. Krinichki-II. Excavation XX. Dugout; 3–4 – A fragment of a semi-finished bowl and a spindle whorl made from a semi-finished product. СКАЭГЭ–2000. Krinichki-II. Excavation XXI. Grid B7; 5–10 – Tripods. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Room 16. 11 – Fragment of a jug with edging. СКАЭГЭ–1999. Krinichki-II. Excavation XX. Grid G2/40; 12 – Fragment of a jug with edging. СКАЭГЭ–2013. Madrasah-Mosque of Uzbek Khan. Excavation 39. Test pit 1. Pit 1; 13–14 – СКАЭГЭ–2023. Test pit 1/23. Pit 1. Infill.

XIV – первой четверти XV вв. и отражают торговые связи золотоордынского Крыма с мастерскими Валенсии (Патерна и Манизеса). Вероятно, импорт испанского люстра начинается с середины XIV в., а пик его приходится на первую половину XV в. Наглядно демонстрирует связь раннего Солхата с Византией группа так называемой керамики византийского круга. Среди ранних археологических комплексов часто встречается так называемая

«зевксипова» керамика, в том числе группы «дериватов». Отметим в данном контексте, что среди находок на караван-сарае встречены полуфабрикаты, вероятно, подражающие византийской керамике, но покрытые зеленой глазурью (Сейдалиева, 2020, с. 365). Датируется керамика византийского круга на городище второй половиной XIII – серединой XIV вв.

Вторым направлением торгово-экономических отношений является внутренняя торговля Улуса Джучи. Помимо уже упомянутых выше находок солхатской продукции на других синхронных памятниках Золотой Орды и средневековой Руси, на территории самого Солхатского городища выделяются поволжские и северокавказские материалы, например кашинные чаши. В незначительном количестве присутствует на городище и продукция группы «Юго-Западный Крым» (ЮЗК), вероятно, произведенная в Алустоне, Чембало, Фуне и, возможно, на Мангупе (Сейдалиева, 2020, с. 367).

Характерной чертой искусства всего мусульманского мира XIII–XIV вв. был синтез архитектуры и декоративного искусства. В этом проявляется особый стиль эпохи, архитектурные формы наполняются пластическим и декоративным богатством. С одной стороны, такой отправной точкой мог стать Хорезм, из которого через города Поволжья и Азак импортная глазурованная посуда попадала в Крым. В то же время наличие среди произведенных в Солхате кувшинов изделий с фильтромв месте соединения горла и тулова, может свидетельствовать о проникновении такого рода посуды из Египта, Сирии или Ирана. И если в отношении Поволжских центров Н.М. Булатов (Булатов, 1969, с. 46–59) говорил, что золотоордынская керамика производилась мастерами, вывезенными из Ирана, Кавказа и Крыма, то в отношении произведенной в Крыму продукции можно говорить о переселявшихся из Малой Азии (а может быть, Среднего Востока или Северной Африки) мастерах, которых привлекала возможность получения стабильного заказа в золотоордынском Крыму (Крамаровский, 2012, с. 162).

Крымский полуостров оказался местом сосредоточения носителей различных культурных традиций, что способствовало формированию на его территории специфической материальной культуры. Предметы искусства, привозимые из Египта, Ирана, Китая, Средней Азии, Кавказа, проникают в быт населения. Керамика, завезенная на полуостров из различных областей, послужила толчком для развития местной продукции, что выразилось в заимствовании декоративных элементов, орнаментов, техник изготовления.

В основе развития керамических изделий Солхата лежат традиции, которые условно можно разделить на три ветви: византийская, малоазийская и закавказская. Об этом свидетельствуют схожие морфологические и орнаментальные мотивы. Но прямого подражания не наблюдается. Солхатские мастера-ремесленники перенимали то, что импонировало их художественному вкусу и по-своему усовершенствовали свой стиль (рис. 9: 1–11).

Одним из ярчайших направлений связей для Солхата является малоазийская, или «сельджукская» линия. Аспекты, связанные с приходом сельджукской культурной парадигмы в Солхат, неоднократно анализировались в литературе и отражаются в распространении как духовной, так и материальной составляющей – архитектуры, торевтики, эпиграфики и, конечно, керамики. Сельджукский стиль получил отражение в солхатской керамике в виде сюжетных композиций декора. Это изображения человеческих фигур, фантастических животных, птиц, кошачьих хищников, растительности (ветви и кусты, деревья, плоды и цветы) и подобных стилизованных мотивов (рис. 9: 1–6). Впервые проявляются эти элементы на керамике во второй четверти XIV в. Как справедливо отмечает М.Г. Крамаровский, ближайшие аналогии этим орнаментальным мотивам встречаются в керамике сельджукской Анатолии (Крамаровский, 2012, с. 197–198; Тесленко, 2018, с. 57).

В конце XIII – XIV вв. в Крыму получает развитие производство местной оригинальной и самобытной красноглиняной поливной керамики, которая, с одной стороны, продолжала традиции византийского круга, а с другой – находилась под сильным влиянием культур Востока (керамического ремесла Золотой Орды) и Запада (товаров, в том числе и керамических изделий, из городов Северной Италии и Испании) (рис. 4: 1–2, 5–6; 9: 7–11).

Сосуды, произведенные в Солхате, отличаются богатством и разнообразием орнамента-

Рис. 9. Солхат. 1–6; 9 – СКАЭГЭ–2023. Шурф 1/23. Яма 1. Заполнение; 7 – СКАЭГЭ–1992. Участок 39. Гончарная печь № 2; 8 – СКАЭГЭ–1994. Караван-сарай. Раскоп XII. Участок 50. Засыпь; 10–11 – СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1.

Fig. 9. Solkhat. 1–6; 9 – СКАЭГЭ–2023. Test pit 1/23. Pit 1. Infill; 7 – СКАЭГЭ–1992. Site 39. Pottery kiln No. 2; 8 – СКАЭГЭ – 1994. Caravanserai. Excavation XII. Site 50. Infill; 10–11 – СКАЭГЭ – 2004. Bokatash-II. Excavation XXIII. Pottery kiln 1.

ции. Чаще всего орнаменты геометрические и растительные. Для геометрических орнаментов характерна симметричность и точное выполнение отдельных деталей. Некоторые исследователи предполагают, что это связано с высоким уровнем развития архитектуры и художественной культуры (Джидди, 1981, с. 214).

На солхатских поливных сосудах редко встречаются антропоморфные изображения. Это было связано с запретом в исламе изображать человека (Ибрагимов, 2000, с. 95). Но также стоит отметить, что на сельском поселении южной окраины Солхата (Бокаташ II) в орнаментации керамических изделий встречаются зооморфные и антропоморфные мотивы. Это, вероятнее всего, связано с тем, что жители ремесленного поселения исповедовали христианство, а также, отчасти, с особенностями тюркской модели ислама, распространенной в Улусе Джучи. Оригинальные геометрические мотивы, самобытный стиль изображения птиц, рыб и других животных (львов, жирафов (?), мифических существ и др.) не находят прямых или хотя бы приблизительных аналогий среди опубли-

кованных материалов из других гончарных центров. Отдаленные ассоциации вызывают керамические сосуды из ремесленных мастерских Средней Азии, где также встречается манера заполнения изделий кружками и точками (Башимова, 1989, с. 42–43, 47, 52).

Ранняя продукция Солхата начала XIV в. особо не отличалась по набору форм и технологических признаков: горла кувшинов широкие, поддоны низкие, сечение ручек характерно для керамики на всей территории Золотой Орды, поверхность покрывалась белым ангобом, что прослеживается вплоть до первой половины XV в., орнаменты на ранних этапах производства предельно просты. С развитием производства продукции в Солхате все более намечается тенденция подражания местных мастеров византийским и малоазийским в нанесении орнаментальных мотивов на сосуды.

В середине – конце XIV в. прослеживается значительное расширение ассортимента глазурованной керамики Солхатского городища – орнамент становится более аккуратным и утонченным, цвета покрытия разнообразнее, исполнение тщательнее. Со временем в Солхате освоили и эпиграфический орнамент, хотя шрифты сохранили изрядную долю стилизации.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди вещественных материалов, характеризующих золотоордынскую культуру, керамика с глазурованным покрытием – дополнительный источник для воссоздания картины быта и культуры населения в период Золотой Орды. Изготовление поливной посуды в Крымском улусе Золотой Орды – одна из отраслей ремесла, в котором наиболее ярко отразились сложные этнополитические и демографические процессы этого периода. Само ее появление во многом связано с переселением в Крым различных носителей новых для полуострова гончарных технологий (Тесленко, 2020, с. 154).

Современный этап изучения золотоордынской культуры показывает, что она начала формироваться во второй половине XIII в. в результате смешения местных восточноевропейских и центральноазиатских традиций. Под влиянием государства Джучидов формируется новая имперская надэтничная культура, которая являлась культурой татарской этносоциальной общности. Внутри этой культуры выделяется несколько локально-региональных (крымская, булгарская, хорезмская и др.) и социальных (городская, кочевническая) субкультур (История татар…, 2009, с. 62). В то же время в гончарном ремесле прослеживается влияние как кочевнических традиций, так и городских. При этом и в первом, и во втором случаях их региональное происхождение различно. Традиции византийских, сельджукских, иранских, центральноазиатских, кавказских ремесленников накладываются на местную самобытную культуру, что хорошо прослеживается в таком массовом материале, как керамические изделия. Как видим, роль солхатских ремесленных мастерских в распространении и транзите культурных традиций велика. Вероятно, именно продукция крымских гончаров (как, например, это справедливо отмечает М.Г. Крамаровский для «сельджукской» керамики) повлияла на производство керамических изделий других производственных центров Улуса Джучи, в том числе столичного Сарая (Крамаровский, 2012, с. 198).

ЛИТЕРАТУРА

Башимова Н.С. Поливная керамика Южного Туркменистана (IX–XIV вв.). Ашхабад: Ылым, 1989. 224 с.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 189–200.

Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. № 2. С. 46–59.

Джидди Г.А. Первые результаты археологических раскопок города Шемахи. Баку, 1981. 214 с.

Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.

Ибрагимов Б.И. Средневековый город Киран. Баку; М., 2000. 176 с.

Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану. М., Наука, 1971. Доступно по: http://vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Barbaro/text.htm. (дата обращения: 05.02.2021).

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1056 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Козырь И.А., Боровик Т.Д. Поливная керамика Торговицкого археологического комплекса периода Золотой Орды // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Т. 2 / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. С. 335–352.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 186 с.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141–157.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2008 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым – СПб, 2009. 265 с. // Архив отдела Востока Государственного Эрмитажа

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб: Евразия, 2012. 496 с.

Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 130–154.

Курочкина С.А. Альбарелло нижневолжских столиц Улуса Джучи // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 78–93.

Лисова Н.Ф. Орнамент посуды поливной золотоордынских городов Нижнего Поволжья / Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 184 с.

Майко В.В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. XXIV. С. 288–311.

Подарок созерцающим. Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки / Ред. А. Д. Притула, А. Н. Теплякова, О. М. Ястребова СПб.: ГЭ, 2015. 512 с.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / отв. ред. П. Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 26–102.

Сейдалиева Д.Э. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 359–390.

Тесленко І.Б. Виробництво полив’яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 4 (29). С. 7–83.

Тесленко И.Б. Керамические маркеры миграций в Крыму последней трети XIII–XIV вв. (по материалам местного гончарства) // Stratum Plus. 2020. № 6. С. 153–178.

Юдин Н.И. Поливная керамика производства юго-восточного Крыма из раскопок Царевского городища // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 214–226.

Информация об авторе:

Сейдалиева Джемиле Эльвировна, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); djemka65@gmail.com

REFERENCES

Bashimova, N. S. 1989. *Polivnaya keramika Yuzhnogo Turkmenistana (IX–XIV vv.) (Glazed pottery of South Turkmenistan (IX–XIV centuries)*. Ashkhabad: “Ylym” Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 189–200 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1969. In *Vestnik MGU. Ser. 8, Istoriia (Bulletin of Moscow University. Series 8. History)* 2, 46–59 (in Russian).

Dzhiddi, G. A. 1981 *Pervye rezul'taty arkheologicheskikh raskopok goroda Shemakhi (The first results of archaeological excavations in the city of Shamakhi)*. Baku (in Russian).

2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue).* Saint Petersburg: “Slaviia” Publ. (in Russian).

Ibragimov, B. I. 2000. *Srednevekovyy gorod Kiran (Medieval city of Kiran).* Baku; Moscow (in Russian).

Iosafat Barbaro. 1971. *Puteshestvie v Tanu (Travel to Tana)*. Moscow: “Nauka” Publ., 1971. Available at: http://vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Barbaro/text.htm. (accessed: 05.02.2021).

Usmanov, M. A. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Koval’, V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus’ in 9th—17th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kozyr, I. A., Borovik, T. D. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 335–352 (in Russian).

Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.) (Medieval Belgorod on the Dniester (Late 13th – 14th cc.)).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2009. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 2008 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on field research in 2008 on Solkhata (Krym) by the archaeological expedition of the State Hermitage).* Staryy Krym; Leningrad. Archive of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: “Evraziya” Publ. (in Russian).

Kubankin, D. A., Maslovskii, A. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 130–154 (in Russian).

Kurochkina, S. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (1), 78–93 (in Russian).

Lisova, N. F. 2012. *Ornament posudy polivnoi zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Ornament of glazed dishes from the Golden Horde cities of the Lower Volga region).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 15. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Maiko, V. V. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials ín the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXIV, 288–311 (in Russian).

Pritula, A. D., Teplyakova, A. N., Yastrebova, O. M. (eds.). 2015. *Podarok sozertsaiushchim. Stranstviia Ibn Battuty: katalog vystavki. Gosudarstvennyi Ermitazh (A Gift to Contemplators”. Ibn Battuta's Travels: Exhibition catalog. The State Hermitage Museum)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.). *Gorod Bolgar. Kul’tura, iskusstvo, torgovlia (City of Bolgar. Culture, Art, Trade).* Moscow: “Nauka” Publ., 26–102 (in Russian).

Seidalieva, D. E. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials ín the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV. 359–390 (in Russian).

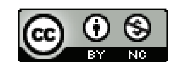
Teslenko, I. B. 2018. In *Arkheologiia i davnia istoriia Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 29 (4), 7–83 (in Ukranian).

Teslenko, I. B. 2020. In *Stratum Plus* 6, 153–178 (in Russian).

Yudin, N. I. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 214–226 (in Russian).

About the Author:

Seidalieva Dzhamile. E. V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadskogo Pr., 4, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; djemka65@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902 572.71/572.024 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.334.343

ИСКУССТВЕННО ДЕФОРМИРОВАННЫЕ ЧЕРЕПА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА

© 2024 г. Д.А. Кириченко

В статье представлены краниологические материалы эпохи средневековья. В научную обработку поступило два черепа со следами преднамеренной деформации. В погребении №65-25 Самухского могильника XIV–XVII вв. (Самухский р-н) был обнаружен мужской искусственно деформированный череп с лобно-затылочным в сочетании с кольцевым типом модификации. Череп гипердолихокранный, европеоидный с небольшим «налетом» монголоидности. Второй искусственно модифицированный череп (139/197) принадлежал женщине и был обнаружен в одном из погребений с территории западных районов республики. Череп мезокранный, европеоидно-монголоидный, на нем отменен теменной в сочетании с лобно-затылочным тип деформации. Подобный тип модификации впервые отмечен на территории Азербайджана. Традицию искусственной модификации головы в эпоху средневековья в Азербайджане следует считать принесенной извне. Возможно, этот обычай вместе с его носителями попал сюда из Центральной Азии во времена существования Золотой Орды (XIII–XV вв.), либо же, военных походов Тамерлана (1370–1405) и его потомков. В статье приведены также и находки искусственно деформированных черепов синхронного времени с территории Евразии (Поволжье, Балканский полуостров, Крым, Центральная Азия, Анатолия). Постепенно в период позднего средневековья – нового времени традиция модифицировать голову сокращается и исчезает.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, искусственная деформация головы (черепа), эпоха средневековья, краниометрия.

ARTIFICIALLY DEFORMED SKULLS OF MEDIEVAL PERIOD FROM AZERBAIJAN

D.A. Kirichenko

The paper represents craniological materials of the Middle Ages. The two skulls with head shaping have been submitted for scientific processing. The male skull with traits of fronto-occipital in combination with circular artificial cranial deformation was found in burial 65-25 of Samukh necropolis XIV–XVII centuries (Samukh district). The skull is hyperdolichocranial, Caucasoid with slight Mongoloid taint. The second artificially deformed skull (139/197) belonged to a female and was found in one of the medieval burials from western districts of republic. The skull is mesocranial, Caucasoid+Mongoloid. The parietal in combination with type of head shaping was marked on this skull. This type of artificial deformation was found in Azerbaijan for the first time. The tradition of artificial head modification in medieval period should be considered as brought from outside. Perhaps this custom, together with its bearers, came here from Central Asia during the existence of the Golden Horde (XIII–XV centuries), or during the military campaigns of Tamerlane (1370–1405) and his descendants. The paper also represents the finds of artificially deformed skulls of synchronous time from the territory of Eurasia (Volga region, Balkan Peninsula, Crimea, Central Asia, Anatolia). Gradually, during the late Middle Ages – modern era, the tradition of modifying the head decreased and disappeared.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, artificial cranial deformation (head shaping), medieval period, craniometry.

В статье изучен палеоантропологический материал из погребений эпохи средневековья, который представлен в экспозиции «Музея анатомии человека» (г. Баку, Азербайджанская Республика) и хранится на кафедре «Анатомии человека и медицинской терминологии» Азербайджанского Медицинского Университета.

Всего было исследовано два черепа: мужской (65-25) и женский (139/197) на которых отмечена преднамеренная деформация.

Во время полевого сезона 1949 г. в зоне строительства Мингечаурской ГЭС на территории подлежащей затоплению был раскопан Самухский могильник.

Погребения были обнаружены в насыпи кургана (впускные погребения) в Самухском районе. Скелеты находились в вытянутом положении на правом боку, головой на запад и были совершены по мусульманскому обряду. Погребения датируются XIV-XVII вв. (Касимова, 1960, с. 15). Мужской череп происходит, судя по всему, из погребения № 65-25.

Относительно женского черепа (139/197), то подробная информация о нем, к сожалению, практически отсутствует. Известно лишь то, что он происходит из погребения эпохи средневековья из западных районов Азербайджана.

Краниологический материал (табл. 1) был исследован по общепринятой в палеоантропологии методике Р. Мартина (Martin, Saler 1957; Алексеев, Дебец 1964).

Типы искусственной деформации черепа были определены согласно рекомендациям, предложенным Е.В. Жировым (Жиров, 1940), М.А. Балабановой (Балабанова, 2017), Т.К. Ходжайовым (Ходжайов, 1970), Т.Ю. Шведчиковой (Шведчикова, 2010).

Патологические наблюдения были осуществлены на основе различных научных методик (Бужилова 1995; Buikstra, Ubelaker 1994; Ortner, Putschar 1981; Ubelaker 1978; Waldron 2008).

Для изучения материалов применялись традиционные в науке методы – лабораторно-аналитические исследования. При подготовке материалов к публикации успешно применен метод систематизации имеющихся данных. Во время процесса работы были осуществлены краниометрические измерения, производилась фото съемка каждого отдельного черепа в разных проекциях. В научную обработку вводятся новые антропологические материалы, которые несут на себе следы искусственной (преднамеренной) деформации, а также были проведены палеопатологические исследования, которые выявили ряд интересных особенностей у людей эпохи средневековья.

Ниже приводим индивидуальную краниометрическую характеристику (табл. 1) исследованных черепов:

Череп 65-25 (рис. 1) – гипердолихокранный, принадлежал мужчине (в возрасте 50–60 лет), характеризуется средним продольным, очень малым поперечным и малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лоб среднеширокий. Лицо узкое, средневысокое,

Таблица. 1. Краниометрические измерения черепов.
Table 1. Craniometrical measurements of skulls.

Признак № по Мартину	65-25 ♂	139/197 ♀
1	183,1	178,4
8	127,6	137,2
5	101,1	95,9
9	97	100
17	127,4	116,6
20	119,3	121,1
40	95	88
45	129,3	130,3
48	70	65
51	44	43
51a	42	41
52	38	36
54	24	23
55	56	50
8:1	69,7	76,9
48:45	54,1	49,9
52:51	86,4	83,7
52:51a	90,5	87,8
54:55	42,9	46
77	140,3	138,3
∠ Zm	130,5	128,3
75 (1)	27	24

слегка уплощено на верхнем и нижнем уровне, по указателю – мезен. Орбиты высокие, узкие, гипсиконхные. Нос узкий, высокий, средневыступающий, лепторинный. Мужской череп относится к южной ветви европеоидной расы, хотя не исключается и небольшая монголоидная примесь.

На мужском черепе отмечается искусственная деформация лобно-затылочного типа в сочетании с кольцевым; эпигенетические признаки – *os incae centrale* (рис. 2), *os sutura nasalis*; поротический гиперостоз.

Череп 139/197 (рис. 3) – мезокранный, принадлежал женщине (в возрасте 30-40 лет), характеризуется большим продольным, средним поперечным и очень низким высотным размерами мозговой коробки. Лоб очень широкий. Лицо широкое, средневысокое, средне-уплощенное, по указателю – эуриен. Орбиты очень широкие, высокие, мезоконхные. Нос узкий, средневысокий, средневыступающий,

Рис.1. Мужской череп 65-25 из Самухского могильника
Fig.1. Male skull from Samukh necropolis

Рис.2. *Os incae centrale* на мужском черепе 65-25 из Самухского могильника
Fig.2. *Os incae centrale* on male skull from Samukh necropolis

Рис.3. Женский череп 139/197. 1 – Метопический шов; 2 – Os sutura lambdoidea.
Fig.3. Female skull 139/197. 1 – Sutura metopica; 2 – Os sutura lambdoidea.

лепторинный. Женский череп относится к смешанному европеоидно-монголоидному антропологическому типу.

На женском черепе присутствуют следы преднамеренной деформации теменного типа в сочетании с лобно-затылочным; эпигенетические признаки – метопический шов (*sutura metopica*) (рис. 3: 1), *os sutura lambdoidea* (рис. 3: 2*)*; *os peroneum, os acromiale, os triangulare, os centrale capri* (рис. 4: 1); *os sutura sagittalis* (рис. 4: 2); поротический гиперостоз.

Обычай искусственной деформации головы (черепа) имеет глубокую историю и обширный ареал распространения. Охват традиции искусственно изменять – модифицировать форму человеческой головы во времени берет свое начало еще с эпохи неолита на Ближнем Востоке и Дальнем Востоке и продолжается в отдельных регионах земного шара вплоть до сегодняшнего дня.

В антропологической научной литературе под термином «искусственная деформация головы (черепа)», в узком значении, следует

Рис.4. Женский череп 139/197.
1 – Os peroneum, os acromiale, os triangulare, os centrale capri;
2 – Os sutura sagittalis.
Fig.4. Female skull 139/197.
1 – Os peroneum, os acromiale, os triangulare, os centrale capri;
2 – Os sutura sagittalis.

подразумевать любое преднамеренное изменение формы головы во время физического роста и физического развития человека. Методы воздействия на голову новорожденного человека могли быть различны: тугие повязки, дощечки, мешки с песком или их комбинирование. Все эти манипуляции позволяли значительно видоизменить форму головы индивидуума.

Традицию изменять форму головы следует считать уникальным явлением, стоящим выше национальных и расовых особенностей людей. Основной целью, вероятно, было, прежде всего, изменение формы человеческой головы, связанное как с модой, рангом, принадлежностью, в той или иной мере к определенной общности, группе, роду, племени и т.д.

В задачи нашего исследования не входит подробное описание всех классификаций по проблематике, а также самих типов, методов и способов преднамеренной деформации, их воздействие на человека, по этому поводу существует огромное количество соответствующей литературы и публикаций.

Мы в своей работе остановимся лишь на периоде развитого и позднего средневековья, к которому синхронны исследованные черепа, приведем характеристику кольцевого, лобно-затылочного и теменного типов модификации, а перед этим сделаем небольшой обзор находок искусственно модифицированных черепов с территории республики.

Кольцевая деформация (циркулярная, круговая, анулярная, макрокефальная и т. д.). Она обуславливается давлением, которое распределяется по поясам, охватывающим головку ребенка в различных направлениях. В качестве деформирующих устройств называются плотные шапочки-чепчики с дополнительным бинтованием головы, или только бинтование полосками ткани, веревками (хлопковые, льняные, кожаные и т. д.) и с помощью сложных деревянных конструкций (Балабанова, 2017, с. 24–25). За счет этого форма головы ребенка приобретает коническую или цилиндрическую форму.

Лобно-затылочная деформация. Данный тип осуществляется за счет закрепления на лобной и затылочной костях головы деревянных панелей, пластин или каменных плит и т. д. При этом лобная кость выравнивается, так как сжата панелью, затылочная кость либо тоже выравнивается под тяжестью головы, лежащей в колыбели, либо также сжата второй панелью. Такая депрессия вызывает компенсирующий рост мозговой капсулы в ширину, которая, по завершению ростовых процессов, укорачивается и расширяется. Поскольку мозговая коробка ограничена в росте, лобная и затылочная кости теряют свою природную кривизну и выравниваются (Балабанова, 2017, с. 26–27).

Теменной тип искусственной деформации, при котором важнейшей особенностью его является начинающееся кзади от брегмы понижение черепного свода. Саггитальная кривизна теменных костей резко уменьшена, а кривизна лобной и затылочной увеличена. Лоб прямой или нависающий, давление вызывалось дощечкой, которая была привязана к темени повязкой, проходившей под подбородком, либо же для этой цели (изменении формы головы) использовались мешки с песком, которые привязывались с обеих сторон головы ребенка. Техника деформирования при теменной деформации была изменчива. «Кипрская» форма, отличающаяся компенсаторным расширением головы, достигаясь при помощи дощечки, поверх которой накладывались

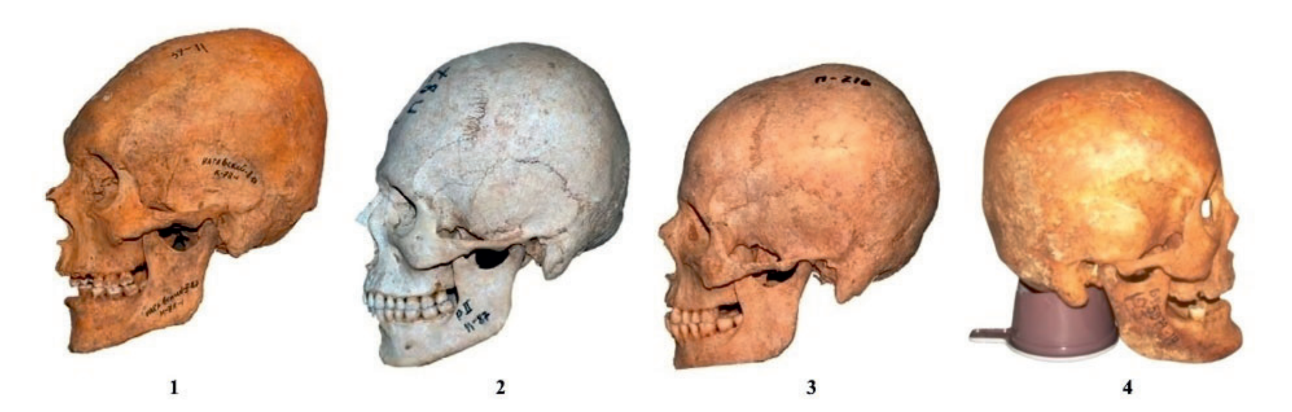

Рис.5. Искусственно деформированные черепа с территории Поволжья. 1 – ♂ Могильник Нагавский II, курган 7 погребение 1; 2 – ♂ Могильник Маячный Бугор, погребение 216, раскоп-II; 3 – ♀ Могильник Маячный Бугор, погребение 87, раскоп-II (по: Перерва, Балабанова, Зубарева, 2013); 4 – ♀ Могильник Бабий Бугор, погребение 133.

Fig.5. Artificial deformed skulls from Volga region. 1 – ♂ Nagavskaya necropolis II, barrow 7 burial 1; 2 – ♂ Mayachny Bugor, burial 216, excavated area-II; 3 – ♀ Mayachny Bugor, burial 216, excavated area-II (after Pererva, Balabanova, Zubareva, 2013); 4 – ♀ Babiy Bugor necropolis, burial 133.

мешки с песком. В иных же случаях дощечка отсутствовала и привязанные непосредственно к голове мешки содействовали ее удлинения. Наконец, часто мешки соскальзывали на затылок, благодаря чему получалась переходная к затылочной или даже чисто затылочная деформация (Жиров, 1940, с. 82).

В Азербайджане – самый ранний в хронологическом плане искусственно деформированный череп отмечен в период позднего неолита и был выявлен в грунтовом погребении на поселении Полутепе в Джалилабадском районе и принадлежал он женщине (Кириченко, 2021).

В эпоху ранней бронзы модифицированный мужской череп был обнаружен в погребении кургана №5 Узун Рама в Геранбойском районе, в эпоху средней бронзы в погребении кургана 13 Кудурлу в Шекинском районе (мужской череп), а в эпоху раннего железа в женском погребении №3 на некрополе Худутепе в Джалилабадском районе (Кириченко, 2024).

Ранние проявления традиции видоизменять голову человека (Полутепе, Узун Рама, Худутепе) следует связать с влиянием ближневосточных цивилизаций, а случай из Кудурлу с воздействием северных кочевников катакомбной культурно-исторической общности (Кириченко, 2024).

В эпоху античности и раннего средневековья на территории Азербайджана обычай искусственной деформации головы (черепа) получает широкое распространение и связан он с племенами сармато-аланского и гуннского круга (Кириченко, 2020).

Следует отметить, что после прекращения существования катакомбной культуры (I-VII вв.) Азербайджана (Гошгарлы, 2013, с. 16), черепа более позднего периода со следами искусственной деформации на территории республики (кроме мужского черепа 65-25 и женского черепа 139/197) пока не обнаружены и неизвестны.

В период развитого и позднего средневековья искусственно деформированные черепа были отмечены на территории Поволжья, Балканского полуострова, в Крыму, Центральной Азии и Анатолии.

Антропологи М.А. Балабанова и Е.В. Перерва отмечают искусственно деформированные черепа теменного типа на черепе женщины из погребения 1 кургана 41 могильника Солодовка-I (Волгоградская область, XIV в.) (Перерва, Балабанова, Зубарева, 2013, с. 89); кольцевой тип на мужском черепе (рис. 5: 1) из кургана 7 погребения 1 могильника Нагавский II (Волгоградская область, XIII-XIV вв.) (Перерва, Балабанова, Зубарева, 2013, с. 88); кольцевой тип на мужском черепе из погребения 1 кургана 55 на Царевском городище (Волгоградская область, XIII-XIV вв.) (Перерва, Балабанова, Зубарева, 2013, с. 96).

Кольцевой и лобно-затылочный типы присутствуют на черепах из могильников Маячный Бугор (Балабанова, Перерва, 2013, с. 71) и Вакуровский бугор (Балабанова, Перерва, Зубарева, 2011, с. 49) – некрополей

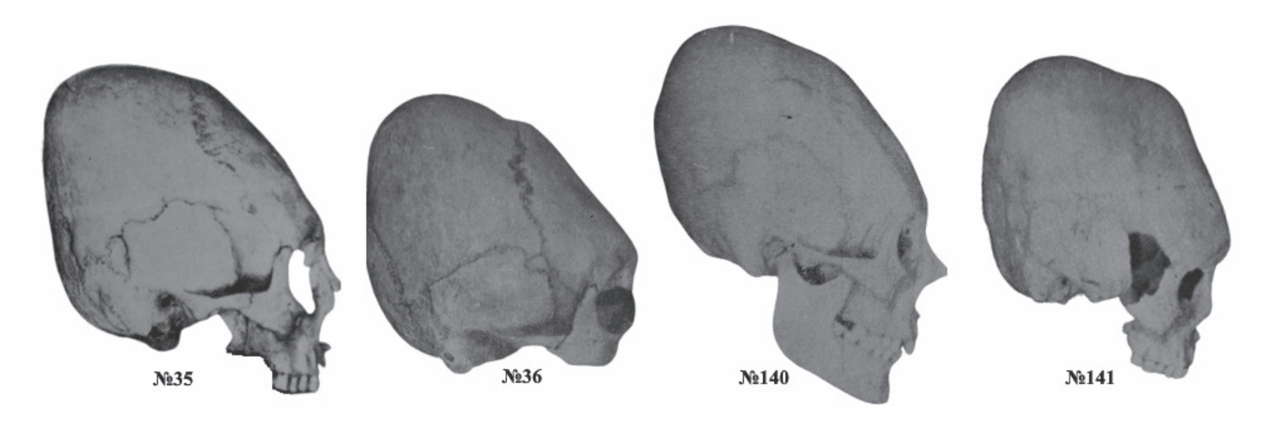

Рис.6. Искусственно деформированные черепа с территории Болгарии. ♂. №35-№36 – Видин; №140-141 – Русе (по: Боев, 1957).
Fig.6. Artificial deformed skulls from Bolgaria. ♂. №35-№36 – Vidin; №140-141 – Ruse (after Boev, 1957).

Красноярского городища золотоордынского времени (Астраханская область). Культурная традиция имеет, видимо, среднеазиатское происхождение (Балабанова, Перерва, Зубарева, 2011, с. 170).

В погребении №133 на могильнике Бабий Бугор – одного из некрополей г. Великий Булгар (Спасский р-н, Республика Татарстан) был обнаружен женский череп со следами преднамеренной деформации, который относился к сублапоноидному антропологическому типу (Трофимова, 1956, с. 125). При расчистке погребения была найдена медная золотоордынская монета, чекана около 1300 г. (Ефимова, 1974, с. 25). На черепе присутствует лобно-затылочный тип модификации, но не сильно выраженный (рис. 5: 4).

Антрополог П. Боев упоминал о двух искусственно деформированных (рис. 6: 1, 2) мужских черепах (№35, №36) с мусульманского кладбища (XVII–XVIII вв.) г. Видин (кольцевой + лобно-затылочный тип и кольцевой тип), а также о двух мужских (№140, №141) искусственно модифицированных (рис. 6: 3, 4) черепах (кольцевой тип) из г. Русе (Рущук) выкопанных около старой турецкой тюрьмы, существовавшей до конца XIX века с территории Болгарии. На трех черепах (№35, №140, №141) отмечена монголоидная примесь (Боев, 1957).

Искусственно деформированные черепа встречаются также в Крыму (XIII-XVIII вв.): могильники и отдельные погребения – Сугдеи (Судака), Алушты, Урум-Мегале, Бия-Сала, Каламиты-Инкерамана, при монастыре в бухте Панаир (г. Аю-Даг), при деревне Мангуш (Иванов, 2014).

В эпоху средневековья на некрополях с территории Центральной Азии отмечаются искусственно модифицированные черепа (Ходжайов, 2006; Ходжайов, 2007), что было связано с устоявшимся многовековым обычаем, но уж не в таких масштабах, как ранее.

Антрополог Т.К. Ходжайов считает, что обычай лобно-затылочной и теменной деформации, по всей видимости, имеет этнический характер. Относительно кольцевой деформации пока нет определенного мнения (Ходжайов, 2006, с. 19).

На средневековом некрополе (XI–XIII вв.) крепости Ван (Konyar, 2011) на востоке Турции в одном из погребений был обнаружен мужской (VK 00225) искусственно деформированный череп (рис. 7; 1), на котором присутствовал кольцевой тип модификации (Erkman, Surul, 2014, p. 124; p. 125, Res.6).

Е. Петерсен и Э. фон Лушан отмечали искусственно деформированные черепа (рис. 7: 2) в позднесредневековых мусульманских погребениях юга Анатолии (Petersen, Luschan, 1889).

Относительно происхождения традиции преднамеренной модификации у мужчины из Самухского могильника и женщины из западных районов республики, вероятно, по нашему предположению, она была привнесена в столь позднюю эпоху извне. Теменной в сочетании с лобно-затылочным тип искусственной деформации, отмеченный на женском черепе, был впервые зафиксирован на территории Азербайджана.

О пришлом характере людей, у которых отмечена преднамеренная модификация,

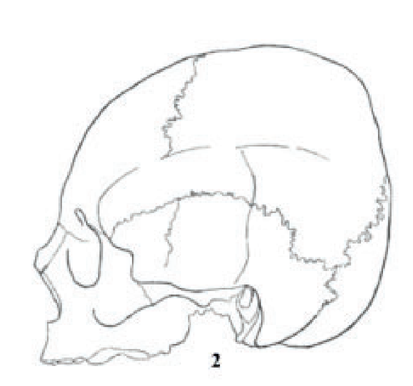

Рис.7. Искусственно деформированные черепа с территории Турции. ♂. 1 – Некрополь крепости Ван, VK 00225 (по: Erkman, Surul, 2014); 2 – Позднесредневековое кладбище, юг Анатолии (по: Petersen, von Luschan, 1889).
Fig.7. Artificial deformed skulls from Turkey. ♂. 1 – Van castle necropolis, VK 00225 (after Erkman, Surul, 2014); 2 – Late medieval necropolis, south of Anatolia (after Petersen, von Luschan, 1889).

косвенно свидетельствует и их антропологический тип с примесью монголоидных особенностей, что было нехарактерно для населения Азербайджана исследованного времени.

Вероятно, отдельные носители традиции преднамеренной деформации попали в Азербайджан из Центральной Азии во времена существования Золотой Орды (XIII–XV вв.), либо же, военных походов Тамерлана (1370–1405) и его потомков.

Новые факты обнаружения искусственно деформированных черепов смогли бы пролить свет на распространение обычая искусственной деформации в Азербайджане в эпоху средневековья.

В эпоху средневековья находки черепов с искусственной деформацией уже немногочисленны, а в новое время они уже единичны, что свидетельствует о постепенном исчезновении традиции преднамеренно деформировать голову на евразийском континенте.

Благодарность:

Автор выражает свою благодарность и признательность зав. кафедрой «Анатомии человека и медицинской терминологии» д.ф. по медицине, доц. А.С. Абдуллаеву за возможность исследовать антропологический материал, а также сотрудникам «Музея анатомии человека» за помощь во время работы с черепами.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропометрических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Балабанова М.А. Современные исследования морфологических и культурных аспектов обычая искусственной деформации головы в традиционных культурах народов мира // Stratum plus. 2017. №6. С. 17–42.

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Зубарева Е.Г. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград: ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 180 с.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. Маячный бугор могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология). Волгоград: ФГБОУ ВПО «Волгоградский филиал РАНХиГС», 2013. 213 с.

Боев П. Върху изкуствените деформации на главата // Известия на Института по морфология. 1957. II. С. 263–290.

Бужилова А.П. Древнее население: палеопатологические исследования. М.: ИА РАН, 1995. 189 с.

Гошгарлы Г.О. Комбинированные погребения Кавказской Албании // Azerbaijan Archaeology. 2013. Vol. 16. №2. С. 15–31.

Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 24–29.

Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. Вып. VIII / Отв. ред. С.Н. Бибиков. М.;Л.: АН ССР, 1940. С. 81–88.

Иванов А.В. Новые данные о практике искусственной деформации головы у населения средневековой Таврики // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 57–60.

Касимова Р.М. Антропологические исследования черепов из Мингечаура. Баку: АН АзССР, 1960. 134 с.

Кириченко Д.А. Палеоантропология Азербайджана (VII в. до н.э.–V в. н.э.). Баку: Apostrof-A, 2020. 208 с.

Кириченко Д.А. Обычай искусственной деформации головы (черепа) на территории Азербайджана, Кавказа и Ближнего Востока (неолит-халколит) // Revista de Arheologie, Antropologie şi Studii Interdisciplinare (RAASI). 2021. №3. P. 37–56.

Кириченко Д.А. Искусственно деформированные черепа: Азербайджан, Южный Кавказ, Ближний Восток (эпоха бронзы-раннее железо). Баку, 2024. 129 с. (в печати).

Перерва Е.В., Балабанова М.А., Зубарева Е.Г. Коллекция искусственно деформированных черепов научно-учебного кабинета-музея антропологии Волгоградского государственного университета. Палеоантропология. Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО «Волгоградский филиал РАНХиГС», 2013. 116 с.

Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33. М.: АН СССР, 1956. С. 73–145.

Ходжайов Т.К. Население Миздахкана по данным антропологии // Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1970, С. 169–246.

Ходжайов Т.К. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии / OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5 / Отв. ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2006. С. 12–21.

Ходжайов Т.К. Население позднефеодальной Бухары. М.: Ассоциация Экост, 2007. 259 с.

Шведчикова Т.Ю. Искусственная деформация головы как исторический источник на примере Джетыасарской археологической культуры Восточного Приаралья конца тыс. I до н.э. – VIII в. н.э. Дисс. … канд. истор. наук. М.: ИА РАН, 2010, 266 с.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series. 44. Indianapolis: Western Newspaper Company, 1994. 206 p.

Erkman A.C., Surul Ö. Van Kalesi Höyüğü (Ortaçağ) insanlarının travma izleri analizi // Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2014. 5(2). S. 118–135.

Konyar E. Excavations at the Mound of Van Fortress / Tuspa // Journal Academic Marketing Mysticism Online. 2011. Vol. 3. Part 12. 176–191.

Martin R., Saller K. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden. Bd. I. Stuttgart: Fischer, 1957. 518 p.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identifcation of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1981, 479 p.

Petersen E., von Luschan, F. Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratis. Vienna: Carl Gerold's Sohn, 1889. 248 p.

Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. 116 p.

Waldron T. Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 298 p.

Информация об авторе:

Кириченко Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Институт археологии, этнографии и антропологии, НАНА (г. Баку, Азербайджанская Республика); dmakirichenko@mail.ru

REFERENCES

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Craniometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Balabanova, M. A. 2017. In *Stratum plus* 6, 17–42 (in Russian).

Balabanova, M. A., Pererva, E. V., Zubareva E. G. 2011. *Antropologiya Krasnoyarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni (Anthropology of the Krasny Yar ancient settlement of the Golden Horde period).* Volgograd:" FGOU VPO VAGS" Publ. (in Russian).

Balabanova, M. A., Pererva, E. V. 2013. *Maiachnyi bugor — mogil'nik Krasnoiarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni (antropologiia) (Mayachni Bugor, the Burial Ground of the Krasny Yar Hillfort, Golden Horde Time: Anthropology)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).

Boev, P. 1957. In *Izvestiia na instituta po morfologiia (Proceedings of the Institute of Morphology)* 2, 263–290 (in Bulgarian).

Buzhilova, A. P. 1995. *Drevnee naselenie: paleopatologicheskie issledovaniia (Ancient Population: Paleopathological Studies).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Goshgarli, G. O. 2013. In *Azerbaijan Archaeology* 16 (2), 15–31 (in Russian).

Efimova, A. M. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24–29 (in Russian).

Zhirov, E. V. 1940. In Bibikov, S. N. (ed.). In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* VIII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 81–88 (in Russian).

Ivanov, A. V. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 57–60 (in Russian).

Kasimova, R. M. 1960. *Antropologicheskie issledovaniia cherepov iz Mingechaura (Anthropological Studies of the Skulls from Mingachevir*). Baku (in Russian).

Kirichenko, D. A. 2020. *Paleoantropologiya Azerbaydzhana (VII v. do n.e.–V v. n.e.) (Paleoanthropology of Azerbaijan (VII century BC – V century AD)).* Baku: "Apostrof-A" Publ. (in Russian).

Kirichenko, D. A. 2021. In *Revista de Arheologie, Antropologie şi Studii Interdisciplinare (RAASI)* 3, 37–56 (in Russian).

Kirichenko, D. A. 2024. *Iskusstvenno deformirovannye cherepa: Azerbaydzhan, Yuzhnyy Kavkaz, Blizhniy Vostok (epokha bronzy-rannee zhelezo). (Artificial deformed skulls: Azerbaijan, South Caucasus, Near East (Bronze – Early Iron Ages)).* Baku (in press) (in Russian).

Pererva, E. V., Balabanova, M. A., Zubareva, E. G. 2013. *Kollektsiya iskusstvenno deformirovannykh cherepov nauchno-uchebnogo kabineta-muzeya antropologii Volgogradskogo gosudar-stvennogo universiteta. Paleoantropologiya (The collection of artificial deformed skulls of scientific-study cabinet-museum of Volgograd state university).* Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Trofimova, T. A. 1956. In *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collection)* 1. Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 73–145 (in Russian).

Khodzhaiov, T. K. 1970. In Yagodin V.N., Khodzhaiov *T.K. Nekropol' drevnego Mizdakhkana (Necropolis of ancient Mizdakhkan*). Tashkent: "Fan" Publ. 169–246 (in Russian).

Khodzhaiov, T. K. 2006. In Mednikova, M. B. (ed.). Artificial deformation of human head in Eurasian past. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology*) 5. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 12–21 (in Russian).

Khodzhaiov, T. K. 2007. *Naselenie pozdnefeodal'noy Bukhary (The population of late feudal Bukhara).* Moscow: "Associaciya Ekost" Publ. (in Russian).

Shvedchikova, T. Y. 2010. *Iskusstvennaya deformatsiya golovy kak istoricheskiy istochnik na primere Dzhetyasarskoy arkheologicheskoy kul'tury Vostochnogo Priaral'ya kontsa tys. I do n.e. – VIII v. n.e. (Artificial deformation of the head as a historical source (on the example of the Dzhetyasar archaeological culture of the Eastern Aral Sea region of the end of the I millennium BC - 8th century AD).* Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Buikstra, J.E., Ubelaker, D.H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series. 44.* Indianapolis: Western Newspaper Company.

Erkman, A.C., Surul, Ö. 2014. In *Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi (Ankara University Journal of Social Sciences)* 5(2), 118–135 (in Turkish).

Konyar, E. 2011. In *Journal Academic Marketing Mysticism Online* Vol. 3. Part 12, 176–191 (in English).

Martin, R., Saller, K. 1957. *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung, mit Besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden*. Bd. I. Stuttgart: G. Fischer

Ortner, D.J., Putschar, W.G.J. 1981. *Identifcation of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains.* Washington: Smithsonian Institution Press.

Petersen, E., von Luschan, F. *Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratis*. Vienna: Carl Gerold's Sohn, 1889.

Ubelaker, D.H. 1978. *Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation.* Chicago: Adline Publishing Company.

Waldron, T. 2008. *Paleopathology.* Cambridge: Cambridge University Press.

About the Author:

Kirichenko Dmitry A. Candidate of Historical Sciences (PhD), Ass. Professor, Institute of archaeology, ethnography and anthropology, ANAS, H. Javid avenue, 115, Baku, AZ 1143, Azerbaijan Republic; dmakirichenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК902 225 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.344.348

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ XIII–XIV ВЕКОВ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

©2024 г. Р.Х. Мамаев, В.Е. Нарожный, Е.И. Нарожный

Статья содержит ссылки на некоторые дискуссионные статьи по истории военного дела Золотой Орды, в первую очередь, концентрируя внимание на находках боевых бородовидных топоров и железного «чеснока». Авторами поднят вопрос о спорных аспектах вооружения в период от монголо-татарского нашествия до завоеваний Тимура, в первую очередь, о таких, как «отравляющие газы», гранаты и ружья. Опубликованы новые находки «чеснока» и пальмы эпохи позднего средневековья с поселения Железнодорожное, продолжаются исследования копий и сабель Келийского могильника Горной Ингушетии. Отдельное внимание уделено значимой статье И.А. Дружининой о боевых топорах с бородовидным лезвием. Поднимается вопрос о сложности функционального анализа случайно обнаруженных бородовидных топоров в статье Дударева С.Л., Бережной В.А. и Савенко С.Н.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, военное дело и вооружение, наконечники копий, железные топоры, триболы.

NEW DISCOVERY OF WEAPONS OF THE XIII–XIV CENTURIES IN THE NORTH CAUCASUS

R.Kh. Mamaev, V.E. Narozhny, E.I.Narozhny

The article contains references to some debatable articles on the history of the military affairs of the Golden Horde, primarily focusing on new findings, battle bearded iron axes and iron caltrops. The question of discussion aspects of weaponry during the period from Mongol-Tatar campaign to Timur's conquest is raised, firstly about «poisoned gases», grenades and firearm. New finding of caltrops and palm of the late Middle Ages from Zheleznodorozhnoye settlement have been published, research of spears and sabers from the Keli burial ground of Ingushetiya Highlands continues. Special attention is paid to the important article by I.A. Druzhinina on battle axes with bearded blade. The question about the complexity of functional analysis of finding of bearded axes by chance is raised in the article by Dudarev S.L., Berezhnaya V.A. and S.N. Savenko.

Keywords: archaeology, Golden Horde, military and weaponry, spearheads, iron axes, caltrops

История военного дела, вооружения и снаряжения воинов Золотой Орды – проблема давняя и традиционная, позволяющая более глубоко и разносторонне рассматривать особенности завоевания и включения тех или иных регионов в состав Золотой Орды. Между тем в последнее время появилось немало спорных и откровенно надуманных публикаций на этот счет. Здесь следует указать версию использования монголо-татарами якобы «боевых отравляющих веществ» (Свентославский, 1998, с. 295–297; 2012, с. 379–393), что вызывает закономерные сомнения (Нарожный, 2020, с. 301–315). Я.В. Пилипчук «вооружает» армию Тимура «огнестрельными ружьями» (Пилипчук, 2016, с. 58–65). Р.Р. Рудницкий, опираясь на находки фрагментов чугунных шарообразных изделий, связывает их с фрагментами «ручных гранат» – технологическими заимствованиями монголов у китайцев (Рудницкий, 2022, с. 312–323), хотя отмеченные фрагменты чугунных изделий напоминают фрагменты бытовых, довольно часто встречающихся на территории Золотой Орды (Нарожный, 2022, с. 161–1670). Вместе с тем, в рассматриваемое время появились и публикации разнообразных предметов вооружения золотоордынского времени из культурного слоя поселения Железнодорожное – 1 (Василиненко, Нарожный, Соков, 2017, с. 186–187; Нарожный, Соков, 2017, с. 286–287). Среди них особо выделяется проволочное приспособление для борьбы с конницей, так называемый «чеснок» и фрагментированная пальма. Кроме того в научный оборот были введены разнообразные предметы вооружения из высокогорной Ингушетии – сабли (Кочкаров, Мамаев, 2020, с. 383–385; Кочкаров, Мамаев, Нарожный, Нарожный, 2021, с. 768–786), а также наконечники копий

оттуда же (Гаглойты и др., 2021а. С. 170–186; Гаглойты и др., 2021б, с. 180–192; Гаглойты и др., 2022, с. 119–127).

Важным событием стала публикация разнотипных железных топоров (Дружинина, 2020, с. 192–220), хотя, как уже указывалось в литературе (Нарожный, 2022, с. 120–123), в эту сводку не попал еще один экземпляр со Ставрополья (Голубев, Пьянков, 2015, с. 38–42), атрибутированный как древнерусский. Необходимо отметить, что публикация И.А. Дружининой поднимает вопрос об анализе роли и места небольшой, но крайне интересной категории узкоспециализированного типа импортных боевых бородовидных топоров Северного Кавказа, которых можно отнести к «кавалерийским» (Дружинина, 2020, Рис. 9. 4, 6, 15; 14. 1, 2, 4). Обнаруженные в погребениях с соответствующим комплектом вооружения конного воина топоры маркируют не только международные контакты элиты Западного Предкавказья эпохи Золотой орды, но и сохранение воинских традиций (использования топоров и булав для борьбы с тяжелобронированным противником), возникших в эпоху монголо-татарских завоеваний (но более вероятно, что раньше) и просуществовавших на Северном Кавказе вплоть до конца Позднего Средневековья. В данном контексте интересно, что появление хорошо защищенного противника, поставило перед народами Северного Кавказа вопрос о необходимости нахождения инструментов и методов борьбы с ним. Очевидно, что изучение методов, используемых государствами противниками, сюзеренами, союзниками и соседями северокавказских народов (татаро-монголами, Джучидами, Хулагуиды, мамлюками, византийцами) привело и к прямому заимствованию их вооружения.

Сегодня коллекция топоров значительно увеличилась за счет публикаций их находок с территории Краснодарского края (Рис.1.1.) и Пятигорья (1.2,3.) (Дударев, Бережная, Савенко, 2021, с. 229–240). Особенно интересен большой бородовидный топор в силу редкости находок этого типа на Северном Кавказе (Рис.1.1.) (Дударев, Бережная, Савенко, 2022). В силу случайности и вне комплексности находки справедливо возникает вопрос о функциональном назначении топора. Его исключительно боевое или хозяйственное назначение определяется не только его размерами и весом, но и другими техническими характеристиками: размерами и формой сечения лезвия и проушины, углом наклона проушины и лезвия. Этот экземпляр напоминает о том, что из бородовидных топоров можно выделить экземпляры, совмещающие свойства как боевые, так и хозяйственные, которые принято называть универсальными.

Рис. 1.Бородовидные топоры (по Дудареву, Бережная, Савенко): 1 – из станицы Зассовской; 2, 3 – Пятигорского краеведческого музея.
Fig. 1. Bearded axes (by Dudarev, Berezhnaya, Savenko): 1 – from the village of Zassovskaya; 2, 3 – Pyatigorsk Museum of Regional Studies.

Как отмечалось выше, среди находок в культурном слое поселения Железнодорожное – 1 был выявлен один экземпляр трибола (т.н. «чеснок), изготовленного из острых проволок, скрепленных между собой. Сегодня оттуда же происходят еще два таких экземпляра, обнаруженных при вывозе отвалов того же раскопа. Эти находки совершенно идентичны раннесредневековым аналогиям, например, с территории Хумаринского городища

КЧР (Кочкаров, Кубанова, 2020, с. 369–371; рис. 1: 1). Тождественность аналогий затрудняет точную датировку новых находок с территории золотоордынского поселения. Следует учитывать, что данный археологический объект перекрывает культурные напластования не только меотского времени, но и отдельные находки керамики хазарского времени (Иванов, Нарожный, Соков, 2019, с. 58–76). Данное обстоятельство заставляет думать, что обе указанные находки могут относиться не к золотоордынскому, а к хазарскому времени.

Заключение. Указанная выше выборка находок железных топоров с территории Кубани и Пятигорья (рис. 1), к сожалению, лишена важных дополнительных сведений о конкретных пунктах их обнаружения и характере бытовых и погребальных памятников с территории, с которыми они были связаны. Тем не менее, факт их появления диктует на перспективу потребность в детальной типологической классификации каждой из этих находок и подборки им исчерпывающих аналогий с территории Евразии. Возможно, что данная публикация и последующие уточнения вызовут интерес других специалистов, которые поделятся своими соображениями на этот счет, и вся интересующая нас выборка будет разделена на группу рубящего вооружения и предметы сугубо хозяйственного назначения, использовавшиеся при экономическом освоении нашего региона в XIII–XV веках.

ЛИТЕРАТУРА

Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений "Железнодорожное, "Железнодорожное №1 И №2" XIII-XV вв. (Крымский район Краснодарского края) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 186–187.

Гаглойты Р.Х., Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Наконечники копий Келийского каменноящичного могильника (горная Ингушетия) // Нижневолжский археологический вестник. 2021а. Т. 20. № 2. С. 170–186. DOI: https://doi.oig/10.15688/nsv.ivolsu.2021/2/8

Гаглойты Р.Х., Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Наконечники копий и дротиков XIII-XIV вв. из высокогорной Ингушетии некоторые итоги, задачи и перспективы изучения // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 19 / Ред. Е.И. Нарожный. Армавир-Карачаевск: КЧГУ, 2021б. С. 180–192.

Гаглойты, Р.Х., Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Об одном типе наконечников копий XXIII-XIV вв. с территории Северного Кавказа // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 119–127. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.119.127

Голубев Л.Э., Пьянков А.В. Древнерусский топор с южного берега Краснодарского водохранилища (Республика Адыгея) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко и др. Ставрополь: Ставролит, 2015. С. 38–42.

Дружинина И.А. Средневековое воинское погребение у станицы Губская (по материалам раскопок Н.И. Веселовского на Кубани) // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. А.Х. Тлеуж. Майкоп: Магарин О.Г., 2020. С.192–220.

Дударев С.Л., Бережная В.А., Савенко С.Н. Археологические материалы эпохи средневековья с территории Средней Кубани // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Л.Э. Голубев. Майкоп: Магарин О.Г., 2021. С. 229–240.

Иванов А.В., Нарожный Е.И., Соков А.В. О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье // Археологические вести 25 / Отв. ред. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 58–76.

Кочкаров У.Ю., Кубанова М.Н. Об одном виде вооружения с Хумаринского городища (VIII-X вв.) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы международной научн.конф. «XXXI Крупновские чтения» / Отв.ред. М.С. Гаджиев. Махачкала, 2020. С. 369–371.

Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х., Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Погребение №121 Келийского могильника XIII-XIV вв. (горная Ингушетия) // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 4. С. 768–786. DOI: https://doi.oig/10.32653/CH174768-768

Мамаев Р.Х., Кочкаров У.Ю. О саблях Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы международной научн.конф. «XXXI Крупновские чтения» / Отв.ред. М.С. Гаджиев. Махачкала, 2020. С. 383–385.

Нарожный Е.И. Из истории изучения средневекового вооружения XIII-XIV веков (юбилейная и полемические заметки) // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 301–315.

Нарожный Е.И. Средневековое поселение «Козьи скалы» в Пятигорье и опыт его историко-культурной оценки // Кубанские исторические чтения. Материалы XIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.П. Курусканова, Б.В. Улезко. Барнаул: Колмогоров И.А, 2022. С. 161–167.

Нарожный Е.И., Соков П.В. Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 283–287.

Пилипчук Я.В. Грузия и тюрки в конце XIV в. // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2016. № 4 (5371-1). С. 58−65.

Рудницкий Р.Р. Заметки о монгольском завоевании Пятигорья // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15 / Отв. ред. Ю.А, Прокопенко. Ставрополь: Печатный двор, 2022. С. 312–323.

Свентославский В. Боевые газы в армии средневековых монголов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов, В.М. Массон. СПб.: ГЭ, 1998. С. 295−297.

Свентославский В. Боевые газы в военном деле монголо-татар // ЗВОРАО: Новая серия. Т.1 (XXVI) / Отв. ред. В.И. Масон. СПБ: Петербургское востоковедение, 2012. С. 393−379.

Информация об авторах:

Мамаев Рашид Хамидович, независимый исследователь (г. Москва, Россия); borz85@list.ru

Нарожный Виталий Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Армавир, Россия); vitanar21@yandex.ru

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и главный специалист археологической лаборатории Карачаево-Черкесского госуниверситета им. У.Д.Алиева, член Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории (г. Карачаевск, Россия); zai_ein@mail.ru

REFERENCES

Vasilinenko, D. E., Narozhny, E. I., Sokov, P. V. 2017. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy* V (XXI) *Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule–Belokurikhe (Proceedings of the 2nd (21st) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul, Belokurikha)*. Barnaul: Altai State University, 186–187 (in Russian).

Gagloity, R. Kh., Kochkarov, U. Yu., Mamaev, R. Kh., Narozhny, V. E., Narozhny, E. I. 2021. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (2), 170–186 (in Russian). DOI: https://doi.oig/10.15688/nsv.ivolsu.2021/2/8

Gagloity, R. Kh., Kochkarov, U. Yu., Mamaev, R. Kh., Narozhny, V. E., Narozhny, E. I. 2021. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 19. Armavir: Karachayevsk State University, 180–192 (in Russian).

Gagloity, R. Kh., Kochkarov, U. Yu., Mamaev, R. Kh., Narozhny, V. E., Narozhny, E. I. 2022. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 119–127 DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.119.127 (in Russian).

Golubev, L. E., P’yankov, A. V. 2015. Prokopenko, Yu. A. et al. (eds.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the cultural history of the peoples of the North Caucasus)* 7. Stavropol: “Stavrolit” Publ., 38–42 (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2020. In Tleuzh, A. Kh. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of Archaeology of Adygea).* Maikop: “Magarin O.G.” Publ., 192–220 (in Russian).

Dudarev, S. L., Berezhnaya, V. A., Savenko, S. N. 2021. In Golubev, L. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of Archaeology of Adygea).* Maikop: “Magarin O.G.” Publ., 229–240 (in Russian).

Ivanov, A. V., Narozhny, E. I., Sokov, A. V. 2019. In Nosov, E. N., Khvoshchinskaya, N. V. (eds.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 25. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 58–76 (in Russian).

Kochkarov, U. Yu., Kubanova, M. N. 2020. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia. XXXI "Krupnovskie chteniia"* (*Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Issues of Study and Preservation.* (*XXXI Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus*). Mahachkala, 369–371 (in Russian).

Kochkarov, U. Yu., Mamaev, R. Kh., Narozhny, V. E., Narozhny, T. I. 2021. In *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 17, No. 4, 768–786. DOI: https://doi.oig/10.32653/CH174768-768 (in Russian).

Mamaeva, R. Kh., Kochkarov, U. Yu. 2020. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia. XXXI "Krupnovskie chteniia"* (*Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Issues of Study and Preservation.* (*XXXI Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus*). Mahachkala, 383–385 (in Russian).

Narozhny, E. I. 2020. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 301–315 (in Russian).

Narozhny, E. I. 2022. In Kuruskanova, N. P., Ulezko, B. V. (eds.). *Kubanskie istoricheskie chteniya (Kuban historical readings).* Barnaul: "Kolmogorov I.A." Publ., 209–213 (in Russian).

Narozhny, E. I., Sokov, P. V. 2017. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy* V (XXI) *Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule–Belokurikhe (Proceedings of the 2nd (21st) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul, Belokurikha)* 2. Barnaul: Altai State University, 283–287 (in Russian).

Pilipchuk ,Ya. V. 2016. In *Vestnik KazNPU (Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Series: Historical and Socio-Political Sciences. Series: Historical and Socio-Political Sciences).* 4(5371-1), 58−65 (in Russian).

Rudnitskii, R. R. 2022. In Prokopenko, Yu. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the North Caucasian peoples culture)* 15. Stavropol: "Pechatnyy dvor" Publ., 312–323 (in Russain).

Sventoslavsky, V. 1998. In Vilinbakhov, G. V., Masson, V. M. (eds.). *Voennaia arkheologiia. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Military Art in the Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 295−297 (in Russian).

Svetoslavsky, V. 2012. In Mason, V. I. (ed.). *Zapiski Vostochnogo ondeleniia Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society)* 1 (XXVI). Saint-Petersburg: Petersburg Oriental studies, 393−379 (in Russian).

About the Authors:

Mamaev Rashid Kh. Independent Researcher, Moscow, Russian Federation; borz85@list.ru

Narozhny Vitaly E. Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Armavir, Russian Federation; vitanar21@yandex.ru

Narozhny Evgeny I., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and chief specialist of the Archaeological Laboratory of Karachay-Cherkess State University named after U.D.Aliyev, member of the Krasnodar branch of the Russian Society of Intellectual History. Lenin str., 29, Karachayevsk, 369202, Russian Federation**;** zai_ein@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Сибирь и Дальний Восток

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.349.357

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЕВ БАРНАУЛА

©2024 г. К.Е. Бояринцева

В статье рассмотрены материалы коллекций раннего Средневековья, хранящихся в музеях г. Барнаула. Основными источниками изучения стали предметы из фондов Алтайского государственного краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета. Рассматриваются также опубликованные материалы. Цель статьи – обобщить имеющиеся сведения об украшениях. В ходе работы был установлен круг археологических памятников на территории юга Западной Сибири, где они были найдены. Датировка определяется временем существования одинцовской и сросткинской культуры. Информация представлена в хронологической последовательности относительно года проведения раскопок. Обнаруженные украшения связаны с погребениями. Учтены количественные показатели их наличия. Из наиболее распространенных изделий выделяются серьги, бусы, подвески, застежки, бляхи. Основными материалами изготовления украшений являлся цветной металл. Реже встречается кость или рог. Для бус использовались стекло, камни и паста. Анализ материалов из коллекций позволит продолжить работу по формированию базы данных, а также по созданию классификации и типологии украшений.

Ключевые слова: археологические исследования, юг Западной Сибири, раннее Средневековье, музей, украшения, одинцовская культура, сросткинская культура.

EARLY MEDIEVAL JEWELRY FROM THE SITES OF ALTAI AND SOUTHERN SIBERIA IN THE COLLECTIONS OF BARNAUL MUSEUMS

K.E. Boyarintseva

The article deals with the materials of the collections of the early Middle Ages, kept in the museums of Barnaul. The main sources of study were items from the collections of the Altai State Museum of Regional Studies, the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai of Altai State University, and the Museum of Regional Studies of the Altai State Pedagogical University. The published materials are also considered. The purpose of the article is to summarize the available information about jewelry. During the work, a circle of archaeological sites was established in the south of Western Siberia, where they were found. The dating is determined by the time of the Odintsovo and Srostki culture. The information is presented in chronological sequence relative to the year of the excavation. The discovered jewelry is associated with burials. Quantitative indicators of their availability are taken into account. Among the most common products are earrings, beads, pendants, clasps, plaques. The main materials for making jewelry were non-ferrous metal. Bone or horn is less common. Glass, stones and paste were used for beads. The analysis of materials from the collections will allow us to continue work on the formation of a database, as well as on the creation of a classification and typology of jewelry.

Keywords: archaeological studies, south of Western Siberia, early Middle Ages, museum, jewelry, Odintsovo culture, Srostki culture.

Археологические исследования памятников эпохи Средневековья на территории юга Западной Сибири ведут свое начало с 1-й половины XIX в. Погребальные комплексы, содержавшие уникальный материал по истории кочевых племен, довольно быстро привлекли внимание исследователей. Тем не менее раскопки носили больше любительский, нежели профессиональный характер. Начало планомерных работ на археологических объектах пришлось на 1920-е гг. и связано с деятельностью М.Д. Копытова, С.И. Руденко, М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева. После окончания Великой Отечественной войны боль-

шую роль в изучении раннесредневековых памятников сыграла Северо-Алтайская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР. Под руководством М.П. Грязнова в течение нескольких лет проводилось исследование в урочище Ближние Елбаны.

За прошедшее время в музеях страны сформировались достаточно представительные коллекции, отражающие деятельность и развитие средневекового населения. Археологические собрания в г. Барнауле главным образом сосредоточены в Алтайском государственном краеведческом музее (далее – АГКМ), Музее археологии и этнографии Алтая Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (далее – МАЭА) и Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета (далее – АлтГПУ). Раскопанные памятники периода раннего Средневековья, материалы которых хранятся в указанных учреждениях, содержали украшения – основной предмет нашего исследования (табл. 1). Одни из первых находок обнаружены экспедицией А.П. Уманского на курганном могильнике Иня-1 в 1951 г. и 1959 г. Всего были исследованы шесть курганов, к четырем из которых относятся украшения из коллекции № 11250 в АГКМ (Уманский, 1970, с. 45). Одну бусину нашли в ходе зачистки насыпи кургана № 2. Из того же кургана происходят находки с захоронением человека неопределенного пола (могила 1), где была найдена одна кольцевая серьга. Сопроводительный инвентарь мужского скелета из могилы 2 включал в себя два перстня (табл. 2, № 11) и две бусины. Под насыпью кургана № 3 в могиле 1 лежал скелет мужчины. Среди прочих предметов отмечены фрагмент нижней части серьги с подвеской, обломки браслета, наконечник ремня. При исследовании кургана № 4 украшения найдены в могиле 2 с женским захоронением. Они включали две кольцевые серьги и перстень со вставкой из синего камня (табл. 2, № 11). Еще один перстень (табл. 2, № 11) обнаружен при изучении материалов кургана № 5. Он относится к единственной могиле, где находились останки погребенной женщины (Уманский, 1970, с. 50–61).

В настоящее время могильник Иня-1 является базовым комплексом раннего этапа сросткинской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.), отражающим процесс ее формирования (Горбунов, 2017, с. 228).

В 1962 г. Алтайским краевым краеведческим музеем (АККМ) под руководством А.П. Уманского проводились раскопки у совхоза «Поспелихинский», а также у сел Нечунаево и Мало-Панюшово. Полученные материалы составили отдельную коллекцию № 11590. В ходе работ исследователями осуществлено вскрытие двух могил на песчаной дюне верхней террасы левого берега р. Алей, между селами Нечунаево и Кабаково, получившей обозначение Нечунаевский Елбан – 2. Украшения были найдены в могиле 1 с захоронением ребенка и включали одну серьгу с подвешенным шариком и боковым отростком сверху (табл. 2, № 3), бусину из пасты. Отдельного внимания заслуживает пояс, украшенный девятью бляхами. Из них три – концевые (наконечники), пять – прямоугольные с фигурной прорезью, одна – овальная с отрезным сегментом (Уманский, Неверов, 1982, с. 178–179; Горбунов, Тишкин, 2022, с. 10).

К северо-востоку от с. Нечунаево А.П. Уманским была выявлена курганная группа Нечунаево-3, где проводились раскопки кургана № 1. Судя по находкам, погребенную женщину из могилы 2 среди прочего инвентаря сопровождали три орнитоморфные части от двусоставных застежек в виде летящих птиц (табл. 2, № 15) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 11).

В ходе исследования двух разрушенных могил в с. Мало-Панюшово обнаружены шесть прорезных сердцевидных подвесок (Уманский, Неверов, 1982, с. 182; Горбунов, Тишкин, 2022, с. 10). Одна из них хранится в Историко-краеведческом музее АлтГПУ и представлена в экспозиции.

В 1969 г. в АККМ агрономом В.В. Петровым была передана коллекция редких предметов из разрушенного памятника у пос. Троицк Калманского района Алтайского края (кол. № 12793). К украшениям относятся серьга (табл. 2, № 2) и две гривны (табл. 2, № 7). В последующем памятник получил название Троицкий Елбан – I. Исследования позволили отнести его к раннему этапу одинцовской культуры и датировать 2-й половиной IV – V в. (Горбунов, 1993, с. 80–81).

В середине 1970-х гг. под руководством В.А. Могильникова проводились архео-

Таблица 1. Украшения из погребальных памятников юга Западной Сибири по материалам музеев г. Барнаул

Table 1. Jewelry from the burial sites of Altai and Southern Siberia based on the materials of the Barnaul museums

№	Название памятника, № объекта	Украшения										
		Серьги	**Накосники**	**Бусы**	**Гривны**	**Подвески и нашивки**	**Булавки**	**Перстни**	**Браслеты**	**Наконечники ремней**	**Бляхи**	**Застежки**
1	Гилево-II, могила-2	1				1						
2	Гилево-III, курган №4					1						
3	Гилево-III, курган №10										1	
4	Гилево-V, курган №7, могила					3						
5	Гилево-VII, курган №2, могила			2								
6	Гилево-XII, курган №1, могила			1								
7	Гилево-XII, курган №4, могила-1	1										1
8	Гилево-XII, курган №4, могила-2					1						
9	Гилево-XIII, курган №3, могила-2			4								
10	Грязново-III, курган №1, могила			1		2						
11	Грязново-III, курган №2, могила-1			7								
12	Грязново-III, курган №2, могила-2			3			1					1
13	Иня-1, курган №2, насыпь			1								
14	Иня-1, курган №2, могила-1	1										
15	Иня-1, курган №2, могила-2			2				2				
16	Иня-1, курган №3, могила-1	1							1	1		
17	Иня-1, курган №4, могила-1	2						1				
18	Иня-1, курган №5, могила							1				
19	Корболиха-VII, курган, могила		3	11		4		1			3	
20	Корболиха-VIII, курган №2, могила	1										
21	Кучук-1, курган №6, могила-1	1										
22	Нечунаевский Елбан-2, могила-1	1		1						3	6	
23	Нечунаево-3, курган №1, могила-2											2
24	Мало-Панюшово, могила					1						
25	Поповская Дача, курган, могила-1	2										3
26	Прудской, курган №5, могила	2		4		2						
27	Рогозиха-1, курган №10, могила-2	2		5								
28	Сростки-I, курган №8, могила-1	2										
29	Сростки-I, курган №12, могила-2					1						
30	Сростки-I, курган №16, могила-2	2										
31	Сростки-I, курган №16, могила-3	1										
32	Сростки-I, курган №16, могила-4			2								
33	Троицкий Елбан-I, могила	1			2							
34	Троицкий Елбан-I, могила-1	1			2							
35	Троицкий Елбан-I, могила-2	2										
36	Усть-Шамониха-I, могила	2		7		1					3	

логические работы около д. Грязново и у г. Камень-на-Оби. В экспедиции участвовали сотрудники Барнаульского государственного педагогического института (ныне – АлтГПУ) и АлтГУ. При изучении памятников были выявлены четыре курганные группы – Грязново-I–IV (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 11).

В группе Грязново-III их пяти курганов раскопанными оказались три. Материалы легли в основу коллекции № 63 Историко-краеведческого музея АлтГПУ. Украшения

были найдены при исследовании курганов № 1 и 2. Среди сопроводительного инвентаря детского захоронения могилы кургана № 1 следует отметить одну бусину, двухсоставную каплевидную подвеску и половину колокольчика. Курган № 2 содержал два погребения. К женскому захоронению с ребенком могилы 1 относятся семь бусин. В коллективном погребении могилы 2 встречены разрозненные скелеты двух женщин и одного субъекта неустановленного пола (вероятно, мужчины). Украшения из могилы представлены одной частью двухсоставной застежки (табл. 2, № 14), булавкой с зооморфным навершием (табл. 2, № 12) и тремя бусинами (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 13–14). Материалы послужили основой для выделения грязновского этапа сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) (Неверов, 1991, с. 182)

Значительным образом коллекции АГКМ периода раннего Средневековья пополнились в результате экспедиций в 1970–1980-е гг. Они проводились музеем совместно с Институтом археологии Академии наук СССР под руководством В.А. Могильникова.

Начало исследований приходится на 1971 г. В ходе работ в зоне строительства Гилевского водохранилища на Верхнем Алее были проведены раскопки памятников Гилево-I–V. В 1972 г. работы продолжались в районе строительства Алейской оросительной системы, где у сел Гилево и Корболиха экспедицией исследовались курганные группы Гилево-XI–XIII, Корболиха-II–IV. В том же году были начаты раскопки курганных групп Гилево-VIII–IX. В 1973–1974 гг. производились работы на памятниках Гилево-VI, XV, Корболиха-V, VII. В 1975–1976 гг. изучены материалы памятников Гилево-XVI, Корболиха-VI, VIII, X, Павловка-I–II и грунтовый могильник Гилево-II (Могильников, 2002, с. 8–66).

Украшения имеются в коллекциях памятников Гилево-III (колл. № 13105, 13170), Гилево-V (колл. № 13100), Гилево-VII (колл. № 13464, 14569), Гилево-XII (колл. № 14559), Гилево-XIII (колл. № 14556), Корболиха-III (колл. № 13465), Корболиха-VII (колл. № 14562), Корболиха-VIII (колл. № 13476), грунтовый могильник Гилево-II (колл. № 13732).

Украшения из курганной группы Гилево-III представлены подвеской из клыка кабана (курган № 4) и бляхой (курган № 10) (табл. 2, № 13). В них зафиксированы трупосожжения. Половозрастная принадлежность погребенных не определена (Могильников, 2002, с. 13–15). Памятник датирован грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56).

К памятнику Гилево-V относятся подвески из просверленных резцов марала – 3 шт. (табл. 2, № 9). Они были найдены в женском погребении кургана № 7 и по определению автора раскопок – носились в ожерелье (Могильников, 2002, с. 18). Находки датированы грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56).

Материалы памятника Гилево-VII включают в себя две бусины шаровидной и цилиндрической формы из кургана № 2. Захоронение в кургане – коллективное. Там обнаружены останки мужчины, женщины и ребенка (Могильников, 2002, с. 20–21). Датировка памятника соотносится с шадринцевским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 57).

Среди предметов сопроводительного инвентаря курганной группы Гилево-XII отмечены бусина из кургана № 1, веретенообразная застежка и серьга в виде несомкнутого кольца из кургана № 4 (могила 1), а также бляха-подвеска, воспроизводящая мужскую личину в шлеме из кургана № 4 (могила 2) (Могильников, 2002, с. 31, 33–35). Хронология памятника соответствует шадринцевскому этапу сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 57).

В коллекциях из памятника Гилево-XIII отмечено наличие четырех бусин из кургана № 3 (могила 2) (табл. 2, № 5). Погребение мужское, однако не исключена ошибка в антропологическом определении, так как по инвентарю захоронение, скорее всего, женское и относится к шадринцевскому этапу сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) (Могильников, 2002, с. 36; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 57).

Памятник Корболиха-VII представлял собой одиночный курган. Среди материалов к украшениям относятся накосники – 3 шт. (табл. 2, № 4), бусины – 11 шт., листовидные

подвески – 4 шт., бляхи – 3 шт., перстень – 1 шт. Кости человека обнаружены не были. Судя по инвентарю, это погребение знатной женщины и, возможно, ее спутников, останки которых не сохранились (Могильников, 2002, с. 52–53). Материалы датированы грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56).

К украшениям из курганной группы Корболиха-VIII относится кольцеобразная серьга с несомкнутыми концами, найденная в кургане № 2 (Могильников, 2002, с. 54). Хронология памятника соответствует грязновскому этапу сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56).

В женском захоронении могилы 2 грунтового могильника Гилево-II были найдены серьга в виде литого несомкнутого кольца с насечкой и подвеска из прорезанного резца марала (Могильников, 2002, с. 65–66). Могильник является самым поздним сросткинским памятником этой серии и датируется змеевским этапом (2-я половина XI – XII в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 57).

В 1985 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета и Барнаульского педагогического института были проведены раскопки курганного могильника Рогозиха-1, расположенного в Павловском районе Алтайского края. К периоду раннего Средневековья относятся четыре кургана (№ 9, 10, 11, 15). При исследовании кургана № 10 в могиле 2 найдены две серьги и пять бусин (табл. 2, № 6). Судя по инвентарю, погребение женское. Полученные материалы позволили датировать памятник шадринцевским этапом сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 16–17). Сегодня они хранятся в МАЭА АлтГУ (колл. № 141).

Летом 1990 г. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.Б. Шамшина проводились работы у с. Кучук в Шелаболихинском районе Алтайского края. В ходе работ был раскопан курганный могильник Кучук-1. Среди сопроводительного инвентаря одного из трех погребенных мужчин кургана № 6 могилы 1 найдена кольчатая серьга. Хронология памятника соответствует шадринцевскому этапу сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 18). Предметы переданы на хранение в МАЭА АлтГУ (колл. № 151).

В том же году археологические раскопки проводились на комплексе памятников Усть-Шамониха-I в Целинном районе Алтайского края (Горбунов, 1992). Погребальный инвентарь умершей женщины включает в себя такие предметы украшений, как две серьги (табл. 2, № 1), семь бусин, подвеска из навершия булавки, три полусферические бляхи-нашивки. Погребение датировано грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) (Горбунов, 1992, с. 86–87; Кунгуров, Кунгурова, 2019, с. 12). Материалы являются частью коллекции № 154 МАЭА АлтГУ.

Экспедиция по изучению уже упомянутого ранее памятника Троицкий Елбан – I в Калманском районе Алтайского края была проведена в 1993 г. Найденные украшения характеризуются наличием сережек – 3 шт., и гривен – 2 шт. Одна серьга с шаровидной подвеской и гривны относятся к могиле 1. Еще две серьги были найдены в могиле 2. Одна – округлая без подвески, вторая – с шаровидной подвеской. Половозрастная принадлежность погребенных не определена. Полученные материалы относятся к сошниковскому этапу одинцовской культуры (2-я половина IV – V в.) (Горбунов, 1993, с. 81–82). Предметы хранятся в МАЭА АлтГУ (колл. № 160).

Крупный одиночный курган Поповская Дача расположен в Алейском районе Алтайского края (Горбунов, Тишкин, 2001, с. 281–285). Находки украшений относятся к детскому захоронению из могилы 1. Там были найдены две кольчатые серьги и крыловидная застежка. Две аналогичные половинки от разных застежек были также найдены на раме и ее перекрытии. Находки датированы шадринцевским этапом сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 37–38). Материалы хранятся в МАЭА АлтГУ (колл. № 167).

В том же году в Калманском районе Алтайского края археологическим отрядом АлтГУ была исследована курганная группа Прудской (Горбунов, Тишкин, 2001, с. 281–285). При раскопках женской могилы кургана № 5 обнаружены подвеска от серьги и идентичная половина подвески, перламутровые пластинки с отверстиями для нашивания – 2 шт. (табл.

Таблица 2. Примеры украшений из погребальных памятников юга Западной Сибири по материалам музеев г. Барнаул
Table 2. Samples of jewelry from burial sites in the south of Western Siberia based on the materials of the Barnaul museums

№	Украшение	Вид	Место находки	Место хранения	Публикация
1		Серьги	Усть-Шамониха-I	МАЭА ИИМО АлтГУ	Кунгуров, Кунгурова, 2019, с. 12, рис. 4.-4–5
2		Серьга	Троицкий Елбан-1	АГКМ	Горбунов, 1993, с. 84, рис. 2.-5
3		Серьга	Нечунаевский Елбан-2	АГКМ	Уманский, Неверов, 1982, с. 178, рис.2.-4
4		Накосники	Корболиха-VII	АГКМ	Могильников, 2002, с. 298, рис. 162.-13–15
5		Бусы	Гилево-XIII	АГКМ	Могильников, 2002, с. 233, рис. 102.-7, 9.
6		Бусы	Рогозиха-1	МАЭА ИИМО АлтГУ	Горбунов, Тишкин, 2022, с. 259, рис. 129.-19–21
7		Гривны	Троицкий Елбан-1	АГКМ	Горбунов, 1993, с. 84, рис. 2.-7, 9
8		Подвеска	Сростки-I	МАЭА ИИМО АлтГУ	Горбунов, Тишкин, 2014, с. 59, рис. 4.-5

9		Подвески	Гилево-V	АГКМ	Могильников, 2002, с. 155, рис. 27.-1
10		Нашивки	Прудской	МАЭА ИИМО АлтГУ	Горбунов, Тишкин, 2022, с. 215, рис. 84.-4–5
11		Перстни	Иня-1	АГКМ	Уманский, 1970, с.65, рис. 7.-3, 12, 22–24
12		Булавка	Грязново-III	Историко-краеведческий музей АлтГПУ	Горбунов, Тишкин, 2022, с. 259, рис. 129.-32
13		Бляха	Гилево-III	АГКМ	Могильников, 2002, с. 138, рис. 12.-13
14		Застежка	Грязново-III, курган №2, могила-2	Историко-краеведческий музей АлтГПУ	Горбунов, Тишкин, 2022, с. 259, рис. 129.-36
15		Застежки	Нечунаево-3	АГКМ	Горбунов, Тишкин, 2022, с. 259, рис. 129.-35

2, № 10), бусины – 4 шт. (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 40, 44–45). Материалы хранятся в МАЭА АлтГУ (колл. № 169) и относятся к шадринцевскому этапу сросткинской культуры (2-я половина X – 1-я половина XI в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 57).

Экспедиции на курганном могильнике Сростки-I, расположенном в Бийском районе Алтайского края, проведены археологами АлтГУ в 2012–2014 и 2016 гг. при участии Казанского (Приволжского) федерального университета и Института истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Всего исследовано пять курганов (№ 8, 12, 15, 16, 38) (Горбунов, Тишкин, 2018, с. 74).

В 2012 г. для раскопок на памятнике был выбран курган № 12. Украшения представле-

ны двудольной подвеской с ремешком (табл. 2, № 8) из детского погребения могилы 2. В 2013 г. осуществлялись раскопки кургана № 8, расположенного в северо-западной части могильника. Из украшений отмечены две бронзовые кольчатые серьги с разведенными окончаниями из могилы 1. Останков человека обнаружено не было. В 2014 году находки украшений совершены в кургане № 16. К ним относятся серьги, найденные в двух женских погребениях. Так, в могиле 2 были найдены две серьги. Одна – с отростком, вторая – с насечками на кольце. Еще одна кольчатая серьга была найдена при исследовании могилы 3. Также в ходе раскопок детского захоронения могилы 4 были обнаружены две стеклянные бусины. Памятник датирован грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в.) (Горбунов, Тишкин, 2018, с. 55–61). По результатам раскопок материалы поступили в МАЭА АлтГУ (колл. № 650, 656, 669).

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что украшения являлись достаточно важной частью погребального инвентаря. Всего нами было рассмотрено 132 предмета из двадцати археологических памятников. Из них серьги – 26 шт., накосники – 3 шт., бусы – 51 шт., гривны – 4 шт., подвески – 15 шт., нашивки – 2 шт., булавки – 1 шт., перстни – 5 шт., браслеты – 1 шт., наконечники ремней – 4 шт., бляхи – 13 шт., застежки – 7 шт. Более подробно информация представлена в таблице 1. Количество мужских погребений с украшениями в количественном соотношении превалирует над женскими и детскими. Культурная принадлежность рассмотренных памятников соотносится с одинцовской и сросткинской культурами. Материалом для изготовления украшений чаще всего служат цветные металлы. Изделий из кости или рога значительно меньше и представлены только подвесками. Бусы в основном изготавливались из стекла и пасты.

Таким образом, проведенный анализ позволит продолжить работу по формированию базы данных, а также способствует созданию классификации и типологии украшений раннего Средневековья для указанных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 80–90.

Горбунов В.В. История поступления археологических коллекций эпохи средневековья с территории Алтая в собрание Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 227–235.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато / Археологические памятники Алтая. Вып. 6. Барнаул: АлтГУ, 2022. 320 с.

Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая / Отв. ред. В.Н. Елин. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 86–87.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия АлтГУ. 2014. № 4 (84). С. 55–67.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты изучения эпонимного памятника Сростки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 73–80.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. VII. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 281–287.

Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследования многослойных разнокультурных комплексов Верхнего Причумышья: Усть-Шамониха-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 25, №1. С. 7–15.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Неверов С.В. Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 180–182.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас: учебное пособие. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с.: ил.

Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11 / Отв. ред. Г.И. Панаев. Барнаул: Алт. отд. Геогр. о-ва Союза ССР, 1970. С. 45–74.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине реки Алея на Алтае // СА. 1982. № 2. С. 176–182.

Информация об авторе:

Бояринцева Ксения Евгеньевна, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия); boyarinceva98@gmail.com

REFERENCES

Gorbunov, V. V. 1993. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri (Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia)*. Barnaul: Altai State University Publ., 80–90 (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2017. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 23. Barnaul: Altai State University Publ., 227–235 (in Russian).

Gorbunov, V.V ., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (Barrows of the Srostki culture on the Ob Plateau).* Series: Arkheologicheskie pamyatniki Altaya (Altai archaeological sites) 6. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Gorbunov, V. V. 1992. In Elen, V. N. (ed.). *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii Altaya (Problems of preservation, use and study of Altai archaeological sites).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Pedagogical Institute, 86–87 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2014. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 84 (4), 55–67 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 73–80 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2001. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Etnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories).* Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 281–287 (in Russian).

Kungurov, A. L., Kungurova, O. F. 2019. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and practice of archaeological research)* 25 (1), 7–15 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th-11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Neverov, S. V. 1991. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri (Issues of Chronology and Periodization of Archaeological Sites of South Siberia*). Barnaul: Altai State University, 180−182 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Gorbunova, T. G. 2011. *Altay v epokhu srednevekov'ya: illyustrirovannyy istoricheskiy atlas (Altai during the Middle Ages: an illustrated historical atlas).* Barnaul: "ARTIKA" Publ. (in Russian).

Umanskii, A. P. 1970. In Panaev, G. I. (ed.). *Izvestiya Altayskogo otdela geograficheskogo obshchestva Soyuza SSR (Proceedings of the Altai Branch of the Geographical Society of the USSR).* 11. Barnaul: *Altai Branch of the Geographical Society of the USSR*, 45–74 (in Russian).

Umanskii, A. P., Neverov, S. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 176–182 (in Russian).

About the Author:

Boyarintseva Ksenia E., Postgraduate Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; boyarinceva98@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.358.372

КОНЬ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ[1]

©2024 г. Я.Е. Анзулис, Е.В. Асташенкова

В работе на основании широкого круга археологических данных (костных остатков, артефактов, изобразительных источников) рассматриваются роль и значение лошади в материальной и духовной культуре средневекового населения Приморья. Авторы приходят к выводу, что, сформировавшееся на основе летописных данных мнение о существенной доле коневодства в системе жизнеобеспечения носителей мохэской культуры в Приморском крае в период VI–VII вв. не находит на сегодняшний день археологического подтверждения. В хозяйственной жизни бохайского населения лошадь играла важную роль, прежде всего, выполняя функции тяглового и транспортного животного, являясь предметом меновой торговли и дани, основой бохайского войска. Это отражено в значительном количестве прямых и косвенных данных, и соотносится с письменными источниками. Но столь значимое место в быту и хозяйстве, которое занимала лошадь, не находит широкого отражения в декоративном и изобразительном искусстве бохайцев, в погребальном обряде, в представлениях и верованиях, не связанных с официальной религиозной доктриной. Несмотря на объективные сложности со сбором археозоологических коллекций на памятниках Восточного Ся и незначительного пока количества их специального изучения, косвенные данные свидетельствуют о широком использовании лошади в быту и военном деле чжурчжэней. Культура их испытала существенное влияние кочевого мира, государственность сложилась довольно поздно. Вероятно, поэтому образ всадника, появившийся в регионе на рубеже 7-8 вв., в искусстве чжурчжэней Приморья нач. 13 в. получил свое развитие, а изображения коня украшают отдельные предметы быта и элементы поясной гарнитуры.

Ключевые слова*:* археология, Приморье, средневековье, мохэ, Бохай (698-926), Цзинь (1115-1234), Восточное Ся (1215-1233), хозяйство, искусство.

HORSE IN THE CULTURE OF THE MEDIEVAL POPULATION OF PRIMORYE[2]

Ya.E. Anzulis, E.V. Astashenkova

The article examines the role and importance of the horse in the material and spiritual culture of the early medieval population of Primorye on the basis of a wide range of archaeological data (bone remains, artifacts, pictorial sources). The authors conclude that the insight formed on the basis of chronicle data about the significant share of horse breeding in the life support system of the carriers of the Mohe culture in Primorye during the VI–VII centuries does not find archaeological confirmation today. Horses played an important role in the economic life of the Balhae population, primarily served as a draught and transport animal, they also were a subject of barter and tribute, the basis of the Balhae army. This is reflected in a significant amount of direct and indirect data, and correlates with written sources. But such a significant place in everyday life and economy, which was occupied by a horse, is not widely reflected in decorative and fine arts, funeral rite of the Balhae people, in ideas and beliefs unrelated to the official religious doctrine. Despite the difficulties with gathering archaeozoological artifacts on the sites of Eastern Xia and the small amount of special study so far, indirect data indicate the widespread use of horses in everyday life and military affairs of the Jurchen people. Their culture was significantly influenced by the nomadic world, and statehood was formed quite late. Probably, that is why the image of a horseman, which appeared in the region at the turn of the VII–VIII centuries, was developed in the art of the Jurchen of Primorye region at the beginning of the XIII century, and images of a horse decorate individual household items and elements of a belt set.

Keywords: archaeology, Primorye, early Middle Ages, Mohe, Balhae (698-926), Jin (1115-1234), Eastern Xia (1215-1233), economy, art.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока».

[2] The work was financially supported by the RSF (РНФ) grant 20-18-00081 "Archaeology of the Far East".

В настоящее время на территории Приморского края Дальнего Востока археологически исследованы памятники, оставленные носителями мохэской культуры, бохайским и чжурчжэньским населением, относящиеся к периоду VI – нач. XIII вв. Широкий круг археологических данных позволяет обратиться к вопросу о роли лошади в материальной и духовной культуре населения средневекового Приморья. Накопленные к настоящему времени материалы (археологии и археозоологии) позволяют нам оценить значение лошади в хозяйственной жизни населения, выяснить в какой степени оно нашло отражение в духовной культуре и искусстве, соотнести полученные данные с известными фактами из письменных источников.

В сферу хозяйственных интересов населения Приморского края лошадь попадает в период раннего железного века. Единичные находки костей и зубов этого животного известны на поселениях янковской и кроуновской культур (Андреева и др., 1986, с.158; Окладников, Бродянский, 1968, с.208), в жилищах польцевской культурной общности, например, на сопке Булочка (III в. до н.э. – V–VI вв. н.э.) (Деревянко, Медведев, 2008, с.27). В эпоху раннего средневековья на мохэских памятниках VI – начала VIII вв. в Приморье зубы лошади найдены в жилищах поселения Куркуниха-3 (Ермаков, 1991, с.13) и Новоселищенского городища (Ханкайский район) (Анзулис, 2022, с.62). По количеству найденных костных останков этого животного выделяется городище Синельниково-1, расположенное в юго-западном Приморье на правом берегу р. Раздольная[1]. Археологические материалы памятника позволяют связывать период его функционирования с VII в.н.э. (Итоги..., 2018, с. 360). Костные останки животных обнаружены в заполнениях жилищ и в хозяйственных ямах рядом с ними. Количество костей животных может быть связано с локальной ситуацией на памятнике, но может отражать и тенденцию в хозяйственной жизни населения.

О роли коня в жизни мохэсцев известно из письменных источников. «Вэй шу» сообщает, что мохэ «в начале периода Тай хэ (477 г.) снова преподнесли дань лошадьми в количестве пятисот голов…» (по: Шавкунов, 1968, с. 36,38). В конфликте Тан и Когурё в конце VI - первой половине VII вв. мохэская конница, численность которой составляла от 50 до 100 тыс. наездников, не раз наносила ощутимый удар китайским войскам (Шавкунов, 1968, с. 42, 43; Государство Бохай, 1994 с. 30). Археологических артефактов, которые свидетельствовали бы об использовании коня в хозяйстве и военном деле, на приморских мохэских памятниках на сегодняшний день не обнаружено.

Основываясь на данных летописей, Э.В. Шавкунов отмечает, что во время погребения мохэсцы, убивают лошадь (Шавкунов, 1968, с.33). На территории Приморья исследовано несколько мохэских могильников: Лузановский V-X вв н.э. (Семин, Коломиец, 2011, с. 248), Чернятино-5 (VII–IX вв.) (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 246–247), Монастырка-3 (IX–XI вв.) (Дьякова, 1998, с.163). Лишь в единичных погребениях могильника Чернятино-5 (всего исследовано 157 могил) найдены костные остатки, которые определены как зубы лошади (Никитин, Чжун Сук Бэ, 2005, с.50,65,98), также обнаружены отдельные предметы, имеющие, возможно, отношение к конской сбруе – подпружные (?) пряжки, обломки железных колец для соединения ремней, единична находка железной псалии (Никитин, Чжун Сук Бэ, 2005, с.102). Поэтому оценить роль коня в погребальном обряде мохэ, живших на территории Приморья мы не можем. У мохэ, населявших Приамурье, наблюдается иная ситуация. Если в Найфельдском могильнике, время функционирования которого приходится на V-VI вв. н.э. детали конского снаряжения встретились в 7 могилах из 96 (Деревянко и др., 1999), то с VII в. захоронения с деталями конской амуниции или же с костями лошади становятся характерной чертой троицкой культуры мохэ Приамурья. В абсолютном большинстве могил Троицкого могильника (Деревянко, 1977), присутствовали кости, либо зубы лошади, детали конской амуниции. Исследователь памятника, Е.И. Деревянко указывает на большое сходство деталей конской сбруи из Троицкого могильника с материалами центральноазиатских степей (Деревянко,1977, с.141).

Образование государства Бохай (698–926 гг.), которое включало и территорию современного Приморского края, повлекло значительные изменения в жизни населения, вошедшего в его состав. Кости лошади присутствуют во всех остеологических коллекциях археоло-

гических памятников этой эпохи в Приморье. По соотношению костных остатков домашних животных лошадь находится, как правило, на третьем или четвертом месте (в зависимости от памятника) после свиньи, коровы и собаки (Омелько и др., с. 166, табл.2). В пищевом рационе конина не являлась основной частью белковой диеты бохайцев (хотя и занимала значительную ее часть), употреблялось преимущественно мясо взрослых и старых особей, которые были непригодны для эксплуатации в хозяйстве (Панасенко, Гельман, 2009, с. 201; Прокопец и др., 2021; Омелько и др., 2020, с. 168). Анализ имеющихся данных из бохайских памятников, расположенных на территории КНР, демонстрируют ту же картину (Стоякин, 2020, с. 183). Лошадь использовалась населением, прежде всего, в качестве тягловой силы и в военном деле (Государство Бохай 1994, с. 97; Панасенко, Гельман, 2009, с. 201; Гельман, 2018; с. 172; Города…, 2018, с. 263). Об этом же свидетельствуют находки металлических и костяных элементов конской упряжи (уздечные кольца, подпружные пряжки, наременные накладки и обоймицы, стремена, ледоходные шипы, псалии и др.) найденые на многих бохайских памятниках. Также среди бохайской аристократии популярностью пользовалась игра в верховое поло, которая, наряду с состязанием в верховой стрельбе из лука, являлась своего рода военной тренировкой (Государство Бохай, 1994, с. 97), именно поэтому, после завоевания Бохая кидани ввели запрет на нее.

Лошадь была предметом меновой торговли и дани. Известно, что среди товаров, которыми славились отдельные районы Бохая, упоминались и лошади из области Шуайбинь – одной из административных единиц Бохая, расположенной на территории Ханкайско-Уссурийской равнины (Государство Бохай, 1994, с. 468). Ян Сюцюань отмечает, что еще мохэсцы выращивали породу лошадей, для которой характерны короткие ноги и небольшое плотное тело, что удобно и для лесной зоны, и для болотистой местности. Впоследствии эта порода, известная как шуайбиньская, стала популярным товаром бохайцев (Ян Сюцюань, 1997, с. 54). Лошадей поставляли в Тан, а позже в качестве дани киданям (Государство Бохай, 1994, с. 97).

Говорить о существенной роли коня в погребальном ритуале бохайцев преждевременно. В уже упомянутом нами могильнике Чернятино 5, который продолжал функционировать и в бохайское время, находки костных остатков лошади единичны. Также малочисленны кости и зубы животного, обнаруженные при исследовании могильников на территории КНР – Людиньшань и Эрдаохэцзы (провинция Цзилинь, уезд Дунхуа), Дунцин (провинция Цзилинь, уезд Аньту) (Стоякин, 2020, с. 178). В могильнике Хунцзуньюйчан (провинция Хэйлунцзян, уезд Нинъань), расположенном недалеко от Верхней столицы Бохая, зубы лошади обнаружены в 27 погребениях из 30 содержащих костные остатки животных, всего же на памятнике раскопано более 300 могил (Нинъань…, 2009, с. 603). То есть, если животных и использовали в погребально-ритуальной практике, что случалось нечасто, то преимущественно это были лошади (Стоякин, 2020, с. 182).

В период XII-первой трети XIII вв. территория Приморья попадает в сферу влияния чжурчжэней. Наиболее представительные остеологические коллекции получены при исследовании памятников, относящихся ко времени существования государства Восточное Ся (1215–1233). К сожалению, не все материалы пригодны для определения, и не все костные остатки стали предметом специального изучения (Алексеева, Шавкунов, 1983; Алексеева и др., 1996; Хорев, 2012; Васильева, 2013, с.57 и др.), тем не менее, данные по Шайгинскому и Ананьевскому городищам свидетельствуют о доминирующей роли крупного рогатого скота и лошади в хозяйственной жизни населения (Алексеева, Шавкунов 1983, с. 71; Хорев 2012, с. 52). Кости принадлежали взрослым особям, очевидно, пускавшимся на убой после их использования по прямому назначению (военное дело, гужевой транспорт, сельскохозяйственные работы) (Алексеева, Шавкунов 1983, с. 76). Летописные источники подтверждают особое отношение чжурчжэней к этим животным: в 1125 году был введен запрет на использование коня в погребальном обряде (Янь Цзинцюань, 1990), а в 1167 году Ши-цзун повелел прекратить забой коней, поскольку они были нужны для военных целей (Воробьев, 1983, с. 59). Специально обученные лошади были задействованы в игре в поло, в которую разрешалось играть три раза в месяц личному составу цзиньского войска, чтобы привыкать к военному

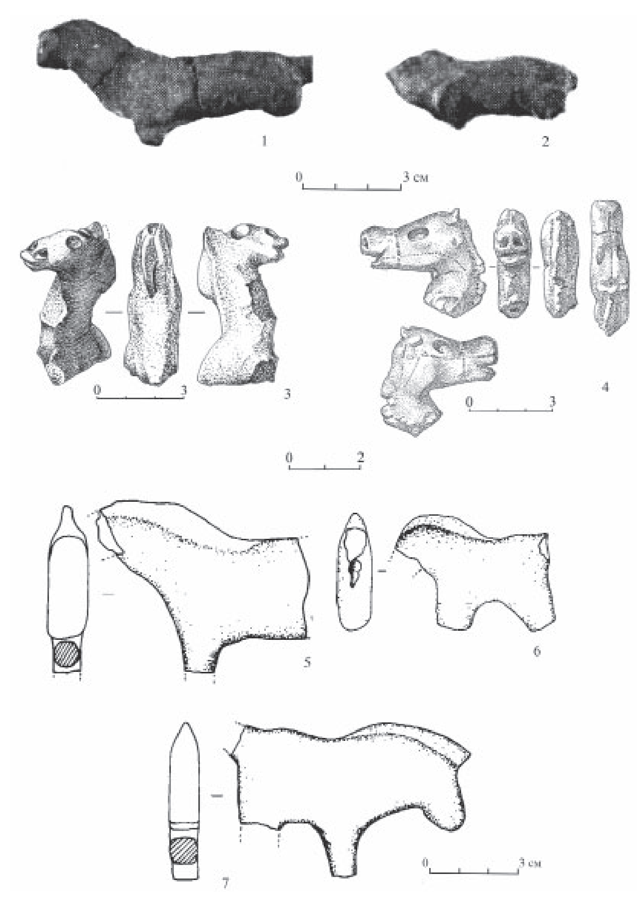

Рис. 1. Керамические фигурки лошадей: 1, 2 – керамические фигурки, поселение Осиновка (по: Окладников, Деревянко, 1973, с.323); 3 – поселение Чернятино-2; 4 – Краскинское городище; 5-7 – поселение Сяодиин (по: Цзинь Тайшунь и др., 2003, с.42).

Fig. 1. Ceramic figurines of horses: 1, 2 – ceramic figurines, Osinovka settlement (after Okladnikov, Derevianko, 1973, p. 323); 3 – settlement Chernyatino-2; 4 – Kraskinskoye hillfort; 5-7 – Xiaoding settlement (according to Jin Taishun et al., 2003, p. 42).

делу (Воробьев, 1983, с. 113). На приморских городищах Восточного Ся обнаружены многочисленные находки удил и их деталей, элементов сбруи (пряжек, распределителей ремней, накладок), стремян. А вот материал из двух исследованных на сегодняшний день чжурчжэньских могильников очень скудный и судить об использовании во время погребального обряда коня не позволяет (Болдин, Ивлиев, 1993; Артемьева, 2018).

Изображения коня в искусстве средневекового населения Приморья

В декоративно-прикладном искусстве мохэского и бохайского населения изображения коня (лошади) встречаются в качестве самостоятельных фигурок и в виде всадников.

Керамические изделия

В Приморье первые керамические фигурки лошадей связывают с мохэской культурой. На поселении Осиновка найдены зооморфные миниатюрные глиняные изделия, которые исследователи трактуют как изображение лошадей (рис. 1: 1, 2) (Окладников, Деревянко, 1973, с.310). Манера исполнения данных артефактов крайне условная, что не позволяет нам однозначно согласиться с этим мнением. Фигурки из бохайских памятников таких сомнений не вызывают. На Краскинском городище найдена миниатюрная керамическая голова лошади (рис. 1: 4), а на поселении Чернятино 2 в бохайском жилище глиняная частично сохранившаяся фигурка этого животного (рис. 1: 3). Обе скульптурки обнаруживают некоторое стилистическое сходство в оформлении глаз, ноздрей. При относительно небрежной манере исполнения образы хорошо узнаваемы. На морде животного из Краскинского городища обозначена уздечка, а в основании шеи имеется углубление для насаживания. Предположительно, изделия выполняли функцию детских игрушек (в жилище Чернятино 2 найдена миниатюрная керамическая копия чугунного котла, которая вполне может составить с зооморфной фигуркой детский набор). Стоит отметить, что на поселении Сяодиин, расположенном в верхнем течении р. Суйфун (уезд Дуннин, КНР) найдены керамические фрагментированные фигурки коней (рис. 1: 5-7) (Стоякин, 2020, с.178). Схематизм и условность изображений в данном случае не влияют на узнаваемость образа.

Бронзовые всадники

В настоящее время известно несколько бронзовых изделий в виде всадников на конях. В Приморье металлические фигурки коней со всадниками известны из позднего комплекса поселения Синие Скалы, датируемого VIII–IX вв. (рис. 2: 3, 4) (Андреева, 1970, с.120-121). Одну фигурку связывают с Южно-Уссурийским городищем (рис. 2: 5) (Шавкунов, 1994, с. 192). Еще два объемных изображения найдены при исследовании могильника Чернятино-5 (рис. 2: 1, 2) (Никитин и др. 2007, с. 226, 233). Фигурки выполнены в условно-схематической манере – кони имеют удлиненное тело, короткие ноги, вытянутую шею либо с обозначенной зубчиками гривой, либо вовсе без нее, в некоторых

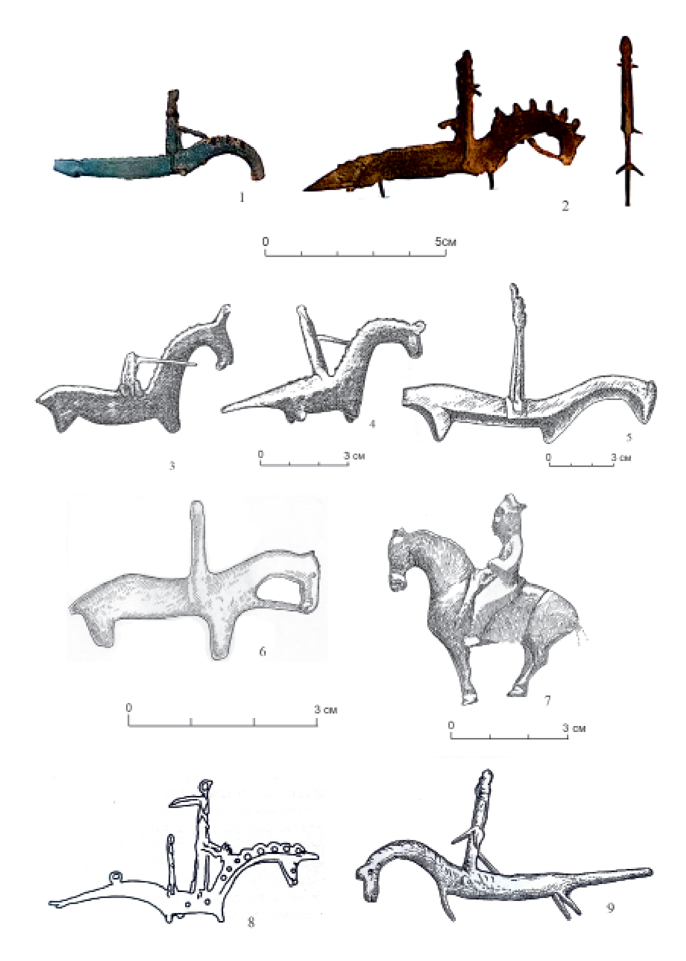

Рис. 2. Бронзовые фигурки всадников: 1-2 – могильник Чернятино-5 (по: Бохайские древности…, 2013); 3, 4 – поселение Синие Скалы (по: Андреева, 1970); 5 – Южно-Уссурийское городище (по: Шавкунов, 1994); 6, 7 – Верхняя столица Бохая (по: Tung-Cheng Report, 1939). 8 – Янтунь (по: Ван Пэйсинь, 2002); 9 – городище Туаньцзе (по: Янь Сюцюань, 1997).

Fig. 2. Bronze figures of horsemen: 1-2 – Chernyatino-5 burial ground (according to Balhae antiquities..., 2013); 3, 4 – Siniye Skaly settlement (after Andreeva, 1970); 5 – South-Ussurian hillfort (after Shavkunov, 1994); 6, 7 – Upper capital of Balhae (according to Tung-Cheng Report, 1939); 8 – Yantun (according to Wang Peixin, 2002); 9 – Tuanjie ancient settlement (according to: Yan Xiuquan, 1997).

случаях имеются обозначенные рот, глаза и уши животного. Хвост или совсем короткий, словно обрезанный, или тонкий сужающийся к концу вытянут в одну линию с телом коня. Всадник представлен в виде столбика. Иногда его изображение дополнено некоторыми деталями, такими как руки, элементы одежды (головной убор, халат), оружие (меч), уздечка, которая соединяет наездника с конем.

На памятниках бохайского времени в КНР тоже встречаются подобные изделия. Так, бронзовая фигурка коня с двумя наездниками найдена в могильнике Янтунь (Дахаймэн) (рис. 2:8) (уезд Юнцзи, провинция Цзилинь)[2] (Ван Пэйсинь, 2002, с.160). Фигурка всадника обнаружена в верхнем слое памятника Туаньцзе (уезд Дуннин, провинция Хэйлунцзян) в зольнике, датируемом исследователем бохайским временем (рис. 2: 9) (Ян Сюцюань, 1997, с. 54). В подъемном материале городища Дунцзинчен (остатки Верхней столицы Бохая – Лунцюаньфу) есть две миниатюрные скульптурки бронзовых всадников, различающиеся между собой по стилю и иконографии (рис. 2:6,7) (Tung-Ghing-Ch'eng Report, 1939:1, tabl. CXIX). Одна выполнена в манере всех бохайских фигурок – условно-схематично, вторая – объемная – в традициях танской керамической скульптуры. Случайный характер имеет находка бронзового миниатюрного всадника из деревни Цзянсицунь (провинция Хэйлунцзян, волость Ляньхуа) (Ян Сюцюань, 1997, с.54).

Изображения у чжурчжэней

На памятниках начала XIII века изображения лошадей представлены металлическими фигурками всадников, декоративными элементами пояса и бытовых изделий.

Металлические изделия

Фигурки коней с наездниками найдены Шайгинском и Ананьевском городищах (Государство Бохай, 1994; Хорев, Галактионов, 2003). На Шайгинском изделия отлиты из бронзы, они полностью или частично объемные. Их иконография в целом тождественна бохайским – вытянутые тела, изогнутые шеи, короткие хвосты, более условно-схематичная манера изображения человека по сравнению с животным (рис. 3: 1-3, 5). Всадники Ананьевского городища (3 экз.) изготовлены из чугуна техникой литья в земляную форму (рис. 5: 1) (Хорев, Галактионов, 2003, с.356-357). Фигурки уплощенные. Изображение коней профильное, наездник в верхней своей части развернут так, словно одной рукой держится за холку коня, а второй за круп. Изделие имеет отверстие в районе головы человека.

Из Шайгинского и Ананьевского городищ известны бронзовые предметы декоративно-прикладного искусства, в оформлении которых использован образ лошади. В виде этого животного выполнена объемная бронзовая подвеска (рис. 3: 4), несколько

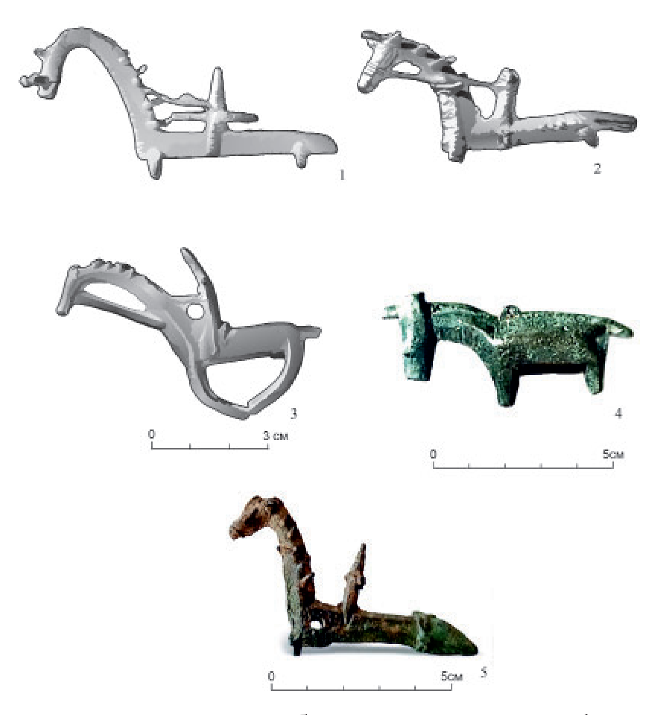

Рис. 3. Бронзовые фигурки лошадей и всадников: 1, 2, 3 – Шайгинское городище (по: Гусева, 1989); 4, 5 – Шайгинское городище (по: Чжурчжэньские древности, 2013).
Fig. 3. Bronze figurines of horses and horsemen: 1, 2, 3 – Shaiga hillfort (after Guseva, 1989); 4, 5 – Shaiga hillfort (according to Jurchen antiquities..., 2013).

плечиковых весов-безменов с зооморфными навершиями на одном из своих окончаний (рис. 4: 5-7). К поясному набору, вероятно, стоит отнести бронзовые бляхи (накладки) и подвесное украшение, представляющие собой профильное плоскостное изображение четырех конских голов, развернутых попарно в противоположные стороны от четырехугольной основы (рис. 4: 2-4). Несмотря на отличия, проявляющиеся в форме изделий, их декоре, системе крепежа, иконографически они представляют единую традицию. Обращает на себя внимание стилистическое сходство изображений этих головок коней с навершиями безменов. В аналогичной чжурчжэньским накладкам манере выполнено украшение из поселения Чжэньсин (провинция Хэйлунцзян, КНР) (рис. 4: 1). Но исследователи этого многослойного памятника не выделяют на нем горизонта, связанного с цзиньским периодом и относят изделие к мохэскому времени (Хэкоу и Чжэньсин.., 2001). Таким образом, мы имеем дело либо с ошибочной культурной атрибуцией артефакта, либо с тем фактом, что подобный иконографический стандарт в среде средневековых народов Приморья появился значительно раньше XIII века.

Глиняных фигурок коней у чжурчжэней Приморья пока не обнаружено. Есть графические изображения, нанесенные на стенки керамических сосудов, среди которых исследователи выделяют и рисунки коней (рис. 5: 2, 3) (Гусева, 1989, с.125; Шавкунов, 1990, с. 152). Можно по-разному относится к пред-

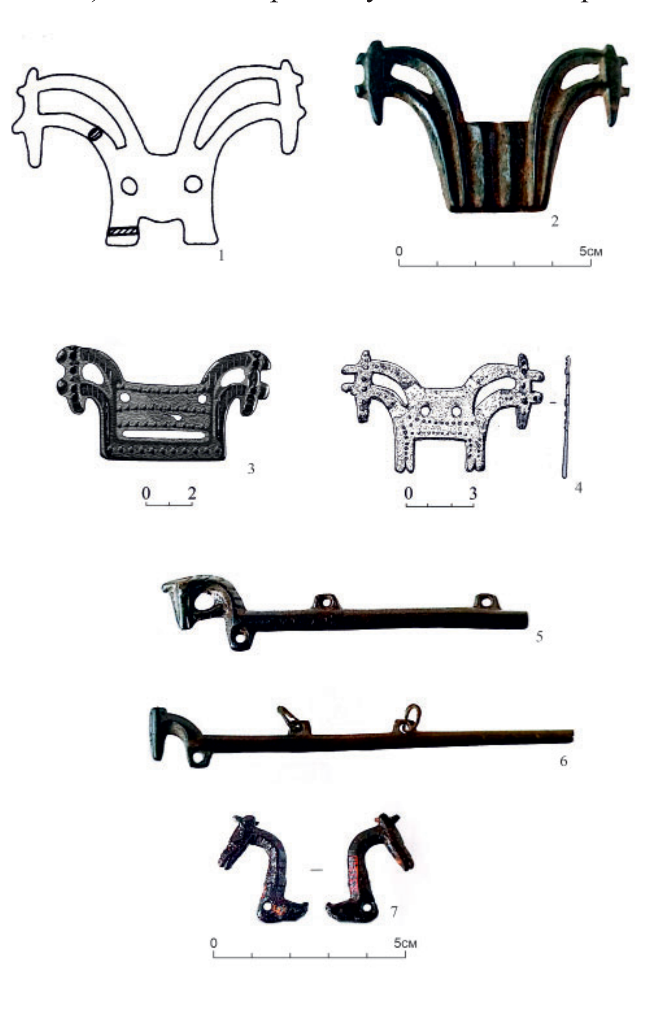

Рис. 4. Бронзовые фигурки лошадей:1 – накладка, поселение Чжэньсин (по: Отчет о раскопках водохранилища...2001, с. 128); 2, 3 – фигурки лошадей, Шайгинское городище (по: Чжурчжэньские древности.., 2013); 4 – накладка, Ананьевское городище (по: Хорев, Галактионов, 2003); 5, 6 – коромысла безменов с головой лошади; 7 – голова лошади (по: Чжурчжэньские древности…, 2013).
Fig. 4. Bronze figurines of horses: 1 – plate, Zhenxing settlement (according to Report on excavations of the reservoir... 2001, p. 128); 2, 3 – horse figurines, Shaiga hillfort (according to Jurchen antiquities.., 2013); 4 – plate, Ananyevka hillfort (after Khorev, Galaktionov, 2003); 5, 6 – steelyard beams with a horse head; 7 – horse head (according to Jurchen antiquities..., 2013).

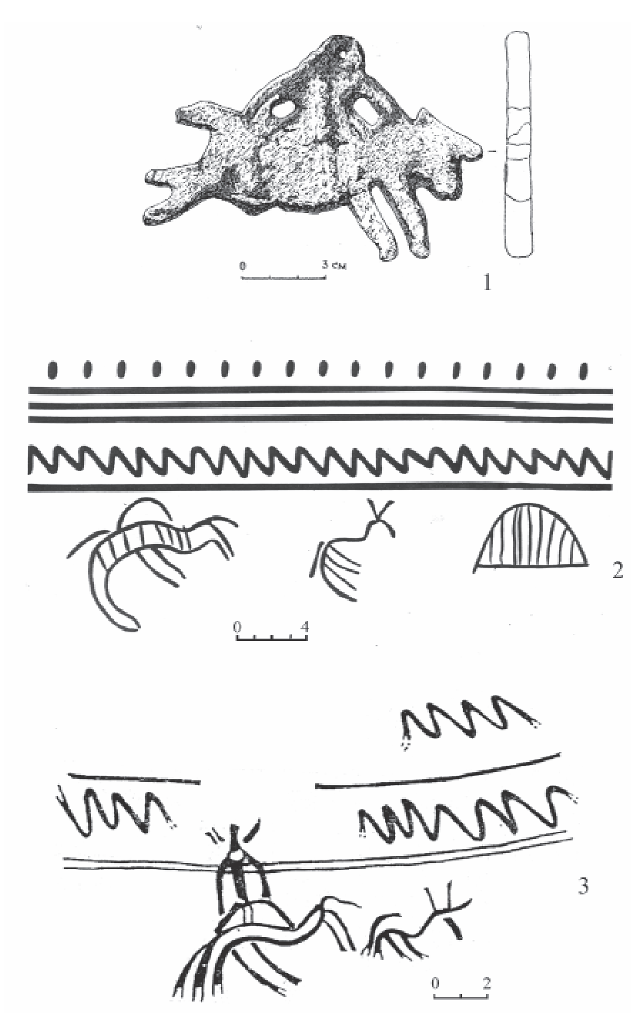

Рис. 5. Фигурки и рисунки лошадей и всадников: 1 – чугунная фигурка всадника (по: Хорев, Галактионов, 2003); 2 – рисунок на круговом сосуде, Шайгинское городище (по: Артемьева, 2021); 3 – рисунок на круговом сосуде, Ананьевское городище (по: Гусева, 1989).

Fig. 5. Figurines and drawings of horses and riders: 1 – cast iron figurine of a horseman (after Khorev, Galaktionov, 2003); 2 – pattern on a vessel, Shaiga hillfort (after Artemyeva, 2021); 3 – pattern on a vessel, Ananyevka hillfort (after Guseva, 1989).

ложенной ими интерпретации, но нельзя не отметить, что иконография всадника на сосуде из Ананьевского городища очень похожа на манеру исполнения чугунных наездников этого же памятника (рис. 5: 1).

Итак, несомненным фактом остается тот, что в культуре тунгусо-маньчжурских народов Приморья в период VI-XIII вв. лошадь играла значимую роль, и в первую очередь являлась тягловым, транспортным животным и незаменимым помощником человека в военном деле. Тунгусский мир таежных охотников находился в непосредственной близости от мира кочевников-скотоводов. Согласно *«Цзю тан шу»*, земли, на которых проживали мохэ, на западе граничили с тюрками, на юге – с Гаоли, а на севере с шивэй (цит. По: Ивлиев, 2005, с.450). Весьма велико было взаимное культурное влияние и экономические связи с киданями, в *«Суй шу»* даже говорится о сходстве обычаев киданей и мохэсцев (по: Крадин, Ивлиев, 2014, с. 21). Но при том, что конница у мохэ играла важную роль, на что указывают письменные источники, обращает внимание незначительное количество костей лошади в мохэских памятниках Приморья. Однозначно объяснить этот факт плохой естественной сохранностью костного материала нельзя. Почвы нашего региона действительно отличаются высокой влагоемкостью и кислотностью среды. Но, на бохайских памятниках кости домашних и диких животных, птиц, рыб, морских млекопитающих и т.д., а также костяные изделия представлены вполне репрезентативными коллекциями. Возможно, сыграли свою роль климатические изменения, происходившие в регионе в этот период. С начала IV в. (по другим данным, с середины III в.) в Северной Евразии начинается продолжительный период похолодания и пониженного увлажнения, продлившийся до начала VII в. В VII в. началось глобальное улучшение климатических условий, известное под названием малый оптимум голоцена (VII-XIII вв.) (Пискарева и др., 2019, с. 109). Эти климатические события как раз приходятся на мохэский и бохайский периоды в Приморье.

Низкая встречаемость костей лошади (как, в общем, и костей других животных) лишь отчасти может быть обусловлена недостаточной степенью изученности мохэских памятников. К настоящему времени исследовано порядка 30 мохэских памятников в разных районах Приморья и костных остатков на них обнаружено крайне мало. Могильник Чернятино 5, на котором раскопано 157 погребений (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008) демонстрирует ту же картину. Из общего ряда мохэских памятников по наличию и сохранности костных остатков выбивается городища Синельниково 1. Археологические исследования объектов этого поселения позволили высказать предположение о его назначении – в мохэский период этот многослойный памятник выполнял функцию военного гарнизона (Пискарева и др. 2018, с.155). И, возможно, присутствие

здесь костей лошади связано именно с этим обстоятельством. В целом, скудный вещевой материал мохэских памятников Приморья не позволяет нам выяснить степень и уровень развития животноводства и, в частности, коневодства у мохэ. А вот отмеченная в летописных источниках значимость для их хозяйства свиней вполне согласуется с обнаруженными керамическими фигурками этих животных на мохэских памятниках Приморья и КНР (Абрамовка 3, Тунжэнь) (Пискарева, 2014).

В хозяйственной жизни бохайского населения лошадь ценилась очень высоко. Здесь информация из письменных источников находит подтверждение в археологических материалах и остеологических коллекциях из бохайских памятников Приморья. Отсутствие костей животного в погребениях лишь подчеркивает его значимость и ценность в быту. Возможно, в Бохае, как и в Тан, существовали законы, регламентировавшие отношение к таким животным как корова и лошадь, и предусматривающие наказания за нанесение им вреда (по: Стоякин, 2020, с. 81). Наборный пояс, который в эпоху раннего средневековья был характерным атрибутом воина-кочевника, в Бохае стал важным маркером социального и имущественного статуса. В погребениях членов королевского рода, бохайской аристократии, высокопоставленных чиновников, исследованных на могильниках Бохая в КНР обнаружены многочисленные элементы наременной гарнитуры, некоторые из которых представляют собой высокохудожественные образцы ювелирного искусства.

О роли коня в духовной культуре Бохая могут отчасти «рассказать» фигурки всадников. Они, вероятно, связаны с традиционными верованиями бохайского населения. На это указывает условная манера их изображения и зафиксированная иконография, которая делала образ узнаваемым. Очевидно, что при изготовлении этих изделий важны были не столько уровень мастерства человека, его эстетические представления, сколько следование установленным правилам, которые позволяли создать нужную форму, сохранявшую вложенный в эти изображения смысл, понятный носителям. Можно лишь догадываться, с какими представлениями связаны данные артефакты. Так, Ван Пэйсинь обратил внимание на практически полное отсутствие ног животных и высказал предположение, что кони они не имеют отношения к бегу по поверхности земли. Наездник, по его мнению, выступает в качестве шамана, а лошадь – его помощника в общении с духами (Ван Пэйсинь, 2002, с. 159). Контекст, в котором найдены некоторые изделия (могильники Янтунь, Чернятино 5), может указывать как на связь фигурок с представлениями о загробной жизни, так и маркировать общественное положение или род занятий погребенного. Но, стоит иметь в виду, что надежно датированные фигурки всадников относятся к раннему периоду Бохая. Бохайская администрация строила свою государственность ориентируясь, прежде всего, на нравы и обычаи танской империи. Этническое население, вошедшее в состав государства, было неоднородным. Консолидирующей идеологией нового государства стал буддизм. В таких условиях складывалось мировоззрение, оказавшее влияние на появление новых образов в искусстве и духовной культуре Бохая. Безусловно, народные представления и верования продолжали сохраняться среди рядового населения, о чем свидетельствуют обнаруженные на бохайских памятниках артефакты, но в них не нашли отражения особое отношение или почитание коня.

Чжурчжэни, оставившие свои памятники на территории Приморского края, были очень тесно связаны с кочевым миром, и процесс сложения их государственности проходил под влиянием киданей и их империи Ляо (Асташенкова, Ивлиев, 2017), а впоследствии на них оказывали значительное давление монголы. В церемонии возведения на трон Агуды были задействовали земледельческие орудия, табуны лошадей и вооружение. Они символизировали самые важные сферы жизнедеятельности чжурчжэней, где рядом с земледелием, были коневодство и военное дело (Воробьев, 1983, с. 42). Возможно, длительное взаимодействие с кочевниками, важность коня в хозяйстве, быту и политической жизни, способствовали тому, что образ этого животного в искусстве и духовной культуре чжурчжэней представлен шире – он поддержан в элементах поясной гарнитуры и в предметах декоративно-прикладного искусства. Но, в первую очередь, обращают на себя внимание фигурки всадников, которые демонстрируют два иконографических типа. Изображения первого очень похожи на фигурки мохэ-бохайского

периода. Здесь, безусловно, нельзя говорить о прямой преемственности в силу значительного временного интервала, но можно предположить какую-то общую традицию, существующую в регионе со времен мохэ – общих предков основателей и Бохая, и чжурчжэньской империи. Стоит отметить, что и в средневековом Приамурье известны аналогичные фигурки, например, в погребении могильника Дубовое на р. Бира (приблизительно IX – X вв.) (Ван Пэйсинь, 2002, с. 147). В.Е. Медведев сообщает о бронзовом всаднике, обнаруженном у с. Сикачи-Алян в Хабаровском крае, и датирует его чжурчжэньским временем (XI-XII вв.) (Медведев, 1979, с. 209). Здесь же на скальных выходах правого берега р.Амур есть гравированные изображения коней с наездниками. А.П. Окладников полагал, что самые ранние из них были выполнены еще в период существования племен мохэ на территории Приамурья – IV-IX вв., а более поздние принадлежат периоду культуры амурских чжурчжэней – VII-XIII вв. (Окладников, 1971, с.124-130). Сукпайская писаница на юг Хабаровского края также содержит изображения наездников на лошадях, выполненных в условной манере, весьма близкой той, в которой изготовлены бронзовые фигурки (Дьяков, 1978; Шиповалов, 1999). Исследователи этого памятника связывают появление изображений с шаманским культом (Шиповалов, 1999, с. 200). Второй иконографический тип изображений всадников на конях представлен чугунными бляхами в т.н. «тюркской традиции», распространенной на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Стоит отметить, что он поддержан в графическом изображении, что, возможно, говорит о значимости связанных с ним представлений.

Выводы

В течение многих лет изучения мохэской культуры исследователи, опираясь преимущественно на летописные сведения, и привлекая материалы из одновременных памятников сопредельных территорий, уверенно делали выводы о том, что у мохэ коневодство имело «особенно большое значение» (Окладников, Деревянко, 1973, с.310). Однако совокупность всех имеющихся в настоящее время данных, показывает, что такие предположения пока не подтверждаются археологически. Очевидно, лошади были известны мохэ, но пока мы не можем оценить их роль и значимость в комплексном хозяйстве мохэского населения.

Важное место, которое занимала лошадь в хозяйственной жизни бохайского населения не вызывает сомнений. И это проявилось в значительном количестве прямых и косвенных археологических данных, а также соотносится с письменными источниками. Но столь высокая роль, которую играло животное в быту и хозяйстве, не находит широкого отражения в декоративном и изобразительном искусстве бохайцев, в погребальном обряде, в изделиях, которые можно было бы соотнести с традиционными представлениями и верованиями. Очевидно, что буддизм, который существенно повлиял на формирование мировоззрения населения, привел к появлению новых образов и символов. В народном искусстве бохайцев, не связанном с официальной религиозной доктриной, среди зооморфных изображений конь встречается редко. Керамические скульптурки лошадей из бохайских жилищ, скорее имеют бытовое назначение. Для бохайского декоративно-прикладного искусства больше характерны растительные и геометрические формы, что, вероятно, является следствием влияния танской культуры. Фигурки всадников, которые часто приводят в качестве иллюстрации шаманских верований бохайцев, обнаружены пока только на раннебохайских памятниках или же в слоях археологических объектов, соотносимых с бохайским временем. И, вероятно связаны они с тем пластом культуры, который сформировался задолго до образования государства. Но, тем не менее, элементы наборного пояса и конской сбруи, и в бохайском обществе рассматривались как показатели положения и статуса их владельца.

Несмотря на объективные сложности со сбором археозоологических коллекций на памятниках Восточного Ся и незначительного пока количества их специального изучения, косвенные данные свидетельствуют о широком использовании лошади в быту и военном деле чжурчжэней. Культура их испытала существенное влияние кочевого мира, государственность сложилась довольно поздно. Вероятно, поэтому образ всадника, появившийся в регионе на рубеже VII-VIII вв., именно в искусстве чжурчжэней Приморья нач. XIII в. получил свое развитие, а изображения коня украшают элементы поясной гарнитуры и отдельные предметы быта. При этом стоит

отметить, что на таких популярных и распространенных в чжурчжэньской культуре изделиях, как бронзовые зеркала, брелоки-нэцке, держатели печатей он не нашел отражения.

Примечания:

[1] В настоящее время остеологическая коллекция городища Синельниково-1 (Октябрьский район Приморского края) готовится к публикации.

[2] На этом многослойном памятнике выделены погребения мохэ-бохайского времени (Ван Пэйсинь, 2002, с. 146).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Э.В., Беседнов Л.Н., Ивлиев А.Л. Хозяйство населения Майского городища (по остаткам животных) // Археология Северной Пасифики / Отв. ред. И.С. Жущиховская. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН,1996. С. 168–179.

Алексеева Э.В., Шавкунов Э.В. Дикие и домашние животные Шайгинского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий / Отв. ред. В.Д. Леньков. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 70–79.

Андреева Ж.В. Древнее Приморье (железный век). М.: Наука, 1970. 145 с.

Андрееева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 214 с.

Анзулис Я.Е. Новоселищенское городище: планировка и застройка мохэского города // Известия лаборатории древних технологий. 2022. №4. С. 46–68.

Асташенкова Е.В., Ивлиев А.Л. Археологические свидетельства киданьских традиций в культуре чжурчжэней // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 187–205.

Артемьева Н.Г. Новый чжурчжэньский могильник в Приморье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 5. С. 109–119.

Артемьева Н.Г. Шайгинское городище (фортификация, внутренняя топография, жилая архитектура). Т. I. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 600 с.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Отчёт о полевых исследованиях на Краскинском могильнике в Хасанском районе Приморского края в 1993 году // Раскопки памятников бохайской культуры Приморья России. Сеул: Изд-во газеты «Чосон ильбо»: 251–333; 445–448.

Бохайские древности из Приморского края России / Ред.-сост. Сун Юйбинь, Ивлиев А.Л., Гельман Е.И. Пекин: Вэньу, 2013. 278 с.

Ван Пэйсинь. Бронзовые поясные украшения мохэ – чжурчжэней и связанные с ними вопросы // Археология и культурная антропология Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 140–163.

Васильева Т.А. Хозяйство населения Горнохуторского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 1 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 49–60.

Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. - 1234 г.). М: Наука, 1983. 368 с.

Гельман Е.И. Сельское хозяйство и промыслы в экономике Бохая (по материалам памятников Приморья) // Труды института истории, археологии и этнографии. 2018. Т. 20. С. 168–176.

Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Отв. ред. Шавкунов Э.В. М.: Наука, 1994. 219 с.

Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2018. 367 с.

Гусева Л.Н. Конь в искусстве чжурчжэней Приморья // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 120–126.

Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 1999. 93 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Булочка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №3 (35). С. 14–35.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 223 с.

Древности чжурчжэней из Приморского края России / Ред.-сост. Сун Юйбинь, Н.Г. Артемьева. Пекин: Вэньу, 2013. 258 с.

Дьяков В.И. Сукпайская писаница // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР / Ред. А.И. Крушанов Владивосток. 1978. С. 31-32.

Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. 318 с.

Ермаков В.Е. Отчет об археологических работах в Ханкайском районе Приморского края в1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1, № 15234, л. 72.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449−475.

Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон: ИИАЭ ДВО РАН, Госуд. исслед. Ин-т культурного наследия Республики Корея, 2018. 393 с.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука, 2014. 351 с.

Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука, 2003. 283 с.

Медведев В.Е. О некоторых находках чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв.ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 207–215.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2003-2004 годах. Пу Е: Корейский национальный университет культурного наследия, 2005. 185 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 году. Пу Е: Корейский национальный университет культурного наследия, 2008. 350 с.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье // АО – 1968 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 208–210.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 334 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Омелько В.Е., Гельман Е.И., Гасилин В.В., Винокурова М.А. Дикие и домашние животные в жизнеобеспечении бохайского города Яньчжоу // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 161–174

Панасенко В.Е., Гельман Е.И. Роль млекопитающих (Mammalia) в системе жизнеобеспечения бохайского населения городища Горбатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т.8. Вып. 3. С. 193–204.

Пискарева Я.Е. К вопросу о хронологии мохэских памятников Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. Е.И. Гельман, Ю.Е. Вострецов. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. С. 80–91.

Пискарева Я.Е, Дорофеева Н.А., Гридасова И.В., Клюев Н.А., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю. Культурно-хронологические комплексы городища Синельниково-1 в Приморье в свете новейших исследований // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 139–160.

Пискарева Я.Е., Асташенкова Е.В., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., ч Ивлиев А.Л., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Базарова В.Б., Пшеничникова Н.Ф. Комплексные исследования на Новоселищенском городище в Ханкайском районе Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 88–114.

Прокопец С.Д., Болдин В.И., Чон Сонмок, Стоякин М.А., Чон Юнхи Археологические исследования на городище Николаевское 1 в российском Приморье. Тэджон: Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2021. 375 с.

Семин П.Л., Коломиец С.А. Результаты исследования памятника Абрамовка-2 (Лузановский могильник) в Приморье // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск: УГПИ, 2011. С. 244–252.

Стоякин М.А. Остатки животных с бохайских памятников в Китае: использование животных в повседневной жизни и погребальной практике // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 175–187.

Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука. 2012. 339 с.

Хорев В.А., Галактионов О.С. Изделия декоративно-прикладного искусства чжурчжэней (по материалам исследований Ананьевского городища в 2001-2002 гг.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. эксп. РАН / Отв.ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 355–357.

Чжун Сук-Бэ, Никитин Ю.Г. Могильник Чернятино-5, его могилы и находки // Столетие великого АПЭ (к юбилею Алексея Павловича Окладникова) / Тихоокеанская археология. Вып. 16. / Ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Дальневосточ. ун-т, 2008. С. 227−265.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л: Наука, 1968. 168 с.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1991. 283 с.

Шиповалов А.М. Наскальные изображения на р. Сукпай // Традиционная культура востока Азии. Вып. 2 / Отв. ред. Д.П. Болотин и А.П. Забияко Благовещенск: АмГУ, 1999. С. 194–200.

Tung-Ghing-Ch'eng. Report on the Excavation of the Site of the Capital of Po-hai // Archeologia Orientalis. ser. A.V. Tokio, 1939. (На англ. яз.)

河口与振兴：牡丹江莲花水库发掘报告 (Хэкоу и Чжэньсин: Отчет о раскопках в районе водохранилища Ляньхуа в муниципалитете Муданьцзян провинции Хэйлунцзян) / 黑龙江省文物考古研究所，吉林大学考古学系 (Институт культурных ценностей и археологии пров. Хэйлунцзян, Факультет археологии Цзилиньского университета (составители) // 北京：科学出版社 = Пекин, Изд-во Кэсюэ. 2001. (На кит. яз.).

金太顺, 王祥滨, 王世杰. (Цзинь Тайшунь, Ван Сянбинь, Ван Шицзе). 黑龙江东宁县小地营遗址渤海房址 (Бохайские жилища в Сяодиин уезда Дуннин провинции Хэйлунцзян) // 考古 (Каогу). 2003. № 3. С. 38-47. (На кит. яз.).

杨秀全 (Ян Сюцюань). 林口县出土古代青铜骑马人物像.北方文物 = (Изображение бронзового всадника из уезда Линькоу // 北方文物 Beifang Wenwu. 1997. №4. с. 54. (На кит. яз.).

宁安虹鳟鱼场：1992~1995年度渤海墓地考古发掘报告 / 黑龙江省文物考古研究所编著. -北京 (Нинъань хунцзуньюйчан: ицзюцзюэр – ицзюцзюу няньду бохай муди каогу фацзюэ баогао (Хунцзуньюйчан в Нинъани: отчет об археологических раскопках бохайского могильника в 1992 – 1995 годах) 文物出版社(Пекин: изд-во «Вэньу»). 2009. Т. 1, с. 1 – 543; Т. 2, с. 544 – 621 + 212 табл.илл. (На кит. языке).

阎景全. (Янь Цзинцюань) 黑龙江阿城市双城村金墓群出土文物整理报告1990年 第2期. 28-41页 (Хэйлунцзян ачэнши шуанчэнцунь цзинь муцюнь чуту вэньу чжэнли баогао). Отчёт о систематизации предметов, найденных на цзиньском могильнике в деревне Шуанчэнцунь города Ачэн провинции Хэйлунцзян // /北方文物. Бэйфан вэньу (Древности севера). 1990. № 2. С. 28–41.

Информация об авторах:

Анзулис Яна Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); 7yana7@mail.ru

Асташенкова Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); astashenkova@mail.ru

REFERENCES

Alekseeva, E. V., Besednov, L. N., Ivliev, A. L. 1996. In Zhushchikhovskaya, I. S. (ed.). *Arkheologiya Severnoy Pasifiki (Archaeology of the Northern Pacific).* Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far- Eastern Branch of the RAS, 168–179 (In Russian).

Alekseeva, E. V., Shavkunov, E. V. 1983. In Len’kov, V. D. (ed.). *Materialy po drevnei i srednevekovoi arkheologii iuga Dal’nego Vostoka SSSR i smezhnykh territorii (Materials on Ancient and Medieval Archaeology of the Southern Part of the USSR Far East and Adjacent Territories)*. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, Academy of Sciences of the USSR, 70–79 (in Russian).

Andreeva, Zh.V. 1970. *Drevnee Primor'e (zheleznyy vek) (Ancient Primorye (Iron Age))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Andreeva, Zh.V., Zhushchikhovskaya, I. S., Kononenko, N. A. 1986. *Yankovskaya kul'tura (Yankovskaya culture).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Anzulis, Ya. E. 2022. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 4, 46–68 (in Russian).

Astashenkova E.V., Ivliev A.L. 2017. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 87–205 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2018. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 17 (5), 109–119 (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2021. *Shayginskoe gorodishche (fortifikatsiya, vnutrennyaya topografiya, zhilaya arkhitektura). (Shaiga hillfort (fortification, internal topography, residential architecture)* I. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Boldin, V. I., Ivliev, A. L. 1994. In *Raskopki pamyatnikov bokhayskoy kul'tury Primor'ya Rossii (Excavations of monuments of the Bohai culture of Primorye Russia).* Seul: "CHoson il'bo" Publ., 251–333, 445–448 (in Russian and Korean).

Sung Yuibin, Ivliev, A. L., Gel'man, E. I. 2013. (eds.). *Bokhaiskie drevnosti iz Primorskogo kraia Rossii (Bohai antiquities from Primorsky Krai of Russia).* Beijing: "Venu" Publ. (in Russian, in Chinese).

Van Pejsin'. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka (Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East).* Vladivostok: "DVO RAN" Publ., 140–163 (in Russian).

Vasil'eva, T. A. 2012. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 49–60 (in Russian).

Vorob'ev, M. V. 1983 *Kul'tura chzhurchzheney i gosudarstva Tszin' (X v. - 1234 g.) (Culture of the Jurchens and the Jin State (X century - 1234)).* Moscow:"Nauka" Publ. (in Russian).

Gel'man E.I. 2018. In *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN (*Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*)* 20, 168–176 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1994. (ed.). *Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii (Bohai State (698–926) and the Tribes of the Russian Far East.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kradin, N. N. (ed.). 2018. *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka (Towns of the Medieval Empires of the Far East)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Guseva, L.N. 1989. In Shavkunov, E. V. (ed.). *Novye materialy po srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR (New materials on medieval archaeology of the Far East of the USSR).* Vladivostok: Far Eastern Branch of Academy of Sciences of the USSR, 120–126 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Bogdanov, E. S., Nesterov, S. P. 1999. *Mogil'nik Naifel'd (Nayfeld Burial Ground).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Derevyanko A.P., Medvedev V.E. 2008. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 35 (3), 14–35 (in Russian).

Derevyanko, E. I. 1977. *Troitskiy mogil'nik (Troitsky burial ground).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sun, Yuibin', Artem'eva, N. G. 2013. *Drevnosti chzhurchzhenei iz Primorskogo kraia Rossii (*Antiquities of the Jurchen People from Primorsky Krai of Russia*).* Pekin, "Ven'u" Publ. (in Russian).

D'yakov, V. I. 1978. In Krushanov, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie materialy po drevney istorii Dal'nego Vostoka SSSR (Archaeological materials on the ancient history of the Far East of the USSR).* Vladivostok: Far East Scientific Center, 31–32 (шn Russian).

D'yakova, O. V. 1998. *Mokheskie pamyatniki Primor'ya (Mohe sites of Primorye).* Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (In Russian).

Ermakov, V. E. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Khankayskom rayone Primorskogo kraya v 1989 g. (Report on archaeological works in the Khanka district of the Primorsky Krai in 1989)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-2, no 15234 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2005. In Andreeva, Zh. V. (ed.). Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy *(The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses).* Vladivostok: "Dalnauka" Publ., 449−475 (in Russian).

2018. *Itogi issledovaniy na gorodishche Sinel'nikovo-1 v Rossiyskom Primor'e (Results of Studies at Sinelnikovo-1 Hillfort in Russian Primorye).* Tedzhon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far- Eastern Branch of the RAS, National Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).

Kradin, N. N., Ivliev, A. L. 2014. *Istoriya kidan'skoy imperii Lyao (907–1125) (History of the Khitan Empire of Liao (907–1125).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Len'kov, V. D., Artem'eva, N. G. 2003. *Lazovskoe gorodishhe (Lazovskoye hillfort)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Medvedev, V. E. 1979. In Pogozheva, A. P. (ed.). *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka (Recent studies in the Archaeology of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 207–215 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2005. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 5 v Primor'e v 2003–2004 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 5 Burial Ground in Primorye in 2003–2004).* Pu E: Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2008. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 2 v Primor'e v 2007 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 2 Burial Ground in Primorye in 2007).* Pu E: Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Okladnikov, A. P., Brodyanskii, D. L. 1969. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1968 goda (Archaeological Discoveries of 1968)*. Moscow: "Nauka" Publ., 208–210 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1971. *Petroglify Nizhnego Amura (Lower Amur petroglyphs).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Okladnikov, A. P., Derevyanko, A. P. 1973. *Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya (The remote past of Primorye and Amur region).* Vladivostok: "Dal'nevost. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Omel'ko, V. E., Gelman, E. I., Gasilin, V. V. 2020. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 161–174 (in Russian).

Panasenko, V. E., Gelman, E. I. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 8 (3), 193–204 (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2014. In Gelman, E. I., Vostretsov, Yu. E. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology).* Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 80–91 (in Russian).

Piskareva, Ya. E, Dorofeeva, N. A., Gridasova, I. V., Klyuev, N. A., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Sleptsov, I. Yu. 2018. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 139–160 (in Russian).

Piskareva, Ya. E., Astashenkova, E. V., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Ivliev, A. L., Dorofeeva, N. A., Lyashchevskaya, M. S., Bazarova, V. B., Pshenichnikova, N. F. 2019. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology)* 1, 88–114 (in Russian).

Prokopets, S. D., Boldin, V. I., Chon Sonmok, Stoyakin, M. A., Chon Yunhi 2021. *Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche Nikolaevskoe 1 v rossiyskom Primor'e (Archaeological studies on the Nikolaevka 1 hillfort in Russian Primorye).* Tedzhon: State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Korean and Russian).

Semin, P. L., Kolomiets, S. A. 2011. In Lynsha, V. A., Tarasenko, V. N. (eds.). In Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka *(Current problems of archaeology of Siberia and the Far East).* Ussuriysk: Ussuriysk State Pedagogical Institute, 244–252 (in Russian).

Stoyakin, M. A. 2020. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 4, 175–187 (in Russian).

Khorev, V. A. 2012. *Anan'evskoe gorodishhe (Ananyevskoye Settlement).* Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Khorev, V. A., Galaktionov, O. S. 2003. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii i paleoekologii Severnoy, Vostochnoy i Tsentral'noy Azii (Issues of archaeology and paleoecology of Northern, Eastern and Central Asia).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 355–357 (in Russian)ю

Jung Suk-Bae, Nikitin, Yu. G. 2008. In Brodyansky, D. L. (ed.). *Stoletie velikogo A.P. (k iubileiu Alekseia Pavlovicha Okladnikova) (100th Anniversary of the Great A.P. (Dedicated to the Anniversary of Aleksey Pavlovich Okladnikov)).* Series: Tikhookeanskaia arkheologiia (Pacific Archaeology) 16. Vladivostok: Far Eastern University, 227−265 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1968. *Gosudarstvo Bokhai i pamiatniki ego kul'tury v Primor'e (Bohai State and the Monuments of its Culture in Primorye).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1991. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of the Jurchen-Udige in the 12th –13th cc, and the Issues of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shipovalov A. M. 1999. In Bolotin, D. P., Zabiiako, A. P. (eds.). *Traditsionnia kultura Vostoka Azii (Traditional Culture of the East of Asia)* 2. Blagoveshchensk: Amur State University, 194–200 (in Russian).

Tung-Ghing-Ch'eng. Report on the Excavation of the Site of the Capital of Po-hai. 1939. In *Archeologia Orientalis.* ser. A.V. Tokio.

Hekou yu zhenxing: mudanjiang lianhuashuiku fajue baogao (Hekou and Zhenxing: Report on excavation of Lianhua water reservoir area in Mudanjiang Municipality) / Institute of cultural relics and archaeology of Heilongjiang Province, Faculty of Archaeology of Jilin Univercity. Beijing: Kexue publ. 2001 (in Chinese).

Jin Taishun, Wang Xiangbin, Wang Shijie. 2003. In *Kaogu (Archeology)* 3, 38–47 (in Chinese).

Yang Xiuquan. 1997. In *Beifang Wenwu.* №4. 54 (in Chinese).

Ning'an hongzunyuchang: yijujuer – yijujuu niandu bohai mudi kaogu fajue baogao (Hongzunyuchang in Ning'an: report on the archaeological excavations of the Bohai burial ground in 1992–1995). 2009. Compiled by: Institute of Archeology of Heilongjiang Province. Vol. 1, 1–543; Vol. 2, 544 – 621 + 212 tab.ill. (in Chinese). Beijing: Wenwu Publishing House (in Chinese).

Yan Jingquan. 1990. In *Beifang Wenw* 2, 28–41 (in Chinese).

About the Authors:

Anzulis Yana E., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the RAS. Pushkinskaya, Str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; 7yana7@mail.ru

Astashenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far- Eastern Branch of the RAS. Pushkinskaya, Str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; astashenkova@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.373.382

ПРЕСТИЖНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ПАМЯТНИКОВ XIII В. В ПРИМОРЬЕ[1]

©2024 г. Е.И. Гельман

В исследовании рассматривается глазурованная посуда и фарфор из памятников Восточного Ся (Дун Ся) (1215-1234), найденные на территории Российского Приморья. Изучаемые артефакты являются частью группы престижных вещей чжурчжэньского населения. Характеризуются исторические условия формирования изменившейся региональной модели расселения в новом государственном образовании. Анализируется происхождение глазурованной керамики и фарфоровых изделий, а также объясняется, какое место они занимали во внутренней и внешней торговле у чжурчжэней. Отдельно рассматриваются изделия, изготовленные в печах Цзинь (1115-1234) и Южной Сун (960-1279). Установлено, что после завоевания Северного Китая чжурчжэни сохранили производство печей по производству динъяо, цычжоу, цзюньяо, северных селадонов, изделий с цветными свинцовыми глазурями. Из печей Южной Сун в Цзинь поступала продукция из печей по производству сортов цзяньяо, лунцюанского селадона, иньцин. Имперский стиль Сун оказался востребованным у чжурчжэней. В целом рассмотренная глазурованная керамика и фарфор не только характеризуют торговые связи в Цзинь накануне образования Восточного Ся в 1215 г., но и предпочтения чжурчжэньской элиты. Ценность глазурованной посуды в результате новой политической и экономической ситуации возросла.

Ключевые слова: археология, Приморье, династия Сун (960–1279), Цзинь (1115–1234), Восточное Ся (1215–1233), чжурчжэни, глазурованная керамика, фарфор.

PRESTIGIOUS CERAMICS FROM SITES OF THE XIII CENTURY IN PRIMORYE[2]

E.I. Gelman

The paper deals with glazed ceramics and porcelain from the sites of the Eastern Xia (Dong Xia) (1215–1234), found in Primorye. The artifacts under study are part of a group of prestigious items of the Jurchen population. The historical conditions for the formation of a changed regional settling model in the new state formation are characterized. The origin of glazed pottery and porcelain wares are analyzed, and the place they occupied in domestic and foreign trade among the Jurchens is explained. Items made in the Jin (1115–1234) and Southern Song (960–1279) kilns are considered separately. It has been established that after the conquest of Northern China, the Jurchens retained the production of kilns of Ding wares, Cizhou wares, Chün wares, Northern celadons, and items with colored lead glazes. Products made in kilns for producing Jian (temmoku) wares, Longquan celadon, and Ch'in-pai wares came to Jin from the Southern Song. The Song imperial style proved popular among the Jurchens. In general, the considered glazed ceramics and porcelain not only characterize trade relations in Jin on the eve of the formation of the Eastern Xia in 1215, but also the preferences of the Jurchen elite. The value of glazed ware increased as a result of the new political and economic situation.

Keywords: archaeology, Primorye, Song Dynasty (960–1279), Jin Dynasty (1115–1234), Dong Xia (Eastern Xia) state (1215 – 1233), Jurchen, glazed ceramics, porcelain.

Введение

Изучение престижных изделий часто привлекает внимание исследователей, так как их появление и распространение нередко связано с прогрессом в ремесленном производстве. Этот процесс управляется и контролируется элитами в стратифицированных сообществах, в том числе и ранних государств (Earle, 1987; Peregrine, 1991). Трудоемкие и технологически сложные украшения и другие вещи действуют как символ статусного положения, обладатель которого имеет явные права в социально-политической иерархии и, как следствие, политическую власть. Материальные объекты используются как символы, отображающие мировоззрение, а также

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока».

[2] The research was financially supported by RSF (РНФ) grant 20-18-00081 "Archaeology of the Far East".

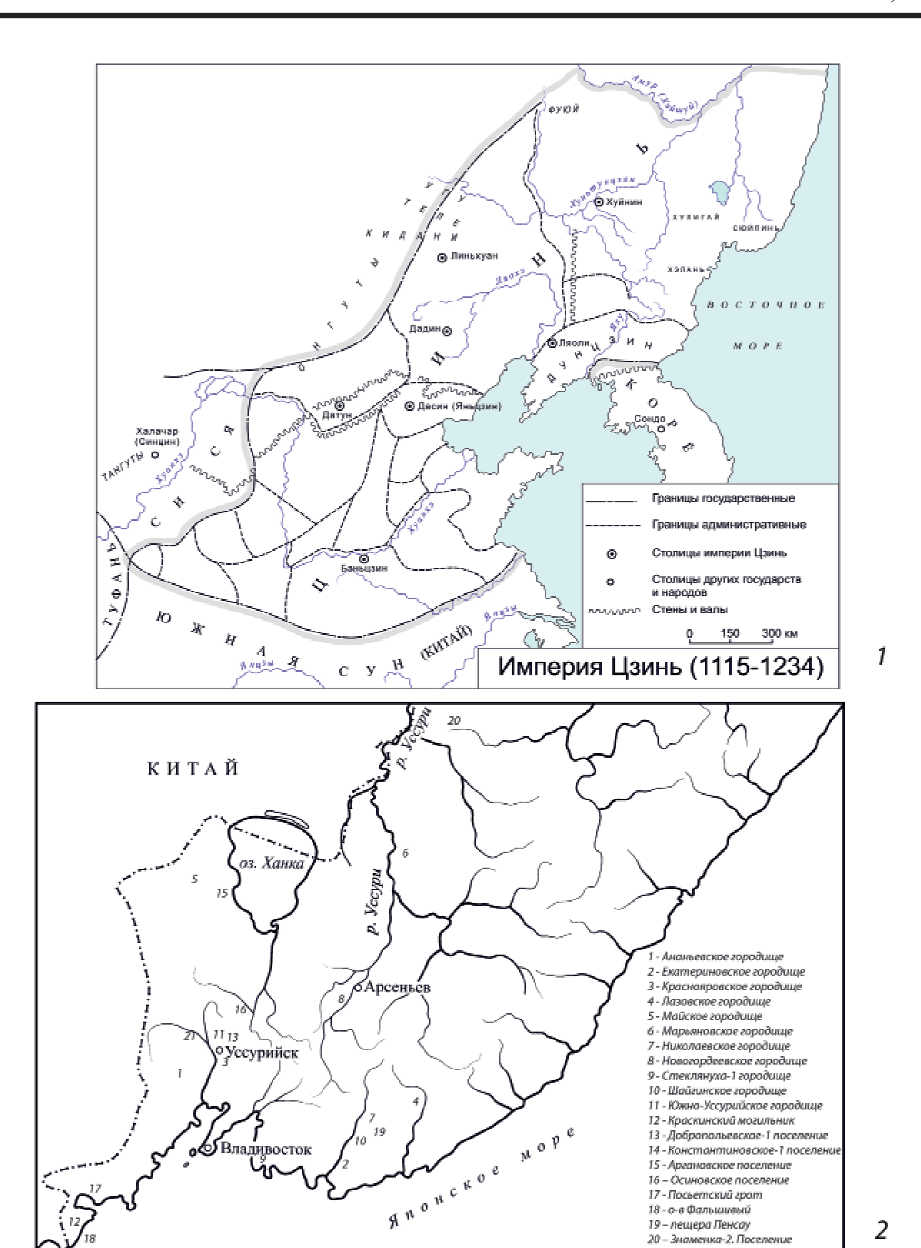

Рис. 1. Карты империи Цзинь и памятники чжурчжэней на территории Приморья:
1 – Карта империи Цзинь (1115-1234) по: Воробьев, 1975); 2 – карта распространения чжурчжэньских памятников периода Восточного Ся в Приморье
Fig. 1. Maps of the Jin Empire and Jurchen sites in Primorye:
1 – map of the Jin Empire (1115–1234) according to Vorobiev, 1975); 2 – map of the distribution of Jurchen sites of the Eastern Xia period in Primorye

способствуют поддержанию и увеличению авторитета их владельца.

При исследовании престижных ремесленных изделий, в том числе керамики, основное внимание уделяется стандартизации, масштабу и организации производства, декору и стилю. Посуда с глазурными покрытиями в разных обществах являлась ценной, статусной продукцией, но не всегда одно лишь ее наличие указывает на высокое положение владельца. Также при изменении внешних обстоятельств может меняться и степень престижности изделий. Конкретные исторические условия могут повлиять на процессы в ремесленном производстве, в том числе и на выпуск элитной продукции. Подобная ситуация была прослежена при анализе комплекса престижной керамики, представленной глазурованной посудой, из чжурчжэньских памятников Российского Приморья начала XIII в. Эта территория вошла в состав нового государства Восточного Ся (1215–1233 гг.) в пери-

од его противостояния с Цзинь (1115–1234 гг.) (рис. 1: 1) и монголами.

Источники исследования происходят из 20 памятников, как однослойных, так и многослойных, в которых есть слои времени Восточного Ся (рис. 1: 2). При их рассмотрении основное внимание уделялось вопросам исторических условий формирования памятников, идентификации материалов, стандартизации форм и размеров, масштабу и организации в местах производства, статистическому анализу потребления, особенностям имперского стиля.

Канва исторических событий начала XIII века в регионе

С начала XII в. Приморье входило в границы империи Цзинь (1115–1234 гг.). Здесь проживало население, родственное племени Ваньянь, объединившего чжурчжэней, поднявшего их на борьбу с киданями, которым они почти 150 лет были покорны и платили дань. Имеются сведения, что роду Ваньянь принадлежали земли в губернии Елань, откуда они, поскольку почвы там утратили плодородность, в 1124 г. переселились в район Супинь во главе с выдающимся князем и полководцем Эсыкуем (Дигунай), племянником первого императора чжурчжэней Агуды (Ивлиев, 1996). Таким образом, губерния Елань стала располагаться в долине р. Раздольной (Суйфун), в районе современного г. Уссурийска, где был впоследствии похоронен Эсыкуй (Ларичев, 1996).

Первоначальное место проживания переселенцев было связано, вероятнее всего, с долиной р. Партизанской (Сучан), где находится городище Николаевское. Так, в один год стало возможным массовое переселение чжурчжэней из долины одной реки в долину другой. В следующий раз существенное изменение в региональной модели расселения чжурчжэней произошло в начале XIII в., когда в условиях противостояния с монголами полководец Пусянь Ваньну, отколовшись от Цзинь, во главе стотысячного войска совершил поход из Ляодуна в губернию Хэлань, создал новое государство Великое Чжэнь, в дальнейшем – Восточное Ся (1215–1233 гг.). Город Кайюань он сделал одной из своих столиц (Ивлиев, 1993). С этого времени в Приморье, так же как и в других частях вновь образованного государства, начинается активное строительство горных городищ. К настоящему времени неплохо изучены памятники Восточного Ся, из которых происходит глазурованная керамика и фарфор начала XIII в. Такие исторические условия определили формирование археологических источников на памятниках эпохи Восточного Ся.

Переселившиеся в Приморье чжурчжэни принесли и привезли с собой не только самые необходимые вещи (инструменты, оружие и др.), но и те, которые они считали престижными. К числу престижных артефактов из чжурчжэньских памятников обычно относят символы власти и ритуальные предметы, такие как серебряная пайцза, ваджра, печати, бронзовые рыбки чиновников, фигурки-подвески бронзовых мальчиков, амулеты, календари и др. Престижными предметами, несомненно, являются золотые, серебряные, бронзовые (в том числе с позолотой), инкрустированные железные изделия (в том числе инкрустированные серебром и золотом), стеклянные и каменные (агат, нефрит, стеатит, кварц, сердолик и проч.) украшения и сосуды, а также глазурованная керамика и фарфор (Воробьев, 1975; Шавкунов, 1990; Хорев, 2012; Артемьева, 2023). Многие изделия рано или поздно при наличии ресурсов могли быть изготовлены в местных мастерских в случае дефицита и повышения спроса. Однако глазурованная посуда в силу особого сырья, необходимого для ее производства, и сложного технологического процесса не могла производиться местными мастерами, что, несомненно, повысило ее ценность.

В условиях военных действий и отделения от Цзиньской империи глазурованная керамика и фарфор из разряда товаров внутренней торговли перешли в разряд редких, недоступных изделий. Печи, производившие такую керамику и фарфор, находились либо на территории Цзинь, либо на территории Южной Сун. Торговые связи с Цзинь и другими соседями оказались разрушены в силу военной ситуации, а новые еще не сложились.

Глазурованная керамика и фарфор из цзиньских печей

Из сказанного выше следует, что глазурованная посуда на памятниках Восточного Ся в Приморье прибыла вместе с переселившимся населением, что характеризует рынок сбыта в районе Ляодуна до начала событий 1215 г. В целом рассматриваемый археологический материал из разных памятников имеет значи-

тельную фрагментарность. Целые экземпляры встречены крайне редко, обычно они представлены миниатюрными сосудами. Часть глазурованной керамики и фарфора имеет следы ремонта, то есть на стенках поврежденных изделий с двух сторон от трещины просверливались отверстия, через которые пропускалась металлическая, в том числе железная, проволока, стягивая и укрепляя треснувшие экземпляры.

Хотя глазурованная посуда происходит из разных печей, формы сосудов, за некоторым исключением, стандартны, так же как и размеры. Они находят полную аналогию среди форм эпохи Северной Сун, что вполне понятно, так как все печи начали работать еще в Тан (618–907 гг.) или в начале Сун (969–1127 гг.). Самыми распространенными формами являются чаши малых, средних и больших размеров, блюда, блюдца, тарелки, миниатюрные кувшинчики, миниатюрные сосуды шаровидные юй и горшочки, косметические флакончики, кувшины, пудреницы, винные чайники, триподы, горшки, вазы, редко чарки, корчажки и корчаги, миниатюрная скульптура. Однако совершенно отсутствуют рукомойные сосуды, жаровни, подголовники (подушки), игрушки, которые редко, но встречались на памятниках Цзинь на территории Китая. На наиболее раскопанных памятниках (Шайгинском и Ананьевском городищах, где выборка составила более 290 и 112 жилищ соответственно) глазурованная керамика и фарфор найдены в каждом третьем жилище (Гельман, 1999; Хорев, 2012; Артемьева, 2022).

Из цзиньских печей происходят фарфор *динъяо*, тонкокаменная керамика с темными (черными и коричневыми) глазурями, цзюньяо, северные (яочжоуские) селадоны, цычжоу, керамика со свинцовыми цветными глазурями.

Наиболее популярным сортом у чжурчжэней был сорт динъяо, печи по производству располагались в провинции Хэбэй (с. Цзяньцыцунь, уезд Цюйян). Они отличались черепком разного качества (иногда фарфоровидным и тонкокаменным), но наиболее превосходные образцы имели белоснежный черепок и полупрозрачную глазурь со слегка сероватым оттенком. Производство фарфора здесь началось в Тан, а наибольшую известность сорт динъяо получил в период Северной Сун, когда получил статус государственных печей, а изделия поставлялись к императорскому двору (The ceramics, 1971). Продукция динъяо встречается на всех сколько-нибудь раскопанных чжурчжэньских памятниках, в том числе и в Приморье. Они достигают почти 49% всех глазурованных изделий из памятников эпохи Восточного Ся (Гельман, 1999, с. 78).

После завоевания Северного Китая чжурчжэни способствовали сохранению производства в печах Динчжоу и продолжили выпуск высококачественной продукции, в основном сохранив и формы сосудов, и технологические традиции (использование шаблонов с декором), и декор (растительный орнамент, драконы, рыбы, фениксы и др.), и в целом имперский стиль Северной Сун. Хотя и в сунское время в печах выпускались изделия разного качества. К концу цзиньской эпохи производство достигло еще более огромных масштабов, к этому времени декор становится менее разнообразным, появился упрощенный обжиг с «песчаным кольцом». Раскопки в Царском дворце в Верхней столице Цзинь (г. Ачэн, провинция Хэйлунцзян) показывают (по личному наблюдению автора при знакомстве с коллекциями) абсолютное доминирование в материалах фарфора динъяо. Но и на памятниках Восточного Ся такая продукция встречалась в каждом третьем жилище на наиболее раскопанном Шайгинском городище (около 300 жилищ), иногда и несколько экземпляров. В основном найдены чаши разных размеров (42%), блюда и блюдца и др., хотя формы динъяо представлены более разнообразно. Такой интерес чжурчжэньской элиты к фарфору динъяо, конечно, обусловлен тем, что она «унаследовала» предпочтения китайских северосунских императоров. На Ананьевском городище найден экземпляр чаши с рыбодраконом в окружении цветов, на дне которого снаружи имеется надпись: «Кормовое ведомство императорского двора» – такая маркировка делалась при сунских императорах (рис. 2: 1–3). Нельзя, к сожалению, достоверно сказать, была ли это реликвия, захваченная в период чжурчжэньско-китайских войн, или надпись является подделкой и сделана позже для повышения ценности чаши.

Другим популярным сортом является темноглазурованная тонкокаменная керамика с черной и коричневой глазурями, она обнаружена почти на всех чжурчжэньских памятниках и составляет к настоящему времени

Рис. 2. Образцы глазурованной посуды из чжурчжэньских памятников Восточного Ся в Приморье: 1-3 – чаша сорта динъяо из Ананьевского городища; 4 – миниатюрный сосуд с коричневой глазурью из Ананьевского городища; 5 – образцы темноглазурованной керамики из Ананьевского (слева) и Краснояровского (справа) городищ; 6,7 – чаша и блюдо сорта цзюньяо из Ананьевского городища

Fig. 2. Samples of glazed ceramics from the Jurchen sites of the Eastern Xia in Primorye: 1-3 – bowl of the Ding wares from the Ananyevka hillfort; 4 – miniature vessel with brown glaze from the Ananyevka hillfort; 5 – samples of dark-glazed vessels from the Ananyevka (left) and Krasny Yar (right) hillforts; 6,7 – bowl and dish of the Chün wares from the Ananyevka hillfort

около 30% от всех глазурованных изделий из памятников Восточного Ся (Гельман, 1999). На Ананьевском и Шайгинском городищах они найдены в каждом четвертом жилище. Наиболее часто встречались бутылевидные небольшие сосуды и горшочки с двумя ручками, миниатюрные шаровидные сосуды, реже чаши и блюда, кувшины, вазы, бутылевидные сосуды, корчажки и корчаги (рис. 2: 4, 5). Темноглазурованная посуда как сопутствующая продукция выпускалась в разных печах: Гуаньтайяо провинции Хэбэй (где выпускалась в основном продукция цычжоу), Цыцуньяо провинции Шаньдун, Гангуаньтунь провинции Ляонин и др. Поэтому эти изделия сложно относить к тем или иным печам, но значительная доля небольших бутылевидных сосудов с ручками и горшочки с открытым устьем встречались в печах Гуаньтайяо (Печи цычжоу, 2009).

Изделия с голубой непрозрачной глазурью, иногда с лиловыми потеками («пламенеющие цзюнь»), светло-серым или серым черепком сорта цзюньяо немногочисленны (6,5%) и обнаружены только в каждом 19 жилище и одной мастерской Шайгинского городища. Немного чаще (в каждом 14 жилище) их находили на Ананьевском городище (рис. 2: 6, 7) и в единичных экземплярах на других чжурчжэньских памятниках (Гельман, 1999). Формы сосудов представлены чашами разных размеров, блюдами, пудреницами, триподами, миниатюрным шаровидным сосудом. Предположительно цзюньяо начали изготавливаться еще в период Северной Сун и продолжали выпускаться в эпоху Цзинь, а затем в Юань и ранний период Мин в печах Хуньюаньяо в провинции Шаньси, в Цзюньтайяо провинции Хэнань и в нескольких других. Даже в печах Гуаньтайяо и других в провинции Хэбэй были найдены обломки этого сорта (Печи цычжоу, 2009). Так как этот сорт выпускался в разных печах, трудно оценить реальные масштабы его производства, но они были значительны и длительное время популярны. Цзюньяо изготавливались как на гончарном круге, так и с использованием формы, а изделия наилучшего качества поставлялись к императорскому двору.

Знаменитые северные селадоны также встречаются на чжурчжэньских памятниках первой трети XIII в. (Гельман, 1999; Гельман, 2019). Однако они были очень редки: чуть больше 3% найденных образцов можно надежно отнести именно к печам Яочжоу (уезд Тунчуань в провинции Шэньси). Они имеют не только зеленовато-серую глазурь (зеленоватый цвет придавал оксид железа), но и характерный черепок – тонкокаменный или фарфоровидный светло-серый или серый в изломе (рис. 3: 1). Редкие образцы покрыты подглазурным растительным орнаментом, сходным по стилю с динъяоской продукцией и выполненным в технике гравировки. Вместе с тем значительная часть продукции изготав-

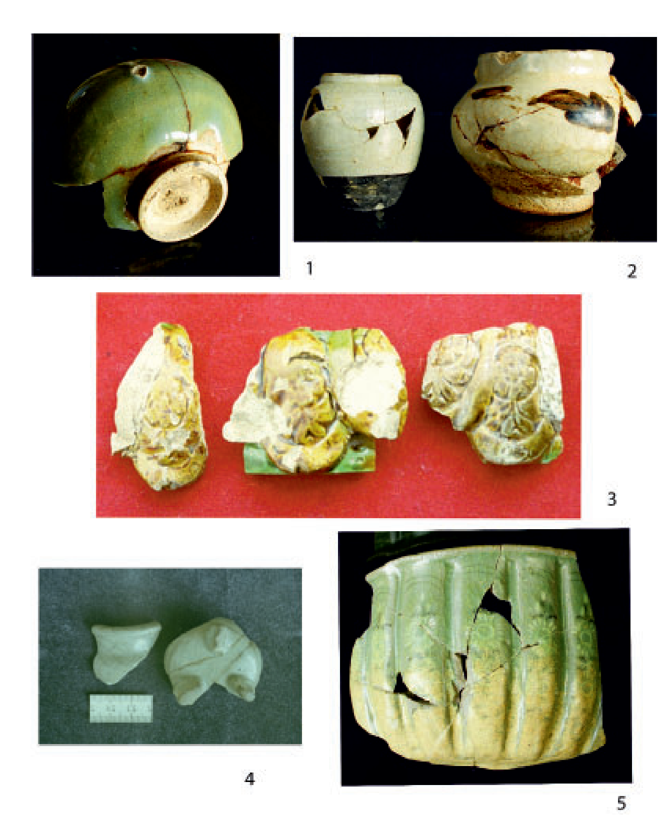

Рис. 3. Образцы глазурованной посуды из чжурчжэньских памятников Восточного Ся в Приморье: 1 – селадоновая чашка из Посьетской пещеры; 2 – образцы сорта цычжоу из Ананьевского (слева) и Лазовского (справа) городищ; 3 – фрагмент основания миниатюрной скульптуры в форме лотоса со свинцовой глазурью из Ананьевского городища; 4 – фрагмент миниатюрного трипода – лунцюаньского селадона; 5 – фрагмент чаши корёского селадона с инкрустацией цветными глинами

Fig. 3. Samples of glazed ceramics from the Jurchen sites of the Eastern Xia in Primorye:
1 – celadon cup from the Posyet cave; 2 – samples of the Cizhou wares from Ananyevka (left) and Lazovka (right) hillforts; 3 – fragment of the base of a miniature sculpture in the shape of a lotus with lead glaze from the Ananyevka hillfort; 4 – fragment of a miniature tripod – Longquan celadon; 5 – fragment of a Goryeo celadon bowl incrusted by colored clays

ливалась на шаблоне еще в период Северной Сун, а дополнительно могла подправляться в другой технике. Производство северных селадонов продолжалось в цзиньский период, но в начале Юань, в смутное военное время пришло в упадок. В Цзинь среди чжурчжэньской элиты селадоны пользовались меньшей популярностью, чем среди китайского населения эпохи Северной Сун.

Относительно немного обнаружено изделий сорта цычжоу с росписью на белом фоне и светлой полупрозрачной глазурью (чуть более 1%). Они имеют светло-серый и серый тонкокаменный, иногда грубоватый черепок, покрытый белым или почти белым ангобом (рис. 3: 2). По ангобу могут быть нанесены кистью очень скромные и свободные изображения листьев, пятен, точек, что придает им сходство по стилю с написанием иероглифов. Цычжоу насчитывает в действительности гораздо больше разновидностей и использованных техник, включая изделия с глазурью только белого цвета или черного, белого с зелеными пятнами, гравированные изделия по ангобу до основы черепка, роспись черной глазурью под зеленой и проч. (Печи цычжоу, 2009). Некоторые из них также встречаются на памятниках Восточного Ся, а если учесть, что часть темноглазурованных может быть изготовлена также в печах цычжоу, то в действительности представителей этого сорта может гораздо больше.

Очень немногочисленны изделия со свинцовыми цветными глазурями, найдены на нескольких памятниках (менее 1%), но большинство на Шайгинском городище. У них черепок по качеству близок к тонкокаменному кремового, желтоватого, даже красного цвета (рис. 3: 3). На подготовленное изделие наносился белый ангоб, на который наносилась преимущественно зеленая глазурь разных оттенков. Обжиг проходил в два этапа: сначала черепок с ангобом при температуре 1000–1100 ºС, а затем наносилась глазурь и сосуд обжигался при более низкой температуре около 900 ºС. Печи по производству установить сложно, так как такая продукция могла выпускаться в разных печах.

Глазурованная керамика и фарфор из южносунских печей

Среди глазурованной керамики из чжурчжэньских памятников Приморья выделяется немногочисленная группа изделий, выпускавшихся в печах Южной Сун. Среди них присутствуют образцы *селадона*, *цзяньяо* (*теммоку)* и *иньцин* (The ceramics, 1971).

Из небольшого количества селадоновых изделий несколько экземпляров имеют достаточно выраженные признаки продукции Лунцюаньских печей из провинции Чжэцзян. Они найдены на Шайгинском и Ананьевском городищах (рис. 3: 4). У них цвет фарфоровидного черепка варьирует от светло-серого

Рис. 4. Образцы глазурованной посуды из чжурчжэньских памятников Восточного Ся в Приморье: 1,2 – фарфоровый трипод сорта иньцин из Ананьевского городища; 3 – тарелка сорта иньцин из Шайгинского городища; 4 – фрагменты чашек сорта цзюньяо (теммоку) из Шайгинского городища

Fig. 4. Samples of glazed ceramics from the Jurchen sites of the Eastern Xia in Primorye: 1,2 – porcelain tripod of the Ch'in-pai wares from the Ananyevka hillfort; 3 – plate of the Ch'in-pai wares from the Shaiga hillfort; 4 – fragments of cups of the Jian (temmoku) wares from the Shaiga hillfort

до серовато-белого, а глазурь – от светло-зеленого, травянистого-зеленого до дымчато-серого, иногда с естественной трещиноватостью – цеком (Гельман, 2019).

Еще один образец селадона, фрагмент чаши голубовато-зеленоватого цвета с декором, выполненным в технике сангам (инкрустация цветной глиной), является продукцией корёских печей (Hughes, Matthews, Portial, 1999) (рис. 3: 5). Этот экземпляр обнаружен на Южно-Уссурийском городище.

Изделия фарфора цинбай, или иньцин, что означает «оттененный голубым» (более 2% от общего числа коллекции), найдены на Шайгинском, Краснояровском, Южно-Уссурийском и Ананьевском городищах, Краскинском могильнике (в погребении чжурчжэньского времени) и др. (Гельман, 1999; Артемьева, 2009, с. 286, рис. 364; Артемьева, 2023, с. 91, рис. 5,*9*). Это превосходный по качеству фарфор с белоснежным черепком и прозрачной с голубоватым оттенком глазурью (рис. 4: 1–3). Часто изделия декорированы примерно в том же стиле, что и динъяо (растительный орнамент, стилизованные изображения дракона, геометрический орнамент и др.). Иньцин изготавливался в различных печах Южной Сун, а позднее в Юань в XIII–XIV вв. (Li, Doherty, Hein, 2021). Главный центр по производству этого фарфора находился в окрестностях Цзиндэчжэня провинции Цзянси. Продукция этих печей транспортировалась по торговым сухопутным и морским путям в разные уголки мира – от Японских островов до Северной Африки. Этот сорт дал начало фарфору с кобальтовой росписью.

Сорт *цзяньяо* (теммоку) представлен небольшим количеством (около 1%), фрагменты найдены пока только на Шайгинском городище (Гельман, 1999). Возможно, их найдено немного больше, но яркими признаками этого сорта обладают только несколько образцов. Черепок у обнаруженных образцов тонкокаменный или фарфоровидный, серый, светло-серый или коричневый (рис. 4: 4). В зависимости от восстановительного или окислительного обжига черная глазурь покрыта серебристыми звездочками или коричневыми потеками с металлическим блеском. Они изготовлены в печах Цзяньяо из провинции Фуцзянь. Однако похожие образцы с более грубым черепком в разное время собраны в печах Цычжоу (Печи цычжоу, 2009), не исключено, что эксперименты с такими глазурями сначала были начаты именно в Северном Китае в тех же печах, где выпускали продукцию цычжоу. Единичные образцы из этих печей найдены в дворцовом комплексе Верхней столицы чжурчжэней (автор имела возможность ознакомиться с одним таким образцом из последних раскопок лично).

Продукция печей Южной Сун в ограниченном количестве поступала на территорию

Цзинь, хотя между ними и были различные торговые ограничения, возможно, частично она проникала в виде контрабанды. А впоследствии вместе с переселенцами из Ляодуна южносунские изделия оказались в Восточном Ся.

Один образец корёского селадона не может свидетельствовать о каких-либо серьезных торговых связях между государствами Восточное Ся и Корё, однако нужно иметь в виду исторические сведения о попытке налаживания между ними дипломатических и торговых отношений сначала при Пусяне Ваньну, а затем в 40–80 гг. XIII в. уже в качестве вассала моноголов (Ивлиев, 1993).

Заключение

Вследствие вынужденного переселения чжурчжэней с образованием Восточного Ся, на территорию Приморья было привезено значительное количество разных вещей, в том числе престижного характера. Система расселения в этом регионе усложнилась, началось строительство новых городищ и поселений, перестройка старых. В процессе, конечно, создавались новые ремесленные мастерские, в том числе для нужд увеличившегося населения, для обороны, освоения имеющихся местных ресурсов. Однако не все ставшие привычными для элиты престижные изделия могли быть произведены в них. Такие материалы как нефрит, глазурованная керамика и некоторые другие не могли в условиях военного противостояния доставляться в эту часть Восточного Ся.

Имевшаяся глазурованная посуда, видимо, очень ценилась, ее берегли, а в случае незначительного повреждения старались ремонтировать. Вместе с тем нельзя утверждать, что только незначительная часть населения, собственно элита, владела этими предметами. Судя по пространственному распределению рассматривающихся артефактов на наиболее раскопанных памятниках, глазурованная керамика и фарфор найдены в каждом третьем жилище. Отличие состоит в количестве изделий, их качестве и разнообразии встречающейся продукции. Подобные явления наблюдались и в других регионах мира (Adams, 1986). Такая ситуация частично отражает высокую насыщенность рынка глазурованной керамикой и фарфором накануне монгольского завоевания. Наиболее ценные образцы встречаются значительно реже, они обнаружены вместе с другими престижными изделиями.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н.Г. Отчет об археологических исследованиях Краснояровского городища в Уссурийском районе Приморского края в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1. Оп. 1, № 38276. 339 л.

Артемьева Н.Г. Квартал чиновников Шайгинского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 5 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2022. С. 100–133.

Артемьева Н.Г. Чжурчжэньская храмовая постройка на Южно-Уссурийском городище в Приморье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 2. С. 85–92. DOI:10.17746/1563-0102.2023.51.2.085-092

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.–1234 г.). М.: Наука, 1975. 327 с.

Гельман Е.И. Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1999. 222 с.

Гельман Е.И. Очерки истории селадонов // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 33–51.

Ивлиев А.Л. Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и сопредельных территорий (Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока) / Отв. ред. В. Д. Леньков. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 8-17.

Ивлиев А.Л. Письменные источники об истории Приморья середины I – начала II тысячелетий н.э. // Приморье в древности и средневековье / Отв. ред. А.М. Кузнецов. Уссурийск: УГПИ, 1996. С. 30–34.

Ларичев В.Е. Навершие памятника князю Золотой империи (Уссурийск, Приморье) // Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1974. С. 205–224.

Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука. 2012. 339 с.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1991. 283 с.

Adams W. Ceramic industries of medieval Nubia. Vol. 1. Part 1. University press of Kentucky, 1986. 408 p.

Earle, T. K. Specialization and the production of wealth: Hawaiian chiefdoms and the Inka empire // Specialization, Exchange, and Complex Societies (eds E. M. Brumfiel and T. K. Earle). Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 64-75.

Hughes M.J., Matthews K.J. and Portial J. Provenance studies of Korean celadons of the Koryo period by Neutron Activation analysis // Archaeomery. Vol. 41. Part 2. August. 1999. P. 287-310.

Li Zihan, Doherty Chris, Hein Anke. Rediscovering the largest kiln site in the middle Yangtze River Valley: insights into Qingbai and grey-greenish ware production at Husi kiln site based on bulk chemical analysis // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13: 218. DOI: 10.1007/s12520-021-01464-4

The ceramic art of China. Catalogue of an exhibition. June 9th to July 25th 1971. Victoria and Albert Museum. London, 1971. 242 p.

Peregrine, Peter. Some Political Aspects of Craft Specialization // World Archaeology. Vol. 23. No. 1. Craft Production and Specialization. Jun., 1991. Published by: Taylor & Francis, Ltd. Pp. 1-11.

中国磁州窑 (Печи цычжоу в Китае) / 叶喆民主编 (Гл. ред. Е Чжэминь). Т. 1. Изд-во Хэбэй мэйшу. Т.1. 2009 (на кит. яз.).

Информация об авторе:

Гельман Евгения Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, зав. сектором, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); gelman59@mail.ru

REFERENCES

Artemieva, N. G. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Krasnoyarovskogo gorodishcha v Ussuriyskom rayone Primorskogo kraya v 2009 godu (Report on the archaeological studies of the Krasny Yar settlement in the Ussuriysk district of Primorsky Krai in 2009).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 38276 (in Russian).

Artemieva, N. G. 2022. In Artemieva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 5. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 100–133 (in Russian).

Artemieva, N. G. 2023. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 51 (2), 85–92. DOI:10.17746/1563-0102.2023.51.2.085-092 (in Russian).

Vorob'ev, M. V. 1975. *Chzhurchzheni i gosudarstvo Tszin' (X v.–1234 g.). (The Jurchens and the Jin State (10th c. – 1234))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gelman, E. I. 1999. *Glazurovannaya keramika i farfor srednevekovykh pamyatnikov Primor'ya (Glazed ceramics and porcelain of medieval monuments in Primorye).* Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Gelman, E. I. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 33–51 (in Russian).

Ivliev, A. L. 1993. In Len'kov, V. D. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka Rossii i sopredel'nykh territoriy (Doklady V sessii Nauchno-problemnogo soveta arkheologov Dal'nego Vostoka) (New materials on archaeology of the Russian Far East and adjacent territories (Reports of the V session of the Scientific and Problem Council of archaeologists of the Far East)).* Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 8–17 (in Russian).

Ivliev, A. L. 1996. In Kuznetsov, A. M. (ed.). *Primor'e v drevnosti i srednevekov'e (Primorye in ancient times and Middle Ages).* Ussuriisk: Ussuriisk State Pedagogical Institute, 30–34 (in Russian).

Larichev, V. E. 1974. In Larichev, V. E. (ed.). *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri (The Bronze and Iron Ages in Siberia).* Series: Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir' (Materials on the history of Siberia. Ancient Siberia) 4. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 205–224 (in Russian).

Khorev, V. A. 2012. *Anan'evskoe gorodishhe (Ananyevskoye hillfort).* Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1991. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of the Jurchen-Udige in the 12th –13th cc, and the Issues of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Adams, W. 1986. *Ceramic industries of medieval Nubia*. Vol. 1. Part 1. University press of Kentucky.

Earle, T. K. 1987. In Brumfiel, E. M., Earle, T. K. (eds.). *Specialization, Exchange, and Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 64–75.

Hughes, M. J., Matthews, K. J., Portial, J. 1999. In *Archaeomery*. Vol. 41. Part 2. August, 287–310.

Li Zihan, Doherty Chris, Hein Anke. 2021. In *Archaeological and Anthropological Sciences*. 13: 218. DOI: 10.1007/s12520-021-01464-4

The ceramic art of China. Catalogue of an exhibition. June 9th to July 25th 1971. Victoria and Albert Museum. London, 1971. 242 p.

Peregrine, Peter. 1991. In *World Archaeology*. Vol. 23. No. 1. Craft Production and Specialization. Jun., 1991. Published by: Taylor & Francis, Ltd. 1–11.

叶喆民主编 (Ye Zhemin) (ed.). 2009. 中国磁州窑 *(Cizhou Furnaces in China)* 1. Hebei Meishu Publishing House (in Chinese).

About the Author:

Gelman Evgeniya I., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far- Eastern Branch of the RAS. Pushkinskaya, Str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; gelman59@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

Центральная Азия

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.383.391

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА И НЕКРОПОЛЯ БЫТЫГАЙ[1]

© 2024 г. С.К. Сакенов, О.Д. Мысыр, А.С. Ганиева

В работе представлены результаты полевых археологических исследований на территории городища Бытыгай, где выявлены погребения периода Улуса Джучи. Два погребения установлены по косвенным признакам на поверхности земли, еще два погребения обнаружены методом сплошного вскрытия грунта; абсолютный возраст получен методом радиоуглеродного датированием. Использованы полевые материалы, полученные авторами в ходе проведения археологических изысканий в полевых сезонах 2021–2023 гг. на территории памятника. Основанием для интерпретации послужили надмогильные конструкции, описание погребальных камер, антропологический материал, а также погребальный обряд. Впервые в научный оборот вводятся материалы из городища и некрополя Бытыгай. Помимо традиционных методов, используемых в археологических исследованиях, таких как стратиграфия, аналогия, проведены междисциплинарные исследования. Результаты являются предварительными, так как ранее комплексное исследование такого сложного археологического объекта не проводилось. Городище и некрополь Бытыгай имеют специфические особенности, связанные со степным ландшафтом; структурные и архитектурные объекты, образующие городище, отличаются от других городов и городищ золотоордынского периода Поволжья, западного и южного Казахстана.

Ключевые слова: археология, Средние века, Улус Джучи, городища, караван-сарай, некрополь, мавзолей, погребение, терракотовые кирпичи, радиоуглеродное датирование

GOLDEN HORDE BURIALS ON THE TERRITORY OF THE CITY AND THE NECROPOLIS OF BYTYGAI[2]

S.K. Sakenov, O.D. Mysyr, A.S. Ganieva

The paper presents the results of field archaeological research on the territory of the Bytygai settlement, where burials of the period of the Ulus of Jochi were identified. Two burials were revealed by indirect evidence on the surface of the ground, two more burials were found by the method of full uncover of the soil. The absolute age was obtained by radiocarbon dating. The authors used field materials obtained during archaeological studies on the territory of the monument in the 2021–2023 field seasons. The basis for the interpretation was grave structures, descriptions of burial chambers, anthropological material, as well as burial rites. For the first time, materials from the Bytygai settlement and are introduced into scientific discourse. In addition to the traditional methods used in archaeological studies, such as stratigraphy, analogy, interdisciplinary study has been carried out. The results are preliminary, since a comprehensive study of such a complicated archaeological site has not been carried out previously. Bytygai settlement and necropolis have specific features related to the steppe landscape. The structural and architectural objects that form the settlement differ from other cities and settlements of the Golden Horde period in the Volga region, western and southern Kazakhstan.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Ulus of Jochi, ancient settlements, caravanserai, necropolis, mausoleum, burial, terracotta bricks, radiocarbon dating.

Введение. Исследование в степной части северной Сарыарки средневековой городской культуры является одним из актуальных направлений в казахстанской археологической науке. Для археологического изучения средневековых памятников перспективным считается территория Тенгиз-Коргалжынской впадины, которая находится на современной

[1] Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирование Комитетом науки Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан (ИРН BR18574223).

[2] The article was prepared as a part of program-targeted financing by the Committee of Science of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan (ИРН BR18574223).

Рис. 1. Карта расположения городища и некрополя Бытыгай
Fig. 1. Location of the Bytygai settlement and necropolis

административной территории Акмолинской области Казахстана. Среди множества археологических объектов в регионе выделяется средневековый памятник Бытыгай (рис. 1). Он расположен на левом берегу реки Нуры, в 1 км к востоку от села Коргалжын Акмолинской области. Памятник состоит из нескольких археологических объектов: 1) на левом берегу реки Нуры находится некрополь Бытыгай, который состоит из остатков мавзолеев, возведенных из сырцовых и обожженных кирпичей, производственного центра строительных материалов, необходимых для строительства мавзолеев; 2) на правом берегу вдоль береговой линии в ряд расположены следы и остатки строений десятков средневековых караван-сараев, арыков и кирпичеобжигательных печей.

В данной работе будут представлены материалы погребальных комплексов, датированных временем Улуса Джучи, исследованных в полевых сезонах 2022–2023 гг. на территории средневекового некрополя Бытыгай. Первые сведения об остатках и строениях мавзолейного типа, в том числе и о мавзолеях некрополя Бытыгай, мы находим в трудах известного казахского ученого Ш.Ш. Уалиханова. В архиве ученого сохранились чертежи и описание одного из крупных мавзолеев, расположенных на территории Бытыгай (Валиханов, 1964, с. 29–34). Первые археологические раскопки на территории памятника Бытыгай были произведены в 1954 г. А.Х. Маргуланом. Под его руководством раскопано строение размерами 21×17,5 м, где выявлены остатки кладки нижних рядов мавзолея, собраны кирпичи разных форм и размеров, среди которых есть резные терракотовые кирпичи, поверхность которых покрыта глазурью различных цветовых оттенков и без глазури. Объект датирован автором раскопок XIII–XVI вв. (Маргулан, 1950, с. 4–13). После продолжительного перерыва в исследовании объекта в 2000 г. работы вновь возобновляются и актуализируются под началом М.Е. Елеуова, профессора ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Под его руководством была раскопана погребальная конструкция, где выявлены два погребения и одно сооружение, интерпретируемое автором как остатки караульной башни (в плане округлой формы) (Елеуов, 2000).

В 2006–2009 гг. на территории памятника Бытыгай проводились вторичные исследования руин мавзолея отрядом РГП «Казреставрация» под руководством старших научных сотрудников М. Семби и Ж. Шайкена. В ходе работы были вскрыты основание мавзолея, кирпичеобжигательная печь, а также исследована территория мусульманского некрополя. По собранным образцам орнаментированных кирпичей и на основе анализа погребальных конструкций объекты датированы XV–XVI вв. (Сенби, 2015, с. 150–153).

Продолжительное и стационарное исследование объекта авторами данной статьи начато в 2021 г.; при пешем осмотре выяснены размеры мусульманского кладбища, фундаменты и руины погребения локализуются на площади размерами около 100×100 м к юго-западу от развалин мавзолея Бытыгай, то есть напротив портальной части. В полевом сезоне 2021 г. полностью раскопан производственный центр. В данном центре непосредственно производили сушку, обжиг кирпичей, гото-

Рис. 2. Погребение №3. 1 – надмогильное сооружение и перекрытие погребальной камеры; 2 – женское погребение после снятия перекрытия.
Fig. 2. Burial No. 3. 1 – grave structure and covering of the burial chamber; 2 – female burial after removal of the covering.

вили декоративные терракотовые кирпичи, поверхность которых покрыта глазурью с различными цветовыми оттенками (Сакенов и др., 2021, с. 267–283).

В 2022–2023 гг. на территории выявлены четыре погребения времен Улуса Джучи. Интерес представляет топография погребальных конструкций. Они на поверхности земли почти ничем не отмечены, а также не выходят за границы скопления и локализации основного мусульманского кладбища. В археологической документации при описании погребальных конструкций и погребений была использована порядковая нумерация. В данной работе представлены только погребения, датированные временем Улуса Джучи.

Материалы исследования. **Погребение № 3.** Раскоп № 3 заложен на возвышенном месте, в 30 м на север от реконструированного мавзолея Бытыгай. На поверхности земли фиксировалась кладка кирпичей стандарта 25×25×5 см, выложенных в один ряд. Длина кладки не превышала 0,90 м, длинной стороной ориентирована по линии север – юг. С целью полного охвата археологических объектов заложен раскоп площадью 5×6 м. В процессе раскопок первого слоя каменно-земляного грунта на глубине 0,20 м зафиксировано могильное пятно, которое отличалось от материка алебастровым заполнением. Размеры грунтовой могильной ямы составили 2×0,90 м. Могильное пятно длинными сторо-

Рис. 3. Погребение №4. 1 – надмогильное сооружение и могильное пятно; 2 – мужское погребение.
Fig. 3. Burial No. 4. 1 – grave structure and grave spot; 2 – male burial.

нами ориентировано на запад – восток (рис. 2).

При дальнейшей расчистке на уровне 0,65 м зафиксировано перекрытие погребальной камеры. Перекрытие состоит из двух гранитных жернов округлой формы диаметром 0,60 м, а также из тонких плит. Необходимо отметить материалы для перекрытия; в данном случае два гранитных диска жернов без следов сработанности и использования в быту, то есть использованы как чистый строительный материал. Перекрытия могильной ямы четко зафиксированы, они уложены и упирались в плечико специально оставленной при рытье погребальной камеры. Гранитные диски, предназначенные для жерновов, по центру имели отверстия. Так как их использовали в качестве перекрытия погребальной камеры, отверстия дополнительно закрыты обожженным кирпичом и плоскими плитами. После снятия перекрытия в погребальной камере зафиксировано пустотное пространство, не заваленное грунтом, и на уровне 1,75 м обнаружено погребение. Костяк лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, головой ориентирован на запад, лицом повернут на юг. На указательном пальце правой руки был in situ серебряный перстень. Ноги немного согнуты и отклонены на левую сторону. Начиная с затылочной части и вдоль спины до тазовых костей имеются следы и волокна истлевшего органического вещества (волосы?). В районе живота и тазовых костей находились плохо сохранившиеся останки младенца.

Погребение № 4. Исследовано на территории раскопа № 4, который расположен в 200 м к востоку от реконструированного мавзолея Бытыгай. Раскоп был заложен площадью 5×6 м, так как на поверхности земли зафиксирована небольшая впадина, отличающаяся более густой растительностью. При вскрытии дернового слоя земли на уровне 0,25 м зафиксирована кирпичная кладка, хорошо сохранившаяся по краям и разрушенная в центральной части. Кладка кирпичей составляла выкладку в один ряд. Строение прямоугольной формы размером 2×1 м. При кладке и штукатурке пола использован ганч.

Рис. 4. Погребение №6.
1 – могильное пятно; 2 – мужское погребение после расчистки.
Fig. 4. Burial No. 6. 1 – grave spot; 2 – male burial after cleaning.

После вскрытия кирпичной кладки четко фиксировалось могильное пятно, отличавшееся переотложенным грунтом со смесью ганча белого цвета. Могильное пятно длинными сторонами ориентировано строго на запад – восток. Грунтовая могила размерами 2×0,65 м. На глубине 1,65 м полностью расчищен скелет погребенного. Погребение человека совершено в грунтовой могильной камере, где с южной стороны сделан небольшого размера подбой. Костяк человека лежал на спине в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль тела, головой ориентирован на запад. Погребение без инвентаря (рис. 3).

Погребение № 6. В ходе проведения научно-исследовательских изысканий на территории памятника Бытыгай в 500 м к северу от реконструированного мавзолея Бытыгай, на опаханной плугом защитной полосе, выявлены следы грунта другого оттенка, а также крошечные обломки обожженных кирпичей красного цвета. Для охвата заложили раскоп площадью 5×5 м. Уже после снятия первого слоя грунта и зачистки на глубине 0,15 м обнаружено могильное пятно. Грунтовая могильная яма длинными сторонами ориентирована с запада на восток, размерами 1,9×0,9 м. На глубине 0,55 м фиксировались остатки горизонтально уложенных деревянных плах. На глубине 0,70 м расчищен непотревоженный костяк человека. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на запад, лицо повернуто на юг (рис. 4). Погребение безынвентарное. При расчистке, как только было выявлено могильное пятно, на краю ямы найден один экземпляр углового кирпича с резным растительным орнаментом.

Погребение № 7. Оно было исследовано в 50 м к северо-востоку от описанного выше погребения № 6. Был заложен стандартный раскоп размерами 5×5 м. Уже на глубине 0,15 м после снятия дернового слоя земли отчетливо проявилось могильное пятно прямоугольной формы, размерами 1,9×0,9 м. Могильное пятно длинными сторонами ориентировано с запада на восток. На поверхности могильного пятна не прослежены какие-либо надмогильные конструкции. После расчистки на уровне 0,9 м в подбое с южной стороны вскрыто погребение мужчины. Костяк человека уложен на спину, головой ориентирован на запад, лицом на север. Погребение безынвентарное (рис. 5).

Все исследованные погребальные конструкции имеют определенный стандарт по размеру погребальной камеры и ориентировки. Два погребения (погребения № 3 и 4) на поверхности имели небольшую надмогильную конструкцию в виде кладки обожженными кирпичами в один ряд, для связки использован раствор из ганча. При возведе-

Рис. 5. Погребение №7. 1 – могильное пятно; 2 – мужское погребение после расчистки.
Fig. 5. Burial No. 7. 1 – grave spot; 2 – male burial after cleaning.

нии использованы стандартные обожженные кирпичи размерами 25×25×5 см. В двух погребальных конструкциях зафиксированы перекрытия; в погребении № 3 для перекрытия применены гранитные диски, предназначенные для жерновов, а в погребении № 6 использованы деревянные плахи. Погребальный обряд соответствует исламским канонам: костяк уложен вытянуто на спину, головой ориентирован на запад с поворотом лица и всего тела на юг. Отклонение фиксируется только в погребении № 7, где лицо покойного повернуто на север. Все погребения безынвентарные, за исключением погребения № 3, где у погребенной женщины на указательном пальце находился перстень из серебра.

Антропологический материал позволяет нам определить абсолютную датировку погребений, основываясь на результатах анализа естественно-научными методами. Радиоуглеродные анализы проведены в двух лабораториях: 1) в лаборатории Vilnius Radiocarbon (Вильнюс, Литва); 2) в лаборатории 14C HRONO Центра климата, окружающей среды и хронологии при Королевском университете Белфаста (Queen's University Belfast, QUB • Centre for Climate, the Environment and Chronology (CHRONO) (Белфаст, Северная Ирландия, Великобритания). Для анализа обработаны зубы и ребра, которые показали следующие хронологические рамки (табл. 1).

В целом радиоуглеродный анализ погребений показал хронологический интервал – **конец XIII – середина XIV в.**

Обсуждение. Свидетельства исламизации глубинных степных районов Северного Казахстана подтверждаются археологическими и письменными источниками. В окрестности села Коргалжын обнаружен и исследован еще один мавзолей времен Улуса Джучи – мавзолей Жанибек-Шалкар. С.А. Ярыгин, один из первых авторов раскопок мавзолея Жанибек-Шлкар, полностью выявил остатки кладки пола портально-купольного мавзолея с центральным погребением, а также захоронения вокруг мавзолея. На основании плана и размера мавзолея, типов кирпичей и плит с растительным орнаментом и арабской вязью,

Таблица. 1. Результаты радиоуглеродного датирования
Table 1. Radiocarbon dating results

№	Code	Fence	Type of burial	Material	^{14}C BP	Calibration 1 σ, 68,3, Cal BC	Calibration 2 σ, 95,4 Cal BC
1	FTMC-RM88-5	№3	inhumation	human bone	642±27	1299–1319 cal AD 1359–1389 cal AD	1285–1329 cal AD 1345–1395 cal AD
2	FTMC-RM88-6	№4	inhumation	human bone	724±26	1271–1292 (63,3%) cal AD	1233–1240 (1,2 %) 1260–1303 (90,3%) 1367–1380 (3,9 %)
3	UBA52313	№6	inhumation	human bone	642±31	1298–1321 cal AD 1358–1390 cal AD	1284–1328 cal AD 1337–1396 cal AD
4	UBA52314	№7	inhumation	human bone	663±28	1286–1306 cal AD 1363–1385 cal AD	1280–1323 cal AD 1356–1392 cal AD

поверхность которых покрыта глазурью бирюзового цвета (встречаются экземпляры и без покрытия), мы можем датировать памятник XIV–XV вв. (Ярыгин, 2011, с. 387, 388). В дальнейшем эта дата и время возведения мавзолея Жанибек-Шалкар была подтверждена радиоуглеродным методом датирования и нумизматическими материалами (Есен, 2023, с. 171).

Самым близким аналогом погребальных комплексов, в которых погребения совершены по канонам ислама, является средневековое городище Бозок. Городище Бозок находится в левой пойменной долине реки Ишим, на окраине Астаны – столицы Казахстана. Всего на территории городища Бозок выявлены и исследованы 62 мусульманских погребения. Погребения на территории этого городища сконцентрированы на центральной межквартальной площадке, мавзолей и ограды (хазиры) выдержаны в рамках требований мусульманского обряда, характеризуются разнообразием внутримогильных конструкций: подбой, заплечики, деревянные накаты, двускатные своды из трех рядов прямоугольных сырцовых кирпичей. Формирование на территории городища Бозок мусульманского некрополя датировано концом XIII – началом XIV в. (Хабдулина и др., 2018, с. 25).

В северной части Сарыарки скопление мавзолеев встречается на берегу реки Селеты (Акмолинская область), исследованы мавзолеи Аулиеколь, Мортык, Кызылоба, а также мавзолей Караоба (в Павлодарской области). Все вышеперечисленные памятники возведены из обожженных кирпичей стандартных размеров. Комплекс археологических и архитектурных данных, в том числе и нумизматических, позволил авторам датировать мавзолей XIV–XV вв. (Смагулов, 2012, с. 112; 2011, с. 118–125). В совокупности на территории Сарыарки исследованы остатки около 45 культово-мемориальных комплексов, датировка которых охватывает XIII–XV вв. (Билялова, 2022, с. 157).

Комплекс археологических источников свидетельствует о распространении единого стандарта не только на сооружения мемориально-культового зодчества и другие социальные объекты – задокументирована повсеместная урбанизация, распространение ислама, который охватывает все уголки казахской степи. Помимо археологических данных, эти процессы отражены и в письменных источниках. Широкое применение абсолютных дат в средневековой археологии позволяет идентифицировать их с письменными источниками. Согласно тимуридским историографам, период наивысшего расцвета Золотой Орды приходится на правление Узбек-хана. В 1320–1321 гг. Узбек-хан принял ислам (мусульманское имя Мухаммад) и стал именоваться Султаном Гийас ал-Дином Мухаммадом Узбек-ханом, а ислам установил официальной религией Улуса Джучи (Тулибаева, Тулибаев, 2022, с. 71). В письменных источниках тимуридского времени упоминаются представители элиты Золотой Орды, такие как Берке-хан, Узбек-хан, Джанибек-хан, Урус-хан, которые внесли значительный вклад в распространение ислама в евразийских степях. При их правлении были построены многочисленные мечети, медресе и ханаки (Тулибаева, Тулибаев, 2022, с. 75).

Примечательно, что и на исторических картах, и в современное время на территории Тенгиз-Коргалжынской впадины встречаются топонимы и гидронимы известных лично-

стей золотоордынского периода, и это требует отдельного научного изучения. Единые исторические, политические и культурные процессы, происходившие на огромной территории Золотой Орды, отражены в историко-культурных памятниках. В процессе урбанизации в Степи развивается городская культура, которая наиболее ярко проявилась в таких уже известных науке городищах, как Аяккамыр, Баскамыр, Бозок, Бытыгай, Орда (Алаша-хан), Найзагара и Шоткара. Параллельно происходит исламизация степного кочевого народа. Среди многочисленных памятников на территории Сарыарки исследуемого исторического времени особыми и малоизученными остаются городище и некрополь Бытыгай.

Заключение. Впервые на территории городища Бытыгай выявлены и исследованы погребения периода Улуса Джучи, получены абсолютные датировки. К особенностям погребальных конструкций данного периода можно отнести топографическое расположение и некоторое архитектурное своеобразие. Все выявленные погребения не локализованы в одном конкретном месте, они не имеют какого-либо определенного плана. К архитектурным особенностям исследованных погребальных конструкций можно отнести то, что они на поверхности ничем не выделяются, два погребения выявлены совершенно случайно в результате проведенных работ методом сплошного вскрытия. Необходимо отметить, что методом сплошного вскрытия исследованы и погребения казахов периода позднего Средневековья, а также остатки мавзолеев, которые локализованы на одном месте и имеют четкий план. Актуальным остается вопрос статуса городища Бытыгай, так как оно имеет топографию, отличающуюся от остальных золотоордынских городов Поволжья, Западного и Южного Казахстана. Городище Бытыгай состоит из десятков караван-сараев, производственных центров, арыков, кирпичеобжигательных печей, расположенных в ряд по правому берегу реки Нуры. Городище не имеет оборонительных стен. На левом берегу образован некрополь городища шириной около километра, точные же границы предстоит еще определить в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

Билялова Г.Д. Сакральная практика населения Сарыарки эпохи Золотой Орды. Дисс. ... док. PhD: 6D020800. Астана, 2022. 284 с.

Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1964. С. 29–38.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1950. 122 с.

Елеуов М. Отчет о научно-исследовательской работе в 1999 г. Средневековые города, места обитания и караванные пути районов Сарыарка, Шу, Талас, Келес. Астана, 2000 // Архив НИИ имени К.А. Акишева при Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилёва. Ф. 6. О. № 1–8.

Есен С.Ғ. Сарыарқаның ортағасырлық жерлеу ескерткіштерін пәнаралық байланыстар негізінде зерттеу: дис. ... док. PhD: 6D020800. Астана, 2023. 178 с.

Семби М.К. Мавзолей Ботагай – памятник средневековой казахской архитектуры (краткая история исследования) // Булантинская битва: история исследований / Под ред.Кожахметова Б.С., Усмановой Э.Р, Плетииковой, Л.Н., Сембинова Л.А. Улытау: Национальный историко-культурный музей-заповедник «Улытау», 2015. С. 150–153.

Сакенов С.К., Кукушкин А.И., Бурбаева С.Б., Букешева Г.К., Рахманкулов Е.Ж. Исследование средневекового производственного цеха на городище Бытыгай // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 35. № 1. С. 267–283.

Смагулов Т.Н. Новые материалы к изучению археологических памятников кочевников Золотой Орды в Среднем Прииртышье // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 3 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 118–125.

Смагулов Т.Н. Калбасунская башня. Алматы: Хикари, 2012. 160 с.

Тулибаева Ж.М., Тулибаев Т.Е. Правители и ислам в Золотой Орде: по материалам тимуридских источников первой половины XV в. // ВИ. 2022. № 5 (2). С. 67–78.

Хабдуллина М.К., Билялова Г.Д., Бонора Ж. Распространение ислама в восточном дашт-и-кыпчаке по материалам городища Бозок // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 16–30.

Ярыгин С.А. Исследования мавзолея XV века на озере Жанибек-Шалкар // Маргулановские чтения-2011 (Астана, 2022 апреля, 2011 г.) / Гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 384–391.

Информация об авторах:

Сакенов Сергазы Кайырбекович, PhD, ведущий научный сотрудник филиала Института археологии имени А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); sergazi_82@mail.ru

Мысыр Олжас Дәуренұлы, докторант 3-го курса. Alihan Bokeikhan University (г. Семей, Республика Казахстан); odaurenuly@mail.ru

Ганиева Айнагуль Сабитовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник филиала Института археологии имени А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); ganieva@mail.ru

REFERENCES

Bilyalova, G. D. 2022. *Sakral'naya praktika naseleniya Saryarki epokhi Zolotoy Ordy (Sacred practice of the population of Saryarka during the Golden Horde period).* PhD thesis. Astana: Eurasian National University (in Russian).

Valikhanov, Ch. Ch. 1964. In Valikhanov, Ch. Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh (Collected works in five volumes)* 3. Almaty: Kazakh Soviet Encyclopedia Publ., 29–38 (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1950. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana (From the history of cities and building art of ancient Kazakhstan).* Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).

Eleuov, M. 2000. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote v 1999 g. Srednevekovye goroda, mesta obitaniya i karavannye puti rayonov Saryarka, Shu, Talas, Keles (Report on research work in 1999. Medieval cities, habitats and caravan routes of the Saryarka, Shu, Talas, Keles regions)*. Astana. Archive of the Research Institute named after K.A. Akishev at the Eurasian National University named after L.N. Gumilev. F. 6. Inventory № 1–8. Astana (in Russian).

Yesen S.Ġ. 2023. *Sarıarqanıñ ortağasırlıq jerlew eskertkişterin pänaralıq baylanıstar negizinde zerttew (Study of the medieval burial monuments of Saryarka on the basis of interdisciplinary connections).* PhD thesis. Astana (in Kazakh)

Sembi, M. K. 2015. In Kozhakhmetov, B. S., Usmanova, E. R., Pletnikova, L. N., Sembinova, L. A. (eds.). *Bulatiskaia bitva: istoriia issledovanii (Ulytau, 27−28 iiunia 2015 g.) (Bulantin Battle: Study History (Ulytau, Juny, 27th – 28th))*. Ulytau: National Historical-Cultural Museum-Reserve, 150–153.

Sakenov, S. K., Kukushkin, A. I., Burbayeva, S. B., Bukesheva, G. K., Rakhmankulov, E. Zh. 2021. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 1 (35), 267–283 (in Russian).

Smagulov, T. N. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Arkheologiia Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives)* 3. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 118–125 (in Russian).

Smagulov, T. N. 2012. *Kalbasunskaya bashnya (Kalbasun Tower).* Almaty: “Khikary (in Russian).

Tulibayeva, Zh. M., Tulibayev, T. E. 2022. In *Voprosy istorii (Issues of History).* 5 (2), 67–78 (in Russian)

Khabdulina, M. K., Bilyalova, G. D., Bonora, Zh. L. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 14 (1), 16–30. (in Russian)

Yarygin, S. A. 2011. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniia-2011 (Margulan Readings-2011 (Astana, April 20th–22nd, 2011)).* Astana: L.N.Gumilyov Eurasian National University, 384–391 (in Russian).

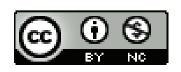
About the Authors:

Sakenov Sergazy K., PhD, Leading Researcher of the Branch of the Margulan Institute of Archeology, 25 Beibitshilik street, Astana, Republic of Kazakhstan; sergazi_82@mail.ru

Mysyr Olzhas D., 3rd year doctoral student at Alihan Bokeikhan University (Semey, Republic of Kazakhstan); odaurenuly@mail.ru

Ganieva Ainagul S., candidate of historical sciences, leading researcher at the branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulana, Beibitshilik street, 25, Astana, Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); ganieva@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.2 903.5 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.392.402

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КИМАКСКОГО ВОИНА ИЗ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КАНСАР)[1]

© 2024 г. З. Самашев, А.К. Айткали

В статье вводится в научный оборот материалы воинского погребения кимакского времени. Основное внимание уделено археологическим находкам из кургана № 22 некрополя Кансар, расположенного в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области. Вещевой комплекс исследованного погребения включает богатое вооружение и амуницию воина, что свидетельствует о его высоком социальном и военном статусе. Среди обнаруженных предметов состоятельного воина из числа кимаков – однолезвийная сабля с изысканно оформленным перекрестием, топор-тесло, фрагмент железного ножа, а также комплект железных наконечников стрел, характерный для легковооруженного всадника. Изучение этих предметов позволяет глубже понять культурные особенности и военные традиции кимаков, а также их влияние на политический и культурный ландшафт региона. Авторы статьи подробно анализируют каждый из обнаруженных предметов, включая их форму, материал и узоры орнаментации, что предоставляет ценную информацию о мастерстве кимаков в изготовлении военного снаряжения и украшений. В статье также рассматривается важность этих находок в контексте широких историко-культурных процессов, происходивших в рассматриваемом регионе, что способствуют более глубокому пониманию истории и культуры этого малоизученного народа.

Ключевые слова: археология, средневековье, Кимакский каганат, Восточный Казахстан, Казахский Алтай, курган, погребальный инвентарь, снаряжение воина, украшения, вооружение, сабля.

WARRIOR BURIAL OF THE KIMAK PERIOD FROM THE KAZAKH ALTAI[2]

Z. Samashev, A.K. Aitkali

The article publishes the materials of the burial mound No. 22 of the Kansar necropolis, located in the Kazakh Altai and dated to the VIII–IX centuries. The main attention is paid to the analysis of the burial of a high-ranking warrior from the Kimak tribal union, accompanied by an extensive set of weapons. This highlights his prestigious position in society. The article describes in detail the characteristics of the burial and the accompanying inventory, including an exquisitely decorated saber, iron arrowheads, an adze axe and an iron knife. The emphasis is placed on the analysis of the decorative and functional features of the saber, which is a key object of burial and testifies to the cultural contacts of the Kimaks with neighboring peoples. The article also reveals important aspects of the Kimak culture and military traditions, emphasizing the art of making weapons and the military power of this people. The study highlights the importance of the Kimaks in the history of Central and Central Asia, their role in shaping the cultural and political landscape of the region. The finds of barrow No. 22 open up new perspectives for understanding the cultural characteristics of the Kimak epoch and emphasize the importance of continuing research in this area

Keywords: archaeology, Middle Ages, Kimak Khaganate, Eastern Kazakhstan, Kazakh Altai, barrow, grave goods, warrior’s equipment, jewelry, weapons, saber.

Введение

В промежутке IX–X веков на северных территориях Центральной Азии зарождается и развивается Кимакский племенной союз. Изначально он включал в себя семь племён, но со временем их количество увеличилось до двенадцати. В составе этого союза наиболее выделялись племена байандур, эймюр, йемек,

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МНВО РК, в рамках проекта: AP22786628 «Междисциплинарное исследование культурного комплекса кимаков Казахского Алтая».

[2] The work financially supported by the Committee of Science of Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan as a part of the project: AP22786628 "Interdisciplinary study of the cultural complex of the Kimaks of the Kazakh Altai".

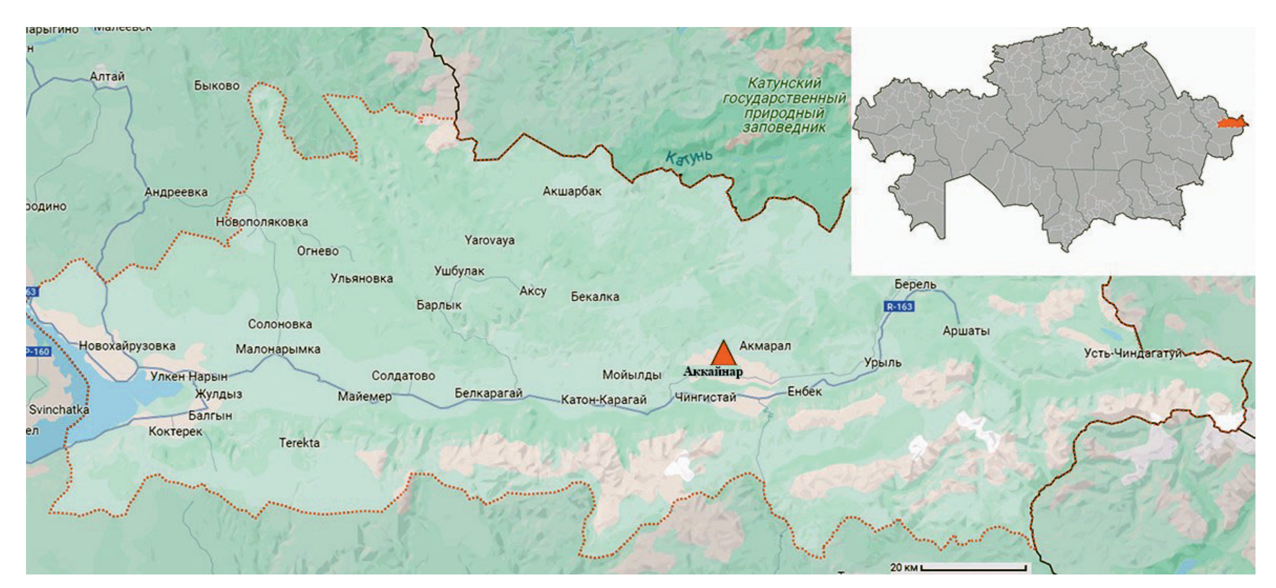

Рис. 1. Место расположения памятника Кансар.
Fig. 1. Location of the Kansar site.

татар и кыпчак. Эти племена играли ключевую роль в формировании политического и культурного ландшафта региона в данную эпоху (Кумеков, 1972, с. 85; Ахинжанов, 1995, с. 99; Юзеев, 2022).

Основатели рассматриваемой федерации племен – кимаки, загадочный средневековый этнос, до сих пор остаются предметом углубленных исследований (Кумеков, 1971, с. 194–198; Зуев, 2002, 110–115). Этот народ, оставивший после себя богатое археологическое наследие, привлекает внимание своими погребальными памятниками, особенно курганами в верховьях и среднем течении Прииртышья и на Алтае (Арсланова, 1983, с. 105–116; Алехин, 1998, с. 201–203; Могильников, 2002). Помимо этого, упоминания о городах кимаков в исторических источниках добавляют интриги в поиски этих неоткрытых мест. Разнообразие археологических находок, особенно в курганах Алтая, свидетельствует о значимости военного искусства в жизни кимаков, что подтверждается находками военного снаряжения в могилах (Могильников, 1981, с. 43–46). Новые исследования в Казахском Алтае открывают дополнительные детали о воинских традициях этого народа, раскрывая уникальные аспекты их жизни и культуры. В частности, недавние раскопки некрополя Кансар предоставили ценные данные, позволяющие глубже понять культурные особенности кимакской эпохи.

Настоящая статья посвящена анализу и публикации материалов, извлеченных из кургана № 22, где обнаружены останки профессионального воина, оснащенного обширным комплектом снаряжения для ведения как ближнего, так и дальнего боя. Присутствие разнообразных предметов, сделанных из железа, цветных металлов и кости, предоставляют ценные сведения для детального анализа их оформления, что дополнительно подчеркивает необходимость публикации этих находок.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Кансар расположен в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области, на северо-западной окраине населенного пункта Аккайнар (рис. 1). Могильник размещается на плоском предгорном плато, которое вытянуто в направлении северо-восток – юго-запад и естественно ограничено склонами возвышенностей с востока, юга и севера. Северная граница этого плато примыкает к горе Каратау, сама долина носит название Кансар, от которого и происходит название некрополя. Интересно, что плато плавно спускается, начиная от горы Каратау, в южном направлении к населенному пункту Аккайнар.

Разновременный могильник Кансар представляет собой внушительный археологический ансамбль, насчитывающий более 50 каменных сооружений, размещенных как в линейном порядке, так и сгруппированных в отдельные комплексы (рис. 2). Эти конструкции, воплощенные в камне, проявляются в разнообразии форм: от строгих прямо-

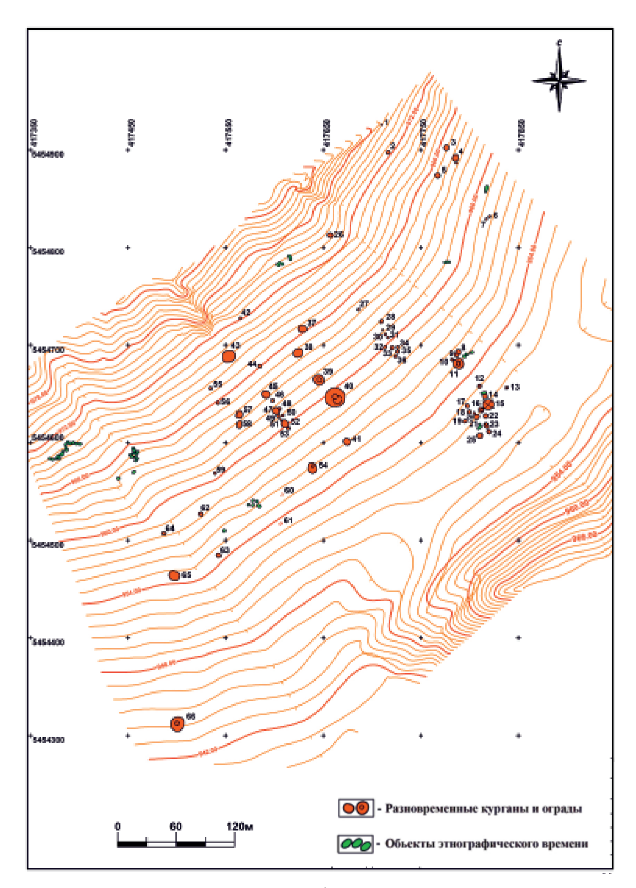

Рис.2. Топография памятника.
Fig. 2. Topography of the site.

угольных очертаний до мягких округлых линий. Их высота достигает 0,1–0,5 метра от современного уровня земли при диаметре от 5×5 до 20×20 метров. Основные материалы, использованные в сооружении погребально-поминальных комплексов: колотые камни горных пород в сочетании с речной галькой.

Необходимо отметить, что в ходе проведённых ранее разведывательных работ на территории некрополя было установлено, что курганы, расположенные в западной части могильника линейно и без видимого порядка, датируются ранним железным веком. В то же время курганы раннего Средневековья были выявлены в юго-восточной части некрополя, где они в основном были скрыты под слоем дерна. Изученный курган также располагался в этой части некрополя. Ниже подробно рассмотрим ключевые особенности захоронения кургана № 22 с акцентом на отдельные аспекты данного объекта, с особым упором на элементы, имеющие первостепенное значение для осмысления его принадлежности к определённой этнокультурной среде и позиционирования в рамках хронологии.

До начала археологических работ курган № 22 характеризовался интенсивно задернованной каменной насыпью, которая до разбора насыпи была едва различима на поверхности земли. Курган был сложен из камней с примесью небольшого количества грунта, в разрезе уплощенной формы, а в горизонтальной проекции формировал расплывчатую, приблизительно подчетырехугольную структуру. Размеры кургана составляли 6,2 метра по оси север – юг и 6 метров по линии восток – запад.

После разбора насыпи, на уровне древнего горизонта, в центре кургана, обнаружена надмогильная выкладка из средних и мелких камней. Непосредственно под ней была обнаружена могильная яма овально-вытянутой формы, ориентированная своей продолговатой осью в направлении восток – запад с легким отклонением. Размеры могильной ямы следующие: длина составляет 2,3 метра, ширина – 1,5 метра, а глубина достигает 1,2 метра. В ходе исследования ямы была обнаружена довольно плотная структура почвы, содержащая массивные гальки и колотые камни. Только в области непосредственно над останками погребенного, на расстоянии примерно 25–30 см, засыпка могилы не содержала массивных камней.

На дне ямы, на расстоянии одного метра от ее верхнего края и вдоль северной стены, был обнаружен человеческий скелет, аккуратно уложенный на спине (рис. 3). Скелет располагался в анатомически правильном порядке, с руками вдоль тела. Голова захороненного была направлена на восток. Справа от скелета, в области от локтя до колена, находились однолезвийная железная сабля и топор-тесло. Чуть выше, в районе плеча захороненного, найден фрагмент рукояти сабли со штифтом для крепления обкладки. Также были найдены остатки берестяного колчана в очень плохом состоянии с набором железных наконечников стрел, острием обращенных на запад. Один из железных наконечников лежал ближе к правому колену. Поблизости от левой тазовой кости был найден фрагмент плохо сохранившегося железного ножа.

В районе правого плеча захороненного найдено изделие из бронзовой проволоки округлой формы с четырьмя выступами и костяная поделка со сквозным отверстием подовальной формы с заостренным нижним

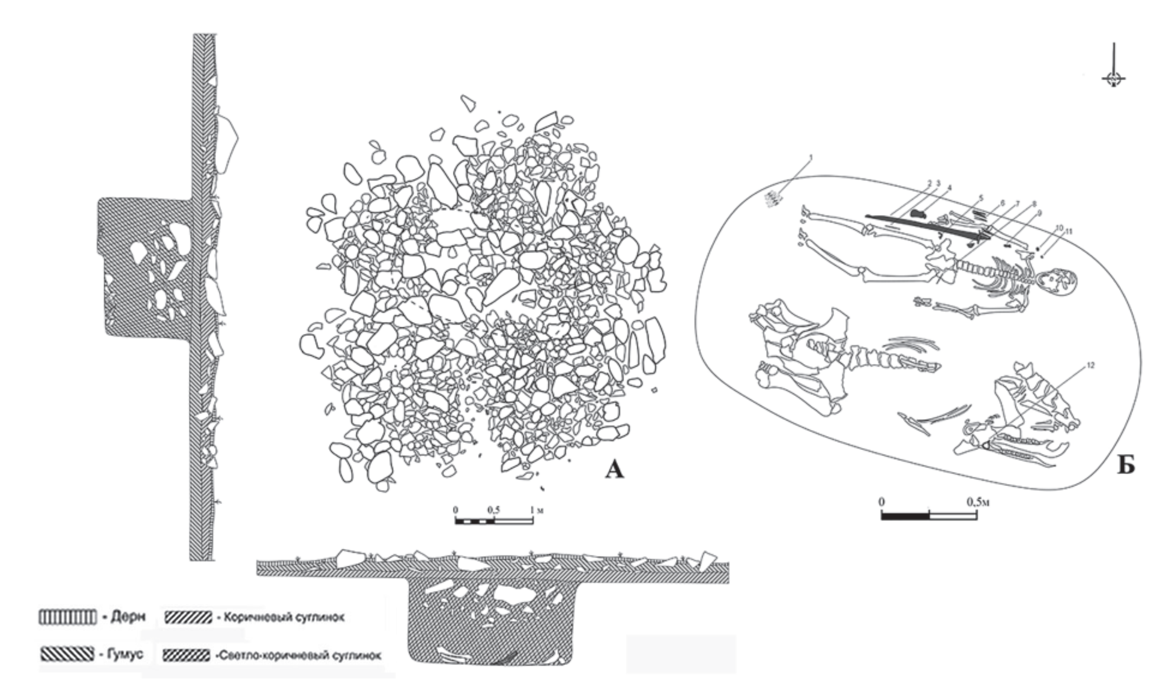

Рис. 3. Кансар, курган 22. А – план и разрезы кургана; Б – план погребения: 1 – хвостовые позвонки овцы; 2 – железная сабля; 3,6 – железные наконечники стрел; 4 – железный топор-тесло; 5 – бронзовая бляха-накладка; 7 – бронзовая бляха-обойма; 8 – железный нож; 9 – железный фрагмент черена сабли; 10 – бронзовая нашивка; 11 – костяная нашивка с орнаментом; 12 – железный фрагмент удила.

Fig. 3. Kansar, barrow № 22. А – plan and sections of the barrow; Б – burial plan: 1 – caudal vertebrae of a sheep; 2 – iron saber; 3.6 – iron arrowheads; 4 – iron adze; 5 – bronze belt badge-mount; 7 – bronze plaque-holder; 8 – iron knife; 9 – iron fragment of a saber handle; 10 – bronze badge; 11 – bone patch; 12 – iron fragment of a bit.

концом, поверхность которого украшена изображением четырехлистника.

У западной, торцевой стены погребальной камеры были найдены остатки ритуальной мясной пищи, представленные костями мелкого рогатого скота, а именно овцы.

Параллельно южной стене ямы, на уровне на 10 см выше захороненного человека, на приступке обнаружен костяк взнузданной лошади. Конечности животного были согнуты и подтянуты под брюхо. Верхняя часть черепа лошади была раздроблена на отдельные фрагменты под давлением заполнения могильной ямы. Нижняя челюсть сохранилась в более хорошем состоянии. Судя по ним, голова животного изначально была ориентирована в том же направлении, что и голова погребенного человека. В районе нижней челюсти лошади найдены фрагменты железного удила с кольцевидными окончаниями. Других предметов, которые могли бы составлять сопроводительный инвентарь, в данной могиле не обнаружено.

Анализ материала

Исследованное захоронение под насыпью кургана № 22 на памятнике Кансар соответствует обычаям кимакской ритуальной традиции (Могильников, 1981, с. 84). Для рассматриваемого региона типичны захоронения под каменно-земляными насыпями разнообразных форм. Нередко фиксируются каменные выкладки по периметру или под насыпями. Как правило, захоронения представлены одиночными, порой коллективными могилами (Арсланова, 1987, с. 50–69). Во многих случаях рядом с погребенными находят сопроводительные захоронения лошадей, помещенные параллельно положению человеку и с той же ориентацией. Главным образом практикуется обряд трупоположения, но встречаются случаи кремации (Арсланова, 1972, с. 56–76). В целом указанные характеристики различий в погребальных обрядах отображают сложную организацию полиэтничного государства кимаков (Кумеков,1972, с. 113).

В исследуемом погребальном комплексе был обнаружен обширный ассортимент сопутствующих артефактов, включающий как часто встречающиеся, так и достаточно уникальные предметы. Эти находки предоставляют важную информацию для более точного определения времени создания комплекса и

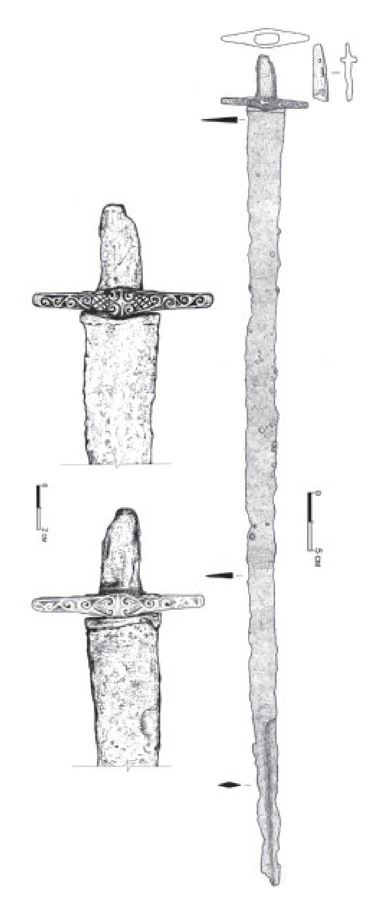

Рис. 4. Железная сабля.
Fig. 4. Iron saber.

для этносоциального анализа исследованного памятника.

Как было выше указано, рядом со скелетом усопшего был найден комплект вооружения, типичный для легковооруженного всадника (Худяков, 1986, с. 198). В состав этого набора, входят слабоизогнутая сабля, железные наконечники стрел различных типов, многофункциональный железный топор-тесло и железный нож.

Сабля, обнаруженная вдоль северного борта ямы в кургане № 22, представляет собой универсальное оружие ближнего боя (рис. 4). Она специально разработано для нанесения как рубящих, так и колющих ударов, что подчеркивает ее многофункциональность и высокую боевую эффективность.

Клинок сабли выполнен однолезвийным и обладает треугольным абрисом в поперечном сечении полотна. Противоположная сторона лезвия оформлена в виде прямой спинки. На расстоянии 14,5 см от острия нижняя часть клинка разветвляется на два лезвия, образуя ромбовидное сечение. Рукоять сабли изогнута в направлении лезвия. Размеры сабли: клинок – длина 26,8 см, ширина до 3,5 см, толщина до 0,6 см; черен – сохранившаяся длина 4,5 см, длина с отломанной частью с штифтом – 9,5 см, ширина до 3 см.

На основание черена установлено перекрестие сабли, изготовленное из бронзы, которое имеет ромбовидную форму в поперечном сечении с аккуратно закругленными углами. Длина перекрестия достигает 7,7 см, ширина до 1,7 см.

Каждая сторона перекрестия оформлена уникальным узором, демонстрируя мастерство искусства орнаментации. На одной из поверхностей волнистые линии тонко переплетаются, создавая в центре элегантный сердцевидный мотив. Противоположная сторона украшена изысканным растительным узором, в сердцевине которого располагается ромбическая сетка. В целом процесс создания сложной орнаментики осуществлялся путем создания углубленного узора, который затем украшался вставкой золотых проволок, придавая изделию сложный и элегантный облик благодаря использованию техники таушировани. В зоне, прилегающей к рукояти сабли, и вдоль центральной части ее лезвия обнаружены две металлические бляшки, каждая из которых снабжена фиксирующими шпеньками на обратной стороне. Первое изделие – бляха-обойма – имеет арочную форму с несомкнутыми плоскими концами и оснащена рядом декоративных выступов вдоль верхнего края, а также сквозным отверстием, предположительно служащим для фиксации (рис. 5: 1).

Второе изделие, дуговидной формы с визуально утяжеленными краями, напоминающими форму рыбьего хвоста, декорировано множеством выпуклых кругов различного диаметра, которые расположены преимущественно в две симметричные линии вдоль ее поверхности (рис. 5: 2). Элемент оформления в виде «рыбьего хвоста» на концах изделий служит важным этнокультурным маркером, присущим кимакской и сросткинской культурам. Судя по находкам, такое украшение окончаний костяных псалиев и бляшек, связанных с экипировкой как людей, так и лошадей, было довольно распространенным явлением (Арсланова, 2013, с. 119; Савинов, 2005, с. 139; Горбунов, 2022, рис. 39).

Публикуемая сабля по многим своим характеристикам соотносится с находками

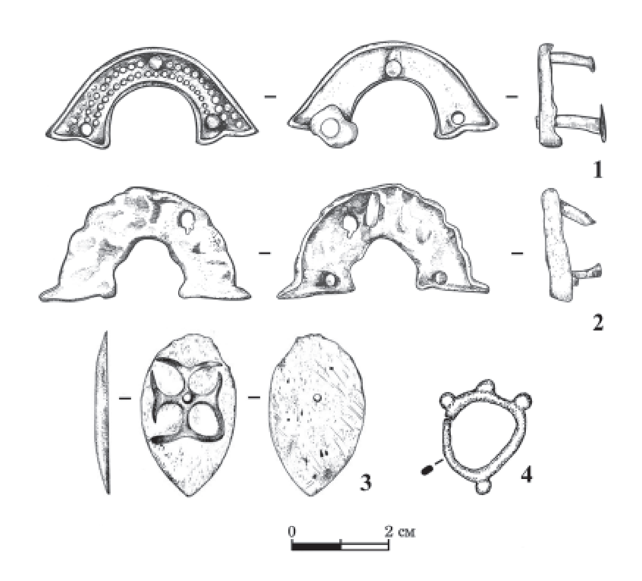

Рис. 5. Украшения из погребения: 1 – бронзовая бляха-накладка; 2 – бронзовая бляха-обойма; 3 – костяная нашивка с орнаментом; 4 – бронзовая нашивка.
Fig. 5. Jewelry from barrow: 1 – bronze belt badge-mount; 2 – bronze plaque-holder; 3 – bone patch with ornament; 4 – bronze badge.

из памятников VIII–X вв., принадлежащих к культуре кимаков Верхнего Прииртышья (Горбунов, 2016, с. 131–147). Отличительной чертой рассматриваемой сабли по сравнению с тюркскими аналогами является более выраженный изгиб клинка, что является характеристикой, присущей однолезвийным саблям кимаков Восточного Казахстана и сросткинской культуры (Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020, с. 235; Кубарев, 2005, с. 245).

На территории Восточного Казахстана в период 50–70-х гг. XX века археологические исследованиями обнаружено более 30 сабель, датируемых IX–X веками. Кроме того, в коллекциях Восточно-Казахстанского областного музея хранятся сабли, происхождение которых остается неизвестным (Арсланова, 2013, с. 59–60).

Особое внимание привлекают те сабли, которые демонстрируют изысканную отделку рукоятей и ножен. К ним относятся обнаруженные в курганах 97, 145 и 254 Зевакинского могильника, а также в кургане 1 Орловского могильника и кургане 1 могильника Акчий III (Арсланова, 2013, с. 28–92; 1969, табл. 1; Археологические памятники…, 1987, с. 171, рис. 88).

За период немногим более десяти лет наблюдается значительное увеличение числа таких находок. В частности, в Восточном Казахстане в рамках изучения элитных комплексов кимаков на таких памятниках, как Каракаба, Аян и Туйетас, были обнаружены сабли, выполненные с высокой степенью мастерства (Самашев, 2016, с. 379–409; Омаров, Бесетаев, 2019, с. 34–41; Omarov et al., 2022).

Среди этих сабель встречаются уникальные экземпляры, которые украшены драгоценными металлами, такими как золото и серебро, а также бронзой. Следует отметить, что эти сабли обладают большой ценностью как в военно-техническом, так и в ювелирно-художественном контексте. Набор предметов, находившийся в могилах вместе с такими «роскошными» саблями, также выделяется своим богатством и разнообразием. Это недвусмысленно свидетельствует о высоком социальном и военном статусе тех, кто был похоронен в этих захоронениях.

На сабле, найденной на территории обширного комплекса Зевакино (к. 145), на концах ножен и на ручке присутствуют изображения мужчин, танцующих и играющих на музыкальных инструментах, а также изображен мужчина, сидящий между двумя птицами, на обойме ножен (Арсланова, 2013, с. 71–72). В некрополе Каракаба (к. 9) привлекает внимание сабля с изображениями крылатых лошадей на конце и обойме ножен, а также на ручке (Чотбаев, 2020, с. 135–145). На памятнике Аян (к. 1) на мужской пряжке пояса, покрытой золотом, зафиксированы антропоморфные мотивы (Хасенова и др., 2021, с. 1188–1203). Кроме того, сабли с тщательно декорированными перекрестиями, схожие с описанными нами, были найдены в Зевакино (к. 97 и 145) и в Каракабе (к. 4). Вероятно, эти находки свидетельствуют о существовании характерного стиля украшения сабель, который был распространен в данном географическом районе. По сравнению с остальными образцами сабель, найденными в других районах, где сосредоточены памятники кимакского племенного союза, можно сказать, что они имеют более скромное оформление (Худяков, Плотников, 1995, с. 98–99).

Расчищенный *топор-тесло* представляет собой изделие из толстой железной пластины подпрямоугольной формы, снабженное острым режущим лезвием. Его верхние боковые края изогнуты к центру, формируя не полностью замкнутую цилиндрическую структуру втулки. Вместе с топором-теслом

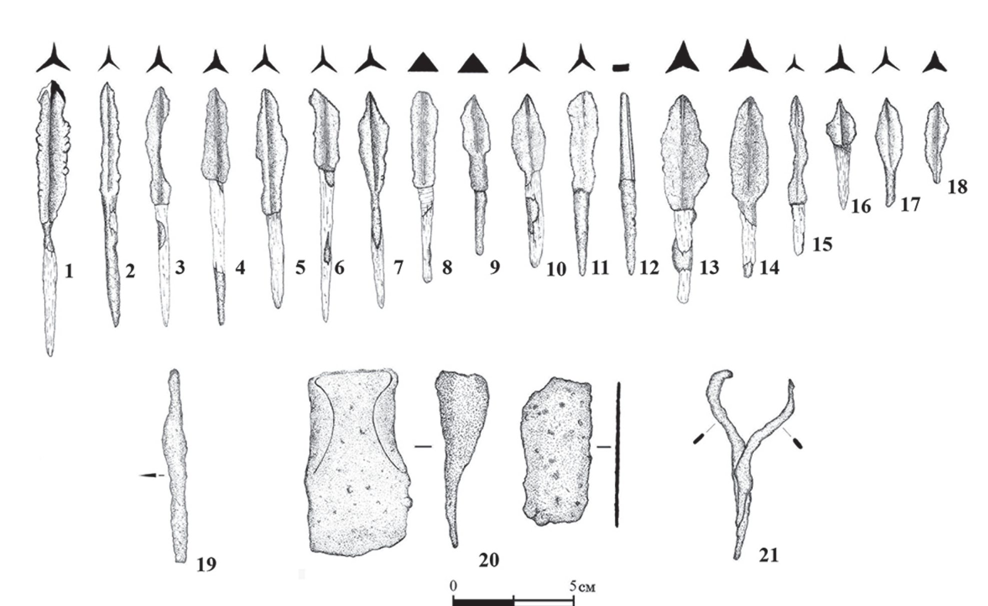

Рис. 6. Находки из погребения: 1–18 – железные наконечники стрел; 19 – железный нож; 20 – железный топор-тесло с закрепочным клином; 21 – фрагмент железного удила.
Fig. 6. Finds from the burial: 1–18 – iron arrowheads; 19 – iron knife; 20 – iron adze with a wedge; 21 – fragment of an iron bit.

найден закрепочный клин подпрямоугольной формы с неровными краями. Следует подчеркнуть, что топор-тесло не ограничивается функцией плотничьего инструмента. В некрополях, где присутствуют захоронения лошадей, он часто обнаруживается вместе с оснащением всадника, вооруженного легким оружием, что дает основания предполагать его использование в качестве рубящего оружия в ближних боях (Кубарев, 2005, с. 74; Грязнов,1956, с. 152; Нестеров, 1981, с. 172) (рис. 6: 20).

Обнаруженный в кургане еще один предмет, одновременно используемый в быту и как оружие ближнего боя, представлен плохо сохранившимся *железным ножом* (рис. 6: 19). Исходя из сохранившейся части ножа, можно определить, что он относится к типу изделий с однолезвийным клинком треугольной формы и прямой рукоятью, на переходе в клинок формирующей плечико со стороны лезвия. Сохранившаяся длина ножа 8 см, ширина – до 1 см. В среде средневекового населения Алтая такие ножи применялись в целях личной безопасности и служили вспомогательным оружием в тесной рукопашной схватке (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 62; Горбунов, 2006, с. 78–79). Часто аналогичные ножи находили на памятниках Верхнего Прииртышья, ассоциируемых с кимакской культурой, а также в погребальных комплексах сросткинской культуры, датированных периодом IX–X вв.

Оружие дальнего боя представлено комплектом *железных наконечников* стрел (рис. 6: 1–18). Он включает в себя 18 экземпляров, каждый из которых обладает специфической конфигурацией, разработанной для обеспечения максимальной проникающей способности и адаптированной к разнообразным условиям стрельбы.

Изучение наконечников позволяет классифицировать их по сечению пера на несколько групп. Однако точная дифференциация на подтипы затруднена ввиду значительной коррозии и общей плохой сохранности большинства образцов. Все обнаруженные наконечники оснащены черешковым насадом. По характеристикам сечения пера наконечники могут быть разделены на несколько категорий. Из них пятнадцать экземпляров принадлежат к трехлопастным с различными модификациями, включая удлиненно-треугольные, удлиненно-шестиугольные и боеголовковые формы. Один наконечник относится к категории четырехгранных с тупоугольным острием и покатыми плечами. Два других экземпляра принадлежат к группе трехгранных: один с остроугольным острием и покатыми плечами, а второй с остроугольной боевой головкой и удлиненной шейкой.

В целом наконечники стрел, обнаруженные в некрополе Кансар, выявляют их типологическое сходство с аналогичными предметами из прилегающих районов Алтая, Тувы, Хакасии и Приобского плато (Арсланова, 1991, с. 67–77; Худяков, 1986, с. 183–190). Это сходство заключается в присутствии идентичных групп и форм наконечников, в преобладании

преимущественно трехлопастных и трехгранных форм и меньшем числе четырехгранных. Такой ассортимент наконечников стрел был типичен для воинов VIII–X веков, которые жили на землях под влиянием кимакского племенного союза (Арсланова, 2013, с. 62).

Аналогии предметов, обнаруженных в непосредственной близости от захоронения, в частности изделия из бронзовой проволоки с четырьмя выступами и костяной поделки, украшенной изображением четырехлистника, нам неизвестны (рис. 5: 3–4). Спектр функционального назначения этих артефактов может быть широким. Они могли использоваться как в качестве украшений, так и амулетов, при этом, возможно, имели как чисто декоративное, так и глубоко символическое или ритуальное значение.

Из предметов амуниции верховой лошади идентифицирован железный фрагмент, который по своим особенностям классифицируется как часть однокольчатого удила. Однако неполная сохранность образца препятствует его полной реконструкции.

Выводы.

В истории Центральной Азии кимаки занимают особое место, и их влияние на культурно-политическую карту региона во многом остается предметом активных исследований. Под их непосредственным предводительством сложилось этнически разнообразное сообщество, что способствовало возникновению и распространению новых типов вооружения, происходивших из развитых центров Южной Сибири и Центральной Азии.

В этом контексте одним из важных открытий стало воинское захоронение, исследованное в Казахском Алтае. Наличие ярких предметов, таких как изысканно оформленная слабоизогнутая сабля, нож, топор-тесло, а также комплект железных наконечников стрел, указывает на высокий статус захороненного воина и его принадлежность к военной аристократии кимакского племенного союза. В частности, стиль оформления сабли и ее специфические характеристики говорят о тесном взаимодействии и культурном обмене между кимаками и соседними этносами.

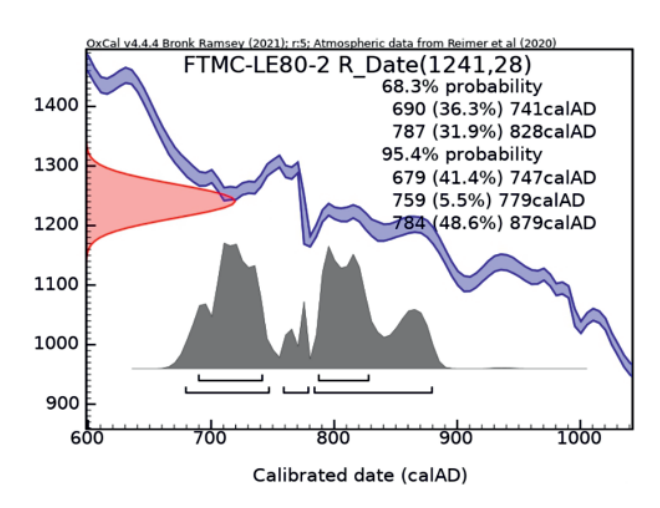

Рис. 7. Калиброванные значения дат по костям лошади из кургана № 22.

Fig. 7. Calibrated dates based on horse bones from barrow No. 22.

Анализ вещевого комплекса кургана № 22, датируемого VIII–IX веками на основе радиоуглеродного анализа (рис. 7), синхронизируется с периодом усиления военно-экономической мощи кимаков, сопровождаемой расширением их территориального владения на север и юг.

В целом уникальность подобных воинских захоронений из Верхнего Прииртышья заключается не только в их многочисленности и богатстве, но и в том, что они предоставляют весомые аргументы в пользу того, что именно здесь располагался один из ключевых военно-политических центров государства кимаков.

Кроме того, расположение этих захоронений в стратегически важном регионе, у важных водных артерий, предгорных и высокогорных зонах, подчеркивает его важность как центра власти. Также это могло способствовать контролю кимаками значительных торговых маршрутов, что, в свою очередь, могло сыграть роль в обеспечении их экономического процветания и военной мощи. В совокупности имеющиеся сведения дают основания предполагать, что Верхнее Прииртышье было не просто одним из многих районов расселения кимаков, а ключевым регионом, где сосредоточивались важнейшие военно-политические функции их государства.

Благодарности:

Авторы благодарят Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей за представленные материалы археологических исследований

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 201–203.

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 43–57.

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.

Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племён Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII-XI вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1983. С. 105–117.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири. История и археология / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1987. С. 50–69.

Арсланова Ф.Х. Некоторые образцы наконечников стрел кимаков Верхнего Прииртышья // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скоболев. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 67–77.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 406 с.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Ғылым, 1995. 296 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Мечи и сабли кимаков Восточного Казахстана // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. II / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 131–147.

Горбунов, В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Воинский комплекс сросткинской культуры из пос. Горный в Северных Предгорьях Алтая // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. 234–247.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.

Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.: Наука, 1956. 228 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кумеков Б.Е. Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. Вып. X / Под общ. ред. Д.А. Ольдерогге. Отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 194–198.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по источникам. Алма-Ата: Наука, 1972, 156 с.

Могильников В.А. Кимаки. – Сросткинская культура. – Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 43–46.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Нестеров С.П. Тёсла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.

Омаров Г.К., Бесетаев Б. Б. Средневековые кочевники Восточного Казахстана (по материалам могильников Туйетас и Аян) // Ұлы Дала: тарих пен мәдениет. Көне түркілер әлемі. Көрме каталогы (Великая степь: история и культура. Мир древних тюрков. Каталог выставки). Т. III. Нұр-Султан, 2019. С. 34–41.

Самашев З.С. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2016. С. 379–409.

Савинов Д.Г. Кимаки на Енисее и кыргызы на Иртыше // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Отв. ред. Г.Г. Король. Красноярск: РИО КГПУ, 2005. С. 136–140.

Хасенова Б.М., Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Хабдулина М.К. Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина // Oriental Studies. 2021. № 14 (6). С. 1188–1209.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 92–107.

Чотбаев А.Е. Предметы вооружения и снаряжение коня из некрополя Каракаба // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 135–145.

Юзеев А.Н. Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии (продолжение) // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 230–236.

Omarov G., Besetayev B., Khassenova B., Aitkali A., Altynbekov K., Sapatayev S., Sagyndykova S. Horse equipment of medieval nomads of the Kazakh Altai (based on materials from the Tuyetas burial ground) // Archaeological Research in Asia. 2022. Vol. 31. September, 100389. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100389

Информация об авторах:

Самашев Зайнолла Самашевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); archaeology_kz@mail.ru

Айткали Азат Калыулы, доктор Ph.D, ведущий научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); azza_semsk@mail.ru

REFERENCES

Akishev, K. A. (ed.). 1987. *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekhin, Yu. P. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 9. Barnaul: Altai State University, 201–203 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1969. In Akishev, K.A. (ed). *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana (Culture of ancient cattle breeders and farmers of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 43–57 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1972. In Akishev, K. A. *Poiski i raskopki v Kazakhstane (Searches and Excavations in Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 56–76 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1983. In Matyushchenko, V.I. (ed). *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoy Sibiri (Ethnic and cultural processes in Western Siberia).* Tomsk: Tomsk State University, 105–117 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1987. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri. Istoriya i arkheologiya (Sources on the history of Western Siberia. History and archaeology).* Omsk: Omsk State University, 50–69 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1991. In Khudiakov, Yu. S., Skobelev, S. G. (eds.). *Problemy srednevekovoy arkheologii Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Issues of medieval archaeology of Southern Siberia and adjacent territories).* Novosibirsk: Novosibirsk State Unibersity (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 2013. *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya (Essays on medieval archaeology of the Upper Irtysh region).* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana (Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan). Vol. 3. Astana: "Izdatel'skaya gruppa Kazakhskogo NII kul'tury" Publ. (in Russian).

Akhinzhanov, S. M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana (The Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan).* Almaty: "Ġylym" Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2016. In Efimov, S. V. (ed.). *Voina I oruzhie. Novye issledobvaniia I materialy (War and Weapons: New Studies and Materials).* Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 131–147 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin A. A., Semibratov, V. P. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 234–247 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kul'tury na Priobskom plato (Barrows of the Srostkinsk culture on the Ob Plateau).* Barnaul: Altai State University (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations nearby the village of Bolshaya Rechka)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zuev, Yu. A. 2002. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii (Early Turks: essays on history and ideology).* Almaty: "Dayk-Press" Publ. (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Monuments)).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kumekov, B. E. 1971. In Olderogge, D. A., Romodin, V. A. (eds.). *Strany i narody Vostoka. (Countries and peoples of the East)* 10 Moscow: "Nauka" Publ., 94−198 (in Russian)

Kumekov, B. E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po istochnikam (The State of the Kimaks in the 9th – 11th Centuries According to Sources).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages). Series: Archaeology of the USSR* 18. Moscow: "Nauka" Publ., 43–46 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th-11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nesterov, S. P. 1981. In Khudiakov, Yu. S. (ed). *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military organization of the ancient tribes of Siberia and Central Asia).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 168–172 (in Russian).

Omarov, G. K., Besetaev, B. B. 2019. In *Velikaya step': istoriya i kul'tura. Mir drevnikh tyurkov. Katalog vystavki (The Great Steppe: history and culture. The world of the ancient Turks. Exhibition catalogue)* III. Nur-Sultan, 34–41 (in Russian).

Samashev, Z. S. 2016. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.) *Altay v krugu evraziiskih drevnostei (Altay in the Circle of Eurasian Antiquities).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 379–409 (in Russian).

Savinov, D. G. 2005. In Korol, G. G. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri: idei, metody, otkrytiya (Archaeology of Southern Siberia: ideas, methods, discoveries).* Krasnoyarsk: RIO KGPU, 136–140 (in Russian).

Khasenova, B. M., Omarov, G. K., Besetaev, B. B., Khabdulina, M. K. 2021. In *Oriental Studies* 14 (6), 1188–1209 (in Russian).

Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Sourthern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudiakov, Yu. S., Plotnikov, Yu. A. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaia arkheologiia Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 92–107 (in Russian).

Chotbaev, A. E. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 135–145 (in Russian).

Yuzeev, A. N. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 81–88 (in Russian).

Omarov, G., Besetayev, B., Khassenova, B., Aitkali, A., Altynbekov, K., Sapatayev, S., Sagyndykova, S. 2022. In *Archaeological Research in Asia*. (31) September, 100389. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100389

About the Authors:

Samashev Zainolla S. Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Beibitshilik St., 25, Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan; archaeology_kz@mail.ru

Aitkali Azat K. Ph.D., Leading Researcher, Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Beibitshilik St., 25, Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan; azza_semsk@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.403.419

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ПЕРИОДЕ

© 2024 г. С.Т. Сайпов

В статье представлены результаты многолетних археологических исследований по керамическому производству Южного Приаралья. В основном речь идет о керамическом квартале городища Миздахкан в золотоордынский период. Безусловно, отдельные кварталы по производству керамики начали появляться на территории Средней Азии задолго до монгольского нашествия. Но в золотоордынский период они ярко выделяются, как отдельно располагавшийся производственный двор в Южноприаральских городищах. Судя по многочисленным археологическим находкам, организация гончарного производства Южного Приаралья достигает своего апогея в это время. Средневековые мастера-гончары Южноприаральского региона не только производили высококачественные керамические продукции, но и повлияли на появление местных керамических школ Золотоордынского Поволжья. Об этом свидетельствуют письменные источники и археологические данные. В Южном Приаралье керамические горны золотоордынского периода делятся на три типа. Последний из них свидетельствует о том, что здесь действовало гончарное объединение типа «корхана».

Ключевые слова: археология, керамика, производство, кварталы, гончарные печи, Южное Приаралье, средневековый Хорезм, Миздахкан, керамический импорт и экспорт.

POTTERY OF THE SOUTHERN ARAL REGION IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

S.T. Saipov

The article presents the results of long-term archaeological studies on pottery in the Southern Aral region. The author mainly discuss the pottery quarter of the Mizdakhkan settlement in the Golden Horde period. Certainly, separate districts producing ceramics began to appear in Central Asia before the Mongol campaigns. But in the Golden Horde period it stands out clearly as a separately located production zone in the Southern Aral settlements. Judging by numerous archaeological findings, the organization of pottery production in the Southern Aral region reaches its peak during this period. Medieval potters of the Southern Aral region not only produced high-quality ceramic products, but also influenced the emergence of local ceramic schools in the Golden Horde Volga region. This is evidenced by written sources and archaeological data. In the Southern Aral region, furnaces for producing pottery in the Golden Horde period are divided into three types. The last of them indicates that a pottery association of the “Korkhana” type operated here.

Keywords: archaeology, ceramics, production, quarters, pottery kilns, Southern Aral region, medieval Khwarazm, Mizdakhkan, ceramic import and export.

Монгольское нашествие в Среднюю Азию, в том числе к южноприаральским регионам, сопровождалось огромной потерей человеческого ресурса и экономического потенциала. Начиная со второй половины XIII века, несмотря на упадок экономической жизни, вызванный монгольским завоеванием, ремесленное производство начинает возрождаться вновь на территории средневекового Южного Приаралья. Это особенно хорошо прослеживается в гончарном производстве. В рассматриваемый период среди глазурованных и неполивных керамических изделий появляются новые виды, ранее незафиксированные. Гончарство становится ведущим производством в сфере ремесленных промыслов. Об этом свидетельствуют подъемные материалы в производственных центрах Куня-Ургенча, остатки ремесленных кварталов в Джанпыккала, Миздахкана и Хива, специализированные гончарные кварталы в южной части Шемахакалы, керамические мастерские в Шехрлике. Все эти открытия позволяют осветить характер производства в золотоордынском регионе Южного Приаралья (рис. 1).

В гончарном производстве Южного Приаралья наиболее ярко представлено керамическое производство, изучены гончарные печи,

Рис. 1. Карта памятников средневекового Хорезма.
Fig. 1. Map of the medieval Khwarazm sites.

виды и формы изделий, технология и пути её становления. В свое время на городище Миздахкан вскрыт целый квартал керамистов (рис. 2).

В полевых сезонах 1985–2023 гг. были осуществлены стационарные работы в различных кварталах, относящихся к золотоордынскому периоду, в городище Миздахкан, расположенном на территории Ходжейлийского района Республики Каракалпакстан. Археологическими исследованиями, среди прочих торгово-ремесленных объектов, были вскрыты гончарные мастерские, состоящие из единичных, парных (из двух) и более горнов для обжига неполивной сероглиняной и чернолощеной керамики. В «Центральном квартале» Миздахкана вскрыт дом № 2 с керамической печью, расположенной во дворе. Печь двухъярусная, отверстие топочной камеры находится со стороны двора. Она связана с обжигательной камерой с 19 продухами диаметром 10 см. Диаметр верхней обжигательной камеры 2 м, высота сохранилась до 1 м. Камера имеет куполообразное перекрытие и шесть вытяжных отверстий диаметром 15 см (Туребеков, 2003, с. 70–71). Печь по находкам медных монет датируется золотоордынским временем (рис. 3; 4).

Подобные гончарные печи открыты в «Юго-западных» и «Южных» кварталах золотоордынской части городища Миздахкан (Кдырниязов, 2004, с. 103–105; Кдырниязов, 2015, с. 150). В «Юго-западном квартале» раскопан ремесленно-производственный комплекс, состоящий из обширного двора с мастерскими-винодельнями, маслобойными приспособлениями и двумя гончарными печами (Кдырниязов, 2015, с. 152, 158). Печи имеют схожие конструкции, они двухъярусные, расположены на одном горизонте, функ-

Рис. 2. Производственный двор гончаров городища Миздахкана. Золотоордынский период (по: М.Т. Туребекова)
Fig. 2. Pottery courtyard of the Mizdakhkan settlement. Golden Horde period (according to M.T. Turebekov)

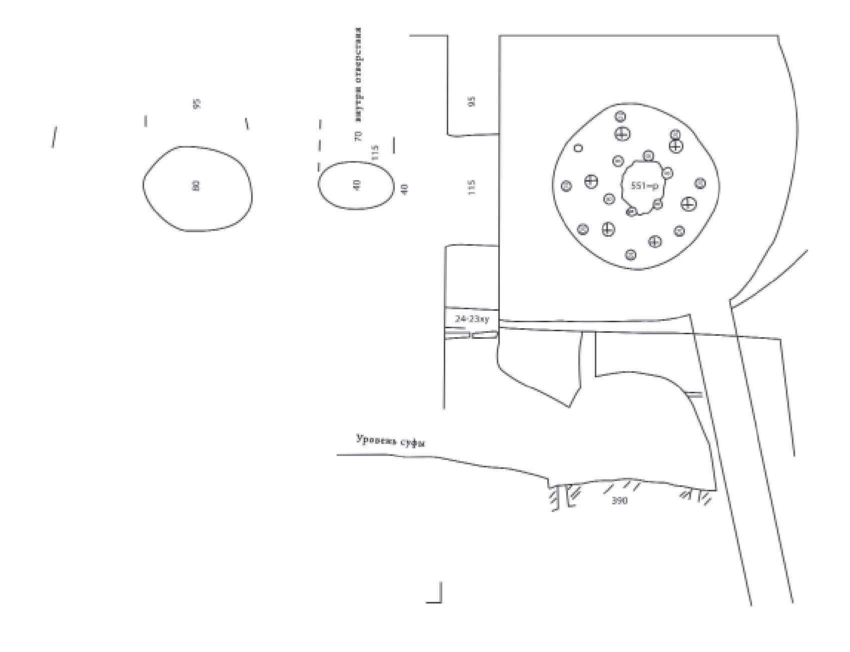

Рис. 3. Керамические печи Золотоордынского периода. Миздахкан. «ВК-1» (по неопубликованным материалам М. Т. Туребекова).
Fig. 3. Pottery kilns of the Golden Horde period. Mizdakhkan. "ВК-1" (based on unpublished materials by M.T. Turebekov).

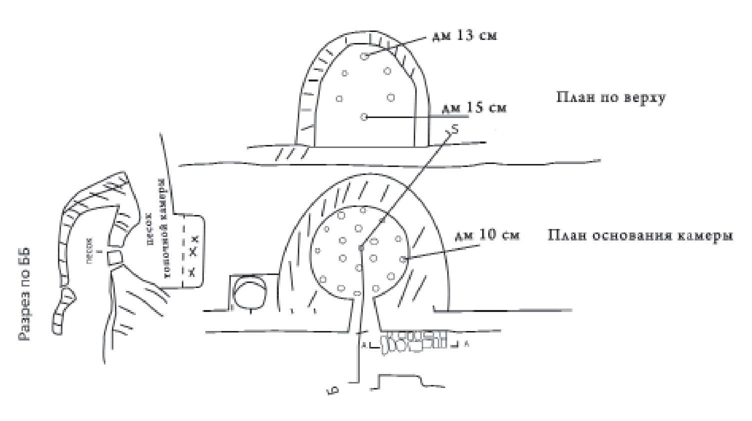

Рис. 4. Керамические печи Золотоордынского периода. Миздахкан. «ВК-2» (по неопубликованным материалам М. Т. Туребекова).
Fig. 4. Pottery kilns of the Golden Horde period. Mizdakhkan. "ВК-2" (based on unpublished materials by M.T. Turebekov).

ционировали одновременно. Сводчатый потолок нижней обжигательной камеры сложен из сырцовых кирпичей, в которых проделаны сквозные теплопроводящие отверстия овальной и круглой формы. Стены обжигательной камеры сохранились на высоту от 1,40 м (печь № 1) до 2,10 м (печь № 2), диаметр их от 2,30 до 2,55 м (рис. 5; 6). Перекрытие верхней камеры также было сводчато-куполообразной формы и возвышалось над уровнем дневной поверхности. Первоначально здесь была построена печь № 1 для обжига неполивной красноглиняной керамики, затем горн с северной и восточной стороны, все обнесено капитальной сырцовой стеной. Спустя какое-то время рядом с гончарной печью появился второй горн для обжига неполивной красноглиняной керамики. Сооружение второго горна привело к расширению рабочей площадки мастерской. По своей конструкции они относятся к типу II. Рабочие камеры обжига примерно 1,5–2,65 куб. м. Печи специализировались на выпуске неполивных красноглиняных кувшинов. Во дворе около печей на выложенном жжеными кирпичами полу обнаружены лежащие в положении in situ несколько десятков полуразбитых красноглиняных кувшинов с круглой ручкой. Возможно, дворик служил не только для сушки керамических изделий, но и для временного хранения готовой, выгружавшейся из печи продукции. По аналогиям других регионов в таких мастерских рабо-

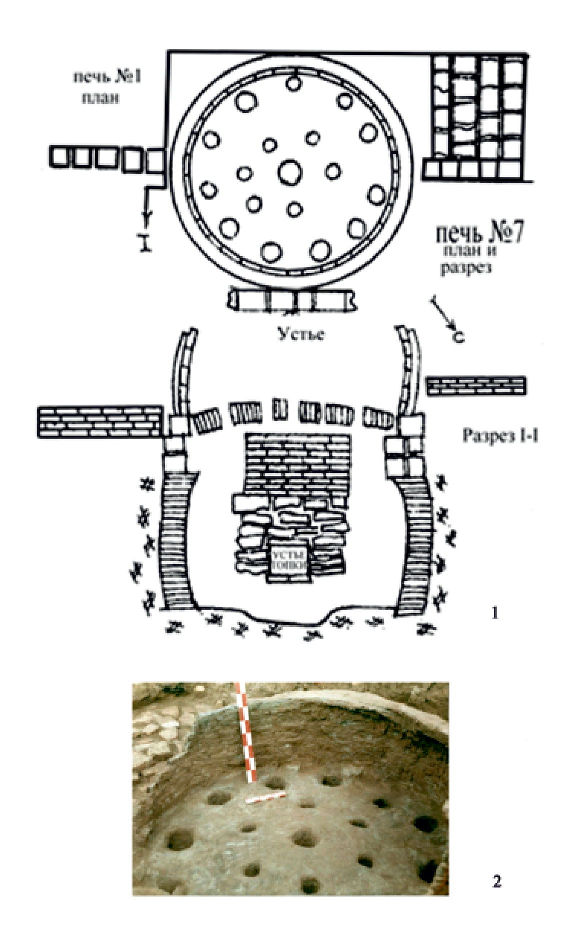

Рис. 5. Керамическая печь позднехорезмшахского периода (материалы М.-Ш. Кдырниязова).
1 – план и разрез; 2 – фото.
Fig. 5. Pottery kiln of the late Khwarazmian Empire period (materials by M.-Sh. Kdyrniyazov).
1 – plan and section; 2 – photo.

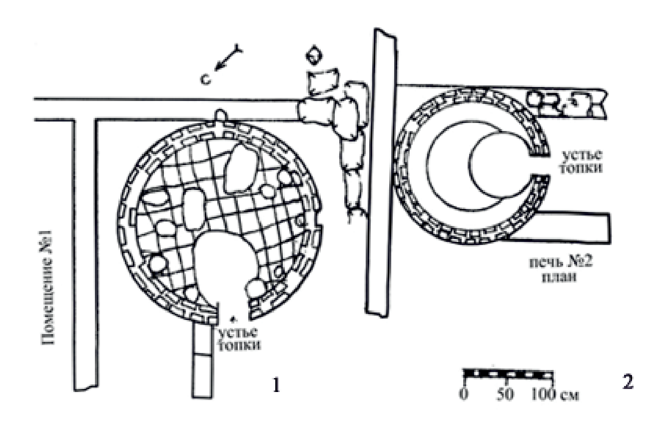

Рис. 6. Керамическая печь позднехорезмшахского периода (материалы М.-Ш. Кдырниязова).
1–2 – план; 3 – фото.
Fig. 6. Pottery kiln of the late Khwarazmian Empire period (materials by M.-Sh. Kdyrniyazov)
1–2 – plan; 3 – photo.

тали от двух до шести мастеров-керамистов (Курочкина, 2009, с. 129).

Если сопоставить объем гончарных печей Миздахкана по своим размерам, то они намного меньше, чем античные печи Хорезма. Возможно, это связано с деятельностью индивидуального товаропроизводителя. Наличие парных гончарных печей (печь № 1–2, «Юго-западный квартал») позволяло мастеру-керамисту вести обжиг беспрерывно, используя поочередно то одну, то другую печь. По мнению М.Г. Воробьевой, этот древний трудоемкий процесс, корни которого восходят к античной эпохе, требует специальных навыков (Воробьева, 1959, с. 201). Датирование функционирования печей «Южного поселения» подтверждает обнаруженные в них многочисленные фрагменты сероглиняной и поливной керамики хорезмшахского и раннего золотоордынского времени. Среди находок возле гончарных печей «Южного поселения» Миздахкана найдены несколько монет. По определению специалиста А. Пачкалова, они относятся к хорезмшахскому периоду, однако массовый археологический материал относится к ранней золотоордынской керамике (Кдырниязов, 2018, с. 68). Это показывает, что печи функционировали и в золотоордынский период.

Исходя из выше писанного, выясняется, что в ходе археологических работ в «Центральном квартале», неукрепленной части Миздахкана, вскрыты гончарные мастерские, объединенные в цеха. За три сезона археологических работ полностью вскрыт жилой массив гончаров площадью 1222 кв. м. В структуре квартала выявлены восемь домовладений и большой керамический цех (Туребеков, 2003, с. 67–68), занимающий восточную часть квартала (рис. 2). Он расположен в большом домовладении,

Рис. 7. Керамические инструментарии второй половины XIII–XIV вв. *Миздахкан (фонд КГУ)* 1–4 – формы-калыпы. Изготовлены из хорошо отмученной глины без добавки какой-либо примеси, что придавала своеобразную твердость для многократного использования инструментария. Их длина составляет 6–12 см, а ширина 5–7 см, при этом глубина выемки составляет 1–2,5 см.
Fig. 7. Ceramic tools of the second half of the XIII–XIV centuries. *Mizdakhkan (KKSU collection).* 1–4 – kalypa forms. They are made of perfectly-elutriated clay without any temper, which imparted a kind of hardness for reusable tools. Size is 6–12 cm in length, 5–7 cm in width, with a recess depth of 1–2,5 cm.

состоящем из хозяйственно-производственных, жилых помещений и полуоткрытого двора. Общая площадь хозяйства 574 кв. м. Большой керамический цех состоит из семи гончарных печей, семи колодцев, ям и мест для гончарных станков. В трех помещениях и во дворе шел процесс обработки глины, хранение, сушка и сбыт изделий. В остальных помещениях жила семья и обслуга (Туребеков, 2003, с. 68–70). Вскрытые гончарные печи в гончарной мастерской по конструкции однотипные, они двухкамерные. В ходе археологических работ в рабочих площадках найдены печные припасы (штыри, сепоя-треножка), формы-калыпы малого размера для изготовления деталей, сосуд, орнаментированные носики и стенки, штампики с глубоким рельефом, галечные и мраморные лощила для нанесения орнамента (рис. 8, 9). Кроме того, часто встречаются обожженные и каменные терки для выравнивания форм еще не обсушенных керамических изделий. В целом, по предварительным подсчетам М.Т. Туребекова, здесь работал коллектив производителей из 25 человек. Среди них были семь мастеров-гончаров и не менее семи подмастерьев (ученики) (Туребеков, 2003, с. 79). Дополнительным доказательством стандартного производства керамических продукций Южного Приаралья служит инструментарий гончаров, выявленный в ходе раскопок. Он помогал изготовить изделия более качественно и масштабно по стандартной технологии. Керамический инструментарий дал мастерам возможность серийного производства товаров. При изготовлении сосудов штампы, формы-калыпы, штампики и др. инструментарий были разной величины, что давало возможность разнообразить ассортимент продукции (рис. 7). Используя такие инструменты, гончар мог спокойно и уверенно производить керамические изделия там, где рынок сбыта требовал более качественных и доступных по цене товаров (Сайпов, 2019, с. 163).

Эти гончарные мастерские располагаются в производственной части золотоордынского города Миздахкан. В этом и в других соседних кварталах зафиксированы производственные объекты. Они расположены на краях жилых кварталов (Кдырниязов, 2018, с. 68). Это одна из особенностей локализации ремесленных кварталов средневекового Южного Приаралья. В Средневековье, как и в античности, ремесленные кварталы города были вынесены за жилую городскую зону.

Вкупе с керамическим производством Миздахкана на его примере можно рассматривать вопросы организации гончарного ремесла в Южном Приаралье в эпоху Средневековья. В городах Средней Азии, Волжской Болгарии еще до монгольского времени, а затем и в Золотой Орде существовали ремесленные организации типа «братства» («товарищества» или цех) (Якубовский, 1931, с. 20–21). По материалам Миздахкана, можно отметить три типа мастерских: небольших, состоящих из одного горна (тип I), больших с двумя горнами (тип II) и более объемного производственного объекта цеха (тип III) (Кдырниязов 2018, с. 68). Возможно, они работали сезонно,

Рис.8. Керамические инструментарий мастера-гончаров средневекового Миздахкана: 1–5 – штампики с глубоким рельефом; 6 – приблизительное использование штампика на банкообразных сосудах.
Fig.8. Ceramic tools of the artisans of the medieval Mizdakhkan: 1–5 – stamps with deep relief; 6 – approximate use of a stamp on jar-shaped vessels.

в определенное время года. Однако, учитывая расположение большинства печей Миздахкана в закрытых помещениях, можно предполагать, что небольшие мастерские (тип I, II) работали круглогодично. Изучив средневековые среднеазиатские гончарные производства, исследователь на раннее опубликованном материале полагает, что первый и второй тип производственной единицы (небольшие мастерские ремесленников) характерны и для кварталов гончаров-ремесленников Мерва (X – нач. XIII вв.), Афрасиаба (X – нач. XIII вв.), Ферганы (Ахсикет) и Отрарского оазиса (Куйрук-тобе, Отрар, Сауран) (Кдырниязов, 2018, с. 68). Они составляли основу производств домонгольского периода. Крупные же хозяйства (тип III), относящиеся к XII – нач. XIII вв., «не были распространенным явлением». Далее исследователь указывает на то, что в литературе существует мнение, что крупные хозяйства типа «цехов», «артелей» возникли в монгольскую эпоху, в начале XIV в. С.Б. Лунина считает, что крупные ремесленные мастерские кооперировались еще в XII и в начале XIII вв. (объединение мервских мастерских Мухаммед Али Иноятана и Абу Бакра аль Итоби) (Кдырниязов, 2018, с. 68–69). Это мнение по материалам одного из крупных керамических центров Мавераннахра – Афрасиаба поддерживает Ш.С. Ташходжаев (Ташходжаев, 1975, с. 58). Если это так, то можно считать, что организация ремесленного производства, как и в других областях Средней Азии, так и в Хорезме,

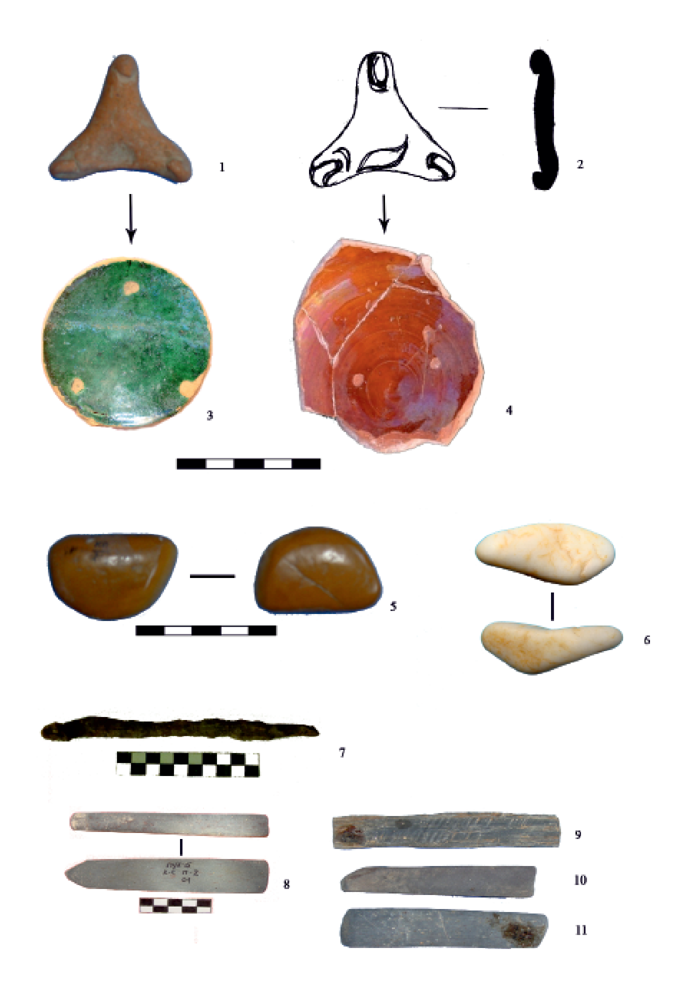

Рис. 9. Керамические инструментарий мастера-гончаров средневековых городищ Южного Приаралья: 1-2 – сепой треножки; 3–4 – глазурованные чаши со следами сепой на поддоне во внутренней поверхности сосуда; 5–6 – галечные и мраморные лощила для нанесения орнамента; 7 – металлический штырь; 8–11 – каменные лощила разного размера.
Fig. 9. Ceramic tools of artisans of medieval settlements in the Southern Aral region: 1–2 – firing tripods; 3–4 – glazed bowls with traces of firing tripods on the base in the inner surface of the vessel; 5–6 – pebble and marble smoothers for putting ornaments; 7 – metal pin; 8–11 – stone polishers of different sizes.

практиковалась еще в домонгольскую эпоху. Специализированные кварталы гончаров на пороге развитого Средневековья отмечены на ряде городищ Южного Приаралья в Замахшаре (X–XI вв.), Садваре (IX–XI вв.), Джигербенте (X – нач. XIII вв.), Каваткала (XII–XIII вв.), Миздахкане (XII–XIV вв.) и Шехрлике (XIII–XIV вв.). Анализ собранных археологических материалов показывает, что эти города в некоторой степени являлись производственными центрами ремесел определенного вида. Например, городища Джигербент и Садвар, расположенные на левом берегу Амударьи, в домонгольский период были основными центрами ремесел и торговли в южной части оазиса. А городища Миздахкан и Шемахакала на Устюрте служили интересам не только земледельческой округи, но и торгово-ремесленным нуждам кочевой степи Арало-Каспия (Кдырниязов, 2015, с. 83).

Археологические исследования на территории Южного Приаралья показывают, что в Средние века керамические производства были присущи не только городам, но и сельским поселениям. В поселениях I и II зоны средневекового города Шехрлик на берегу большого водоема зафиксированы остатки гончарных печей производственного характера (Неразик, 1976, с. 141). Однако уровень гончарства, художественное оформление изделий сельских гончаров немного уступали городской продукции. Об этом свидетельствует отсутствие многих богато орнаментированных форм керамических изделий, обнаруженных в сельских жилищах средневековой эпохи (Неразик, 1976, с. 117).

Таким образом, мастерские в комплексе ремесленных производств «Юго-западного квартала» и «Центральной» части Миздахкана имели статус особой организованной формы производства. Такие мастерские в научной литературе И.П. Петрушевского принято считать специализированными цехами, или «корхана». Рашид-аддин и автор «Тарих-и Вассаф» упоминают о таких типах производства. В «Тарих-и Вассаф» записано: «Было постановлено, чтобы каждый из царевичей довольствовался исчисленными тысячами (людей) и собственными мастерскими (карханеха-ии-хасс) в Бухаре и Самарканде» (См: Кдырниязов, 2018, с. 69).

Такие керамические цеха оснащались большим количеством горнов разных конструкций, предназначенных для выпуска широкого ассортимента керамических изделий в большом объеме. Их работа была направлена на рынок, на предприятиях трудились десятки и сотни людей. Есть предположение, что для бесперебойной работы таких мастерских со стороны организаторов производства была осуществлена единая система снабжения топливом, сырьем, рабочими резервами и отлаженная система сбыта готовой продукции. М.-Ш. Кдырниязов пишет, что подобные предприятия были изучены деятельностью Поволжской археологической экспедиции во главе с академиком Г.А. Федоровым-Давыдовым (Кдырниязов, 2018, с. 69).

Стационарные археологические раскопки в торгово-ремесленных кварталах средневекового Миздахкана в достаточной степени дают возможность проанализировать организацию труда ремесленников в городах Южного Приаралья. Среди неполивных керамических дисковидных крышек из Миздахкана и в коллекции гончарных изделий встречаются четкие надписи, личные печати (мухр) и тамги (в форме латинской буквы V, «шестиконечных звезд, внутри которых располагались вихревые кружочки или листья пальметты (рис. 10: 8, 9), «птичьей лапки» – «ғаз аяк», креста – Х «аша» (рис. 10: 2, 4, 5)). Еще большим разнообразием отличаются различные тамги и знаки геометрического характера (в виде «параллелей», «бегущих волн», «ромбиков», «пятиконечных звезд» (рис. 10: 1), «сетчато-радиальных» линий, штампы с закругленными вихрами) (рис. 10: 3, 5, 9, 11) (Саипов, 2022, с. 149). Такие знаки, по мнению исследователя знаков керамики Поволжья М.Д. Полубояриновой, являются атрибутами собственности (Полубояринова, 1980, с. 204). Их изображения также генетически связаны с этнокультурными процессами Приаралья (Саипов, 2022, с. 132). Некоторые надписи сохранились наполовину, прорезаны на поверхности еще необожженной, сырой, сформованной для заготовки глины этих изделий. Среди них надпись: «twIga-тулға» (вариант «suIubga-сулувға») и имя мастера арабской транскрипции (рис. 10: 10). Такие многочисленные имена мастеров на керамических изделиях встречаются на глазурованных изделиях Нижнего Поволжья (XIV вв.). Здесь на одной кашинной пластине есть надпись – имя мастера «Асан» (Кдырниязов, 2018, с. 69). Другими

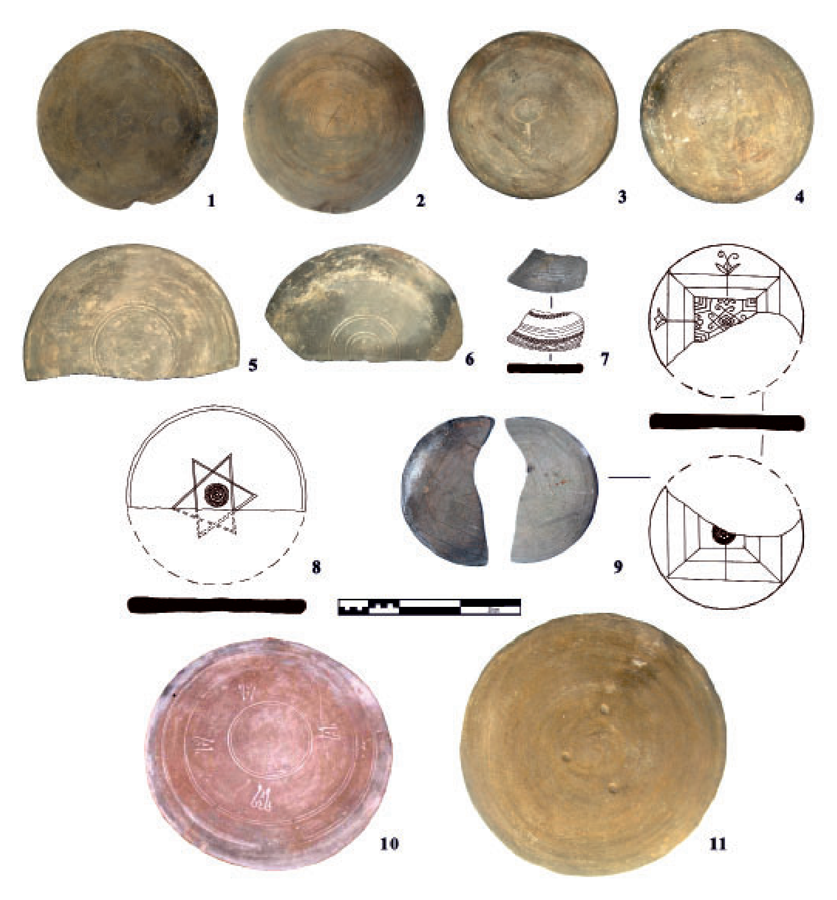

Рис.10. Крышки, подкладные диски второй половины XIII–XIV вв. 1–11 – Миздахкан (фонд КГУ): Все диски из зарытого «клада керамических крышек» из Миздахкана. «Клад» состоит из 42 экземпляров крышек хорошей сохранности. Они имели различную величину форм и разные знаки, оттиснутые до обжига на поверхности изделий.

Fig. 10. Lids, backing disks from the second half of the XIII–XIV centuries. 1–11 – Mizdakhkan (KKSU collection): All disks are from the obscured "treasure of ceramic lids" from Mizdakhkan. The "treasure" consists of 42 well-preserved lids. They had different sizes and different marks, imprinted on the surface of the products before firing.

словами, эти марки являются принадлежностью определенной мастерской или мастера-керамиста. Имена мастеров-производителей в Мавераннахре появляются еще в домонгольское время. Во вскрытых мастерских Афрасиаба Ш.С. Ташходжаевым найдены чаши с именами мастеров. Среди них «Мухаммед» и «Ахмад». Они, по мнению Ш.С. Ташходжаева, являются производителями специализированных мастерских, выпускающих стандартные изделия. Эти мастерские относятся к XI и началу XII вв. (Ташходжаев, 1975, с. 65), как и мастерская второй половины XII в. В опубликованном научном труде исследователь утверждает, что имена мастеров встречались и на штампованной керамике Термеза, в Нисе («работа Али») и Мерве («работа Мухаммад Али Иноятона» (XII в.)), имена мастеров или намеки на них известны по керамическим материалам Самарры («мастер Убейда», «работа Омара», «работа Зикри»), Египте, Сирии, в Азербайджане – Орен-кала («сделал», «сделал мастер», «мастер-устод»), Гандже, Херсонесе (Северное Причерноморье) и в предметах разного рода в прикладном искусстве (особенно торевтике) зарубежных стран (Кдырниязов, 2018, с. 69–70). По мнению самого автора настоящей статьи, подобные дисковидные крышки одновременно служили в качестве подкладного диска для просушки изделий после снятия с круга, чтобы не деформировать готовую форму сосудов (Сайпов, 2022, с. 113). По этнографическим наблюдениям Е.М. Пещеревой, «...мастера объясняли большое количество скопившихся у них дисков с разными знаками тем, что диски попадали к ним в руки по мере сокращения количества мастеров в городе. Все орнаментированные диски старые и изготовлены не Усто Шокиром. По его словам, в старину отдельные мастерские имели диски со своими знаками, иногда определенные знаки имели отдельные мастера» (Пещерева, 1959, с. 171, 173). Можно считать, что перед необходимым уходом из города мастера отдали некоторые свои инструменты другим мастерским, которые вынуждены были оставаться в кварталах после их ухода. Дальше он приводит достоверную информацию, что, «когда подряд бывало расположено несколько мастерских, изготовлявших большое количество посуды, часть которых выставлялась для окончательной просушки на улицу перед мастерскими, знаки эти служили для разли-

чения в спорных случаях посуды, принадлежавшей различным мастерским» (Пещерева, 1959, с. 171). Это ещё раз доказывает, что на городище Миздахкан в это время существовало несколько мастерских, выпускавших различные виды высококачественной керамической продукции (Сайпов, 2022, с. 113).

В золотоордынский период ремесленники, в том числе и керамисты, были зависимыми и независимыми. Здесь М.-Ш. Кдырниязов приводит определенное высказывание Г.А. Федорова-Давыдова: «Перед нами две категории рабов пленных ремесленников (зависимых и полузависимых)… Рабский труд, воскресший в эпоху обширных завоеваний XIII в., трансформировался в XIV в. в труд феодально-зависимой черни» (Кдырниязов, 2018, с. 70). На примере изученных гончарных мастерских Миздахкана социальное положение гончаров определяется в следующем порядке (категория ремесленников). Здесь трудились индивидуальные мастера, имеющие в своем хозяйстве один горн (I категория). Они производили продукцию с помощью членов семьи. Другое индивидуальное хозяйство имело две гончарные печи, узкую специализацию труда, выпускало определенный вид керамики (красноглиняные кувшины, горн № 1–2 «Северо-западного квартала»). Они нанимали рабочих или имели слуг (II категория). III категория была представлена большими мастерскими со многими гончарными печами и с широким ассортиментом продукции. Таковым является гончарный цех «Центрального квартала». Он состоит из большого двора, восьми гончарных печей, семи колодцев и девяти жилых и хозяйственных помещений для размещения станков, обработки, хранения глин, сушки и продажи изделий. Здесь трудились 25 человек (мастер, подмастерья, рабочие: ахль аль-амал – «люди дела, работы»). В последнем, возможно, были и рабы (слуги). Это было большое производство с привлечением труда специалистов разных профилей под руководством хозяина – мастера-устода. Такой цех-кархана имел несколько гончарных горнов, предназначенных для выпуска широкого ассортимента керамических изделий в большом объеме. Работа этих горнов, как и в индивидуальных хозяйствах, была направлена на рынок. Для непрерывности процесса была создана система снабжения топливом, сырьем, людскими резервами и, возможно, отлажена единая система сбыта готовой продукции. Такое предприятие могло принадлежать человеку с высоким социальным статусом (амир, беки, священнослужители, богатые купцы или ремесленники). Анализ письменных источников и археологических материалов свидетельствует о существовании в округе Миздахкана такой категории феодальной верхушки (Кдырниязов, 2015, с. 272). Это обеспечивало функционирование нормальной работы в крупных мастерских. В результате здесь выпускали разнообразные изделия (хумы, кувшины, вёдра, горшки, миски, чаши, светильники, детские игрушки и другие вещи повседневного обихода). Среди них были лучшие образцы керамических изделий. Они конкурировали во внешней торговле и вывозились в соседние регионы. В целом сравнительный анализ позволил А.Ю. Якубовскму прийти к выводу, что «на куня-ургенчских черепках мы имеем те же мотивы, что и на сарайских вещах… Но коллекция куня-ургенчских черепков более богата орнаментами, чем то, что мы имеем на сарайских чашах... Сарайская посуда, несомненно, развивалась под влиянием ургенчских мастеров» (Кдырниязов, 2015, с. 241). По мнению исследователя, по поводу сходства керамики Сарая Берке и Ургенча «можно говорить о подражании к ургенчским образцам. Весьма возможно, что в первые годы существования Сарая некоторые типы этой посуды вывозились из Ургенча или были выписаны мастера, как это обычно бывало на мусульманском Востоке в Средние века, и только потом Сарай стал сам производить эту посуду по привезенным образцам» (Кдырниязов, 2015, с. 244). Его выводы о раннем этапе исследования культуры Золотой Орды не опровергнуты последующими поколениями археологов. В работах исследователей керамики золотоордынских городов восточноевропейской части затрагиваются некоторые вопросы технологии и техники керамического производства, делаются выводы о широком распространении навыков ургенчских керамистов в местной группе неполивных изделий. Привозная (импортная) керамика из Хорезма (штампованные фляги, кувшины и каменные котлы) представлена в Азове (Северное Причерноморье), Сарае, Астрахани, Маджаре и в других местах за пределами региона. Наряду с этим, нужно отметить, что некоторые виды местной

штампованной керамики связаны с производственной деятельностью приезжих из Хорезма мастеров, обслуживавших горны. Об этом написали в свое время исследовавшие много лет привозную керамическую продукцию из южноприаральских городищ А.Ю. Якубовский, Г.А. Федоров-Давыдов, А.Л. Бойко и другие. Специалисты утверждают, что в золотоордынскую эпоху изящные штампованные кувшины и некоторые виды поливной керамики экспортировались из городов Южного Приаралья в города Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма (Панина, Волков, 2000, с. 91).

Исходя из этого, можем утверждать, что благодаря существованию Великого Шелкового пути, страны, пользовавшиеся услугами этого пути, были тесно связаны друг с другом, получили новый потенциал для развития не только торговли, но и ремесленного потенциала. Привозные керамические изделия широко применялись в повседневном быту средневекового Южного Приаралья. Однако дороговизна керамического импорта, трудности его транспортировки привели к налаживанию новых видов керамики на местах. Под влиянием иноземных изделий местные гончары наладили производство товаров, подражающих изящным изделиям разных керамических центров. Это привело к развитию керамической отрасли в средневековом Южном Приаралье. Это явление обосновывается прежде всего широким использованием услуг Великого Шелкового пути и большим взаимодействием человеческой цивилизации. В целом следует констатировать, что привозные керамические изделия в средневековых городищах Южного Приаралья свидетельствуют об оживлении торговых отношений не только внутреннего торга, но и служат индикатором развития международной торговли, с другой стороны, само функционирование Великого Шелкового пути дало возможность проникновения новых технологических инноваций в керамическое производство (Сайпов, 2020, с. 237).

Таким образом, по археологическим материалам Миздахкана (с учетом аналогичных явлений из Мавераннахра, Южной Туркмении и Нижнего Поволжья) определяются разные формы организации ремесленного производства. Ремесленники, в том числе и гончары-керамисты, были зависимыми и независимыми. Большая масса местной керамики и их бракованные отвалы, заполнения горнов, наличие нескольких печей в одном хозяйстве (цех в «Центральном квартале») свидетельствуют о существовании особой организационной формы типа «корхана» («диване-масас»).

Одна из особенностей топографии ремесленных производств – это совмещение мастерских с жилыми кварталами. В Афрасиабе ремесленные, в том числе и гончарные, кварталы X–XIII вв. расположены впритык к жилым зданиям (Шишкина, 1973, с. 125; 143; Ташходжаев, 1975, с. 64). Такая ситуация наблюдается и в Отраре XIII–XIV вв. (Акишев, 1987, с. 130), и в конструкциях жилищ Миздахкана. Одна из отличительных черт золотоордынских городов Нижнего Поволжья – то, что керамические мастерские отделены от жилища гончаров (Федоров-Давыдов, 2001, с. 211).

В золотоордынский период гончарное производство, чтобы обеспечить массовый спрос городских и сельских жителей на керамическую продукцию пропорционально увеличившегося населения, вынуждено было развиваться и качественно, и количественно. Керамическое производство превратилось в одну из ведущих отраслей среди ремесленного хозяйства городского населения.

Наряду со старыми красноглиняными изделиями в средневековом Южном Приаралье до монгольского периода выпускалась незначительная группа неполивных изделий серого обжига. Она чаще всего встречается в кухонных горшках, они же были сероангобированными. Но их производство получило наибольшее развитие в Средней Азии в XII–XIII вв. После завоевания монголами среднеазиатской территории производство сероглиняной керамики в большинстве областей Междуречья прекращается. Наоборот, в Хорезме и в восточноевропейских городах Золотой Орды сероглиняная керамика выпускается в значительном количестве. Например, сероглиняные кувшины были найдены в Старом Орхее, Царевском городище, Увеке, Селитренном городище и Маджаре. Большинство из них относится к штампованным кувшинам и флягам. Обилие фрагментов керамики в восточноевропейских городах говорит о большой популярности этой керамики в XIII–XIV вв. Существуют мнения, что

в некоторых городах Золотой Орды они изготавливались приезжими мастерами (Бойко, 1990, с. 5; Масловский, 2006, с. 412). Основная орнаментальная зона на тулове и плечиках сероглиняных кувшинов занята медальонами в виде четырехлепестковой розетки, плетеными узорами. Кроме того, на орнаментальных поясах встречаются мотивы в виде запятых, узоры в виде косой сетки. Другие кувшины имеют несколько окружных поясков, состоящих из квадратиков, ромбов, кружков, овалов с розетками или овалов с елочными узорами. Кроме того, некоторые кувшины имеют зооморфные (заяц, джейран) и растительные штампованные узоры (лотос, тюльпан). Новшеством для сероглиняных штампованных кувшинов XIII–XIV вв. является оформление некоторых рельефных орнаментов в сочетании с растительными элементами и с символическими псевдонадписями.

Сероглиняные кувшины, как и фляги, формовались особой выделкой. Она заключается в изготовлении отдельных частей. Узкая горловина и две половинки тулова формовались сначала отдельно, затем их соединяли приклеивающимся раствором (Лунина, 1962, с. 298). При этом сформованное в калыпе изделие присоединялось либо вертикальными (фляги), либо горизонтальными швами. Шов старательно затирался снаружи и по возможности изнутри. В целом, по мнению

Н.С. Гражданкиной, «серый цвет получался специальным подбором глин, богатых известковыми примесями, и обжигом в восстановительной, богатой углеродом среде» (Гражданкина, 1964, с. 183).

В сравнении с ранним периодом в керамическом производстве появляются новые формы и технологические изменения, требующие от гончаров еще большего усвоения новых умений и навыков. По мнению исследователя Л.Ф. Соколовской, применение новых способов формовки, методов нанесения орнамента и нового состава глин, богатых кремнеземом, позволяло вытягивать изделия с тонким профилем (Соколовская, 2015, с. 85). Это было очень трудоемкой работой и требовало от гончаров большого опыта.

В хорезмшахское и особенно в золотоордынское время сероглиняные сосуды стали одним из распространенных видов неполивной посуды. Они получили наибольшее развитие именно в золотоордынское время. Особенно улучшился комплекс столовой посуды. Его изготовляли тщательно, из хорошо приготовленной глины. Резко увеличилось число чернолощеных сероглиняных сосудов. Судя по массовым находкам, местные гончары производили кувшины, пиалы, чаши и блюда различных форм и типов с чернолощеным орнаментом. Выявленные по археологическим раскопкам керамические комплексы из Миздахкана и городища Джампыккала по формам, а также по технологическим, морфологическим и декоративным признакам идентичны. По этой причине керамические изделия рассматриваются как одновременный комплекс, относящийся к периоду XIII–XIV вв. в истории средневекового Хорезма. Вместе с тем детальный анализ некоторых видов кувшинов и мисок позволяет выделить ранние (хорезмшахский) или поздние (золотоордынский) типы сосудов. В отдельных случаях (Шемахакала, Миздахкан) в зависимости от обжига часть изделий получила красноватый оттенок, для них характерны красный ангоб и лощение.

К чернолощеным сероглиняным изделиям относятся почти все виды столовой керамики, они формировались изящно и изысканно. Среди них часто встречаются кувшины, горшкообразные сосуды, чаши, пиалы, тарелки, тагора (миски) и фляги неординарной формы типа «мургаби» или греческий «аскос». Поверхность всех видов описанных нами категорий вещей покрывалась черным ангобом и лощением. По мнению исследователя А. Бобринского, чернение сосудов, способ придания изделиям темного цвета, восходит к глубокой древности (Бобринский, 1978, с. 217). При чернении керамики как внутренние, так и внешние поверхности практически в одинаковой мере испытывают влияние восстановительной атмосферы обжигательной камеры (Бобринский, 1978, с. 240). При «лощении» поверхность изделия натирают до зеркального блеска камнем-голышом, косточкой, стеклянным пузырьком. Покрывают часть либо всю поверхность сосуда, не совсем высохшего, еще не обожженного. Одновременно лощение уплотняет поверхность черепка. Черный цвет подчеркивал форму изделия, а лощение придавало ей металлический блеск, кроме того, чернолощеная керамика становилась более прочной и не впитывала воду. После обжига снова производилось лощение

при помощи камня-голыша, пока поверхность не приобретала блеск. Такая технология до сих пор используется при выпуске чернолощеных изделий в современном производстве.

В ранней изданной археологической литературе отмечалось, что ярко выраженные художественные образцы сероглиняной керамики Хорезма (особенно штампованной) и сероглиняная керамика золотоордынских городов являются прямыми заимствованиями из керамических центров Южного Туркменистана, в частности – из Мерва (Лунина, 1977, с. 130). Но еще в 50-е гг. XX в. другие исследователи археологических объектов Северного Хорасана подчеркнули, что по своим формам и способам орнаментации сероглиняная керамика с лощением из районов Така-Языр, Дурун и Шехр-Ислам имеют общие признаки с керамикой средневекового Хорезма (Литвинский, 1951, с. 272). Массовые находки подобной керамики из южноприаральских городищ показывают, что их изготавливали на местном производстве.

Таким образом, керамический материал Хорезма и Шехр-Ислама, Така-Языра и Даруна на примере неполивных (сероглиняных) изделий позволяет сделать вывод о значительном сходстве основных типов гончарных изделий этих регионов. Это свидетельствует о тесных культурно-экономических взаимоотношениях между северным Хорасаном и Хорезмом в этот период.

Сероглиняная и чернолощеная керамика, привезенная из южноприаральского региона, известна среди керамических материалов нижневолжских городов. Из этого региона были привезены чернолощеные миски, большие кувшины с круглыми в сечении массивными ручками. Такие кувшины вызвали в золотоордынских городах Поволжья местные подражания (Федоров-Давыдов, 2001, с. 210). Сероглиняные хорезмийские кувшины находят в Азове (Бойко, 1990, с. 5). Город Азак был самым западным пунктом Золотой Орды, до которого в заметном количестве доходила керамика и другие изделия среднеазиатского происхождения, поскольку именно здесь заканчивался караванный маршрут, шедший из Хорезма, и происходила перегрузка товаров на корабли (Бочаров, Масловский, 2015, с. 22). Наиболее многочисленной группой керамики из Средней Азии является продукция Хорезма и прежде всего его центра (Куня-Ургенч), самого значительного золотоордынского города в Средней Азии (Масловский, 2006, с. 412–416). Центры по его производству изучены не только в самом Куня-Ургенче, но и в других городских центрах золотоордынского Хорезма (Кдырниязов, 2013, с. 112). Находки из Азака впервые опубликованы А.Л. Бойко (Бойко, 1991, с. 5). Здесь в отдельных комплексах их доля может достигать 1,5%. Примерно в таком же количестве, как и в Азаке, керамика представлена в Маджаре. В очень небольшом количестве она достигала даже Аккермана (Белгорода-Днестровского). Единичные находки отмечены на поселениях Нижнего Подонья и Закубанья. Также единичны они и в Крыму (Бочаров, Масловский, 2015, с. 24). В целом следует сказать, что число среднеазиатских импортов в Азаке, Маджаре и Белгороде-Днестровском на порядок меньше, чем в городах Нижнего Поволжья. Экспортированные изделия керамики из Южно-Приаральских городищ, с одной стороны, широко применялись в повседневном быту, с другой стороны – воздействовали на развитие местных керамических производств.

В своей монографии М.-Ш. Кдырниязов приводит мнение исследователя Г.И. Матвеевой, что в этот период хорезмские изделия встречаются в культурных слоях памятников Волжской Болгарии. При исследовании Муромских и Сухореченских селищ обнаружены изделия, являющиеся подражанием хорезмийской керамике (Кдырниязов, 2015, с. 195).

Основным рычагом экономического и культурного развития региона оставался обмен товарами между городом и сельским поселением, ремесленное производство керамических изделий участвовало в товарообороте не только по удовлетворению массового спроса внутреннего рынка, но и внешнего.

Монгольское нашествие на Среднюю Азию нарушило естественное и традиционное общение народов. Несмотря на упадок после монгольского завоевания в ремесленном производстве, в том числе и в керамическом, начиная со второй половины XIII и в XIV вв. на территории Южного Приаралья и Хорезма вновь наблюдается усваивание новых технологических приемов на основе традиционного изготовления керамических изделий. Керамика этого периода, по сравнению с предшествующим, претерпевает значительные измене-

ния. Резко сокращается производство лепных сферических крышек, украшенных оттисками штампов, налепами, резьбой. Характерными формами являются кувшины с невысокой, круглой в сечении ручкой, чернолощеные плоскодонные миски, тонкостенные чернолощеные горшкообразные сосуды, кувшины цилиндрической формы, ведрообразные кувшины и др. В чернолощеных чашах на донце изображаются зооморфные сюжеты, в основном рыбы, входящие в семейство карповых. Появляются ранее неизвестные формы среди чернолощеных изделий, которые далеко распространились благодаря развитию торговых отношений по караванным путям за пределы южноприаральского региона.

Наличие торгово-ремесленных связей между Хорезмом и золотоордынскими городами Поволжья отмечено в трудах многих исследователей, и особо выделяется место хорезмийских мастеров в создании крупных керамических школ в Поволжье (Гражданкина., Ртвеладзе, 1974, с. 127, 139). Исходя из вышеописанного, можно констатировать, что южноприаральские мастера-гончары в начальный период становления золотоордынских городищ во многом способствовали развитию керамического производства.

Характерные орнаменты хорезмийской керамики встречаются в Южном Казахстане, Туркмении, Центральном Зарафшане. Такая близость ремесленного производства Южного Приаралья и соседних областей объясняется тем, что между этими районами поддерживались регулярные контакты. Подобные связи, в свою очередь, повлияли на возникновение новых типов керамики, ранее неизвестных.

Здесь надо отметить, что, не отрицая влияние других крупных керамических центров Южного Приаралья – в первую очередь Ургенча, Шемахакалы и Джампыккалы, в Миздахкане существовала своя школа гончаров. Это подтверждается изучением десятков гончарных печей и керамического цеха типа «корхона» (Кдырниязов., Саипов, 2014, с. 46–47). На городище Миздахкан выявлены ремесленные кварталы, где достаточно компактно были расположены мастерские ремесленников, рядом с которыми находились жилые помещения. Обособленные ремесленные кварталы красноречиво свидетельствуют, что в хозяйственной системе этих городищ, собственно в гончарном производстве, работали коллективы профессиональных ремесленников, выпускавших продукцию, достаточную для того, чтобы удовлетворить потребности населения в керамических изделиях не только на внутреннем рынке, но и за пределами региона.

Как уже отмечено в литературе, керамика средневекового Хорезма по форме своих изделий, типологии и способам орнаментации имеет много общего с керамикой Южного Туркменистана (Мерв, Шахр-Ислам), Мавераннахра (Афрасиаб-Самарканд, Пайкенд, Термез), Южного Казахстана (Отрар), Северного Кавказа (Маджар) и золотоордынских городов Нижнего Поволжья (Сарай). Такое явление не случайно, по данным письменных источников и по аналогиям керамических изделий, эти области находились в постоянных торгово-экономических контактах с Хорезмом (Кдырниязов, 2015, с. 240–241), который, находясь в промежуточном положении между южными и северными регионами Евразии, способствовал оживлению торговых сношений. Это приводило к тому, что гончары культурных областей Центральной Азии и Восточной Европы знакомились с продукцией керамистов других отдаленных областей. А лучшие виды привозной керамики послужили образцами для изделий местных мастеров. В целом новый анализ комплекса керамики средневекового Хорезма достоверно подтверждает высказывание Н.Н. Вактурской, что «многочисленность керамических изделий на городищах… и наличие на последних особых гончарных кварталов указывают на развитость в городах (Хорезма) гончарного ремесла» (Вактурская, 1959, с. 269).

На памятниках юго-восточного Устюрта (территория Каракалпакстана) встречаются неполивные красноглиняные лощеные изделия нижнеповолжского типа. Следует отметить появление новых типов сосудов, не характерных для керамического производства хорезмшахского времени. Они в основном имеют плотно-устойчивый красный черепок сочного цвета, лощеный орнамент. Формы подобной керамики относятся к столовой керамике, а она представлена прежде всего сосудами типа кувшинов и мисок. Формы кувшинов немного отличаются от сероглиняных кувшинов местного хорезмийского образца. Сосуды имеют ярко-выраженную остро-реберную форму и узкое плоское дно. Большинство из них имеет

уплощенно-овальную ручку, характерную для неполивных красноглиняных изделий городов Поволжья и Пруто-Днестровья золотоордынской эпохи. Некоторые исследователи связывали их с производственными центрами золотоордынских городов Поволжья или Хорезма. Красноглиняная лощеная керамика памятников Устюрта, вкупе с другими артефактами, свидетельствует о тесных связях Хорезма с восточноевропейскими городами Золотой Орды. Этому, с одной стороны, способствовало вхождение области в состав нового образования – государства Джучидов, а с другой – показывает мощную роль южноприаральского керамического производства, в которой прослеживается традиционность эпохи Великих Хорезмшахов (XII – нач. XIII вв.). Появление в Приаралье отдельных образцов иноземной столовой, парадной, даже ритуальной посуды происходило через культурные контакты местного населения с соседними регионами. Торговая дорога из Южного Приаралья в Восточную Европу шла по прямой линии через Устюрт.

Таким образом, политические события, связанные с монгольским нашествием в Среднюю Азию, нарушили естественный ход хозяйственного развития и традиционного общения народов. Несмотря на упадок после монгольского завоевания в ремесленном производстве, в том числе и в керамическом, начиная со второй половины XIII и в XIV вв. на территории Южного Приаралья вновь наблюдается осваивание новых технологических приемов на основе традиционного изготовления керамических изделий, которое в этот период претерпело значительные изменения. Резко сокращается производство лепных сферических крышек, украшенных оттисками штампов, налепами, резьбой. Характерными формами являются кувшины с невысокой, круглой в сечении ручкой, чернолощеные плоскодонные миски, тонкостенные чернолощеные горшкообразные сосуды, кувшины цилиндрической формы, ведрообразные кувшины и др. В чернолощеных чашах на донце изображаются зооморфные сюжеты, в основном рыбы. Появляются ранее неизвестные формы среди чернолощеных изделий, которые далеко распространились благодаря развитию торговых отношений по караванным путям за пределами южноприаральского региона. Наличие торгово-ремесленных связей между Хорезмом и золотоордынскими городами Поволжья отмечено в трудах многих исследователей, и особо выделяется место хорезмийских мастеров в создании крупных керамических школ в Поволжье. В этот период наблюдается переход от керамического производства к цеховой основе мануфактурного хозяйства – предпосылка начального этапа капиталистического уклада жизнедеятельности средневекового Южного Приаралья.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 274 с.

Бойко А.Л. Спасательные раскопки в г. Азове в 1989 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1990. С. 3–5.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Керамика Хорезма в западных регионах Золотой Орды // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4/2. С. 22–26.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма / Труды ХАЭЭ. Т. IV / Отв. ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьева. М.: АН СССР, 1959. С. 261–342.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма / Труды ХАЭЭ. Т. IV / Отв. ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьева. М.: АН СССР, 1959. С. 63–221.

Гражданкина Н.С. К истории керамического производства в Средней Азии (методы изготовления сероглиняной керамики в IX–XIII вв.) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Шишкин. Ташкент: Фан, 1964. С. 173–199.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. 1971. № 1. С. 127–139.

Кдырниязов М.-Ш. Хорезм в эпоху Золотой Орды // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне / Труды ГИМ. Вып. 184 / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: ГИМ, 2013. С. 110–114.

Кдырниязов М.-Ш. Культура Хорезма в XIII–XIV вв. Самарканд: Zarafshon, 2015. 320 с.

Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. Миздахкан – керамический центр Южного Приаралья в эпоху Золотой Орды // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 66–72.

Кдырниязов М.-Ш., Саипов С.Т., Искандерова А.Д. Гончарные печи средневекового Миздахкана // Вестник Каракалпакского отделения Академии Наук Республики Узбекистан. 2004. № 1–2. С. 102–105.

Кдырниязов М.-Ш., Саипов С. Т., Кдырниязов О.-Ш. Керамическое ремесло Миздахкана // Археология Узбекистана. 2014. № 2. С. 39–51.

Курочкина С.А. Отпечатки пальцы гончаров на керамике (по материалам раскопа XXXIX / 2005 г. Селитренного городища) // Средневековая археология Поволжья: материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.4 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев, Б.С. Соловьёв. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 124−132.

Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XI / Отв. ред. М.Е. Массон. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1962. С. 217–417.

Лунина С.Б. О культурных связях средневекового Мерва // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура) / Ред. Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1977. С. 126–132.

Литвинский Б.А. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. в Бахарденском районе ТССР // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. II / Под. ред. М.Е. Массона. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1951. С. 253–314.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 308–473.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) / Труды ХАЭЭ. Т. IX. М.: Наука, 1976. 256 с.

Панина Э.Л., Волков И.В. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: Археология. История. Культура. Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной / Отв. ред. Г.В. Шишкина. М.: Пересвет, 2000. С. 89–91.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: АН СССР, 1959. 398 с.

Сайпов С.Т. Керамические инструменты гончаров средневекового городища Миздахкана // История и археология Приаралья. Вып. 1 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Нукус: Билим, 2019. С. 159–164.

Сайпов С.Т. Привозные керамики в памятниках средневекового Южного Приаралья – один из показателей развития торговых отношении в Великом Шелковом пути // Материалы II- ой Международной конференции «Великий Шелковый путь – дорога мира, согласия и стабильности». Туркистан: Международный Казахско- Турецкий университет имени Х.А.Яссави, 2020. С. 231–238.

Сайпов С.Т. Неполивная керамика средневекового Хорезма. Дисс. … докт. филос (PhD) по ист. Ташкент, 2022. 207 с.

Соколовская Л.Ф. Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII – начала XIII в.) / Археология Центральной Азии: архивные материалы. Т. 1. Самарканд: МИЦАИ, 2015. 288 с.

Ташходжаев Ш.С. Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников X – начала XIII вв. // Афрасиаб. Вып. IV / Отв. ред. Ш.С. Ташходжаев. Ташкент: Фан, 1975. С. 58–68.

Туребеков М.Т. Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып. VI / Ред. Хожаниязов Г. Х., Жаксон С., Беттс А. Нукус, 2003. С. 67–79.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Шишкина Г. В. Городской квартал VIII–XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. II / Отв.ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1973. С. 117–157.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке // / ИГАИМК. Т. 8. Вып. 2-3. 1931. С. 12, 25.

Информация об авторе:

Сайпов Садулла Турсынбаевич, (PhD) доцент кафедры «Археологии», Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, (г. Нукус, Узбекистан); sadullasaipov@mail.ru

REFERENCES

Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XIII–XV vv.* (*Otrar in the XIII–XV centuries).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Boiko, A. L. 1990. In Maksimenko, V. E. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don in 1989).* 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 3–5 (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* 4 (2), 22–26 (in Russian).

Vakturskaya, N. N. 1959. In Tolstov, S. P, Vorob'eva, M. G. (eds.). *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnografi cheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 261–342 (in Russian).

Vorob'eva, M. G. 1959. In Tolstov, S. P, Vorob'eva, M. G. (eds.). *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 63–221 (in Russian).

Grazhdankina, N. S. 1964. In Shishkin, V.A. (ed.). *Istoriya material'naya kul'tury Uzbekistana (History of the material culture of Uzbekistan)* 5. Tashkent: "Fan" Publ., 173–199 (in Russian).

Grazhdankina, N. S., Rtveladze, E. V. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 127–139 (in Russian).

Kdyrniyazov, M.-Sh. 2013. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoy Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian spase)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 184. Moscow: State Historical Museum, 110–114 (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 2015. In E.V. Rtveladze (ed.). *Kul'tura Khorezma v XIII–XIV vv (Culture of Khorezm in the 13th–14th Centuries.).* Samarkand: "Zarafshon" Publ. (in Russian).

Kdyrniyazov, M.-Sh., Kdyrniyazov O.-Sh. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 4, 66–72 (in Russian).

Kdyrniyazov, M.-Sh., Saipov, S. T., Iskanderova, A. D. 2004. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan* (*Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 1–2, 102–105 (in Russian).

Kdyrniyazov, M.-Sh., Saipov, S. T., Kdyrniyazov, O.-Sh. 2014. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan),* (2), 39–51 (in Russian).

Kurochkina, S. A. 2009. In Zeleneev, Yu. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Srednevekovaya arkheologiya Povolzh'ya: materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya (Medieval archaeology of the Volga region: materials and research on the archaeology of the Volga region)* 4. Yoshkar-Ola: Mari State University, 124–132 (in Russian).

Lunina, S. B. 1962. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XI. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 217–417 (in Russian).

Lunina, S. B. 1977. In Gafurov, B. G., Litvinsky, B. A. (eds.). *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (Istoriya i kul'tura) (Central Asia in ancient times and the Middle Ages (History and culture)).* Moscow: "Nauka" Publ., 126–132 (in Russian).

Litvinsky, B. A. 1951. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* II. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 253–314 (in Russian).

Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v* 2004 *g. (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don in* 2004) 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 308–473 (in Russian).

Nerazik, E. E. 1976. *Sel'skoe zhilishhe v Khorezme (I-XIV vv.). Iz istorii zhilishha i sem'i. Arkheologo-etnograficheskie ocherki (Rural Dwelling in Khwarezm (1st–14th Centuries). The History of Home and Family. Archaeological and Ethnographic Essays).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 9. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Panina, E. L., Volkov, I. V. 2000. In Shishkina, G. V. (ed.). *Srednyaya Aziya: Arkheologiya. Istoriya. Kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti G.V. Shishkinoy (Central Asia: Archaeology. History. Culture. Proceedings of the International Conference dedicated to the 50th anniversary of G. V. Shishkina)*. Moscow: “Peresvet”, 89–91 (in Russian).

Peshhereva, E. M. 1959. *Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii (Pottery production in Central Asia).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Saipov, S. T. 2019. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Priaral'ya (History and archaeology of the Aral Sea region)* 1. Nukus: “Bilim” Publ., 159–164 (in Russian).

Saipov, S. T. 2020. In *Materialy II-oy Mezhdunarodnoy konferentsii «Velikiy Shelkovyy put' – doroga mira, soglasiya i stabil'nosti» (Materials From 2nd International Conference «The Great Silk Way - The Road Of Peace, Harmony And Stability – 2020»).* Tashkent: Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, 231–238 (in Russian).

Saipov, S. T. 2022. *Nepolivnaya keramika srednevekovogo Khorezma (Unglazed pottery of Medieval Khorezm).* Diss. of the Doctor of Historical Sciences (PhD). Tashkent (in Russian).

Sokolovskaya, L. F. 2015. *Neglazurovannaya keramika srednevekovogo Samarkanda kak faktor ekonomiki gorodskogo remesla (po materialam gorodishcha Afrasiab kontsa VII – nachala XIII v.) (Unglazed ceramics of medieval Samarkand as a factor in the economy of urban crafts (based on the materials of the Afrasiab settlement of the late VII – early XIII centuries).* Series: Arkheologiya Tsentral'noy Azii: arkhivnye materialy (*Archaeology of Central Asia:* archival materials) 1. Samarkand: “IICAS” Publ. (in Russian).

Tashkhodzhaev, Sh. S. 1975. In Tashkhodzhaev, Sh. S. (ed.). *Afrasiab (Afrasiab)* IV. Tashkent: “Fan” Publ., 58–68 (in Russian).

Turebekov, M. T. 2003. In Khozhaniyazov, G. Kh., Zhakson, S., Betts, A. (eds.). *Arkheologiya Priaral'ya (Archaeology of the Aral Sea region)* 6. Tashkent: “Fan” Publ., 67–79 (in Russian).

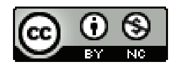
Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*: *keramika, torgovlia, byt* (*Golden Horde Cities in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life*). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Shishkina, G. V. 1973. In Guliamov, Ya. G. (ed.). *Afrasiab (Afrasiab)* II. Tashkent: “Fan” Publ., 117–157 (in Russian).

Yakubovich, A. Yu. 1931. *K voprosu o proishozhdenii remeslennoi promyshlennosti Saraia Berke (The Issues of the Origin of the Handicraft Industry of the Sarai of Berke).* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture) Vol. 8 (2–3). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

About the Author:

Sadulla Saypov T. (PhD) Associate Professor, Department of Archeology, Karakalpak State University named after Berdakh, (Nukus, Uzbekistan); sadullasaipov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.420.428

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И КОНФЕССИОАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В XIII–XIV ВВ.

©2024 г. Т.М. Достиев

Статья посвящена изучению этнокультурных и конфессиональных процессов в Азербайджане в XIII–XIV веках. Методологической основой исследования стали основные принципы исторического познания и комплексный анализ источников различного характера. Утверждение монгольского господства в Азербайджане, новая волна миграции тюркских племен на Южный Кавказ привели к дальнейшему увеличению численности тюркоязычного населения. Тюркский язык получил официальный статус и стал языком образования. Монгольские ханы проводили политику веротерпимости, покровительства и поддержки в отношении различных религий. В соперничестве различных религиозных учений Ислам одержал убедительную победу, в начале XIV века был объявлен официальной религией. В XIII–XIV веках в архитектуре и искусстве сформировался и развился новый стиль на основе слияния местных исламских традиций с восточноазиатскими элементами. Летняя резиденция ильханов в Тахт-е Сулеймане стала одним из первых центров, где наблюдается формирование нового стиля. В декоративном искусстве новый стиль особенно отчетливо прослеживается в художественной керамике. Результаты монгольского владычества не были одинаковыми для всех регионов Азербайджана. Для Южного Азербайджана монгольский период был новым этапом экономического и культурного развития, а для Аррана имел негативные последствия. Ширван занимал среднее положение между этими двумя противоположными полюсами.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Монгольская империя, монгольский период, этнокультурные процессы, Ильханиды, Хулагуиды.

ABOUT SOME ASPECTS OF ETHNIC–CULTURAL AND CONFESSIONAL PROCESSES IN AZERBAIJAN IN THE XIII–XIV CENTURIES

T.M. Dostiev

The article deals with the study of ethnic-cultural and confessional processes in Azerbaijan in the XIII–XIV centuries. The methodological basis of the study was the basic principles of historical knowledge and a comprehensive analysis of sources of different types. The establishment of Mongol rule in Azerbaijan and a new wave of migration of Turkic tribes to the South Caucasus led to a further increase in the number of Turkic-speaking population. The Turkic language received official status and became the language of education. The Mongol khans pursued a policy of religious tolerance, patronage and support for various religions. Islam won a convincing victory in the rivalry of various religious doctrines and was declared the official religion at the beginning of the XIV century. In the XIII–XIV centuries, a new style was formed and developed in architecture and art based on the fusion of local Islamic traditions with East Asian elements. The summer residence of the Ilkhanid rulers in Takht-e Soleyman became one of the first centers where the formation of a new style was observed. In the decorative arts, the new style is especially clearly visible in art pottery. The results of Mongol rule were not the same for all regions of Azerbaijan. For South Azerbaijan, the Mongol period was a new stage of economic and cultural development, but for Arran it had negative consequences. Shirvan occupied a middle position between these two opposite sites.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Mongol Empire, Mongol period, ethnic-cultural processes, Ilkhanids, Hulagids.

В результате широкомасштабных завоеваний Чингиз-хана и его преемников и создания огромной монгольской империи в первой половине XIII века, простиравшейся от Китая до Восточной Европы, возникла новая геополитическая ситуация. С захватом города Дербенд в 1239 году вся территория Азербайджана вошла в состав Великой Монголь-

ской империи и до 1256 года находилась под управлением императорского наместника. Монгольское завоевание временно приостановило поступательное развитие Азербайджана. Археологические данные свидетельствуют об определенном регрессе и стагнации в XIII веке. Жестоким разрушениям подверглось большинство городов Азербайджана. Особенно сильно пострадали города Аррана. Главный город Аррана Гянджа в течение четырех лет находился в руинах, население ее сократилось в десять раз, Бейлаган, Шамкир, Хунан, Йунан так и не оправились от монгольского нашествия.

Погребения монгольских воинов на территории Азербайджана были обнаружены в Мингячевире. В впускном погребении №8 в кургане бронзового века, раскопанного в 1946 г, вскрыты остатки погребения монгольского воина: скелет, лежавший в вытянутом положении на спине, головой на север. Могильный инвентарь состоял из наконечников стрел в берестяном колчане, дротиков небольшого размера, пары железных стремян, остатков удил (Асланов и др., 1959, с. 102). Судя по обследованию черепа, скелет принадлежал молодому мужчине. «Он брахикранный, характеризуется очень малым продольным, большим поперечным и очень малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо большое по ширине и очень высокое… Антропологический тип предположительно южносибирский» (Кириченко, 2013, с. 107).

На левом берегу р.Куры в поселении № 3 были обнаружены три погребения монгольских воинов. В могилах были обнаружены уникальные артефакты конца XIII – начала XIV века: шелковые монгольские мужские халаты, кусок шелковой ткани сандалового цвета, накладные декоративные украшения мужского пояса и фрагмент плетеной пластины непонятного назначения, обломки деревянного седла, фрагмент изделия из кожи и ткани, круглая железная пайцза диаметром 8,7 см, обломок кинжала с костяной рукояткой и сохранившимся фрагментом деревянных ножен, два железных втульчатых ромбовидных, вытянуто-ромбовидных наконечника копья, пять железных фрагментов клинкового оружия (Асланов и др., 1959; Ахмедов, 2009). Обследованный череп из погребения обнаруживает сходство с палеоантропологической серией монгольского времени из Забайкалья,

Рис. 1. Монгольский мужской халат из археологических раскопок Мингячевира (Национальный Музей истории Азербайджана)
Fig. 1. Mongol men's robe from an archaeological site in Mingechevir (National Museum of History of Azerbaijan)

а также с отдельными черепами монгольского времени с территории Казахстана (Кириченко, 2013, с. 107).

Политическое и идеологическое единство Pax Mongolica («монгольского мира») было недолгим и в результате внутридинастических конфликтов Великая Монгольская империя распадается, возникают улусы Джучи, Чагатай, Хулагу и Империя Юань (Азербайджан на Шелковом.., 2020, с. 254). В состав государства Хулагуидов вошли завоеванные территории Азербайджана, Ирана, Западного Афганистана, Ирака и Восточной Анатолии (Azərbaycan tarixi 2007, с. 19). Территория государства Хулагуидов простирались от Персидского залива до Дербента и от реки Амударьи до Египта. Азербайджан был

центральной провинцией государства Ильханов, Марага, Тебриз и Султания в разное время были его столицами.

Утверждение в Азербайджане монгольского господства, новая волна миграции тюркских племен на Южный Кавказ существенно повлияли на характер развития социально-экономических, политических и этнокультурных отношений страны. Исходя из сообщения письменных источников и данных топонимики более 20 племен тюрко-монгольского происхождения, в том числе сулдуз-чобани, джалаири, чигатай, сукаит, джорат, будат, ойрат, татар, долан, онгут и др. племена пришли и поселились в Азербайджане в этот период (Piriyev, 2003, s. 263-264). Среди них преобладали тюркские племена. По мнению М.Велиева (Бахарлы), в XIII веке монгольские ханы поселили в Азербайджане 200 тысяч тюрков (Vəliyev, 1993, s.45; Piriyev, 2003, s. 264). Этот процесс привел к дальнейшему увеличению численности тюркоязычного населения. Считается, что в XIV веке тюркские племена были многочисленным этносом на территории Хулагуидского государства и основным этносом в Азербайджане.Тазкира шейха Сафи подтверждает, что тюрки доминировали в полиэтническом составе Азербайджана в XIV веке (Umudlu, 2023, s. 211-215). Из упомянутого источника явствует, что наряду с тюрками в Азербайджане жили моголы, арабы, иранцы (персоязычные), хатаи (уйгуры), индусы, евреи, гилянцы, талыши, азери, курды, грузины и другие (Şeyx, 2006, с. 53).

Представители тюркских племен принимали активное участие в управлении государством Хулагуидов, особенно решающую позицию в государственном управлении занимали уйгуры, а также и представители племени чобани (Piriyev, 2003, с. 267). Джалаиры, принимавшие активное участие в управлении государства Хулагуидов, активизировались со второй четверти XIV века и создали Джалаирское государство, в 1359 году к этому государству присоединился Азербайджан (Piriyev, 2003, с. 101).

Из письменных источников явствуют, что в школах того времени изучают тюркский, арабский, монгольский и персидский языки (Şeyx, 2006, с. 53). Очевидно, тюркский язык уже получил официальный статус и стал языком образования. По мнению Мухаммеда Нахичевани, важные документы в государстве Ильханов составлялись на трех языках (арабском, персидском и тюркском), доставлялись каждому народу на его языке, в том числе тюркам - на тюркском (Azərbaycan tarixi, 2007, с. 20). Исследователи отмечают, что основные литературные языки тюркского ареала претерпели серьезную трансформацию и продолжили свое дальнейшее развитие, начиная с монгольского периода, наряду с чагатайским и османским диалектами, азербайджанский литературный язык распространился на обширной территории от Хорасана до Анатолии и от Кавказа до Багдада (Köprülü, 1979, s. 119; Мустафаев, 2017, с. 340).

Считается, что новшеством в монетном деле в раннемонгольский период было применение уйгурской графики параллельно с арабской (Diler: 2006; Раджабли: 2012, с.160; Азербайджана на Шелковом… 2020, с. 306). На раннемонгольских монетах, чеканенных в городах Нахчыван, Гянджа, Тебриз в 642 г.х =1245/6 г., имеется изображение всадника - охотника и надпись на уйгурском языке: “Бек Великого Монгольского Улуса” (Rəcəbli, 2012 p. 160). Такие двуязычные монеты с символом мусульманской веры выпускались также при ильханах до реформы Газан хана. Так, например на лицевой стороне дирхама, чеканенного в Тебризе в 678 г.х. (1279/1280), выбита пятистрочная уйгурская надпись: «Хагану / неребер/ Абага-ун/ делеткегулук/ сен» («Чеканен Абага от имени каана»). На оборотной стороне в центре выбита трехстрочная арабская надпись: «Нет бога, кроме / Аллаха, Мухаммад / посланник Аллаха». В сегментах сверху влево: «Чеканен в Тебризе в 678 году» (Сейфеддини: 1981, с. 194).

В этот период Южный Кавказ отличается не только полиэтническим составом, но и конфессиональной пестротой. Влияние религиозной принадлежности на общественное сознание неоспоримо, для Средневековья характерно объединение общин, говорящих на разных языках и имеющих разную этническую принадлежность на основе священной книги и религиозных верований (Anderson, 1991, p. 13; Мустафаев, 2017, с. 4).

В середине XIII века монголы превращались из воинов-кочевников в правителей огромной империи, вступали в тесный контакт с другими религиями и системами убеждений различных народов, которыми они правили, включая буддизм, конфуцианство,

христианство и ислам. Ранние монгольские правители, а также ранние ильханы продолжили традиции своих предков, они отличались толерантностью, проводили политику веротерпимости, покровительства и поддержки в отношении различных религий в огромной полиэтничной империи (“The Legacy…, 2002). Но, ближайший круг составляли буддисты. Хулагу и особенно Аргун покровительствовали буддизму, они возводили буддийские храмы. В Аладаге, в летней ставке, в 1261-1265 гг. был построен буддийский храм и монастырь. Киракос Гандзакеци отмечает, что «И еще построил [Хулагу] обиталища для огромных идолов, собрав там всяких мастеров: и по камню, и по дереву, и художников. Есть [у них] племя одно, называемое *тоинами*. Эти [тонны] — волхвы и колдуны…. Они обманывали его (Хулагу), обещая ему бессмертие, и он жил, двигался и на коня садился под их диктовку, целиком отдав себя на их волю. И много раз на дню кланялся и целовал землю перед их вождем, питался [пищей], освященной в кумирнях, и возвеличивал его более всех остальных. И поэтому он собирался построить храм их идолов особенно великолепным» (Киракос Гандзакеци, 1976, с. 65). Ф. Рашид-ад-дин подчёркивает, что «Аргун-хан очень верил бахшиям и их правилам и постоянно оказывал этим людям покровительство и поддержку.» (Рашид-ад-дин, 1957, с. 128).

Христиане также пользовались поддержкой и покровительством Ильханов до реформы Газан-хана (Касумова, 2010, с. 182). Особенно после поражения монголов от мамлюков позиция христиан в этом регионе еще больше возросла и ильханы христианам доверяли больше нежели мусульманам - тюркам и иранцам [Abdülkadir Yuvalı, 1994]. Известно, что жены некоторых правителей из династии Хулагуидов были христианками. Так, одна из жен Хулагу-хана была христианкой из племени Докуз-хатун-кераит, а другая его жена, Деспина-хатун, была дочерью византийского императора. Мать Кейхату-хана, жена Абага-хана также была христианкой. Одна из жен Аргун-хана – Урук-хатун была христианкой (Касумова, 2005. 102-103).

XIII веке произошла новая волна распространения христианства в Азербайджане благодаря деятельности христианской церкви, воспользовавшихся высокой религиозной терпимостью монгольских правителей. Сведения о религиозной и политической деятельности монахов-несторианцев-уйгуров (или онгутов) из Китая в Азербайджане имеются в труде «История Мара Ябалахи III и Раббана Саума». В XIII веке несторианство становится популярным среди монголо-тюркских племен, в частности среди уйгур, кераит, онгут, тангут, кара-китаи и много других. В особенности следует подчеркнуть уйгуров. В это время прослеживается усиление позиции несторианства в Южном Азербайджане. В городе Марага в XIII в. была резиденция несторианского католикоса Мар Ябалахи III, уйгура, уроженца китайского города Ханбалык (Касумова, 2010, с. 182). Сириец-несторианин Симеон Раббан-ата получил от монголов в 1241 г. охранную грамоту и разрешение строить церкви в Тебризе и Нахичевани. В числе епископства этого времени можно отметить, Марагу, Тебриз, Салмас, Ушну, Урмию. Несторианская церковь в Барде просуществовала до XIV века (Касумова, 2010, с. 179). При Абага хане все чиновники ильханов были либо христианами, либо евреями (Касумова,205, с. 100-101)

Аргун-хан также был покровителем христиан и евреев. Он отправил в Европу пять посольских делегаций с предложением военного союза против мамлюков. Раббан Саума, который возглавлял вторую из пяти отправленных делегаций посольства морским путем, отправился в Неаполь; Он побывал в Риме, Генуе, Париже и Бордо, имел дипломатические контакты с Папой Римским и королями Франции и Англии, а затем завершил свою миссию и летом 1288 года благополучно вернулся в Тебриз (Kirişoğlu, Ekici, 2022). Письмо Аргун-хана папе Николаю IV, содержащее его ответ на предложение папы принять христианство, хранится в секретных архивах Ватикана. Аргун-хан заявляет, что среди его предков есть христиане, он не будет мешать монголам принять христианство, но и сам этого делать не будет (Касумова, 2005, с. 109).

Нумизматические данные, в частности, двуязычные монеты с христианским символом веры и изображением креста чеканенные в монетном дворе Тифлиса при Абака-хане и Аргун-хане, свидетельствуют о благосклонном отношении к христианам (Азербайджан на Шелковом..., 2020, с. 312).

Албанская церковь, в свою очередь, воспользовавшаяся новой реалией геополитической обстановки и толерантностью монгольских ханов старалась укрепить позиции христианства среди населения Гарабага и Зенгезура. В этот период прослеживается возрождение албанского Арцаха-Хаченского княжества во главе с князем Гасан-Джалалом из царского Михранидского рода в указанном регионе. Хасан Джалал пытается использовать монголов для безопасности и развития Арцаха-Хаченского княжества, обращаясь ко двору Баты-хана, а затем и Менгу-каана в Монголии. Чтобы завоевать доверие монголов, он устанавливает родственные связи с монголами, выдает трех своих дочерей замуж за монгольских военачальников (Piriyev, 2003, с. 101). При Гасан Джалале восстанавливается авторитет албанской церкви, расширяется строительство христианских культовых сооружений: храмов и монастырей. Строительство Гандзасарского собора, выдающегося албанского храма было завершено в 1238 году, который до 1826 года являлся кафедрой албанского каталикоса. Многие албанские религиозные деятели из рода Гасана Джалала захоронены на территории этого храмового комплекса (Орбели, 1963. С. 151). Восстановительные работы албанского Амарасского монастыря были начаты в 1241 году и завершены в 1248 (Алышов, 2018, с. 268). На территории Тертерского района, у подножия Муровдага, был построен монастырь Святого Елисея в 1248 г. (Алышов, 2018, с. 236).

В Монгольской империи, отличавшейся полиэтническим и поликонфессиональным характером, Ислам первоначально считался одним из равноправных религиозных учений. Но в XIV веке он одержал убедительную победу в этом «соперничестве» разных религий. Ислам был объявлен официальной религией почти во всех монгольских государствах (кроме империи Юань) (Азербайджан на Шелковом, 2020, с. 313). Газан хан в 17 июня 1295 г., в пятницу принял ислам и взял имя «Махмуд». Ислам стал официальной религией монголов и Ильханидов. Вместе с Газан ханом ислам приняли около 100 000 монгольских воинов (Ebru Kula, 2021, s. 161).

В.В.Бартольд охарактеризовал Газан хана, как крупного, блестящего государственного деятеля (Бартольд, 1973, с. 287). Реформы Газан-хана, направленные на укрепление центральной ханской власти, повышение уровня городской жизни, подъема ремесленного производства и торговли, создали благоприятные условия для восстановления и развития городского хозяйства и культуры. Столичный город хулагуидов – Тебриз, находясь в благоприятных условиях, бурно развивается и достигает огромных размеров. В это время территория города составляла 3600 га (Azərbaycan arxeologiyasi, 2008, s. 330: Гейдаров, 1982, с. 76). Тебриз стал местом концентрации производственного, культурного и интеллектуального потенциала, важным очагом прогресса на мусульманском Востоке.

Газан-хан основал и новые города. Одним из таких городов был Махмудабад, расположенный на территории Мугани, на международной торговой трассе. Археологические изыскания на городище Гырх Чираг позволяют локализовать местоположение этого города в Сальянском районе, в 8-10 км к северу от современного районного центра. Археологические исследования городища 1988 и 2001 гг. показали, что город Махмудабад возник в конце XIII в., а расцвет его приходится на XIV-XV вв. (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 324-325). Следует отметить, что «Строительство новых городов в быстрые исторические сроки … характерно для степных и некоторых оседлых районов монгольских государств XIV-XV вв.» (Федоров-Давыдов, 1983, с. 217).

Монголы принесли с собой на Ближний Восток элементы уйгурской и китайской культуры. Началось слияние местных традиций с восточноазиатскими традициями в исламской культуре, формирование нового стиля. Первая строительная деятельность монгольских правителей в Тахт-е Сулеймане проявилась уже в 70-х годах XIII века. Летняя резиденция ильханов стала одним из первых центров, где наблюдается формирование нового стиля.

Синтез местных и восточноазиатских традиций, новый стиль в искусстве отчетливо прослеживается в художественной керамике. Широко распространились китайские орнаментальные мотивы и сюжеты в художественном оформлении глазурованной керамики. Встречаются образцы керамики, изготовленные китайскими мастерами в Азербайджане или же имитации китайской керамики местными мастерами, о чем свидетельствуют обломок чаши, обнаруженный при археологических раскопках квартала

Рис. 2. Костяные детали поясного набора из археологических раскопок Мингячевира (Национальный Музей истории Азербайджана)
Fig. 2. Bone parts of a belt set from an archaeological site in Mingechevir (National Museum of History of Azerbaijan)

Раб'-и Рашиди в Тебризе. Донная часть чаши декорирована геометрическими элементами и иероглифами, нанесенными черной росписью под темно-бирюзовой глазурью (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 430; Азербайджан на Шелковом, 2020, с. 298-300). В художественном оформлении глазурованной керамики широко распространяется элемент растительного орнамента в виде цветка лотоса, изображение которого весьма характерной для буддийского искусства. Влияние китайского фарфора привело к подражаниям его фактуре и расцветке, имитации китайских декоративных мотивов. Особенно это проявляется в глазурованной керамике с кобальтовыми узорами. Под влиянием китайского фарфора типа «цинхуа» появились местные фаянсовые изделия – керамика с подглазурным кобальтовым узором на белом фоне (Azərbaycan arxeologiyası 2008; Азербайджан на Шелковом 2020).

Появление новых сюжетов и композиций восточноазиатского дальневосточного происхождения проявляется в этот период и в торевтике, и в художественных костяных изделиях. В этой связи заслуживают внимания костяные детали поясного набора и серебряная чаша из раскопок Мингячевира (Азербайджан на Шелковом, 2020, с.303-304).

Текстиль Азербайджана монгольского периода перенял декоративные стили и методы китайского текстиля. В тех немногих сохранившихся образцах текстиля в различном соотношении сочетаются китайские и исламские мотивы. (Азербайджан на Шелковом, 2020, с.307-308)

В целом, монгольский период ознаменовался притоком тюркско-монгольских племен в Азербайджан, увеличением тюркского населения в стране, тюркский язык получил официальный статус. Ислам имевший равный статус с другими религиозными учениями в раннемонгольском периоде, при Газан-хане стал официальной религией государства Ильханидов.

Результаты монгольского завоевания и правления не были одинаковыми для всех регионов Азербайджана. В Южном Азербайджане, ставшим метрополией государства Хулагуидов, негативные последствия монгольских походов были быстро ликвидированы, расширилась градостроительная деятельность, высокими темпами развивались столичные города: Марага, Тебриз и Султания. Города Аррана не смогли преодолеть разрушительные последствия монгольских походов. Бейлеган, Шамкир и др. города Аррана пришли в упадок. Попытки восстановить городскую жизнь в Шамкире и Бейлагане не увенчались успехом. Город Гянджа не смог вновь подняться до уровня сельджукской эпохи. Города Ширвана занимали среднее положение между этими двумя противоположными полюсами.

ЛИТЕРАТУРА

Азербайджан на Шелковом пути / Ред. Ш.М. Мустафаев. Баку: Təhsil, 2020. 384 с.

Алышов Н.А. Христианство в Азербайджане. XI-XXI вв. // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство / Научн. ред. Аманбаева Б. и др. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 228–272.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку: АН АзербССР, 1959. 190 с.

Ахмедов С. Погребения монгольских воинов из Мингечаура и защитный вал Абага-хана как неизученный аспект истории войн Золотой Орды и государства Ильханов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2 / Отв. И.М. Миргалаев. Казань: Фэн, 2009. С. 162–169.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 725 с.

Гейдаров М.Х. Города и городское ремесло Азербайджана в XIII-XVII вв. Баку: Элм, 1982. 280 с.

Касумова С.Ю. Христианство в Азербайджане в раннем средневековье. Баку: Master print & publ., 2005. 146 с.

Касумова С.Ю. О христианстве в средневековом Азербайджане // Кавказ & глобализация. 2010. № 3–4. С. 176–183.

Киракос Гандзакеци. История Армении. М.: Наука, 1976. 356 с.

Кириченко Д.А. Воины Золотой Орды в Азербайджане по данным антропологии // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 106–111.

Мустафаев Ш.М. От сельджуков к османам: этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI-XV вв. М.: ИВ РАН; МИЦАИ, 2017. 440 с.

Орбели И.А. Гасан Джалал, князь Хаченский // Избранные сочинения. Т. 1. Ереван: АН Армянской ССР, 1963. С. 146–175.

Рашид-ад-дин Ф. Джами - ат-таварих (Сборник летописей) . Т. III. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1957. 361 с.

Сейфеддини М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII-XV вв. Кн. II. Баку: Элм, 1981. 244 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Отв. ред. Б.А. Тулепбаева. Алма-Ата: Наука АН КазССР, 1983. С. 215–220.

Abdülkadir Yuvalı. İlhanlı Hükümdarlarının Dinlere Bakış Ve Bu Konudaki Uygulama // XII. Türk Tarih Kongresi, II, Ankara 1994, s.550–553.

Allsen Th.T. Changing Forms of Legitimation in Mongol Iran // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles, 1991. P. 226 -227

Anderson B. İmagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London – New York: Verso, 1991. 224 p.

Azərbaycan arxeologiyası. Altı cilddə. VI cild.(Məsul red. Tarix Dostiyev). Bakı: “Şərq-Qərb”, 2008. 632 s.

Azərbaycan tarixi. Yeddi cilddə. III cild. Bakı: “Elm”, 2007. 592 s.

Diler, Ö. Ilkhans Coinage of the Persian Mongols. İstanbul: Turkuaz Kitapcilik Yayincilik Limited Sirketi, *2006.* 655 s.

Ebru Kula. Büyük hanlar döneminde moğollar arasında İslâmiyet. Yüksek lisans tezi. Konya, 2021. 196 s.

Kirişoğlu A., Ekici K. Avrupa’da Bir İlhanlı Elçisi: Rabban Bar Sauma, Marko Polo’nun İzinde Doğu’dan Batı’ya Seyahat // Tarih ve Gelecek Dergisi,2022, cild 8, № 2 . S. 323–381

Köprülü M.F. Azeri // İslam Ansiklopedisi. Cild 2. İstanbul: Milli Egitim Basımevi, 1979, s. 118-151.

Piriyev V.Z. Azərbaycan XIII-XIV əsrlərdə. Bakı: “Nurlan”, 2003. 458 s.

Rəcəbli Ə.M. Azərbaycan sikkələri / Coins of Azerbaijan. Baku: “Xalk Bank”, 2012. 360 p.

Şeyx Səfi təzkirəsi (“Səfvətus-Səfa”nın XVI əst tərcüməsi). Bakı: Nurlan, 2006. 932 s.

The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353", edited by Linda Komaroff and Stefano Carboni. New York, London and New Haven: Metropolitan Museum of Art and Yale University Press, 2002. 322 p.

Umudlu İ. Elxanilər dönəmində Azərbaycanda etnik identiklik (“Şeyx Səfi təzkirəsi” əsasında) // “Heydər Əliyev – 100: Azərbaycanda Arxeologiya, Etnoqrafiya və Antropologiya elmlərinin prioritet məsələləri” mövzusunda respublika elmi konfransının məqalələr toplusu. Bakı, 2023, s. 211–215.

Vəliyev (Baharlı) M.H. Azərbaycan. Bakı: Azərnəşr, 1993. 192 s.

Информация об авторе:

Достиев Тарих Мейрут оглы, доктор исторических наук, заведущий кафедрой, Бакинский Государственный Университет (г. Баку, Азербайджан); dostiyev.tarikh@mail.ru

REFERENCES

Mustafayev Sh.M. (ed.). 2020. *Azerbaidzhan na Shelkovom puti (Azerbaijan on the Silk Road).* Baku: “Təhsil” Publ. (in Russian).

Alyshov, N. A. 2018. In Amanbaeva, A. et all. (eds.) *Religii Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana (Religions of Central Asia and Azerbaijan).* Vol. 4. Christianity. Samarkand: IICAS, 228–272 (in Russian).

Aslanov, G. M., Vaidov, R. M., Ione, G. I. 1959. *Drevniy Mingechaur (Ancient Mingechaur).* Baku: Academy of Science of Azerbaijan SSR (in Russian).

Akhmedov, S. 2009. In Mirgalaeev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 2. Kazan: "Fen" Publ., 162–169 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1973. *Sochineniia (Works)* 4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Geidarov, M. Kh. 1982. *Goroda i gorodskoe remeslo Azerbaydzhana v XIII-XVII vv. (Cities and urban crafts of Azerbaijan in the XIII–XVII centuries).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Kasumova, S. Yu. 2005. *Khristianstvo v Azerbaydzhane v rannem srednevekov'e (Christianity in Azerbaijan in the Early Middle Ages).* Baku: Master print & publ. (in Russian).

Kasumova, S. Yu. 2010. In *Kavkaz & Globalizatsiya (Caucasus & globalization)* (3–4), 176–183 (in Russian).

Kirakos Gandzaketsi. 1976. *Istoriya Armenii (History of Armenia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirichenko, D. A. 2013. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 6, 106–111 (in Russian).

Mustafaev, Sh. M. 2017 *Ot sel'dzhukov k osmanam: etnopoliticheskie protsessy v tyurkskoy srede Maloy Azii v XI-XV vv. (From the Seljuks to the Ottomans. Ethnic-political processes in the Turkic milieu of Asia Minor in the XI–XV centuries).* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, IICAS (in Russian).

Orbeli, I. A. 1963. In *Izbrannye sochineniia* (*Selected Works)* Vol. 1. Erevan: Academy of Science of ARM. SSR Publ., 146–175 (in Russian).

Rashid-ad-Din. 1957. *Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)*. Vol. 3. Baku: Academy of Science of Azerbaijan SSR Publ. (in Russian).

Seifeddini, M. A. 1981. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashenie v Azerbaidzhane XII-XV vv. Kn. II. (Coinage and money in circulation in Azerbaijan of the XII-XV centuries. Book II.).* Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1983. In Tulepbaeva, B. A. (ed.). *Srednevekovaia gorodskaia kul'tura Kazakhastana i Srednei Azii (Medieval Urban Culture of Kazakhstan and Central Asia)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 215–220 (in Russian).

Abdulkadir Yuvalı. 1994. In *XII. Türk Tarih Kongresi (XIIth Turkish Congress of History).* II, Ankara, 545–553. (in Turkish).

Allsen, Th.T. 1991. In *Rulers from the Steppe*. State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles, 226–227.

Anderson, B. 1991. *İmagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso.

Dostiyev, T. M. (ed.). 2008. *Azərbaycan arxeologiyası (Azerbaijan Archaeology)*. In six volumes. Vol. 6. Bakı: "Şərq-Qərb", Publ. (in Azerbaijani).

Efendiyev, O. (ed.). 2007. *Azərbaycan tarixi (History of Azerbaijan).* In seven volumes. Vol. 3. Baku: "Elm" Publ. (in Azerbaijani).

Diler, Ö. 2006. *Ilkhans Coinage of the Persian Mongols*. İstanbul: Turkuaz Kitapcilik Publishing Limited Company (in Turkish).

Ebru Kula. 2021. *Büyük hanlar döneminde moğollar arasında İslâmiyet (Islam among the Mongols during the period of the Great Khans).* Master's thesis. Konya (in Turkish).

Kirişoğlu A., Ekici K. 2022. In *Tarih ve Gelecek Dergisi (History and Future magazine)* Vol. 8, No. 2, 323–381 (in Turkish).

Köprülü M.F. 1979. In *Encyclopedia of Islam*. Vol. 2. Istanbul: National Education Press, 118–151 (in Turkish).

Piriyev, V. Z. 2003. *Azərbaycan XIII–XIV əsrlərdə (Azerbaijan in the XIII–XIV centuries).* Baku: "Nurlan" Publ. (in Azeri).

Rejebli, A. M. 2012. *Coins of Azerbaijan*. Baku: "Xalk Bank".

Şeyx 2006. *Şeyx Səfi təzkirəsi (Tezkirah of Sheikh Safi).* Baku: "Nurlan" Publ. (in Azerbaijani).

Komaroff, Linda and Stefano Carboni, (ed.). 2002. *The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353.* New York, London and New Haven: Metropolitan Museum of Art and Yale University Press.

Umudlu, İ. 2023. In Seyidov, A. G. (ed.). *Collection of articles of the Republican Scientific Conference on the subject "Heydər Əliyev – 100: Prioritet issues of Archeology, Ethnography and Anthropology in Azerbaijan"*. Baku: Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology NASA, 211–215. (in Azerbaijani).

Valiyev (Baharlı), M. H. 1993. *Azerbaijan*. Baku: Azerbaijan State Publ. (in Azerbaijani).

About the Author:

Dostiev Tarikh Meyrut, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Baku State University. Academician Zahid Khalilova 23 Baku, AZ 1148, AZ-1073/1, Republic of Azerbaijan; dostiyev.tarikh@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

УДК 433.902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.429.435

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИКИ КЫРГЫЗСТАНА

©2024 г. Т.К. Абдиев, К.Ш. Табалдыев

Древнетюркское руническое письмо представляет собой результат взаимного влияния и обогащения тюркской и согдийской культур. Это подтверждается местами обнаружения и содержанием древнетюркских рунических памятников в Кыргызстане. Эти письменные памятники, найденные на различных объектах как кочевыми, так и оседлыми народами, свидетельствуют об их разнообразных взаимосвязях. В качестве примера можно привести два памятника, обнаруженные в последнее время. Первый из них – Каракольская надпись, найденная в 2012 году недалеко от города Каракол. Она отличается стилем написания и содержанием, что позволяет предположить ее религиозный характер и связь с несторианскими миссионерами. Она также соотносится с наскальной надписью Ак-Юс (Е-38) и хорошо вписывается в исторический контекст. Другой памятник, обнаруженный авторами в 2018 году в селе Саргата Токтогульского района, указывает на то, что руническое письмо использовалось также и оседлым населением данного региона. Надпись была сделана на венчике хума и обозначает способ производства хума. Это подобно товарным знакам, иногда оставляемым гончарными мастерами на своих керамических изделиях. Таким образом, древнетюркские рунические памятники в Кыргызстане являются доказательством взаимодействия и влияния различных культур. Исследование мест обнаружения и содержания этих памятников помогает лучше понять исторические связи и развитие региона.

Ключевые слова: археология, древнетюркские рунические памятники Кыргызстана, диалог культур.

DIALOGUE OF CULTURES ON THE EXAMPLE OF THE ANCIENT TURKIC RUNIC OF KYRGYZSTAN

T.K. Abdiev, K.Sh. Tabaldyev

The ancient Turkic runic writing was the result of cross-cultural influence and enrichment between the Turkic and Sogdian cultures. Evidence can be found in the locations, where ancient Turkic runic monuments in Kyrgyzstan have been discovered and preserved. These written monuments, found on various sites by both nomadic and sedentary peoples, testify to their diverse interrelationships. As an example, we have mentioned two recently discovered monuments. The first one is the Karakol inscription, which was found in 2012 near the city of Karakol. It stands out from other monuments in terms of its writing style and content, suggesting a religious nature and linking it to Nestorian missionaries. It also shares similarities with the rock inscription Ak-Yus (E-38) and fits well within the historical context. Another monument, discovered by the authors in 2018 in the village of Sargata of the Toktogul district, indicates that the runic inscription was also used by the settled population of this region. The inscription was made on the rim of a hum and signifies the method of producing hum. This is similar to the trademarks sometimes left by potters on their ceramic products. Thus, the ancient Turkic runic monuments in Kyrgyzstan provide evidence of interaction and influence between different cultures. Studying the places of discovery and preservation of these monuments helps to better understand the historical relations and regional development.

Keywords: archaeology, ancient Turkic runic monuments of Kyrgyzstan, dialogue of cultures.

Территория современного Кыргызстана наряду с Монголией, бассейном Енисея, Хакасией, Алтаем и Восточным Туркестаном считается одним из основных ареалов распространения древнетюркской руники.

По классификации С. Г. Кляшторного, рунические памятники Кыргызстана по региональному признаку относятся к среднеазиатской группе. А по историко-политическому (этническому) признаку – памятникам Западнотюркского каганата (Кляшторный, 2003, с. 364-366). По мнению ученого, «жанровая принадлежность весьма разнообразно и позволяет выделить шесть групп надписей» (Кляш-

Рис. 1. Надпись из Талды-Булак
Fig. 1. Taldy-Bulak inscription

торный, 2003, с. 367). Это подтверждается и руническими памятниками Кыргызстана.

Письменные памятники на территории Кыргызстана впервые были обнаружены в Таласской долине, и этот процесс, начавшийся в 1896 году, продолжается до сих пор. Например, в селе Талды-Булак Таласской долины в 2020 году была найдена балбал с надписью на шее (рис. 1) (Абдиев, Табалдиев, 2020, с. 8-14).

В своей работе, опубликованной в 2014 году, Р. Алимов отметил, что с 1896 по 2008 год в Кыргызстане было найдено 45 рунических памятников, из них 18 – в Таласе, 3 – на Иссык-Куле, а остальные 24 – в Кочкоре (Алимов, 2014, с.14). Однако, в данной работе не были учтены письменные памятники, найденные на юге Кыргызстана. С учетом этих и письменных памятников, обнаруженных в последнее время, количество рунических письменных памятников в Кыргызстане, несомненно, значительно увеличится.

По нашим подсчетам, количество письменных памятников, обнаруженных на территории Кыргызстана, сегодня приближается к 60. Из них 27 находятся в Таласской долине, 5 – на Иссык-Куле и 24 – в Кочкорской долине. Кроме того, имеются надписи на керамике и камне, найденные в Баткене, Алае, Токтогуле и Узгене.

Поиски памятников рунической письменности продолжается. Недавно, в восточной части Кыргызстана, у притока реки Сары-Жаз, на правом борту реки Кайынды найдена еще одна надпись. Текст однострочный – «Тенри» (рис. 2). Во время поиска встречались слабозаметные прочеркнутые, вырезанные отдельные знаки древнетюркской руники.

В целом, сейчас определены зоны скопления групп надписей в Кыргызстане. Мест обнаружения можно связывать с различными географическими особенностями. Например, предгорными зонами горных хребтов, верхними течениями рек Талас, Чу (Кочкорские надписи), предгорными зонами Иссык-Кульской котловины.

Традиционная оценка указывает на то, что все рунические надписи были обнаружены в зонах обитания кочевых тюркских племен. Однако, более тщательное изучение мест обнаружения показывает, что это не так. Например, в местности Айрытам-Ой в Таласе были найдены таласские надписи на валунах, находящихся в 4 км от предгорной зоны, где обитали скотоводы. Тем не менее, на этой территории сохраняются следы средневековых крепостей и других построек, свидетельствующих о наличии городской культуры.

Надпись, найденная в городище Кой-Сары в восточном Прииссыккулье, по нашей версии, связана с историческим городом, называемым "Верхний Барсхан". Эта надпись написана на рунике и арабской вязи и свидетельствует о периоде "трансформации письменной тради-

1

2

Рис. 2. Надпись из Сары-Жаза
Fig. 2. Sary-Jaz inscription

ции" начальных этапов формирования государства Караханидов.

Наконец, все надписи, ранее опубликованные как ферганские, были обнаружены на территории многослойного городища Шоро-Башат в 5 км к северу от города Узген в Кыргызстане. Эти неопровержимые свидетельства указывают на распространенность древнетюркской письменной традиции в среде, где параллельно развивалась как городская культура, так и культура сезонных скотоводов и земледельцев.

Таким образом, мы пришли к выводу о распространенности древнетюркской письменной традиции в различных средах в Средней Азии, что свидетельствует о ее важности и значимости для изучения истории этого региона.

На нижних слоях городищ часто обнаруживаются горизонты раннего средневековья. В этот период существовали государственные образования Западно-Тюркского, Тюргешского, Карлукского каганатов. Поэтому очевиден факт обнаружения новых свидетельств на археологических горизонтах раннего средневековья Кыргызстана.

Первоначально, таласские надписи демонстрировали намогильных надписей. Они образно названы «кладбищенской поэзией». Теперь кочкорские надписи показывают другой стиль поминальных надписей. Последние сопровождались массивными наскальными композициями, родовыми тамгами.

Обнаруженные на археологических слоях надписи открывают новые разновидные по содержанию текстов. Согласно переводу Р. Алимова, надпись из Кой-Сары (Верхний Барсхан) впервые демонстрирует призыв (лозунг): м(е)нку (э)л болзун «пусть наше государство будет вечным!) (Алимов, 2014, с. 154).

А слово «Тенгри» из Сары-Жаза (Кайынды) несомненно, связан с главной, священной верой тюрков (рис. 2). Возможно, современ-

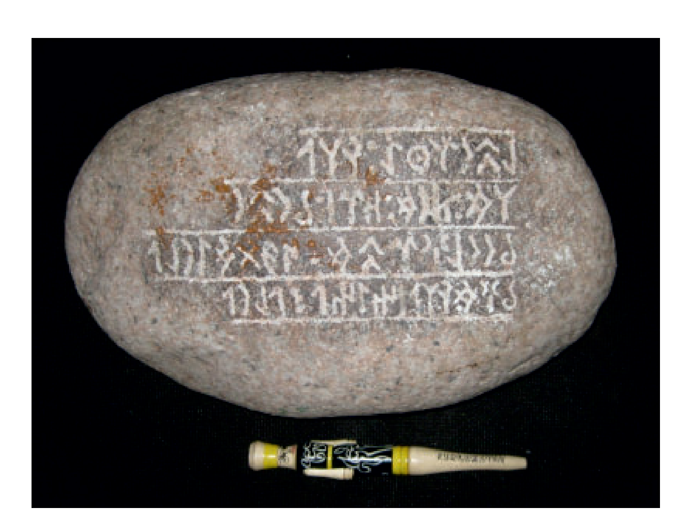

Рис. 3. Каракольская надпись
Fig. 3. Karakol inscription

ное название пика Хан-Тенгри расположенного в 90 км к востоку унаследовано с тех времен.

12 надписей Таласской долины были написаны на валунах. Кроме того, один вырезан на деревянной палке, один на каменной маске, один на балбале, а остальные высечены на скалах. Все надписи в Кочкоре высечены на камнях. А четыре надписи на Иссык-Куле находятся на камнях, а одна – на небольшом валуне.

Как видно, письменные памятники, найденные в Таласской долине, различаются по местам их написания. Памятники, обнаруженные в долине Кочкора в более позднее время, имеют общий стиль письма, тогда как памятники, найденные в южной части Кыргызстана, чаще всего высечены на поверхности керамики.

Рунические письменные памятники Кыргызстана различны по содержанию и жанру, и отражают разнообразные экономические, политические, культурные и религиозные отношения кочевых и оседлых народов, живших в эпоху Западно-Тюркского каганата, а также их взгляды на мир. Надписи, найденные в последнее время, подтверждают вышеизложенное.

В апреле 2012 года преподаватель Иссык-Кульского университета Акыл Исмаев в Каракольском ущелье, недалеко от города Каракол Иссык-Кульской области Кыргызстана, обнаружил небольшой камень (длиной около 35 см, шириной 25 см) с рунической надписью и сдал его в исторический музей г. Каракол. По словам Исмаева, данное место использовалось издавна как овечий загон, очень удобное для скотоводства. Жители города Каракол в последние годы брали отсюда навоз для удобрения, а затем стали брать чернозем. Именно в одной из таких ям был обнаружен данный памятник (Абдиев, 2015, с. 3-10).

Как видно из фотографии (рис. 3), буквы довольно четко написаны и хорошо сохранились. Возможно, это объясняется тем, что памятник долгое время лежал под землей. Даже строки надписи выделены линией, и большинство слов и словосочетаний отделены друг от друга особым знаком – двоеточием. Как известно, не все рунические надписи имеют такие особенности, и они характерны только для классических образцов древнетюркской руники. Данный памятник отличается от других рунических памятников, обнаруженных на территории современного Кыргызстана (например, Таласские, Кочкорские, Иссык-Кульские надписи) не только стилем, но и содержанием. Таким образом, можно предположить, что данная надпись была выполнена профессионалом, который, вероятно, был знаком с другими памятниками древнетюркской руники.

С первой попытки чтения стало ясно, что текст почти совпадает наскальной надписью Ак-Юс (Е-38) и здесь мы хотим поделиться некоторыми соображениями относительно чтения и содержания текста. Следует отметить, что тексты надписи, приведенные в работах С.Е.Малова и Д.Д.Васильева отличаются. Например, в варианте С.Е.Малова имеется 52 букв (6 из них видимо, добавлено, поскольку они в скобках), а в тексте Д.Д.Васильева –

Рис. 4. Надпись на венчике хума
Fig. 4. Runic inscription on the rim of a hum

54 букв. Отличаются они и по составу букв. Каракольская надпись совпадает вариантом С.Е.Малова.

Теперь о содержании данного текста. Как пишет В.Я.Бутанаев: «Население Саяно-Алтая, как считают ученые, познакомилось с христианским учением еще в древнетюркскую эпоху, когда енисейские кыргызы в борьбе против Уйгурского каганата вступили в военно-политический союз с карлуками. Карлуки, жившие на территории Семиречья (Аргу, Тараз), стали не только союзниками кыргызов, но и наставниками новой веры - христианства – несторианства» (Бутанаев, 2003, с. 15). Здесь автор ссылается на мнение известного тюрколога С.Г. Кляшторного, который писал: «... к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоев получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов. Христианство кыргызской аристократии было в достаточной мере поверхностным; его восприятию содействовали не столько идеологические сдвиги в древнекыргызском обществе, сколько особенности политической ситуации» (Кляшторный, 1959, с. 164). Автор также упоминает, что на приенисейских скалах изображены те священнослужители, которые в древнекыргызской эпиграфике носят название «мар» и в конце делает вывод о том, что «Тесный союз с карлуками и борьба с уйгурами-манихеями явились, таким образом, теми политическими факторами, которые побудили кыргызскую аристократию поощрительно отнестись к миссионерской деятельности несторианских наставников» (Кляшторный, 1959, с. 166).

По нашему мнению, Каракольская надпись как раз подтверждает мнения вышеуказанных ученых и можно предположить, что данный текст имеет религиозный характер и его автор был представителем вышеупомянутых несторианских миссионеров. Этим и объясняется четкость выполнения данного памятника, который отвечает всем канонам древнетюркской руники.

Следует отметить, что это не первый случай, когда найденный в последнее время в Кыргызстане письменный памятник перекликается уже известными памятниками Южной Сибири. Речь идет о сходстве недавно обнаруженной известным киргизским археологом Кубат Табалдиевым Чийин-Ташской надписи, который, между прочим, тоже имеет религиозный характер и Ябоганской надписи, обнаруженной на Алтае (Konkobaev, Useev, 2011, с. 304).

Другой памятник, обнаруженный нами в 2018 г. в селе Саргата Токтогульского района указывает на то, что руникой пользовались и оседлое население данного региона. Речь идет о хум с руническими знаками на венчике (Абдиев, Табалдиев, 2020, с. 8-4). Как указано выше, рунические надписи находили в разные годы начиная с конца XIX в. в Таласской, Кочкорской долине, на Иссык-Куле и в Баткенской области Кыргызстана. Но несмотря на то, что Кетмен-Тюбинская долина, где находится село Саргата, исторически из-за благоприятных географических условий всегда была населенным районом, раньше здесь не были обнаружены рунические письменные памятники. Таким образом, можно сказать, что это первый памятник подобного рода, найденный в этой долине.

Надпись была сделана на венчике хума и состоит из 11 символов. Можно сказать, что руны были нанесены путем надавливания на сырой хум еще до обжига. Как можно видеть на следующем рисунке, для нанесения короткой линии надавливали один раз, а для более длинной — два раза. Некоторые знаки нанесены путем проделывания небольших углублений или отдельных черт. Таким образом, данная надпись по технике письма и использованному материалу отличается от других имеющихся в Кыргызстане надписей, которые, как известно, в большинстве случаев были нанесены на камнях или на скалах путем выдалбливания и начертания.

В то же время следует отметить, что это не первая руническая надпись, сделанная на керамике. В 1967 году Ю. А. Заднепровский опубликовал рунические надписи Ферганской долины, среди них есть надписи на осколках керамики, найденные в городище Шоро-Башат, недалеко от города Узген (Заднепровский, 1967, с. 270-274). Позже одна из надписей прочитан Я. Харматтой (Харматта, 1988, с. 39-41; Бабаяров, 2013, с. 570-571). Такая же надпись была найдена позже в Баткене (Батманов, 1962, с. 19; Жумагулов, 1963, с. 31). Кроме того, в разных музеях республики существует ряд экспонатов, свидетельствующих о том, что гончарные мастера иногда

оставляли на керамических изделиях своеобразные товарные знаки.

Метки производителей керамических сосудов многообразны. Знаки рунической письменности из Саргаты косвенно свидетельствует об инструменте – своеобразной ручке удлиненной формы. Для обозначения длинной стороны знака по сырой глине линия наносилась два-три раза.

Данную надпись мы читали как Й О Н Ы К К Ы Л Ы К Ы. (Абдиев, Табалдиев, 2020, с. 10). Словосочетание йонык кылыкы означает ʽспособ обтесывания’. К такому мнению подталкивает и сам хум, сделанный не на чарыке, а путем обтесывания.

Однако слово *кылык* можно интерпретировать и по-другому. В «Этимологическом словаре тюркских языков» есть одно слово, имеющее следующие фонетические варианты: *кылы, кылды, кылыш, хылга, куйлау* (Этимологический словарь..., 1997, с. 210-212). Как отмечают составители, во всех вариантах представлено значение ʽдужка, ушко, ручка (котла, ведра и т. д.)’. Можно предполагать, что слово *кылык* тоже имеет отношение к указанным словам, поскольку надпись помещена прямо на ушко хума. Следует отметить, что оно немного выступает и сделано путем обтесывания. Тогда *йонык кылыкы* можно переводить как ʽушко, сделанное путем обтесывания’.

Таким образом, данная надпись по смыслу отличается от Баткенской. Как известно, ее читал в свое время И. А. Батманов следующим образом: «…аны ичи унун…» …его внутренность мукой…’ (по смыслу: «заполняй его мукой (хум для хранения муки)» (Батманов, 1962, с. 20).

В целом, суммированные информации памятников рунической письменности указывают перспективу поиска памятников во всех географических зонах Кыргызстана. Актуальным становится поиск рунической письменности на территории и в прилегающих зонах оседло-земледельческой цивилизации.

В этом плане особо ценны разработка вопросов, связанных с оседанием тюркских племен и народов. Одна из особенностей тюрков Тянь-Шаня и Средней Азии – то, что последние испытывали процесс оседания – седентаризации. Тюрки активно воспринимали культурные инновации оседло-земледельческой цивилизации. В этой неразделимой обстановке, произошло рост культуры самих тюрков.

Они создали новую истинную форму цивилизации и главного его показателя – письменность. В этой благоприятной среде шло взаимопроникновение и взаимообогащение тюркской и согдийской культур. В отличие от восточных собратьев, тюрки, пришедшие с Алтая, развивали свою культуру в органически одной среде сезонных полукочевых скотоводов и оседло-земледельческой среде. Это среда наглядно свидетельствуется обнаруженными памятниками письменности.

ЛИТЕРАТУРА

Абдиев Т. К. Таинственная находка: Каракольская надпись // Эпиграфика Востока. 2015. № 31. С. 3–10.

Абдиев Т. К., Табалдиев К.Ш. Новые находки: тюркские рунические надписи на хуме и балбале // MONGOLICA. 2020. №2. С. 8–14.

Бабаяров Г. Древнетюркские надписи Узбекистана // Западный Тюркский каганат. Атлас / Ред. А. Досымбаева, М. Жолдасбеков. Астана: Service Press, 2013. С. 567–578.

Батманов И.А. Новые тексты // Новые эпиграфические находки в Киргизии / Отв. ред. И. А. Батманов. Фрунзе: АН Кирг. ССР, 1962. С. 15–21.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 с.

Жумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. I. Фрунзе: АН Кирг. ССР, 1963. 76 с.

Заднепровский Ю.А. Тюркские памятники в Фергане // СА. 1967. № 1. С. 270–274.

Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. №5. С. 162–169.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'К', 'Қ' / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya: Kömen Yayınları, 2014. 262 s.

Harmatta J. Avarların Dili Sorununa Dair. Doğu Avrupa'da Türk Oyma Yazılı Kitabeler. Çev. H. Akın. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, 1999. 64 s.

Konkobaev K., Useev N. Son Keşifler Işığında Kırgızistanda Eski Türk Yazıtları Araştırmalarının Perspektifleri ve Köktürk Harfli Bir İnanç Formülü // Ötükenden İstambula sempozyumu. Bildiriler. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesi, 2011. 488 s.

Информация об авторах:

Абдиев Таалайбек Камбарович, кандидат филологических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек, Кыргызстан); taalay.abdiev@manas.edu.kg

Табалдыев Кубатбек Шакиевич, доктор исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек, Кыргызстан); kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

REFERENCES

Abdiev, T. K. 2015. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Eipgraphy)* 31, 3–10 (in Russian).

Abdiev, T. K.*,* Tabaldiev, K. Sh. 2020. MONGOLICA 2, 8–14(in Russian).

Babayarov, G. 2013. In Dosymbaeva, A., Zholdasbekov, M. (eds.). *Zapadnyy Tyurkskiy kaganat (The Western Turkic Khaganate).* Astana: "Service Press" Publ., 567–578 (in Russian).

Batmanov I. A. 1962. In Batmanov, I. A. (ed.) *Novye epigraficheskie nahodki v Kirgizii (New epigraphic finds in Kirgizia).* Frunze: Akademiya Nauk Kirgizskoj SSR Publ., 15–21.

Butanaev, V. Ya. 2003. *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya (Burkhanism of the Sayano-Altai Turks).* Abakan: N.F. Katanov Khakass State University (in Russian).

Zhumagulov, Ch. 1963. *Epigrafika Kirgizii (Epigraphy of Kyrgyzstan)* 1. Frunze: AN Kirg. SSR (in Russian).

Zadneprovsky, Yu. A. 1967. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) 1, 270–274 (in Russian).

Klyashtorny, S. G. 1959. In *Problemy vostokovedeniia (The Issues of Oriental Studies)* (5), 162–169 (in Russian).

Klyashtorny, S. G. 2003. *Istoriya Tsentral'noy Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma (The history of Central Asia and monuments of Runic writing).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

1997. *Etimologicheskiy slovar tyurkskih yazıkov: Obshetyurkskie i mectyurkskie osnovı na bukvı 'K', 'Қ' (Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters 'k', 'K').* The authors of the dictionary of articles L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. İ. Rassadin. Moscow: «Yazyki russkoj kultury».

Alimov, R. 2014. *Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme.* Konya: Kömen Yayınları (in Turkish).

Harmatta J. 1999. *Avarların Dili Sorununa Dair. Doğu Avrupa'da Türk Oyma Yazılı Kitabeler. Çev. H. Akın*. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları (in Turkish).

Konkobaev K., Useev N. 2011. Son Keşifler Işığında Kırgızistanda Eski Türk Yazıtları Araştırmalarının Perspektifleri ve Köktürk Harfli Bir İnanç Formülü. Ötükenden İstambula sempozyumu. Bildiriler. İstanbul: İstanbul Büyükşehir Belediyesis (in Turkish).

About the Authors:

Abdiev Taalaibek K. Doctor of philological sciences, Professor, Kyrgyz-Turkish University "Manas". Chingiz Aitmatov Ave., 56, Bishkek, 720044, Kyrgyzstan; taalay.abdiev@manas.edu.kg

Tabaldyev Kubatbek Sh. Doctor of Historical Sciences, Professor, Kyrgyz-Turkish University "Manas". Chingiz Aitmatov Ave., 56, Bishkek, 720044, Kyrgyzstan; kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.22(517.3) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.436.442

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ, НАЙДЕННЫЕ В ПОГРЕБЕНИЯХ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ЯШИЛ)

© 2024 г. Д. Цэнд, Т-О. Идэрхангай, А.А. Тишкин

В статье отмечено сравнительно слабое изучение предметов вооружения XII–XIV вв. на территории современной Монголии, что связано с рядом указанных причин. Для дальнейшей разработки такой тематики важно обобщение имеющихся находок, а также привлечение результатов новых раскопок, которые расширяют необходимый потенциал. В этой связи, представлены предметы вооружения, обнаруженные при раскопках курганов монгольского времени на погребальном комплексе у горы Яшил (Северная Монголия). В ходе исследований зафиксирован фрагмент небольшого железного топора, которым был нанесен смертельный удар в грудь человека. Также найдены панцирные пластины, наконечник пальмы и другие изделия. Осуществлен анализ археологических материалов, приведены аналогии металлическим изделиям и определена их предварительная датировка. В настоящее время наконечник пальмы является самым южным из ранее известных таких находок. Для определения системы отверстий у семи панцирных пластин использовалась рентгенография.

Ключевые слова: археология, Северная Монголия, гора Яшил, монгольское время, погребения, предметы вооружения, топор, наконечник пальмы, панцирные пластины.

WEAPONS FOUND IN BURIALS OF THE MONGOL PERIOD IN NORTHERN MONGOLIA (BASED ON MATERIALS FROM THE YASHIL SITE)

D. Tsend, T-O. Iderkhangai, A.A. Tishkin

The authors note the relatively weak study of weapons of the XII–XIV centuries on the territory of modern Mongolia, which is due to a number of reasons mentioned above. For further development of such subject-matter it is important to generalise the available finds, as well as to attract the results of new excavations, which expand the necessary potential. In this regard, the authors present items of armour discovered during excavations of barrows of the Mongolian period on the burial assemblage near Mount Yashil (Northern Mongolia). During archaeological studies, a fragment of a small iron axe was found, which was used to deliver a fatal blow to a man's chest. Also armour plates, a palma tip and other items were found. The archaeological materials were analysed, analogies to metal items were given and their preliminary dating was determined. At present, the palma tip is the southernmost of the previously discovered such finds. X-radiography was used to determine the system of holes in seven armour plates.

Keywords: archaeology, Northern Mongolia, Mount Yashil, Mongol period, burials, weapons, axe, palma tip, armour plates.

Изучение предметов вооружения, обнаруженных в погребениях XII–XIV вв. на территории современной Монголии, пока не стало специальной научной темой. По всей видимости, это связано с небольшим числом находок, отражающих имевшийся военный арсенал. Хотя им уделялось внимание в ходе комплексного анализа результатов осуществленных раскопок.

В период с 1980 по 1984 г. экспедицией Института истории АН МНР под руководством Д. Наваана были исследованы 20 курганов монгольского времени у горы Буурал в Хонгор сомоне Дархан-Уул аймака. Полученные материалы опубликованы Х. Лхагвасурэном (1989). В захоронениях мужчин отмечены железные наконечники в берестяных колчанах и остатки костяной накладки на лук, которые сравнивались с аналогичным оружием, найденным в других памятниках (Лхагвасурэн, 1989, с. 141–142).

В 2003 г. были изданы результаты исследований, проведенных археологами Института истории МАН в долине реки Эгийн-гол в период с 1991 по 2000 г. Предметы вооружения и военного снаряжения обнаружены в 10 из 28

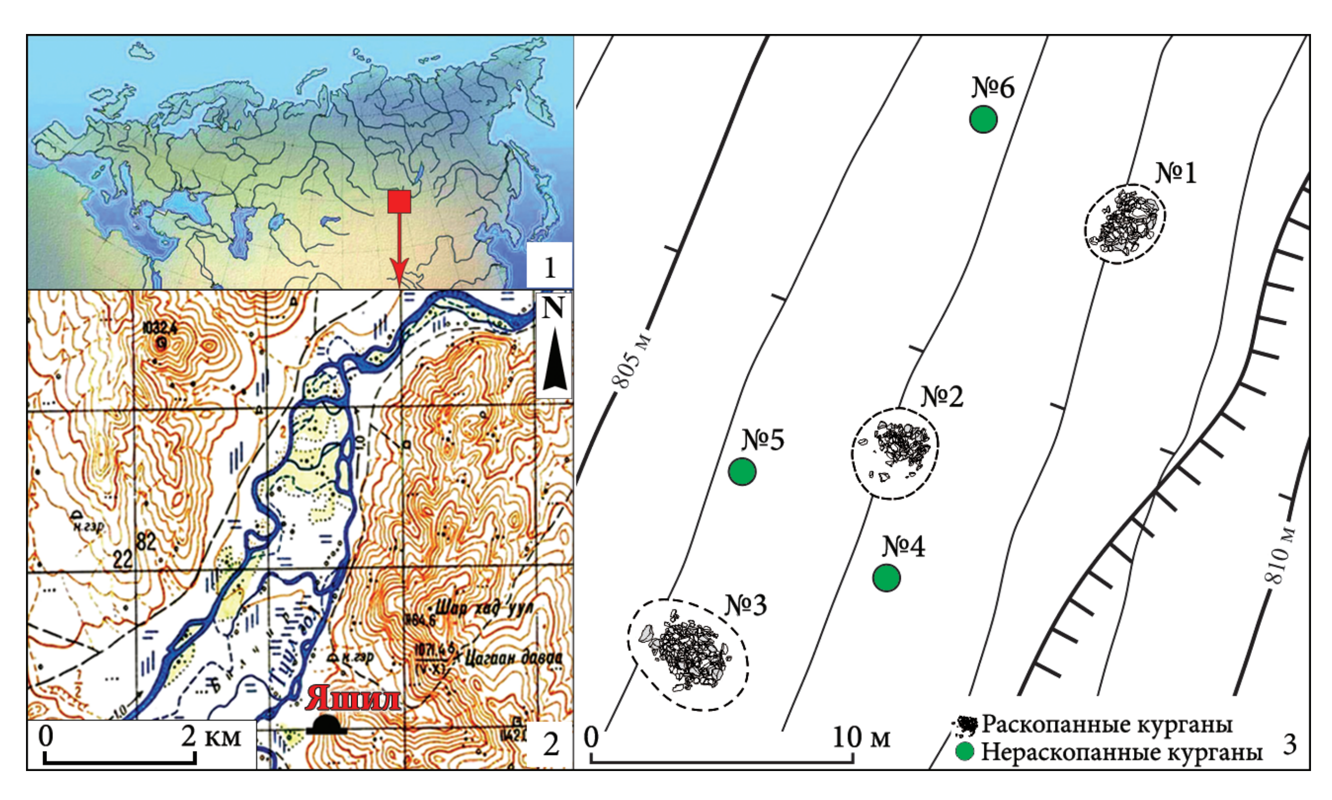

Рис. 1. Местонахождение памятника у горы Яшил на картах-схемах (1, 2) и план курганного могильника (3)
Fig. 1. Location of the site nearby Mount Yashil on the sketch-maps (1, 2) and plan of the barrow field (3)

погребальных объектов монгольского времени (Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 119–131). Они представлены железными наконечниками стрел, костяными (роговыми) накладками на лук, берестяными колчанами и железными колчанными крюками.

В 2007 г. вышла монография Х. Лхагвасурэна, основанная на изучении материалов раскопок 168 курганов монгольского времени на 83 памятниках, исследованных с 1950-х гг. Предметы вооружения составили всего 15% от общего числа находок и главным образом содержали наконечники стрел (Лхагвасурэн, 2007, с. 244–256). Автором была предложена их классификация.

В 2018 г. совместной монголо-российской экспедицией производились раскопки на памятнике Зуун хярын дэнж-I в Прихубсугулье. В комплексе № 1, датированном монгольским временем, найдены наконечник стрелы и боевая часть древкового оружия «пальмы», изготовленные из железа (Харинский, Оргилбаяр, Коростелев и др., 2023).

В 2023 г. опубликованы результаты археологических исследований, реализованных в рамках монголо-американского проекта «Северная Монголия». Работы осуществлялись у горы Хориг в Улаан-Уул сомоне Хубсугул аймака. В монографию включены материалы из 68 разграбленных курганов монгольского времени, раскопанных в 2018–2020 гг. Были обнаружены предметы вооружения и воинского снаряжения (железные наконечники стрел, костяные (роговые) накладки на лук, берестяные колчаны и железные колчанные крюки). В 28 погребениях сохранилось 113 наконечников стрел (Баярсайхан, Кларк, Тувшинжаргал и др., 2023, с. 50–52).

Недавно были изданы результаты охранно-спасательных раскопок, проведенных у горы Доод цахир в Рэнчинлхумбэ сомоне Хубсугул аймака. Исследования проводились в 2020–2023 гг. в рамках совместного монголо-американского проекта «Северный край». В опубликованной статье представлены материалы 51 кургана монгольского времени, большая часть которых оказалась разграблена. Обнаружены следующие интересующие нас находки: железные наконечники стрел и ножи, костяные (роговые) накладки на лук, берестяные колчаны (Хурэлсух, Баярсайхан, Эрэгзэн и др., 2023, с. 70–99).

Судя по приведенным и некоторым другим данным, еще идет процесс накопления сведений о предметах вооружения XII–XIV вв., найденных в Монголии. При этом имеет

Рис. 2. Предметы вооружения из курганов №1 и 3.
1 – фрагмент топора; 2 – наконечник пальмы
Fig. 2. Weapons from barrows No. 1 and 3.
1 – axe fragment; 2 –palma tip

смысл начать формирование базы данных обо всех категориях наступательного и защитного вооружения для дальнейших комплексных исследований. Небольшое пополнение этого фонда может быть осуществлено за счет результатов раскопок на археологическом комплексе Яшил (Цэнд, 2023), который находится неподалеку от слияния рек Орхон и Туул в Орхонтуул сомоне Сэлэнгэ аймака (Монголия) на склоне западной окраины горы Яшил, на правом береге р. Туул (рис. 1: 1, 2). В 2022–2023 гг. экспедицией, организованной сотрудниками Монгольского национального университета и Алтайского государственного университета, исследованы три кургана монгольского времени (рис. 1: 3). Два погребения мужчин оказались с предметами вооружения (Цэнд, Идэрхангай, Тишкин, 2023, с. 97–99). Находки представлены средствами ближнего боя (топор и пальма), а также железными пластинами от воинских панцирей. Кроме этого, обнаружен фрагмент костяной (роговой) накладки на лук, остатки плохо сохранившегося берестяного колчана и два железных предмета пока неясного назначения (один из них с кольцом на конце). Основная цель данной статьи – детально представить металлические предметы вооружения из курганов монгольского времени у горы Яшил, используя в том числе данные рентгенографии.

Фрагмент железного топора (рис. 2: 1) в кургане № 1 зафиксирован в верхней части грудной клетки погребенного человека. Ребра в том месте оказались существенно повреждены, что стало причиной смерти от такого оружия ближнего боя. У находки нет обуха и проушины, которые могли обломиться в ходе нанесения удара. Судя по размерам оставшейся части (6,7×6,5 см), топор был сравнительно небольшим и, скорее всего, черешковым, о чем свидетельствует своеобразный выступ (Цэнд, Идэрхангай, Тишкин, 2023, с. 99). Длина лезвия выгнутой формы с загибом составляет 6,7 см, ширина сохранившегося полотна – до 5,4 см, а толщина – от 0,3 до 0,6 см (рис. 2: 1). Имеющийся фрагмент не позволяет детально сравнивать находку с целыми изделиями. Относительно близкую форму можно найти у топоров XI–XIII вв. н. э., обнаруженных на территории Волжской Булгарии (Измайлов, 1997, рис. 56–57). Известный российский оружиевед М.В. Горелик считал, что такие изделия вообще были характерны для армии монголо-татар (Горелик, 2002, с. 29. рис. на с. 66). По мнению Ю.С. Худякова, топоры не совсем обычны для культуры средневековых кочевников Центральной Азии, а рассматриваемая модификация появилась у монголов в XIII–XIV вв. н. э., но широкого распространения не получила (Худяков, 1991, с. 139, рис. 76: 3). Судя по имеющимся археологическим находкам, с этим заключением пока стоит согласиться. Можно отметить еще такой факт. Удельное значение топоров в вооружении средневековых народов Алтая был значительно меньшим, чем выявленные виды клинкового оружия (Горбунов, 2006, с. 86). Такое наблюдение может относиться и к ближайшим регионам Монголии.

Железный наконечник пальмы (рис. 2: 2), найденный в могиле кургана № 3, имеет подцилиндрическую несомкнутую втулку, а также клинок с обухом и лезвием, плавно сужающимися к острию. Он лежал с левой стороны умершего человека у тазовой кости, что определяет возможную длину древка. Размеры металлического изделия следую-

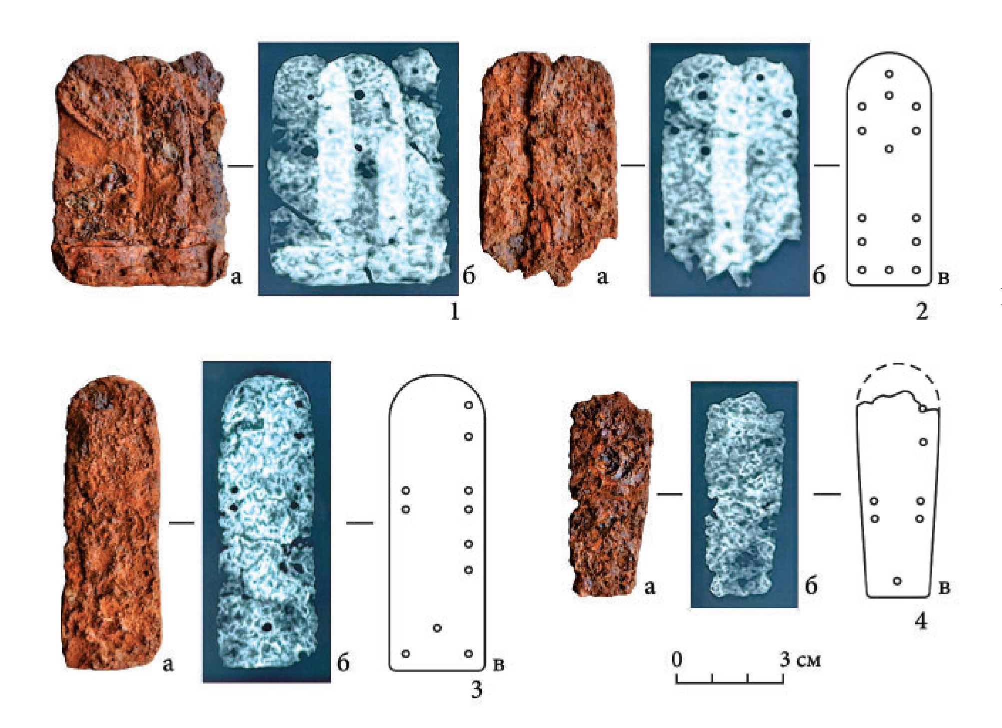

Рис. 3. Фотографии, рентгенография и типы панцирных пластин, найденных в кургане №3. 1, 2 – тип 1; 3 – тип 2; 4 – тип 3

Fig. 3. Photographs, radiography and types of armour plates, found in barrow No. 3. 1 , 2 – type 1; 3 – type 2; 4 – type 3

щие: общая длина 21,9 см, длина втулки 9,6 см, толщина ее 1,6 см, длина клинка 12,3 см, ширина 1,6–2 см и толщина до 0,5 см (Цэнд, Идэрхангай, Тишкин, 2023, с. 99). Аналогичные железные наконечники для пальм ранее обнаружены при раскопках двух памятников в сомоне Ханх Хубсугул аймака Монголии: Хавцал-II и Зуун хярын дэнж-I. Результаты их исследований опубликованы (Харинский, Эрдэнэбаатар, Коростелев, 2010, рис. 1: 5; Оргилбаяр, Эрдэнэбаатар, Харинский, 2018, рис. 3: 1; Харинский, Оргилбаяр, Коростелев и др., 2023, рис. 3: 3).

Время бытования пальм с несомкнутой втулкой в ближайшем Байкальском регионе на основании радиоуглеродного анализа определяется концом VIII – серединой XII вв. (Харинский, 2020, с. 371). В XIII–XIV вв. они уже могли не использоваться на данной территории, но стали известны в других частях Северной Евразии. В Восточной Европе на Золотарёвском городище (возле г. Пензы) аналогичные находки датируются серединой XIII в., что связывается с монгольскими завоеваниями (Харинский, Оргилбаяр, Коростелев и др., 2023, с. 294). По мнению Ю.С. Худякова, пальмы применялись монгольскими воинами на северной периферии Монгольской империи в XIII–XIV вв. в степных районах Центральной Азии (Худяков, 1991, с. 136). К настоящему времени в Северной Монголии обнаружены три наконечника от пальм: на памятниках Хавцал-II, Зуун хярын дэнж-I и Яшил. Опубликованные AMS-даты, которые получены по костям погребенных людей на памятнике Зуун хярын дэнж-I, указывают на такой хронологический период – XI – первая половина XIII в. (Харинский, Оргилбаяр, Коростелев и др., 2023, с. 296). По всей видимости, первой половиной XIII в. можно предварительно датировать и курганы некрополя Яшил, который является самым южным, где найден наконечник пальмы, среди всех изученных объектов Северной Монголии и Байкальского региона.

В кургане № 3 памятника Яшил обнаружены семь железных пластин. Три из них оказались соединенными вместе и сохранили следы от кожаных ремешков (рис. 3: 1). Две слипшиеся пластины имеют обломанный низ (рис. 3: 2), одна целая (рис. 3: 3) и еще одна тоже частично повреждена (рис. 3: 4). По всей видимости, их форма была примерно одинаковой: верхний край округлый, а нижний относительно прямой. Из-за наличия коррозии сразу установить число отверстий не было возможности (рис. 3: 1а, 2а, 3а, 4а). Для этого использовалась рентгеновская установка. В результате получены необходимые данные (рис. 3: 1б, 2б, 3б, 4б), которые позволили восстановить систему отверстий (рис. 3: 2в, 3в, 4 в). Они помогли определить пока три условных типа с учетом формы, размеров, расположения сохранившихся отверстий

и следов от соединительных ремешков. Тип I – пластины снабжены 14 отверстиями: по одной паре у верхнего края, по четыре пары по бокам, одно выше центральной части и три у основания. Размеры этих изделий следующие: длина 6,8 см, ширина 2,3 см, толщина 0,22 см (рис. 3: 1, 2). Тип 2 – с 11 отверстиями: три пары на правой стороне, а одна на левой, два отверстия на нижнем крае и одно в центре над ними. Размеры такой пластины: длина 8 см, ширина 2,5 см, толщина 0,3 см. По расположению отверстий эта деталь, возможно, являлась крайней в верхней части панциря (рис. 3: 3). Тип 3 (по обломанному изделию) имеет семь отверстий: две пары располагаются на правой стороне, одна – на левой, и одно – на нижнем крае (всю систему невозможно восстановить из-за повреждения верхней части). Размеры пластины: длина 5,6 см, ширина 1,7–2,5 см, толщина 0,15 см. Эта пластина, вероятно, являлась деталью нижней полосы панциря (рис. 3: 4).

Панцирные пластины редко встречаются в погребениях воинов на территории Монголии. Большинство доспехов, найденных во Внутренней Азии, относятся к домонгольскому периоду (Цэнд, Идэрхангай, Тишкин, 2023, с. 101). Изделия, обнаруженные на памятнике Яшил, по основной форме аналогичны пластинам монгольского времени, найденным в небольшом количестве в других регионах. Однако расположение отверстий для крепления несколько отличается (Горелик, 2002, рис. на с. 68, 69; Горбунов, 2003, рис. 20: 7; Тишкин, 2009, с. 50–52; и др.). Судя по зафиксированной системе креплений, панцирь был сделан качественно.

Форма пластин, найденных в кургане № 3, несколько отличается друг от друга. В погребение умершего человека помещали не весь доспех, а лишь его отдельные элементы. Вероятнее всего, это связано с прагматическими целями. Железный панцирь мог передаваться по наследству и находил свое применение у нового владельца.

В заключение стоит отметить, что предметы вооружения из раскопанных курганов у горы Яшил являются важным материалом для дальнейшего изучения культуры населения монгольского времени на территории Северной Монголии. Планируется осуществить обобщение имеющихся результатов, полученных при археологических исследованиях погребальных комплексов указанного региона.

ЛИТЕРАТУРА

Баярсайхан Ж., Кларк Ж., Тувшинжаргал Т., Бямбадорж Б., Бямбажаргал Б., Содномжамц Д. Хориг уулын эрдэнэс. Улаанбаатар: Соёлын овийн үндэсний тов, 2023. 380 с. (на монг. и англ. яз.)

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Алт. ун-т, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горелик М.В. Армия монголо-татар. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань; Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Лхагвасурэн Х. Буурал уулын монгол булшууд // Studia historica. 1989. T. XXIII. С. 137–146 (на монг. яз.).

Лхагвасурэн Х. Монголын археологи (Чингэс хааны үе). Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар: Чингэс хаан дээд сургуулийн, 2007. 286 с. (на монг. яз.).

Оргилбаяр С., Эрдэнэбаатар Д., Харинский А.В. Монгол-Оросын хамтарсан «Тув Азийн археологи» туслийн Хувсгул аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан хээрийн шинжилгээний ажлын товч ур дунгээс // Монголын археологи – 2017 / Ред. Ч.Амартүвшин. Улаанбаатар: МУИС, 2018. С. 120–123 (на монг. яз.).

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хурлийн уеэс Монголын уе). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. 295 с. (на монг. яз.).

Харинский А.В. Пальмы с втульчатым наконечником из Байкальского региона и их более поздние модификации // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 366–378.

Харинский А.В., Оргилбаяр С., Коростелев А.М., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А. Могильник XI–XIII вв. Зуун хярын дэнж 1 на северном побережье озера Хубсугул (Монголия) // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 1. С. 289–307.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М. Херексур – универсальный объект погребальной практики // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 322−324.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Хурэлсух С., Баярсайхан Ж., Эрэгзэн Г., Миллер А.В., Кларк Ж., Миллер Б., Баяндэлгэр Ч., Эрдэнэцэцэг Р. Доод цахир уулын Монголын эзэнт гүрний үеийн оршуулгын газар // Studia Archaeologica. 2023. T. XLIII. F. 8. С. 77–99 (на монг. яз.).

Цэнд Д. Раскопки курганов монгольского времени у горы Яшил в 2022 году (Северная Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып XXIX / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2023. С. 254–258.

Цэнд Д., Идэрхангай Т-О., Тишкин А.А. Средневековые погребения у горы Яшил (Северная Монголия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. №4. С. 93–105.

Информация об авторах:

Цэнд Дул, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); dultsendee@gmail.com

Идэрхангай Тумур-Очир, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры технологии и инновации, Улаанбаатарский парк науки и технологий, Монгольский национальный университет (г. Улаанбаатар, Монголия); iderkangai2022@gmail.com

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

REFERENCES

Bayarsaikhan, J., Clark, J., Tuvshinjargal, T., Byambadorj, B., Byambajargal, B., Sodnomjamts, D. 2023. *Khorig uulyn erdenes (Treasures of Khorig mountain)*. Ulaanbaatar: National Center for Cultural Heritage (in Mongolian and in English)

Gorbunov, V. V. 2003. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' I: Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh) (Military Science of Altay Population in III-XIV Centuries. Part I. Defensive armature (armour))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armiya mongolo-tatar. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Mongol-Tatars army. Military art, equipment, weapons).* Moscow: "Vostochnyy gorizont" (in Russian).

Izmaylov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. (Armament and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).

Lkhagvasuren, Kh. 1989. In *Arkheologiin sudlal* (Studia historica). T. XXIII, 137–146 (in Mongolian).

Lkhagvasuren, Kh. 2007. *Mongolyn arkheologi (Chinges khaany ue) (Archaeology of Mongolia (Period of Chinggis Khan))*. Ulaanbaatar: Chinges khaan deed surguuliin (in Mongolian).

Orgilbayar, S., Erdenebaatar, D., Kharinskii, A. V. 2018. In *Mongolyn arkheologi – 2017 (Mongolian archeology – 2017).* Ulaanbaatar: MUIS, 120–123 (in Mongolian).

Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Period (Based on Archaeological Sites Materials)).* Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

Turbat, Ts., Amartuvshin, Ch., Erdenebat, U. 2003. *Egiin golyn sav nutag dakh' arkheologiin dursgaluud (Khurliin uees Mongolyn ue) (Archaeological monuments of Egiin Gol valley (from bronze age to mongolian period))*. Ulaanbaatar: Soyombo printing, (in Mongolian).

Kharinskii, A. V. 2020. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 366–378 (in Russian).

Kharinskii, A. V., Orgilbayar, S., Korostelev, A. M., Erdenebaatar, D., Portniagin, M. A. 2023. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 22 (1), 289–307 (in Russian).

Kharinskii, A. V., Erdenebaatar, D., Korostelev, A. M. 2010. In Chernaya, M. P. (ed.). *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy (Culture as a System in a Historical Context: the Experience of West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings)*. Tomsk: “Agraf-Press” Publ., 322−324 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'no-aziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khurelsukh, S., Bayarsaikhan, J., Eregzen, G., Miller, A., Clark, J., Miller, B. Bayandelger, Ch., Erdenetsetseg, R. 2023. In *Arkheologiin sudlal* (Studia Archaeologica). T. XLIII, F. 8, 77–99 (in Mongolian).

Tsend, D. 2023. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 29. Barnaul: Altai State University Publ., 254–258 (in Russian).

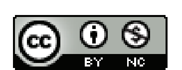
Tsend, D., Iderkhangai, T.-O., Tishkin, A. A. 2023. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 19 (4), 93–105 (in Russian).

About the Authors:

Tsend Dul, postgraduate student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, 61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russian Federation; dultsendee@gmail.com

Iderkhangai Tumur-Ochir, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Technology and Innovation, Ulaanbaatar Science and Technology Park, Mongolian National University, Luvsantsaveena street, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13343, Mongolia; iderkangai2022@gmail.com

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, 61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russian Federation;, tishkin210@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.443.453

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ВЕНГРИИ ЭПОХИ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ (1241–42)[1]

©2024 г. С. Рошта, И. Панья, Ж. Галлина, Дь. Гуяш, А. Тюрк

В статье представлены новейшие результаты археологических исследований события монгольского нашествия против Венгерского королевства в Карпатском бассейне в 1241–42 гг. По сравнению с богатством письменных источников, археология долгое время не могла предоставить никаких серьезных свидетельств событий монгольского нашествия в Венгрии. Единственным материальным свидетельством событий того времени являлся горизонт спорадических находок монет. Однако долгое время не было четких и достоверных свидетельств массовых убийств и широкомасштабных разрушений, о которых можно было судить по описаниям современников, часто апокалиптического характера. Археология периода нашествия, самая молодая область венгерской археологии, ставшая самостоятельной дисциплиной, сегодня является одним из наиболее динамично развивающихся направлений. Однако это потребовало и качественного улучшения применяемых подходов и методов. Полноценное развитие археологии периода нашествия связано с появлением новых объектов в результате последних целенаправленных и плановых исследований.

Ключевые слова: археология, Венгрия, монгольское нашествие, средневековье, клады, оружие восточного типа, система оборонительных рвов, геофизические методы.

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN HUNGARY OF THE MONGOL CONQUEST PERIOD (1241-42)[2]

Rosta Sz., Pánya I., Gallina Zs., Gulyás Gy., Türk A.

The article presents the latest results of studies of the events of the Mongol campaign against the Kingdom of Hungary in the Carpathian basin in 1241–42. Compared to the wealth of written sources, archaeology could not provide any serious evidence of the events of the Mongol campaign in Hungary for a long time. The only material evidence of the events of that time was the horizon of sporadic coin finds. However, for a long time there was no clear and reliable evidence of massacres and widespread destruction, which could be judged from the descriptions of contemporaries, often of an apocalyptic nature. Archaeology, studying the period of the Mongol campaigns, the youngest direction of Hungarian archaeology, which has become an independent discipline, and today is one of the most dynamically developing fields. However, it also has required a qualitative improvement in the applied approaches and methods. The full development of the archaeology of the Mongol conquest period is associated with the emergence of new sites as a result of recent targeted and planned studies.

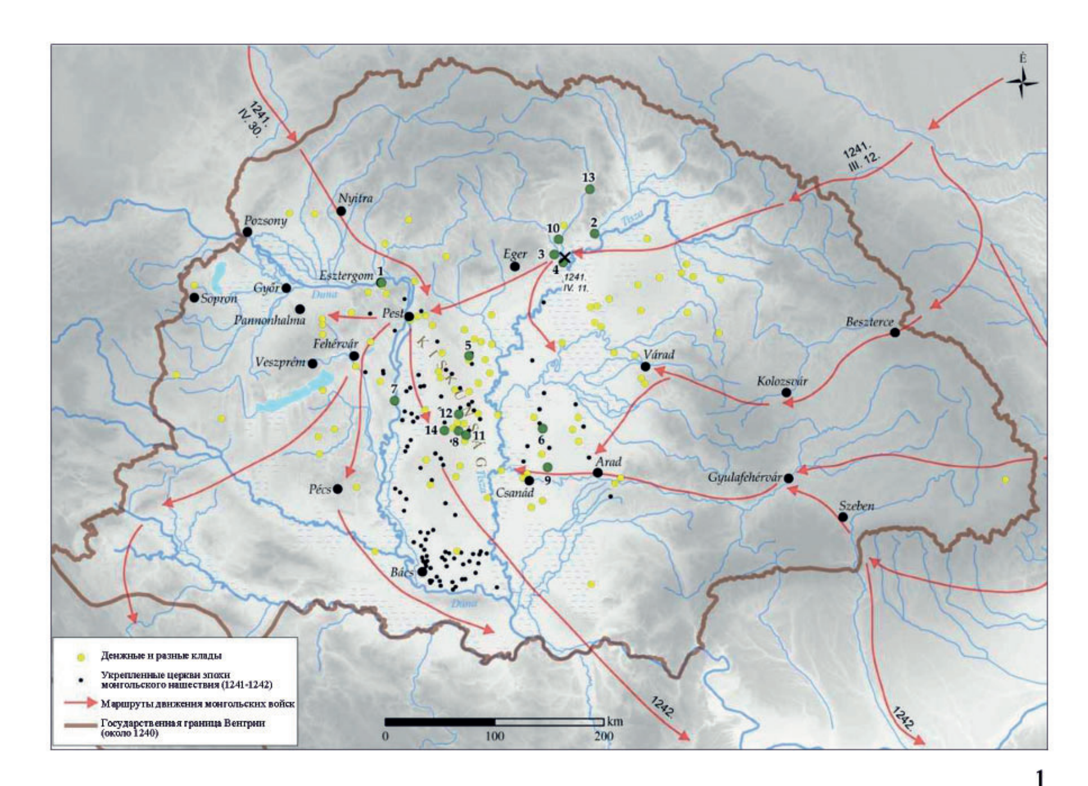
Keywords: archaeology, Hungary, Mongol campaign, Middle Ages, hoards, eastern-type weapons, defense ditch system, geophysical methods.

Введение

Монгольское нашествие 1241–42 годов (рис. 1: 1) стало значимым событием венгерского прошлого, до сих пор, спустя почти 800 лет, хранящимся в коллективной памяти венгров. В соответствии с его значимостью, историография также посвятила много времени изучению и объяснению этих событий. Эти несколько лет – наиболее хорошо документированный и при этом короткий период в истории Венгрии эпохи Арпадов, поскольку нападение невиданной силы и вызванные им жестокие разрушения привлекли огромное внимание как в стране, так и за рубежом. Для многих поколений историков вопросы пригодности известных на данный момент источников, масштабов разрушений, их краткосрочных и долгосрочных последствий были постоянным источником дебатов. На протяжении столетий венгерская историография давала очень разные ответы на эти вопросы.

[1] Исследование проведено в рамках проекта PPKE-BTK-KUT-23 и программы HUN-REN BTK MŐK 2024.

[2] The study was conducted as a part of the project PPKE-BTK-KUT-23 and program HUN-REN BTK MŐK 2024.

1

2

Рис. 1. 1 – монгольское нашествие на территорию средневекового Венгерского королевства (1241–42 гг.) и географическое расположение связанных с ним археологических памятников (карта Паньи И.); 2 – реконструкция укрепленной церкви Санк-Каполнахей (Szank-Kápolnahely) (реконструкция церкви компанией Pazirik Kft. на основе концепции С. Рошты).

Fig. 1. 1 – Mongol campaign on the medieval Kingdom of Hungary (1241–42) and the geographical location of the archaeological sites related to it (map by Pánya I.); 2 – reconstruction of the fortified church of Szank-Kápolnahely (based on the concept by Sz. Rosta, photo by Pazirik Ltd.).

По сравнению с богатством письменных источников, археология долгое время не могла предоставить никаких серьезных свидетельств событий монгольского нашествия. Единственным материальным свидетельством событий того времени являлся горизонт спорадических находок монет. Однако долгое время не было четких и достоверных свидетельств массовых убийств и широкомасштабных разрушений, о которых можно было судить по описаниям современников, часто апокалиптического характера (Наиболее важные обобщающие работы по этой теме: Zichy, 1934; Félegyházy, 1943; Györffy, 1963,

с. 53–58; Szabó, 1971, с. 174–181; Borosy, 1991; Fügedi, 1992; Szűcs, 1993, с. 3–15; Engel, 2001, с. 88–91). Одним из немногих исключений стал комплекс артефактов в Эстергоме Esztergom, обнаруженный в 1952 году, где в обгоревшем и рухнувшем здании лежала жертва, опознанная как ювелир (Fettich, 1968). Другое такое свидетельство обнаружилось во время раскопок в Кишфалуде близ городище Саболч (Szabolcs) в 1971–74 годах, где смерть человека, брошенного в яму для хранения зерна на поселении эпохи Арпадов, Иштван Фодор (Fodor István) связал с монгольским нашествием (Fodor 1975; Fodor 1976).

Малое количество явлений, связанных с монгольским нашествием, отсутствие прямых доказательств и скудость находок, казалось бы, подтверждают мнение, что свидетельства очевидцев сильно преувеличены в отношении масштабов разрушений и не могут быть использованы для реконструкции событий либо мы должны воспринимать их очень осторожно.

С развитием полевых археологических исследований, далее в 1970-х и 1980-х годах, стало расти число мест, где – по-прежнему в первую очередь на основе поселенческих материалов – археологически можно было обнаружить горизонт разрушения середины XIII века (Miklós, 1991; Dinnyés, 1994; Szabó, 2003). Косвенным свидетельством тому служат деревни периода Арпадов, где сожженные здания и спрятанные ценные предметы указывают, что оставление поселения не было мирным или, по крайней мере, поспешным. Однако свидетельств жестоких массовых убийств людей, шокировавших современников, в Венгрии до недавнего времени не было.

Прорыв в венгерской археологии по поводу периода монгольского нашествия

С середины 1990-х годов перед археологией открылись новые горизонты, что привело к появлению масштабных проектов, в основном по изучению памятников на размежёванных площадях. С середины 2000-х годов, параллельно с увеличением объема спасательных археологических работ, произошел большой прорыв в области изучения монгольского периода. С этого момента в поле зрения попали сложные объекты, содержащие свидетельства, ранее неизвестные венгерской науке (Wolf, 1997; Wolf, 1999; Wolf, 2014).

В 1996 году в местечке Хейёкерестур-Визеккёзе (Hejőkeresztúr-Vizekköze) на трассе М3 Мария Вольф (Wolf Mária) впервые в Венгрии было обнаружен памятник, где в одном из жилищ были найдены оружие, другая утварь и фрагменты человеческих останков, явно относящиеся к монгольскому нашествию. Кроме того, в поселении были хаотично разбросаны и другие фрагменты скелетов. Момент разрушения селения исследователь связал с конкретным событием – битвой у с. Мухи (Muhi).

В 2001 году Тамаш Пустаи (Pusztai Tamás), также исследовавший битву у с. Мухи, обнаружил костяки двух мужчин, похороненных в яме в средневековом поселении Мохи (Mohi) (Pusztai, 2014).

В 2005–2006 годах Дьёнди Гуяш (Gulyás Gyöngyi) обнаружил, пожалуй, самый известный и душераздирающий момент монгольского нашествия на Бюргехази-дьюле под Цегледом (Cegléd, Bürgeházi-dűlő) во время раскопок при строительстве дороги. Изображение костных останков двух маленьких детей и их матери, прятавшихся в печь (рис. 4), получило широкую огласку в прессе. В других домах разоренного монголами поселения в беспорядке лежали другие непогребенные скелеты (Gulyás, 2014).

В 2004–2006 годах во время строительства 47-й дороги на памятнике Орошхаза-Бонум (Orosháza-Bónum) было раскопано несколько продольных участков поселения эпохи Арпадов. На уровне погребённой дневной поверхности были обнаружены 23 постройки с богатым вещевым материалом, пострадавшие от пожара на последнем этапе жизни деревни. В некоторых из них, а также в дополнительных траншеях и ямах археологи обнаружили беспорядочно лежащие останки 22 человек (Gyucha, Rózsa, 2014).

В 2009 году на правом берегу Дуная, на холме Дунафёльдвар-Ло (Dunaföldvár-Ló hegy), были проведены раскопки под руководством Габора Шерлеги (Serlegi Gábor), предшествовавшие строительству автомагистрали М6. В районе разрушенной деревни эпохи династии Арпадов (11–13 вв.) были обнаружены явления, во многом схожие с предыдущими: мощные слои обгоревших останков, костяки в аномальном положении, частично либо полностью анатомически целые. Антропологический анализ позволил выделить

останки 33 человек (Szilágyi, Serlegi, 2014). Совсем недавно Андраш К. Немет (K. Németh András) смог подтвердить аналогичные события в Трансданубии на других участках, раскопанных во время строительства трассы M6, и на других участках в округе Толна (*Андраш К. Немет: Находки и объекты округа Толна, связанные с монгольским нашествием. Онлайн-презентация конференции: https://www.youtube.com/watch?v=2hMHgWcBpgo*).

В 2009 году на трассе газопровода DN 800 Габор Вильгельм (Wilhelm Gábor) обнаружил один из самых заметных памятников монгольского нашествия. В сгоревшем небольшом здании, погребённом рядом с Халадаш-ТС в Санке (Szank, Haladás Tsz), наряду с костным материалом, принадлежащим 34 людям (17 женщинам и 17 детям), были найдены украшения, монеты и другие ценности из кладов того периода. Находки пополнились не только бытовыми предметами, характерными для того времени, но и шпорой и восточным копьем. В результате раскопок было установлено точное местонахождение двух монетных кладов периода нашествия, найденных несколько десятилетий назад (Wilhelm, 2014).

В 2013 году Жолт Галлина (Gallina Zsolt) и Дьендьи Гуяш (Gulyás Gyöngyi) обнаружили следы массовых убийств на окраине Чанадпалоты (Csanádpalota). Место, согласно письменным сведениям Рогериуса (Rogerius: *Carmen miserabile*), находилось недалеко от деревни Перег (Pereg), которая, несомненно, была разрушена монголами. Помимо скелетных останков двух молодых людей, лежащих в аномальной позе, которые можно точно датировать по монетам, было обнаружено очень интересное явление, связанное с событиями монгольского нашествия. В районе разрушенного поселения была найдено одиночное захоронение запряженной лошади, сделанное, несомненно, в соответствии с восточным обычаем. Археологи, проводившие раскопки, высказали предположение, что данные материальные следы монгольского нашествия, включая это захоронение, могут быть связаны с одной из групп вторгшихся в этот район кочевников (Gulyás, Gallina, 2014).

В 2013 году Габор Сьёрени (Szörényi Gábor) обнаружил останки человека, лежавшего в аномальной позе с наконечником стрелы в позвонке, на высоком берегу реки Хернад (Hernád), на поселении с богатыми коллекциями арпадского времени. Известно также поселение Онга-Няръяш-дюле (Onga-Nyárjas dűlő), еще одно из поселений монгольского периода, обнаруженное в ходе спасательных работ (*Szörényi G. – Miskolczi M: Жертва монгольской эпохи из Очаналоса, презентация конференции. P80 Конференция "Монгольское нашествие". Лакителек, Хунгарикум Лигет. 21–23 сентября 2022 г*).

В 2011 году в Кишкунфеледьхазе Kiskunfélegyháza прошла конференция, на которой были представлены данные находки. Эта встреча открыла новые перспективы изучения археологических следов монгольского периода. В опубликованном в 2014 году сборнике под названием *„Carmen miserabile”. A tatárjárás magyarországi emlékei.* Ред. Rosta Sz. – V. Székely Gy. Kecskemét, 2014. представлены и обработаны результаты конференции (дополненные результатами раскопок последующих лет), которые, в отличие от предыдущих работ по теме, смогли показать шокирующую реальность разрушений тех лет археологически.

Однако эти памятники не только привели к увеличению известных нам человеческих жертв и других признаков разрушения. Важно, что они также предоставили возможность связать воедино объекты, зачастую являющиеся изолированными друг от друга или фрагментарными. Опираясь на опыт изучения городища Орошхаза (Orosháza), Аттила Дьюха (Gyucha Attila) и Золтан Рожа (Rózsa Zoltán) обобщили основы методологии археологии монгольского нашествия, собрав воедино все известные им возможные археологические признаки нашествия. Эта аналитическая таблица является большим подспорьем в интерпретации явлений на небольших участках и отличной отправной точкой для выявления и классификации дальнейших признаков, связанных с этой темой (Gyucha, Rózsa 2014, 57, 67).

Целенаправленное археологические исследование памятников монгольского нашествия

Таким образом, последние археологические успехи во многом обусловлены масштабными раскопками, связанными со строительством дорог и другими проектами, перечисленными выше. Археология периода нашествия, самая молодая область венгерской археологии, ставшая самостоятельной дисциплиной, сегодня является одним из наиболее

динамично развивающихся направлений. Однако это потребовало и качественного улучшения применяемых подходов и методов. Полноценное развитие археологии периода нашествия связано с появлением новых объектов в результате последних целенаправленных и плановых исследований. В последние годы авторам этих страниц, в частности, довелось исследовать памятники, где, помимо следов массовых убийств, была возможность выявить разнообразные картины разрушений.

Центральный регион страны, Кишкуншаг (Kiskunság), расположенный в междуречье Дуная и Тисы (Duna-Tisza köze), имеет особое значение для изучения монгольского вторжения в Венгрию. Эта часть страны, включающая современный округ Бач-Кишкун Bács-Kiskun и южную, равнинную часть округа Пешт (Pest), была наиболее подвержена разрушениям в результате монгольского нашествия 1241-42 годов. Кишкуншаг – это, с одной стороны, природно-географическая, а с другой – историко-культурная единица. Решающую роль в его развитии сыграло поселение половецких кочевников в 1246 году в регионе, который в результате монгольского опустошения стал практически безлюдным. Последние междисциплинарные исследования по истории поселений показывают, что разрушение сел во время монгольского нашествия достигало 90–100 % в некоторых частях Кишкуншага (Pánya, Rosta 2024, 159). Таким образом, не случайно, что самые последние находки сосредоточены именно в этом регионе.

В 2016 году при раскопках в Кишкунмайше (Kiskunmajsa) были обнаружены выпавшая из контекста монета и два скопления обгоревших человеческих костей. Хотя глубокая вспашка, предшествовавшая посадке виноградников, привела к значительному разрушению объектов, несмотря на это, были сделаны важные наблюдения. Два сгоревших здания на расстоянии около 100 м друг от друга содержали как полные, так и частичные человеческие костяки. Монеты, найденные во время раскопок под руководством Саболча Рошта (Rosta Szabolcs), принадлежащие двум кладам, могут быть отнесены ко времени нашествия. Серебряные украшения и предметы бижутерии, а также бытовые предметы также датируются временем нападения монголов (Rosta, 2018). Антропологический анализ позволил выделить останки 15 детей и 16 взрослых женщин, а также 3 мужчин, то есть не менее 34 человек. На некоторых костях были обнаружены посмертные следы зубов животных, а также, несомненно, преднамеренные следы разрезания плоти неким режущим предметом. Последние можно интерпретировать как свидетельство каннибализма (Buzár, Bernert, 2018). Сложность объекта усугубляется наличием в 1 км от него церкви, также разрушенной, укрепленной тройной системой оборонительных рвов (Rosta, Pánya, 2022. 281, 286).

Бывшая Петермоноштора (Pétermonostor), ныне расположенная на границе современного Фелшёмоноштора (Felsőmonostor) в муниципалитете Бугац (Bugac), является важным объектом для исследований Арпадского периода. В результате серии раскопок, начатых Саболчем Рошта (Rosta Szabolcs) в 2010 году и продолжавшихся почти непрерывно с тех пор, на площади в 200 гектаров были обнаружены следы городского поселения периода Арпадов. Петермоноштора, основанная в 1040-х годах на королевской дороге, соединяющей Сегед (Szeged) с Пештом (Pest) и проходящей через центральную часть страны, считается экономическим и религиозным центром региона Хомокхатшаг Homokhátság. Богатое поселение, выросшее вокруг монастыря, построенного в 1130–1140-х годах, к концу XII века выделяется среди других подобных мест в Венгрии благодаря количеству и качеству найденных находок. Многочисленные находки свидетельствуют о развитой торговле и обширной сети контактов Венгерского королевства в этот период. Здесь есть монеты из Западной Европы, Византии, Венеции и Малой Армении. Найдено большое количество эмалированной посуды из Лиможа (Limoges), уникальная резьба по кости из Рейнского региона и выдающиеся в мировом масштабе изделия из региона Мёз (Maas). Сирийское стекло крестоносцев и персидское стекло – такое же свидетельство этой захватывающей эпохи, как римские значки паломников или амулеты из Киевской Руси (Rosta, 2014; Füredi, и др. 2017).

Разрушение этого важного центра можно отнести к монгольскому нашествию 1241–1242 годов, чему есть ещё больше прямых свидетельств. Во время раскопок в 2016 году были найдены останки детей и молодой женщины, лежащие в аномальной позе в ряду сгоревших зданий в центральной части

гражданского поселения. В этом горизонте разрушений также находились анатомически расположенные останки нескольких убитых молодых животных (Rosta, 2018).

В системе двойных рвов (длиной около 600 м), построенных вокруг здания монастыря для защиты, горизонт разрушения маркируют скелеты мертвых детей и животных, лежащие в анатомическом порядке, но в аномальной позе. Кроме того, на участках траншеи, раскопанной между 2020 и 2023 годами, лежало огромное количество частично обработанных останков животных. Археозоологическая оценка позволяет предположить, что одновременное массовое присутствие диких и домашних животных предназначалось для питания большого количества людей. Дополнительные человеческие (в том числе детские) скелетные останки, найденные среди руин монастыря, и оружие восточного типа позволяют предположить, что в Петермоноштоле (Pétermonostor) в течение некоторого времени после захвата поселения находился крупный монгольский отряд. Отсюда нападавшие могли контролировать территорию и направлять дальнейшие передвижения, пользуясь имеющейся инфраструктурой.

Замок Абауйвар Abaújvár, построенный в первой половине XI века, был одним из важных центров Венгерского королевства эпохи Арпадов. Уже во время раскопок в 1970-х годах было обнаружено местонахождение железных изделий, среди которых были, напр., сельскохозяйственные орудия. Но явные свидетельства монгольского вторжения найдены только в 2019 году, во время исследований в рамках программы «Árpád-ház Program». Так, во время раскопок под руководством Марии Вольфа (Wolf Mária) с помощью добровольцев-детектористов из Музея Германа Отто (Herman Ottó Múzeum) было обнаружено большое количество металлических предметов. В дополнение к еще одному местонахождению железа был найден чрезвычайно ценный клад, зарытый в горшке. Кроме того, три погребенных человека могут быть связаны с событиями монгольского вторжения. Название Абауйвар (Abaújvár) упоминается в письме от 2 февраля 1242 года, где перечислены замки в Венгрии, которые могли стать отправной точкой для контратаки против монголов (Bakos, и др. 2020).

Новые перспективы в областьи археологии монгольского периода в Венгии

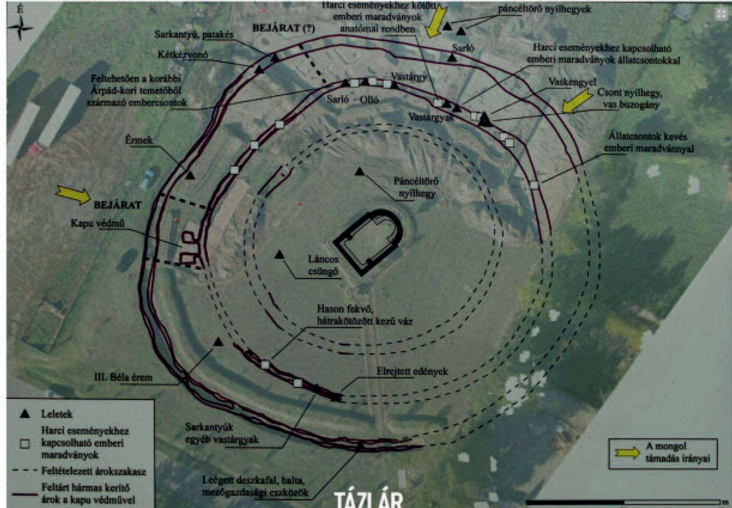
Единственное на сегодняшний день достоверно раскопанное погребение вождя половцев (рис. 5) в Венгрии было обнаружено благодаря раскопкам Ференца Хорвата (Horváth Ferenc) в 1999 году. Помимо захоронения знатного половца, погребенного в 1270–80-х годах в окрестностях с. Ченгеле (Csengele) в области Кишкуншаг (Kiskunság), раскопки позволили установить и другие особенности. Большая площадь, образовавшаяся в результате строительства автомагистрали М5, также дала возможность исследовать широкие окрестности средневековой церкви. Была раскопана примерно треть концентрической системы тройных рвов вокруг церкви эпохи Арпадов. Автор раскопок объяснил оборонительный характер системы рвов ее большими размерами, наличием прокалов и свайной конструкцией, что наводит на мысль о фортификации. Исторические и лингвистические аналогии и, в частности, стратиграфическое положение траншей позволили сделать вывод, что укрепления были построены в период нападения монголов. Отсюда следует, что «феномен Ченгеле» (Csengele) – один из предвестников сегодняшних больших достижений в археологическом изучении монгольского нашествия (Horváth, 2001).

Число памятников периода нашествия в регионе Кишкуншаг (Kiskunság) пополнилось еще двумя важными объектами, которые предлагают еще более верифицируемые явления, чем пример Ченгеле (Csengele). Тазлар-Темпломхедь (Tázlár-Templomhegy, рис. 2) и Санк-Каполнахей (Szank-Kápolnahely рис. 1: 2), расположенные всего в 14 км друг от друга, на сегодняшний день являются наиболее изученными и известными памятниками Венгрии времени нападения монголов. У них есть несколько общих черт, которые их тесно связывают, самая яркая из которых – это ряд признаков, указывающих на факт осады их укрепленных церквей.

В 2003 году Жолт Галлина (Gallina Zsolt) и Дьендьи Гуяш (Gulyás Gyöngyi) во время раскопок в Тазларе (Tázlár) (рис. 2) наткнулись на тройную систему рвов (рис. 2: 1), очень похожую по размеру и структуре на аналогичные у с. Ченгеле (Csengele). Эти рвы также были построены вокруг церкви (рис. 2: 2), имеющей предшественников пери-

1

2

3

Рис. 2. Тазлар-Темпломхедь (Tázlár-Templomhegy): 1-2 – раскопки памятника и местонахождение находок; 3 – одно из общих захоронений времен монгольской осады во рву укрепленного храма (Фото: Ásatárs Ltd., графика И. Паньи)

Fig. 2. Tázlár-Templomhegy: 1-2 – excavation of the site and the location of the artefacts; 3 – one of the mass burials of the Mongol siege in the moat of the fortified temple (photo by Ásatárs Ltd., graphic by I. Pánya)

Рис. 3. Санк-Каполнахей (Szank-Kápolnahely): 1-2 – костяные и железные наконечники стрел восточного типа (Фото: Sz. Rosta).
Fig. 3. Szank-Kápolnahely: 1-2 – Eastern type bone and iron arrowheads (photo by Sz. Rosta).

ода Арпадов. Хотя в ходе продолжающихся раскопок еще предстоит полностью изучить данные объекты, оборонительный характер системы рвов во время нашествия монголов и полное разрушение поселения в это время не вызывают сомнений. Фактически, в одном из крупнейших известных на сегодняшний день памятников с системой тройных рвов была раскопаны остатки сложной воротной фортификации с ощутимыми следами осады. Нижний, прокаленный слой рвов содержал большое количество артефактов и строительного мусора эпохи Арпадов. Десятки костяков людей, несомненно, погибших насильственной смертью, лежащие в аномальной позе (рис. 2: 3), останки животных и элементы восточного оружия свидетельствуют о событиях во время монгольского нашествия. Археологи, проводившие раскопки и пишущие эти строки, реконструировали некоторые детали нападения, основываясь на конструктивных особенностях укреплений, пространственном распределении оружия и погибших (Gallina, и др. 2021).

В районе Санка (Szank) монетные клады монгольской эпохи, вышеупоминаемая резня, следы которой были открыты в 2009 году, и разрушенные укрепленные церкви свидетельствуют об их причастности к событиям 1241–1242 годов. В Санк-Каполнахей (Szank-Kápolnahely) начались раскопки средневековой церкви и ее окрестностей в целях дальнейшей демонстрации для туристов. В течение 2017, 2021, 2022 годов было полностью раскопано укрепление с двойным концентрическим рвом вокруг церкви эпохи Арпадов. На дне траншей с большим количеством прокалов было найдено большое количество оружия как западного типа оборонявшихся венгров, так и восточного типа нападавших (рис. 3). Рядом с ними лежали останки десятков погибших в различных состояниях полного и частичного анатомического порядка. В ряде случаев кости имели следы посмертных боевых повреж-

Рис. 4. Цеглед, Бюргехази-дюло (Cegléd, Bürgeházi-dűlő): 1-2 – человеческие останки, извлеченные из дома эпохи Арпадов после монгольского нашествия (Фото: Gy. Gulyás)
Fig. 4. Cegléd, Bürgeházi-dűlő: 1-2 – human remains, excavated from an Árpád period house after the Mongol campaign (photo by Gy. Gulyás)

Рис. 5. Ченгеле-Богархат (Csengele-Bogárhát) погр. 57: 1-3 – реконструкция погребения и костюма знатного половецкого воина с Ченгеле-Богархат (по Horváth 2001)
Fig. 5. Csengele-Bogárhát, Grave 57: 1-3 – Burial and costume reconstruction of a prominent Cuman chiefman from the Csengele-Bogárhát site (after Horváth 2001)

дений. В траншеях также найдены монеты и клады, позволяющие точно определить время совершения злодеяний (Rosta, Pánya, 2022).

Влияние вышеупомянутых объектов из региона Кишкуншаг (Kiskunság) на науку выходит далеко за рамки их самих. Результаты, полученные на этих объектах, позволят сделать общие выводы и существенно повлияют на направление будущих исследований. Одним из наиболее впечатляющих из них является открытие системы низинных крепостей, выявленных на основе вышеупомянутых изысканий, которая в настоящее время насчитывает более 100 объектов, построенных по необходимости в 1241 году (Rosta, 2018b). Археологическое наследие монгольского нашествия можно точно определить на основе комплексного изучения объектов, выявленных по характерным наборам артефактов, а также благодаря развитию и широкому распространению в последнее десятилетие таких технических средств, как геофизические методы, беспилотная съемка, металлоискатели и некоторые IT-программы. Помимо кладов, составляющих основную группу находок монгольского наследия, теперь можно выявить и другие типы предметов и явлений, косвенно связанных с этим горизонтом. Кроме того, новые археологические находки позволяют провести более глубокий исторический анализ

достоверности свидетельств современников. Новые результаты также свидетельствуют о растущем использовании металлоискателей в музеях, которые сегодня все чаще применяются по всей стране, чтобы помочь гражданам найти сокровища, спрятанные от монгольских орд. Сегодня в нескольких местах (Бугац, Санк и Тазлар) (Bugac, Szank, Tázlár) ведутся восстановительные работы, чтобы сделать остатки монгольского нашествия доступными для общественности и сохранить память для потомков.

Благодарности:

Рисунки составлены Péter Óvári в рамках проекта PPKE-BTK Mester és Tanítványa. Русский перевод отредактирован Игорем Кимом (археолог, Санкт-Петербург, Россия), английский перевод отредактирован Attila Weldon.

ЛИТЕРАТУРА

Bakos G., Sipos E., Tóth Cs., Wolf M. Tatárjárás kori kincslelet az abaújvári ispáni várból / Magyar Régészet No. 9. Budapest: Archaeolingua, 2020. С. 52–61. https://doi.org/10.36245/mr.2020.4.3

Buzár Á., Bernert Zs. Bugac-Felsőmonostor-Csitári tanya és Kiskunmajsa-Jonathermál tatárjárás kori lelőhelyek csontmaradványainak embertani vizsgálata / Archaeologiai Értesítő No. 143. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2018. С. 203–213.

Fettich N. Ötvösmester hagyatéka Esztergomban a tatárjárás korából (Hinterlassenschaft eines goldschmiedes in Esztergom aus der Zeit des Tatareneinfalles) / A Komárommegyei Múzeumok Közleményei No. 1. Tata: Komárom Megyei Múzeumok Igazgatósága, 1968. С. 157–196.

Fodor I. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabung des Dorfes Szabolcs-Kisfalud im Jahre 1971–73. / Folia Archeologica No. 26. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1975. С. 171–182.

Fodor I. Vorbericht über die Ausgrabungen am Szabolcs-Vontatópart und in Szabolcs-Kisfalud / Acta Archaeologica Academiae Scientiarium Hungaricae No. 28. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia 1976, С. 371–382.

Füredi Á., Király Á., Pópity D., Rosta Sz., Türk A., Zágorhidi Czigány B. Balta alakú amulettek a Kárpát-medence 11–12. századi hagyatékában. Régészeti megfigyelések a miniatürizált tárgyakról, valamint a kora Árpád-kori rusz–magyar kapcsolatok kérdéséről (Axe-shaped amulets among the 11th- and 12th-century finds in the Carpathian Basin. Archaeological observations on miniature objects and on the issue of Early Árpád-Era Rus–Hungarian) relations. // Türk A. et al. (eds.) A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. II. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensiae No. 3.2. Budapest–Esztergom: Archeolingua 2017, 413–464. DOI 10.55722/Arpad.Kiad.2017.3.2_20

Gallina Zs., Gulyás Gy., Kotán D., Pánya I., Rosta Sz. Tatárjárás Tázláron // Emlékkönyv a Thorma János Múzeum 145. évfordulójára. Halasi Múzeum No. 5. Kiskunhalas: Thorma János Múzeum 2021, С. 25–44.

Gulyás Gy. Egy elpusztult tatárjáráskori ház Cegléd határában // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Ред. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, С. 29–56.

Gulyás Gy., Gallina Zs. Magányos kun lósír Csanádpalotáról // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Ред. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, С. 151–168.

Gyucha A., Rózsa Z. „…egyesek darabokra vágva, egyesek egészben": A tatárjárás nyomainak azonosítási kísérlete egy dél-alföldi településen // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Ред. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, С. 57–68.

Horváth F. A csengelei kunok ura és népe. Budapest: Archaeolingua, 2001. 356 с.

Pánya I., Rosta Sz. „Ecclesia cum duabus turribus…" Egyháztopográfiai kutatások a Duna–Tisza közén // A középkor kutatásának újabb eredményei Bács-Kiskun megyében. Ред. Lantos A. Kalocsa: Viski Károly Múzeum 2024, 153–181.

Pusztai T. Buzogánnyal, tarsollyal és késtok merevítővel eltemetett halott a muhi csatából // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Ред. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, С. 141–150.

Rosta Sz. Pétermonostora pusztulása // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Eds. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, C. 193–230.

Rosta Sz. A tatárjárás régészetének újabb távlatai két kiskunsági lelőhely eredményeinek fényében / Archaeologiai Értesítő No. 143. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2018. 151–196.

Rosta Sz. Egy új lehetőség kapujában – tatárjáráskori védművek a Kiskunságban // Genius Loci – Laszlovszky60. Eds. Mérai, D. et al. Budpest: Archeolingua, 2018. C. 186–192.

Rosta Sz., Pánya I. Gondolatok a síkvidéki középkori erődítésekről – egy topográfiai kutatási program váratlan hozadéka // Arceologia Cumanica 5. Ed. Somogyvári Á. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum, 2022. C. 275–335.

Szilágyi M., Serlegi G. Nád közé bújtak…? Egy a tatárjárás során elpusztult település maradványai Dunaföldvár határában // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Eds. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, C. 127–140.

Sz. Wilhelm G. „Akiket nem akartak karddal elpusztítani, tűzben elégették" Az 1241. évi pusztítás Szank határában // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Eds. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, C. 81–109.

Wolf M. Hejőkeresztúr-Vizeközze. Árpád-kori település a XI–XIII. századból (Hejőkeresztúr-Vizeközze. Settlement of the Árpád period from the 11th–13th century) // Utak a múltba. Az M3-as autópálya régészeti leletmentései. Eds. Raczky P. et al. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum 1997, C. 139–143.

Wolf M. Árpád-kori település Hejőkeresztúr határában. (Ansiedlung in der Feld für Hejőkeresztúr aus der Arpaden-Zeit) // A népvándorláskor fiatal kutatói 8. találkozójának előadásai. Veszprém, 1997. november 28–30. Ed. Perémi Á. Veszprém: Laczkó Dezső Múzeum 1999, C. 166–178.

Wolf M. Régészeti adatok a muhi csata történetéhez // „Carmen Miserabile" A tatárjárás magyarországi emlékei. Tanulmányok Pálóczi Horváth András 70. születésnapja tiszteletére. Eds. Rosta Sz., V. Székely Gy. Kecskemét: A Kecskeméti Katona József Múzeum 2014, C. 69–80.

Информация об авторах:

Сабольч Рошта, археолог, PhD, директор музея Kecskeméti Katona József Múzeum (г. Кечкемет, Венгрия); rosta@kkjm.hu ORCID: 0009-0006-6641-9666

Иштван Панья, географ, PhD, зав. отделом музея Kecskeméti Katona József Múzeum (г. Кечкемет, Венгрия); Panyaistvan@gmail.com ORCID: 0009-0007-1807-2183

Жолт Галлина, археолог, Ásatárs Kft. (г. Кечкемет, Венгрия); gallinazsolt@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9088-9039

Дьёндьи Гуяш, археолог, Ásatárs Kft. (г. Кечкемет, Венгрия); ggyongyi77@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3667-2525

Аттила Тюрк, PhD, Старший научный сотрудник Центр гуманитарных наук HUN-REN (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@abtk.hu ORCID: 0000-0001-9199-0019

About the Authors:

Rosta Szabolcs, archaeologist, PhD, director of Kecskeméti Katona József Múzeum (Kecskemét, Hungary); rosta@kkjm.hu

Pánya István, geographer, Phd, head of department of Kecskeméti Katona József Múzeum (Kecskemét, Hungary); Panyaistvan@gmail.com

Gallina Zsolt, archaeologist, Ásatárs Kft. (Kecskemét, Hungary); gallinazsolt@gmail.com

Gulyás Gyöngyi, archaeologist, Ásatárs Kft. (Kecskemét, Hungary); ggyongyi77@gmail.com

Türk Attila, archaeologist, PhD, habil., senior researcher, HUN-REN Research Centre for the Humanities (Budapest, Hungary); turk.attila@abtk.hu

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Известия археологической комиссии
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ СО РАН – Институт географии СО РАН
ИИМК РАН– Институт истории материальной культуры РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КазГИК – Казанский государственный институт культуры
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
ККНИИГН ККО АН РУз – Каракалпакский научно-исследова-тельский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан
ККО АН РУз Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан
КИО – культурно-историческая общность
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАР – Материалы по археологии России
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МарГУ – Марийский государственный университет
МАЭ – Марийская археологическая экспедицияк
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ Международный институт центральноазиатских исследований
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ – Советкая этнография
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археологической экспедиции
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Федеральная служба по наздору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Реестровая запись от 28 августа 2020 г. серия ПИ № ФС77–79080
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Республика Татарстан, Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 24.06.2024
Дата выхода в свет 28.06.2024
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 53,01
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
420015, Республика Татарстана, г. Казань, ул. Галактионова, 14

